

821(54)

С47

ГОДЫ Орлиные

роман

Николай СЛЕПЦОВ

Николай СЛЕПЦОВ

ГОДЫ ОРЛИНЫЕ

РОМАН

Караганда, 2013

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)-44
С 47

С 47 Слепцов Н.

Годы орлиные: роман / Николай Слепцов. - Караганда: Арко, 2013.
- 440 с.

ISBN 978-601-204-170-5

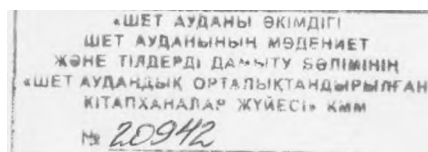
Книга рассказывает о настоящей мужской дружбе людей, с детства переживших большие трудности — войну, голод, изнурительный труд. Встретившись в железнодорожном училище, парни дают клятву оставаться верными дружбе, какие бы экзамены ни устраивала им судьба. После окончания училища их распределяют на станцию Орлиная, где жизнь сурова и проверяет людей на прочность.

В основе романа "Годы Орлиные" лежит автобиография самого автора, Николая Андреевича Слепцова, который после училища со своими друзьями был распределен на станцию Агадырь и сорок лет отдал "железке". 700-страничная рукопись много лет пролежала в его столе. В свои 76 лет автор решил издать свою книгу, которая передает дух ушедшей эпохи, воскрешает понятия честности, порядочности, товарищества.

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)-44

Над книгой работали:

Текст: С. Коханова, К. Круглов
Набор и оформление: Ю. Александрова,
Л. Зенгер,
Ю. Билушенко

ISBN 978-601-204-170-5

© Слепцов Н., 2013 г.

Предисловие

Говорят, что каждый человек может в своей жизни написать хотя бы одну талантливую книгу, потому что сама наша жизнь предоставляет богатейший литературный материал, и главное тут — не лениться. Но большинство из нас, увлеченные этим самым процессом жизни — суетой, проблемами, ссорами-расставаниями — не видят в своем существовании ничего особенного, не умеют восхищаться делами своих рук, друзьями, любимыми. А если и умеют, то времени не находят даже на собственноручно написанную открытку. И правда, зачем напрягаться, искать слова, если можно купить открытку готовую и просто черкнуть подпись? Минутное дело...

На этом фоне роман Николая Андреевича Слепцова вызывает удивление, восхищение и даже зависть. Он создавал его восемь лет! На старенькой машинке "Москва" печатал страницу за страницей. Перечитывал, что-то переписывал... В результате появился труд, которым будут гордиться его внуки и правнуки, земляки и коллеги. Хочется в это верить...

76-летний автор смог передать темперамент людей ушедшей эпохи. Дети послевоенной поры, они знали цену словам "честь", "совесть", "дружба". Работали, не жалея себя, мирились с бытовыми проблемами, гордились результатами своего труда, такого нужного для великой советской страны... Но ориентиры сменились: коммунизм закончился, пришел капитализм. Вчерашние герои труда очень болезненно восприняли новую идеологию, когда каждый сам за себя. А потом их проводили на пенсию, скромно пожав руку и пожелав не болеть. И никому теперь не интересны их переживания, не нужен их опыт. Такая вот американская сага, но без хэппи-энда.

"Депо и железной дороге мы отдали по сорок лет жизни, — рассуждает герой романа, потрясенный разительными переменами в жизни, отъездом и потерей друзей и близких людей. Он потрясен, но не сломлен, пытается найти точку опоры. — Теперь мы — старики, значит, можем подводить итоги. Деревьев мы с тобою посадили для Орлиной целый лес, построили дом и жизнь свою, вырастили сына. В совокупнос-

ти это может означать, что жили мы не зря, небо не коптили, а все хорошее, сделанное нами, пусть остается людям. Сейчас народилось новое поколение. Может, оно с благодарностью примет ценности своих отцов и дедов?"

Без таких романов, как "Годы Орлиные", новое поколение вряд ли будет знать о ценностях своих отцов и дедов. Время безжалостно стирает имена и даты. Кто сегодня вспомнит целину, первые электровозы, комсомольские свадьбы, стройки века и лозунг: "Человек человеку друг, товарищ и брат"? Так что в этом плане роман Николая Слепцова можно назвать имеющим историческое значение.

"Годы Орлиные" — роман автобиографичный. Станция Орлиная — это поселок Агадырь, в котором сам Николай Андреевич Слепцов оказался после окончания железнодорожного училища. В Агадыре он женился, работал сорок лет на "железке" слесарем локомотивного депо и снабженцем и живет ныне, создавая стихи и прозу.

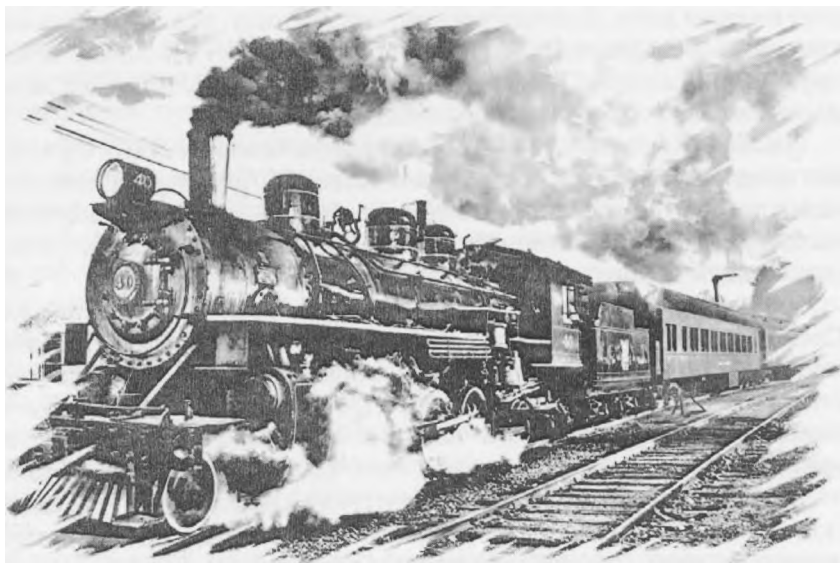
Умение наблюдать и анализировать происходящее позволили Слепцову показать жизнь рабочих людей, какая она есть, и одновременно раскрыть логику действий происходящего, охватить общий план. Именно многоплановость придает роману особенный колорит, наполняет его глубиной. Это талантливое художественное произведение, в котором кто-то узнает себя, а кто-то предпочтет себя не узнавать.

Караганда в романе названа Углеградом, Жезказган — Медногорском. Меняя названия населенных пунктов, автор, по всей видимости, хотел расширить границы своего повествования, показать — так жила вся большая страна... Но описание своеобразной природы, особенностей быта у карагандинского читателя сомнений не оставит: это же все про нас!

И останется позавидовать агадырским железнодорожникам: надо же, как достойно воспет их труд! Шахтеров так не воспевали! У автора хватило характера, упорства, таланта отразить на бумаге целый пласт жизни железнодорожного поселка. Он бросил вызов времени, не позволив ему стереть из памяти то, что дорого, имена тех, кто был рядом и оставил в этом краю свой зримый след.

Светлана КОХАНОВА,
директор издательского дома "Классик"

ЧАСТЬ I

Глава 1 Знакомство

Ну, академики, рассаживайтесь, и трошки поговорим. Меня зовут Василий Семенович Коляда. Это, — Коляда взглянул на человека справа от себя, — зам по ремонту Александр Федорович Зотов. Кто с ним рядом? Старший мастер, ваш будущий бог и наставник Анатолий Андреевич Михнюк. Владимира Михайловича Каскырбаева, начальника отдела кадров, вы знаете — он приезжал вас сватать. С остальными товарищами познакомитесь в работе. Как устроились? С жильем уладили?

— Все в порядке, — подал голос на нашей стороне Пашка Веселовский. — Общежитие холостых рабочих Орлиной, или ОХРО, как здесь говорят, вполне нормальное.

— Ну и добре. Только хай таким нормальным оно будет всегда. Не секрет, вы хлопцы молодые, начнете работать, заведутся гроши, а там и в рюмку заглянуть потянет. Ведь не святые, правда?

"Конечно, не святые, чего греха таить", — подумал я, украдкой изглянув на остальных пятнадцать своих товарищей, с кем за два года столько съедено училищной каши. Мины серьезные, непроницаемые, а в глазах стальная холодность: какое чудовищное подозрение! Даже у Пашки Веселовского, в училищные времена выпивавшего на спор прямо из горлышка бутылку "Московской", и то ни один мускул на лице не дрогнул. Ну прямо святоши все, железные ребята!

А Коляда тем временем продолжал:

— Вот смотрю я в список — каждому из вас девятнадцать-двадцать лет. Не так, чтобы совсем мало, но уж и не совсем много. Возраст, из практики, самый что ни есть экспансивный да задиристый. Бывали у нас всякие, с некоторыми даже пришлось расстаться: подгуляют, бывало, и пошел кромсать мебель, зеркала. А это все наше, деповское, оно денежки стоит! Общежитие у нас хоть и старенькое, но обстановка в нем обновлена, беречь ее мы с вами должны, как свою.

И здесь нравоучения, в душе кипятился я. За два года в училище осточертело: то нельзя, это нельзя, там не сломай, здесь не выпачкай, там не выпей, здесь не закуси... Понимает, что не мальчики мы уже, а толкует, как с несмышленищами. Видно, все начальники по природе одинаковые: уговаривать, разьяснять, вдалбливать — их профессия, а этот так и вовсе не меньше как зануда из зануд.

— А ведь мы, по сути, только оперяться да прихорашиваться начали. Какими мы были пару-тройку лет назад? Дым, копоть, грязь. Паровозы и сейчас еще проскакивают к нам с черного хода, и их приходится ремонтировать. Смотришь — красавец-тепловоз и эта коптилка: контраст разительный! Но не скрою, душа болит, когда подумаю о судьбе последнего паровоза, какой уйдет из деповских ворот на боковую стоянку, а то и на переплавку... А сколько эти работяги потрудились на своем веку! Поистине, век человеческого сердца! Я это к тому нам, хлопцы, чтоб вы знали, какие трудности пришлось перенести нам, ветеранам Орлиного депо. Рад, что вам этого видеть и испытать не придется, вы должны быть счастливее нас.

А дядька ничего, подумал я, внимательно, даже несколько наглова-

то разглядывая Коляду. Вижу, и Пашка с Алеко ловят каждое слово, об остальных и говорить нечего — слушают, как гусаки, вытянув шеи и смиренно сложив на коленях свои белые руки-крылья.

— Наше депо, или ТЧ-5, возникло в 37-ом году. Была это попервах обычная каменная халабуда на две канавы. В маленькой пристройке два станка — токарный и сверлильный, да паровой молот с наковальней; на канавах — единственная таль. Вот и вся механизация. К сорок первому году немного разбогатели, несколько расширились, кран-балку установили, кое-какими станками разжились. А началась война — сколько их тут, бедолаг, побывало, этих паровозов с передовой! Искореженные, искалеченные — жутко смотреть! Казалось, вовек им никакой ремонт не поможет, только на металлолом им дорога. Ан нет, глаза боялись, а руки делали, да как делали, в какие сроки! Надо, фронт требовал эту мощную движущую силу. Вели, образно сказать, движение. Движение — это жизнь материи, Вселенной, а на войне — это жизнь армии, войска, всей военной машины, в итоге и самого государства. Хорошее ритмичное движение в мирное время — это мощь страны и благосостояние народа; это, без преувеличения, уверенный шаг в будущее. В нашей республике, небогатой водными ресурсами и хорошими шоссейками, железная дорога остается основной транспортной артерией, где вам и предстоит начинать, как говорится, свою рабочую биографию... Вот и все, хлопцы, чего мне хотелось сказать вам, вступающим на свой трудовой путь в нашем, а теперь и вашем депо станции Орлиная. Люди у нас хорошие, коллектив здоровый. Смело вливайтесь в наши ряды, и будем вместе трудиться, готовить локомотивы для перевозки народно-хозяйственных грузов и наших советских пассажиров!

Коляда наконец закончил и как-то устало опустился на стул. Мы хорошо видели — вспотел старик, несколько прозрачных бисеринок скатились по вискам за воротник форменного, черного с синевой кителя.

— Продолжайте, Александр Федорович, — сказал Коляда Зотову, вытирая темным клетчатым платком лицо и шею. Переложив несколько листов, он один из них протянул заместителю. Зотов, пробежав глазами столбец фамилий, сказал:

— В нашем депо двенадцать цехов. Один из них, дизельный — самый большой, по-своему сложный, по-своему же ответственный. Ну, и денежный — расценки высокие. Но и в других цехах платят неплохо. Перечислю остальные: это автоматный, топливный, аккумуляторный, экипажный, скоростемерный, электроцех, дизельный заготовитель-

ный, механический, колесный, хозяйственный, секционный. Ну, механический и хозяйственный пока не для вас: вы — слесари тепловоза, два года вас не зря учили. Кто в каком цехе желал бы работать? Начнем по порядку, как в списке... Бейманов Михаил!

— Я, — раздалось на нашей половине, и мы все повернули головы в сторону Михаила. — Хочу в экипажный, практику проходил по этой группе.

— Вот и правильно. Пожалуй, самая ответственная работа — это у экипажников. Вверху какая железка полетела, скажем, компрессор, гидромурфта или даже сам генератор — попросил локомотив взамен, и поезд пошел дальше. А вот полетит какая железяка в ходовой части — горя не оберешься.... Ну, пойдем дальше. Баймуханов Болат!

— Тоже!

— Веселовский Павел!

— Где больше платят.

— Понятно... Дундич Александр!

— Дизельный.

— Морозов Владимир!

— Врожденный дизелист, — бойко выкрикнул я.

— Смотри, Анатолий Андреевич, — обратился Зотов к Михнюку. — Ребята крепко денежки любят, а значит, и работать будут, чтоб тыщи получать.

— Дай Бог, пусть хоть миллионы, абы честно да по совести...

А я, по правде, в эту минуту о заработках и не думал. Главное, с Пашкой Веселовским и Александром Дундичем, нашим Алеко, однофамильцем известного придунайского революционера, будем в одном цехе работать. Вдруг какие трудности — поможем друг другу, как это случалось всегда с тех пор, как мы сдружились.

Посмотрел на Пашку и Алеко — улыбаются. Вижу, эта мысль сейчас и у них. И мне так захотелось по-братски обнять их, паразитов, сумевших за два училищных года просто влюбить в себя мое бедное сердце.

Никогда не забыть мне, как накануне первых летних каникул в 1958-ом Пашка спросил:

— Старик, ты куда-нибудь собираешься из своей Белозерки? Или будешь киснуть в четырех стенах? Ты дальше семафора когда-либо высовывал нос и видал ли за свои девятнадцать лет, как растут яблоки, груши, вообще фрукта всякая?

Господи, о чем он спрашивает? Конечно, нигде я не бывал и ничего не видал. Дальше Приесильска, нашего областного центра, нога моя дей-

ствительно не ступала. А Приесильск-то от Белозерки — три часа поездом. Выходило, прав Пашка: дальше семафора бывал я очень недалеко.

— Ну так махнем ко мне на житомирщину? Собственными глазами побачишь наикрайшую Украину, даже из окна вагона не устанешь ею любоваться, столько в ней своеобразия, неповторимой красоты и молодости. А яки у нас чаривни дивчата — краше немає на всей земле! Ждут уже нас, старик, в Крашановке. Я недавно написал, мол, приеду с моим лучшим другом. Неудобно подводить. Думаю, семеро по лавкам у тебя не бегают, матушка какую-то денежку даст, а билет у нас бесплатный — мы все-таки учащиеся железнодорожного училища, значит, железнодорожники.

Звал меня на каникулы с собою и Алеко Дундич. Свою Белоруссию и родные Баневичи он расписывал в таких радужных красках, какие высвечивали только одно — это край беспредельного благоденствия!

— Не слушай их, Вольдемар, — вмешивался в наш разговор и Анатолий Шаповалов. — Они тебе лапшу на уши вешают, ты и раскапустился. Поедем лучше ко мне в солнечную Молдавию. Ну что в Белоруссии? Бульба. У тебя, Павло, в Хохдандии — сало да борщ украинский. У нас же тебя накормят закуской богов — мамалыгой, да преподнесут божественно-янтарного вина, от какого по жилам растекается солнце, радужнеют глаза и любить хочется.

Заманчивые были предложения, но выбрать следовало одно...

Как-то уже перед самыми каникулами мы вновь вернулись к нашему так и не решенному вопросу — куда и с кем мне ехать. Я хорошо понимал: Павло с Шуриком, тот же Анатолий Шаповалов со своей молдавской экспансивностью, вполне искренне хотели вытащить меня, пещерного человека, как они выражались, на свет божий. Их

несказанно удивляла моя, по их словам, темнота и забитость никогда не бывавшего в Москве и не видевшего метро, не имевшего представления о троллейбусе, электричке, как ходят трамваи.

А когда выяснилось к тому же, что я понятия не имею, как растет всякая там фрукта, у друзей появилось неодолимое искушение первым облагодетельствовать неискушенного степного человека, открыть ему глаза на свет божий. В этом споре приоритетов был сокрыт, казалось, неперемный подвиг, и подвиг совершенно бескорыстный — только ради дружбы.

Я молча слушал бахвальство своих друзей и однажды, когда разговор вновь завертелся вокруг предстоящих каникул, сказал им:

— Старики, хорошие вы ребята и кулики преотличные! Да, я тем-

ный, первобытный, нигде не бывал, ничего не видал, многого не знаю, не ведаю, а потому готов ехать с любым из вас, ведь вы мои лучшие друзья и ко всем вам я отношусь одинаково.

Я только из географии знаю: есть райские места, как Украина, Белоруссия с ее лесами, Молдавия с ее виноградными винами, какая-то Ливадия да Черное море, курортная Ялта с Сочами, река Волга да чудный Днепр, красавец Урал да столица Москва с ее метро и Мавзолеем. Как все это выглядит, я не знаю, а потому, коль вы так хотите помочь мне взглянуть на всю эту дивность и красоту, давайте устроим маленькую лотерею.

Так и сделали. Друзья выпроводили меня из комнаты, на трех одинаковых лоскутках бумаги написали "Украина", "Белоруссия", "Молдавия", туго скрутили их в своеобразные "сигареты" и бросили в Пашкин берет. Вернувшись в комнату, я вынул одну из этих скруток и тут же развернул листок. В нем оказалась "Украина".

— Конечно, — огорченно заговорили Алеко с Анатолием, — Это все Пашкина шапка-невидимка помогла! Надо было в нейтральную емкость бросить, скажем, в чашку, тогда все вышло бы по-честному. Ну, ладно, пусть Мороз знакомство с цивилизацией начнет с Украины, а там жизнь покажет...

— На этом, товарищи, — вдруг услышал я громкий, как мне показалось, голос Михнюка, вернувший меня из нахлынувших так некстати воспоминаний, — мы и закончим наше знакомство. Свои рабочие места и смены вы знаете. Получайте спецовку, а завтра, пожалуйста, без опозданий. С первых же дней приучайте себя к порядку и дисциплине — очень пригодится в жизни... А сейчас улаживайте свои дела, походите по цехам, познакомьтесь с доской почета: там есть и ваши сверстники, полюбуйте спортивными трофеями деповчан. В общем, займитесь полезным делом. Итак, до завтра...

— Да, неплохой мужик начальник депо, — сказал молчавший до сих пор наш неизменный староста Федор Гелазиев. — Принял в своем кабинете, а не где-то в комнатке мастеров или у кого-то из замов. Наверно, молодые кадры тут приветствуют, особенно тепловозные. Здесь есть уже парни из Ростова, вот и мы из Приесильского училища нарисовались. От нас требуется одно: на хорошую встречу — хорошую работу от каждого.

— Да уж не подведем, Акзамыч, — сказал Пашка.

— Все же не перевелись у нас еще любители стопарик пропустить, подраться, нагрубить начальству...

—Да нет, Акзамыч, — заступился за всех Пашка. — Мы теперь не такие. Конечно, без стопарика в принципе нельзя, организм ведь очищать надо, поднимать тонус да активизировать наши клетки, но все в меру. Не подведем, мы ведь теперь самостоятельные!

—Хотелось бы, Павло, верить...

Крути не верти, а Федору мы могли только посочувствовать. В нашей одиннадцатой группе мы единогласно избрали его старостой, и все два года учебы он добросовестно стоял на страже соблюдения нами правил училищного распорядка, воспитывал в нас чувство ответственности во всем, чем мы жили, хотя и был всего на год-другой старше нас.

Обязанностей у старосты имелось немало, однако он умел крутиться, по-настоящему удивляя нас: когда успевал со всем управляться? В нашей группе порядок, как говорил наш производственный мастер Федор Дмитриевич Небесный, соответствовал норме. В училищном же масштабе, среди остальных двенадцати групп, в трехсотенном коллективе молодой мужской поросли, дисциплина все-таки желала улучшения и стабилизации.

Федор Дмитриевич — ФД — и Федор за свою группу оставались спокойны, но на старостате, куда входило все руководство училища и старосты групп, вскрывались серьезнейшие деяния, от каких, по словам Небесного, голова ходила кругом и кое-что в той голове просто не укладывалось. А причина тому — все те же триста, как говорил ФД, недорослей, триста характеров, триста непрочтенных человеческих историй, судеб, жизней.

Как отмечали два Федора, среди училищной армады можно было встретить людей любого сорта: имелись тут великовозрастные Митрофанушки и таинственные Печорины, загадочные Онегины и властные Скалозубы, влюбленные Молчалины и экспансивные Грушницкие, отчаянные Сергейи Тюленины и в корень закомплексованные комсомольской страстью Павки Корчагины. В Приесильске этот разнородный контингент оказался больше волею судьбы, нежели какого-то плана. Целинная эпопея сорвала с насиженных мест не одну тысячу людей, среди которых молодая поросль, ринувшаяся, как говаривали повсеместно, на ловлю счастья и чинов, составляла как бы не половину.

Целина по своей специфике требовала мужества и самоотдачи, истинного героизма и величия души. Те, кто не прибил на ней, разочаровался в первых главах целинной эпопеи, не приняв ее настоящего, не поверив в ее будущее, возвратились домой, в родные обжитые ме-

ста. Другие, кого влекла романтика, подались в областной Приесильск в надежде попытать свое счастье там; жэушный набор 1957 года оказался в большинстве своем именно таким.

Приесильское железнодорожное училище в январе 57-го объявило о приеме учащихся на различные железнодорожные специальности, а в марте, задолго до привычного сентября, начались занятия. Небывалым плюсом этого старого железнодорожного, как нередко шутили его обитатели, рабфака являлось двухгодичное обучение на полном государственном, по типу солдатской службы, обеспечении. Для страждущих, ищущих и неудачников это училище стало поистине спасательным кругом. Оставалось только одно — учиться.

Пашка, Алеко, Федор, Анатолий Шаповалов, Вовка Чугунов и еще несколько человек из нашей группы как раз и были пришельцами с целинных и залежных земель. Уж не знаю, как ломала их судьба на безбрежных целинных просторах, но в училище ребята служили примером для многих. Может, они рано начали взрослеть, и различные жизненные коллизии каждого заставили серьезнее думать о жизни не одним днем, а на перспективу, на свое будущее?

О будущем, по правде, мы никогда не говорили, да и не представляли, каким оно должно у нас быть. Молодости несвойственно планировать свою жизнь. Мы как должное принимали нашу обычную повседневность, все остальное интересовало нас постольку-поскольку. Главное, у нас имелась крыша и вся наша группа. Как и два года назад, теперь мы были в еще большей ответственности друг за друга, заставляя себя оставаться расположенным к товарищу и готовым при первой же необходимости прийти на помощь. Это было неписаное правило, какому мы пока не изменяли.

—Друзья, давайте сначала получим спецовку, — предложил Вовка Чугунов. — Отнесем в общагу, потом уж прошвырнемся по Орлиной: надо же узнать, есть ли какая-нибудь харчевня да клубишко. По всем признакам, эта дыра из дыр. Видно, не от хорошей жизни приезжали нас сватать.

—Брось, Вовка, преждевременно катить баллоны, — возмущенно бросил Анатолий Шаповалов, — Надо сперва оглядеть ее анфас и в профиль, потом уж и судить, действительно ли орлиные крылья у станции Орлиная.

—Куда там орлиные, — кипятился Вовка. — Дохлой вороны крылья!

—Ну, это явно преждевременное сравнение, друг мой, — парировал

Анатолий,— Запомни, друже, не все то золото, что блестит. Поживем вот малость, познакомимся, поваримся, посмакуем, а там уж и определим, оправдывает ли эта станция такое возвышенное название...

Глава 2

Орлиная глазами гостя

Со всеми делами в депо мы справились без проволочек: оформили необходимые бумаги, получили спецодежду и, как советовал старший мастер Михнюк, познакомимся со спортивными достижениями деповчан, потолкались у доски почета.

— Негусто, — заметил Федор Гелазиев. — Дизелистов всего один, да ходовиков двое, электрик один, обтирщица одна...

— А кому здесь работать? — не унимался Вовка Чугунов. — Только на командированных да таких, как мы, и выезжают!

— На тебе выедешь! — съязвил Федор. — Где сядешь, там и слезешь... Кто-то же должен работать даже в этой, как ты все нудишь, дыре? Да и не такая уж это дыра. Есть места, как мы знаем, много хуже.

— Хуже не бывает, — горячился Вовка. — Ведь на сотни верст отсюда ни кустика, ни лужицы подходящей — одна мертвая степь, солончаки да серые безжизненные сопки. Кроме сусликов, здесь ничто живое не водится. Мне еще до приезда сюда рассказывали, какое это гиблое на земном шаре место, а теперь я и воочию убеждаюсь.

— А мне другое рассказывали, — вступил в разговор молчавший до сих пор Александр Дундич. — Конечно, далеко не Белоруссия, а подлесьи, околки, даже целые лесные массивы в этих краях есть, и вовсе даже недалеко. Есть речки, небольшие озера и даже рыба в них... Так что работай, Чугунидзе, копи денежки на транспорт и выезжай на лоно природы! А насчет удрать, старик, повремени: четыре годика отдай государству, тогда и уезжай. Два года тебя кормили, одедали-обували? Карандаши-тетрадки давали? Уму-разуму учили? Так будь добр, отработай за все это там, где необходимо нашему МПСу, а потом хоть в Ливадию поезжай, если тебя еще пустят туда без намордника.

В который раз за сегодня незначительный спор грозил перерасти в

откровенную брань с крепкими словечками, если бы не Пашкин неожиданный голос:

— Тише вы, курвецы! Смотрите, какие красуленьки плывут!..

Вдоль механического цеха по направлению к выходу из депо веселой гурьбой шли девушки, человек семь. Когда они поравнялись с нами, Пашка бойко выкрикнул:

—Привет рабочему классу!

Девушки повернули головы в нашу сторону, некоторые прыснули в кулак, а одна из них бросила:

—Привет лодырям!

Нам ничего не оставалось, как принять словесную пощечину красной незнакомки.

—Смотри, боевая, как Жанна д'Арк, — сказал Пашка, когда девчонки уже выходили из депо. — На обед, наверно, пошли...

Взглянув на часы, Пашка встрепенулся:

— И правда, братцы, уже обед! Давайте и мы поспешим. Помните заповедь — война войной, а обед по расписанию? Мой дирижабль и впрямь пустой да мягкий, точно бурдюк после выпитого кумыса.

Договорились: познакомимся со своими рабочими местами, чтобы завтра не тыкаться, как слепые котята, а там и на обед отправимся. После же будем знакомиться с Орлиной — уж больно недружелюбно настроены к ней Вовка Чугунов и другие ребята.

...Так вот такая она, станция Орлиная! Два десятка серых двухэтажных домов, разбросаны в каком-то беспорядке, без улиц, будто кто-то шулки ради или из злого умысла сделал это. На крыше каждого дома по восемь дымовых труб — значит, дома шестнадцатиквартирные. Эти сведения выдал нам всезнающий Вовка Чугунов.

—А может, у кого две печи, а то и три? Морозы здесь — дай Боже, — попробовал возражать Анатолий Шаповалов.

—Исключено, — утверждал Вовка. — Типовой проект. Мой батя по этой части дока, малость и я у него нахватался.

—А чего ж дома ни одной порядочной улицы составить не могут? — попытывался Анатолий. — Или строители без всякого плана их лепили?

—Как батя мой рассказывал перед распределением сюда, какой-то архитектор в 37-40-ом так спланировал дома Орлиной, что с самолета они фашистский знак напоминают. Правда сие или нет, только архитектора того куда-то упрятали, а дома так и остались немой укором человеческой глупости, безответственности, халатности, а может, и прямого вредительства.

Мы видели: дома в Орлиной в общем-то прочные, добротные, но слишком обросли пристройками, сараюшками, летними кухнями, банями, сеновалами. Это беспорядочное скопление сараюшек и хлевушек больше напоминало село, чем рабочий поселок.

— Ну вот, смотрите, — не унимался Вовка Чугунов. — Кругом навоз, грязь непролазная, у каждого дома помойка с горами золы. Наше общежитие тоже с печным отоплением, ни одного дома с центральным, даже школа и интернат. Да здесь и понятия не имеют об отопительных батареях, а о канализации вообще слыхом не слыхивали — живут себе так, абы жить, да деньги, наверно, лопатой гребут, иначе на кой хрен хоронить себя здесь заживо?

— Но люди-то живут, — заметил Володя Проказов. — И не такая мезоза как мы — начальник депо, например, инженеры, другие руководители, учителя, врачи, какие-то власти да шишки. Мы-то кто такие? Простые слесари по ремонту тепловозов — мелочь пузатая, а еще хорохоримся.

Каждый из нас мысленно согласился с его доводами, и только упрямый Чугунов-Чугунидзе не мог так просто сложить оружие.

— Не живут, а отживают, — парировал он. — Судьба, понятно, дура, так как это просто абстракция, и человек совершенно напрасно временами клянет свою судьбу за неудавшуюся жизнь, тогда как надо клясть себя, свою дурную башку в первую очередь. Не сделай мы сегодня сознательно хотя бы шаг к предстоящему бегству отсюда, мы погибнем как личности!

— Во, Чугунидзе снова на любимом коньке, — заметил Анатолий Шаповалов, любивший имена и фамилии друзей переименовывать на свой лад. "Чугунов-Чугунидзе" — тоже его работа.

Мы знали эту его слабость и не обижались; напротив, многим даже нравилось. По правде же, мы завидовали его остроумию и подвешенности языка. В целом Чугунидзе не отставал от Шапа, мы даже называли их "профессорами". Вовку с Анатолием обобщала их начитанность и грамотность — оба после десятилетки, во всей жэушке шли на "отлично". Мы не могли понять, почему такие воспитанные, эрудированные, интеллигентные ребята не рискнули поступить в вуз или какой-то техникум.

Десятиклассников в нашей группе насчитывалось человек десять. Мы же, семи-девятиклассники, неучи, относились к нашим философам с откровенной завистью и почтением. Особой же благосклонностью наши грамотеи пользовались, когда горело написать сверхщипа-

тельное послание избраннице сердца. Проходило какое-то время, и мы платили Анатолию с Вовкой дань — сигареты или "пузырь", беспорядочный признак того, что послания дошли до сердца далеких и близких упрямцев.

...И впрямь, некоторым из нас становилось как-то не по себе от всего виденного, отчего в душе невольно закладывалась боль за собственную судьбу. Ведь половине выпускников нашей группы просто повезло — в областной Кзыл-Орде будут жить и работать, там и трасса асфальтированная вплоть до самой Алма-Аты. В городе театры, музеи, два института, несколько училищ, текстильная и ковровая фабрики, молодежи — море. А тут глазу остановиться не на чем, особенно в хлябь, как сейчас: улицы изуродованы машинами и буксирующими их тракторами, вокруг ямы, рытвины, никаких откосов и водоотводов. На свежий глаз — Мамаево побоище, да и только!

А ведь нам жить во всем этом окружении целых четыре года...

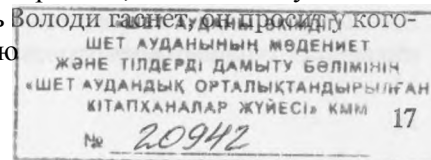
— И как все это люди терпят, мать их? — по-прежнему возмущался Вовка ЧУгунов. — Неужто здесь нет советской власти? Взять бульдозеры, засыпать ямы шлаком — вон сколько его под депо, горы кавказские! Заровнять все, разгладить, как утюгом, и радуйся! Так не делают же ничего, обломовцы чертовые, лодырюги, увальни... Меня просто бесят здешние безобразия, неустроенность, бескультурие, антисанитария!

— Успокойся, Володя, успокойся, дорогой! — нараспев произнес вроде бы безучастный ко всему Федор Гелазиев. — Побереги нервишки, они тебе еще ой как пригодятся. Не надо возмущаться по мелочам, Москва ведь не сразу строилась. Пройдет какое-то время, и здесь будут асфальт, красота, уют...

— Как же, дождешься! — не сдавался Володька. — Орлиной, как известно, лет уже двадцать от роду, а выросла она, похорошела? Хрена с два! Вечность пройдет, мы посеем, но здесь вряд ли что изменится.

— Ну, это слишком, старик! Не надо быть таким пессимистом в столь прекрасном возрасте. Не верить в будущее — значит, не верить в себя, а это равносильно потере собственного "я", человеческой индивидуальности. Я так сужу об этом, друг мой...

Это уже "профессор" Анатолий Шаповалов. Он понимает что простые и безыскусные слова Федора вряд ли утихомиряют в данный момент распалившийся чугуновский темперамент, и спешит ему на помощь. В конце концов, запальчивость Володи так же привычна, как привычен

Кроме серых двухэтажных домов, Орлиную просто облепили частные строения. Обычные саманные хатенки с плоскими крышами уныло глядели на нас подслеповатыми окнами, каких, по правде, хватало и в моей Белозерке. На одной из улиц все же встретилось несколько респектабельных хором под шифером, с богатыми подворьями, сараями, хлевами, банями, сеновалами.

—Наверно, машинисты живут, — заметил все тот же Вовка Чугунов.

—У них заработки не как у простого Ваньки-слесаря.

—Пожалуйста, поработай несколько на ремонте, освой локомотив, а потом подавай заявление на помощника, — сказал Федор. — Это практикуется во всех локомотивных депо. Помнишь, нас в Еремеевке благовали? И общежитие дадим, и даже квартиру, если есть семья, только соглашайся!

—Да, было дело. Может, зря не согласились? Ведь тоже только с паровозов перешли на тепловозы, и кадры требовались, как воздух...

По весенней непролазной грязи мы с трудом продвигались к центру поселка. От депо вели поистине фронтовые дороги — неухоженные, развороченные, неприглядные и пугающие.

—Да, друзья мои, — сказал Федор Гелазиев. — Надо уже сегодня готовиться к первому для нас экзамену на звание рабочего. Железная дорога не терпит лодырей, пьяниц, хулиганов. Недаром всего каких-то два-три года назад на железнодорожном транспорте отменили погоны —дисциплина была военная, а значит, и народ здесь боевой... А правда, друзья, не мешало бы пообедать! Говорят, в этакое захолустье без малого десятков питательных точек, одних только железнодорожных штук шесть или семь: столовая при депо, потом центральная ОРСовская, потом в доме отдыха локомотивных бригад круглосуточная, затем у вагонников пищеблок, у путейцев, у станционников прямо на вокзале...

Федор — высокий, крепкий, стройный парень, спортсмен. В жэушке — нашем железнодорожном рабфаке — он не раз защищал честь, как шутили, своего учпрома и города Приесильска по баскетболу, часто выезжал в столицу на различные соревнования, имел разряд, какие-то грамоты, кубки и даже медали. За все это мы относились к Федору исключительно с любовью, ценили его справедливость, прямоту, силу, честность и донельзя почтительно принимали его добрый татарский акцент.

—Хлопцы, давайте рванем в ОРСовскую столовую, — предложил Вовка Чугунов. — Говорят, там классные поварахи, вежливые и влюбчивые. Надо на них посмотреть и прикинуть, с чем их едят.

Ну, нашей холостяцкой компании только дай подобный повод! Многие из нас не только не ловеласничали, но и вообще не знали поцелуя. Но кое-кто, как, скажем, Пашка Веселовский, мог даже преподавать уроки любовного университета с последующим принятием зачета у ученика и требованием дани — кружки пива или чекушки "Московской", если урок усваивался результативно не только в теории.

ОРСовская столовая оказалась обычной — такие встречаются на любой железнодорожной станции. Правда, здесь больше отдавало провинцией, но провинция для многих из нас была родным пристанищем, домом.

Пашка Веселовский еще юношей ринулся на целину из ридной Украины, без паспорта, лишь с какой-то колхозной справкой. На целине порядком помыкался, но как человек от земли быстро освоился с многими путаными главами целинной эпопеи, выхлопотал паспорт и целый сезон бороздил целину на новеньком ДТ-54 где-то в районе Ковыльной. А потом совершенно случайно попала в руки газета "Приесильская правда", круто повернувшая его жизнь с этим самым Приесильским железнодорожным ликбезом, куда принимали без экзаменов, проводя лишь личное собеседование. Так из разных мест большой страны, кто от плуга, кто от мастерка, а кто просто со школьной скамьи, компоновалась группа слесарей по ремонту тепловозов. Номер ей дали одиннадцатый.

Уже с первых дней из 25 человек как-то сами собой выделились лидеры, сумевшие естественно, непринужденно, даже как-то притягательно вовлечь нас в орбиту своих помыслов. К Федору Гелазиеву тянулся народ болыне непоседливый, слабые искали защиты только у него. Федор им не отказывал, защищал, помогая совершенно бескорыстно, без всякой дани сигаретами или четвертаком водочки, что практиковалось не только в нашей одиннадцатой, но и во всем училище.

Дань, как ни странно, не противопоставляла дающего и берущего, антагонистических отношений не возникало. Напротив, между ними завязывалась своеобразная дружба, о какой незлобиво судачили, завидовали и попросту говорили — не разлей вода.

Мне тоже хотелось дружбы с Федором, но все как-то не находилось точек соприкосновения: спортом я не занимался, считал, что Бог не дал таланта, а потому не наделил ни силой, ни подобающим здоровьем. Александр Дундич, к примеру, по его словам, не знал, с какой стороны у него сердце, ни разу в жизни не потревожившее его коликой,

ущаженным биением или одышкой. Мне же подобные симптомы напоминали о сердце не раз, но по молодости на них я не обращал внимания: курил и выпивал по случаю, не спал, когда другие видели третий сон, не отдыхал, когда ноги подкашивались от усталости, к тому же, никогда не интересовался, с какой стороны вход в поликлинику. Если сердечко когда и прижимало, друзья успокаивали: мол, ерунда это, перерастешь, с годами все стабилизируется; мол, у матери, отца, бабки с дедом подобное тоже случалось в молодости, а они и теперь здоровы, как быки — выпивают, курят, да еще дерутся меж собой.

Как бы пассивно не относился я к спорту, Пашка с Шуриком все же несколько раз вытаскивали меня на стадион убить время, ну и на девчонок поглазеть. А там такие красуленьки порхают — закачаешься! Особого удовольствия от спортивных мероприятий мы, болельщики, не получали, но бегуны, гимнастки, атлетки просто завораживали нас, отчего пришлось записаться в стадионные завсегдатаи.

— Издали смотреть — черня, — не раз возмущался Пашка. — Надо в спортзале пасти этих красулечек!

— Так там же башли платить надо, — возражал Александр. — Даром, сам знаешь, только чирей может соскочить.

— Ну и пусть! Надо искать, добывать эти башли, — не унимался решительный Ромео.

— Если бы знать, где этот клад, можно бы и поискать, — не сдавался Шурик.

— Я слышал, ребята из ФЗО на элеваторе хорошую деньгу заколачивают, — наступал Пашка. — Грузят-разгружают зерно, лопатят его, сушат, а после работы им сразу выдают наличкой. Надо бы и нам попробовать. Как смотришь на такие деяния, старик?

На Пашкино предложение я смотрел абсолютно положительно. Тут же договорились: Пашка без всякой рекламы зондирует все подходы к этому самому "Заготзерно", потом мы трое в свободное от занятий время инкогнито выбираемся из общежития и пытаемся штурмовать элеваторные бастиины.

Наши мероприятия с элеватором себя полностью оправдали: у нас появились деньги не только на спортзал, но и на цветы, конфеты в коробках и духи для хрупких героинь. Конечно, наши вояжи на зерновой объект не остались секретом — желающих последовать нашему примеру оказалось немало, и устройству их мы, как бы в наказание себе, и содействовали.

...Остаток дня после обеда мы провели в общежитии, куда нас посе-

лили накануне. Общежитие каждому пришлось по душе: двухэтажное, светлое, с комнатами на три-четыре человека, а не целое отделение, как в училище. Главной достопримечательностью общаги была просторная душевая, о чем мы всегда мечтали:

групповое хождение в городскую баню всем нам за два года порядком осточертело. Здесь же полная свобода, мойся хоть до посинения, после чего можешь поваляться в белоснежной постели — короче, поблаженствовать.

В ОХРО нам троим, как по шучьему велению, досталась трехместная комната с балконом и видом на главную улицу. Пашка сразу оценил преимущества столь удачного размещения. Мы же с Шуриком в который раз отдали должное хозяйственной расторопности и мужицкой хватке Павла, его умению во все вникать, со всеми ладить. Наша комната — тоже его работа: попали мы в противоположную, наверняка посчитали бы это наказанием. Комната напротив тоже трехместная, но с видом на внутренний двор с горами мусора, шлака, помойными ямами и многодверными туалетами.

Доставшаяся нам хавира обладала еще одним немаловажным достоинством — она была не угловая, а потому теплая. Уборщицы так и сказали: вам повезло, радуйтесь! Угловые комнаты теряли свое тепло против остальных вдвое быстрее. Зимой печи-"голландки" не знали отдыха, но угловые комнаты им по-настоящему обогреть удавалось с трудом.

Глава 3

Практика — всему голова

Будильник так громко и неистово звенел, будто пытался разбудить мертвого. Ну, это снова Пашкины проделки: еще с вечера он долго колдовал со своими зелеными "курантами" — старыми часами, и вот результат — проснулись хлопцы даже в соседних комнатах. Мы с Алеко по достоинству оценили Пашкино изобретение — оцинкованное ведро, а в нем будильник. Все просто, а шуму до потолка.

— И кто тебя, сын Божий, всем этим премудростям учит? — спросили мы у нашего изобретательного друга.

— Жизнь, друзья мои, жизнь! Первый рабочий день — не дай Бог проспять. Начнут потом в новичка пальцем тыкать да склонять, где надо и не надо. А так надежнее. Правда, шуму много, зато неприятностей меньше...

Нам с Алеко возразить Павлу было нечего. Мы с тихой благодарностью собрались, умылись и пошли вниз, где собиралась вся группа.

— Проспавших нет? — спрашивал Федор Гелазиев. — Ну и хорошо... Сейчас все хором в столовую, а потом — по своим цехам, как определил Михнюк. С первых же дней надо держать честь своего училища. Не шарахайтесь, присматривайтесь к старшим, не стесняйтесь учиться у них. Сначала может что-то не получаться, но ведь практика — всему голова, и если стараться, у нас все должно пойти, как по маслу.

Меня, Павло и Алеко в который раз радовало наше везение работать в одном цехе. А ведь могли разбросать по всему депо, по разным цехам, как это случилось с нашими товарищами. Из полугодовой производственной практики в Еремеевском депо мы неплохо знали тепловоз ТЭ-3, его дизель 2Д100, компоновку узлов, оборудования, труднодоступные места при ремонте и монтаже отдельных деталей, потому втроем любую работу осилим.

В училище немало программных часов отводилось и для тепловоза ТЭМ-2 — "бычка", как называли его локомотивщики. В Орлином депо и на всей Приесильской дороге тепловозы этой серии использовались только на маневровых и хозяйственных работах по заказам ПЧ, ПМС и других железнодорожных организаций.

Мы трое твердо верили в свои знания и практические навыки и не допускали мысли, что можем в чем-то подвести свое училище. За полгода практики мы никогда не отлынивали от самой грязной, тяжелой, пресной работы. Каким бы муторным и неудобным ни был узел, когда самым изощренным способом пытаешься добраться до какой-то шпильки или гайки, начатое дело нами доводилось до конца всегда. Мы не могли работать из-под палки, всегда старались следовать гелазиевскому совету: "Умри, а дело сделай!" Это девиз, достойный настоящих мужчин.

И надо же, мы трое после завершения даже очень сложной работы чувствовали в себе непонятный прилив энергии, чувство победы человеческой силы и терпения, а может, просто торжество молодости. Мы не понимали, как можно валиться от усталости, хотя подобные жалобы не раз слышали от наших рабочих-наставников, за кем нас закрепляли на все время практики.

Не все наши ребята производственную практику принимали всерьез, часто делали не "тепловозную" работу, шли, куда посылали их наставники, несли то, что они приказывали. Какие приобретались навыки, волновало не всех практикантов, главное для них — иметь подписанный наставником экзаменационный бегунок, остальное — дело изворотливости каждого. Мы знали нескольких таких практикантов: от работы они попросту отлынивали, с ними мы не говорили и на путь истинный не наставляли, считая, что это в компетенции мастера производственного обучения, то есть, нашего ФД. Он наш Бог, а значит, сам вправе выписать нерадивому отходную.

Одиннадцатую группу такие жесткие меры обошли стороной, за что мы благодарили не столько себя, сколько ФД и нашего непоседливого старосту.

... Завтракали дружно, без эксцессов, какие в училищные времена наблюдались редко. Сегодня — случай особый: для некоторых предстоящая работа была как для первоклассника первый раз в первый класс, потому сейчас не до эмоций. Мы готовились сегодня к новой жизни. Новые люди, новая обстановка, первая работа — как они нас примут?

— Будьте взрослыми, — поучал нас по дороге староста. — Выбросьте из головы детство: у некоторых, я вижу, его еще слишком много. Слесарь — профессия мужская, потому все надо делать основательно, надежно, крепко и даже со злостью.

— Да лучше загнуть трехэтажным, чем пасовать перед какой-то трудностью, — подал голос философ Вовка Чугунов.

— За мат в общественном месте можно и штраф схлопотать, — парировал Анатолий Шаповалов.

— Ничего страшного. Мат — это отдушина и разрядка душевной несбалансированности. Он спасает от стресса, в итоге стабилизирует настроение. Ну, а по настроению фиксируется и конечный результат всего. Так все и взаимосвязано, — философствовал Вовка.

— Однако, Чугунидзе, мат — это всплеск душевной энергии, потеря которой уменьшает сопротивляемость организма, чего не отрицает даже медицина. По-хорошему, уж коль ее, энергию эту, выплескивать, то так, чтобы как от великого светила бышо всем тепло и светло.

— Ну, ты даешь, старик! Светить, и никаких гвоздей — это же лозунг Солнца и Маяковского, а наши задачи скромнее. Хотя, по правде, упрощать свои возможности всегда было в крови русского мужика. Недадом, пожалуй, на этой почве и пословицы родились вроде "Хитер, как

черт" и "Себе на уме". Ты ведь, Шап, тоже себе на уме и хитер, как черт. Зачем тебе, к примеру, выставлять перед начальством свои технические познания, могущие дать фору не одному передовому слесарю? Недаром же тебе на практике за ударную и грамотную работу дали премию, за рацпредложения поощрили. Русский мужик всегда жил по принципу: молчи да дышь, вот и будет барыш.

— Добавь еще — в тихом болоте черти водятся, — бросил Пашка.

— И это принимается, — продолжал Вовка свою тираду. — Выставлять свое "я" — тоже в мужицком характере, хотя жизнь знает в нем больше хитрости, скрытности и целый арсенал его потенциальных возможностей вроде изворотливости, терпения, мудрости.

— Русский мужик всегда был загадкой не только иноземцам, но и своим соплеменникам, — продолжал Анатолий Шаповалов. — Иноземцы оттого и тянутся к нему, приглядываются, изучают, а то и вовсе коршуном набрасываются — ищут этот секрет.

— И по зубам получают, кто не с добром к нам идет, — зло вставил Пашка. — Примеров-то история и сосчитать не может...

Мы шли по невообразимой весенней грязи, на чем свет костеря поселковое начальство, всю Орлиную управу за страшное бездорожье, крошечное месиво даже на тропинках.

С непролазной грязью еще можно было бы как-то мириться, не будь на каждом из нас новеньких, черных, с солнечным отливом рабочих ботинок, превратившихся теперь в обезображенные пудовые "вездеходы типа К-700", как заметил в сердцах Пашка Веселовский.

— Хлопцы, давайте выбираться на "железку", а там по шпалам допитаем до депо, — предложил Вовка Чугунов, и мы покорно пошли за ним, гуськом перескакивая с кочки на кочку по какой-то затерянной среди грязевого месива тропинке. Выбравшись на железную дорогу, мы наконец облегченно вздохнули, перед самым депо в весенней луже отмыли свои "сороходы" и вскоре предстали перед старшим мастером в блеске своего нового обмундирования — подтянутые, стройные, готовые на любой подвиг.

— Рад, рад видеть вас во всеоружии. Ведь каков командир, таковы и бойцы. Правильно я говорю, товарищ Гелазиев? — с искоркой в глазах спросил Михнюк.

— Так точно, Анатолий Андреевич, — бойко ответил Федор.

— Ну и добре. Внешний вид — не последнее дело на транспорте: дисциплинирует, сосредотачивает и обязывает. Цеха вы свои знаете, а дизелистам на малый периодический поставят машину 2257. Тепловоз

хороший, только КТ-6 барахлит, но им займются автоматчики. Цикловые работы вам объяснит старший слесарь по дизельной группе Григорий Дайнеко.

Григорий Дайнеко — высокий, плотный, лет тридцати. Так же, как и мы, холост, живет в той же деповской общаге.

— Принимай, Григорий Иванович, пополнение, — представил нас Михнюк. — Ребята из училища, учебник "Тепловоз", наверно, на зубок знают. А вот каждую железку, деталь, гайку руками пощупать, прочувствовать ее силу и крепление, зависла ли она, до конца ли закручена — это даст практика. Хорошая практика выведет вас в настоящих слесарей, в рабочих с большой буквы.

— Ничего, ко всему прикоснутся, всего нахватаются, — сказал Григорий Иванович. — Сам с того начинал.

— Ну и добре. Знакомьтесь, определяйтесь, словом, действуйте, — и Михнюк ушел по своим делам.

Мы с Пашкой и Алеко опытным глазом определили: Григорий Иванович — человек свой, а значит, под его началом нам не стыдно будет набираться ума, постигать азы и делать настоящее дело. К тому же, наверно, с ним не так будет тягостно. При разговоре с нами Григорий тут же определил, что Алеко, как и он, из Белоруссии.

— Откуда, земляк?

— Пинский район.

— Надо же, а я из Кобрина и в твоих Тыневичах бывал не раз. Хорошие, благодатнейшие места.

— А сюда как попал?

— Как и вы, по распределению. Закончил ЖУ, еще паровозников готовили, и в Приесильск, а оттуда уже напрямик в Орлиное депо.

— Пришлось переквалифицироваться? — спросил Пашка.

— Конечно. В дортехшколу послали, теперь вот с тепловозами породнился... Хорошая машина, красивая, умная.

— У нас, наверно, тоже скоро они пойдут, — сказал Алеко. — Из дома пишут: мол, видели в Орше этих красавцев.

— Может, и пора. Война-то закончилась без малого полтора десятка лет назад, страна расправляет крылья. Сейчас тепловозы, потом электровазозы побегут... Мы ведь рождены, чтоб сказку сделать былью, значит, нашему народу по плечу и эта транспортная задача. Железная дорога — артерия экономики, даже жизни, а потому она должна совершенствоваться, укрепляться, богатеть, прихорашиваться, богатырствовать и ускорять свой бег. Словом, парни, на наш век работы хватит, —

закончил Дайнеко и стал разъяснять, с чего нам прежде начинать из всего перечня цикловых работ на малом периодическом ремонте.

Некоторые локомотивы, уточнил Григорий, нередко подсовывают немало же и сверхциклового работы, что зачастую дает тепловозу завышенный простой на ремонте, какой, по-хорошему, просто нежелателен:

— Потому, друзья, нужна собранность, знание технологии ремонта, хорошая квалифицированная отдача от каждого. Думаю, вместе мы сумеем одолеть любые ремонтные задачи, а значит, станем настоящими слесарями. Только честность и добросовестность во всем должны быть у нас. Навыки придут с практикой, с практикой — покорность тепловоза, с покорностью последнего — признание мастерства слесаря.

Глава 4

Не так страшен черт

Тепловоз 2257, как и обещал старший мастер, поставили на ремонт к началу рабочего дня. Локомотив еще пылал жаром, хотя резервная бригада перед постановкой его на канаву добросовестно сбивала температуру. Мы с Алеко оперативно подсоседили рукава для слива горячей воды из дизеля в специальные водогрейные баки, я открыл вентиль, включил откачивающий насос, и минут через десять мы дело закончили. Первая цикловая задача решилась нами успешно: рукав не сорвало, вентиль не заклинило, хотя на практике в Еремеевском депо такое с нами случалось не раз.

Тем временем Павло получил на раздаче необходимый инструмент — ключи, коловороты, скребки, две переноски, после чего мы включились в работу без всякой, как предупреждал Федор, раскачки. Мы новички, а значит, за нами немало слежки, уж если показать себя, то с ходу...

Мы с Алеко залихватски орудовали коловоротами, раскручивая лючки ресиверов и выхлопных коллекторов. Металл еще не остыл, обжигал руки, но ждать спада температуры дизеля мы не могли, по-

мня, что цикловое время жесткое, уложиться в него ремонтник просто обязан.

Павел тем временем снимал люки обоих картеров, но подоспевший Григорий Иванович тут же выпроводил нас с тепловоза:

— Не рискуйте, молодежь, пусть картеры подышат, пары масла улетучатся, тогда и продолжайте свое дело. Это минут пятнадцать-двадцать.

— За двадцать минут можно горы своротить, — сказал Пашка.

— Но и холмик себе заработать тоже недолго, если всем этим дышать днями-ночами, — уточнил Григорий. — На тепловозе масляных, соляных паров да всякой другой гадости хватает. Береженого Бог бережет. Тут еще и экземы успеете нахвататься, если не станете пользоваться специальной пастой да перчатками.

— Ну, в перчатках работать равносильно... — и Пашка выдал такое, от чего мы все закатились хохотом.

— Все равно — чисто, приятно и, что важно, безопасно, — сказал Григорий.

Пока тепловоз "дышал" своими парами, наша троица во главе с Павлом спустилась в канаву к друзьям, Болату Баймуханову и Михаилу Нейманову. Они тоже крутили гайки, но не как мы, ключом на 17, а настоящими верзилками. Работа ходовика, заметили мы, не иначе как самая грязная, к тому же тяжелая. Болат же с Михаилом не роптали, не жаловались и даже шутили:

— Ходовая часть локомотива — основа из основ на железнодорожном транспорте. Ее исправность — залог безопасности движения поездов. Вот мы и боремся за эту безопасность. Экипажник — это главное звено на транспорте!

— Правильно, Болат, начальство о том же постоянно твердит, — сказал Пашка, когда мы покидали наших ребят для продолжения своей работы.

Хотелось узнать, как обстоят дела у Федора, у Вовки Чугунова с Анатолием Шаповаловым, у Володи Проказова, Раиса Тухватулина, Володи Николаевского, Валентина Холмечко, Алексея Быстрого, но их определили по другим цехам, точную дислокацию которых еще предстояло выяснить.

Тем временем наша машина, "отдышавшись", наконец-то позволила нам продолжить на тепловозе начатую нами работу.

— Ничего, молодежь, привыкайте! Со временем войдете в ритм: раскрыл, разбросал все, пусть машина "выдыхается", а вы устраивайте себе технологический перерыв — все по закону.

Мы все больше проникались к Григорию Ивановичу особым уважением, не замечая в нем какой-то кичливости, гонора. Он был просто старше нас, опытнее, но ничем не показывал своего превосходства над нами. Но и у Григория, мы явно чувствовали это, к нам троим была адекватная симпатия. Может, она рождалась у него из-за уважения к нам как новичкам в жизни, но не в работе, ведь не бросались же мы на тепловоз, по словам Вовки Чугунова, с вилами как на диковинку? А это все опять же благодаря нашей добросовестной производственной практике, нашему незабвенному ФД — мастеру, учителю, другу, наставнику, и, конечно, нашей такой упорной прилежности, не всегда свойственной нашему возрасту.

Откуда она в нас, мы не знали. Может, от того, что все мы были довоенные, а наши детские садики и учеба в первом классе пришлось на годы войны? Пашка, например, до сих пор хорошо помнит в деревне Крашановке на Житомирщине подлых фашистов, хозяйничавших там, как у себя дома, пытавших, убивавших и резвившихся, пока наши соединения не погнали их через Розу, Могильно, Ушомир, Человку, Коростень — все дальше на запад с украинской земли.

Александр Дундичу в первые дни войны едва исполнилось три года. В его родные Тыневичи, да и всю Брестскую область фашисты вломились одними из первых; ад оккупации тамошним жителям пришлось нести всю воину. Шурик рос с войной и на войне, ел и пил все эти страшные годы в основном то, чем богат был лес. Как выжил — не знает, но хорошо помнит виселицы, детские трупы и даже немца, трепавшего его за вихор да бормотавшего на своем языке, наверное, что-то ласковое, потому как трепал без злости и боли, видимо, вспоминая о таком же сорванце где-то у себя на родине.

Та же горькая доля выпала и Анатолию Шаповалову в его кровной Баймаклии, так славившейся своими виноградниками, закуской богов — мамалыгой и божественно-янтарным вином.

Да и в моей Белозерке людям в военную годину жилось нелегко. Пусть война бушевала за морями, за долами, отголоски ее отдавались и здесь. Нас, школьников, даже тех, кто был от горшка два вершка, поголовно вывозили на хлебные поля, где после уборки зерновых мы, дети, собирали колоски. Собирали, украдкой растирали их в ладонях и ели сухое зерно — пшеницу, рожь, без разницы. Голод мы чувствовали всегда, а тут хоть какая-то еда лежала во рту, хоть что-то можно было жевать и глотать.

Учительница делала то же самое, но при подъезде какого-либо по-

левого представителя мы все усердно нагибались за колосками, складывали их в мешки-передники, привязанные к животу веревками или шпагатом, при наполнении которых содержимое вываливали в колосовые кучи в обоих концах поля. Дежурный объездчик с подвойдой тут же увозил их, а мы продолжали нагибаться, наполняли свои передники, также украдкой растирая в ладонях живительное зерно...

Словом, на белоручек мы не походили. Даже в свои 19-20 лет каждый из нас уже прошел нелегкую жизненную школу, какую определили нам война, затем труднейшее, по словам Пашки, послевоенное и, наконец, героическую, хотя и мирную целину. Даже те из нас, у кого остались живы оба родителя и кто был более других согрет да обласкан, вылетев из родительского гнезда, не чурались никакой работы, знали ее необходимость и свою ответственность перед нею. А в целом нас, довоенных, жизнь сделала не по годам взрослыми — мы, право, даже разучились впадать в детство.

Пашка, как человек деревни, наверно, еще с пеленок любил землю, поил, кормил и согревал ее, щедрую на отдачу. Их колхоз выращивал хлеб, лен да всякие овощи, поэтому работы хватало и старым, и малым.

Анатолию Шаповалову тоже с самого детства пришлось повозиться с полем да виноградной лозой. Сколько за свою жизнь перекопал он земли, только Богу известно, и даже теперь, навещая дом, ему опять же немало приходится колупаться с нею, помогая матери на ее колхозной делянке.

У Алеко же с землей имелись свои счета. Насколько он себя помнит, уже лет с пяти-шести он бросал с родителями в лунки картошку, а по осени также не по-детски серьезно помогал убирать ее. И так до совершеннолетия, когда удалось вырваться из своего колхоза на загадочную и манящую целину.

Моя судьба тоже во многом определялась землею, но больше земля радовала сердца моих родителей. Отец до последнего дня перед уходом на фронт работал трактористом в совхозном тракторном парке, сеял и убирал хлеба и иной жизни для себя не желал. В годы войны, да и после нее всем в ту пору жилось нелегко, но наша семья с голоду не пухла: профессию мама выбрала редкостную для женщины — тракторист-комбайнер, которая давала более-менее надежный хлеб всю ее жизнь.

С начала целины целых два года подряд я работал с мамой в хлебоуборочную кампанию штурвальным. Хлеба по тому времени рож-

далось поистине море: приесильская целина в первые годы не скупилась на урожаи, отчего работать приходилось всем героически и самоотверженно. Орден "Знак Почета" за 1955-ый год Анне Васильевне Морозовой явился высокой оценкой этой самоотверженности; мне же как помощнику премией-наградой стал велосипед, который мне и вручили принародно — тут же, на полевом стане.

... Возвратившись на тепловоз для дальнейшей работы, мы увидели в дизельном помещении немалую скученность. Люди не давали нам развернуться, что крайне возмутило Павла, не преминувшего наброситься на одного из слесарей:

— Дорогой, вы нам крепко мешаете! Разложились тут со своими прибабасами да причиндалами!..

— Кто мешает, того бьют, — быстро среагировал шустрый паренек в такой же рабочей робе, но замызганной и промасленной, казалось, насквозь. — Сейчас управлюсь с форсунками, а там валяйте. Хотя работа не Алитет, в горы не уйдет...

Дайнеко заметил Пашке: толчея, людность — вещь естественная и не смертельная. Тепловоз — машина многопрофильная, поэтому кроме нас, дизелистов, здесь делают свое дело топливники, автоматчики, электрики. Ну, а народу много — машине с канавы быстрее дорога.

А действовали мы теперь скребками да концами сразу с обеих сторон дизеля. Ресиверы мы надраивали мягкими, как детские пеленки, салфетками, которые тут же становились мазутными и мокрыми.

С выхлопными коллекторами складывалось несколько сложнее. Пашка Веселовский с одной стороны, я — с другой, подсвечивая переносками, специальными скребками, изготовленными самими же слесарями из пруткового металла диаметром в 10-12 миллиметров, изогнутыми и заточенными на конце, выборочно драили выпускные окна цилиндровых втулок дизеля — эти самые выхлопные коллекторы.

Мы с Павлом неистово орудовали скребками, счищая прочный, точно камень, нагар, какой образовывался в процессе работы дизеля, постепенно наслаиваясь и каменея. Окна цилиндровых гильз сужались до узких щелок, что, естественно, затрудняло выброс отработанных газов дизеля, а это вело к потере мощности всей дизель-генераторной установки тепловоза. Выборочность же драяния требовала сама технология: окна закрыты телом поршня — счищай нагар, какие открыты — подбуксовывай вручную до появления этого самого тела, а не его компрессионных и маслосрезающих колец.

— Григорий Иванович, — обратился Пашка к Дайнеко, не прекра-

щая остервенело орудовать скребком. — Ну на хрена доводить до такого состояния дизель, когда все заплыло, зашлаковалось и спрессовалось до твердости металла? Ведь отработанному газу деваться некуда. Тут тебе и помпаж, и прогар поршней, и потеря мощности, и чего хочешь...

— Правильно соображаешь, друг мой! — похвалил его Григорий. — Молодец. Но уж не знаю, кто там в МПС или на заводе придумал: от малого до малого периодического ремонта локомотив должен пробегать столько-то тысяч километров, а выхлопные ревизируются по циклу только на этом самом малом, не говоря уж о большом периодическом, где дизель вообще разбрасывается до последнего винтика.

— А нельзя самим нарушить эти пресловутые километры межремонтных пробегов?

— Все можно, только держат какие-то традиции и, пожалуй, наша умственная потенция. Я уже не один день быюсь с этим, а бюрократическую стену не могу пробить: увеличение цикла, скажем, на том же КТО, контрольно-техническом осмотре, потребует и дополнительной оплаты. У нас ведь как? Гайку открутил, лючок снял — время, карданную головку сменил — тоже время, прокладку вырубил — опять время. Ну, а время — это деньги. В цикле ведь все обговорено: за то-то и то-то получи столько, за сверх цикла — своя доплата. Расчетчики делают "фотографии" дня и каждого часа, фиксируют время, какое уходит на ту или иную ремонтную операцию, и тут же выводят, чего это все стоит. Такой, брат, закон экономики!

— Хреновый закон, надо сказать, — спокойно подытожил Пашка.

— Не нами писано, дружище.

— А мне кажется, это должно стать своеобразным рацпредложением, если вменить изменение цикла на том или ином виде ремонта, — упорствовал Пашка. — Ведь выиграют все, локомотив в первую голову, укрепятся его сила и мощь, а сам технологический процесс приобретет новую окраску. Выиграют люди, в целом же — все депо.

— Предложение хорошее, Павло, но не думаю, что во всем СССР мы самые умные. Рядом депо "Углеград — Сортировочный", там так же работают люди и молчат. Их и циклы устраивают, и расценки, и, какая ни есть, старинка. По сути же, практика не раз доказывала: технологические расчеты по времени эксплуатации этих самых "окон" устарели, их надо давно менять.

— Ну, если на заводе с его рекомендациями и предписаниями сидят Ваньки с пивзавода, не знающие практики, то нам, смертным,

сделать фурор в чем-то не так просто. Однако нельзя успокаиваться! Надо, как поросенок, рыть пятаком, вмешиваться, предлагать, — не унимался Павло. — Под лежащий камень вода уж точно не потечет, а там психология наверняка какого-нибудь замшелого булыжника.

— Все может быть. Правильно вы смотрите на жизнь, ребята, и умеете видеть в ней негативное. Нужны многие и многие утряски, согласования, рекомендации, консультации, проекты да прожекты, пункты, подпункты, параграфы... Сам черт ногу сломит, если ринуться в эту житейскую трясину!

Делая каждый свое дело, мы говорили о несовершенстве тех или иных законов, о людях, их создающих, о сложности, многогранности, загадочности и непредсказуемости человеческой натуры.

Как бы то ни было, о тепловозе и нашей работе на нем в наш первый рабочий день мы трое — Пашка и я с Алеко — могли с полным правом сказать: не так страшен черт, как его малюют. Зря пугали нас скептики разного калибра, что, мол, тепловоз — машина сложная, капризная, во многом неусовершенствованная, потому как все скопировано с немецкой подводной лодки, но слязено некачественно, недобросовестно, свои же доработки да придумки далеки от оригинала, а потому дизель, теперь уже нашеньский, конструктивно во многом уступает немецкому, отчего в итоге страдают люди, с ним работающие.

Не знаем, не знаем... Нам же лично машина очень даже понравилась. Сердце тепловоза — дизель, десятицилиндровый, с двумя коленчатыми валами, вертикальной передачей, соединяющей оба вала и передающей суммарное их вращение генератору. И все.

Конечно, в дизельном помещении немало чего наворочено. Всякие редукторы да фильтры, водоподогреватели да вентилятор не слишком позволяли, по словам Пашки, мчаться слесарю на скорости из одной тепловозной секции в другую. Понятно, все это нагромождение несло свою нагрузку, дабы дизель в две тысячи "лошадей" мог в полной мере выдать необходимое напряжение и силу тока. Все остальное — дополнительное оборудование, работающее на систему охлаждения, торможения, вентиляции и передачи электроэнергии, выработанной дизель-генераторной установкой тяговым двигателям.

Сложностей во всей этой системе, наверно, немало, но обвинять конструкторов в их конструктивных недоработках дизеля $2Д_{100}$ просто грешно: машина добрая, в ремонте доступная, хорошо поддающаяся. А нас пугали, предостерегали... На деле же и впрямь не так страшен черт!

Сколько раз говорено: война войной, а обед по расписанию. Пашка скомандовал: "Всем питаться!" И мы с Алеко, сложив инструмент да отключив переноски, прытко спустились с тепловоза и направились в столовую на втором этаже деповского корпуса. Мы также уже знали о существовании на втором этаже большого десятилетечного душа с десятью индивидуальными кабинками без дверей. К душевой примыкала обширная раздевалка со 120-ю пронумерованными деревянными шкафами для хранения рабочей и выходной одежды. Шкафы запирались индивидуальными замками — от мизерных, с наперсток, до настоящих "бульдогов", мирно дремавших на дверных петлях до прихода хозяев. Шкаф с перегородкой вполне удовлетворял каждого даже зимой, когда приходилось вколачивать дополнительно пару-другую гвоздей.

Всю эту информацию выдал нам Григорий Дайнеко. Мы призадумались, есть ли свободные шкафы для нас, варягов? Коль появятся затруднения и в этом деле, надо просить Федора Гелазиева как бывшего старосту группы пойти к начальству в поисках решения вопроса этого самого шкафного характера.

Вопрос с раздевалкой, с нашей позиции, совсем не пустяковый, откладывать его на потом не позволяло наше стремление к молодцеватости: вне депо тебя не должны видеть в промасленной робе. На работу идешь в туфельках, отглаженной сорочке под галстук, с работы — тоже отмытый, свежий и, наверно, привлекательный.

О привлекательности мы заботились всегда. Приесильск хоть и считался большой деревней, но раствориться в нем, стать обычной песчинкой совсем немудрено. А хотелось чем-то засветиться — красавиц-то кругом полно! В городе как бы не со времен самого Ильича существовали три училища — медицинское, педагогическое и связи. В этих заведениях обучался в основном девчоночий персонал, парни туда шли редко. По правде, мы и не встречали там никого из мужчин, кроме педагогов, хотя поговаривали: несколькими парням во все эти ликбезы удалось просочиться.

— Хотел бы посмотреть им в глаза, — говорил Пашка. — Ведь счастливы, наверно, паразиты, иметь всегда под боком такой гарем. А тут...

Чем была богата в этом плане Орлиная, мы пока не знали. В депо, куда ни кинь взгляд, только бородатые да усатые рожи, сосущие свои соски. Правда, и мы не лучше их, "Примой" да "Беломором" прокоптились до самых пяток. Однако мы — это все-таки мы, и нам хотелось пайти подружек под стать себе.

Пашка своим наметанным глазом определил: девчонки в депо есть. В той же бухгалтерии, в группе учета, в расшифровке с лабораторией и в столовой есть свои красуленьки, каких необходимо выявить, узреть, завлечь и влюбить. Двадцать лет, по его словам, это не хер собачий, потому надо спешить жить, ведь могут и в армию забастовать, не посмотрев на какие-то отработки как долг государству за все его благодеяния во время двухлетней учебы на всем готовеньком. Ну, а после армии неизвестно, захочется ли любить вообще...

...За обеденные блюда и примерное обслуживание, за щедрые улыбки и стрельчатые глазки молоденьких поварих Пашка тут же поставил им высокий балл, мысленно же наметив и жертву. Мы с Алеко догадывались: конечно, это Валя Трофимова, в сверкающем белизной передничке, с именной табличкой на кармашке и в чудоповарском колпачке, который так интригующе примостился на ее головке с пышными русыми кудряшками.

Не красит волосы, отметили мы разом, — значит, не балованная. Тоненькая и чистенькая — значит, вдвойне порядочная. Куда смотрят деповские, да и орлиные мужики?

— Так может, она уже разов семь замужем была? — попробовал съехидничать Алеко.

— Будь спок, все выявлено и прозондировано — полный нормалёк. Сегодня же после работы и первое свидание.

— Когда же ты, ловелас, успел? Вы вроде только взглядами и обменялись...

— Надо уметь! Учиться жить, а не прозябать!

Вопрос о шкафах в раздевалке подогрел Федора, ринувшегося тут же по инстанциям выяснять суть. На деле, к нашему удовольствию, ничего страшного не оказалось: свободные шкафы имелись, правда, не первой свежести — "первую свежесть" заняли "старички", нам же оставалось пользоваться тем, чем Бог послал.

После работы, обследовав раздевалку, мы в целом претензий ни к кому не предъявляли. Шкафы как шкафы, и даже петли для замков имелись; замазученные же стенки да оборванные вешалки — мелочь, о которой не стоило и печалиться. Тут же решили: в магазине приобретем замки, шкафы подшаманим и на работу будем ходить в чистеньком, как женихи.

Старший слесарь Григорий Дайнеко сдавал работу ночной смене. Мы же трое, слушая замечания принимающих, знакомились со своими сменщиками — на вид народ боевой, не совсем молодой, но име-

мись и наши погодки. По тому, как жестикулировал их немногословный "бугор", сделали для себя вывод: народ это бывалый, тепловоз для них — дело привычное, а значит, ничто новое не сможет их чем-то озадачить. Пожелав спокойно отработать смену, мы с чувством исполненного долга отправились в свою общагу.

Дайнеко с нами не пошел, сославшись на благодати деповского душа после изнурительной работы: выходишь огурчик огурчиком, не как мы теперь — замызганные, усталые да помятые, но все же счастливые, ибо экзамен на звание рабочего вроде выдержали.

Возвращались домой по тем же кочкам чугуновской тропинки. В робах заходить в столовую не стали, решив отмыться в общежитии, переодеться, а потом уж заняться прочими делами. У Пашки вечер уже был забит, только мы с Алеко никаких прогнозов не делали: помыться, освежиться — первое, все остальное — без плана, как получится.

Вообще, жить планами да наметками мы пока не умели, да и не мытались уметь. Пашка часто жил однодневной, а то и вовсе сиюминутной выгодой: сегодня ему хорошо, а завтра — дай Боже, чтоб было то же. Ну, а коль ничего не получалось, то, значит, не судьба.

После душа мы при полном параде пошли в ОРСовскую столовую, где сегодня уже пришлось побывать. Время набегало предзакрытое, потому решили поторопиться. В запасе оставалась круглосуточная столовая дома отдыха, но туда топать, что верблюду на водопой.

Красуленьки-поварихи, вежливые и влюбчивые, по словам Вовки Чугунова, в ОРСовской столовой действительно работали, но нас они словно и не замечали, что явно: ну, мы молоды, красивы, стройны, можно хотя бы для вида глазками пострелять! Ничего подобного — девушки спокойно стояли на раздаче блюд, а кто-то из них просто убирал со столов. Тип ресторанного обслуживания в рабочих столовых упразднился еще несколько лет назад, официантки переквалифицировались, к столам своих посетителей не подходили, а это по своему затрудняло сделать комплимент или предложить знакомство.

Мы молча поужинали, сами постреляли зенками в сторону кухни, так же молча покинули центральный пищеблок станции Орлиная. Для нас троих первый день нашей рабочей биографии оказался неплохим в общем дне: отработали мы его без перекосов, а где-то даже с вдохновением. В случае неудачи можно было сделать скидку на молодость, неопытность, непривычность обстановки, привести прочие щадящие аргументы. Ничего этого делать не пришлось, нам оставалось только благодарить судьбу, свое училище, а больше Федора

Дмитриевича Небесного, отдавшего нам свои знания, опыт, темперамент, жар души.

ФД со своей группой составляли единое целое, не допускали и мысли жить друг без друга. Но вот жизнь разлучила нас, и мы теперь, пятнадцать выпускников, очутились в открытом море без кормила и ветрил. А ведь нам надо плыть к какому-то берегу, искать пристань, но делать это каждому самостоятельно или, как прежде, сообща? Жизнь постоянно вносила свои коррективы, мы пока плыли вместе, но долго ли продлится это наше совместное плавание, никто не знал.

Уж так случилось, что накануне выпуска мы трое дали своеобразную клятву: друг без друга никуда! Если по распределению нас разбрасывают по разным депо, будем добиваться: все трое — в одно. Ничего в том криминального нет, а преданность дружбе приветствовалась всегда. Сегодня уже 1959-ый, четырнадцать лет окончания войны, пятилетие целины — в обоих случаях настоящий народный подвиг, где дружба, сплоченность во многом помогали решать нелегкие задачи. Без сомнения, нам тоже пойдут навстречу. Четырехгодичный долг государству мы готовы вернуть как положено, без всяких эксцессов, но только в одном депо!

Распределительный финал для нас троих оказался удачным, все остальное зависело только от нас самих. Орлиное депо мы приняли благосклонно, как и оно нас. Сама станция мало чем отличалась от ей подобных на главном железнодорожном ходу этого края, разве только где-то замечалось побольше зелени да поменьше домов, а вот сходства ни убавить, ни прибавить — всюду лужи да непролазная грязь в весеннюю распутицу, знойные ветра летом, вздымающие в небо такую плотную пыльную кутерьму, что в ней, казалось, могут висеть дома и люди.

Такое мы встречали в той же Еремеевке на производственной практике, такое же подсовывала и моя Белозерка, куда я с моими друзьями не раз наведывался погостить.

Да что Белозерка! Сам Приесильск по уши утопал в грязи, медленно просыпался и вовсе неповоротливо очищался от провинциального наноса, присущего многим нашим заштатным городишкам. С целиной, конечно, что-то делалось: сносились дома-развалюхи в центре города, где-то мостились улицы... Город все-таки сбрасывал дремоту, шевелился и даже вздымался. Делалось все это на наших глазах, отчего мы всегда желали ему уюта, красоты и процветания.

Глава 5

Орлиные вечера

Вечером в нашу комнату влетел "профессор" Вовка Чугунов и прямо с порога скомандовал:

- Не ложиться, не садиться, не отдыхать! Нельзя нам записываться в старики! Одевайтесь, наводите марафет и хором в клуб железнодорожников. Сегодня там танцы, надо прозондировать, чем дышит молодежь Орлиной, а то мы неделю как в ней, а людей не знаем. На всякий случай положите в карман пассатижи или по отвертке — говорят, новичков здесь местные по-своему привечают. Ну, за два года мы видали всякие угощения, здесь же периферия — ни курсов бокса, ни каратэ, ни того же самбо. С первых же дней не позволим нами верховодить! Правильно я говорю?

- Абсолютно, — бодро высказался Пашка за всех. — Никакого низкопоклонства, никакой зависимости, только паритетные соглашения, мирное сосуществование. Во всяком случае, общагу нашу должны уважать все, ведь нас-то, гавриков, целых два этажа!

В Приесильске мало ли ходили "стенка на стенку"? — горячился Вовка. — Наше ЖУ ФЗО-7 против Слободки, помните? Ну, городская шантрапа, наверно, тыща против нас, железнодорожников, в каких-то сто-двести человек. С нашей стороны команда Вербы, с ихней — Гуся...

Да, потасовки случались знатные. Доходило до "финачей" и даже до милиции, но от летальных исходов Бог миловал. Больше приходилось возвращаться с синяками да свернутыми скулами, но раны на молодых заживали, как на собаке, и вскоре все были готовы к новой встрече на поле Куликовом.

Неприятельские потери обычно равнялись нашим, что и выяснялось при встрече вожаков враждующих сторон для улаживания конфликтных ситуаций. От железнодорожников уполномоченным по переговорам выступал наш Кутузов — Виктор Вербя из группы помощников машиниста тепловоза, от городской воинствующей рати свой Наполеон — Владимир Гусь. После их встречи становилось понятно, что

истинное яблоко раздора — женщины! Танцы в летнюю пору в городском парке культуры на хорошо освещенной танцплощадке считались престижными для приесильской молодежи, где побывать да вскипятить свою кровь хотелось многим. Площадка принимала всех, благо строители разметнули ее на добрую половину футбольного поля, только плати за вход.

После встречи "в верхах" Вербы и Гуса страсти понемногу стихали, характеры остывали, но синдром агрессии поочередно возникал то на той, то на этой стороне, хотя все знали о перемирии. Такое продолжалось все красное лето: война сменялась затишьем, затишье — войной. Резко-антагонистических противоречий ни с городской, ни с нашей стороны не возникало, только женский вопрос во многом оставался камнем преткновения и, как во времена Персея, являлся причиной Троянской, то есть Приесильской войны.

Предложение Чугунова и Шаповалова мы приняли без обсуждений, только Пашка спросил:

— Наши все идут?

— Сегодня все, в будущем же кто как пожелает.

— Но Федор, по его словам, вообще не знает, с какой стороны к женщине подойти...

— Сегодня и Федор идет, обговорено.

— Ну, если Федор, тогда все обойдется: у него холодная голова, без наших всплесков да завихрений!

Клуб железнодорожников в Орлиной был не единственным местом, где крутились фильмы да устраивались общественные мероприятия. В поселке на каких-то пять тысяч жителей таких смотровых заведений находилось около десятка — их имело почти каждое предприятие. Конечно, они во многом уступали клубу железнодорожников: не те размеры, не та массовость посещения, да и не тот они могли предложить интерес.

Наверно, по-другому в Орлиной быть и не могло. Железная дорога разделила поселок на две равные части, которые жили да обустраивались по возможностям базирующихся там предприятий. Геологические экспедиции — Московская, Шестая, Двадцать первая, разбросанные в различных концах Орлиной, обживались своим мирком еще с довоенных лет. У них имелся свой жилой массив со своими клубами, магазинами, детсадами. Та же картина наблюдалась на перевалочной базе Акчатауского ГОКа, в автобазе, в мелиорации.

Как бы то ни было, клуб железнодорожников, однако, оставался

центром притяжения. Молодежь тянулась сюда, где больше массовости, интереса и разнообразия; орлинские почти все знали друг друга, что исключало какие-то антипатии между ними, с какой бы стороны в этот клуб люди не приходили. Но, по неписаному правилу, в поселке как-то сама собою рождалась крутая элитная диаспора, какая на массовых молодежных тусовках верховодила, производя и "крещение" незнакомцев. Потасовки не всегда заканчивались просто размахиванием кулаков, что вынудило дирекцию клуба с ее атрибутами власти и авторитета активизировать свою бдительность, проявить жесткость, что в итоге заметно снизило всевозможные разборки среди молодежи Орлиной.

На многих из нас, приесильцах, все еще сидела училищная железнодорожная форма, в какой мы заметно выделялись и выглядели, как солдаты. Гражданских костюмов у нас еще не было, но мы не роптали, с благодарностью пользуясь пока одеждой МПС. Была она черной, как смоль, и оттого, видно, броской.

Пашка Веселовский в великолепной, расшитой по вороту украинской сорочке, опередив нас, уже не один круг классно вальсировал с Валей Трофимовой. Ему, признаться, немало завидовали: его напарница выглядела истинно писаной красавицей. На кухне в деповской столовой мы видели Валю лишь отселе-доселе — не как сейчас, в платье и туфельках Золушки. Валя, узнав нас с Алеко, улыбнулась нам, а в нашем лице, наверно, всей ОХРе, подарившей ей такое нежное совершенство, как наш Пашка.

Один танец сменялся другим, но мы, как новички, стояли, сбившись отдельной группой в стороне от танцующих, с интересом изучая молодую публику Орлиной. Публика, мы это хорошо видели, в свою очередь, откровенно изучала нас. Нам не оставалось ничего другого, как вести себя естественно, без всякого наигрыша. У себя в училище мы на правах хозяев могли приукраситься, чем-то засветиться, а тут не та обстановка. Что ж, пусть принимают нас, какие мы есть — угловатые, скованные и не орлы.

Пашка, воспользовавшись музыкальной паузой, подкатил со своей прелестью к нашей черной группе. Прелесть снова улыбалась своей счастливой улыбкой, на что мы пытались отвечать ей тем же.

Чего вы стоите, как дубы? — набросился он на всех сразу. — Записи хорошие, девчонок вон сколько, скучают, а вы, как монахи, только иконы не хватает! Давайте сейчас же в разгон, хватайте красулек и танцуйте, отдыхайте, радуйтесь, живите! Правда, Валя?

— Правда, — тихо выдавила прелесть и тут же умчалась с нашим другом в каком-то новом сногшибательном танце.

— На самом деле, братцы, — бросил Вовка Чугунов. — Шлеи нам под хвост не хватает, что ли? Прав Павло — истые монахи! Или нам сие первой? — и смело пошел через весь зал к какой-то приглянувшейся ему девушке. Та без жеманства положила белую в кружевах ручку на Вовкино плечо, и они весь вечер больше не расставались.

Потом рискнули Алеко с Анатолием Шаповаловым, Михаил Бейманов с Володей Проказовым. Еще несколько наших хоть по разу, но прошли по танцевальному залу. Оставались неприкаянными только мы с Федором. Федор не раз кивал мне головою: мол, рви и ты, мне-то не дано, а тебе сам Бог велел — молод, высок, красив, форма отменно облегает пусть не спортивную, но крепко сбитую фигуру. Ну, краешком глаза и я приглядывал себе красотку, но как-то все не срабатывалось: то слишком высокий рост, то низкий, то вызывающая одежда, то, как и у меня, непомерная застенчивость. Я помнил, что одинаковые знаки отталкиваются, а потому не хотел рисковать даже в этом.

Сегодня крайне удивляло одно: танцы в самом разгаре, а еще ни разу не объявили дамский вальс. В училище сие считалось коронным обязательством, а тут отчего-то медлили. Точно угадав мою мысль, из кинобудки по микрофону объявили этот самый дамский вальс, но зал, просторный и желанный, несколько долгих до неловкости секунд оставался пустым. Наконец первая пара выпорхнула на середину, затем вторая, третья — наш Павло с Валей, потом Вовка Чугунов со своей прелестью.

— Разрешите пригласить? — услышал я, почему-то вздрогнув. Передо мной стояло нечто тростиночное, скромное и абсолютно школьное.

Мы пошли по кругу в медленном темпе, едва касаясь друг друга. Сделав два-три оборота, переходили на ходьбу, снова несколько оборотов и снова ходьба. Хотя я в танцах не новичок, умел неплохо водить и кружить в обе стороны, сегодня этого умения во мне отчего-то не обнаруживалось, что несколько обескураживало перед незнакомкой. Она не высказывала никакого мнения, молча выполняла несложные вальсовые пируэты, глядя куда-то мне за плечо, а то и просто в никуда.

"Черт возьми, парень я или какой-то преподобный отец Сергий?!" — стучало у меня в голове. Без всякой подготовки брякнул:

— Я Володя.

— А я Лена.

— Работаем, учимся?

— Работаем.

— Где, если не секрет?

— Как и все, в депо.

— Работы много, трудностей?

— Всякое случается. Когда конец месяца, аврал неизбежен, а потом — как обычно.

— Этим "обычно" в бухгалтериях, говорят, маются: дебет, кредит, сальдо, бульдо...

— Нет, я в группе учета.

— Так это вы вчера целой кучей шли на обед? То-то я вижу — знакомая девушка!

— Мы, у нас девчонок много...

Танец, к сожалению, закончился, и мне как кавалеру пришлось вести Лену к ее месту, какого я как-то не усек, отчего Лена сама повела меня по залу к группе девушек. Мы взаимно поблагодарили друг друга за танец, и я вернулся к своим.

Пашка с Валей никому не подходили, все время оставались друг подле друга, вызывая во мне даже зависть: их теперь ничто не могло разлучить. Вовка Чугунов с его Леной тоже забыли о нашем существовании, держались за руки и неотрывно глядели друг на друга. Мы чувствовали, что между ними какая-то молния, она обжигает и ласкает их. Мы радовались за эту пару, но больше за Вовку: он хоть и "профессор" а свои девятнадцать, мог хорошо говорить, но уговаривать не мастер, а потому, как и все мы, был нецелованный, не имел опыта ухажерского обихаживания.

Лену я провожать не стал, побоялся: вдруг у нее старые дружки? В крошечной тьме сделают мне какое-нибудь хакири, потом ищи ветра в поле. Такое, говорят, здесь уже случалось... "Профессор" последовал моему примеру, решив возвращаться всей группой.

А темень и впрямь была такая, что хоть глаз выколи. Мы с Вовкой отмотили правильность нашего отказа от первого, такого необходимого провожания девушек.

Да, некрасиво получилось, — произнес Вовка. — Сейчас бы шли в руке рука, весело и дружно, только стезка коротка — расставаться нужно...

Не печалься, старик, — успокаивал "профессора" Анатолий Шаповалов. — Может, и впрямь береженого Бог бережет. Смотри, какая темень непроглядная... Хотя бы эту улицу, самую центральную, осветили, неандертальцы чертовы! Чего местным властям не хватает?

—Энергии не хватает, — вмешался Федор. — Видел, труба шестидесятиметровая коптит? Так это их местная электростанция, паровая. Там локомотив стоит, но сил у него, как у котенка. На такой поселок надо тягу помощнее — скажем, дизельную электростанцию. Я бы поставил тепловоз, подсоединил генератор под переменный ток, и крути себе на здоровье, давай людям свет и радость! Так не хотят — видно, экономят, хотя солярки в депо залейся! Коль надо, поставь два дизеля, пусть трудятся попеременно. Локомотивы — дедовская техника, от них уже всюду отказались, только в Орлиной как музейная редкость осталась.

—Оттого и "железка" у них темная, как негр. Стрелочные переводы с керосиновыми донорами, как, наверно, и сто лет назад, семафоры вместо светофоров...

— Скоро все это отладится, друг Володя, тепловозы ведь пошли! Пресловутые жезла отменят, хотя они честно служили железнодорожному транспорту не один год.

—А Пашка все-таки рискует, — не удержался я, не столько в оправдание себе за свою явную трусость, сколько завидуя другу.

—Да, а мы — евнухи чертовы, — подхватил Вовка Чугунов. — Уподобились тем самым длинноухим, каких пугает даже собственная тень. Ведь можно было как-то поговорить с девчонками: мол, не против ли вы, мадонны, если мы вас проводим хором, вы с кем надо поворкуете, а потом уж и по домам? Так мы, монахи херовы, ни Богу свечка, ни черту кочерга, ни себе, ни людям...

—Не расстраивайся, Чугун, — успокаивал друга Анатолии Шаповалов. — Ну, первый прокол вышел... Со временем присмотримся, притремся, потом уж и сами будем, как в песне, провожать с гулянья!

Так за разговорами и со злостью на себя мы пришли в общежитие. Дежурная цыкнула: "Потише, рядом комнаты с локомотивщиками, а у них знаете, какая работа? Вы спите, а они поезда ведут, вы танцульки справляете, а им отдыхать надо, в поездку себя готовить. Вся жизнь наперекосяк у локомотивщиков!"

Мы, стараясь не шебуршиться, тихо разбредались по своим комнатам. Алеко, повесив на плечики свое обмундирование, разочарованно заметил:

— В тумбочках, старик, шаром покати, ни крошки не завалялось. Надо как-то сразу колбасы набирать, хлеба, сахару, той же кильки, то ли по очереди, но чтоб тумбочки не пустовали. Консервы разные в магазинах, та же килька на рупь сотня, всегда червячка заморить мож-

но... Вот раззадорил, теперь точно не усну на пустой желудок! Давай сходим к Федору или к "профессорам", может, у них какая еда затерялась? Они ведь предусмотрительные, дальновидные, не чета нам. В будущем надо исправлять положение...

Сказано — сделано. У Федора действительно отыскалась почти целая буханка хлеба, хотя мы не помнили, чтобы он отлучался из общаги. Скорее, это вчерашний или даже позавчерашний. Тут же вымучив тесаком по ломтю твердого, как наковальня, пшеничника, с завидным аппетитом мы хрустели на всю комнату, запивая обычной водой.

Назавтра мы выходили во вторую смену, так что в предстоящее "окно" решили по-своему расслабиться и приобрести пресловутые замки, приetrofitить их к своим шкафам и идти на смену, по словам Вовки, как белые люди.

Потом нам подсказали: жэушникам положены какие-то башли. А денег у каждого из нас осталось, по Шаповалову, хрен да маленько. Чья-либо потайная заначка абсолютно исключалась: за два года училищной жизни мы, кажется, неплохо узнали друг друга, а потому не верили, что среди нас завелись жлобы, хитрюги или какие-то отщепенцы. Мы доверяли друг другу во всем, делились последним. Таков был неписанный закон в нашей одиннадцатой, где у каждого второго отцы сложили головы, а их детей ставили на ноги матери да бабушки. Жлобство или корысть в нас не могли прижиться, а коль кто и приобрел сие человеческое наваждение, мы наверняка знали бы этого человека.

Укладываясь спать, Алеко заметил:

—Все-таки по-хорошему завидую Пашке за его смелость, находчивость, настоящую мужскую отвагу. Мы с тобой вот валяемся, как лутяги, а он душу отводит, может, стихи Валентине читает. Ей-богу, настоящий он мужик все-таки!

—Но ведь, по правде, опасно-таки, — старался я как-то реабилитировать себя за так глупо пропавший вечер. Пойди сегодня я с Леной, не тарасил бы сейчас в темноту свои зенки!

—Да не казни себя, старик, — успокаивал меня Алеко. — Вижу ведь, жалеешь... Не первые сегодня танцы, и вечеров таких за четыре года будет столько, что не сосчитаешь!

—А Пашка как, по-твоему?

—Нормально, думаю, и довольно смело. Может, Валя — его судьба.

—Но как-то с ходу, не узнавши...

—А чего узнавать? Бывает, дружат годами, женятся, а там и разбегаются. А бывают случаи, и немало: встретились, познакомились — и в

загс, вышли и идут по жизни рука об руку до последних своих дней. Ведь это жизнь!

—А может, судьба?

— Судьба, как сказал бы Чугунидзе, это абстракция. Судьбу свою каждый человек делает сам, чего нам тоже следовало бы: училищных нянек у нас теперь не будет, они снарядили нас в путь, а идти нам самим.

— Тут ты, друже, прав. Однако как-то боязно начинать жизнь без старших, без того же ФД. Работы мы не боимся, кое-что знаем о ней, а вот о жизни...

—Подрастем да поживем, поваримся в каком-нибудь соку, побываем в чьей-нибудь шкуре, тогда уж и займем представление о житейском бытии. Время все расставит по своим местам... Давай, старик, дрыхнуть. Даст Бог день, даст и пищу. Обо всем узнаем завтра, сегодня же ждать эту блудню просто бесполезно: Пашка, он и в Орлиной остается Пашкой!

Мы верно предположили: блукать Павлу не ново, он появился даже не с петухами, а когда мы с Алеко, заправив постели, уже намывали бороды. Бритье с горячей водой — одно удовольствие: пошел вниз в дежурку, где кипятка хоть залейся, а потому бери его сколь душа желает. В училище такой роскоши мы не имели.

—Ну как, гуляка, вчера по дороге никого не встретил? — спросил Алеко, обильно прыская лицо одеколоном.

—Все нормально, живой же. После получки или аванса, случается, местные бузят, а так кому мы нужны?

—Как избранница тебя приняла? Спали? — не унимался Алеко.

—Ну ты даешь, Шурик! Что ж, она совсем, что ли, подзаборная? Гуляли, на балконе сидели, о жизни беседовали. Родители ее в Приесильске живут, сюда же по направлению после кулинарного училища попала. Вот отработает два года, а там до свидания! В Приесильске дом, родители, городские привилегии, река — красота! В Орлиной же губить молодость — Бог не простит.

—Ну, сие мы уже проходили. Все здесь плохо: поселок с самолета немецкий знак напоминает, жители ничего не знают об асфальте, централизованного отопления, канализации, воде в доме и ваннах, плюс повсеместное безводье-безлесье, — отчего-то распалялся Алеко.

—Все равно, старики, четыре года видеть повседневно сие убожество — извините! Со своими корочками мы в любом депо Союза найдем работу: тепловозники сейчас в стране всюду в цене.

—Так нас и ждут, — возразил я. — Смотри-ка, разбежались!

—Федор точно рванет в свою Татарию, в свое Юдино, — не сдавался Пашка. — А приесильские Чугунидзе, Проказов, Холмецкий, Баймуханов, Моисеев, Неру? Ведь рванут, даже не ожидая отработки! Они уже шепчутся о каких-то справках.

—Вот и Миша Бейманов прямо сказал: "Дерну в свою Белоруссию!" Правильно, целину попробовали, хлеба накушались, теперь их на родину потянуло, — вставил я.

—Ну, рыбка известно чего ищет, — серьезно заметил Пашка.

Оно конечно, сокрушался я про себя, мне-то, бедолаге, вообще податься некуда, у меня все здесь — родина, дом, могилы предков, вся родня до третьего колена. Старики говорят, если бы не столыпинская реформа, так и жили бы мы в лесах киевских да брянских. Бабка помнит, как все начиналось, а уж мои родители потом на свет Божий появились в этом безводье-безлесье.

—Вам-то какие заботы, старики? — с какой-то злостью сказал я. — Отработаете положенное и рванете по домам: ты, Алеко, в Бульбашию, ты, Павло, в свою Хохляндию. А мне здесь ковать до могилы.

—Ну ты даешь! — вспыхнул Пашка. — Ты у меня был? Был. Видел? Видел. Разве я снова поеду быкам хвосты крутить? Знает ли Москва, как живет ее глубинка, ее кормилица? Нет, не знает, но ей докладывают — все в порядке. Потому извините-подвиньтесь. Мои старики земную жизнь свою отдали, и теперь пашут. Земля не виновата, она все дает, родит, кормит, одевает, а колхоз как был на трудоднях, так и остался: люди часто не помнят, когда они в руках деньги держали. Оттого колхозники всю свою жизнь без гроша, вынуждены от бедности постоянно добираться до Коростеня, где железная дорога, поезда с пассажирами, раскупающими сало, сметану, яйца, всякие пирожки да вареники. Не знаешь ты, старик, ни старой, ни новой деревни — голытьба! Молодежь рвет когти из деревень по-страшному, и не знаю, на ком только эти несчастные колхозы держатся.

—На тех же стариках, конечно, — вставил Алеко. — У меня, думаешь, лучше? Та же картина: в колхозе техники ноль, быки да лошади, а больше человеческие руки, хоть в лесу, хоть в борозде. А на картошке чертовой сколько сил надо? Попробовали бы, так давно на край света сбегали бы. Мне вот только и удалось, а сестрам — беспросветно. Но и ничего, приезжаю — живут, хлеб жуют. Старики тоже крутятся, бодрые такие, хоть в танцевальный круг их пускай. Я даже не знаю, на пенсии ли они и есть ли в деревне пенсионеры. Вижу — кругом старики, древ-

ние, и все в поле. На своем — это само собой, именно все на колхозном... Здесь, можно сказать, рай против наших Беларуси да Украины, а посему, друг Вольдемар, не слишком переживай!

Ну, паразиты, умеют успокоить! Знал я их биографии, по-хорошему завидовал их мужеству, даже подвигу, какой свершили они в свои отроческие годы, сумев при том времени вырваться из колхоза на целину. Как говорили, удавалось это немногим: из города — пожалуйста, из колхоза же — забудь, потому как паспортов там не выдавали, а без паспорта какой ты гражданин СССР? Так себе, бродяга, бомж, а то и вовсе лагерник...

Словом, Пашка с Алеко — парни настоящие, я их полюбил, как родных братьев, готов был за них даже на плаху, и они мне отвечали тем же. Наша тройка не разлучалась целых два года. Теперь же, когда училище позади, жизнь всякое может подбросить в эту дружбу.

В комнату влетел Чугунидзе с громовым вопросом: идем ли мы на завтрак?

— Все уже собрались, и только вы, как арестанты, чешетесь!

— Мы готовы, дорогой "профессор", — за всех ответил Пашка, и мы дружно поспешили из комнаты.

На этот раз Федор не считал нас и, кажется, даже не обращал внимания на то, все ли в сборе. Прежняя училищная привычка ходить вместе в столовую, баню, кино считалась обязанностью, теперь она же проявлялась стихийно.

"Профессор" Чугунидзе, присоединившись к Пашке, упоенно о чем-то беседовал с ним до самой столовой. Я подумал: разговор непременно идет об их новых подружках. "Профессора", конечно, интересовала его Лена, а главное, знакомы ли они с Трофимовой.

— Даешь ты, Чугун! Конечно, знакомы: в Орлиной же все друг друга знают. А твоя красуля работает или учится?

— Работает на станции приемосдатчиком или весовщицей, как она говорит.

— Так это по сменам, сродни нашим "день-ночь и на 48".

— Вот и замечательно, просто отлично. Удобно встречаться, время планировать...

— Ну, дорогой Вова, с девушками всегда удобно встречаться, лишь бы они имелись в твоей картотеке!

— Несколько сразу, что ли? Разве так можно?

— Чудак! Не можно, а нужно: одна на праздники, другая на повседневность, третья для души...

— Ну ты даешь, Павло!

— Ничего не даю — жизнь дает.

— В народе это развратом называют, бабничеством, а то еще чем-то похуже.

— Ну, народ всегда мудр в точности оценок чего-то...

Подходя к столовой, "профессор" Анатолий Шаповалов сказал:

— Братцы, уже неделю как мы в Орлином, но ни разу даже кружки пива не выпили. А оно здесь, говорят, такое классное, получше столичного. Под стать ему, как утверждают, местная рыбка — маринка, жерех, сазан вяленый, лец, сом, судак. Не в каждом водоеме Союза встретишь такую вкуснятину. Надо, братцы, сейчас отведать местные деликатесы: тутотшний регион давно ими славится, за что в благодарность кланяется незабвенному озеру Медное. Хотя оно в двухстах верстах отсюда, все равно любители не успокаиваются.

К завтраку мы действительно взяли по паре кружек янтарного пенящегося напитка и несколько чудо-рыбин маринки. Вкус того и другого действительно оказался божественным.

— Да, — причмокнул губами Анатолий Шаповалов. — Истинное чудо!

С ним согласилась вся группа, укорив себя за позднюю информацию об этих вкусностях Орлиной, должных бы быть известными нам в первую очередь.

С пивом и водочкой многие из нас имели знакомство не понаслышке. У одних, как Виктор Лозовский, задолго до училища имелся опыт по этой части. В училище этот опыт стал превращаться в непреодолимую потребность, в итоге погубившую Виктора: по какому-то делу, совершенному по пьяной лавочке, он попал под длительное следствие, за что из училища его исключили.

В целом же, одиннадцатая группа, несмотря на ее разноразностность и разновозрастность, считалась здоровым организмом, что не раз отмечалось дирекцией училища. А здоровье группы крылось в нас самих: многих из нас не баловали роскошью, мы умели ценить копейку, значному же пристрастию болынинству из нас просто не у кого было учиться.

С куревом же в группе дружили все. Некурящих перечисляли поименно: Александр Дундич, Федор Гелазиев, Миша Бейманов. О капле никотина, убивающей лошадь, мы знали, но наша молодость и присущее ей здоровье не пугали нас опасностью курева для человечества, потому как мы видели повсеместно: человечество дымит поголовно не только в кино, но и в реальной жизни.

— Итак, друзья, — воскликнул Анатолий Шаповалов. — Местному пиву с рыбкой с ходу ставим знак качества. Такой прелести, думаю, во всем Союзе не сыскать, потому Орлиная не такая уж и Тмутаракань.

— Как же, в городах этого добра тоже хватает, — проворчал Чугунов.

— Не сказал бы. Недавно ребята ездили в соседний Углеград, пива там море, а рыбки — тю-тю. Значит, наши орлинские ОРСы классно работают — железнодорожный, экспедиционный, перевалочной базы... Мороз, хоть бы ты о них статейку какую тиснул! Ты же в училище вроде этим делом по-серьезному практиковался, — обратился вдруг Анатолий ко мне.

— Пусть заслужат сначала, а черкнуть о них не проблема, — сказал я "профессору". — Система оперативного снабжения в наше время вроде отработана. Кроме фондов и разнарядок надо, правда, иметь еще и шустрость, смелость, боевитость, настойчивость и даже наглость. Вот обживемся малость, заведутся гроши, да как завалим сюда всем отродьем — пусть найдут сразу столько своих деликатесов! Если выдержат такое испытание, то можно и рискнуть на статейку о них для подогрева и зарядки энергией...

Словом, для себя мы облюбовали сегодня хороший общепит, решив в будущем свои кровные оставлять только здесь.

Из ОРСовской столовой так же гурьбой мы ринулись в магазины за замками для наших рабочих шкафов, должных хранить нашу робу и выходную расфуфыренность под галстук и надушенный платок...

— Как отдыхалось, друзья мои? — спросил Дайнеко, когда мы, приняв вахту у дневной смены, провели свою короткую летучку. — Знакомились с Орлиной, магазинами, забегаловками да едальнями?

— Так ничего же другого ваша летучая предложить не может, — с какой-то обидой сказал Пашка.

— Да, друзья, в поселке достопримечательностей негусто, слишком не разгонишься — железнодорожный клуб да местная толкучка. Но ничего не поделаешь, молодежь, такая наша доля мужская — терпеть. Однако, друзья, замечу: кто-то да должен и здесь работать, водить поезд, ремонтировать тепловозы. Я с дорогой душой подался бы к себе на родину, в мой Кобрин, где каждая березка мне знакома, а люди не представляют голой степи с солончаками, где мало чего растет живого. Опять же, парни, как-то и долг обязывает пока оставаться здесь. Отработаете честно свои четыре положенных, а там каждый выберет, где бросить свой якорь — то ли в своих краях, то ли в том же Орлином.

— Но, Григорий Иванович, в Орлином командированных ставить не переставить, — не унимался Пашка. — Да таких, как мы, из училищ да институтов-техникумов, кому по три-четыре годика положено на одном производстве откантироваться...

— Справедливо, Павло. Поселок небольшой, своих кадров мало, а станция развивается. Наше депо постоянно пополняется новыми тепловозами, грузопоток растет, а своих кадров не хватает. Орлиная стоит на главном железнодорожном ходу, ей и внимание уделяют, отовсюду работяг да всяческих специалистов присылают. Железная дорога, сами понимаете, никогда не остановится, потому наш кормилец МПС и идет на большие расходы по подготовке железнодорожных кадров...

Да, о ситуации с кадрами здесь мы были наслышаны немало. Общая картина, не вызывавшая восторга, заставляла лишь по-человечески сочувствовать местным руководителям да удивляться их умению выходить из положения — работы много, а людей мало. Ветераны депо, в основном паровозники, после переквалификации, чего требовала сама жизнь, на "отлично" оценивали новый вид тяги. Углеградская дортехшкола работала на пределе, готова тепловозников для всего углеградского отделения.

Как бы то ни было, а кадровый конвейер Орлиного ТЧ работал бесперебойно, принимая специалистов чуть ли не со всего Союза. МПС свое дело знал туго, потому железные дороги такой большой державы чувствовали себя, как у Христа за пазухой.

Работать ночью нам не слишком нравилось, но мы знали: существуют на земле производства с непрерывным циклом работы — доменные печи, электростанции, хлебозаводы. Железная дорога и подавно работала день, ночь, десятилетия — вечно. Такова специфика этой артерии жизни, экономики, государства и человека. Пашка не раз убеждал нас с Алеко: он лично подался в железнодорожное училище потому, что "железка" в нашей стране всегда на виду, к ней всегда тянутся люди, и она, пусть негласно, но как-то довлеет над остальным транспортом. Мы Павлу верили.

Мои сверстники по школе в Белозерке после выпускных экзаменов подавались больше: на курсы шоферов, игнорируя всякие техникумы-институты. Были среди них отличные парни, хорошо закончившие десятый. Им бы рискнуть в вуз, так их больные прелыщали "ЗИЛы" да "МАЗы", "ГАЗоны" да "Москвичи" с "Волгами".

Друзья и меня агитировали на эти курсы. Не знаю почему, но автомобили меня не прелыщали. Видел: в шоферской профессии немало

романтики, своего особого достоинства. Белозерка давно имела свою автобазу, о какой не раз приходилось читать хорошее да видеть публичные благодарности в адрес шоферского предприятия. Но особо бросалось в глаза: шоферские семьи жили богаче остальных жителей Белозерки. Впечатляли их заметные жилища — большие дома в восемь-десять окон, широкие подворья с сараями, банями, гаражами.

Дети шоферов — мы это постоянно видели в школе — не носили перелицованных, как у меня, пальто, пиджака, штанов. У них красовались новенькие портфели да ранцы, не в пример моей тряпчатой сумке, сшитой из вафельного полотенца, и светлые чернильницы-непроливашки, в отличие от моего пузырька из-под зеленки.

Я со своими сверстниками знал, что шоферская профессия хорошо кормит. В отличие от детей шоферов, мы не щеголяли броскими обновками, облежавшими их упитанные задницы, не грызли на переменах грецких орехов и других экзотических плодов, каким и названия-то не знали, не только вкуса.

И все-таки прелести шоферской жизни меня не прельщали, не манили. А зная ее подлинную суть, все адские мучения, выпадавшие на долю шофера на наших забытых Богом и людьми дорогах, я и подавно не отдал бы жизнь баранке.

Живя в станционном поселке, я восхищался величием и силой паровоза. В училище не раз бывал в самой кабине огненной машины: бригада сердобольно соглашалась довести от Приесильска до Белозерки, куда я не раз вырывался на выходные. Возвращался также на паровозе с такой же сердобольной бригадой. Летом мы с Пашкой и Алеко ездили прямо на переходной площадке вагона, домой приезжали счастливые, хотя наши лица были, как у добросовестного трубочиста.

...Григорий Дайнеко по каким-то признакам быстро примечал отсутствие у нас адаптации к ночной смене, тут же советовал во всем рационально распределять свои силы. Мы понимали, что эта рациональность позволит полноценно выполнять работу, больше соблюдать технику безопасности. В ночное время всяких неожиданностей гораздо больше, нежели днем, потому осторожность у каждого должна быть максимальной. Депо на своем веку горьких случаев ТБ избежать не удалось, отчего этому делу здесь повсеместно уделялось особое внимание. Но, как бы мы ни распределяли свои силы, наших возможностей хватало лишь до ночного обеда, после чего могучий Морфей валил нас с ног, противиться чему стоило целого подвига.

— Я вам сочувствую, друзья, — говорил в первые дни Григорий Ива-

нович, глядя на наши неуверенные движения и притупленные взгляды. — Сие аморфное состояние прошел каждый слесарь; пройдет какое-то время, и вы попривыкните. В свое время я тоже испытал это удовольствие, затем притерся, и организм живет теперь не иначе как по приказу: какое дашь ему задание, такое он и выполняет.

— Но это же все идет вразрез с привычным человеческим регламентом, — пробовал пофилософствовать Пашка.

— Конечно, однако же не только на нас свет клином сошелся. Локомотивщики водят поезда в любое время суток, самолеты летают беспрестанно, сталь варят круглосуточно годами. Современное развитие человечества рушит многие неписанные законы природы. Каково бы ни было естество, человек при необходимости вторгается в природную первозданность и переделывает все, приспособлявая к своим потребностям. В одном случае это веление времени, в другом — просто жизненная необходимость, как, например, у нас с вами. Люди почивают в объятиях Морфея, а мы работаем, готовим локомотивы под поездные маршруты. Угольные побегут на металлургические комбинаты, ТЭЦы, для бесчисленных котельных страны и людей; наливные, хлебные — на заводы да фабрики, в итоге опять же к людям. Коль верить статистике, только процентов 20-25 населенных пунктов нашей огромной державы от Бреста до Сахалина имеют центральное отопление, остальные же отапливаются угольком, дровами, кизяком. Наши железнодорожные поселки, станции, разъезды, казармы, каждый дом на перегоне, та же Орлиная обогреваются, как мы видим, только "черным золотом"...

Ну, не знали мы способностей Григория Ивановича к философским выкладкам! Старший слесарь — ладно: как и мы, железнодорожное училище закончил где-то у себя в Белоруссии, да вот год назад ЖД-техникум. По практике и образованию надо бы его в мастера выдвигать, а он слесарит: то ли начальство не замечает, то ли сам Григорий Иванович хочет остаться в тени. На поверку есть, наверно, в том свой смысл: деньги не слишком разнятся, зато в ответственности свои плюсы — тут делай свое дело и за себя отвечай, а мастеру же за всех болеть, за всех же и подставлять шею, молить, чтобы выпущенный с ремонта тепловоз отбегал положенное без захода на межпоездной ремонт.

О злополучных межпоездных мы знали уже немало. За эти самые межпоездные крепко доставалось не только слесарям с их мастерами, но и руководителям повыше. Деповские приказы знали только одно: лишить премии, объявить выговор, перевести на нижеоплачиваемую.

А "заслуживалось" все это часто обычной нерадивостью, элементарным разгильдяйством, скажем, по той же дизельной группе. Вышел тепловоз с ремонта, укатил с поездом, и вдруг известие — полетела карданная головка между компрессором и гидромуфтой. Почему, куда смотрели, как ревизовали? А никак: слесарь просто пробежал ее глазами визуально, но не удосужился проверить, на чем она держится, какое крепление болтов, не проверил состояние шплинтов, какие просто срезало. Результат налицо. А все это, скорее, из-за неудобного ее местоположения, затруднявшего ревизию ее крепления, не говоря о полной замене. Масел, грязи на самой головке и ее ограждении здесь не оберешься, и подходить-то страшно.

Премия — дело, конечно, не последнее. Поэтому работу мы старались выполнять, как выражался Павло, на "ять", чтобы комар носа не подточил. Пока же в нашей смене по дизельной группе все шло классно, за что следовало благодарить самих себя, Григория Ивановича и провидение.

Утром, передав сменщикам данные о готовности машины у дизелистов, мы с чувством исполненного долга пошли в душ, после чего, бодрые и нарядные, на этот раз не спешили в нашу ОХРу, дабы бухнуться в постель и дрыхнуть часов десять кряду. Впереди у нас законные двое суток, какие мы могли использовать, кто как хотел. Будь это в Приесильске, мы непременно подались бы ко мне в Белозерку на молочко, вареники и другие домашние деликатесы, какие мама делала, по словам Павла, не классно, а классически. Пашка с Алеко сходу определяли — это закуска богов, достойная стола самого Никиты Сергеевича, уж он точно присвоил бы Анне Васильевне Морозовой звание экстра-повара.

Не знаю, понравились бы Хрущеву вареники из сырой картошки, так расхваленные моими друзьями. На деле же они и впрямь стоили много — вкусные, питательные, необыкновенные и просто лечебные: поел, и будто на свет Божий народился. Не знаю, многие ли белозерские хозяйки готовили вареники из сырой картошки, мелко нарезанной обычным ножом, а не на терке, каковой у нас отродясь не существовало, только мама в любой мой приезд ставила на стол этот любимый всей семьей, коронный деликатес — манящий, сытный, не городской. Училищная кормежка, как не раз замечал Павло, нам и впрямь становилась поперек горла. Всякий раз, идя в училищную едальню, Павел нервозно говорил нам с Алеко:

— Сегодня не иначе как суп-кондереш, наутро штаны не отдерешь, или суп-коже для жэушников и бомжей...

В другой раз наш друг находил для жэушных блюд новые сравнения:

— Нынче уж точно расщедятся на суп-кондей из семи мудей, а то и вовсе на суп "хэнде хох" — поел и издох...

Мы и те, кто были рядом, держались за животы от Пашкиного юмора и находчивости.

— Нет, Мороз, вовсе не то, что у тебя дома — поел, и на подвиги тянет, а тут человек ноги заплетает, и от голодухи его ветром качает...

А приезжая ко мне в Белозерку, Пашка с Алеко не прохлаждались, отработывали настоящий суп, не бездельничали, не сибаритствовали, как выражался и Павло, сами находили, где им приложить руки. А работа всегда ожидала одна — подворье с коровой, курами, утками, прожорливыми свиньями. Почистить сарай, наметать подстилку, наносить с колонки воды считалось для моих друзей делом плевым, как они сами говорили, какое ни согреет, ни в пот не прошибет, отчего просили дело посolidнее, скажем, дров наколоть, как у себя в деревне.

— Где же тут дрова, братцы? — кипятился я. — Уголек ведь у нас всюду, вон сколько кольцовок стоит... Может, не поспим ночку?

Друзья соглашались — работа действительно мужская. Ночью мы хватали мешки, шли на станционные пути, я влезал на вагон, и работа закипала. Так, с оглядками, чтобы не попасть под руку вагонникам, а больше милиции, сделав до рассвета ходок десять, мы под утро валились вповалку. Этого запаса хватало на месяц-полтора; в последующие зимние приезды операция "Уголь" повторялась, отчего домашние в нас души не чаяли. Во-первых, семья не тратилась на топливо, экономия и без того скудные доходы, складывавшиеся из одного-единственного заработка мамы, во-вторых, наша совсем не новая халупа теплела, светлела и с нашим приездом всегда преображалась.

А у мамы, кроме меня, на руках находились еще двое неопределившихся — моя сестренка Лида семнадцати лет и брат Анатолий. Его только на будущий год готовили в первый класс, приобретая все необходимое для школы из того же семейного бюджета. Мой старший брат Иван, отдав четыре года армейскому авиаполку, недавно женился и жил своей жизнью. Помощи от него — не разгонишься, сами они с женой постоянно "паслись" у мамы, лакомясь сметанкой, не гнушаясь и мясом: курятинка на столе была не только закуской богов, но и всех приبلудных.

На втором году учебы в училище Алеко мне прямо сказал: к моей сестренке он по-настоящему равнодушен. Я не противился их друж-

бе: Алеко всегда импонировал мне многими своими качествами, не курил, не пил сверх меры, не слыл бабником. Он, как и я, не помнил своего детства, какого у нас просто не было.

Отвечала ли Лида Шурику взаимностью, я не знал, но хотелось, чтобы у них завязался хоть какой-нибудь узелок. Мою сестру в ее семнадцать, возмущался Алеко, наполняло все истинно школярское, какое его до боли раздражало. В ее годы пора бы уже оперировать не школьными категориями, посвящая все вечера Печорину да княжне Мери, Катюше Масловой да Нехлюдову. Ну, а Бахирев с Тиной вообще сводили ее с ума: о них она говорила с вожделением, считая, что в жизни таковые не встречаются, все это выдумки писательницы, однако так приятно видеть их болыную любовь, какая в жизни вряд ли встречается, а дается разве только избранным.

Не уверен, что Алеко знал, кто такие Бахирев и Тина и из какой они оперы, только оставался он крайне раздосадованным и обиженным на Лиду, но больше на самого себя, не умеющего сбить ее школярские размышления. О себе же, молодых, красивых и живых, все вечера ни слова, будто они не люди, а манекены.

— Ну, Алеко, тюфак ты, ей-богу! Девчонка тебе зубы заговаривает, сама намек дает, какая есть на свете любовь — чистая, всепоглощающая, к какой и надо стремиться, а ты теряешься, как чукча. Ты бы ей без всякого в лоб: кончай, подруга, про разных Бахиревых и Тин, они из какого-то потустороннего мира взяты, нечего ими восторгаться, давай лучше о нас говорить. Мы с тобой не монахи, потому нам сам Бог велел любить! Хочешь, после училища женюсь на тебе? Вон, даже Вовка не против, — так Павло наставлял Алеко, веря, что его опыт пригодится и другу.

Мне тоже откровенно хотелось для сестры с Алеко настоящего любовного романа с взаимными волнениями да переживаниями, сердечным томлением, ревностью и слезами. Но шли месяцы, пролетело время учебы в училище, а настоящего романа между ними так и не завязалось. Сестра по-прежнему жила в Белозерке, работала в школьной библиотеке, изредка посылая Алеко приветы в Орлиную; он отвечал ей тем же — к Международному женскому дню, к Новому году, а то и просто под настроение. Я по-прежнему оставался нейтральным, но мысленно все же желал ему удачи.

После приезда в Орлиную я ни разу не заговорил с Алеко о Лиде, об их планах. Он тоже не просил меня о каком-то содействии или влиянии на сестру, видимо, все же больше надеясь на себя, на их общий

язык, какой наверняка будет более верным, нежели какое-то содействие со стороны. Мы с Павлом просто махнули на них рукой, предоставим им самим выходить из их неоконченной повести — до романа они оба, видно, еще не доросли.

...Не знаю, какая сила держала нас в депо почти до обеда. Вовка Чугунов с Анатолием Шаповаловым, определенные в автоматный цех, после ночной смены тоже не спешили в общагу, за компанию шаршились с нами то у лаборатории, то у пескосушилки. Занесло нас и в скоростемерный цех, по-деповскому - СЛ-2, где Вовке друзья почистили часы, заодно поменяв стекло. Слесарь денег не взял, "пузырь" же распить с получки договорились непременно.

Потом черт занес нас в красный уголок, где полистали "Гудок",

"Приесильскую правду", несколько технических журналов. Тут же стоял большой, с обновленной обшивкой бильярд — неимоверная слабость наших обоих "профессоров".

Я просмотрел подшивку "Приесильки", где, кстати, впервые вычитал о первом выпуске слесарей и помощников машиниста нового вида тяги — тепловоза. Паровозы свое отслужили честно, за что им большое спасибо. Списывать их на переплавку МПС пока не собирался: при необходимости огнедышащие трудяги еще послужат человеку — как в Медногорске, где паровозы приспособили как котельную, отлично обогревавшую само депо с подачей горячей воды потребителям. Та же картина и в Орлиной.

Только часам к двенадцати мы наконец добрались до общежития. Как мы ни крепились, однако ночная смена брала свое, поистине валила с ног, смежая веки, чему никто не противился. Ложась в постель, Пашка, закулив на сон грядущий, то ли с возмущением, то ли с укором высказал всем нам свою точку зрения:

Хреновину порем, старики, время золотое тратим по пустякам, не умеем беречь и правильно распределять его! Боже, давно следовало бы ноги вверх да дрыхнуть, а мы только примеряемся. На кой хрен было нам шараться по депо столько? Патриоты, что ли, жить без него не можем?

— Да уж как-то все близким становится, — зевая, тихо сказал Алеко.

—И цеха, и люди, и даже простые железки... Наверно, так рождалась любовь у ветеранов к своему предприятию; так она, скорее всего, рождается у каждого рабочего и потом живет, укрепляется и делает его на производстве хозяином, а не приживалкой вроде нас. На будущее надо учесть и не повторяться без надобности: ведь проспим до вечера, а там

куда податься на ночь глядя? Конечно, можно в кино ударить, а дальше что, снова спать? Не может человек сутками дрыхнуть, не на пожара ника же сдаем экзамены!

Я промолчал, мысленно целиком соглашаясь с друзьями: уж больно расточительно обращаемся мы со своим личным временем. Ладно, "профессоры" вроде с какой-то пользой использовали его для себя, с вожделием и азартом гоняя бильярдные шары и выигрывая у противников все партии подряд. Любители и болельщики высказывали им лестные комплименты, какие их радовали и возвышали. Пытались сразиться с нашими "профессорами" и "зубры" депо по биллиарду, но наши друзья и тут не подкачали — упорство и своеобразная злость не подвели их.

Ах, черт, чего это всякие мысли лезут в голову, когда она должна попросту отключаться? Спать, старик, спать!.. Пашка с Алеко уже мирно похрапывают, и только я мучаюсь, мечтаю, строю планы, ишак бухарский. Организм требует отдохновения, а ум бодрствует — не дело ведь это, не по природе. Что советуют по этому поводу медицинские календари?

Глава 6

Если б гармошка умела

В августе 59-го исполнилось полгода, как мы приехали в Орлиное депо. Особых изменений в жизни эти шесть месяцев не принесли, что Федор, на правах бывшего старосты, на одной из мимолетных наших сходов и поставил на вид. Хотя Федор работал в другом цехе, однако неплохо знал, кто из нас, пятнадцати жэушников, чем живет и дышит.

По депо как-то прошел слух: кто-то из экипажников пришел в ночную смену "на ушах". Вся наша группа, Федор же в первую очередь, всполошились неимоверно, пока не выяснилось — не наши. А наших в экипажной группе было всего двое — Михаил и Болат. За Болату мы ручались, Миша же Бейманов давненько имел общение с белорусской самогончой.

— Мы на ней росли, — не раз говорил он.

А потому не без оснований мы боялись за него — не споткнулся бы

наш друг. В общаге, дома — куда ни шло, на работе же быть "под керосином" не годится. Но, слава Богу, не наш, что давало нам повод ходить по депо с поднятой головой, глядя в глаза каждому: нет, мы медэкспертизы не боимся, готовы идти в медпункт в любую минуту!

Мы удачно пережили нашу первую весну в Орлиной и благополучно вступили в лето красное. Теперь никаких каникул не полагалось, что заставляло рассчитывать лишь на свой трудовой отпуск.

С первых дней работы, как я заметил, у нас появились проблемы с личным временем: сменные день-ночь наваливали на нас двое суток, которые надо было куда-то деть. Однако мы не слонялись по Орлиной в поисках приключений и не заглушали безделье "Московской". Конечно, в холодном бочковом пиве мы себе не отказывали, только это удовольствие тоже начинало нам надоедать — приесться, как заметил "профессор" Вовка Чугунов.

Молодость и наша безумная свобода требовали перетряски нашего образа жизни, динамики мышления и действий. С наступлением жары руководство депо, особенно его деятельный профком, стало регулярно заказывать в местной автобазе на воскресные дни автобус для выезда на лоно природы, что нас несказанно радовало.

До нас подобные выезды в депо не практиковались — может, из-за бедности, а может, из-за трудностей с автотранспортом. Автотранспортное предприятие (ДТП, как называли автобазу орлинцы) только в нынешнем году получило экзотическое для Орлиной средство передвижения, пока в единственном экземпляре. Однако маршрутного движения по поселку не стало даже с его приобретением, хотя потребность в нем была архикрайняя.

Новшество с выездом на природу явилось для нас, охровцев, щедростью необыкновенной, даже подарком судьбы. Такой отеческий знак внимания к свободному времени деповчан, их отдыху и здоровью, не преминул благотворно сказаться на производительности труда, что было с удовлетворением отмечено деповскими финансистами. Отдачей за все доброе, конечно, была наша ударная работа, становившаяся для нас не только насущной потребностью, но и мерилom ценности каждого.

Быть безликими, теряться почти в тысячном деповском коллективе мы явно не хотели. Мы не гнались за громкой славой, но чтобы о нас, приесильцах, в депо говорили хорошо, относились с почтением — нам так хотелось.

— Быть серостью много ума не надо, — рассуждал Федор. — Пусть о

нас больше говорят хорошее, а не склоняют. Тенденция у начальства известна какая: любые промахи — сразу на вид. Не без того, конечно... Бывает, человек споткнулся, чего-то недоглядел на работе, где-то переусердствовал в какой-то операции, так оно тут же выставляет его перед народом, стыдит, читает нотации. А вот на прошлой планерке начальник депо лестно отозвался о Володе Проказове за его пытливость, техническую подкованность, за ценность его рацпредложений, какие уже дают ощутимый экономический эффект, и об Алексее Быстром, его технической грамотности и производственной перспективности...

Назвал Федор еще несколько фамилий из наших, что не могло всех нас не радовать. В числе упомянутых оказались и мы трое. Возился Дайнеко с нами все-таки немало, хотя теоретически мы могли дать фору не одному квалифицированному передовику. Наша училищная школа давала о себе знать в повседневной рабочей ритмике; практика же просто закаляла, чему Григорий Иванович способствовал беспрестанно.

Словом, в жизни и работе у нас все складывалось. Как заметил однажды Пашка, надо бы лучше, да некуда. С выездом на природу мы точно на свет Божий народились — столько в том было прелести, непосредственности, молодости, здоровья и азарта.

Все-таки зря Вовка Чугунов журил местную природу, характеризуя ее как Богом забытую землю. При виде окружающего ландшафта с буйным разнотравьем, густыми ковылями и перелесками в межсочных отложениях мы готовы были просто поклониться Всевышнему за такую "забывчивость". Ктому же, неподалеку от Орлиной, всего в каких-то тридцати верстах, манило своей прохладой большое рукотворное озеро, возникшее в степном раздолье при строительстве межсовхозной плотины. В местном региональном безводье с редкими дождями озерная вода использовалась для животного поголовья и полива близлежащих огородов.

Побережье озера давно облюбовали железнодорожные организации станции, обустроившие для себя зоны отдыха. По визуальной прикидке, депо оказалось щедрее других, отчего отдых на нашем участке был просто отменным. Завсегдатаи имели здесь облюбованные рыболовные участки, где они проводили долгие часы отдыха. Некоторые из нас тоже пытались стать рыболовами, приобрели рыболовецкие снасти, но возиться с рыбой никому не хотелось, зная, что уху сварить или просто поджарить улов не имелось на чем даже в самой общаге. Выход находили один — просто отдавали рыбу какому-нибудь страждущему

дедуле, который, неимоверно удивляясь столь бескорыстной щедрости, в знак благодарности мог предложить лишь стопарик-другой водочки.

Особой же местной достопримечательностью считалась сайга. Мы видели ее впервые только здесь: в приесильских просторах ее просто не водилось. Мы знали из рассказов местных охотников, что сайга ходит здесь тысячными табунами, нередко даже пересекает железнодорожные пути.

Охотники отстреливали сайгу по лицензии, а многие сами по себе, вне закона, били нещадно, но меньше ее вроде не становилось. К осени животные уходили в южные регионы, возвращаясь лишь к следующему лету.

— Все-таки, друзья, — высказал свою точку зрения Пашка, — жить здесь можно. Рыба есть, охота, на огородах все растет, вплоть до раметок, смородины, клубники, той же малины. Слышал, огурцы с помидорами здесь вызревают тоже, а свекла, капуста, картошка — само собой. Женись, заводи свиней, кур, уток, покупай транспорт, снова ударяйся в хозяйство, коров заводи, как каждый орлиновец, продавай мясо, молоко и копи таким вот образом на собственный дом где-нибудь в Хохляндии или Бульбашии. Так многие мои знакомые и поступили. Сейчас пишут — не нарадуются жизни, здесь ведь деньги легче заработать, чем в наших родных краях. Но для всего этого, конечно, надо крепко пахать. Не ленись, упирайся рогом, только тогда твои усилия окупятся сторицей. Такова логика жизни, друзья, какую надо мотать на ус крепко!

Свое полугодовое пребывание в Орлиной мы отмечали в ОРСовской столовой, проверенной, облюбованной и желанной. Девушки-поварихи только для нас, по нашему заказу приготовили отменную уху из нашего же улова в рукотворном озере. Наши любители рыбалки Пашка, Анатолий Шаповалов, волжане Федор Гелазиев и Шавхат Тухватуллин наловили центнер; матрасовку с уловом мы передали нашим поварихам, согласившимся для нашего маленького юбилея приготовить нечто необычное, даже сногшибательное.

Девушки в поварских колпаках и белоснежных передничках казались в этот вечер особенно красивыми, приветливыми и даже влюбчивыми. Подогретые "Московской", мы безжалостно расправлялись с чудо-ухой, а больше с аппетитной рыбой. В любезности и обходительности на этот раз нам могли позавидовать даже самые прожженные кавалеры, о чем не преминули поделиться наши щедрые кормилицы.

—Нет, вы не такие, как из первого набора, — сказала красивая, вся нарядная и желанная Валя Трофимова, ни на шаг не отлучавшаяся от нашего Павла. Павел отвечал ей полной взаимностью, заставившей нас отметить про себя: Бог поистине создал их друг для друга. Мы начинали надеяться хотя бы к осени их "пропить", тем самым подняв наш охровский авторитет — пусть в нашем монашеском полку хоть на одного холостяка, но станет меньше!

Мы хорошо знали: исстари на Руси свадьбы игрались осенью, когда заканчивались полевые работы, хлеб лежал в амбарах, соленья — в погребах, и на свадебный стол есть чего подать, чтобы удивить гостей обилием, разнообразием, а то и экзотичностью блюд. У русского человека хлебосольство извечно сидит в крови, в чем ему по-хорошему позавидуешь.

Осень уже вступила в свои права, местный рынок просто ломился от даров природы, по поводу чего Федор в который раз говорил Володе Чугунову:

— Смотри, Чугунидзе, какая прелесть, какое богатство! Аты все возникал — ничего здесь не растет и нам грозит чуть ли не голод...

—Да, был неправ. Смородина на любом огороде красуется, даже в лесопосадках вдоль железнодорожного полотна. Дорожные зелентресты — молодцы, делают свое доброе дело, за что им просто спасибо, ведь их посадки сохраняют "железку" от снежных заносов, создают красоту и своеобразный микроклимат. Однако все же на Орлином рынке немало даров юга — персики, сливы, виноград. Здесь они не растут, как и яблоки с грушами.

—Ничего. Главное, оно есть, а это уже стимул для жизни...

Однако, несмотря на осеннее изобилие на местном базарном прилавке, Пашка даже намека не делал на свадьбу или какой-то вечер с Валектиной. Все мы считали: пары лучше Вали Трофимовой ему не найти. Как далеко зашли их отношения, мы, в общем-то, знали, потому не могли простить парню его "резинчатости" по отношению к этой девушке.

Прямо спросить в лоб: "О чем думаешь, кобель-кобелина?" — мы не решались, считая, что отношения между ними — дело сугубо личное, деликатное. Оставалось ждать естественного хода событий.

А событий как таковых в нашей жизни не происходило. Мы знали одну дорогу: общага — депо, депо — общага, работа — сон, отдых без разнообразия, какой нас больше утомлял, раздражал, разочаровывал, злил, вызывал стресс и развращал.

Выезды на природу осуществлялись периодически, потому как единственный автобус автобазы разрывался на части многими организациями Орлиной. В свободное время мы просто маялись дурыю, не зная, куда себя деть, куда пойти, где приткнуться. Кино надоедало, танцы крутились только по выходным, а дальше — хоть вой от скуки. Оставалось единственное развлечение — пиво, "прицеп" к нему, хмельной угар и короткое забвение...

Но с мая 60-го наша однообразная жизнь сделала резкий скачок, а дальше помчалась неудержимым аллюром: в Орлиную приехал наш товарищ по училищу, наш же выпускник Виктор Верба.

Виктор, как и все мы, довоенной поры, высокий и просто красивый парень. С Федором он ходил в basketбольную секцию, защищал честь училища и любил его как родной дом, любил его большую семью, оберегал ее от всяких городских невзгод, главной из каких являлось намерение местной приесильской шантрапы держать верх над "чернопогонниками", то есть нами, железнодорожниками. Под его непосредственным руководством шло негласное формирование коллектива единомышленников и противников насилия со стороны воинствующей части молодежи города, пытавшейся во всем верховодить да качать свои права на танцплощадках, городском ипподроме, стадионе. Стычки училищных ребят с городскими не раз напоминали поле боя, откуда кое-кого приходилось уносить на носилках. Вопросы мирного сосуществования решались все теми же "политическими" представителями: с нашей стороны — Виктором Вербой, с городской — Валентином Гусем. К обоюдному удовлетворению сторон, результаты их переговоров имели зачастую положительное решение. Правда, договоренности нарушались этими же сторонами поочередно. Причиной "военных действий" в большинстве случаев являлись женщины, из-за которых неприязнь нередко перерастала в открытую войну без побед и поражений.

Конечно, все мы несказанно обрадовались нашему новому пополнению из родной жэушной среды. Виктора эта встреча, как он не раз признавался, радовала вдвойне. Производственную поездку практику он проходил здесь, знал деповское руководство, имел среди сверстников немало друзей. Нам неизвестно, почему при распределении Верба не попал в Орлиную, куда, как мы знали, он напрашивался довольно настойчиво.

На работу Виктор оформился без проволочек, поселился в нашей же ОХРе. Никакого "хвоста" за ним не водилось: как и мы, он также по-

дыскивал "жертву". Вскорости мы увидели его с очаровательной блондинкой, тут же определив — не иначе, любовь старая, с производственной практики, какую ни время, ни расстояние не смогли остудить.

Виктор, в отличие от нас, не боялся разговоров да чужого глаза, смело ходил по поселку под ручку со своей Тамарой. Но поистине потрясло застойный орлиный провинциализм появление Виктора Вербы в местном парке культуры с баяном на парковой танцплощадке. Молодежь Орлиной обожала ежевечерние танцы; желающих потанцевать бесплатно приходило бесчисленно. Баян нередко звучал до утра, молодежь не просила отдыха.

Играл Виктор, как Бог. Красота и виртуозность исполнения вызвала у публики восхищение, у меня же — истинное преклонение перед таким талантом. Как магнитом, притягивал Виктор местные таланты. Скоро на танцплощадку потянулись другие гармониисты со своими инструментами. Коллективная игра в четыре-пять гармоней доводила танцующих и посетителей до экстаза.

До Виктора Орлиная не знала ничего подобного — то ли из-за отсутствия гармонииста его класса, то ли из-за неумения организации подобных мероприятий. Руководство железнодорожного клуба, за кем числились парк, танцплощадка и летний кинозал, на феерические вечера молодежи смотрело сквозь пальцы. Главное, о чем говорили с удовлетворением, не было жалоб ни от жителей, ни от поселкового руководства. Приобщение же молодежи к досугу подобного рода, а не к бутылке, поощрялось всеми властями поселка.

Для молодежи Орлиной танцплощадка стала главным местом. Она знакомила их, сводила, сближала, развлекала, влюбляла, заражала энергией и надеждой. Кроме прочего, в молодежи росло и чувство коллективизма, а это уже особая категория человеческих отношений. В последнее время в Орлиной с поступлением сюда тепловозов и людей для их обслуживания число людей выросло пятикратно, и отношения были далеко не идеальными, требуя, как говорится, кардинального улучшения.

Виктор Верба с первых же дней приезда дал понять, что досуг — дело самой молодежи, а не периферийного отдела культуры района. Чиновники от культуры были заняты производством специфических директив, требуя от правления клуба безоговорочного их выполнения. Правление же клуба станции Орлиная, далеко не новичок в нашем обильном бумаготворческом потоке, умело вовремя рапортовать о выполнении директивных установок и со своей стороны, не без дальнего

прицела, доложило наверх о потенциальных возможностях их предприятия в деле активизации народного очага культуры.

Как баяниста-нотника Виктора тут же зачислили в художественную самодеятельность, ввели в правление клуба. Виктор даже пытался привлечь в самодеятельность кого-то из нас, но, как выразился Вовка Чугунов, в этой области никак не обошлось без медведя, какой очень крепко наступил всем нам на ухо.

На самом деле не все мы были так безнадежны. Пашка, помню, еще и училище пел непревзойденные по своей красоте украинские песни; в Орлиной он тоже не раз отводил душу в кругу друзей хорошим душевным напевом. Песни родной Украины, постоянно сопровождавшие его застольный репертуар, порой нас с Алеко даже пугали: в этих песнях он тосковал по тихой хате с расшитыми рушниками да криничной водой, обнажал свою ностальгию по родной Крашановке. Мы с Алеко прикидывали: надолго ли наш друг сможет противиться этой тоске?

Что касается меня, в училище мы с Виктором дуэтом играли на баянах, но до его виртуозности мне было, как от земли до неба, почему я и старался больше играть один — коль портачил, так портачил сам.

Хорошие песни пел и Болат Баймуханов. Знал он их множество, чему мы по-хорошему ему завидовали. В художественную самодеятельность Болат идти отказался, мотивируя отказ все той же бездарностью: для друзей — куда ни шло, а для публики, мол, рылом не вышел.

С приездом Вербы в нашей серой, однообразной жизни заметно наметились долгожданные перемены. В свободные вечера мы уже не коротали время за "пузырем", как единственной отрадой. Теперь мы неслись на танцплощадку, где заряд и темперамент своей души отдавали новому увлечению — танцам, играм, различным викторинам, крепили, как могли, узы дружбы и коллективизма среди молодежи Орлиной. Правоохранительные органы, не раз с удовлетворением отмечавшие заметный спад в поселке различных правонарушений, не понимали причин равновесия в молодежных контактах.

Все красное лето длинными теплыми вечерами железнодорожный парк — гордость орлинцев — гремел музыкой и голосами многочисленных посетителей. Виктор Верба классно заправлял музыкальной частью на эстраде, член правления клуба Алексей Чеботаридзе — развлекательной. Различные игры, скоморошьи потасовки, песенные конкурсы — всего этого в портфеле отдела, руководимого Алексеем Петровичем Чеботаридзе, было предостаточно. Когда погода портилась, мероприятия проводились не на летней эстраде, а в клубном зале.

Баян Вербы и инструменты гармонистов-любителей все лето звали, притягивали, возвышали молодежь, возбуждая в ней праздничное настроение, раскованность, любовное томление. Что еще нужно молодости? Развлекательно-танцевальные вечера стали неудержимой потребностью, а организаторы этих вечеров пользовались в поселке авторитетом небывалым.

— Да, друзья мои, — как-то заметил Пашка, — гармошка многое может! Смотрите, как она сплавливает молодежь, заряжает ее бодростью, даже как-то возвышает. Что важно, работаете после этих вечеров легко, с удовольствием. Часто смотрю на стариков с жалостью: ей-богу, работа для них вроде наказания!

— Сравнил себя со стариками! — возразил Алеко. — Они за свою жизнь напахались — дай Боже. Много среди них кто воевал, завоевывала для нас работу, хлеб, ту же чудо-гармошку, делающую нашу душу красивой, полноценной, богатой.

— Да и молодежь, нередко вижу, — продолжал Пашка, — нечасто бывает в производственном рвении, филонит, отлынивает от работы, прячась по углам...

— "На ушах" тоже частенько бывает, только мастера скрывают, дабы их цех не склоняли да премий не лишали, — вставил Алеко.

— Ну, эта болезнь не только в нашем депо, — сказал Пашка. — После полочки "родимая" просто сметается с магазинных полок. Случается экстренный случай, когда "пузырь" позарез необходим, а в магазинах кругом — как корова языком. Ладно бы дома, так их и на работу тянет пойти под градусом.

— У них своя голова на плечах, — вставил я. — Не маленькие уже!

— Мы все не маленькие, — горячился Пашка. — А на поверку-то, оказывается, многое делаем по-детски, все еще по нянькам скучая. Пора, наверное, взрослеть да думать о жизни посерьезнее. Такой вариант предлагаю: эту зиму трое хорошо подготовимся, посидим за учебниками для освежения памяти и по весне с первым же набором попытаемся в железнодорожный институт. А Морозу — в "вечерку", десять классов добить. Согласны?

Да, Павло, молодец! Мыслишь ты прямо профессорскими категориями. Конечно, вам с Алеко проще, у вас десятилетки, а тут на аттестат надо еще целый год горбатиться... Я не раз удивлялся: Павло с Алеко, как и я, довоенные, жили под фашистами, видели их зверства, но в невыносимых условиях сумели выжить, а главное, закончить школу. А я без всякой оккупации да разрухи десятый класс не добил. Конечно,

без аттестата далеко не прыгнешь; выходит, вечно мне драить ресиверы с выхлопными.

Рабочий у нас всегда в почете: ему стихи посвящают, романы о нем пишут, даже памятники ставят. Рабочий — это звучит гордо! Но после Пашкиного предложения мы трое впрямь взялись за ум. Друзья мои начали приобретать учебники, достав и для меня как отсталого элемента какие-то книжки, дабы я смог из-за отсутствия справки об окончании девятого класса для поступления в десятый сдать какой-то минимум. Словом, с будущего года мы начинаем новую жизнь!

Глава 7

Что год грядущий...

Новый 1960-ый мы, как обычно, встречали всей группой. Федор предупредил: у кого планы отмечать праздник у своих друзей, подруг — пожалуйста, обиды здесь никакой. Действительно, теперь мы люди самостоятельные, у каждого своя жизнь, задумки, задачи, что дает каждому из нас право поступать, как он желает.

Но отпочковываться от коллектива никто не пожелал. Даже наши кавалеры Пашка, Вовка Чугунов, Анатолий Шаповалов, Володя Проказов решили любимый праздник отметить своим жэушным коллективом. На "Голубой огонек", по традиции отмечавшийся коллективно в ОРСовской столовой, пригласительных билетов нам, холостякам, достать не удалось: в депо профком заранее оформлял красочные пригласительные только на каждую супружескую пару. В пригласительном указывался номер стола, время начала вечера, и шли пожелания здоровья, счастья, богатства, настроения, веселья и бодрости не только на этот вечер, но и на весь год.

К нашему жэушному шалашу мы пригласили и Григория Ивановича. Вся наша группа знала, как этот человек по-отечески заботился о своих подопечных, то есть о нас троих, стараясь во всем помогать.

Осенью, вроде совсем недавно, точно сдурев, начали "лететь" промежуточные опоры привода вала главного вентилятора. Уж как мы ни бились, причин выхода из строя "промежуток" найти не могли.

— Нет, друзья, это просто конструктивная недоработка, — авторитетно заявлял Пашка. — Сидят там в широких креслах и ни хрена не знают, какие бирюли вытворяет их детище. Ну, смотрите: всего по два болтика на лапах промопоры, а болты-то М-22. Разве это крепление? Ну, хотя бы М-32 или М-36 — куда ни шло, а эти М-22 — что мертвому припарка!

— Правильно мыслишь, конструктор, — заметил Григорий Иванович. — При спокойной работе дизеля на нулевых позициях все идет нормально, а набери машинист все шестнадцать? Валы длинные, карданные головки, их соединяющие, так болтаются на полных оборотах, адская сила так их мотает! А все это соединение опирается всего лишь на хрупкую промопорку, для какой нужно в этом месте усиленное крепление, не в пример этим М-22...

Как бы ни было тяжело, чертову поломку требовалось оперативно устранить.

И устраняли: снимали, высверливали болты, нарезали новую резьбу. Когда мы сменили как бы не десятую эту самую железяку, Григорий Иванович заметил: надо промопору усилить дополнительно. Как? А простым хомутом из листового железа диаметром 8-ю, шириной 150-160 и длиной в 600 миллиметров. Нагреть в кузнице и отковать на подобие коромысла, концы вытянуть в виде лап, просверлить их под мощные болты, скажем, М-32, в полу тепловоза проделать такое же отверстие, нарезать резьбу — дополнительное крепление готово! Просто, дешево и сердито.

Так с идеи Дайнеко мы начали свое победное наступление на этот опорный узел. Нашей работы в этом новшестве оказалось не очень, вся морока ложилась на кузнецов. Мы же, пока в кузнице ковалась заготовка, сверлили отверстия, отчего работа шла параллельно, а потому быстро, и начальство не преминуло на одной из планерок нас похвалить.

Вообще, Григорий Иванович стал членом нашей неразлучной команды. Он заходил за нами на работу, в свободное время с нами баловался пивком и непревзойденным жерехом. Особые же отношения сложились у него с Алеко: они подолгу беседовали, обменивались новостями с родины, поставившей миру большегрузные "МАЗы" и юркие неприхотливые тракторы "Беларусь". Словом, Григорию Ивановичу нравилось бывать у нас, быть с нами, да и нам часто его просто не хватало.

На новогоднем вечере мы единогласно избрали Григория Ивановича

ча тамадой, зная, что руководить ситуацией он умеет, тонко чувствует границы игры и действительности, меры дозволенного.

— Дорогие друзья! — начал Григорий Иванович. — Давайте нальем первые бокалы и проводим старый год. По правде, не был он для всех нас плохим или жестким. Вы приехали в Орлиное депо, по сути, без опыта работы, да и самой жизни. Сегодня, по прошествии девяти месяцев, я вижу, как вы повзрослели, возмужали и более-менее набрались рабочего опыта. Всем вам положено по закону отработать четыре установленных года, а там жизнь покажет, кому и где бросить якорь. Может, для кого-то из нас Орлиная — это судьба, депо — колыбель, откуда и начнется жизненная дорога. Давайте выпьем за нас, за добрый старый год и за тех, кто думает о нас, печалится и постоянно ждет за наших матерей!

Ну, молодец Григорий Иванович, хороший тост предложил! Матери действительно думают о нас и всегда ждут. А мы-то о них когда непоминаем? Вот уже девять месяцев как я в Орлиной, а весточку домой не помню, когда посылал. Не благодарны мы все-таки, паразиты, своим матерям! Как прижмет жизнь в чем-нибудь, мы сразу о маме вспоминаем, а коль все ладится-терпится, так чуть ли не забываем, в какой стороне наш дом родимый...

До боя столичных курантов оставалось около часа. Григорий Иванович по очереди предоставлял нам слово с неперменным тостом. Очередь дошла и до Федора:

— Не умею я, друзья мои, говорить, а вот за всех нас выпью! Хотелось чтобы в Новом году мы все поступили в ЖД-институт и чтобы хоть немного поубавилось среди нас холостяков. Женатый человек — это ответственный человек, потому я предлагаю тост и за любимых женщин!

Ну как не выпить за такое? Женский вопрос для нас никогда не снимался с повестки дня; в Орлиной же за девять месяцев у каждого из нас появилась своя симпатия и сердечные томления, поселившиеся почти в каждой комнате.

— Друзья мои! — поднял руку тамада. — Будьте бдительны и внимательны друг к другу! Впереди немало тостов, потому умейте распределять свои силы. Мы сейчас провожаем старый год, через несколько минут пробьют 12 часы нашей столицы, а потом уж встретим Новый по московскому времени. Видите, сколько поводов выпить? Потому будем соизмерять наши возможности: нельзя допускать неузнавания друг друга и назначать встречи под столом...

Мы искренне, по-доброму посмеялись. Конечно, прав Григорий Иванович, ведь за столом одно мужичье. Будь женщины рядом, они где попридержали бы рюмку-другую, где заговорили, позавлекали, дав только пригубить. Но пока же все шло, как по накатанному: никто, как определил Павло, не буксовал благодаря руководству белорусского тамады.

—Сверим часы. Раз, два... двенадцать! С Новым годом, друзья, с новым счастьем!

Все дружно подняли свои бокалы. Впрочем, бокалы — слишком громко сказано: обыкновенные граненые стаканы в 250 граммов, какие иначе как бадьей не назовешь. Тамада же строго следил за разливалычиками, глаз которых на мерку "под поясок" пока не подводил.

Снизу несколько раз в нашу комнату прибегала дежурная, приглашая к телефону то Павла, то Чугунидзе, то меня. Неимоверно ругаясь, кричала: "Я вам не девочка бегать снизу вверх!" Мол, собрались, как монахи, могли бы и своих красавиц пригласить...

—Наверное, все экономите, боитесь лишнюю десятку на конфеты да шампанское истратить,— отчитывала нас вовсе незлобивая и даже замечательная тетя Поля.

—Да нет, тетя Поль, — галантно расшаркивался Пашка. — Для женщин нам вообще ничего не жалко! Родители ведь не пускают наших любимых, считают нас, жэушников, непутевыми, несамостоятельными, пьяницами и развратниками. Посмотрите на нас, тетя Поль, красавцы ведь все, кровь с молоком! К тому же, все верные своим женщинам до гроба.

—Ты уж верный нашелся! — возмутилась тетя Поля. — Да Валя Трофимова, наверное, уже не раз сопли на кулак мотала... Думаешь, мы в Орлиной ничего не знаем? Все знаем!

—Да нет, тетя Поль, я люблю Валу. Вот кончится у нее отработка, я и женюсь... Давайте, тетя Поль, стопочку за Новый год, за красивую жизнь в новом году! — и Пашка преподнес тете Поле добрую бадью портвейна "777".

—Нет, мальчики, я на службе, при исполнении. Вы уж извините!

—Да кто в такое время будет проверять? Выпейте за Новый год, за здоровье детей и внуков ваших!

—Ну, если только за внуков, то и можно, МПС простит, — и с этими словами тетя Поля залихватски опрокинула стакан, аппетитно закусывая деликатесами, приготовленными не без помощи все той же Вали Трофимовой.

Хорошая закуска, мальчики, молодцы! Вижу, наши девчонки столовские готовили, не какие-то там приبلудные...

- Да разве, тетя Поль, — вел свой диалог Пашка с раскрасневшейся и подбравшей дежурной по общежитию, — мы не заслужили в такой вечер щедрого застолья? Мамаш да бабушек рядом нет, все неженаты, кто же нас пожалеет, приласкает да вкусно накормит?

Правда, правда, наши столовские девки хорошо готовят, все ведь с дипломами. Даже с отделения приезжали, столовались и дюже хвалили. Молодые поваренки, а руки у них золотые!

Тетя Поля, вернувшись после проверки вверенного ей объекта — дежурки с телефоном да жарко пылающей печи с булькающим титаном не отказалась и от второй бадьи.

Вот слышала я, многим не нравится наша Орлиная. Ну, нет асфальта, улицы не освещены, кругом грязь, печное отопление... А в других местах, думаете, лучше? Возьмите ту же станцию Просторная, Дарвинскую, Аксуйскую: тоже тепловозы пошли нашего отделения, а один хрен! Таку нас хоть двухэтажных домов двадцать три, а там — ни одного, школы и те одноэтажные. Потому неизвестно, кому повезло — вам или тем, кого направили в те депо.

— Это точно, тетя Поль, — все так же любезничал Пашка. — Мы уже начинаем привыкать к Орлиной и даже полюбили ее, остается лишь ждать взаимности. Тогда, наверно, на самом деле жить станет лучше и станет веселей, а наши души не будут так рваться на исконную родину...

В двенадцать ночи, теперь уже по московским курантам, мы дружно наполняли свои стаканы за новый 1960-ый. От него мы все ждали перемен в своей жизни.

А в прежней нашей жизни светлым мигом для каждого, пожалуй, явились лишь дела сердечные. У Пашки с Валентиной завязался крепкий роман, и наступивший год должен был поставить точку в холостяцкой Пашкиной жизни.

Чувства Вовки Чугунова, видно, несколько уступали Пашкиным: у них с Леной намек на роман не просматривалось, они позволяли себе лишь эпизодические встречи, хотя оба не умели скрыть потаенной радости и влечения друг к другу.

Мои дела на любовном фронте лучшего и не желали. Наверно, моя игра на баяне на танцевальных вечерах все-таки несколько выделяла меня из круга холостяцкой братии Орлиной. С Леной мы виделись почти ежедневно. Если я работал в дневную смену, то за день умудрял-

ся увидеть ее несколько раз и даже поговорить, а готовясь в ночь, мы перезванивались и желали друг другу: я ей — лучезарных снов, она мне — легкой смены. Между разговорами она не упускала случая поинтересоваться моими делами с подготовкой в десятый класс.

А подготовка шла ни шатко, ни валко. К учебникам я прикасался от случая к случаю, налегая больше на историю, русский, литературу. С математикой у меня всегда были нелады, ее я не любил.

Словом, в делах сердечных у нас с Леной особых натяжек не происходило. Мы хорошо встречались, во многом верили друг другу. За все время нашего знакомства мы ни разу не поинтересовались нашим прошлым, не расспрашивали о прежних воздыхателях, вообще о личной жизни каждого. Я просто стеснялся интересоваться прошлым Лены: не состояла ли она раньше в браке, был ли, а может, и теперь есть друг сердца, какой пока в армии или где-то на учебе... Лена тоже не интересовалась моими любовными делами, прежними похождениями, о каких, как доходили до меня слухи, ее сверстницы не раз нашептывали ей, остерегая от опрометчивого шага в дальнейших связях со мной.

А приписывались мне все прежние училищные грехи и бесчисленные связи с поклонницами песни и баяна. "Такие люди, как Мороз, — говорили сплетницы Лене, — всегда нарасхват! А девки-то по природе дурь: урюхаются, втрескаются и стелятся под таких без разбора и оглядки. К тому же гордятся: да, была, да, дала, пусть замуж не взял, зато я свое взяла!"

Все это я слышал от друзей, друзья же — от своих подруг, а подруги — Бог весть откуда. При каждой нашей встрече с Леной я, по правде, готовился к ее расспросам. И готов был при первом же ее вопросе: "Ну как там в прошлом?" — провалиться сквозь землю, ведь я не знал, как доказать свою чистоту.

Но, слава Богу, минуло уже девять месяцев со дня нашего знакомства, а Лена даже намеком не спросила меня о чем-то подобном. Мысленно я благодарил ее за это, хотя виновным себя ни в чем не считал. Но коль на самом деле коснулось бы опровергать слухи относительно моих прежних "побед", я бы наверняка не нашелся, чего сказать в свое оправдание...

Время шло. Мы работали, встречались, обговаривали мои школьные проблемы и дальнейшие планы после получения аттестата. Лена знала, что мои друзья Павло с Алеко и еще несколько ребят из нашего выпуска уже в нынешнем году собираются в железнодорожный. Она верила, что у них непременно получится: они, по оценкам многих, ребята настоящие, люди серьезные, у них планы и намерения вовсе не

проектерские. Меня она тоже поддерживала верой в то, что после окончания "вечерки" я непременно последую за своими друзьями, пусть годом позже, но тоже закончу институт, став инженером-железнодорожником, как Михнюк, Зотов, те же техотдельские ребята — Артюков, Конюхов, Самбетов.

В планы девушки тоже входила учеба. Но она собиралась в техникум — быстрее, попроще, приземленнее. Мол, звезд с неба хватать она не намерена...

Для нас же троих жизнь все эти девять месяцев в Орлиной шла размеренно, без взлетов и падений. И только в наступившем году мы дали слово изменить ее. Работа-общага-клуб — этот привычный ритм наша молодость, наш душевный темперамент уже не принимали. Мы замечали, что растрачиваем себя по мелочам, чего не преминул заметить даже Коляда:

— Вы же умные ребята, рабочей закваски, а целый год потеряли зря, когда могли бы уже первый курс заканчивать. Ведь вы — наша надежда! Кому как не вам, молодым, принимать от нас эстафету? У заочников в Приесильском ЖД есть льготы — прием без конкурса. Чтoб с будущего года все стали студентами! Вы мне просто снижаете цифру образовательного ценза по депо!

— Спасибо-спасибо, Василий Семенович, такая задумка у нас уже есть. Сами понимаем — дурочку сваяли, ударились в разгулье, танцульки да любовь, упустив целый год, — вторил Пашка.

Эти разговоры лишь подогревали мое недовольство собой. Ладно, у друзей моих институт впереди, а мне-то без аттестата каково? Не представляю, как мне удалось прошмыгнуть "вечерку" 1959-го... Кадры не вызывали, не пропесочивали: ты советский человек или кто? Не забывай, дорогой, девиз: "Не можешь — научим, не хочешь - заставим!"

Насколько я знал, депо с молодыми рабочими, не имеющими десятилетки и не посещающими вечернюю школу, не церемонилось. Им, беднягам, доставалось, как нерадивому пьянице: понижали в должности, снимали в хозцех, снижали разрядность, придумывали и другие наказания. Задача стояла одна — учись, имей аттестат, а там уж твоя воля. Об этом же напоминали мне и Пашка с Алеко.

— Везучий ты, старик, — говорил Пашка. — Смотри, как чехвостят за непосещение "вечерки" местных, а про тебя никто даже не заикается. У тебя в кадрах какие бумаги на счет школы?

— Да никаких. Как девять закончил в Белозерке, так в школу больше не заглядывал, никаких справок да табелей не брал.

—Без них ведь могут в десятый и не принять, — сказал Алеко.

—В том-то и дело, потому и готовлю минимум.

— На хрена он тебе нужен, этот минимум! — взорвался Пашка. — Смотайся по весне в Белозерку, возьми в школе справку, и в сентябре уже будешь учиться. Или сестре напиши, она ведь в школе работает.

—И правда. А я, ишак бухарский, на каком-то минимуме зациклился, потею, время теряю. Но есть положение: из-за отсутствия...

—Это из-за отсутствия, — горячился Пашка, — а ты сделай присутствие! Недолго ведь смотаться домой, да Алеко прихвати, чтобы одному не скучать. А этих Толстых-Печориных забрось, голову только заби-ваешь — минимум придумал! В крайнем случае, покажешь училищ-ный аттестат, и тебе поверят, что ты не Ванька с пивзавода...

После такого Пашкиного разноса я действительно забросил Толстых-Печориных, найдя себе новое занятие — деповскую газету "Тепловозник".

Со стенной печатью я дружил еще в школе. Работа со словом доставляла мне истинное удовлетворение. В школе это знали, потому газеты "Пионер" и "Комсомолец" давались мне в нагрузку ежегодно, из класса в класс. Эту обязанность я принимал как должное, мне это даже льстило. Пользовались моими услугами даже старшеклассники — редакторы сатирической газетенки "На острие пера". Выдать на-гора по их просьбе остроумную басню или критическое стихотворение для меня не составляло труда, что я и делал с единственным условием: меня нет, никакой подписи. Редакторы слово умели держать, а потому наш союз всегда оставался нерушимым.

"Тепловозник", конечно, имел свою специфику. Мне доставляло явное удовольствие улучшать внешний вид стенгазеты, наполнять ее объемным содержанием, а потому уже не приходилось бегать на танцы и в кино. Редактор ценил мои материалы, говорил, что я избегаю "воды", чувствую ход деповских событий.

Редактировал "Тепловозник" председатель профкома, человек молодой, умудренный, побывавший за свою жизнь разве только не на Луне. Жизнь в свое время бросала его по всему белу свету, от моря северного до моря южного, от границ Запада до Дальнего Востока. Специальностей он имел много, причем весьма дефинитных: был мотористом на теплоходе, машинистом дизельных установок на рыболовном траулере и даже помощником машиниста в китобойной флотилии.

Александр Иванович Шкреба, считал я, создан Богом делать людям добро, оберегать их от всяческих житейских невзгод, а коль они произошли, облегчить их давление словом, делом, советом. Равнодушным

он не был никогда, и оттого, наверно, на профкомовский пост его избирали всегда единогласно.

Мою любовь к слову, к литературным подвижкам Александр Иванович заметил сразу и в одну из наших бесед предложил помогать ему в деповской стенной печати. Кроме "Тепловозника", Александр Иванович редактировал и сатирическую газету "Мазут", пользовавшуюся завидной популярностью, собиравшую возле себя толпы.

—Конечно, — говорил Шкреба, — произвести молниеносное прозрение в душе нарушителей нашего уклада жизни своими критическими материалами и карикатурами мы вряд ли сможем, однако хорошенько похлестать, пристыдить да приструнить их все-таки нужно. Хорошо, если мы вместе будем пытаться выкорчевывать зло, выкорчевывать только на пользу самим его носителям, а значит, на пользу же нашего родного второго дома. Методов здоровой критики много — тактичных, тонких, дозволенных, не оскорбляющих личность. Сила же слова известна давным-давно, его боялись, да и теперь боятся даже сильные мира сего. Говорят, его боялась сама Екатерина Великая, не раз приструнивавшая небезызвестного Новикова...

Оформлением стенгазет занимались деповские художники, полюбившие детище Шкребы, как свое кровное. Мне оставалось лишь следовать их примеру.

— Попробуй, друг мой, нечто такое тиснуть в районную газету, — как-то предложил мне Александр Иванович. — Выбери из того же "Тепловозника": очень неплохие, на мой взгляд, есть там твои вещи — последний очерк, к примеру, о машинисте Капарове. Немножко подработай, сделай акцент на ответственности машиниста. Ночь, снег, непогода, за тепловозом без малого тысяча человек, люди безмятежно спят, не думая об авариях, случающихся с пассажирскими поездами... С их поездом точно ничего не случится, потому как за пультом человек с высокой гражданской ответственностью, преданностью делу, которому он служит без малого тридцать лет.

...Слава Богу, Новый год мы встретили без эксцессов да приключений. Даже скопом наведались в ЖД-клуб, где нарядная публика отплясывала вокруг красивой елки неудержимые танцы. У елки я встретил и Лену. В обычное время я узнал бы ее из тысячи, теперь же случился конфуз: Лена находилась рядом в скромной маске-очках, и если бы она сама не пригласила меня на танец, то я, пожалуй, вряд ли признал свою симпатию.

Встретили своих подруг Вовка Чугунов и Пашка. Не повезло лишь

Анатолию Шаповалову: девчонки сказали, что его девушка укатила на новогодние праздники домой в Приесильск.

Теперь нашу компанию в ОХРе украшали Валя Трофимова и две Лены. Не обошлось и без приветливой тети Поли, которая — немислимое дело! — позволила войти в наш монастырь прекрасным особам. Остаток ночи до самого закрытия клуба на морозной зорьке мы всей компанией провели у приветливой, мигающей цветными огнями елки.

Домой расходились уже парами. Павло с Чугуном исчезли несколько раньше, я же пошел провожать Лену и ее сестренку с первыми петухами. За все время нашего знакомства с Леной я не отважился побывать у нее дома, однако о ее семье кое-что знал.

Мама Лены свой трудовой стаж добивала контролершей в железнодорожном клубе, отец же строил железную дорогу. Почти сорок лет не расставался он с путевым молотком и другой жизни себе не желал. Сестра Лены Надежда, недавно окончившая школу, нынче осваивала науку расценщицы в отделе труда депо; третья сестра Лены, Антонина, заканчивала девятый класс и готовилась в десятый. Брат Петр жил своей жизнью тут же, в Орлиной, так же связав свою жизнь с поездами. Лена не зря говорила, что семья у нее чисто железнодорожная.

Я, имея хороший градус, попросил у Лены стакан воды и тепло попрощался — до встречи на вечере тепловозников второго января. Первого числа клуб обычно занимали медики, а днем зал отдавался под детский утренник. Второго января зал переходил во владение деповчан, но попасть туда удавалось лишь по пригласительным. А от желающих обычно хоть отбивайся. Орлинцы знали: программа у деповчан всегда экстра-класса, благодаря главным организаторам Алексею Чеботаридзе, Виктору Вербе и Геннадию Устинкину — поэту, рассказчику и юмористу до мозга костей. Сатирические монологи, юморески, комедийные зарисовки с натуры на темы жизни Орлиной и орлинцев, исполнявшиеся Чеботаридзе и Устинкиным на пример незабвенных Штепселя с Тарапункой, воспринимались публикой с неудержимым восторгом и доброжелательностью — даже приветствовали своих артистов стоя, громом аплодисментов. Попасть на их вечер орлинцы стремились всеми правдами и неправдами.

Наступивший год прямо с первых же дней принес мне радость неопишемую: в районной газете "Степной маяк" вышла моя первая — первая в моей жизни! — газетная публикация. Видеть "живой" свою фамилию в органе Карасуйского районного Совета народных депутатов Углеградской области было, как мне казалось, делом серьезным.

Коль газета заметила меня, думал я, значит, во мне действительно есть этот самый Божий дар, о котором не раз упоминал Шкреба.

Зарисовку о машинисте Капарове, по совету Шкребы, я взял из "Тепловозника", несколько расширил, сделав некоторые поправки. Для стенгазеты этот материал я сжимал, убирал "красоты", считая, что простой деповской народ они просто утомят.

О зарисовке про своего человека в депо уже знали, благо "районка" вывешивалась рядом с "Гудком", какой обычно читался деповчанами от корки до корки. Александр Иванович, пожимая мне руку, сказал:

— Я же говорил! Думаю, это только начало. Надо активизировать свои усилия на этом пути, стараться толкать на люди деповскую жизнь. А то трудимся, пашем, горы сворачиваем, а никто даже спасибо не скажет! Напротив, нам ставят в вину: столько-то деповчан оказались в вытрезвителе, не посещают "вечерку", чем нарушают директивы партии о всеобщем среднем образовании. Комсомол депо тоже в загоне, не работает, нет его организующего влияния на несоюзную молодежь. Словом, руководство депо, партком да профком ничего не делают, не выполняют решений районного комитета партии по многим жизненным вопросам. Ну, а наши постоянно выполняемые тонно-бруттовые показатели, экономия горюче-смазочных материалов, переход на новый вид тяги с сохранением старых кадров, терпеливо прошедших переквалификацию, райком партии во внимание не берет, ему все это до фени: колупайся, депо, со своими проблемами, как хочешь, а директивы партии выполни! Потому, друг мой Владимир Афанасьевич, будь всегда начеку, чувствуй, откуда дует ветер, умей в малом видеть значительное! Из этого, как видим, состоит вся наша сегодняшняя жизнь. Нам, смертным, вряд ли в один присест удастся исправить положение, но по-своему бороться со злом мы должны хотя бы словом, газетной строкой...

Вот уж не знаю, с чего столь откровенным на этот раз был со мною Александр Иванович. Может, он видел или хотел видеть во мне своего соратника? Я же в партии не состоял и не понимал откровенного ополчения Шкребы против нее. Может, это касалось только нашего районного комитета партии, который ему чем-то насолил? Насколько я знал, Орлиное депо не раз отмечалось добрым словом на различных отчетных да селекторных совещаниях, что значило: Москва тоже знает о нем, отдает должное оперативному переходу на новый вид тяги, благодаря чему освоение новой техники прошло безболезненно для перевозок народно-хозяйственных грузов и пассажирского потока.

Москва и намека не делала на какое-то невыполнение Орлиным депо директив партии по среднему образованию, слабую работу деповского комсомола, застой в росте своих партийных рядов. Обо всем этом я как-то поделился с Александром Ивановичем, когда понес ему на "обследование" свою вторую статью. На этот раз, заметил Александр Иванович, это настоящий очерк, какой непременно должен увидеть свет.

Ну и слава Богу, думалось мне. Очерк — значит, нечто серьезное. Из школьных лет еще помнился очерк Горького о Ленине; у меня тоже речь шла о человеке, но не о политике, а о простом работяге, который начинал жизнь свою в Орлином депо с первого паровозного гудка. Потом военные годы, недоедание, голод, холод и ремонт искореженных с передовой огненных машин, какие ждал фронт. Конкретно же речь шла о нынешнем мастере колесного цеха Абдрахмане Ибраеве.

Шкребе этот материал понравился даже больше, нежели первый. Не советуясь со мной и не доверяя мне, Шкреба сам отправил очерк в "Степной маяк". В жанрах написанного я разбирался, как свинья в апельсинах, о чем и поделился с Александром Ивановичем:

— Не громко ли мы назвали нашу писанину очерком? Может, следовало поостеречься, оставив все на усмотрение редакции? Там-то народ грамотный, профессионалы, уж им-то проще определить, что это за штука...

— Ничего подобного, ошибки здесь нет, пусть бьет в глаза! Очерк — правильно и интригующе!

Ну и ладно. Я целиком соглашался со Шкребой, полагаясь на его годы, знание жизни, не понимая лишь одного: откуда ему известна журналистская кухня? Он и в последующих материалах советовал что-то сократить, где-то добавить, на чем-то сделать основополагающий акцент, убрать ура-патриотизм, не брать столь громких аккордов в честь нашей ленинской, великой и руководящей, ведущей советский народ к светлому будущему.

— Понимаешь, Афанасьич, не мог Абдрахман Ибраевич в те трудные годы думать о велении партии, когда горела земля Родины от Бреста до Сталинграда, от Севастополя до города на Неве. Он сам по себе все делал для Победы, ибо другой на его месте поступил бы не менее героически. В том и есть правда жизни, когда человеку ничто не подрисовывается. А подрисованным как раз и окажется, как Абдрахман вчитывается в призывы партии — все для фронта, для разгрома врага, в прочие директивы нашей коммунистической и лично

товарища Сталина. Все это журналистские трюки: партия любит дифирамбы в свой адрес.

Признаться, такие откровения Александра Ивановича меня порядком удивляли. Его разговоры о партии, которой он приписывал недобрую ауру, велись со мной в доверительной секретности. Однажды он мне прямо сказал:

— Вижу в тебе, Афанасьич, неиспорченный, незасоренный ум, какой поможет тебе сделать правильный выбор среди друзей и врагов. Жизнь немало знает случаев, когда друг — не всегда друг, но и враг — не всегда враг. Для меня ты друг, но и на меня можешь рассчитывать абсолютно во всем...

...Наша работа для нас троих из смены в смену стала совершенно обычной; мы никак не тяготились ее специфическими трудностями, неудобствами, загазованностью и замазученностью всего, к чему только не прикасалась руки слесаря.

Как заметил однажды старшин мастер Михнюк, приесильские жэушники производят на него впечатление самое благоприятное, поскольку добросовестно относятся к делу, преданы ему и творчески исполняют. Анатолий Андреевич как старший мастер, работая в Орлином депо, навиделся всякого рабочего люда. Одни делали свое дело медленно, но основательно, доводили до совершенства начатую ими работу. В их приемах чувствовалась уверенность и диктат человеческих рук и мыслей над металлом. Мудреных узлов на тепловозе хватает, но им не противостоять напору человека, делающего свое дело с любовью, а не с бездушным автоматизмом.

Безразличие, автоматизм — синдром отдельных исполнителей. Но в приесильском контингенте никто им не страдал. Несомненным плюсом этого коллектива Михнюк считал "несоответствие их молодости с ответственностью работы, какую выполняли они вот уже почти целый год".

К новогодним праздникам каждый из нас повысил свой слесарный разряд, причем по инициативе самих мастеров цехов, где трудились их подопечные. Комиссия с удовлетворением констатировала: приесильским слесарям несвойственно начетничество, их практические пробы пронизаны творческой аналитикой, умением не только видеть, но и иредсказывать результат.

Говорили, что по поводу нас, своеобразных технократов-вундеркиндов, руководство депо якобы написало директорату Приесильского железнодорожного училища подобие благодарственного письма. Име-

лось ли оно на самом деле, наши Шерлоки Холмсы дознаться не смогли, хотя прикладывали все свое умение.

Как бы то ни было, во всех отношениях наступивший Новый год дал всем нам доброе начало. На работе все шло, как по маслу, на отдыхе — у кого как, на любовном фронте в большинстве — ни побед, ни поражений.

Пашкин роман с Валея Трофимовой, как мы с Алеко поняли, тянул на тягучую эпопею, какая, по нашим прикидкам, их обоих устраивала. У Чугунова с Леной их любовная повесть, судя по всему, не стремилась наполниться новым содержанием, оставалась неприметной и потому неинтересной; у второго "профессора" поэтические сонеты с его Олей тянули на басню.

Однако не у всех у нас все обстояло так неопределенно. Володя Проказов, как говорили, накрепко закадрил Нелю, одну из близняшек семьи Цвайгерт, и дело шло к осенней свадьбе. Однако более всех удивил наш тихоня, вечный "монах" Федор Гелазиев. Как и где закадрил он свою Лизавету, мы не знали, знали только, что она недавно из института, приехала в Орлиное депо по направлению. Работать Лизу определили в лабораторию: видно, ее вуз или факультет имел химическое направление.

Зная характер Федора, щадя его застенчивость, мы не могли себе позволить вольности в бесшабашных рассуждениях вокруг вечной темы о мужчинах и женщинах. Тем более, не расспрашивали его о подруге — как мы видели, чистой и привлекательной, но, в противоположность Федору, очень даже шустрой. Она умела шутить, рассказывать анекдоты, вокруг нее никогда не было пустоты, а это первый признак человеческого магнетизма, открытости и доброты души. Коль сердце открыто, считали мы, не может в нем быть черноты, оно может только любить и прощать.

Как вскоре узнали, Лиза жила неподалеку от Юдино, родины Федора. Тем для бесед им хватало. Мы же на разговоры об отношениях Федора с Лизой наложили строгое табу, мысленно желая ему откровенной Лизаветиной взаимности. Федор, мы явно видели это, светлел от своей влюбленности. Но решится ли он сделать девушке предложение?

Лиза Ризяпова, сердечная радость Федора, часто приходила к нам на тепловоз за пробами воды, масла, ГСМ. На обратном пути ее обязательно сопровождал кто-то из нас троих, а иногда даже все вместе. Так случилось и на этот раз.

— Не вижу вашего старосты, мальчики. Он в другом цехе? — спросила Лиза.

— На большом периодическом твой Федор, — сказал наш разлюбленный Пашка.

— Так уж и мой!

— А почему бы и нет? Да такого здоровяка-Тарзана надо еще поискать! — не унимался наш друг, желавший преподнести Федора с самой светлой стороны. — Куда ни посмотри — настоящий орел! А на работе? Начальство не нарадуется. А в жизни? Ягненка не обидит, заступится за любого. Врагов у него просто не существует, потому как он самый правильный человек.

— Ну, Паша, ты всем своим друзьям даешь такие неотразимые характеристики?

— Ах, Лиза, только если человек заслуживает!

— Но он совсем немногословен, тихоня, к женщине боится подойти...

— Но к тебе же, Лиза, он подошел?

— Куда там! Это я первая подошла, первая же и на танец пригласила. Вижу по обличью — ну, нашей чингисхан овской крови человек, только робкий. Танцевать не умеет. Но хорошо, что не курит. А вы все смолите, как тот Черчилль, соску изо рта не выпускаете! На танцах это девушкам не нравится. Только они терпят, выбора-то у них все равно нет — вы все смолите, как паровоз. А медицина о чем говорит? Правильно, лошадь копытится с ходу. Ваш же организм просто привыкает, втягивается — ему попросту деваться некуда. Он просит вас, особенно легкие: пожалейте нас, дайте свежего воздуха, чистоты, простора, и мы будем служить вам преданно до конца!

— Да, Лиза, по этой части нас всех надо под молот, — соглашался Пашка. — Вот мы еще не брали обязательства бросить курить. У нас в группе Федор не курит, Алеко вот некурящий, остальные смолят, как тысяча чертей, проникотинились насквозь. Правильно говоришь, Лиза, — вредно, а вот нет над нами агитационной работы в этом плане. Хорошее дело — рекламные проспекты о вреде курения, но нужно же убедить! Надо заставить человека поверить: да, никотин — это действительно яд! Ну, а коль он поверит, ему и соску свою легче бросить.

— Правильно, мальчики! Возьмите такое на себя обязательство: курить — здоровью вредить, здоровье же прежде всего, потому как его не купишь, не одолжишь, все вредное для него надо выбросить, растоптать, распрощаться навсегда. Медицина еще не знает случая, когда бы

без курева у человека действительно пухли уши, а тем более, чтобы он умирал. Истории подобное неизвестно со времен появления табака на земле.

—Мы этот вопрос обговорим у себя в коллективе,— на полном серьезе заверил Пашка, — с одним хорошим решением: как только ты выходишь замуж за Федора, мы все бросаем курить — слово жэушника!

Лиза искренне расхохоталась:

—Ну вы даете, мальчики! Условия Бог знает какие! Ведь Федор-то сам молчит, не предлагает замуж. Мне ли самой объясниться, как Татьяна Онегину? Так это вроде сейчас не принято...

—Чего там, ты только дай согласие, а прочую атрибутику мы провернем по первому классу!

—Быстрый ты, Паша! Надо прежде с Федором обговорить. Только он ведь молчит — может, у него другие виды.

— Ах, Лиза, какие виды? Он ведь, как и все мы, нецелованный.

—Коль Паша Веселовский нецелованный — земля провалится!

—Ну, это в переносном смысле, — засмущался наш друг. — Остальные-то на самом деле закоренелые сергиевопосадские святоши, к женщине подойти боятся.

—Ну, Паша... В нашем ОХРО святоши? Смешно просто. Да вас вон два этажа здоровых, красивых, работающих! Я как только поступила в депо, подружки сразу сказали: в девках, Лиза, долго не засидишься, в поселке есть знаменитое мужское общежитие ОХРО, а в нем сплошь молодой да холостой народ. Я пока там не была, но, говорят, дежурные пропускают женщин в душ.

—Да, душ в ОХРе и впрямь классный. Но ты, Лиза, не уходи от ответа. Твое согласие — и мы бросаем курить!

— Вот Федору об этом и скажите. Как он себя поведет? Спасибо, мальчики, за общение и проводы. А курить можно бросить без всяких условий — сила воли, и только. У вас же, ОХРОВцев, силы воли достаточно, вы отличные парни!

Ах, брат Федор, какая же умница твоя избранница, думали мы трое, возвращаясь от лаборатории в свой цех. Будь это здание несколько подальше, мы наверняка уговорили бы Лизавету дать согласие на брак с Федором, скажем, этой же осенью.

По дороге Пашка спросил:

—Федору доложимся?

—Думается, не стоит,— первым высказался Алеко. — Пусть все идет своим чередом.

— Верно, — поддержал друга и я. — По виду, Лиза в Федора влюблена. Ему только малость смелости, и дело у них сладится. А вмешиваться в таком деликатном вопросе не следует даже с благими намерениями, тем более, что Лиза сама же говорила про чингисхановскую кровь. А это и вера другая, и обычаи не те против наших. Хотя они молодые, современные, соваться в чужой огород да в монастырь со своим уставом не следует — для всех лучше. У них самих, думаю, хватит тямю решить свой любовный вопрос...

На том и порешили. Лиза, как мы понимали, девушка не из робких и сумеет найти тропинку к нерешительному Федорову сердцу.

Глава 8 Весна-красна

Отгуляли-отшумели все новогодние праздники, и наступили однообразные, похожие друг на друга дни. С дневной сменой все шло, как положено, работа не утомляла, ночная же поистине отнимала полжизни. По идее, за одиннадцать месяцев следовало бы привыкнуть к ночной "пахоте", не казня себя принудительной бессонницей, однако по-настоящему мобилизоваться, собрать свои силы в кулак, держать их, как говорил Павло, на боевом взводе удавалось с трудом.

— А все потому, друзья, — высказал свое мнение по "сонному делу" Григорий Иванович, — что мы не всегда загружены. Вот сделали мы машину, выдали ее на линейку готовности — ставь другую. А ее нет, потому как отдали под какой-то поезд. Вот мы и маемся без дела. Ну, а коль работа — не давай себе поблажки, выложись, отдай смене должное, потом уж все сорок восемь твои. Главное, привыкайте перед сменой хорошенько вздремнуть часок-другой. Пожертвуйте свиданием, книгой, но учитесь готовить себя к ночи.

Да, этому надо научиться — спать белым днем! Тебе к 20.00 на смену, значит, брыкаться надо где-то в 16-17. Это же убийственно — в такое золотое время дрыхнуть! А придет ли сон, когда на дворе день-деньской, и жизнь кипит вокруг, как в кинофильме? После ночи сам Бог велел, а тут смотри в потолок, рви глаза.

Кто-то из наших уже пробовал: лежишь, мечтаешь, и на душе отчего-

то весело — ну весело, и все. Лезут в голову то Тарапунька со Штепселем, то свои Чеботаридзе с Устинкиным и непонятно к чему их куплеты: посылают на курорты, грязью, говорят, лечись, а грязи здесь и своей хватает — раздевайся да ложись.

Нет, спать белым днем не идет. Пещерный человек от рождения чего мог? Днем — охота за добычей, ночью, конечно, сон. Таково было его природное расписание жизни на тысячи лет, оно генетически передавалось и его потомкам. Мы же, доказывал Павло, его наследники, в силу необходимости пытаемся изменить это тысячелетнее расписание, отчего просто насилуем свой организм. Нет, с природой шутки плохи!

В понедельник на общей планерке Коляда сделал общий обзор работы Орлиного депо за первую декаду марта и за февраль в целом: тонно-километровая работа выполнена на 103 процента, суточная производительность локомотива — на 107, техническая скорость — на 93. Межпоездных за февраль — четыре тепловоза с настоем по 113 часов.

За март межпоездных нет, но это не дает права расхолаживаться. По анализу февральских межпоездных положение таково: неграмотные действия локомотивной бригады — это раз, промопора дизелистов — это два, "земля" в третьем тяговом двигателе на тепловозе — три, пробои газов по прогару поршня локомотива 2207 — четыре.

— Этих неприятностей могло не быть, контролируй мастера, как следует, своих подопечных. А они спят на ходу, как и их работяги, отсюда и результаты. Тепловоз — машина умная, она любит внимание, уход, а его как раз наши преподобные мастера со своими слесарями и не могут обеспечить из-за обычной нерадивости да боязни лишний раз проконтролировать, что и как сделано. Приемщики тоже мышей не ловят, не спустятся лишний раз в канаву, не проверят людей, их работу. Вижу, ответственности никакой, машину вытолкнули за ворота — и до свидания, а локомотивные бригады потом расхлебывая в пути следования разные недоработки ремонтников. С этим пора кончать и к работе относиться по-хозяйски, по-рабочему! — устраивал разгон начальник депо.

Планерки по понедельникам — традиция не одного года. На ней обязаны присутствовать все, кто заступал в день, кроме дежурного по депо с нарядчиками. Только на такой планерке бывает встреча с глазу на глаз рабочих с деповским руководством, его профсоюзными партийными лидерами.

После экономического обзора с анализом данных в поездной, ремонтной и маневровой работе начальник депо спрашивал, у кого какие вопросы.

А вопросы имелись. Задавая их, рабочие "резали" без всяких скидок на присутствие партийно-профсоюзных боссов.

— Почему мне дают отгулы за работу в выходные дни, а вызывали на ликвидацию "земли" в тяговом двигателе, когда нужна по закону оплата вдвойне?

Слесарь Володин действительно вызывался в субботу-воскресенье на ликвидацию "земли". Электрики знали, какая это муторная работа — найти "землю". Володин же слыл классным специалистом по этой части — истинный Эдисон, как характеризовали его друзья. К тому же, этот человек, безотказный и честный, не уходил домой, пока работа не сделана им до конца.

— Куда смотрит отдел труда? — спросил Коляда, внимательно разглядывая зал деповского красного уголка.

— Все по положению, Василии Семенович, — ответила уже немолодая, но всегда молодящаяся начальница отдела труда и заработной платы Вера Ивановна Боярская.

— Что за положение, которое я не подписывал?

— Отделенческое, Василий Семенович.

— После планерки зайдите — выясним. А вам, Володин, будет выплачено по старому положению, я проконтролирую. Еще вопросы?

— В душе посторонние люди моются — своих мы всех знаем. Тут на душомовщину, а в бане платить надо. Воды не жалко, но места нам не хватает..

Ну, уж лучше было промолчать насчет душа: Коляду от этого сообщения просто передернуло. Он коршуном набросился на дежурных, пропущавших посторонних, грозился всех лишить премии и перевести "на канаву". Мастеру котельной тут же дал задание лично контролировать работу душевых, и в случае повторного нарекания дежурные понесут наказание вплоть до увольнения.

— Еще вопросы будут?

— Будут, — выкрикнул с места мастер хозцеха. — Василий Семенович, трихлорэтилен кончился, нечем спецодежду чистить.

— Какие проблемы у снабжения?

— Ведем переговоры, Василий Семенович, денюжки нужны!

— Зайдете после планерки, обрисуете картину...

После планерки Пашка сказал уже на тепловозе:

— Видно, сегодня дед не с той ноги встал!

— Ничего, это у него просто короткое замыкание, — сказал Алеко. — Пашка кричал, поворчал, остынет, и все войдет в свою колею. У стариков есть такой синдром — рвать, метать молнии, потом все стихает, как после бури.

—Поневоле выйдешь из себя, — кипятился Пашка, — когда душевую в проходной двор превратили! Пришла семья сразу из четверых, в бане надо два целковых отвалить, тут же — даром. А два рубля — это два кило сахару, кило колбасы или десять пачек "Беломора". Да мало ли чего можно купить на эти два "рваных"! А за месяц в какую денежку все это выльется? Оттого, думаю, и идут в душ скопом и свои, и чужие.

—Да мелочи все это, — махнул рукой Алеко. — Подумаешь, выискался тут деповской доброхот! Ну, решил отец с сыновьями помыться — сразу трагедия. Любят у нас из мухи слона делать!

После обеда пришел с хорошей вестью Григорий Иванович: за модернизацию промопоры мы трое награждались денежной премией, Григорию же Ивановичу выплачивалось вознаграждение как за рационализаторское предложение.

—Не ожидал, честное слово, — откровенно признался Дайнеко. — Это, безусловно, проделки Михнюка, его штучки — он ведь главный свидетель всех наших мучений с этой железякой. Дело-то хорошее мы сделали, сейчас опоры, к каким мы приложили руки, надежны и вовсе не летят.

—Надо бы в знак благодарности угостить Анатолия Андреевича "Плиской". Неужто откажется хороший человек, пахарь? Он всегда в кругу рабочих, а не с начальством.

—Не знаю, Павло, не приходилось за круглым столом встречаться. Знаю — простой, компанейский, никакой заносчивости. Видел и с кружкой пива, но пиво — это утоление жажды, а для хорошей беседы нужно чего-нибудь погорячее.

—Да живой же он человек и такой же смертный, почему бы не ударить по 160, ну, по 200? — не унимался Пашка.

—Не знаю, друзья, может, при случае или после баньки попробую склонить его на дружескую с той же "Плиской".

—Говорят, у него жена из наших краев, местная, а значит, провинциалка, — сказал Пашка. — Такие люди не испорчены цивилизацией да всякими интеллигентскими культурностями. Коль жена нормальная, значит, и Андреевич под стать ей, значит, ничто человеческое ему не чуждо.

—Хорошо, братцы, поживем — увидим...

В марте мне исполнился двадцать один. Дата не круглая и не четвертая, потому решил отметить свой день ангела тихо, без всякой натуги, в кругу только Алеко и Павла. Вечером поделился с ними своей задумкой.

—Ну ты даешь, старик, — возмутился Пашка. — Или мы не в состоя-

нии по-человечески, по-жэушному? В училище мы понятия не имели о деньгах, и то умудрялись шелкнуть "пузырь"-другой, а тут мало ли зарабатываем? Да у нас только один коэффициент на сколько тянет, тогда как на моей Украине голый оклад без всяких там процентов, здесь же аж целых двадцать пять!

—Да не в том дело, братцы, просто цифра какая-то непутевая — ни круглая, ни половинная, обвал какой-то, — пробовал я убеждать друзей.

—Нельзя, Мороз, — поддержал Павла и Алеко. — Остальные обидятся.

—Да они уже и понятия не имеют о дне моего рождения, все давно уже забылось да выветрилось.

—Не скажи, брат. Ты же всех нас знаешь, да и у Федора знаменитая красная тетрадь сохранилась, посмотрит — не простит.

—Тогда как хотите, впереди еще целых три дня, можно многое решить. Я лишь со своей колокольни — не следовало бы всех наших беспокоить, невелико ведь событие.

—Благородное беспокойство ради дружбы всегда оправданно, — подытожил Пашка. — Главное, не мешай, когда в дело вступают старшие. День рождения всегда был и есть делом коллективным!

Да, ничего тут не поделаешь, с друзьями спорить — только себе навредить, потому решил довериться естественному ходу событий.

Вечером в нашу комнату заглянул Болат Баймуханов, скомандовав: "Все к Федору!" В чем экстренность, он не знал, но какое-то дело имелось, иначе Федор пустяками не занимался бы.

Когда собрались все наши, Федор попросту спросил:

—Какое сегодня число, знаете?

—Десятое марта, — без всякой заинтересованности сказал Михаил Бейманов. И добавил:

—Ну, и шестидесятого года, если нужно...

—А через три дня какое событие? Заклинило? Так ведь цифра тринадцать, или годовщина нашего приезда в Орлиную! Дошло?

Фу, какая непростительная забывчивость, думал каждый из нас. За серой повседневностью забыть о такой дате!

Наверное, даже нарочно не придумаешь: наш день приезда в Орлиную совпал с моим днем рождения. Это незабываемая чертова дюжина марта 1959-го, когда мы в заботах о новоселье едва вспомнили о моем дне ангела. Меня наспех поздравили, выпив лишь по стакану лимонада. Тогда мне исполнилось, как заметил Павло, два червонца — счастливые годы, какие в жизни бывают только раз. Предстоящие же через три дня

мои кровные двадцать один — ни целого с нулем, ни целого с пятеркой — вообще ни к чему не обязывали.

— И какие наши действия по знаменательной дате? — допытывался Федор. — Встряхнемся? Или будем по комнатам сидеть, как сурки? А еще, друзья, к этому юбилею накладывается и день ангела Володи Морозова. В прошлый март мы просто измотались — койки, подушки, бельюшки, прочая обустроенная нервотрепка, не позволившая отметить круглую дату Володи. Теперь надо исправляться: не той мы начинки, чтобы бросить все на самотек, забыть и не вспоминать, не печалиться и не тревожиться ни о чем!

Все молча слушали своего старосту, абсолютно со всем соглашаясь. Конечно, злые расходы предстояли, это знали все, но ни один не высказался против: как говорил Пашка, сквалыжных людей у нас в группе не водилось.

— Какое твое мнение, Мороз? — допытывался Федор. — Твой ведь ангельский день, ну и наша годовщина — такое счастливое совпадение!

— Я как все, а все, думаю, не откажутся отметить Орлиную дату, попутно и мои двадцать один. Цифра, хрен ее знает, какая-то непутевая, очко какое-то... Ну, всплеснем малость, чтобы помнить — человек родился, жив, он с вами. В целом же, братцы, искренне благодарю за внимание к моей персоне!

— Благодарить еще рано, — строго сказал Федор. — Вот отметим все, как положено, потом хоть в пояс раскланивайся с каждым. Прежде надо подготовиться, наверно, прокрутив нашу затею у наших друзей-поваренков. Думаю, это дело поручим Павлу — лучшей кандидатуры не нахожу.

— Дякую за доверие, — бодро сказал Пашка. — Исполнится все по первому классу, когда наполним нашу общественную кассу!

С тем и разошлись. Уточнять детали не стали, потому как они касались узкого круга людей, а узкому кругу заниматься этим приходилось не впервой.

Мне же как-то неловко было оказаться в центре внимания, напрягать товарищей злыми отчислениями из личного бюджета. Бюджет этот, как я знал, у каждого из нас не был бедным: мы давно друг у друга не одалживали до полочки, могли разориться на хороший выпивон либо пошиковать в крутую красавицу. На свой "очковый" день я готов был выложиться самостоятельно хоть сейчас, о чем и хотел доложить Павлу с Алеком, но воздержался, понимая, как они на это отреагируют.

...Наконец пролетела эта чертова дюжина марта, и жизнь снова пошла своим чередом. Как я ни противился, ни возникал насчет выигрыш-

ных двадцати одного, друзья оставались непреклонны — вышло все по их сценарию. Конечно, я благодарил каждого за их доброту и вдвойне за неожиданный подарок — божественный чешский костюм, который сидел на мне, по словам Пашки, как на Боге. Подарок недешевый, отчего я неимоверно смущался и даже краснел. Подумал, что не иначе Пашкина работа, уж он-то знал мой гардероб — училищную "формянку", давно просившуюся под половик.

За год работы в депо мы все, как выразился Павло, начали понемногу прибарахляться. К весне я наконец-то сбросил холодную, ставшую совсем тесной, неразлучную черную шинель — гордость жэушников. Выбрасывать, однако, не стал, оставил как реликвию. То же сделали и Павло с Алеком.

— Представится случай, увезу домой да подарю батьке или кому-то из домашних, — сказал Пашка. — На деревне у нас беднота отчаянная, пошамать можно до отвала, из тряпок же — голытьба, не как здесь. В моей Крашановке, да и в любом другом селе одежда самая народная — фуфайка да кирзуха, а здесь сурок, ондатра, нутрия, прочее дорогое на голове у мужиков вместо наших суконных тряпочных. Словом, старики, голо, бедно, не радостно нынче у сельчан, — отрешенно махнул рукой наш друг.

Как-то после одной из получек мы трое, делая капитальный обход торговых Орлиной, наткнулись на обувь "Цебо", какую тут же и приобрели. В общаге друзья завидовали, примеряли, потом поспешили в указанный магазин, только чешской обуви там уже никого не ждало.

...Работая как-то в день, я столкнулся с Александром Ивановичем. Он позвал меня в свой кабинет, там протянул газету "Степной маяк", где был опубликован мой материал.

— Не читал еще? — спросил он. — Хороший материал, без правки пошел. Редакция ничего своего добавлять не стала, к тому же, о партии на этот раз ни слова, то есть, о чем мы как-то говорили. Прочти, Афанасьич, "районку" ты ведь не выписываешь.

— Да как-то не до нее — за "Гудок", "Комсомолку", "Электрическую и тепловозную тягу" агитировали. Их выписал, да еще "Литературку" с "Крокодилом" — классные издания!

— Правильно, я тоже их люблю. А очерк твой отменный, удивительно встретить такой материал от человека с незаконченным средним! Я вот читаю твои вещи, Афанасьич, они мне просто нравятся... В свое время, дружище, я закончил факультет журналистики, неплохо писал, с лету хватал темы, не плелся в хвосте событий. Но однажды пропесочил в фельетоне одного заслуженного и известного товарища, но вору югу несущ-

светного, нажившего за государственный счет дом-дворец, терем-дачу, машину. Долго сказка сказывалась, а прокуратура телилась, только крайними оказались я как автор и редактор областной газеты, где фельетон увидел свет.

—И вас уволили?

—На целых четыре целковых за решетку.

—А хапуга?

—Отделался легким испугом, живет, только с руководящих постов потихоньку убрали и даже ничего не конфисковали.

Александр Иванович сидел!.. Я был потрясен. Господи, такой хороший человек, для людей даже душу свою не жалеет, а вот кому-то указал на правду, выставил напоказ хапугу, жулика — и поплатился.

—Тот человек, наверно, в партии состоял?

—Да уж не коммуниста не поставили бы на такую высокую должность. Ах, Афанасьич, как мало ты еще знаешь жизнь и людей! Надо тебе, друг мой, крепко учиться. Пролетят весна, лето, а там и сентябрь нагрянет. Готов ли ты первый раз в десятый класс?

—В принципе готов, только справок никаких об окончании девятого нет, но домой уже написал.

—Ничего не надо, аттестат училищный покажем, только напомним на кануне. А после школы?

—В Приесильске "железка" есть, бесконкурсная, Коляда о ней говорил.

—Знаю, но это, друг, не для тебя "железка". Это для технарей, кто с тангенсами да котангенсами играючи расправляется, как ты со словом. Нет, тебе нужны слово, логика мысли и философия души, психология человеческого характера.

—Так Коляда может обидеться — не его профиль.

—Не обидится, он знает твои склонности. А пока пиши, прославляй депо да размахнись хоть разок на "Гудок". Посидим, вместе помозгуем, выберем тему, а нет — рискни то же "Дело, которому служишь". Посиди, сделай компактнее и не старайся втискивать, включившись, воткнувшись в социалистическое соревнование. Этими соревнованиями все газеты пестрят, просто засоревновалась страна! Больше правды жизни, больше внимания человеку, его делу, какому он действительно служит...

Уж не знаю почему, но "Гудок" я любил больше других газет. Может, оттого, что там преобладала родная стихия, ее героями были такие же слесари, машинисты, путейцы, вагонники, другой железнодорожный люд? Почему-то вспомнилось: в "Гудке" в свое время начинали Ильф и

Петров, и он вроде явился для них своеобразной стартовой площадкой.

Я, конечно, о таковой не мечтал, но первое сентября ждал с нетерпением.

Однако на дворе пока играл апрель, улицы Орлиной, как в первые дни нашего приезда, бурлили сплошными грязеводяными потоками, солнце не скупилось на тепло. Старожилы поселка радовались столь ранней весне. В прежние весны заморозки сменялись оттепелями, такая круговерть растягивалась до желанных майских праздников. Теперь же к началу апреля сопки сбросили снежные завалы, под щедрыми лучами чернели пригорки, а в поселке улицы начинали пылить.

Кто знает, может, эта наша вторая весна в Орлиной кому-то действительно принесет счастье? На днях Алеко получил письмо от Лиды, я радовался: Белозерка была за бугром, но жизнь в ней теплилась. О чем писала моя сестра, Шурик не делился, но приветы нам с Павлом передавал. С письмом наконец приехала моя злополучная справка. Говорили, можно обойтись и без нее, но все же лучше подстраховаться, к тому же, ни к кому не надо обращаться.

Весна-красна, видно, действовала и на мою Лену. Она намеренно мне прямо сказала: ее старики хотят со мною поближе познакомиться. По правде, я и сам мечтал напроситься к Лене на чай, а заодно поближе познакомиться с ее родителями. Маму Лены, Екатерину Александровну, я уже знал, она отрывала нам билеты на фильм или на танцы. Знал я и сестренку Лены, мы относились друг к другу как старые знакомые. С их братом Петром обменивались лишь взглядами, но поговорить как-то все не удавалось.

О своем предстоящем визите к Лене, а может, к будущим теще и тестю, я поделился со своими друзьями:

—Приглашают, значит, хотят знать мои дальнейшие намерения. Уж год, считай, как крутимся мы с Леной, конец-то должен быть? Она от меня ничего не требует, ни на чем не настаивает, на замужество не намекает и на женитьбу не совращает, но родители, видать, беспокоятся: а вдруг принесет в подолу?

Советчиком и арбитром, конечно, выступил Павло, дока по любовно-флиртовой части.

—Приглашают — так положено. Ты ее трогал? — без всякой наигранности начал мой друг.

—Ну, ты совсем, Павло...

—Вот дает! В этом деле всегда довлеет запретный плод. Противостоять натиску любезного обхождения и безмерной ласке в девятнадцать лет очень непросто. Куда от природы денешься?

— Ну, все-таки... Мне как разговор с родителями начинать?
— Не усложняй, Вольдемар, проще смотри на жизнь. Если у вас с Леной действительно настоящая любовь, ну, та самая, до гроба, то прямо и говори: осенью сыграем свадьбу. Когда встреча?

— В воскресенье. Как-то боязно: вся семья, наверно, соберется, брат придет. Люди они простые, да обстоятельства сложные — по сути ведь репается судьба человека.

— Не усложняй, старик! Или жизни не знаешь? Сколько ОХРа свадеб сыграла? Отыграем и твою, не хуже других!

— Ребятам скажем?

— Сначала сходи, повстречайся, узнай, как дела, что предлагают, к чему склоняют. Будь мужчиной, держи марку. На дворе чудо — весна-красна, щепка на щепку, а людям сам Бог велел любить, потому им от тепла и любовного томления никуда не деться. Это природа, старик!

Глава 9

Хочу учиться, хочу жениться

Первого сентября, как и положено, дети пошли в школу. Вечером, когда отучилась вторая смена, сели за парту и мы, великовозрастные оболтусы, которые в свое время на школу смотрел как на повинность. В нашем десятом моих ровесников было всего несколько человек, остальные — народ в основном бывалый, повидавший жизнь, кому вечерняя школа не какая-то обязанность или производственное принуждение, а личная необходимость, даже потребность.

Классный руководитель нашего выпускного Ираида Никифоровна Бесполова после пофамильной переключки по-дружески посоветовала не пропускать занятий. Она понимала, что мы люди рабочие, сидеть за книжками не всегда есть время, у некоторых же работа вообще сменная, потому она на уроках по своему предмету постарается давать максимум, дома останется лишь освежить память.

Кроме классного руководства, ей надлежало вести у нас русский язык и литературу — предметы весьма интересные и очень нужные, ведь культура человека при первом же общении определяется умением правильно говорить. Быть культурным значит много знать, а что-

бы много знать, надо много читать. Но читать, ни во что не вдумываясь, ничего не анализируя, толку немного. Надо всегда приучать свои мысли работать, учиться анализировать ситуацию, речи, положения, коллизии и в итоге давать всему свою оценку.

— Что ни говорите, а образованность всегда была визитной карточкой человека. Чтобы ее иметь, надо постоянно расти. Этому как раз и помогает учеба. Надеюсь, друзья, мы с вами подружмся, а крепкая дружба во многом нам поможет. Успех же наших занятий — это наше усердие, усидчивость, вера в свои силы, — сказала Ираида Никифоровна.

Мы сразу прониклись к нашей классной уважением. Раскрылся, к тому же, интересный для нас момент: она — жена главного инженера депо, а это значит своя. Выглядела Ираида Никифоровна немногим старше нас. Бросались в глаза ее красота, раскованность, здоровье; она пленила нас и своей женственностью, светлостью ума, знанием человеческой психологии.

Она — коренная сибирячка, ерофейпавловская. В Орлиную приехала с мужем: его после окончания института распределили в депо. Здесь они уже три года и пока не жалуются, как нитка за иголкой. Места здесь не сравнить с сибирскими, но долг обязывает ехать туда, где это нужно партии, комсомолу и нашему дорогому МПСу.

— Но ведь жалко, Ираида Никифоровна, молодость свою губить здесь! В Сибири, наверно, тоже специалисты нужны, и там необжитых мест хватает, — сказал Анатолий Тарасов, молодой машинист тепловоза.

— Человек ко всему привыкает и по-своему приспосабливается. Всему же судья — время. Сегодня ужасные непролазные улицы поселка, право, просто сводят с ума, но наверняка их скоро заасфальтируют. Станция расстраивается, тепловозы поступают в депо целыми сплотками, приезжают ото всюду специалисты — кто семьями, кто в одиночку, потому МПС не сидит, сложа руки. Строятся дома, а с ними неизбежно и благоустройство, это же закон. Наша же задача, друзья, — терпеливо дружить с учебниками ради аттестата. А необустроенность — вещь временная, потому будем верить в лучшее, вера придаст человеку силы!

Дома Павел с Алеко поздравили меня с началом занятий и пожелали высоких оценок во всем. Двумя месяцами раньше я также поздравлял моих друзей, а с ними Федора, Быстрого, Виктора Вербу, обоих "профессоров" и Григория Дайнеко с поступлением в железно-

дорожный институт. Остальные ребята поступать не пожелали, решив, что все впереди: им еще хотелось отдохнуть от всего образовательного, назидательного, ученического.

В конце сентября наши заочники вызывались на установочную сессию. Павло с Алеко, передавав мне свои ключи, оставили меня в комнате одного. Моя дизельная группа на период сессии оголилась окончательно; взамен уехавших Михнюк выделил мне трех слесарей из других смен, с которыми я также оперативно выполнял свою дизельную работу. Михнюк, однако, чаще прежнего навещался именно к нам, дизелистам, интересовался нашими делами и проблемами. У нас же особых претензий не имелось, все шло без осложнений, работа в общем не страдала.

А страдать она все же могла — из-за отсутствия таких асов, как Григорий Иванович. Дайнеко, по словам Пашки, нюхом чувствовал серьезные неполадки, всегда был готов их оперативно устранить. У меня такого Божьего дара, как и у моих коллег, явно не имелось, однако работу мы выполняли оперативно и на совесть, сдавая ее приемщику с первого предъявления, чего старший мастер не мог не видеть.

В один из вечеров мне позвонил Павло, поинтересовался делами на работе, но больше Леной: был ли я у нее дома и как встретили будущего зятя ее родители?

А встретили, вопреки всем моим опасениям, без всякой наигранности, просто и душевно. Семья Лены для такого случая собралась в полном составе; провокационных вопросов, о чем предупреждал Пашка, не задавали, не интересовались, сидел ли я в тюрьме. Стол действительно ломился от яств, что вводило меня в краску. Про себя смекал: коль холостяк, общежитейский, то наверняка считают меня некормленным. Конечно, наливали горькую, закусывали, вели беседы о жизни вообще и о холостяцкой жизни в частности.

Да, соглашался я, слегка захмелев и приободрившись, жизнь холостяка не всегда есть радость ощущения свободы, женатый человек — поневоле серьезный человек, какой теперь в ответе не только за себя.

Конечно, философствовать на тему жизни и любви как темы вечной можно бесконечно, но я делать этого не стал и, как наставлял меня всезнающий, опытнейший ловелас Пашка Веселовский, без всякого жеманства попросту сказал:

— Мы с Леной встречаемся уже больше года, хорошо знаем друг друга, и, что важно, между нами большая любовь, потому я готов жениться на ней хоть завтра!

На завтра ничего намечать не стали, а определили день свадьбы в октябре, когда приедут с сессии мои друзья и кто-то из родственников, но матушка обязательно: Белозерка не за горами, поезда, слава Богу, идут по путям МПС круглосуточно, потому особых затруднений быть не должно.

Так и порешили: я сообщаю маме о моей женитьбе, забочусь о ее приезде, все остальное приложится. О деталях, сказали мы с Леной, поговорим дополнительно.

С моей стороны приглашалась только моя жэушная команда да пару человек помимо нее — Григорий Иванович Дайнеко и товарищ по работе Николай Пашенко. С Николаем, моим ровесником, человеком умным и несколько философичным, мы познакомились у деповской газетной витрины. Читали бегло, стоя плечом к плечу, "Гудок", "Степной маяк" и наш "Тепловозник". Какой-то из материалов заинтересовал Николая, и он, глядя мне в глаза, спросил:

— Это ты рабкор Морозов?

— Не нравится материал? — в свою очередь почему-то спросил и я.

— Напротив, хорошая статья, есть факт и собственная позиция автора по факту. Но встречаются же у нас некоторые: нальют воды, приглядят все, ни морщинки, ни пылинки нигде! Герой красив, как Бог, а внутренний мир его пуст...

Оказалось, Николай тоже любит слово, пишет стихи и мечтает об университете: на гуманитарный в этом году не получилось, на будущий же он своего не упустит. Так мы и подружились со слесарем Пашенко. Как и Шкреба, он не боготворил партию и не боялся травить крепкие анекдоты, начиная от Василия Ивановича с Петькой и Анкой до Никиты Сергеевича с его Ниной. Мне не раз хотелось свести Николая со Шкребой, в ком, думал я, он наверняка нашел бы единомышленника. Но случая все как-то не представлялось, а больные, как мне виделось, Александр Иванович сам держал этого человека на расстоянии от себя.

...С моей стороны приглашенных на нашу свадьбу набиралось 17-19 человек; со стороны Лены цифра колебалась между десятью и пятнадцатью. Лена родилась в Орлиной и, наверно, у нее есть друзья, одноклассники, любимые школьные учителя — пусть приглашает, кого хочет! Как-то, просматривая список, я ей сказал:

— Девочка, если приглашенных наберется столько, что пушкой не пробить, договоримся в ОРСовской столовой, и все проблемы снимут-

ся. Подобные услуги орлинцам ОРС практикует со времен царя Гороха, чем не преминем воспользоваться и мы...

В последнее время свадьбы в столовой справлялись почти еженедельно. Как говорили знатоки, справлять торжества в подобных апартаментах даже дешевле, нежели в домашних условиях, где не всегда под рукой холодная и горячая вода, канализация, массивные электропечи с внушительными кастрюлями, ведерными чайниками, сковородками размером с цирковую арену да противнями в теннисный стол.

Лена же сказала, что ничего не надо, родители против: людей набирается всего около тридцати душ, места для такого количества достаточно, все должно получиться не хуже, чем у других.

—А лучше нельзя? — спросил я. — У меня с друзьями есть возможности для более широкого шага, нужно только твое согласие.

—Не надо, Вов, родители со старыми пережитками, считают, когда свадьба не за родным столом и не в своем углу, счастье будет горькое. Ты же не хочешь горького счастья, Вов?

—Конечно, не хочу, а счастье мы сделаем свое — сладкое...

К середине октября вернулись мои "студики". Сессия во многом пошла им на пользу: они похорошели, посвежели, даже возмужали — таким благодатным оказался для них приесильский климат, родные училищные пенаты, куда они не раз наносили свои визиты. Наша комната вновь обрела свою притягательность, и к нам снова стали вламываться без всяких правил и приличий в поисках чего-нибудь съестного или просто стрелкнуть сигарету. Когда я оставался один, никакого паломничества не совершалось: видно, комнату считали сиротской, потерявшей таких неугомонных, щедрых и гостеприимных хлебосолов, как Пашка.

Вечером в честь приезда друзей я организовал пирушку, чего они никак не ожидали. Я знал: день приезда моих заочников случится к ночи, когда магазины закрыты, а это ни выпить, ни подкрепится. Угощение удалось сварганить благодаря электроплитке, приобретенной нами в хозмаге и прописанной в нашей комнате навечно.

Друзья на все лады расхваливали мое искусство повара, а Пашка не преминул заметить, что Лена по достоинству оценит мое кулинарное искусство и от моих блюд начнет хоть сколько-нибудь поправляться, а то тощая, как селедка, доска доской — к такой ни прижаться, ни согреться, такие по природе холодны, как белуга.

Алеко несколько раз пытался приструнить захмелевшего друга —

уж нельзя о Лене такое при мне! — но Пашка был в своем амплуа, остановить его было невозможно. Я же, по правде, не обижался — ничего не поделаешь, коль Пашкина характеристика Лены во многом совпадала с ее истинным портретом. На счет холодности белуги я сказать пока ничего не мог, но считал, что Павло ошибается: худоба не всегда есть признак этой самой рыбьей холодности, жизнь знает много случаев и обратного.

Других недостатков Павло у Лены не находил. Напротив, он, как бы в оправдание за прежние "морские" сравнения, отмечал в ней истинную красоту и привлекательность лица, необыкновенную белозубую улыбку, ее естественные темные волосы, не знавшие химии, в то время как вся прекрасная половина Орлиной, от школьниц до старух, "химичилась" да перекрашивалась во все цвета радуги.

—Еще, — отметил Павло, — в Лене твоей бросается в глаза просто-та. Даже в общественных местах — в кино, на танцах, на своей работе, в гостях — она всегда в простенькой блузочке и туфлях.

Да и откуда ей иметь всякие драпы да крепы, шелка да меха, когда она только начала работать, отец — пенсионер, мать — уборщица с пятидесятирублевой зарплатой? На руках у них еще девятиклассница Антонина, возраст — в ситчик не оденешь, нос воротит, думал я. Эх, чего там Лена, сам-то я давно ли прибарахлился? Училищная роба только и спасала, и добро, что друзья одарили чешской тройкой, да по случаю приобрел редкостную обувь "Цебо".

Ничего, все уладится, думал я о своем, в то же время щедро угощая моих "железных" студентов. Пашка с аппетитом налегал на жареный картофель, Алеко же усердно раздирал курицу.

—Под такой закусон, братцы, не грех и ударить покрепче, — сказал Павло, в который раз наполняя наши стаканы. — Спасибо Афанасьичу, ужин сварганил отменный, потому как хозяин примерный, не забыл и "родимую" припасти. Предлагаю за Афанасьича наш благодарственный тост!

—Нет, братцы, давайте пореже, иначе мы "Шумел камыш" затынем, а завтра по нам работа плачет, — сказал Алеко.

—Ну, работа не медведь, в лес не убежит, — пробормотал хорошо "нарисованный" Пашка. — По такому случаю не грех и отгул взять, мы его заслужили!

—Ну, если только это...

—Утром позвоним в кадры, скажем — после сессии, разбитые, к тому же, Мороз боевой, отпашет.

—Тогда мне — через одну, — попросил я.

Алеко поведал: на сессии они этим делом не увлекались; как Ломоносов, усердно грызли гранит науки без всяких бросков на "родимую", да и Федор, как всегда, был на страже. Может, благодаря этому установочная сессия и прошла столь успешно, быш сделан хороший задел на следующую, сдаточную.

Под градусом разговор о работе и учебных делах не клеился, каждому хотелось высказаться о чем-то личном, даже сокровенном. Первым начал Павло.

—Моя зазноба тут не баловалась? — спросил он у меня, затягиваясь красивой "приезжей" сигаретой с фильтром. — Молодые — это такой ненадежный народ! Отлучись на время, так они сразу глазками по сторонам — подловить какого-нибудь Ваньку. Любовь для них — замотать какого-нибудь зазевавшегося, с одной лишь мечтой — в ЗАГС.

Я ответил:

—Не следил я за твоей невестой, да и времени у меня на подобное нет, своих проблем невпроворот. А Валя, на мой взгляд, не заслуживает такого недоверия к себе, мое мнение о ней самое высокое.

—Жизнь не игрушка, идеальных людей, наверно, раз-два и обчелся, — начал философствовать Пашка.

—Совсем идеальных, может, и правда нет, но чистых, верных друзьям и долгу предостаточно. Валя, уверяю, в их числе.

—Дай Бог, дай Бог! Я ей верю, конечно, но, как говорится, доверяй, но проверяй...

Не терпелось и мне спросить у Алеко: Белозерка-то была не за горами, как там? Не созванивался ли с моей сестренкой? Может, удалось даже у нее побывать?

—Созванивался. Дома без изменений, насчет прочего — ничего определенного. Вообще, у этих восемнадцатилетних взгляд на настоящую любовь абсолютно школьный, с его детством и романтикой. Что неизлечимо в них, они не хотят взрослеть и набираться ума, не понимают старой истины: что имеем — не храним, потерявши — плачем...

Словом, как я понял, Алеко с Лидой кашу сварят нескоро, если вообще сварят. Закоренелая провинциальность сестры меня крайне удивляла: взрослея, она по-прежнему оставалась пещерной, даже дремучей в амурных делах. А это плохо, с такой психологией недолго нарваться на какого-нибудь ветрогона или кавказца, какие любят пещерных и узнают их с ходу. Ну, а наигравшись, попросту выбрасывают, как надоевшую истрепанную куклу.

...Ох, и тяжело же вставать после вчерашней дегустации! Пашка, как ни храбрился, выглядел точно выползшим из-под медведя, помятым и больным. Алеко знал меру, потому выглядел сегодня — готов к труду и обороне! Обо мне говорить не стоило: со своим немужским сердечком я старался не злоупотреблять за любым застольем. Ребята, зная эту мою чертову немощность, не слишком настаивали на лишней стопке, хотя случаи перебора у нас троих все-таки бывали.

В отличие от Алеко, я знал, с какой стороны у меня мотор, хотя тренил он меня больше после тяжелой работы, особенно в ночную смену, или при вынужденной пробежке. Не знаю, какую там бяку да хворь выискала приесильская медицина, только для армии меня забраковали, хотя и выдали на руки военный билет с отметкой: "Рядовой, не служил".

Местная же Орлиная поликлиника никаких отклонений в моем седечке не находила, и я пахал, как папа Карло, без всяких скидок на загазованность, высокую температуру, пары масел, соляры, прочих безрадостных и губительных для меня углеводородных гадостей.

Григорий Иванович, зная о нашем вчерашнем "харакири", по-дружески нам сочувствовал, даже посоветовал для поднятия духа послать кого-то на мотоцикле за пивком. По окончании же смены можно подлечиться посолиднее: работы нынче не слишком, машина вчерашняя, холодная, добьем цикл, а там можно и посвирепствовать.

Мы совета мудрого человека послушались и теперь с нетерпением ожидали возвращения гонца. Тот, к счастью, вскорости появился на тепловозе с вожделенной сумкой. Григорий Иванович налил гонцу стакан пенящегося напитка, тот его с ходу опрокинул. Мы тоже не растягивали удовольствие, ибо Григорий Иванович предупредил: будьте бдительны, начальство может усечь, что нежелательно. Мы на хорошем счету, и портить свое реноме не следует.

В общем, смену мы отработали без ЧП, машину запустили, и дежурный по депо вызвал на нее поездную бригаду. Вечером сменщики приняли у нас смену без претензий; мы пожелали им доброй отработки, сами же дружно поспешили в омолаживающую душу парилку.

Глава 10

Горько!

Пашка спросил, может ли он взять с собой на свадьбу и Трофимову.

— Обижаешь, старик! Конечно же, нужно — места всем хватит. Федор с Лизой, Шап с Олей, Чугун с Леной обещали прийти, я им лично вручил пригласительные.

— Тогда все в ажуре, а то моя мне всю плешь пропилила: возьму я ее или нет?

— Так в пригласительном же написано: "Павел и Валя". Ты ей показывал?

— Показывал, только она мне, как цыганке, не верит.

— Дожился, брат, докатился...

Ребятам я не раз говорил, что места хватит всем: две комнаты, гостей же набирается всего под тридцать душ. Вполне можно разместить еще столько же, но их нет.

Виктор Верба дал согласие играть на свадьбе; мне же как жениху в такой день не положено налегать на кнопки. Виктор тоже придет не один, что я особенно приветствовал.

— Бери пример с порядочных людей, а то все куролесишь, никак успокоения не найдешь со своей любовью, — говорил я Павло.

Незваных гостей много не предвиделось, потому все должно было получиться на уровне. Конечно, если кто и зайдет непрошенный, то разве хлебосольный хозяин не угостит вожделенной рюмкой-другой? Этого добра моя жэушная сторона приобрела целых пять ящиков, а это сто "пузырей". Родители Лены пожурили мою братву за такую непомерную расточительность. "Таким морем, — говорили они, — можно напоить всю ОХРу, а тут всего-то три десятка человек!"

Будущий тамада с моей стороны Григорий Дайнеко сказал Екатерине Александровне:

— Ах, мамаша, когда это горилка оказывалась лишней? На похмелье надо? Надо. А коль останется, то не прокиснет — не тот товар.

Перед свадьбой я не раз задумывался над обыденным словом "се-

мья". Значит, через несколько дней, в этом золотом октябре 1960-го мы с Леной создаем уникальное человеческое объединение. Понаслышке я знал: молодожены на первых порах совместной жизни вечно испытывают главную трудность — угол. В кино не раз видел благороднейший со стороны начальства жест — ключи от новой квартиры. Случалось это больше на комсомольских свадьбах; мы же с Леной вступить в комсомол в школе как-то не удосужились, а теперь в наши 18-21 обзаводиться комсомольским билетом вроде несколько поздновато.

Обговаривали и мы с Леной этот злободневный вопрос: где нам жить? Идти куда-то на квартиру родители Лены считали делом постыдным, потому предложили на первых порах обосноваться у них, а позже деповское начальство как-то посодействует: по работе мы с Леной на хорошем счету.

Идти в примачи, как говорится, несколько унижало жениховский статус. Под одной крышей с тещей, утверждали знатоки, самое гиблое дело, пусть она будет хоть золотой. Говорят же, не родилось еще такой тещи и такого зятя, какие бы друг в друге души не чаяли! Тещам от природы дано указывать зятю, как жить, с чего начинать, иметь детей или повременить, извечно ставя в пример свой жизненный опыт, всегда безупречный и верный.

Ничего другого, как поселиться у Лены с ее домочадцами на ближайшее время, мне не светило. Пашка советовал смириться, а дальше жизнь покажет. Таких, как мы с Леной, бедолаг в Орлиной вовсе не два-три, они по-своему маются. Алеко же настаивал снимать комнату у каких-нибудь пенсионеров: лишняя копейка им не помешает, а помощь от квартирантов — побелить там, подштукатурить, подштопать оградку — и вовсе не будет для них лишней.

Предложение Алеко устраивало меня больше своей практичностью и реальной осуществимостью. Надеяться на какую-то благосклонность начальства особенно не приходилось, ибо я знал: бездомных молодых семей в депо — пальцев на руках не хватит, у многих уже дети школьного возраста, а они все без собственной крыши.

В депо поговаривали о строительстве малосемейного общежития, но дело дальше разговоров не шло. Алеко советовал еще поговорить со Шкребой: может, у него есть какие-то варианты? В принципе, я и сам об этом подумывал, но воздерживался: чем я лучше других? "Перепрыгивать" деповскую квартирную очередь никому не позволялось, каждый знал ее последовательность, а скидок на молодоженство не делалось. .

Деповское руководство, однако, кое-что для молодоженов все-таки делало. К примеру, оно договаривалось с другими организациями, имеющими какое-то свободное жилье, и деповские семьи расселялись на определенное время в их жилом фонде.

Александр Иванович Шкреба сам вызвал меня к себе в кабинет и в хорошем расположении духа бойко спросил:

—Слышал, брат, слышал, что кончаешь с холостяцкой жизнью? Да и какую девушку берешь — умницу, красавицу! Знаю я Лену давно, определяли ее ученицей в группу учета. Знаю ее сестер, родителей, потому считаю, тебе повезло — хорошая работающая семья. Жить-то где собираешься?

—Есть два варианта — идти в примаки или на частную. Второй все-таки предпочтительнее.

—Согласен. Как бы вы ни понимали друг друга с тещей, жить необходимо вам все-таки отдельно. Будете жить у меня. Живем мы с женою вдвоем, дети в разгоне, дом большой, а главное, вход отдельный.

—Знаю я ваш дом, но думал, там два хозяина...

—Нет, там жила моя меньшая с мужем. Дверь в третью комнату я заложил да примостил пристройку с отдельным входом. Сейчас дети в разгоне, квартира же пустует. Не бойся, денег брать с тебя не стану! А коль где ворота подшаманим или оградку подправим, дорожки песком посыплем, то себя да хозяйку уладим. Идет?

Ах, Александр Иванович, ну конечно же, идет! Господи, чем я заслужил такое счастье? Может, он меня пожалел: вроде свой, собрат по перу, а им, пишущим, у нас никогда сладко не жилось — вечно их правят, режут, указывают, как писать и что писать.

Написал я как-то об Орлиной грязи заметку, отослал в "районку" с надеждой помочь районщикам: у них за большими проблемами, скорее всего, руки не доходят до маленьких, но ведь есть исполнители на местах! Тот же председатель Орлиного поселкового совета товарищ Сегизбаев, секретарь узлового парткома товарищ Неверов, секретарь комсомольской организации Синяев... Вон какая руководящая команда, все партийные, а порядка в поселке нет!

Заметка с упреками в адрес хоть и маленьких, но руководителей с партийными билетами света не увидела. Однако меня вызывал к себе Коляда, затем и секретарь партийной организации депо Шибаев. О беседе со мною я поделился со Шкребой. Он, стукнув себя по лбу, крепко выругался, возмущенно чехвостя свою персону:

—Я знаю твою горячность, Афанасьич, твою неумную ненависть

ко всему рутинному в нашей повседневности. Если бы ты ополчился за все эти безобразия на мастера колхоза, на главного механика, не подготовивших мусороуборочные и ассенизаторские машины... Но ведь ты ринулся на руководителей района, под чьеи эгидой все это хозяйство находится! На поверку, конечно, виноваты больше районщики. Кому как не им держать на прицеле состояние коммунальной службы в поселках района, состояние этих безобразнейших помоек и выгребных ям являющихся в летнее время настоящими рассадниками инфекционных желудочно-кишечных, заболеваний, особенно среди детей. В свое время, Афанасьич, и я но-своему, с партийной позиции боролся с подобными негативными явлениями. Но я был опытнее тебя и знал где искать стрелочника. Ты же ринулся напрямую, а на этой прямой ох сколько партийных, беспартийных и Бог знает каких еще пороков. На одном из них я и споткнулся на целых четыре года. Ну, а тебе только пощекотали пятки. Возможно, жизнь когда-то внесет свежую струю в наш большевитский дух, а пока, друг мой, учись, овладевай знаниями которые выработало человечество, будь аналитиком во всем, на все имей свою точку зрения - только свою, без всякой партийной подкладки, коммунистического обрамления и всякого парти духа. В наше время, честно, это просто героизм, какой под силу только смелым, человечным, грамотным, просто самоотверженным людям...

Кстати, как школьные дела?

- Кроме математики, все идет на "отлично".

- Верю у меня с нею тоже особой дружбы не водилось. В университете на журфаке тангенсы с котангенсами не понадобятся. Современный же русский язык и литературу, историю, иностранные знать надо отменно. С иностранным есть дружба?

В школе давался легко, учительница всегда ставила пятерки, из класса только я разговаривал с нею на английском, да еще переводил

стихи из учебника.

Отлично. Думаю, все это в будущем пригодится непременно...

В конце нашей встречи Александр Иванович вручил мне ключи от навесного замка, посоветовав без промедления доставить кровать, шмотки, посуду и прочую необходимость.

- У тебя, конечно, как у латыша, у невесты же что-то да имеется. Обговори с Леной все тонкости, а то ведь вы народ молодой, в горячности да свадебной суматохе не позаботитесь о главном - о своем первом уединении уже как муж и жена. Ну, ты сам понимаешь, тебе уже за двадцать, а ей только восемнадцать, потому ты авторитет и советчик.

Мелочи жизни надо знать, предвидеть, учитывать и стараться не допускать, чтобы они портили нам жизнь. А насчет учебы после "вечерки" мы уже обговаривали варианты. Я постараюсь помочь выбрать тебе путь, какой станет для тебя не только интересным, но и жизненно необходимым!

Уходил я — нет, улетал — от Шкребы истинно на крыльях. Тут же вызвал Лену, передал ей весь разговор с Александром Ивановичем, заодно отдал вожделенный, просто золотой ключ, получив взамен горячий поцелуй. Лена сказала: прямо сегодня же она с сестрами пойдет обследовать квартиру, попутно же сделают там первую уборку. Насчет кровати, стола, тумбочки, нескольких табуреток можно позаботиться после побелки. О кастрюлях и тарелках позаботимся позже, они на свадебном торжестве должны еще послужить.

Словом, до конца смены душа моя пела, в ней поселился праздник. Алеко, видя мое сияющее лицо и широкую улыбку, возбужденно спросил:

—Свет в конце тоннеля есть?

—Больше — негаснущее солнце на всю Вселенную!

Пашка с Алеко радовались не меньше моего, сожалея, что не сошлись со Шкребой раньше. Они могли бы поучиться у него азам человеческой мудрости и человеколюбия, заодно бы постарались помочь ему участием в организации проекта соцсоревнований по профессиям, инициатором чего являлся сам Шкреба.

Весь следующий день вплоть до самой вечерней смены моя сторо-на скрупулезно обследовала наше с Леной будущее жилище и осталась вполне удовлетворенной: дом казенный, с высокими потолками, шлаколитой и оттого теплый. Особой примечательностью, как считал Дайнеко, являлась небольшая, но аккуратная печь с духовкой, обещавшая тепло и аппетитную стряпню, если молодая жена умеет готовить. А коль не умеет, то мамаша на первых порах поможет, а там и свой опыт придет: на такой работе, как у мужа, питание должно соответствовать!

Лена оперативно и по-хозяйски руководила доставкой в новое гнездо кровати, постели, нехитрой мебели, выделенной ей на первый случай. Доставкой скарба занимался Павло, за что я дважды молча пожал ему руку.

—В первую очередь, Лена, тебе не будет хватать большого зеркала — по Трофимовой знаю, — сказал Пашка, расставляя нехитрую мебель.

—Со временем обживемся, трюмо приобретем — там как раз зеркало с выдвигаемыми ящичками для всяческих женских красот да секрет-

ностей, о чем пока только приходится мечтать, — смущенно сказала Лена.

—Да, трюмо — это здорово, сам себя во весь рост видишь. Надо же перед орлом-мужем и самой во всем выглядеть красивой!

—Да уж какая есть, Паша, — смутилась Лена.

—А есть красивая девушка Лена, и ее любит наш друг Володя, решивший взять эту девушку в жены, с чем мы вас от души и поздравляем, — безостановочно балагурил мой неумный друг.

— Спасибо, Паша, ты сейчас поздравляешь, а на свадьбе позабудешь...

—Обижаешь, Лена! Не тот Пашка Веселовский человек, чтобы забыть незабываемое. Главное, твой Морозов первый показал нам путь избавления от холостяцкой жизни — в ОХРе теперь на одного холостяка станет меньше...

Обставленная комнатка с занавесками, броским ковром над кроватью и яркой ворсистой дорожкой на полу выглядела очень даже привлекательно. Пашка организовал импровизированный стол с закуской и, налив всем, предложил тост за новую семью в чудо-теремке, а главное, за новую хозяйку в нем.

—Желаю вам, Лена и Володя, жить-поживать да добра наживать в новой хате, — предложил свой тост Григорий Дайнеко.

—Давайте, друзья, выпьем за это!

—И за деток тоже, — подхватил Пашка. — Чтоб дал им Бог в одну ночку сына и дочку!

—Ну, Паша, ты совсем в краску вводишь, — смущенно сказала Лена.

—Ах, милый друг, это же жизнь! Давайте еще поднимем за вас с Морозом, за эту квартиру, особо же за Александра Ивановича, дай Бог ему здоровья за такой подарок!

—Временный, — заметил Алеко.

—Ничего, — горячился Пашка. — Со временем нарисуеться хорошее жилье с центральным отоплением, водой, канализацией. Вон, строители затевают нечто громоздкое, похоже, котельную, Орлиная вознесется ввысь, она даже по названию рождена для полета... Асейчас, друзья, для вас двоих горько! Пусть это пока в нашем маленьком кругу будет как бы понарошку, но все равно — горько! Давайте, давайте, нечего прятаться!

—Правда — горько! — крикнул Григорий Иванович. — Вон, даже Алеко с Федором поддерживают!

— Ну, вы просто чукчи какие-то, прямо посреди чума, без стола и фаты, — сказал я шутливо, крепко поцеловав Лену. Она не сопротивлялась, а только стыдливо смотрела на ставшую ей такой близкой мою ОХРовскую компанию.

— Ничего, девочка, не смущайся, — сказал Дайнеко, закусывая после рюмки "Московской". — На свадьбе, говорят, могут даже сглазить, а тут все твои друзья, какие желают тебе только счастья. Сердца же у нас чистые, потому бояться нас нечего. Мы любим вас с Володей, а пожелать вам хочется одного — понимания друг друга, остальное приложится само собой... Наливай, Павло, еще по одной за будущих Морозовых! За молодых, чтоб в этом доме у них поселилось здоровье, счастье и богатство! Ну, а богатство — это их любовь, уважение друг к другу, уважение родного коллектива. Лена, не отставляй стакан, выпей с друзьями за ваше с Владимиром счастье. Желаю, чтоб его никогда не коснулось никакое омрачение!

Глава 11

Будни

Наконец отгудело свадебное разгулье, только на третий день позволившее нам с Леной чуть-чуть вздохнуть. Поздравления ОХРовцев да застолья за их же счет продолжались еще целую неделю. Происходили все эти незапланированные визиты до удивления банально: два-три ОХРовца с полной экипировкой — горячительное, колбаса, сыр, консервы, с непременно букетом осенних цветов — хором поздравляли нас с законным браком и желали, желали, желали... Нам с Леной ничего не оставалось, как пригласить незваных гостей к столу, поставить перед ними стаканы да нехитрое угощение.

Но постепенно спала и эта гостевая суматошность, не позволявшая нам отдохнуть от бесконечного мытья посуды, хождения на колонку за водой, приготовления кипятка. Теперь хотелось только тишины да уединения. Лена сном валилась в постель, я же еще бодрился, шуровал в печи, подсыпая уголь, мел полы, вытирал плитку.

Мы с Леной по-настоящему влюбились в свой приветливый кубрик, как окрестил квартиру сам Шкреба. Уж не знаю, что в комнате напоминало корабельное, только ни я, ни Лена не обнаруживали даже про-

стейшей морской атрибутики. Но коль Александр Иванович нарек наше жилище кубриком, пусть оно им и останется.

Да, вот так началась моя семейная жизнь. Теперь нас двое — я и моя Лена. Какие проблемы нас сейчас волнуют? Вроде обуты, одеты, работаем, куснуть в доме есть чего, уголь на зиму — не проблема, шифоньер, трюмо, всякие диваны-кресла — дело наживное.

Мою матушку с Лидой мы проводили в Белозерку, как положено, с почестями — друзья мои и тут были на высоте. С сестренкой же моей оказалось несколько сложнее: Алеко, Павло, Валя Трофимова, Чугунидзе, даже Федор с Лизой уговаривали ее остаться в Орлиной навсегда. Про Белозерку знали немного: ну, станция и станция, каких по Союзу тыщи! Депо там обратное, радостей да веселья никаких, молодежи нет — подалась в Приесильск, благо он рядом.

В Орлиной перспектив больше, молодежи много, с работой никаких проблем. Сестра же моя, как я понимал, не умела бросаться в омут, обдумывала свою жизнь основательно, не советуясь ни со мной, ни с матерью. Алеко, видимо, приводил свои аргументы, более приемлемые, отчего моя сестренка больше склонялась к нему, больше слушала его, уединялась с ним, когда позволяли время и обстоятельства.

Мама благоволила Алеко, я не вмешивался, Пашка выступал в роли дипломата, а Валя Трофимова своей роли сватки отдавалась со всей страстью своего темперамента и обаяния. Я, признаться, такому мощному агитационному прессу вряд ли чего смог бы противопоставить и, конечно, сдался бы на милость победителей. Лида же расслабляться не умела, нервы свои держала в узде: с жизненной логичностью она Орлиный вариант рассматривала и оценивала не как начало пути и панацею от всех бед, а больше как его конец и бесславие.

Закончилась же вся эта сватовская эпопея обещанием сестры с кем-то посоветоваться дома, взвесить все "за" и "против", потом уж решаться на Орлиную судьбину. Когда? Время покажет — над всеми нами пока ведь не каплет...

На работе меня ждала приятная новость: в областной газете "Индустриальный Углеград" вышла моя очередная статья "Не хлебом единым". Нашу областную я получал в ОХРе и на новый адрес переписать пока не успел. Александр Иванович сделал мне своеобразный презент, подарив "Индустриалку" с этим самым "хлебом", за что я без стеснения отвесил ему поклон.

По поводу статьи Шкреба сейчас высказал свое одобрительное резюме. Между прочим, добавил он, Коляда статьей тоже остался дово-

лен. Главное, сказал Шкреба, Василий Семенович никак не ожидал от какой-то газетной писульки такого шумного и приятного ажиотажа в кругу отделенческого начальства, какое в телефонных звонках благодарило Коляду за его поддержку деповской художественной самодеятельности, выступавшей, как указывалось в статье, со своими концертами не только на отдельных станциях и разъездах, но и в сельской глубинке, куда самодеятельные артисты, не говоря о профессионалах, носа не кажут годами. Говорят, при лысом кукурузоводе целинную глубинку осчастливливали даже областные гастролеры, но после целинной эпопеи песенная муза на отдаленных целинных просторах замерла, кажется, навсегда.

В депо же станции Орлиная силами энтузиастов, неумных пенсионеров и просто любителей музыки песни да театрального действия уже года три жила, процветала, даже ярко светилась самодеятельная артистическая команда.

Слухи о небывалом триумфе деповских артистов гремели по всей округе. Слышало ли этот гром непосредственно руководство железной дороги, только написал я именно о самодеятельности, какую хорошо знал, будучи в ее составе хористом и автором многих сатирических миниатюр для наших неизменных конференсье — талантливый тандем Чеботаридзе — Устинкин.

По всем приметам, высокое железнодорожное начальство мало чего знало о существовании в колядовском депо живого самодеятельного хора, даже целого ансамбля с такой громкой славой.

Александр Иванович сказал, что Коляда тот благодарственный отделенческий звонок наверняка не оставит без внимания, чем-то отметит саму самодеятельность и меня как автора нашумевшей статьи. Насчет какого-то внимания ко мне я не стал слишком раскатывать губу. В новой квартире-кубрике квартирные хлопоты да обустроенные дела поглощали все мое свободное время, не давая взглянуть даже на белый свет.

А дни бежали, как вода, стремительно и неудержимо. Вроде бы только вчера шелестела пышная листва и в громе музыки гости неистово кричали: "Горько!"; нынче же деревья светились сквозным светом, а осенние лужи сковывались по утрам сверкающим ледостоем. В депо на общей планерке Коляда уже ставил вопрос о подготовке к Новому году, а потому все намеченное на нынешний год надо выполнить непременно, не оставляя на будущее — мол, это дурная примета.

В вечерней школе первая четверть, как поделилась Ираида Ники-

форова, обещала вывести меня даже в хорошисты. Мне сие казалось незаслуженным. Во-первых, я не изводил себя математической казуистикой, да и прочими науками. В-вторых, после женитьбы во мне начали проявляться такие неблагоприятные качества, как отсутствие терпения, усидчивости; к тому же, я начал ощущать на себе влияние чертовой лени. А на хорошиста я тянул, скорее, по инерции: круглые пятерки по остальным предметам не иначе как интуитивно завышали оценки по математике — у преподавателей не поднималась рука "троить" отличного гуманитарного ученика.

На мое "шалтай-болтай" по отношению к занятиям в "вечерке" Лена сделала замечание и прямо спросила: "Кто и что мешает тебе посещать школу регулярно? Добей десятилетку, а там жизнь покажет". Да и ей самой надо в книжки заглядывать — техникум ждет:

— В депо вон сколько учится молодежи — Коляда называл высокие цифры. Только мы с тобой, муж мой Мороз, сильно отстаем от нее, что не делает нам чести...

Я авторитетно заявлял Лене, что десятый добыю непременно и буду пытаться, как советует Шкреба, на журналистику. Пусть не по профилю моей работы, но это самая чертова жилка вечно не дает мне покоя: как сказал поэт, мысль тянется к перу, перо — к бумаге. Потому, по Александру Ивановичу, нельзя хоронить этот дар, надо развивать его и еще более совершенствовать: "Может, наша глухая станция когда-то да прогремит, дав жизнь новому Гиляровскому, Стурюа или Гершбергу?"

Я же про себя отмечал: слишком много Александр Иванович уделяет мне внимания. Все эти хваленые оды в мой адрес за любовь к слову, к писательству просто излишни. По газетным публикациям почти в каждом номере вижу имена простых, как и я, рабочих, машинистов, скотников, доярок, чабанов. Есть у людей желание высказаться, предложить какое-то решение проблемы, снижение трудоемкости на каком-то участке работы, объекта, узла, поделиться опытом экономии ГСМ, практикой вождения тяжеловесных поездов, вот люди и обращаются в газету, чтобы их опыт стал достоянием других.

На одной из репетиций хора Алексей Чеботаридзе читал вслух "Не хлебом единым". Все остались довольны, даже радовались: наконец-то нас заметили! А это, по всему, какой-то плюс коллективу с перспективой субсидий на приобретение русских рубашек, сапог да шаровар для мужской группы, новых балалаек и мандолины. Прочие "игралки" еще могли служить, эти же только скрипели, вынуждая музыкального руководителя затыкать уши и бежать из зала, куда глаза глядят.

Наши прожесты с рубашками да шароварами пока только согревали нас, но они давали чувствительный заряд для творчества. Самодеятельность обновляла программу в надежде (чем черт не шутит?) на приглашение показать мастерство в отделенческом дворце культуры железнодорожников.

...Новый 1961-ый год встречали мы с Леной у ее родителей. Алеко, Пашка, даже Федор приглашали на свой мальчишник, на этот раз разбавленный нежностью и красотой Вали Трофимовой, женственностью и боевитостью Лизы, непредсказуемостью и грустинкой Оли — робкой любви Шапа. Но я отказался, сославшись на приглашение наших стариков.

Лена в принципе соглашалась на ОХРу, к моим друзьям, но я не советовал, боясь навлечь недовольство моей любимой тещи. По правде, мне не хотелось так скоро отрываться от жэушной компании, показывая свою "слабость перед бабой". С другой стороны, здравый смысл подсказывал: ОХРовская пора с ее безмерной свободой души и тела когда-то да должна закончиться. Друзья, я видел, определенно понимали мое состояние, потому не слишком настаивали — из уважения к старикам Лены, которым я тоже стал сыном. Старые Катулевские так и сказали: "Ты, Владимир, теперь тоже член нашей семьи, потому праздник и горе мы должны делить вместе!"

Праздничное застолье, к радости всего семейства, было по-настоящему семейным. Как положено, проводили Старый год, выпили за Новый; наверно, каждый имел свою задумку, строил какие-то планы в надежде, что наступивший год их обязательно осуществит. На деле вслух никто не высказывался.

Сестры Лены крутили пластинки; мы же с Ильей Матвеевичем курили на кухне, говорили о родной "железке", которой он отдал сорок лет, а я пока едва до трех дотягивал. Вообще, наставлял тесть, жизнь у нас с Леной только начинается, потому держаться надо железной дороги — она не подведет, не предаст, не обманет, даст хлеб и кров. Только к ней с душою надо: железная дорога не любит временщиков, случайных людей. Если ты пришел к ней как хозяин, принял душой и сердцем, она непременно отблагодарит тебя сторицей.

Женщины занимались своим делом; мы же по-мужски откровенно беседовали о жизни, насущных проблемах молодоженов на первых порах и, конечно, о склонности к "родимой", из-за которой в Орлиной распалась уже не одна молодая семья. Я, как мог, успокаивал тестя, заверяя его: я не такой, "родимая" мне не грозит, голова на плечах есть, вот

закончу школу, а там надо о дальнейшей учебе подумать, пока молодой. Лена о том же мечтает.

Да, время сейчас такое, говорил мой подвыпивший собеседник, учиться нынче необходимо. Вот он сорок лет отдал железной дороге, чем гордится безмерно. Ведь сначала он строил эту дорогу, тачка да грабарка были его дипломами. А потом перешел в дистанцию пути — ПЧ по-железнодорожному, где всю жизнь с молотком да путевой лапой проволдонился до самой пенсии, на коей уже целых два года. Начальник же попросил: мол, ты, Матвейч, добросовестный человек, путь и сигналы знаешь, поработай дежурным по переезду.

— Вот, два года дежурю, встречаю да провожаю поезда, гоняю шоферов-лихачей, постоянно нарушающих правила и со своей дурной манерой мчащихся на красный свет в объезд шлагбаума...

Я внимательно слушал тестя, поддакивал. Илья Матвеевич коснулся и своей Екатерины — моей тещи. Прожили они трудно, но счастливо, вот уже тридцать пять лет, нажили четверых детей. Сын живет со своей семьей тут же в Орлиной, а три дочери — с ним, вот только Лена недавно ушла ко мне. Дочери у него не белоручки: доят корову, чистят-убирают хлев, ухаживают за поросятами, курами, утками. Сейчас без живности не протянуть: зарплата — не разгонишься, пенсия — одна символика. "Но, слава Богу, только Антонина-школьница осталась на иждивении. Не пропадем: руки-ноги на месте, голова на плечах, по миру не пойдём".

Как отец он радовался за дочку Лену, свою любимицу. В молодости на ее плечах все хозяйство держалось, потому как на сына, хоть и старшего, надежды никакой — в поле ветер, гуляка, к тому же любитель этой самой "родимой".

— Мы-то с матерью вечно на работе: я — на путях, мать — в клубе. Придешь домой и валишься от усталости. За день так намотаешься да намахаешься костыльным молотком, что к вечеру рук поднять нет сил, не только в коровнике да свинарнике управляться, раздать им корм, перестелить подстилку...

Я хорошо представлял эту нудную работу — управляться со скотиной, чем мне самому приходилось заниматься как бы не с семи лет. Теперь еще больше жалел Лену, мою жену: не женское дело этот чертов скотный двор! Почему-то вспомнилось: на Западе вряд ли увидишь, как у нас, женщину-путейца, ловко орудующую путевым молотком да совсем нелегкой путевой лапой, или обтирщицу, вытирающую тепловозы, всегда по локти в мазуте да соляре. Женщина-скотница, то-

карь, кочегар, станочник у нас совсем не редкость, как не редкость женщина-тракторист, комбайнер, штукатур-маляр, каменщик и даже шофер. На Западе, говорят, такого не увидишь.

Эх, чего сравнивать! Наша женщина навкалывается у себя на работе, на тех же путях, потом опрометью в детсад, в магазины, в тот же чертов сарай к коровам да свиньям, все к тому же навозу. А потом плита, супы-каши, дети, посуда... Ладно, если в городе, где есть газ и горячая вода. А в Орлином и ему подобных поселках? Конечно, цивилизация и сюда достает, и ускорится, если кому-то из сильных мира сего придет в голову: Орлиная — станция перспективная, удобная, на главном железнодорожном ходу от Урала через такие промышленные гиганты, как Углеград.

На данный период, как-то говорил Коляда, наш узел действительно несет большую нагрузку. Грузопоток во многом возрос, а это обязывает движенцев, ремонтников, всех нас до последнего слесаря очень даже крепко крутиться, а говоря по-русски, пахать в поте лица.

С пуском в Орлиной паровозного парка рост жилья с прочими сооружениями в поселке невообразимо активизировался, но без какой-либо цельной планировки. Потому, видно, и обошли ее современные котельные, очистные сооружения с канализационными станциями да разными полями фильтрации.

Нынешним орлинцам теперь приходится пожинать плоды первостроителей. Ну что ж, нам здесь жить, нам же и благоустраивать свой поселок. Но это дело времени, сейчас же принимаем его таким, какой он есть...

Об этом мы говорили с тестем в новогоднюю ночь наступившего 1961-го. Домой мы с Леной засобирались только после ноля часов по Москве. Как всегда, улицы поселка — сплошная темень, впрямь хоть глаз выколи. Только это Лену никак не удручало. Она полным серьезе заявила мне:

—Если, не дай Бог, Орлиная сгорит, то я, Елена Морозова, десять лет буду сидеть на пепелище — так я ее люблю!

Я сказал:

—Милая, это все от незнания жизни. Ты за свои восемнадцать еще нигде не была, не видела Москвы, Черного моря, Волги, не представляешь метро. К тому же, в поездах вообще не ездила и свой родной край не покидала ни разу. А если бы знала, как живут люди в других краях, то непременно захотела бы сменить обстановку, чтобы начать жить как-то по-другому.

—Мне и в Орлиной хорошо с тобой, — сказала Лена сквозь скрип снега. — Я счастлива, большего мне не нужно: я человек нетребовательный, неприхотливый.

—Не желать лучшего нельзя, друг мой, — перебил я жену. — Уподобляться улитке в своей скорлупе нам не пристало: у нас вся жизнь впереди, все может измениться даже независимо от нас.

— Без нашего ведома ничего произойти не может — мы хозяйева свой судьбы, своей жизни. А чтобы что-то изменилось, нам все равно решать все надо только вдвоем. Правда, Вов?

—Конечно. Только с тобой вдвоем...

В кубрике нас ждала несусветная холодина, отчего не хотелось ни говорить, ни ругаться, ни даже мыслить. Договорились: домну затопим утром — уже четыре. Я включил электроплитку: черт с ней, пусть моет электричество, но кубрик хоть малость обогреется.

Лена сейчас же набросила поверх ватного одеяла мою жэушную шинель и свое выдавшее виды пальтецо, сохранившееся как бы не с класса восьмого, — его хватило прикрыть только ноги.

—Коротка кольчужка, — пошутил я, примащивая пальтецо в ногах. — Но все равно, пусть служит, хоть на какой-то градус да согреет!

—Ничего, Вов, мы с тобой бывалые люди, не интеллигенты, — прошептала жена, натягивая одеяло под самый подбородок. — Переживем и эту Арктику, а завтра накочегарим: ты же у меня специалист по домненной части...

И правда, с нашей домной я с первых же дней нашел общий язык: мы в целом хорошо подружились, она беспрекословно отвечала мне жарким пламенем и веселым гулом, едва только спичка касалась клочка бумаги да нескольких сухих щепок. Я тут же, наловчившись, ловко забрасывал уголь, который вмиг схватывался, разгорался, и моя домна начинала весело гудеть, жить, работать.

А вот для Лены растопка превратилась в истинное наказание. Я старался наладить их отношения, поливал соляркой дрова, ожидавшие своего часа в сених, однако Лена контакта с дымилкой не находила, и эта взаимная неприязнь нередко доводила ее до слез. Домна сопротивлялась всеми фибрами своей печной души, при растопке молчала, коптила или едва тлела. Только злость да упорство заставляли ее оживать, что доводило саму Лену до каления...

Проснулся я часам к девяти. Жена еще спала своим поистине детским сном. Я первым делом стал шебуршиться у топки. Буквально через минуты дрова дружно запылали; поверх них я засыпал

уголь, открыл поддувало, дав огню священнодействовать в своей стихии.

Сегодня первое января. Отогнув листок настенного календаря, я подумал: "Вот уже три месяца, как мы с Леной женаты, а между нами ни разу не пробежала черная кошка, вызвав ссоры, упреки, семейные дразги. Хорошо это или плохо? Может, полезно порою выговориться, в чем-то упрекнуть друг друга, поспорить, по-семейному погрызться? В споре, как известно, рождается истина".

Пока же над нами все девяносто дней не было даже тени. Я по-прежнему добросовестно ходил на смены, Лена тоже не позволяла себе расслабиться — работа прежде всего. Для меня она была действительно всем, отчего я не понимал сообщения Коляды на планерках о слесарях, не выполняющих своего производственного задания. На черной доске "Они позорят наш коллектив" не раз видел фамилии рабочих — отпетых бездельников, прогульщиков, любителей сорокаградусной, какие действительно позорят высокое звание рабочего.

Лена как-то заметила: непутевые жэушники Пашка, Алеко, Шап, Чугунидзе, Бейманов, Баймуханов — в общем, все наши — ни разу не подзалетели по пьяному делу, что делает им честь. Хотя мы давно уже не мальчики, и опыта дружбы с "родимой" нам всем не занимать, но только наш собственный контроль позитивно сказывается на имидже.

Федор недавно поставил вопрос ребром: он-де снимает с себя всякую ответственность в этом сивушном деле, пусть теперь каждый отвечает за себя — люди все взрослые. Притом Лизавете дают комнату, а это уже счастье. Шумной свадьбы не намечается, соберутся только наши друзья. Родные в такую даль из Татарии не приедут, но их благословение получено, дело остается за крышей. Коль он покинет ОХРу, на стремени придется оставаться таким серьезным товарищем, как Алеко, "профессорам", но им тоже не вечно "сидеть в девках".

— Пока мы училищную марку держали, к рюмке отношение имели самое осторожное, не позволяли себе "отличиться" по Орлиной, тем более, на работе. Это как-никак возвышало нас, несколько высвечивало, за что я благодарил бы только самих себя. Конечно, исключения были, но они большой погоды не делали, — сказал Федор.

Сообщение бывшего старосты о его намерении покинуть ОХРу для нас не являлось новостью. Мы знали: Лиза как более активная не раз бывала у деповского начальства, какое со скрипом, но родило решение выделить ей комнату вне очереди. Жилье временное, из чужого жилого фонда, на основе определенных договоренностей с геологической

экспедицией, но все же для молодоженов это была желанная крыша.

Экспедиционные домики в общем окружении рядовых строений выглядели даже эффектно. Собранные из деревянных щитов, теплые, с необычно большими окнами, в поселке они составляли целую улицу, заселенную в большинстве непоседливыми геологами. Удобства там были, как у всех орлинцев: вода на уличной колонке, собственная домна, уголек, дрова, прочие аксессуары провинциальной цивилизации.

По вечерам, обычно перед сном, мы с Леной не раз обговаривали дела моих ОХРовских жэушников. Беспокоил нас больше всех Пашка, его отношение к Вале Трофимовой. Все знали: они давно живут как муж с женой, официально же оформить свой союз отчего-то затягивают, заявления на квартиру не подают.

—А интересно, как-то застенчиво сказала Лена. Более года живут семейно, а Валя до сих пор чистая, "поймать" не может. А у нас и трех месяцев не прошло, и готово — самый настоящий "арбуз" проглотила!

Так неожиданно-негаданно я узнал, что скоро стану папашей. Для обычного человечества дети всегда считались счастьем и чем-то возвышенным, меня же сообщение жены, по правде, повергло в какое-то уныние. Как-то уж слишком сразу, и нажиться-то толком не успели...

Виду, конечно, я не показывал, хорохорился, выплескивал свою отцовскую радость и мужскую молодцеватость. По дому теперь старался оградить жену от лишних хлопот, не позволял переносить ведра с водой, углем, золой, мыть полы, дабы лишний раз не нагибаться.

Внешне Лена оставалась девчонкой, тонкой и гибкой, где "арбузом" и за километр не пахло. Платья с юбками она носила прежние, не перешивала пуговиц, не делала никаких поясных вставок с клиньями, которые, если верить разговорам, при такой щепетильной ситуации абсолютно неизбежны.

Да, может, действительно следовало позавидовать паре Веселовский — Трофимова, живущей пока для себя? Пашка, к тому же, ударился в науку, а ребенок для заочника, как не раз он говорил, далеко не золотая находка.

—Сначала диплом, потом уж о потомстве можно позаботиться. Исполнится где-то 26-27, хотя для семейного хомута тоже рановато... Но уж коль приспичило, можно сунуть голову в этот самый хомут — Бог простит, — рассуждал Павло.

На меня же все свалилось в одночасье — экзамены, аттестат, ребенок. Родится он, а дальше-то как? Техникум жены первые год-два точ-

но плакал. А мне как сдавать вступительные экзамены? Не свалю же я все хозяйство с кубриком на одни плечи? Нет, годик придется повременить, пока ребенок не окрепнет. Полегче станет, там и об университете можно будет подумать.

Конечно, год перерыва для моей далеко не ломоносовской головы опасен, но тут, похоже, всем правит судьба. Могла бы стать хорошей подмогой в нянечном деле Антонина, только черт, наверно, и правда все нарочно придумал: одновременно с ребенком ожидалось и два аттестата зрелости, из-за которых мы с сестренкой Лены уходили с головой в книги, в себя, в небытие.

Жена почуяла мое скрываемое беспокойство и однажды тихо, будто извиняясь, сказала:

—Вов, вижу, не ко времени наш ребенок... Может, в больницу?

—Обижаешь, — возмутился я чуть ли не в бешенстве. — Во-первых, по всему уже поздно. Техникум твой может малость подождать, тебе-то от роду... Мне для учебы ребенок не помеха. Родится — твои помогут, пока я буду на вступительных.

—А может, все-таки рискнуть? — не унималась жена. — Говорят, есть бабки. Наши девки как-то упоминали, кое-кто даже прошел ту "школу", и ничего — живут и вновь "арбузы" заглатывают.

Настойчивость жены начинала меня раздражать: я всерьез свирепел, приказав даже не думать о каких-то убийцах с косою. Надо почаще заглядывать в журнал "Здоровье", где для таких, как она, черным по белому пишут: первый аборт для молодой, никогда не рожавшей женщины может закончиться вечным бесплодием, что никогда не позволит ей стать матерью, а значит, продолжательницей рода человеческого.

—Кстати, за абORTы раньше судили, — сказал я, несколько успокоившись и нежно поглаживая абсолютно плоский живот жены.

—После войны, скорее всего, так и следовало поступать: людей-то погибло под тридцать миллионов, — отчего-то рассердилась жена. — В основном мужчин, а воспроизводство населения без мужчин — это же сказки, подвигнувшие властей прибегнуть к столь жесткому закону.

—Вот и занимайся этим воспроизводством, друг мой! Про аборт же забудь — рассержусь. Мы еще жить не жили, а уже, как фашисты, вздумали убивать живых, детей к тому же!

—Ну, не сердись, Вов! Рожу я тебе слесаря, будешь доволен... А если, по счастью, дочка прибудет?

—Никто с нас не спросит, никто не осудит.

—А вдруг Господь двойню нам презентует?

—Такого в Орлиной вовеки не будет.

—Но было ж однажды, старики говорили...

—Те старики давно уж почили, а те, что остались, не помнят такого — спроси, если хочешь, у орлинца любого. Известно, как в Орлиной бывает с вашей сестрой: то мертвый родится, то выкидыш...

—Бывает такое.

—А если подобное случится с тобою?

—Будем на милость уповать Господню.

—Ладно, давай прекратим на сегодня, а то нас с тобой даже на стихи потянуло. Теперь дело за тобой: молись, чтобы все хорошо разрешилось!

По правде же, ей тоже хотелось бы, как Вале, отсрочить рождение нового человека, пожить малость для себя, поступить учиться. Потом уж, господа, как не раз говаривал Пашка, можно после диплома хоть футбольную команду народить. Дети — цветы жизни, а чем больше цветов, тем неогладнее цветовой ковер, радостнее жизнь.

...Общее положение в "вечерке" особой тревоги у меня не вызывало. Математику я по-прежнему не любил, но мой ученический долг обязывал мириться и делать, как все: учиться думать, разбирать задачи, решать их. Последнее давалось мне особенно трудно, но прослыть пешкой, бездарем я считал для себя унижительным, видя, как даже женщины в классе расправляются с синусами-косинусами играючи. Оттого я часто казнил себя этой наукой, на себе же срывал зло, изводя до изнеможения, но к уроку приходил подготовленным если не на четверку, то на твердую тройку без сомнения.

К моему удовлетворению, учителя меня в последнее время просто захваливали: в "вечерке" — и такой талантливый ученик! Ираида Никифоровна любила мои сочинения, одно даже зачитала перед классом вслух. Вольная тема "Еще народу русскому пределы не поставлены, пред ним великий путь" оказалась для меня интересной, даже захватывающей, и я необычайно увлекся, заставив себя просто выложиться.

Учительница посоветовала использовать материал для газетного варианта: мол, столько в нем глубоких мыслей и фактов современной действительности о социалистических преобразованиях, трудовой поступи наших пятилеток. Я обещал последовать ее совету, но думал больше о математике — аттестат ведь мог "плакать" только из-за нее.

Глава 12

Федор плюс Лиза

На торжественное мероприятие в честь Дня Советской Армии нам, дизелистам, попасть не удалось — экстренная машина под поезд просто спутала нас. Ну, нам троим, не нюхавшим пороха, вроде не так обидно, как Григорию Ивановичу, три года отдавшему родному полку "от звонка до звонка".

Мы сказали Дайнеко: "Брат, отпускаем тебя на все четыре стороны! Не надо ни у кого отпрашиваться — работу выполним по первому классу. Григорий Иванович поблагодарил, но отказался: не дело работу подменять другими делами. Коль праздник — отметим после душа, а вот заготовить все необходимо заранее, гонец и техника на стремени, остается лишь сброситься по "рваному". Пашка сам напросился провернуть это дело, а заодно уладить в деповской столовой все по закуске, интимности и тишине. В вечернее время столовая обычно закрывается на санитарный час, этим и воспользуемся.

Праздник праздником, а работу мы делали качественно, как всегда настраивая себя на полную добросовестность.

— Надо, друзья, зарубить нам на носу, — говорил Григорий Иванович. — Локомотивная бригада в поездке остается один на один с тепловозом и с перегонном. И если работа ремонтниками сделана недобросовестно, спустя рукава, то вся беда ложится только на локомотивную бригаду. Ей со всеми неисправностями, поломками да разрушениями надо повоевать, чтобы дотянуть поезд до первого же разъезда или станции. А у нее график, перегон, другие поезда, идущие вслед и навстречу — ход-то однопутный...

Однопутка от Углеграда через Орлиную с выходом на азиатский регион давно была болью МПС. Решался ли вопрос за высокими столами по ликвидации постоянных заторов поездов, мы не знали. Не раз спрашивали у мастера Михнюка: "Вы там, Анатолий Андреевич, к богам поближе. Не ожидается ли в ближайшем будущем строительство вторых путей, ведь жизнь сама диктует условия перехода на двухпутку?"

Разве допустимо, когда на станциях да разъездах поезда стопорятся беспредельно, потом, как бешеные, срываются и целыми "деревнями" бегут друг за другом, до конца заставляя станционные пути Орлиной? Будь их хотя бы 15-20, а то ведь всего восемь!"

Анатолий Андреевич, усмехнувшись, замечал:

— Большие проблемы пусть касаются большого начальства, больших людей, а мы — маленькие винтики, и наши задачи под стать нам. У нас же главная забота — выдать под поезда исправными локомотивы, а дело служб — расписывать их по своему усмотрению.

Григорий Иванович как-то сказал, что по этой части дизелисты пока не подводили, к тому же, у них есть возможности улучшать качество ремонта — все локомотивные депо отделения сейчас борются за это.

— Для нас, — продолжал Дайнеко, — по части ремонта ничего невозможного нет. Дай нам кантователь, мы могли бы у себя в депо делать переукладку обоих коленчатых валов, вообще выполнять работу в объеме подъёмки. Верхний-то вал мы без проблем снимаем, гильзы меняем, поршни, вкладыши, а будь кантователь, весь тепловоз разбросали бы от колес до крыши.

На одной из планерок Коляда, обычно жадный на похвалу, во всеуслышание отметил хорошую работу всего ремонтного цеха: уже квартал машины не заходят на межпоездной ремонт, и это все благодаря ремонтникам, которые продолжают держать свою марку.

— Нечасто, друзья, приходится слышать приятное в адрес ремонтников, — сказал Григорию Иванович. — Сегодня же Василий Семенович удосужился. Мы знаем: сердце тепловоза — дизель, а значит, от дизелистов, их квалификации, опыта, добросовестности зависит жизнь тепловоза. Работает дизель — все в движении, дизель молчит — машина мертва, поэтому давайте и себя поблагодарим!

...После душа, как и намечали, мы собрались в деповской столовой. Пашка для страховки приколот на столовской двери бумажку "Санитарный час". Садясь за сдвинутые столы с напитками и аппетитными яствами, мы дали высокую оценку Пашкиной организации и кулинарным способностям бригады Вали Трофимовой, в целом изобилию и изысканности сегодняшнего праздничного военизированного застолья.

Как и положено, девчонки первыми подняли тост за нас, мужчин, за нашу непобедимую и легендарную, за тех, кто служит и кто их ждет. О нас троих, не служивших, знали немногие, но мы афишироваться не собирались. Григорий Иванович, изведавший армейские будни, о

службе ничего не рассказывал, лишь тихо вел беседу о мировом затишье да о неотразимых прелестях наших кормилиц. Валя Трофимова тут же заметила:

— Григорий Иванович — высокий, красивый, боевой ОХРовец, а так долго "засиделся в девках", когда по нему наверняка сохнет не одна орлинка!

Григорий Иванович краснел, смущался, что-то говорил об ответственности женатого человека перед семьей и обществом: мол, семья — это ячейка государства. С другой же стороны, женитьба — не всегда счастье: попадешь в руки какой-нибудь горгоне, так и взвоешь по-волчьи.

— Нет, лучше "ходить в девках" до времени, а там судьба распорядится...

Валя в смущении заметила:

— Неправ Григорий Иванович! Это скорее философия закоренелого ОХРовца, кому общежитие дороже семейного очага. Любит только себя, свою ОХРу, не желает дать счастье другому. Такие люди к старости становятся женоненавистниками и ревнивцами несусветными.

Григорий Иванович, наполняя бокалы, сказал, обращаясь непосредственно к своей оппонентке:

— Если бы мне попалась такая преданная девушка, как ты, то я, не раздумывая, отдал бы ей душу и сердце. Но такое счастье есть только у Павла, а он его никому не уступит, да и ты сама не оставишь своего чародея, какими бы недостатками он ни обладал.

Валя благодарно склоняла свою головку в накрахмаленном чепчике, смеялась и шутила, прижимаясь к Пашке, непутевому сердцееду.

День мы заканчивали в хорошем подпитии, готовые обнять каждого и всю Вселенную, довольные жизнью и судьбой. Павло провожал женскую компанию, мы же с Алеко и Григорием Ивановичем помогали ему поддерживать мужской авторитет, по-джентельменски разводя наших прекрасных, нежных и таких беспомощных в своем одиночестве королей к их родному порогу.

Дома я рассказал жене о вечерней трапезе с сорокаградусной рекою, переплывать которую махом в присутствии прекрасных дам никто не решился, о необыкновенной нежности Пашки к Вале Трофимовой, об ее нападках на Дайнеко за его затянувшуюся холостяцкую жизнь.

Лена отметила, что Валя по этой части абсолютно права: такой хороший парень, как Григорий Иванович, не должен быть одиноким,

обязан любить, дарить счастье другим, иметь детей, вообще стать семейным человеком, а не ОХРовским осотом — красивым, стройным, колючим, но бесполезным. Ладно бы был он зеленым юнцом, кому многое прощается, так он ведь повидал жизнь, пошагал по земле, побывал, наверно, не в одной передрыге.

— К тому же, тридцатилетнему мужику не резон себя обстирывать да обштопывать, да жить постоянно на казенных харчах... Кстати, не желаешь чего-нибудь горяченького? — прерывая свой монолог о Дайнеко, спросила жена.

— По правде, не отказался бы, — сказал я, усаживаясь за стол. — В гостях хорошо, а дома лучше — истина непреложная!

— Оно и верно. Как девчата ни стараются, а домашнее есть домашнее. В столовой тебе не приготовят настоящую домашнюю лапшу, какую ты любишь — лапши поменьше, бульона побольше, да и зажарила свинными шкварками, просто объедение.

Лапша действительно оказалась отменной, в моем вкусе, заправленной свинными шкварками — выжарками свиного сала с горой мелко нарезанного лука, какие на малом огне принимают коричневый цвет, издавая при этом острый аппетитно-благоуханный запах.

Тесто для лапши жена готовит не спеша. Из теста раскатывает тонкие, до просвечивания, лепешки, затем их сворачивает в длинные рукавички и нарезает узкие полоски. Это и есть домашняя лапша — моя слабость.

Жена знала: наш жэушный набор в армии не служил, однако поздравила меня с мужским днем, вложив прямо в руки "Шипр" с портсигаром.

— Вечно у тебя в карманах табак, они пожелтели да протабачились таким противным запахом, — сказала Лена. — А так какая-то защита. Смотри, как щелкает! — и жена несколько раз нажала на кнопку портсигара; крышка резко откидывалась, при нажатии издавая громкий щелчок. — Девки мои говорят, что таким щелчком даже детей малых напугать можно. Так что будь осторожным в гостях, а на работе и дома щелкай, сколько пожелаешь!

Я поцеловал женушку за ушко. Теперь папиросы действительно не помнутся, как солома, а карманы и впрямь станут чище.

После ужина Лена подала мне несколько газет. В районной я наконец увидел очерковый материал о нашем секретаре первичной партийной организации, участнике войны, машинисте тепловоза Владимире Петровиче Шибаеве. Лена с улыбкой посмотрела на меня — сюр-

приз ведь! Она читала первой, мне же о своей статье приходится узнавать вторым.

Очерк о Шибяеве я написал по совету Шкребы. Не знаю, какие мотивы двигали этим советом, только я доподлинно знал: к партии Шкреба особой любви не питал. Он и меня предостерегал не петь ей особых гимнов, а больше акцентировать внимание на личности человека, его характере, житейской мудрости.

Очерк вышел в полном объеме, без особых правок. За редакционными правками я следил особенно щепетильно, обычно принимая их с болью: мне казалось, что моя механика журналистского стиля находится на уровне, претензий не заслуживает, а коль они есть, то это просто редакционные обязанности.

Такое положение я мотивировал наличием у меня уймы времени, какое я мог использовать для отточки материала, его шлифовки, урезки, коррекции. Как говорил Александр Иванович, штатные работники часто такой возможности просто не имеют из-за дефицита времени.

В одном из писем редакция "районки" как-то посоветовала мне бережнее относиться к слову. Я показал письмо Шкребе, спросив: что бы сие значило? Александр Иванович, зная многие мои материалы, просто сказал:

— Не увлекайся длиннотами! Поруби ты фразу, предложение — конечно, в зависимости от контекста. Право, нам надо крепко учиться у Чехова, у "Комсомолки" с "Правдой" — вот где зубры газетного дела! Да и наш "Гудок", посмотри, так осторожно относится к слову, все легко читается. А мы, ей-богу, до самозабвения тешим себя толстовскими километровыми предложениями, тогда как газетная строка должна быть короткой, четкой, но емкой.

— Это дает практика?

— И практика тоже, но нелишне помнить об этом всегда. Поступишь на журналистику, там этим мудростям научат — специфика требует. Тебе в этом плане будет легче, чем тем же очникам.

Накануне 8 Марта в депо выдали зарплату. Я, по привычке отдав деньги до копейки, сказал жене свое обычное: "Крутись!" Лена, поцеловав меня, заметила:

— У мужчины в кармане всегда должно звенеть. Двое суток на отдыхе, встретятся друзья — ну как не ударить, как у вас водится, по пиву или по сто пятьдесят? Это же ваша традиция. Поэтому возьми, сколько тебе надо, при случае разгуляешься со своими ОХРовцами: все равно ведь от них, басурманов, никуда не денешься!

Деньги я взял, поблагодарил свою суженую, сказав, что таких жен, самолично предлагающих мужьям деньги на выпивон, на земном шаре нет и, наверно, быть не может.

В принципе, упрекнуть меня Лена ни в чем не могла: в отличие от многих орлинских мужей, выпивоном я не увлекался, а коль подворачивалась дружеская пирушка, большей частью старался держать норму. Притом Лена знала о моих гонорарах, какие я с удовольствием отдавал ей полностью. Она смущалась, отказывалась, говорила, что эти деньги только мои, что могу тратить их по своему усмотрению. Деньги гонорарные, в общем, не ахти, больше символические, однако приятно отдавать их жене — все-таки побочный заработок.

Лена не имела привычки прятать деньги, позволяя мне брать по надобности. Она же, в свою очередь, тратила, как ей хотелось. В семейном бюджете я мало чего смыслил, и какая в доме потреба "плачет" в первую голову, не знал: жена просто ставила меня перед фактом, какой я принимал как должное.

Так получилось с шифоньером. Она присмотрела в хозмаге добрый плательник, качество и цвет ее радовали, на одной из дверей — большое зеркало. Сказано — сделано. Сейчас покупка радует глаз, отлично служит, приняв в свое чрево все наше семейное барахлишко.

Вторая наша покупка — мечта жены, кухонный стол с двумя перегородками для продуктов. Все добросовестно подогнано — мышь носа не просунет. Два выдвижных ящика вызывали у Лены истинное восхищение: вилки, ложки, поварешки, ножи да терки, плошки, открывашки, толкушки знали свое место.

Наш кубрик начинал приобретать обжитой вид. Тюлевые занавески со шторами до самого пола вообще придавали жилищу нарядность. На очереди теперь были ковер с паласом. Валя заметила: будущего ребенка в доме все должно радовать, от красивой люстры до детской кровати, о какой надо позаботиться уже теперь. Ну, а в кроватку тоже немало чего полагается: простынки, пеленки, одеяла, распашонки, игрушки.

— Вы, мужики, задайтесь целью достать кроватку, а мы, женщины, будем искать чего в кроватку. Не найдете ее в Орлиной — поезжайте в город, откуда на тепловозе и привезете, она ведь разборная, — взяла бразды правления в этом деле Валя Трофимова.

А жена моя в этой суете как бы и не участвовала. Она оставалась все время спокойно-невозмутимой. Валя с Лизаветой навещали наш кубрик все чаще, и Лене нравилось участие девушек в благоустройстве и "макияже" нашего жилища.

Недавно, вернувшись с работы, жена принесла хорошую весть: Лизавете наконец-то дали ордер на квартиру. Случилось это накануне женского дня, что давало право считать эту бесценную бумажку подарком руководства депо своей молодой работнице.

С переходом Орлиного депо на тепловозную тягу деповская химлаборатория испытывала крайний дефицит в специалистах своего профиля. Несколько институтских выпускниц каким-то залетом попали в Орлиную. Их определили в женское общежитие, только оно, кроме служебного телефона, другой цивилизации молодым работницам предложить не могло. Бытовая и прочая неустроенность повергла молодых специалистов в глубокое разочарование. Не пробыв даже недели в ненавистой для них Орлиной, молодые "направленки", бросив все на произвол судьбы, ночью сели на поезд и укатили в неизвестном направлении.

Как сложилась судьба беглянок, в депо не знали, да и, пожалуй, не желали знать. Одно тревожило теперь — не восполненные лабораторные вакансии. Старые кадры, еще с паровозной тяги, сегодня с трудом обеспечивали работу прогрессивных локомотивов с их дизельными двигателями в тысячи лошадиных сил, отчего не раз приходилось обращаться за помощью к коллегам в другие депо.

Затруднения да сбои в различных химанализах в Орлином депо где-то в верхних эшелонах железнодорожной кадровой иерархии высветили необходимую кадровую единицу — Лизавету Ризяпову. Ее, в отличие от ее предшественниц, вовсе не удручала жизнь в Орлиной. Она как должное приняла всю атрибутику заштатного линейного поселка со всей его живой и болезненной инфраструктурой.

В силу своей природной одаренности, человеколюбия и коммуникабельности, Лиза быстро освоилась на работе, нашла хороших друзей, и жизнь в Орлиной не казалась для нее, как для ее предшественниц, ссылкой. Она видела всюду поддержку, ощущала участие в своей судьбе многих людей с красивой душой и чистыми помыслами. И Орлиная ответила ей полной взаимностью, подарив в знак признательности Федора.

Лиза не раз говорила подругам: "Не знаю, кого благодарить за такого парня — то ли судьбу, то ли ОХРу, то ли нашу незабвенную крылатую". Валя с Леной, обнимая подругу, говорили: не все ли равно, кто посылает им счастье?

— Благодарю ОХРу, — сказала Валя Трофимова. — Она дала мне непутевого Веселовского, Лене — писателя Мороза, а тебе — будущего начальника депо Федора.

Девушки от души смеялись, обговаривали достоинства и недостатки своих избранников. Лиза на полном серьезе заметила: Федору не светит стать начальником, его бич — застенчивость, природная простота. Стать же хорошим грамотным инженером ему под силу.

— И ничего страшного, — возразила Валя. — Федор в институте, а там научат всем премудростям. Главное, в нем есть эта золотая жилка — притягательность, умение сплавивать вокруг себя людей, ненавязчиво заставляя их подчиняться своей воле. Все это уже делает человека заметным в обществе, в окружении, проявляет в нем командирские черты, что означать может только одно: до начальника — один шаг.

— У Федора в помине такого нет, — сказала Лиза. Он не честолобив, к тому же, выполнить указание ему проще, чем приказывать кому-то.

— Все равно, достоинств у него много, — не сдавалась Валя. — Вот бы хоть несколько из них моему Павлу... Но нет чудес, приходится довольствоваться тем, чем Бог его наделил. Такова наша женская доля!

— Ну, ну, девчонки, оставим пессимизм! — сказала Лиза. — У нас отличные пария! Пусть не боги, но мы сами сделаем из них каких угодно богов, на то мы и женщины. А ОХРовский народ легко поддается дрессировке.

После 8 Марта Федор со всей энергией окунулся в заботы по приведению в порядок Елизаветиной светлицы. Нас он ни о чем не просил, но шила в мешке не утаишь: мы узнали о его затеях и решительно пришли к Федору в полном составе.

Дайнеко то ли удивленно, то ли возмущенно покачал головой:

— Да, друзья, состояние квартиры более чем плачевное. Прежние хозяева были не иначе как варварами, коль оставили после себя авгиевы конюшни. Но, как бы дико ни выглядело сие обиталище, при нашем численном составе восьми рабочих часов вполне достаточно для наведения хорошего марафета. Женщин не привлекать, сами побелим пульверизатором — красиво, ровно, без полос получается. Известки в депо вагон, а тут на две комнатки вполне ведра хватит. Полы, двери, окна покрасим после побелки...

На том и порешили. Федор в распоряжения Дайнеко не вмешивался, только со смущением заметил: в его планы не входило до лета затевать столь крутой ремонт, его он намеревался делать частями, постепенно, без шума и аврала. Лиза не перечила, только побелку попросила оставить женским рукам. Григорий Иванович повторил: женщин не привлекать!

Пульверизатор, краски, кисти привезли. А тут мастер хозцеха подо-

слал своих специалистов, так что ремонтом занимались не дилетанты, а специалисты.

— Не беспокойся, Федор, — заверил Дайнеко, — все сделаем, как положено! Я прослежу за цикличностью работ и качеством, к вечеру уже будешь принимать готовность. Завтрашний день — сушка, проветривание, а уж послезавтра входите с Лизаветой в свои хоромы живите на здоровье!

— Да нет, Григории Иванович, сначала войдет Лиза, сыграем небольшую свадьбу, потом уж переселюсь. Ты же знаешь злые языки! Сама Лиза сказала: "Плюнь, приходи да живи, а свадьбу сделаем, когда соберемся с силами". И я безмерно благодарен ей за игнорирование неписаной нравственности, тем более, в нашем мусульманском укладе. У вас в этом плане более свободно, молодые редко придерживаются каких-то канонов. Но я, Григории Иванович, человек деревенский, а в провинции обычаи, традиции со всевозможными табу да толкованиями более живучи, нежели в городе.

— Решай, как знаешь, мы всегда с тобой. Коль понадобится, только свиски!

— Спасибо, Григорий Иванович. Такого братства, как в нашей ОХ-Ре, я не встречал! Наверно, и впрямь общее дело цементирует дружбу...

Как намечалось накануне, к вечеру капремонт Лизаветиной квартиры завершили, окна, полы, двери покрасили, а у дальней стены дома, возле свежевystроганного штaketника красовался тесовый угольный ящик — пока совершенно пустой, но готовый принять в свое чрево добрый кузов "черного золота".

Григорий Иванович, придирчиво осмотрев все хозяйским глазом, взял под козырек и четко доложил Федору о проделанной работе и готовности квартиры к заселению ровно через сутки. Федор смущенно благодарил всех, пожимал руки, посоветовав все же обо всем доложить непосредственно Лизавете.

Вскорости появилась женская команда с нашим неизменным организатором Павло и с вместительными авоськами. Григорий Иванович, так же взяв под козырек, доложил Лизе:

Сработано все согласно плана и регламента, качество удовлетворительное, настроение команды боевое, срок работы сжатый, а вот аппетит зверский, так как в целях экономии времени команда обедом пренебрегла!

Женщины, осматривая проделанную работу, нахваливали боевой народ Дайнеко; Лиза даже расцеловала его с Федором. Тем временем

на крышке угольного ящика, еще пахнущего хвоей и свежей стружкой, Павло со своей женской троицей расстилал клеенку да раскладывал содержимое сумок. Мы поочередно мыли руки, поливая друг друга ковшом из ведра.

Наконец Федор с Лизаветой пригласили друзей к импровизированному столу, где ждали своего часа колбаса, килька, рассыпчатый картофан, горячие банки с тушенкой, несколько булок хлеба с головками репчатого лука — под водочку. Дайнеко на правах старшего предоставил слово хозяйке этого дома.

— Милые мои... — прижав руки к груди, начала Лиза и, не удержавшись, зарыдала.

Федор, положив руки на ее плечи, слегка сжал их, тихо сказал:

— Успокойся...

К подруге подошли Валя с Леной, обняли ее. Прошло несколько мгновений, и Лиза, придя в себя, пояснила причину своих слез:

— Простите меня, это слезы радости. Когда мы с Федором впервые увидели этот вертеп, у нас волосы поднялись дыбом. Теперь же, благодаря всем вам, я вижу не квартирку, а картинку, отчего сердце мое не выдержало. Потому мне хочется первый тост предложить за вас,, ОХ-Ровцев, за верных друзей Федора!

Хороший тост, подумал каждый из нас, без промедления опрокидывая свой стакан. Времени на длинные тосты не оставалось: вторая декада марта еще не баловала теплыми днями, теперь же солнце катилось к закату, пальцы коченели.

Григорий Иванович сказал:

— Друзья мои, время и место не позволяют нам высказаться от всей души, сказать какие-то благодарственные слова да комплименты друг другу. Одно скажу: работали все отменно, а ребята из стройцеха Болат, Серик, Андрей, Валентин особенно. Давайте поднимем стаканы в их честь! Молодым же пожелаем, чтоб жилось здесь уютно и счастливо!

Все выпили, дружно закусывая. Лена подсовывала мне тушенку, подкладывала картфпан, зная, что картошка — моя слабость. В это же время снова раздался голос Лизаветы:

— Дорогие друзья! Милые мои! Вы знаете наши отношения с Федором, а потому без всяких церемоний, открыток и квитков приглашаем всех на нашу свадьбу, когда потеплеет, где-то в апреле — дату уточним дополнительно. Свадьба состоится в этом доме.

Все захлопали, кто-то крикнул: "Молодцы, давно пора!" Я краешком глаза заметил, как Павло нежно взял Валину руку, поднес ее ла-

донь к своим губам и поцеловал. Валя вздрогнула, схватила обе Пашкины ладони, прижала их сначала к груди, затем к губам, не стесняясь, по очереди целовала то одну из них, то другую, то сразу обе, сложенные лодочкой.

— Друзья мои, поднял руку Федор. — На посошок мне хотелось бы всех вас просто обнять и от души поблагодарить за большую, как говорят на производстве, и качественную работу. Наша двухлетняя жэушная дружба плюс такая же двухлетняя ОХРовская еще более укрепили нашу клятву верности девизу: "Один за всех и все за одного!" годы, различные жизненные ситуации не смогли поколебать этой верности, какая нас только возвышает. Потому, друзья, давайте поднимем наши стаканы за нас, за верную мужскую дружбу и за наших любимых женщин!

Тост, конечно, поддержали, дружно поаплодировали, расправились до дна — оставлять "слезы" в стакане ОХРовцы не умели. По домам расходились чуть ли не с песнями, и только сумеречный морозец останавливал нас затянуть нечто душевное, а то и вовсе залихватское.

В понедельник все депо уже знало о субботнике в доме лаборантки Лизаветы Ризяповой. Шкреба, знавший о состоянии предлагаемой Лизавете квартиры, отметил, что добровольная помощь друзей Лизаветы и Федора, оказанная ими в свое нерабочее время, делала всем им только честь. Александр Иванович, хорошо знавший природу взаимопомощи, видел в последние годы ее спад. То ли наступили другие времена, то ли другими становились сами люди, только массовые бескорыстные субботники в прежнем их значении — помощи только ради дружбы — в депо уже давненько не видели.

Как докладывали Шкребе, по минувшему субботнику никаких призывов со стороны Лизаветы с Федором не делалось, все произошло спонтанно, по индивидуальному желанию каждого приесильца. Шкреба знал необыкновенную преданность этих людей своему жэушному девизу: "Дружба — это все". Бывшие жэушники повзрослели, посерьезнели, кое-кто обзавелся собственной семьей, но прежний девиз не терял для них своей непреходящей значимости. Это и ценно, отмечал про себя Шкреба: просто говорить о дружбе и на деле реализовывать ее суть — вещи все-таки разные.

Коляда нашумевшему гелазиевскому субботнику особого значения не придал, только вскользь заметил: такого бы энтузиазма им да на деповские мероприятия! Шкреба злился: приесильцев и в этой части деповского уклада упрекнуть нельзя. Коммунистических, комсомоль-

ских, всевозможных праздничных и предпраздничных субботников в депо проводится не приведи Господи сколько, но не припомнить, чтобы приесильские выпускники избегали их или работали спустя рукава. При этом они имели добрую репутацию, которая нигде не склонялась и не фиксировалась в милицейских, поселковых или других органах. Потому орлинцы делали вывод: приесильский выпуск — народ истоящий, работающий, хотя и молодой, общественники с серьезным взглядом на жизнь. А все это, как доподлинно знал Шкреба, во многом ставилось в заслугу твердой руке Федора, бывшего старосты группы тепловозных слесарей, его естественному авторитету, приобретенному еще со школьной парты. Шкребу удивляла в этих парнях столь долгая живучесть этого благородного девиза.

Но и участие в импровизированном субботнике Дайнеко, старшего по возрасту и опыту жизни, было по-человечески понятным. Шкреба, отдавая должное поступку Григория Ивановича, знал, что он же и являлся душой всего случившегося. Про себя Шкреба решил, что при случае поблагодарит Дайнеко, пусть келейно, но непременно: высокому начальству, видно, не до того — у них своих забот по горло, да и событие-то не производственное, ни к чему не обязывающее. Частное оно и есть частное...

Кстати, секретарю комсомольской организации обо всем происшедшем знать следовало бы. Лиза с Федором — активные комсомольцы, на хорошем счету в деповской первичке, передовики производства, общественники, умеющие организовать несоюзную молодежь. Их отношения давно в депо тайны не составляли. Комсомол знал, чем заканчиваются такие связи, и порой становился инициатором подобных субботников для своих влюбленных. На этот раз этого не произошло, что и следует поставить на вид комсомольскому вожаку. Александр Иванович в своем бывалом еженедельнике так и записал: "Байжанову — на вид".

Переездом Лизаветы на новую квартиру занимались Федор, Павло, Алеко и Чугунидзе с Шаповаловым. Меня отчего-то в известность не поставили, видимо, посчитав, что обойдутся без женатиков. Григория Ивановича не было тоже: он с замом по ремонту укатил в отделение дороги по каким-то, как говорили, приятным вопросам.

В начале апреля Федор сообщил: намеченный свадебный вечер в Лизаветиной квартире переносится в центральную столовую, какую мы уже хорошо знали. Лизавете с Федором сказали: быть комсомольской свадьбе! Комсомольская первичка начала разворачивать интен-

сивную подготовительную работу. Комсорг Ерик Байжанов пригласил на свадебное торжество фотокора и журналиста районной газеты, дабы придать свадьбе шумную известность на весь район.

Как доходили слухи, Коляда не протестовал и даже выделил из какого-то своего фонда определенные средства на приобретение молодоженам свадебного подарка. Насколько мы знали, подобные комсомольские свадьбы Орлиное депо едва помнит, однако в первые апрельские дни 1961 года почему-то решило блеснуть и соответственно раскошелиться.

Жених был не против известности в газете. Но гостей они с Лизой были намерены приглашать сами, без рекомендаций комсомога. Однако чем ближе был день свадьбы, тем тревожнее становилось на душе у Федора. Своих ОХРОВских друзей, в том числе и меня, женатика, Федор пригласил заранее, строго наказав: явка наших должна быть абсолютной.

У Лизаветы — только свой лабораторный девичник. Моя Лена, Оля Анатолия Шаповалова, Валя Трофимова придут само собой, потому никаких пригласительных Лиза им не давала, а просто приказала быть. Федор же, чего раньше не планировал, передал пригласительные Шкребе и Михнюку. Александр Иванович как бы по-дружески посоветовал сделать то же самое и Коляде с Зотовым: откажутся — их дело, а придут — дорогими гостями будут.

Это все, кого хотел видеть Федор из гостей. Ну, а коль появятся непредвиденные гости, имевшиеся на примете у Байжанова, пусть он, соответственно, и несет нагрузку, по-своему же и раскручивается.

В общем, как нам казалось, все складывалось путем, подготовка к свадьбе шла своим чередом. У Федора давно зашифонерился отличный, тонкой шерсти черный костюм, так ладно сидевший на нем. Приобрел он его где-то на периферии, но пока не одевал, будто знал — пригодится именно для такого случая. Добротную тройку дополняла белоснежная нейлоновая сорочка. Нейлон в Орлиную тмутаракань только начинал пробивать дорогу, тогда как, говорили, в цивилизованном мире он являлся уже вчерашним днем. Элегантную Федорову амуницию дополняли модные лакировки, только-только с магазинного прилавка. Мы, всесторонне обследовав нашего жениха, остались вполне удовлетворенными.

Хлопоты же с Лизаветиной амуницией захлестнули весь женский итээровский персонал депо. Магазины Орлиной могли предложить лишь товар специфичный, подходящий сельскому обывателю: вален-

ки с глубокими галошами, клетчатые сорочки да простые хлопчатобумажные костюмы, моментально расхватывавшиеся пожилыми мужчинами на повседневный выход и, как они сами говорили, в могилу. По части девичьих подвенечных аксессуаров Орлиная предельно себя дискредитировала, хотя несколькими годами раньше свадебные товары красовались на витринных полках. Обстоятельства подсказывали Лизавете с ее товарками хлопотный маршрут в город.

Обручальные кольца хранились в чемодане Федора. Мы их сами покупали при нем же, отчего он неимоверно кипятился, заявляя о личном праве приобретения свадебных колец и традициях. Павло и Григорий Иванович по-мужски приказали Федору: "Молчать! Никто не считает тебя, друг ты наш ситцевый, бедным или безденежным, и право на кольца никто у тебя не отнимает. А затея в складчину — это из преданности нашей дружбе, нашей неизменной традиции помогать товарищу, дань нашему девизу: "Один за всех и все за одного!" Сегодня у тебя рождается семья, завтра она родится у Павла, Шапа, Алеко, послезавтра — у Дайнеко. Жизнь ведь не стоит на месте, а значит, наша любовь все равно найдет нас".

Федору ничего не оставалось, как подойти к каждому из нас и крепко пожать руку...

... — Едут, едут! — крикнул кто-то из наших.

Да, хлопотное это дело — свадьба. Еркен Байжанов как комсомольский бог депо, не желая умалять своего престижа, решил все сделать на уровне. "Волга" и два 408-ых "Москвича", украшенные традиционными лентами, шарами, большой красавицей-куклой в таком же, как у невесты, белом наряде, с продолжительными зазывными сиренами одновременно подкатили к столовой, где их ожидала толпа.

Кто-то из нас эффектно открыл дверцы "Волги" со стороны жениха, откуда первым вышел импозантный Павло, затем просто неузнаваемый наш Федор, за ним — вся в белом, совершенно воздушная Лизавета. С другой стороны выпорхнула дружка в поднебесном платье, оттого самая небесная — Валя Трофимова.

Встречающие молодых образовали живой коридор, по нему от машины к входу в столовую медленно шли жених с невестой. Мы с Вербой на баянах играли непереманный для такого случая марш Мендельсона, какой репетировали для совместной игры не один вечер. Марш создавал торжественность, вселял бодрость, давал силу и желание жить.

Свою игру мы с Виктором прекратили, когда наши молодые подо-

шли к хлебу с солью, который на белоснежных рушниках держали Еркен и Лидия Остапенко, заведующая деповской химлабораторией.

— Дорогие наши Федор и Лизавета! — начала свое приветствие Лидия Иосифовна. — По обычаю, хлебом-солью жениха с невестой встречают их родители, они поздравляют своих детей с законным браком, желают им счастья, долголетия, всяческих благ. Так случилось, что родителей у вас здесь нет, потому мы, ваши коллеги, товарищи и друзья, сделаем это с такой же сердечностью, радушием, с такой же благожелательностью. Будьте счастливы, а еще кусните по кусочку каравая, чтобы жизнь ваша была сытной! Правильно же говорят: "На столе сладость — в семье радость".

Наши молодые, держась за руки, кое-как пристроившись к круглой румяной буханке, смеясь, с трудом откусили с обеих сторон по маленькому кусочку. Пока они жевали, взял слово и секретарь комсомольской организации Еркен Байжанов:

— От имени комсомола депо поздравляю вас, активных комсомольцев, передовиков производства, добросовестно выполняющих комсомольские поручения, умеющих работать с несоюзной молодежью, быть для них примером во всех делах, с законным браком. Желаю счастья, неувядающего здоровья, прочного семейного союза и всяческого благоденствия!

Молодые в один голос сказали: "Спасибо!" Лидия Иосифовна с Еркеном, по очереди поцеловав их, громко пригласили всех за свадебный стол.

Фотокорреспондент шустрил с фотоаппаратом, фиксируя то один, то другой интересный для него ракурс. Комсомольская свадьба — нечастое явление в нашей повседневности, отразить ее хотелось во всей полноте и яркости.

Я почему-то болел за редакционных работников. Фотокор, по моему мнению, с заданием справится непременно, а вот словеснику не просто сказать что-то необычное о таком событии. Любая зарисовка, очерк о передовом слесаре или локомотивщике, имевшиеся у меня в избытке, в итоге все равно скатывались к производственной стороне героя, его неперменной любви к своей профессии, преданности статусу своего почетного звания — рабочий. С чего бы я начал, на чем делал бы акцент, вздумай писать о первой в Орлиной комсомольской свадьбе, я не представлял. На подобные темы писать мне еще не приходилось, тут нужен опытный газетчик да особый жанр, более подходящий для описания живого динамичного действия, многолюдного и полити-

зированного. Словом, журналисту-словеснику я все-таки не завидовал.

Федина свадьба ни в какое сравнение не шла с моей. Я почему-то подумал: своим детям подобное торжество сделаю только в общепитовской точке, где много простора для удалого раздолья, песенного безбрежья и залихватского искрометного танца.

Гости беспрерывно кричали "Горько!", произносили тосты, желали вечного солнца, всех мыслимых и немыслимых свершений. Я поддерживал все эти тосты, но пил мало. Лена же не пила вовсе, показывая глазами на свой живот:

— Будущий слесарь обидится — вино ему явно не на пользу...

Свадьба шла своим чередом. Наши с Виктором баяны накалялись от свадебного огня; временами мы давали себе передых, включая на полную громкость проигрыватель. О пластинках позаботилась Валя Трофимова — теперь все довольствовались ее вкусом.

После многочисленных тостов да песен с танцами на середину зала вышла Лидия Иосифовна с большим подносом в руках, а несравненная дружка Валя Трофимова — с подносом поменныне, где возвышалась бутылка водки с двумя стопками, колбасными колесиками, какой-то другой походной закуской. Лидия Иосифовна, подойдя к столам, громко сказала:

— Дорогие гости! Свадьбы на Руси испокон имели свои традиции да обычаи, какие нарушать негоже и нам. Подарим молодым, кто чем богат, чтобы у них на первых порах водилась мелочишка на молочишко да заварка на чаишко. Лиза! Мы вот с мужем дарим вам картошку, — подошедший муж положил на большой поднос огромную картофелину, — чтобы ты родила Антошку. Потом дарим свеклу, — рядом с картофелиной лег такой же крупный розовый корнеплод, — чтобы ты родила Феклу. А еще дарим ложку, чтобы для полной радости ты родила Сережку. От души также дарим веник, чтобы у вас было много денег. Ну, а этот конверт вам — на игрушки-побрякушки, на простынки да кроватку и на чепчики тридцатку!

Все дружно захлопали, молодые поклонились в пояс, а Лидия Иосифовна, выпив с мужем по стопке, поднесенные им на подносе Валеи Трофимовой, клали на поднос Лидии Иосифовны различные подарки, конверты, просто деньги без конвертов.

Ровно в полночь, как положено, под ритуальные песнопения с Лизы сняли венок и повязали голову косынкой. С завязанными глазами Лиза ловила в обступившем ее хороводе первую же девушку —

ей и надевался венок. Этого счастья удостоилась Валя Трофимова.

Ту же процедуру проделали и с женихом. Уж насколько организаторы добросовестно завязали Федору глаза, только он поймал именно Павла, кому тут же и прикололи жениховский бант. Новую свадебную пару усадили на стулья затылками друг к другу; человек восемь одновременно поднимали сидящих, они в своем поднебесье неловко целовались, им хлопали, обнимали, поздравляли. Все это длилось мгновения, новым молодым подносили цветы, кричали "Горько!", просили со свадьбой не затягивать.

Вскорости гости дружной ватагой проводили молодоженов к подъехавшей "Волге". Лена шепнула: "Пора и нам". Я не противился, сообщая, как бы незаметнее покинуть тихо угасающее торжество. Павло с Валей тоже подыскивали случай потихоньку исчезнуть, что, кажется, им вскоре удалось.

Глава 13

Человек родился

Весна 61-го, против прежних лет, нагрянула внезапно и дружно, в считанные дни почернила улицы Орлиной да окружные сопки, дальше степное раздолье. Апрель радовал Орлиную не только обильным половодьем, но и событиями мирового масштаба.

Местные репродукторы, установленные на железнодорожном клубе, магазине, Орлиной барахолке, чуть ли не круглосуточно вещали о небывалом подвиге советского человека. Обыватели Орлиной на полном серьезе обсуждали наши технические достижения, позволившие нам обставить Америку, смело шагнуть вперед в космическое пространство, а в будущем и на богоподобную Луну.

Лена сказала: "Родится сын — назовем Юрием, если дочка — Юлей, все какое-то созвучие с гагаринским именем!"

Жена уже готовилась в декретный отпуск. По ее животу я определил, что родится сын: уж слишком большой "арбуз" она проглотила. Лена смеялась: "Девчонки тоже рождаются крупными! В общем же, будем надеяться на Всевышнего — кого пошлет, того и примем с благостью".

А в школе нам уже раздали экзаменационные билеты. Гуманитарные предметы особых затруднений не составляли. По математике я тоже имел свои победы, вынудившие математичку Любовь Сергеевну во всеуслышание похвалить меня за усидчивость в штурме точных наук, отчего она в некоторых моментах вынуждена оценивать мои знания по ее предмету на четвертак без натяга. Я и сам понимал, что делаю порой невозможное с этой самой точной наукой.

В последнее время к Лене все чаще заглядывали Валя Трофимова с Лизаветой; их беседы носили сугубо конфиденциальный характер. С их приходом я исчезал в депо, где дел для меня как редактора "Тепловозника" хватало сверх головы. Александр Иванович навалил на меня сию обузу, посчитав, что это мне не только по плечу, но и на пользу. За новое дело я взялся с энтузиазмом, делал его успешно, по словам Шкребы, и даже более того. Много раз я видел, как сам Коляда подолгу задерживался у стенда с шестиколоночной стенгазетой, отражавшей жизнь депо, его людей, проблемы, упущения.

Принимая дела от Шкребы, первым делом для привлекательности "стенки" я решил сделать ее броской, красочной. Помогали мне в этом деповские художники, которые добились общей нарядности деповского печатного органа своей полной фантазией.

Редакционные работники "Степного маяка", часто навещавшие депо, на беседе у Коляды восхищались нашей газетой, давали ей высокую оценку по оформлению и содержанию. В своей практике они ничего подобного не встречали и просто не понимали, почему деповской "Тепловозник", неординарный в своем роде, нигде не афишируется, живет для себя, хотя непременно заслуживает какой-то выставки, публичного обозрения и соответствующей оценки людей.

Словесник, освещавший первую комсомольскую свадьбу, оказался почти моих лет, но в газетном деле, по его словам, он был не новичок. При дальнейшем знакомстве выяснилось немало сходных, во многом идентичных моментов наших биографий, немало нас удививших и позволивших нам лучше понять друг друга, подружиться и даже раскрыть свои души.

Фамилию этого журналиста Геннадия Охотского я встречал почти в каждом номере "районки" и, признаться, по-настоящему восхищался его материалами. Самому мне посчастливилось несколько раз пробиться на страницы областной газеты "Индустриальный Углеград", а это, по словам Шкребы, уже была победа. В областных редакциях, за-

мечал Александр Иванович, сидят далеко не Ваньки и цену талантливому слову хорошо знают.

— Осталось еще попытать силы в родном "Гудке", — сказал мне Шкреба. — Газета хорошая, трудовая, любима железнодорожниками, и оттого верится, что твои материалы с линии наверняка ей приглянутся. Засветиться бы вдали от родных краев, чтоб о нас вся страна знала — это бы было достижение!

— По правде, это моя давняя мечта, но пока "вечерка" отнимает, кажется, полжизни...

— Крепись, Афанасьич, годы-то у тебя молодые! По сути, все только начинается, двери открывают всюду, только постучи. Ты не успел нажить врагов, сердце твое не очерствело, что ценно всегда, а в молодости особенно.

Однажды мы с Александром Ивановичем обсуждали материал Геннадия Охотского по больной теме — состояние дорог Орлиной. "Уж где-где, — недоумевал автор, — а в таком столь интенсивно урбанизирующемся, растущем на глазах рабочем поселке нет ни одной маломальски ухоженной улицы даже в центре, не говоря о его окраинах. Можно представить, какое поле Куликово представляет Орлиная в весеннее половодье да в дожди, если судьбой и Богом уготовано было посадить ее на сплошные солончаки... В какое время мы живем? — спрашивал автор статьи то ли у районного начальства, то ли у самого Кремля. — Уже и человека запустили в космос, а мы в своей глубинке не можем создать для людей минимальных житейских условий..."

Мы надеялись, что статья Охотского заставит кое-кого из сильных мира сего подумать о ценностях жизни и своем месте в ней. С руководящего работника на производстве спрашивают план, отчисления в бюджет и разные фонды, и если у него, бывает, чего-то не ладится, ему могут даже скомандовать: "Партбилет на стол!" А хоть у одного работника райкома забрали партбилет? За 20 лет работы в Орлиной подобного не слышали.

— Такова, друг мой, наша партийная ипостась, — рассуждал Шкреба. — Есть, конечно, патриоты, которые за партию действительно радуют, но много кому партийное кресло попало совсем случайно, просто так...

По правде, я по-прежнему до конца не мог понять столь негативно-го отношения Шкребы к партии, райкому, к партийной печати, вообще всему коммунистическому. Политикой я не интересовался, ничего в ней не смыслил, но к вождям партии, ее истории относился с почтением, как учили нас школа, кино, книги, газеты, радио.

В памяти надолго сохранился клич партии: "Все на освоение целинных и залежных земель!", потом реализация этого призыва на практике, хотя бы на примере моей Белозерки. А практика началась с весны 1954 года. Белозерка, крупный железнодорожный узел, круглосуточно принимала поезда с различной сельскохозяйственной техникой. Новенькие тракторы ДТ-54 целина ждала, хватала в объятия. Поступали также сеялки, плуги, заветные вагончики, служившие для первопроходцев баней, столовой, мастерской, домом. Вся эта грузовая суетность продолжалась и в следующем году. Но теперь шли самоходные комбайны, вытеснявшие старые длиннохедерные "Коммунары" да праведно служившие "Сталинцы-6".

Мы, девятиклассники Михаил Буримов, Владимир Савинцев, Николай Райков и я, частенько выкраивали время, чтобы попасть к выгрузочным площадкам. Героические первоцелинники денно и ночно разгружали вагоны, просили нас принести "родимую", ибо бежать им самим за нею было просто некогда: оперативная выгрузка вагонов для них — задача из задач. Конечно, мы с удовольствием мчались в магазин, затаривались. Целинники сдачу не брали, чем нас несказанно радовали. Нередко они и нас приглашали к своему шалашу, наливали норму — сто пятьдесят, беседовали, шутили, советовали в следующий приход принести какую-нибудь закуску.

Вкус "родимой" мы знали как бы не с восьмого класса. В начале целины каждому из нас стукнуло по 15-17; мы с белозерскими первоцелинниками неплохо подружились, по словам одного из них, спелись и спились накрепко. Это были обычные парни, немногим старше нас. Некоторые из них тоже не нюхали рабочего пороха, ринулись на целину в общем патриотическом комсомольско-коммунистическом потоке. На выгрузке они наработывали опыт и стаж, резали провололочные скрутки, срывали крепежные клинья с брусьями, подтаскивали стропы. Выгрузкой же непосредственно руководили люди опытные, имеющие допуск к погрузочно-выгрузочным операциям.

— Эх, парни, добивайте школу, а там гоните к нам на целину! — не раз говорил нам матерый волк выгрузочной команды Роман Пинчук. — К земле по-настоящему прикоснетесь, научитесь выращивать хлеб. Вам, молодым и здоровым, уже надо приобщаться к технике — учиться на тракториста, шофера, комбайнера. Это профессии истинно мужские, престижные и всегда прокормят. А вы, наверно, в институты-техникумы лыжи наострили?

—Надо сначала аттестат получить, — говорил самый боевой из нас, Николай Райков.

—Вуз, конечно, хорошее дело, — продолжал свою мысль Пинчук. — Я вот у себя на Харьковщине с детства с быками да лошадьми, а теперь вот приходится садиться на современный трактор. На целине ценен механизатор широкого профиля: ты и тракторист, и шофер, и комбайнер, а это при необходимости позволит сесть на любую технику, если того потребуют обстоятельства.

—А курсы по всей технике у вас на целине имеются? — спросил Николай.

—Ты лучше спроси, чего у нас на целине нет, — бойко парировал Пинчук и, будто спохватившись, поправился:

—А вот "белоголовочка" отсутствует — сухой закон. Только вне полевого стана, вот как сейчас...

—А отчего сухой закон? — не унимался Николай. — Вроде по газетам не встречалось такого... Это решение Москвы или самостоятельность своих властей?

— Это решение нашего директора совхоза "Красногвардейский". Но, как я слышал, директора других совхозов последовали его примеру-

—Неужто на целине повальное пьянство? Глядя на вас, не скажешь! Хорошие парни, работяги, товарищи...

—А вызвано тем, — горячился Пинчук, — что пока совхоза как такового еще нет, есть только вагончики да палатки, море техники, бескрайняя степь и море народу со всего света. Директор сразу смекнул, умница, ей-богу: если в поселке появится спиртное, то жди неприятностей с самыми непредвиденными последствиями. Так лучше уж сухой закон, нарушил его — волчий билет в зубы и на все четыре стороны.

—Чего делить-то людям?

—А ничего. Народ-то на целине в основном молодой, вот и хочется кому-то верховодить: москвичи качают свои нравы, питерцы — свои, хохлы тоже не отстают. На трезвянку все легко улаживается, а на пьяную голову всякое бывает. В одном совхозе вот передрались, а ночью московский бульдозерист запустил трактор и пошел на полном ходу на палатки ленинградцев. Количество жертв не сообщалось, но очевидцы говорили — Мамаево побоище...

—И как поступили с тем москвичом?

—Он трактор умчал в степь и там себя зарезал.

—Сделал харакири?

—Что-то вроде этого...

Наслышавшись таких страстей, каждый из нас про себя думал: нет, богатыри — не мы. Целина — удел сильных, смелых, мужественных людей; мы же пока только школьники, недоросли, получим аттестаты, там жизнь и распорядится, куда направить свои стопы.

Лето и всю осень 55-го я работал с матушкой на комбайне "Сталинец-6", списывать которые пока не собирались, косил хлеба, подсолнечник, люцерну, пырей, другие культуры, уже припорошенные первым пушистым снегом. Мама гнала меня в школу, в десятый, но я наотрез отказывался, почувствовав к работе интерес и свою значимость в ней. К тому же, по завершению хлебоуборочной кампании проглядывался неплохой заработок.

После окончания всех работ на уборке зерновых моя школа "убежала" от меня на целых три месяца, не оставив мне другого выхода, кроме как помогать матери в зиму ремонтировать комбайн. Так я надолго распрощался с аттестатом, школьными друзьями и, наверно, навсегда с детством...

—Женатик, спустись с тепловоза, тебя хотят видеть!

Павло, вытирая руки ветошью, показал мне глазами вниз, где у лестницы локомотива стояла работница группы учета Надежда Костычева. Я моментально скатился на пол по блестящему поручню, чуть не сбив Надежду с ног.

—Так и человека убить можно, — пошутила девушка. — По технике безопасности как положено спускаться с такой высокой машины?

—Подниматься на тепловоз и спускаться с него только лицом к нему, — бойко отрапортовал я, не ведая, к чему это Надежда клонит.

—Правильно, а ты сиганул, как спортсмен-мальчишка с парашютной вышки. Не видела наша инженер по ТБ, она задала бы тебе трепку по первое число!

—Да, с нашей Риммой в этом деле шутки плохи... Что тебя привело, какие-то проблемы?

—Пока Бог милует, — бодро сказала девушка. — Ты ничего не знаешь?

—Ей-богу, ничего, — искренне признался я. — Вот пашу, строю коммунизм, а на пахоте чего узнаешь?

—А вот, друг мой Абдугали, с тебя причитается: у тебя час назад сын родился!

—Серьезно? Как узнали, кто сказал? Уходил на работу, она и виду не подавала...

— Да роддом же и сказал. Мальчик, четыре триста, малец боевой, мамаша — тоже.

— Четыре — это хорошо или плохо?

— Конечно же, хорошо! Крупный здоровый ребенок... Отработает и беги к жене.

— А сейчас нельзя?

— Рано, накажут. К концу работы можно...

Надежда ушла; я же, возвратившись на тепловоз, объявил друзьям радостную весть. Пашка торжественно произнес:

— Ну, старик, молодец ты! Не бракодел — сына замастрячил! А то родится микроселка, вырастет, и бойся постоянно: не принесет ли чего в подоле? А тут — мужик, будущий машинист или начальник депо, к тому же, кормилец своих предков в старости.

— Чего там кормилец! — прервал Павла Григорий Иванович. — Или Володя сам себя не прокормит, пенсию не заработает? Здоровый парень, грамотный, вот и аттестат уже получил, впереди вузы да втузы, вообще целая жизнь.

— О какой пенсии речь? — возмутился Алеко. — У нас-то рабочего стажа кот наплакал. Правильно говорит Григорий Иванович — впереди целая жизнь. До шестидесяти нам всем, как до Лондона пешком. Морозу сейчас сколько? Двадцать два, значит, до дембеля еще целых тридцать восемь лет пахать. Не о пенсии думать надо — о жизни. Теперь вот ребенок появился, значит, жизнь только начинается.

— Да, друзья мои, — как бы в раздумье продолжал Дайнеко. — Счастливая пора — молодость! Мне до дембеля двадцать восемь, а я уже достаточно накувыркался. Теперь вот хочется собственного угла, покоя да подругу добрую, детишек хотя бы в половину футбольной команды... Да-да, друзья, не смейтесь! Нас в семье, сейчас в это даже трудно поверить, имелось тринадцать душ, сейчас же и половины не осталось... Ну, хорошо, давайте еще раз поздравим нашего товарища пока с первым сыном, да за работу! После смены коллективно навестим Лену, поздравим и ее...

После душа, по предложению Павла, мы дружно направились в центр Орлиной, чтобы купить на барахолке цветы, а в магазине — шампанское, конфеты, фрукты.

Лена показала нам мальчика; определить, на кого он похож, мы не могли, но Пашка уверенно заявил:

— Нос Мороза, губы Лены...

В итоге все пришли к единому мнению: в младенчестве дети на од-

но лицо, только к году-двум определяются более четко черты кого-то из родителей, деда с бабушкой, других родственников.

— Бог с ним, лишь бы не в соседа, — пошутил Пашка. — Случай с машинистом Пестриковым, наверно, все знают?

— А жена его вовсе не скрывала, что родила от сварщика Савицкого. За это Лека Пестриков в момент покинул ее, как собаку. Живет она сейчас с Савицким, да он не больно счастлив, — жестко высказался Дайнеко.

— А зачем она Савицкому, — рассудил Пашка, — если при живом муже прет на панель, как на буфет? Не уверен, что сия особа удержится от подобного шага в последующем. Правильно, у машиниста работа такая — всю жизнь в поездках, сутками его дома не бывает. А регламент его жизни какой? Когда люди спят да тешатся — он ведет поезд, когда он дома — жена на работе. Так все и идет. Когда выпадает отдых, его кровные 48 часов, тогда Бог еще дает помилиться. Какая жена — действительно жена, верная, порядочная, чистая, скрашивающая все жизненные наваждения мужа-локомотивщика — привыкает, смиряясь с жизненным регламентом ее Адама? А вот Пестрикова, видно, слаба на передок: муж — в поездку, она — к другому. Чего ей не хватало? Машина, дом в десять окон с резными ставнями, в доме телевизор, гарнитуры да стенки разные, подворье, как у кулака — радуйся! Так нет же, — закончил свой гневный монолог Павло, посоветовав холостякам учиться разборчивости при выборе себе в жизни пары. Недаром же говорят: чтобы хорошо человека узнать, надо с ним пуд соли съесть. Ну, а на это дело, как говорят, без малого года три уходит.

— Ах, Павло! — сказал Алеко. — Бывает, что неделю повстречались, расписались и живут всю жизнь счастливо, без всяких проделок...

— Случается, — буркнул Павло. — Единичное не есть система!

В столовой он со столовской обслугой организовал достархан в честь меня и маленького Морозова, за что мне в который раз захотелось обнять его, паразита, да поблагодарить за все добрые дела, которые он для меня делал.

По домам расходились разудалыми. В кубрик я не пошел, оставшись ночевать у Павла с Алеко. Спал на своей же кровати, пустовавшей со времен моего ухода из общаги.

Дома я наводил марафет и лоск, вытирал пыль да надраивал полы, готовясь к встрече моей возросшей семьи. Протирая зеркало, наткнулся на отрывной календарь. На листике с датой 28 июня 1961 года крупно записал: "Сын родился".

Отрывной календарь для Лены только по форме считался отрывным; на деле же листки она не отрывала, а просто переворачивала, приспособив резинку. Эти ежегодники она сохраняла, у нее накопилось более десятка таких календарей и ежегодников. Мне нравилось листать пожелтевшие страницы.

Вот листок десятилетней давности — 25 октября 51-го. Чем памятен? Родился мой брат Андрей — боевой, трудолюбивый мальчишка, дом и все хозяйство на нем держались. Представляю, сколько должно вестись разговоров по поводу появления ребенка у женщины без мужа! Умный промолчит, а дурака да языкастого медом не корми, дай поболтать да позлословить...

Перечитав свою запись на листке календаря, я поймал себя на мысли: ребенок-то безымянный. Может, она передумает называть его Юрием в честь первого космонавта, дав имя моего или своего отца, то есть, одного из дедов? Могут что-то посоветовав тетки Надежда с Антониной, да и бабка свое слово скажет — старики любят, когда к ним обращаются с такими просьбами.

Где-то к обеду добрался на Пионерскую до Катутевских, застав всю семью в приятном возбуждении. Меня не чаяли, куда посадить, поздравляли, налили обязательную для такого случая чарку. Командовала парадом теща. Дочери, пригубив из чарок, сообщили, что со всеми женщинами идут к Лене. Мы с тестем остались вдвоем, что было непривычно. Илья Матвеевич с рождением ребенка у Лены стал дедом уже дважды и от этого второго дедовства несказанно сиял. Я знал, что к первородку своего сына дед Илья особого восторга не испытывал.

Сын Ильи Матвеевича Петр, великовозрастный мужлан, в Орлиной имел скандальную репутацию. В свои тридцать лет, при пробивающейся седине, он жену и родственников нередко ставил в тупик. Ему говорили: "Пора бы повзрослеть", но Петр Ильич взрослеть не желал, по словам жены, "родимую" пил по-черному, а в хорошем подпитии не ведал, что творил. Частенько жена с сыном искали пятый угол, убегали из дому, вынужденно ночевали у соседей. Илья Матвеевич болезненно воспринимал "подвиги" своего непутевого отпрыска, материл его заочно отборным матом и не раз просил сноху передать мужу, чтобы тот на Пионерской не появлялся и вообще родительский дом обходил стороной. А коль заявится, то топор стоит наготове, и рука не дрогнет, хотя за это придется поплатиться. "Ну и черт с ним! Зато будут знать: фамилия моя не гремит по Орлиному, а милиция не ходит по тревоге соседей на усмирение пьяного дебошира", — говорил в сердцах отец.

Лена тоже переживала за брата. Успокаивая ее, я объяснял, что сознание у ее братца примитивное. Здоровому да молодому шесть классов в наше время — да не дай Бог! Это простительно отцам нашим, ведь они при царизме родились, жили при Советах да при "отце народов", когда хлеб насущный был на первом плане, а не учеба.

—В том и беда, — грустно соглашалась Лена. — Бросил школу на середине, и родители ничего не смогли поделать, хотя возможность учиться была. Жена его уже тыщу раз грозилась — убегу, разойдусь, а уйти не решается. Пусть побыл бы один, может, окончательно бы спился да окочурился, прости, Господи — так он всем надоед! Мать его уже видеть не может, отец же вообще за сына не признает.

— А вы, сестры? Вас же трое, не пытались его как-то урезонить? Мол, чего ты нашу фамилию позоришь, у тебя еще две сестры не замужем, женихи наверняка станут обходить их стороной: к чему им связываться с такой семейкой, ведь яблоко от яблони...

—Пробовали, только он ведь ненормальный, на нас с кулаками бросается.

—Да, действительно, примитивный у него умишко. Ну, а Феня, его жена, впроголодь после его гудения остается?

—Не сказала бы. Зарплату она ведь за него сама получает, да и сама же работает.

—За какие шиши тогда он пьет?

— А за золотые руки! Он ведь автомобильный костоправ. Когда трезвый — душа-человек, семьянин хороший, работник незаменимый, а как врежет, да еще переберет — тут уж подлинная скотина.

—Когда же он костоправством занимается?

—А всегда. Гужует-то он редко, да, к сожалению, метко. За его руки и милиция-то смотрит на все его проделки сквозь пальцы. Насчет милицеских машин, так он их вообще шаманит архиклассно — разумеется, задарма, разве только подпят когда и сами же домой привезут. Ну, а братец домой приползает, нет бы сразу спать, так его на подвиги гянет: жену с сыном гоняет, соседей пугает, в доме все вверх тормашками переворачивает.

—Может, все-таки на деле много шума из ничего? Может, рядят да судят мужика почем зря? Людей послушать, так и мы, ОХРовцы, бабники все, непутевые и алкоголики поголовные — деградированный, в общем, элемент.

—Ну, это старый ярлык, — с твердой уверенностью сказала Лена. — Посмотри сейчас: Федор — в почете, комсомольскую свадьбу для него

сыграли; о Морозове как о талантливом рабкоре говорят, даже в писатели пророчат; Володя Проказов — активный рационализатор в депо; Шап с Чугунидзе на всю Орлиную прославились как заправские общественники да "профессоры", проводят в клубе вечера вопросов и ответов "Хочу все знать", детские лекции о Вселенной... Вот какие теперь ОХРовцы, особенно приесильцы! У них много светлого, особенно у Федора да у моего Мороза.

— Большой рахмет за лестный отзыв, — сказал я жене. — Но это ты так нас принимаешь, у Орлиной же свой критерии оценки человека, его характера и души...

...В следующее мое посещение роддома жена заверила: "Чувствуем себя хорошо, выпишут послезавтра". Спросила про университет. Я сказал, что этим годом, очевидно, придется пожертвовать: с маленькой-то крохой как ей одной? А за зиму освежу инглиш, русский, тогда и уровень провала снизится.

Дома прикинул: через два дня смена у нас отгулочная, потому Лену из роддома можно забирать всей оравой. В первую очередь, надо поставить в известность Павла, как лучшего из нас организатора неформальных дел.

Как Павло с Алеко крутились, к кому обращались, не знаю, только к роддому подъехали они в назначенное время с шиком, на трех легковушках. Павло подал мне большой букет цветов; с такими же привлекательными букетами вышли из машины Дайнеко, Лиза с Федором, Валя Трофимова, Алеко. Чугунидзе с Шапом были без цветов, но с какими-то свертками.

Лену мы встретили, как богиню. Я взял сына на руки, все расселись по машинам, без особой тряски покатали по ухабистым улицам поселка под железнодорожный мост, к нашему кубику. Павло на переднем сидении руководил всем маршрутом, хотя шоферы Алексей Чеботаридзе, Владимир Звонцов и Сергей Дидик знали дорогу к дому Александра Ивановича Шкребы и без Сусанина.

В последний день перед выпиской жены мой кубрик посетили Павло с Алеко, решившие по-настоящему навести шик и блеск. Друзья мои с мокрыми фильтровальными концами орудовали везде, куда только доставали их руки; я же забирался даже под кровать, вылизывая каждую ее перекладку.

Лене чистота пришлась по душе. Ее тихая благодарность показала мне дороже громких восхищений.

Павел наскоро, экспромтом, но по-хозяйски ладно сумел организо-

вать застолье. Стол быстро выдвинули на середину комнаты, на парные табуретки положили доски — получились просторные лавки, как на полевом стане. Право тамады взял на себя Григорий Иванович, и первый тост его, к нашему удивлению, оказался несколько высокопарным:

— Жизнь, друзья, все-таки благосклонна к нашему поколению. Наша страна первая в мире сбросила цепи царизма, первая запустила искусственный спутник, первая же послала человека в космос. На поверку все меняется, летит, движется. Движение — жизнь: истина непреложная, и отраднo в этом плане, друзья, когда на свет появляются дети, коим придется жить в новом веке. Думаю, они будут счастливее нас, потому как мы готовим для них прочный, устойчивый жизненный задел. Недаром же и поэт сказал: "Надежный заложен фундамент,

мы стены построим теперь, в дворец, воздвигаемый нами, потомкам откроем мы дверь". Дети — наше будущее, так пусть оно всегда будет безоблачным!

Свои теплые слова говорили все, даже обычно немногословный Федор. Я же в порыве благодарности предложил тост за моих друзей, сказав, что наш кубрик от их присутствия стал еще светлее, потому как у них самих светлые души.

Всю компанию мы с Леной пошли провожать уже к вечеру. Наконец, я совсем близко смог рассмотреть своего сына. Лена же посоветовала на сегодня отложить все любования, благо завтра выходной, а то буду ходить, как вареный. Сон меня не брал, и я, ворочаясь, спросил жену, выбрала ли она имя нашему мальцу.

— Думаю, если ты не против, назовем Валерой, — тихо сказала жена, словно извиняясь за выбор имени без согласования со мной.

— Тезка Куйбышеву, получается?

— Вроде того. Может, наш сын и впрямь станет политиком или каким-то государственным деятелем — не всем же нам обнимать железную дорогу!

— Дай-то Бог, только ни в твоём, ни в моём роду интеллигентов отродясь не было. Может, наш сын унаследовал гены какого-нибудь прапрадеда времен царя или Екатерины? Не знаем мы, к стыду нашему, родословную своих предков хотя бы до третьего колена, не говоря уже о пятом или седьмом, о чем многим, как я знаю, бывает известно. Может, кто-то из них вращался при дворе Грозного, может, бурлачил или, напротив, сам владел этими бурлацкими суднами. Известен же какой-то то ли заводчик, то ли фабрикант Морозов: гово-

рили, меценат, благоволил культуре и даже революции. Может, Валерка наш от той ветви?

— Бог с ними, с предками, Володя, — сказала Лена. — Не это сейчас для нас важно. Зачем ты собираешься упустить этот год? Надо именно нынче пытаться, когда свежа память. За упущенный год много воды утечет, а с нею и школьные знания. На заочный документы с первого августа принимаются, время еще есть, потому попрошу тебя, Морозов, впрячься в книжный воз, повторить пройденное и по-быстрому отослать документы в университет.

— Но ты-то как будешь одна? По воду постоянно ходить надо, греть ее, за продуктами бегать, стирка, уборка — мало ли работы с грудным ребенком?

— Не усложняй положение, заводчик и фабрикант! Не барыня, справлюсь. Сестры станут навещать, отец с матерью когда заглянут... Надежда на все твои вступительные перейдет к нам, она уже дала согласие.

— Ну, коль так, завтра же все бумаги и отсылаю!

— Считаю, что правильно сделаешь, и не куда-то в технари, а именно на журналистику, как советует Александр Иванович. По правде, приятно видеть в газетах твои материалы, слышать, как их обсуждают люди...

Глава 14

Повторение — мать учения

Документы в столичный университет ушли на другой же день. По газетным объявлениям прием на "заочку" в вуз только начинался, потому до поездки в столицу времени оставалось достаточно. Только тратить его попусту я вовсе не собирался. После смены спешил домой, помогал жене, в чем она просила и даже не просила, потом обкладывался Пушкиным, Лермонтовым, Чеховым, Островским.

Черт его знает, какие предложат темы для вступительного сочинения. Могут ведь Иудушку втиснуть, засоню Илью Ильича с его неразлучным диваном, того же образину Герасима с его хвостатой утопленницей, бочку с салом Коробочку, обжору Собакевича или Веру Павлов-

ну с ее снами присовокупят. Ну, с этими товарищами еще можно побороться, а вдруг налягут на далеких предков? Колупался же где-то Митрофанушка, парила "Чайка", цвел "Вишневый сад", люди на "Дне" тянули доходную, "Ревизор" принимал подачки.

А разве оставят в покое "Горе от ума"? По радио транслируют — аплодисментов море. Честно, на прозу я еще как-то налегал, на драматургию же — опускались руки, не могла она меня зацепить. Наверно, в театре, вживую артисты и черта взбодрят, а простое чтение пьес как-то меня не колыхало. Как бы ни было, а школьная программа обязывала читать то, что тебе и не нравится. И читал — с пятого на десятое, суть, однако, усваивал, выкладывая учительнице нюансы произведения по всей форме.

То ли память была свежей, то ли умел классно додумывать, только учительница определяла мою подготовленность и ставила высокую оценку. Если нечто из этого ряда подбросят, можно бороться, а коль скажут: "Заочники-работяги многое подзабыли, чего с них возьмешь? А вот пусть на вольную тему пошурупят мозгой, покажут свое умение мыслить, разбираться в жизни, давать ей оценку". Своими сомнениями как-то поделился со Шкребой. Он от души рассмеялся:

— Свободная тема — это же находка! Разве испугает тебя, скажем, такое: "Дорога длинная, земля целинная", "Героика и современность", "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью"? Какой простор для мысли и импровизации! Пиши, вторгайся в живую жизнь! Главное, надо умно построить сюжет, а там раскрутишься. А если еще какие-то высказывания нынешних партийных боссов приведешь, вообще материал выиграет. Но что самое важное, и это тебе надо хорошо запомнить: минимум ошибок в сочинении — уже есть надежда. В газетном деле ты не новичок, потому, думаю, любой теме приделаешь ноги. Как показывает практика, с текстовым материалом справляются буквально все абитуриенты, а вот нелады со знаками препинания часто имеют даже избранные. Так что многое зависит не от случая, а от хорошего знания нашего современного русского языка, потому мой совет: налегай больше на него.

— Не знаю, Александр Иванович, свободная тема очень пугает. Мое серое вещество, наверно, еще не созрело для нее. Надо многое знать, а это больше под силу городским, они ведь театры да всякие выставки посещают, телевидение им еще помогает. А я? Дуб дубом, темнота, пещерный.

— Не скромничай, знаю я твои возможности. Ты уже избегаешь га-

зетных штампов, всякой словесной заикливости. Поступишь, ликбез многому тебя научит по этой части. По вечерке прорыв сделан, новые же позиции надо просто завоевывать.

Мои "студики" Павло, Алеко, Федор, Дайнеко, примкнувшие к ним Чугунидзе с Шапом уже побывали на своей первой сессии и хвастали передо мною своими новенькими зачетками. Я искренне завидовал друзьям, желал им покорения сияющих вершин науки. Они благодарили меня, желая в ответ также стать студентом и на своей стезе достичь особых высот.

Готовясь к небывалым для меня экзаменам, я неимоверно боялся всех вузов. В моем роду, насколько я знал, до третьего колена не светилося ни единого родственника с высшим образованием. Брат Иван как-то заметил: в нашем морозовском роду народ в основном чернопупый, в чем нет ни его вины, ни беды — так уж сложилась жизнь каждого из них неизвестно с каких времен, так она дошла и до века коммунизма, какой мы, по словам Никиты Сергеевича, успешно строим.

Насчет же почета, говорил Иван, у нашей фамилии и рода в целом его хоть отбавляй. О маме, например, как единственной женщине-комбайнере не только в родном районе, но и во всем Приесилье газеты захлеб кричали — о ее тысячах центнеров намолоченного зерна да сотнях гектаров скошенных культур. Первый целинный урожай дал невиданный доселе хлеб, зерно эверестовыми горами возвышалось на огромных территориях приэлеваторных складов Белозерки и соседних станций, склады, забитые зерном, просто трещали, по словам работников этих зернохранилищ, от перегруза. Хлебный конвейер на элеваторах работал круглосуточно, зерно сушили, подрабатывали, отправляя затем по путям МПС во все уголки Союза и за рубеж — тому же миллиардному Китаю, по утверждению знатоков, мешок пшеницы за китайский фонарик.

Не раз приходилось слышать про Китайскую республику, где людей — как звезд на небе да листьев на дереве, что наша пшеничка у каждого китайца на столе. Я, как мог, отмахивался от ненужных разговоров в этом плане, утверждая, что это обывательские предрассудки. Мое мнение разделял и Шкреба. "Не наше это дело, — сказал он. — Хлеб — это политика, а с политикой не шутят".

Своим аттестатом зрелости я подолгу любовался — не из-за его оценочек, а из-за того, что много отдано ему нервов да терпения. Теперь же, впервые попав в столичный град и войдя во врата храма науки, я всецело мобилизовал себя только на одной мысли — поступить.

Нас, абитуриентов-заочников журналистского факультета, приняли очень любезно в актовом зале, рассказали о задачах журналистики на современном этапе, ее особенностях еще во времена Новикова, Пушкина, Некрасова, а также о ее сегодняшнем предназначении. Откуда-то просочились сведения: на одно журналистское место претендуют пять заочников. По правде, я понятия не имел, много это или мало. Окольными путями стал интересоваться, что бы сие значило. Одна из девушек сказала:

— Одного из пяти возьмут, остальных — на помойку, вот и вся арифметика. Кто готовился, корпел, серьезно читал, тому бояться нечего. Перво-наперво надо проскочить сочинение, коль хорошая оценка — допустят до второго экзамена, справился со вторым — допустят к третьему, а после завершения экзаменов сплюсуют все твои знания и скажут: друг вы наш любезный, вы не дотянули столько-то баллов, а посему просим к нам на будущий год.

Я поблагодарил свою сверстницу за исчерпывающую информацию, мысленно сделав для себя пометку: рожденный ползать летать не может, ему и небо не поможет. Знакомясь поближе с абитуриентами журфака, я выяснил пугающее меня обстоятельство: все они работали по профилю их факультета. Было много газетчиков, работников радио, телевидения, издательств да студий. Народ в основном творческий, грамотный, бывалый, с практикой журналистской работы. Не имели они только одного — диплома. Жизнь заставляла каждого из них подтвердить свою профессию и должность злополучной корочкой.

По правде, у меня просто тряслись поджилки, когда я более подробно узнавал нашу абитуриентскую братию. Да, они шли учиться для более углубленного познания своей профессии, проникновения в ее святая святых. А что мог я? Со свиным рылом да в калашный ряд? Университетское руководство с приемной комиссией не иначе как только посмеются: какой-то слесарь какого-то там депо да на журналистскую стезю? Его профессия сама по себе вызывает: железяки, друг, твоя стихия, а значит, технарский вуз!

Кстати, напротив университета, действительно, красовался как раз по моей профессии ликбез — железнодорожный институт. Я невообразимо боялся приемной комиссии и ее слов: "Молодой человек, вы немножко не по адресу — вам надо всего лишь перейти улицу. Шпалы, рельсы, вагоны, вокзалы — как раз для вас. Пути, локомотивы, костыли, накладки вам, железнодорожнику, все же ближе, чем слово".

Но меня никуда не вызывали, ни о чем со мной не беседовали и, как

мне казалось, даже не знали о моем существовании. В ликбезе лежал лишь аттестат Владимира Морозова, слесаря Орлиного депо — один из сотен таких же аттестатов. Первый экзамен наверняка отсекает энную часть абитуриентов, следующие — еще энную, а там все придет в свою норму, естественный отбор произойдет сам собой — такова логика судьбы и практика абитуриентской жизни.

Как бы Александр Иванович ни тешил моих надежд, я до доньшка понимал необыкновенную серьезность моего положения. Среди нашей журфаковской группы не нашлось ни одного, подобного мне. Были учителя, газетчики, комсомольские работники, офицеры, даже какой-то церковник. Чем мне грозило подобное положение, я, в общем, понимал, но надежды не терял: пока меня не гнали вон и вряд ли сделают это без анализа экзаменационных оценок.

Как бы там ни было, а к экзаменам я готовился основательно. Больше налегал на русский, остальные же дисциплины — такие, как история, литература, английский — откладывал на остальные дни и ночи. В "вечерке" с этими предметами я неплохо дружил, теперь же, в такое ответственное время не мог допустить их измены. Как говорили нам на первой встрече с приемной комиссией: кто с книгой дружил — дрожать нечего. "Надейтесь только на свою голову, сиречь знания — сколько туда положили, столько оттуда и возьмете".

С другой стороны, перед поездкой в столичный ликбез и теперь вот в его стенах я необыкновенно сосредотачивался, даже как-то наэлектризовывался на одной мысли: не уронить своего достоинства перед руководством депо, которое дало согласие на чужое "медресе", обеспечило проездным билетом в оба конца, оплачиваемым отпуском и своим отеческим благословением. Не оправдать такого доверия — стыд и предательство. К тому же среди друзей могу прослыть тупицей, бездарью. Не поступлю — так хоть сквозь землю проваливайся, будут судачить по депо: мол, слесаришка, а метит из грязи в князи.

Жена и друзья, в случае чего, поймут, даже посочувствуют, Коляда же со Шкребой станут смотреть как на обычную серость, слыть какою для меня — равносильно ножом по сердцу. Эти мысли перед экзаменами, казалось, удесятярили все имевшееся в моей голове.

В общежитии мы, великовозрастные мученики, за эти несколько дней успели поближе познакомиться, притереться, что как-то скрашивало наше одиночество. Ровесников я не находил, но в конце концов все-таки повезло: в одной из общежитских комнат на моем же этаже отыскался мой одноклассник.

Мы быстро и без напряжения познакомились. Виктор Анкин жил в Углеграде, работал в заводской многотиражке. О подобной химере я слышал впервые, в чем тут же признался. Виктор усек мою тупость в газетной специфике. Он рассказал о море газет в стране, среди каких есть и отраслевые, как его "Углеградский машиностроитель". Нет, это не стенная газета, набирается в типографии, имеет необходимые клише, к торжественным датам нередко выходит даже в цветном виде. Отражает такая газета в основном жизнь своего коллектива, своего предприятия, не влезает во всякую бульварную мишуру да человеческую мешанину.

Я поблагодарил Виктора за науку и даже прочел несколько его газет. Тематика их, действительно, не бульварная, сродни моему "Тепловознику", какой по содержанию и интересу мог бы даже переплюнуть Викторову четырехполоску.

Меня крайне удивляло какое-то безразличие наших абитуриентов к предстоящим экзаменам. Себе я пощады не давал, не позволял расслабиться даже на миг. Виктор как-то сделал мне замечание, назвав мое прилежание школярством. Из школьного возраста, говорил он, пора выходить, чему учила школа — забывать, принимать жизнь такой, какая она есть.

Я же доказывал Виктору свою ущербность, уверял, что по развитию и интеллекту недалеко ушел от братьев пещерных, отчего мои гены так плохо адаптируются в многообразной, непонятной мне городской жизни. Виктор смеялся, советовал не напускать на себя дури. Понятно, городская жизнь во многом специфична, но не для двадцатитрехлетнего дяди, давно не ребенка.

Я нехотя соглашался со своим новым другом, но доказывал, что университет для меня — дело наисерьезнейшее, может, даже дело жизни. И потому относиться к нему надо подобающе. Меж тем вокруг я видел иное: наши гуляют, веселятся, на их лицах ни задумчивости, ни заботливости, никакой сосредоточенности — через пару дней сочинение, а они и в ус не дуют, проводят время в столичных пивных да ресторанах. Неужто они все знают?

— Ну, старик, все знать невозможно, — невозмутимо говорил Виктор, — но понемногу обо всем — необходимо. Больше читай, хватай с лету любую информацию, имей о любом вопросе хотя бы представление, а раскрутить суть сумеешь на основе логического мышления. Вот мы оба в столице впервые, а света белого не видим. К примеру, ты хоть раз бывал в театре и слышал ли про "Отелло", "Грозу", "Дядю Ваню"?

Знаю, догадываешься, но ведь видеть живое представление тебе не приходилось. А в столице столько смотрин, только ты весь в хлопотах, в делах, в учебниках. Вовсе это не годится, старик. Наш универ никуда не денется, пролетим сегодня — рискнем на будущий год. Мы здесь все за заветной коркой — сейчас часто не твои знания нужны, а твой диплом. Будь жив Алексей Максимович, он несказанно бы возмутился.

На период экзаменов, убеждал я Виктора, для нас не должно существовать никаких развлечений, сдадим сочинение, тогда можно и расслабиться, а сейчас надо налечь на правила орфографии, тексты в памяти освежить.

— Решил, старик, последовать твоему примеру, — сказал однажды Виктор. — Но мы только перед сочинением идем на такую жертву. Посмотри, сколько экзотики предлагает столица. Мне, горожанину, и то многое здесь в диковинку, представляю, каково тебе, старик. Нам с тобою только по двадцать три, а мы себя в Хоттабычи записываем. Все, старик, после сочинения ударяемся в разгул. Идет?

На первый свой экзамен мы с Виктором сели за один стол, решив, коли совсем трудно придется, помогать друг другу. У страха и впрямь глаза велики. Темы оказались знакомыми. Первая связана с Павкой Корчагиным, вторая с пресловутыми снами Веры Павловны, какие я никогда не понимал, третья, свободная, называлась несколько необычно: "Молодо — всегда ли зелено?"

Мы с Виктором с ходу набросились на Павку, в течение трех часов добросовестно кутая его во всевозможные одежды Гражданской войны и строительства новой жизни. Не знаю, во что рядил Павку Виктор и к какому финалу привел он своего героя, я же в заключение показал Павла новым человеком, сформированным революцией и Гражданской войной. Свобода человека, раскрепощенный труд, новое отношение к нему свободных людей, к человеческому долгу, к жизни вообще позволили главному герою сказать слова, теперь уже хрестоматийные: "Жизнь человеку дается..."

Этими словами я и закончил свое восьмистраничное повествование о Корчагине и людях его времени, которые бесстрашно встали на защиту своей Родины в борьбе против фашистской Германии 41-45 годов. Незаметно для комиссии поменялись с Виктором листками. Ошибка вроде не было, работы сдали досрочно и выкатились из душных университетских коридоров на зеленые столичные улицы.

Ах, какой же это чудо-город, город-сад! За проклятой зубрежкой мы с Анкиным не замечали весело журчащих арыков, несущих благоухан-

ную прохладу, столь дефицитную в этом больном южном городе. Но августовское солнце было беспощадным к нам, северянам, переносившим сорокаградусные морозы с обыкновенной легкостью. Теперь мы выискивали только тень с желанным прохладительным напитком.

— Давай, старик, сначала ударим по холодному пивку, — предложил Виктор. — А по холодку придумаем чего-нибудь покрепче — право, мы того заслужили, главный предмет свалили.

— Еще неизвестно, как свалили, — буркнул я. — Через день-другой узнаем результат, а ждать да догонять — сам знаешь...

— Не нуди, старик, ошибок вроде нет, тема раскрыта, так что можно надеяться на высокий балл. А сейчас, старик, рискнем в пивбар, по дороге пузырь прихватим, там на водочку наценки двойные, а то и тройные.

Народу в пивбаре оказалось немного — не вечер, когда публика, ублажая себя отдохновением, отдается сладкой неге. В баре принесенную с собой водку пить запрещалось, баровской же, доставленной официанткой в причудливом графине, никакого ограничения не делалось.

— Давай закажем по 160, — заговорщически предложил Виктор, — а после потихоньку перельем из нашей бутылки в их мудреный сосуд. Можно прямо в кружку с пивом, но это уже получится ерш, какой помешает ощутить прелесть столичного напитка, — пиво здесь одно из лучших на юге.

Водку в экзотическом графинчике нам принесли без проволочек, тут же подоспела и незатейливая закуска. Разоряться на деликатесы мы не стали, выбрав по копеечному салату с сосисками да по гуляшу с гарниром. Незаменимую для стопарика кильку мой друг купил заранее, отчего наш закусон, в целом, вполне соответствовал всем параметрам, а значит, не даст скопытиться преждевременно.

— Почему мужики часто и густо носом пашут? — рассуждал Виктор. — Потому что они рукавом закусывают. Хорошей закуске не страшен и хороший выпивон — жизнью проверено.

Из бара мы уходили под вечер, когда солнце, отбушевав в зените, спешно клонилось к земле, стремясь найти в ее тени за горизонтом свои небесный покой. Я предложил Виктору сходить в кино, благо кинотеатр тут же, на Калининском проспекте, где мы не спеша вояжировали по тротуарам с высокими и прямыми, как карандаши, пирамидальными тополями. Виктор ухмыльнулся: не уподобляйся пацану. "Тратить золотое время на закрытое помещение, духоту да экран — непростительная трата времени, когда надо пользоваться благами столи-

цы, ее культурным, развлекательным и увеселительным потенциалом".

Я Виктору не перечил и вообще в последнее время попал под полное его влияние, он же не прочь был, как я понял, и злоупотреблять моим доверием. Я прощал ему увлечение "родимой" — наверно, в городе так принято. Компании Виктору в питейном деле я составить не мог, предпочитая лишь пиво, чем несказанно обижал своего друга. Виктор же к пиву предпочитал два по сто пятьдесят, после чего его тянуло на подвиги, предметом же подвига являлись женщины, каких он просто боготворил.

Виктор тоже был женат, из-за чего мне не хотелось прощать ему его скоропалительные знакомства с "чудо-блондинками" и "феерическими созданиями". Но однажды, завершая свои ночные похождения, он сам сказал, что ловеласничать завязывает, ибо город не щадит нетерпеливых да неосмотрительных, каким он был последнее время. "Столичный город в этом плане особо опасен, он способен предложить немало заманчивого, экзотического, экстравагантного, даже запретного. Запретный плод, как известно, прельщает, тогда как при других обстоятельствах его даром не возьмешь".

Два дня пролетели в томительном ожидании оценок. Наконец, свершилось! Мы с Виктором схватили по пятаку, твердо считая: вполне заслуженно, в результате воздержания от столичных благостей. А естественный отбор, о котором говорил Шкреба, наверняка начал происходить: моя комната потеряла сразу двух своих жильцов. Анализируя положение нашей журфаковской группы после сочинения, Виктор мне прямо сказал:

— Ты был прав, старик. Если заочник за ночь может китайский выучить, то три дня перед каждым экзаменом погоду нам все-таки сделают.

И судьба, действительно, повернулась лицом к Анкину с Морозовым лицом. Мы готовы были без стеснения целовать итоговый экзаменационный список, какой зачислил нас в ряды студентов факультета журналистики государственного университета имени Кирова.

Глава 15

Студент — звучит гордо

В своем кабинете Шкреба долго и крепко жал мне руку, поздравляя с поступлением в столь престижный вуз.

— Я не сомневался, Афанасьич, что ты возьмешь и эту высоту. Сначала "вечерка", теперь вуз, да какой! Меня это по-настоящему радует.

— Спасибо, Александр Иванович. Дальше-то как? На установочных занятиях столько дано заданий — полысеть можно. Это только на первый год обучения. А дальше? Я непременно дам дуба без необходимой литературы, обязательных текстов, о каких слыхом не слыхивал.

— Ничего, Афанасьич, ты выдюжишь. Ты вот вечерник, работяга, а смог с первого же захода влететь в учебку даже не своего профиля. Похвально, очень похвально, друг мой.

— Так Коляда вроде косится.

— Ничего, это все незлобиво. Он полюбил наш "Тепловозник" и вообще к пишущей братии стал относиться более приветливо. Может, вспомнил войну да армейские газеты, которые доставляли на передовые позиции прямо в окоп. Война рождала своих героев не только на передовой. Армейские полевые редакции не всегда попевали за своими соединениями, но и не отсиживались в тыловых блиндажах. История знает немало подлинных героев-газетчиков полевых редакций, какие действительно воевали и пером и штыком. Я все это к тому, Афанасьич, чтоб еще более закрепить твой вкус и уважение к журналистике. Дорога в шесть лет — немалая дорога, и я бы не хотел видеть твоего разочарования в журфаке и самом ликбезе.

— Не дай Бог, Александр Иванович, вроде пока нет повода для такой боязни.

— Пока, действительно, нет, но чувствую в тебе колебания, какие могут толкнуть в железнодорожный, где все ваши — Веселовский, Дундич, Гелазиев, Чугунов, Шаповалов, Быстрый, да еще и Дайнеко приплюсовался за компанию, так что моя боязнь небеспочвенна, Афанасьич.

— Вы истинный психолог, Александр Иванович. Признаюсь, ребята

крепко уговаривали в "железку": мол, бояться нечего, коллективно, гамузом все одолеем. Я им: "Я же дуб в математике", а они мне: "Аттестат получил за красивые глазки? Мы тоже не Лобачевские, тоже, случается, плаваем, однако же карабкаемся, в итоге все хоть со скрипом, но идет. Будешь учиться — оравой все одолеем".

— Значит, мои догадки были правильными. Но, слава Богу, дело сделано, с чем я тебя еще раз от души поздравляю.

Я же, по правде, отсылая документы на журфак, в сущности, не задумывался — это ли цель моей жизни? Да, газету я любил, дружил со словом, как выражался Шкреба, более-менее пописывал и, в конце концов, даже приобрел какой-то вкус к журналистике. Вкус этот, однако, ни к чему меня не обязывал, писал я когда хотел и что хотел, по желанию и по настроению, тогда как моя основная работа — моя "железка" — кормила меня, давала мне какие-то блага. Слесарная профессия оставалась мне беспредельно близкой, без нее я просто не мыслил своей жизни на этом свете.

На работе мои друзья также шумно поздравляли меня: мол, студент — это звучит гордо! Соблазняли sprysнуть мое студенчество. Я согласился, попросив их лишь определить место и время. Павло просил предоставить ему по предстоящему уик-энду все права, а он организует его в лучшем виде. Федор, Дайнеко, Алеко заверили — это право за ним закреплено пожизненно, следовательно, никакого разрешения не требуется: "Твои действия по сплочению и организации проверены нашей повседневностью".

В один из воскресных дней Павло действительно организовал грандиозный сбор в ОРСовской столовой. Явку всех наших обеспечил также Пашка. Я ни во что не вмешивался, мои средства на складчину Павло отверг: ты, мол, человек семейный, жена в декретном, ребенок младенец, а коль так, соответствующие потребности возникают сами по себе. Я не упирался, не настаивал, помня: Пашку убедить — только себе навредить...

— Друзья мои, — поднял бокал Григорий Иванович, — я на правах старшего предлагаю первый тост за нашего товарища Владимира Морозова, за всех нас, кто работает и учится. Хотел бы пожелать всем здоровья, мужества, хорошей учебы, крепости духа, а также крепкой дружбы!

Меня необыкновенно радовало: вот мы, ОХРовцы, снова вместе, за одним столом, на этот раз организованном в мою честь. Я, как мог, благодарил друзей за их верность — дружбе, нашему училищному де-

визу, а также за сегодняшнюю душевную пирушку, за все доброе в нас, какое есть и, наверно, останется всегда.

Несколько теплых слов сказал обычно немногословный Федор:

— Наверно, мы не все понимаем Володю, ликбез, как вы все говорите, и его факультет. Некоторые думают: раз математики нет, сопромата нет, значит, все легко, просто прогулочко пойдет. Ошибочное мнение. Я, например, дважды начерталку или тот же сопромат осилю, не жели один раз напишу простое письмо. Нет у меня дара длинно говорить, писать и даже думать, а с точными науками я справлюсь без особых проволочек. Кто знает, может, через какое-то время мы будем читать статьи журналиста-международника Владимира Морозова, а то и вещи посolidнее. Думаю, может, своих Шолоховых, Шуховых, Олжасов и Морозовых орлиная земля будет рождать. Давайте поднимем наши бокалы за Владимира, за всех нас и за нашу Орлиную, какая приютила нас, лелеет, в чем-то даже возвышает.

Конечно, за такой эмоциональный тост мы Федору дружно похлопали. Оказывается, наш молчун под "подогревом" может выплеснуть душу. Пашка сказал мне на ушко:

— В тихом болоте... Обычно с него слова не вытянешь, а тут как по маслу.

Я в знак согласия кивнул головой, также шепнув: "Наш староста не любит выделяться, а говорить он может, когда на душе хорошо". Конечно, речь следовало сказать и мне, ведь весь этот сыр-бор все-таки из-за меня.

— Руку на сердце, друзья, не ожидал такого, как говорится, приема да теплых слов в мой адрес. Всех-всех от души благодарю. По поводу моего факультета — наверно, он все же нелегкий. В течение шести лет придется изучать немало дисциплин: логика, психология, иностранный, литература древнейших времен. Однако я все же склоняю голову перед технарями, значит, перед вами, ведь без математики не создали бы наш тепловоз, не запустили бы спутник да Гагарина. Считаю, за технарями, за математиками будущее. Вот давайте поднимем наши бокалы за Федора, Григория Ивановича, Павла, Алеко, наших профессоров Чугуна с Шапом, за всех студентов-заочников. Повторюсь, я преклоняюсь перед технарями, значит, перед вами, а посему — всем здравия! Коль я студент, себе того же желаю. Выпьем, друзья!

Домой меня провожали всей компанией, хотя я упорно сопротивлялся, повторяя, что ноги не заплетаются — до кондиции не дошел. Пашка упирался больше всех:

—Старик, когда мы вместе, Лена тебе слова не скажет, а стоит тебе нарисоваться одному, может спустить всех собак. Потому выгоднее предстать пред ее очи всем нам. Обмывали мы святое дело, какое даже обязывает несколько перебрать.

—Знает моя подруга, по поводу чего харакири, и даже приветствует — ОХРовская же традиция, — сказал я.

Спорить с друзьями не стал, позволив им довести меня до калитки. Вышла жена, стала приглашать всех в избу, но Пашка за всех поблагодарил, сказав: в гостях наливают, а они и так хорошие. Мол, лучше вот прими своего благоверного целым и невредимым, а в гости заглянем как-нибудь в другой раз.

Глава 16

Трудно в учении — легко в бою

Это не Суворов сказал, а Геннадий Охотский, приехавший в Орлиную по своим журналистским делам и застрявший в ней на целую неделю. Днем я его почти не видел, мельком да наскоком. Всегда он что-то писал в свой блокнот. Я однажды даже пожурил его: мол, блокнот, наверно, скоро лопнет от всяких записей да информации, а он все не успокаивается и пичкает его, как бабка — собственный сундук.

— Эх, старик, выучишься, влезешь в газету, тогда и поймешь, как ценна каждая строчка в твоих записях. Газеты, будет тебе известно, часто просто горят от недостатка материала, наша в частности. Попробуй две тыщи строк в каждый номер да три раза в неделю — не обрадуешься. Райком только в крайнем случае разрешает ТАССовскими материалами закрываться, а то все из жизни района. Вот на досуге и листаешь свой карманный, выуживаешь всякое-разное, что успел наложить за командировку.

— Да в одном депо можно набрать материала на целую книгу. Посмотри, сколько тут замечательных людей. Поговори хотя бы с Александром Дундичем, Алеко мы его зовем. Отличный слесарь, надежный товарищ и студент железнодорожного института. Тепловоз знает, как Бог, работает мастерски — истинный стахановец. Пока холост, честен, красив душой. Такие товарищи у нас в депо, герои, а ты не поговоришь

с ними. Напиши об Алеко, хорошем слесаре и человеке. Я просто люблю Шурика, хочу, чтоб полюбили его и другие.

— Ну, Мороз-красный нос, конечно же, я сделаю материал об Алеко, сегодня же и поговорю с ним — меня-то в ихней ОХРе и разместили до конца недели. Но, старик, давай сначала о тебе. Я снова проштудировал всю подшивку вашего "Тепловозника" — блеск! Что важно, увидел там твои стихи. Давно кропаешь?

— Не помню, где-то класса с седьмого-восьмого.

— Наверно, в заглавнике не одна тетрадка?

— Разумеется. В школьные годы особенно грешат этим делом.

— Ей-богу, старик, очень хотел бы с ними познакомиться. Чувствую, есть в них жизнь, а если такие, как в сегодняшнем "Тепловознике", страниц нашей "районки" им не избежать.

— Не преувеличивай, майн френд. Стихи как стихи, не один я балуюсь. Вон школьники в твоей газете мелькают, доярки, чабаны, хлеборобы. Ладно — очерк, зарисовку какую — куда ни шло, а вирши — извини, это же сугубо личное, ну для депо еще можно, а выходить на весь район — нос не дорос.

— Но мои ты не раз встречал в газете.

— Сравнил, ты — с высшим, или я — с церковно-приходским.

— Нашел сравнение, — возмутился Охотский. — Горький много ли университетов кончал? Нет, тебе надо вообще в газету переходить.

— Зачем с гением сравнивать, классиком с мировым именем, тогда как я — только с деповским?

— И отлично! Доживешь до возраста Алексея Максимовича, может, не одного поэта заткнешь за пояс!

— Не шути, друг мой. Рожденный ползать, сам знаешь... Надо сначала мою бурсу закончить, а там смотреть, куда кривая повезет. Моя же кривая больше на депо нацелена, по ней и идти придется. Другой дороги я не ищу, а пишу больше под настроение, для души. Меня ведь депо кормит, тепловоз, им я и должен служить. Александр Иванович — бывший газетчик, а судьба, видишь, как повернула его жизнь.

— У Шкребы, действительно, какой-то злой жребий. Не 37-ой, а дух тех законов нелегко извести. Однако время свое берет, приходят новые люди, жизнь не стоит на месте. И мы говорим свое слово — я, ты, другие товарищи. Твое видение времени созвучно современности. твои материалы заметны. Но это все в прозе, мне бы хотелось выявить в Морозове пиитический талант. Одно стихотворение я читал в твоём "Тепловбзнике" — просто зер гут! Потому прошу твои тетрадки для озна-

комления, в ОХРе у меня времени достаточно, командировка длительная, так будет хоть чем заняться.

Тетрадки со стихами я отдал Геннадию, сказав, что такого добра и у доярок хватает. Последние два дня я не видел его вообще, как он говорил, надо помотаться по всем орлиным "Ч" — ТЧ, ПЧ, ШЧ, НГЧ, а главное, взять "нечто глобальное" в Орлином ТЧ, то есть, в самом депо.

В моем ТЧ, в нашей смене особых изменений не происходило. Мы, дизелисты, как автоматы, набрасывались на тепловоз, едва он успевал закатиться на канаву, с ловкостью акробатов горбатились у ресиверов с выхлопными коллекторами, снимали лючки картеров, давая им "подышать" да проветриться. Возвратившись на тепловоз, ревизовали крепление шатунных и коренных вкладышей, с истинной виртуозностью драили ресиверные да выхлопные окна, добирались до карданных головок даже в самых неудобных местах, словом, делали привычную для нас работу.

Для меня, как и для Павло с Алеко, ремонтный процесс стал неотъемлемой частью нашей жизни. Работа нас не утруждала, не обременяла и не давала повода отзывать о ней, как о наказании, о чем не раз приходилось слышать от некоторых ремонтников. Мы спрашивали у Григория Ивановича: разве возможны неуважение, жалоба и неприязнь к делу, какое человек сам же себе выбрал?

Дайнеко, махнув рукой, возмутился:

— Зачем принимать близко к сердцу бред лодырей? Настоящий рабочий никогда о своей работе не отзовется плохо или непочтительно. Не любишь это дело — уйди, найди занятие по душе, благо КЗоТ и жизнь предоставляют все это человеку в полном объеме.

Рассуждая так между делом, мы пришли к выводу: самая трудная работа — это у нас, дизелистов, да, наверно, еще у ходовиков. Однако, считали мы, какою бы она ни была тяжелой, грязной, неудобной, посылать ей проклятья просто грешно. Алеко же добавил: "В любой работе немало своих загадок, хитрости, привлекательности, уважения".

О долге и рабочей чести мною писано-переписано не только в моем кровном "Тепловознике", да и повыше. Материалы подобной тематики газеты брали с удовольствием, я лишь боялся как-то повториться. Охотский же уверял меня: все мои материалы он как литраб правит лично, потому каких-то ляпсусов да повторов допустить не мог. По его оценке, мои материалы в редакции имеют повышенный "аматер", поддерживать какой ему хотелось бы как можно дольше.

Геннадий при каждом удобном случае напоминал о чувствительном голоде его газеты на творческих работников. Республиканский университет ежегодно выпускает немалые группы журналистов, но наши СМИ, газеты всех рангов, радио, телевидение, всевозможные рекламно-агитационные объединения, издательства, редакции журналов испытывают постоянную нехватку своих уникальных в своем роде кадров, особенно на периферии. Столица, конечно, не страдает, во всяком случае, ей всегда есть из кого выбрать.

Охотский в последний день командировки, наконец, посетил мой кубрик. Жена активно принимала участие в наших разговорах, удивляясь холостяцкой жизни гостя, который в свои 27 семьей еще не обзавелся. Лена пообещала Геннадию в следующий его приезд непременно познакомить с сестрой Надеждой, тоже работницей депо, что поможет ему как-то скрашивать его командировочные будни. Геннадий сделал мне упрек — уже целую неделю как он в моей белокаменной, а я, друг называется, не удосужился познакомить его со своей свояченицей.

Я успокоил гостя: мол, все впереди, а то еще влюбишься, а в нее нельзя не влюбиться — молода, к тому же божественно красива. "Да и она может вскружить себе голову — вон ты какой видный, высокий, волос кудрявый да смоляной, как у Николая Сличенко, не каждая устоит, чтобы не влюбиться в такого орла. И еще ты в городе учился, сейчас вот в райцентре живешь и работаешь, где цивилизации против Орлиной побольше да грязи поменьше, так не мудрено тебе сманить Надежду в свой Кульджи".

Поговорили и о моем призвании.

— Морозов в нашей картотеке самый писучий, хотели привлечь его в штат, — сказал Охотский, обращаясь к моей жене. И продолжил, повернувшись ко мне:

— Аведь на факультете, старик, могут сказать: "Товарищ, вы сели не на тот поезд и едете не в том направлении, занимая чужое место". Не дай Бог, конечно, но ведь пути наши неисповедимы и кто знает, какие могут выйти законы на счет заочников. Скажут: работаешь в такой-то отрасли — учись, повышай свои знания по ней же. Законы-то у нас пишут большие люди, и кто знает, что им может прийти в голову. Вот придумали же отдельную уборку урожая! Раньше комбайн убирал хлеб напрямую, а сейчас сначала косят на свал, затем комбайн подбирает валки. Говорят, потери зерна исключаются, само зерно в валках хорошо сохнет и не высыпается, как при прямой косовице.

—Броде пока ничего подобного слышно, — с какой-то тревогой сказал я. — Если кому-то все же придет в голову подобная блажь, я к тому времени наверняка отучусь.

—Думаю, так и будет, коллега. А вот хотел бы я знать, Вольдемар, значения всех этих ваших железнодорожных терминов, какие в вашей среде всюду произносятся сокращенно и на полном серьезе, но люди, вижу, понимают друг друга — значит, им это привычно. Все эти ТЧ, ПЧ, БЧ, прочие "Ч" наверняка понадобятся мне для дальнейшей работы. Пытался как-то расспрашивать — смотрят как на инопланетянина. Назови, какие знаешь, хотя бы только по Орлиной — сюда дороги, наверно, теперь будут приводить меня чаще, ведь я узнал, усек, открыл и подстрелил поэта Морозова, какой так искусно маскировался.

—Ну-ну, не надо так громко, товарищ охотник. На счет же разных "Ч" — записывай. На "железке" этих часто причудливых аббревиатур море, все их я даже не знаю, но самые необходимые для твоих журналистских дел на станции назову. Начнем с родного: ТЧ — тяговая часть или локомотивное депо, ПЧ — путевая часть, она же дистанция пути, ШЧ, как шутят, — шнуровая часть или дистанция связи, НГЧ — дистанция гражданских сооружений. На электрифицированных участках существуют ЭЧ — энергетическая часть. Наверно, тебе не раз приходилось слышать: НОД приезжал, НОД говорил. Это самое НОД расшифровывается как начальник отделения дороги. Есть у нас на станции ПТО ВД, какое надо читать как пункт технического осмотра вагонного депо, базирующегося в Медногорске, в Орлиной же — его филиал. Может, придется слышать — НОДХ. Это — хозяйственно-материальный склад при отделении дороги. Есть другие аббревиатуры: РБ — ревизор по безопасности, ДО — начальник станции, всякие УН, ДН, ФМУ, о каких я только слышал.

—Спасибо и за это, теперь хоть какое-то представление буду иметь, с кем говорю, какой частью "железки" ведает человек. А совет мой один: пиши о всех этих "Ч", Вольдемар, не игнорируй — очень даже пригодится. Разнообразь жанры, замахнись даже на фельетон — на факультете это приветствуют.

Я поблагодарил своего друга, пообещав делать, как он советует. На счет же стихов — тетрадки у него.

—Я их забираю с собой, ибн Вольдемар, чтобы в одном из номеров выпустить "Литературную страницу". Редактор обеими руками "за", все дело только за творческой продукцией — стихами, баснями, рассказами. Поэтов в районе, старик, как ты заметил, не разгонишься, те же,

что дают о себе знать, не остаются за бортом. Теперь вот появятся и стихи Владимира Морозова, слесаря, передовика производства, студента факультета журналистики. Как хочешь, старик, а вот несколько стихотворений я тисну сразу же по приезду, не ожидая никакой литературной страницы. Для них я сделаю специальную подборку — уж очень мне понравилось твое "Я степь люблю" и несколько других, ему подобных. Несомненно, они должны понравиться в редакции, да и читателям тоже.

—Ну-ну, какие там шедевры выдает Морозов? — с улыбкой поинтересовалась Лена. — Прочти, Геннадий, интересно же и мне, как жене, знать, чего ночами творит мой Пушкин, никогда не показывающий мне свои творения.

Геннадий открыл одну из тетрадок и декламационным голосом произнес название стихотворения - "Я степь люблю".

—Ты как на сцене, — заметил я, — хотя в целом эффектно.

—Ничего, коль надо, и со сцены прочту. Я уже давно мечтаю о поэтическом вечере в райцентре или у вас в Орлином, но пока, кроме тебя, не обнаружено поэтов. Надо бы в вашей школе побывать, поговорить с преподавателями литературы, уж они точно знают, где творческие таланты зарыты. А сейчас все-таки "Я степь люблю".

Читал Геннадий с артистической артикуляцией, с театральным выбросом обеих рук. В первых строчках стихотворение говорит о человеке, какой еще в детстве любил наблюдать, "как солнце землю на заре ласкало, и он один степями уходил туда, где небо в красках полыхало". Окружало же его сплошное степное раздолье с бесконечным ковыльным морем, катившем свои седые волны, среди каких мальчик, расставив руки, уподоблялся плывущему челну. Позвало же в степь мальчика желание увидеть на утренней зорьке край земли и солнца, какие сливались с бесконечным степным простором и с тем же ковыльным морем, какие на моей родине, в Кенбидайских просторах обширного Кургальджинского региона, и впрямь, были бесконечны.

О том не раз рассказывал и мой отец, когда я, пятилетним, сидел у него на коленях. Отец работал трактористом в Кенбидайском тракторном парке, вспахивал поля в 29-30-ые годы, вплоть до 1942-го, когда с него сняли какую-то бронь и увезли в Акмолу на сборный пункт, а оттуда уже на военные фронтовые дороги.

А мальчику, по стихотворению, увидеть край земли не удалось, о чем Геннадий и сообщил нам с особой патетикой:

"Увидеть край земли не удалось мне,

Но я был рад степному ковылю,
С тех пор я степь с ее разноголосьем,
Ее простор, мой Казахстан люблю".

—Ну как, Лена? — спросил Геннадий, обращаясь только к моей жене.

Жена моя, немало смутившись, посмотрела внимательно на меня и прямо сказала:

—Не знаю, Геннадий, по-моему, Мороз мой — талант!

—И я о том же говорю, только твой суженый скромничает да не соглашается.

—Скромность украшает человека, — бойко ответил я Геннадию, — давай лучше ударим по маленькой, а то картофан вновь разогревать придется.

—Ну, это дело мы с удовольствием сотворим. Давайте, друзья, за дружбу, за такого талантливого Есенина и за его красавицу-жену. Ну, заодно и за вашего сына, за всех Морозовых, каким пожелаю здоровья, достатка, терпения во всем. Морозову же лично — творческих удач и поболее стихотворных всплесков типа "Я степь люблю". Любить нашу

степь и ее бескрайние ковыли у нас не все могут. Ну, видят они ковыли, только они никак им не напоминают море, катящее свои волны. Теперь и я увижу степь новыми глазами, такими, как ты, дорогой, увидел степь, наши казахстанские просторы в детстве.

—Рахмет за добрые пожелания! Пусть наша дружба станет долговечной, а сотрудничество плодотворным. Вот и моя жена поддерживает наши пожелания, — сказал я.

—Хотелось, чтоб Морозов почаще мелькал, Геннадий, в твоей газете. Соседки после того с особым уважением ко мне относятся, — добавила Лена.

—Я рад за вас и уверен, что Орлиная теперь станет мне ближе и роднее. Ведь не секрет, что хорошо ехать туда, где тебя ждут, рады тебе, ты находишь во всем понимание, даже отдохновение души... Что у меня в моих Кульджах? Общежитие, койка, тумбочка — истинно больничная палата, только сиделки не хватает, а так сходство разительное. Но, друзья мои, как бы там ни было, жизнь-таки стоит любви. Университетское распределение я уже отработал, но газета засасывает и отчего-то все крепче держит у себя. Возможно, скоро из университетских журналистских факультетов придут новые распределения, доморощенные, коих не манят шумные города со своей инфраструктурой и привлекательностью. Как я заметил, в села, в районные газеты журна-

листский народ никак не спешит, стараясь приткнуться где-то в городских изданиях, на радио, телевидении... Они вовсе не думают о родных местах, где родился да крестился. Отработать распределение — долг, от него никуда не деться, и я рад, что не вступил в конфликт с законом. Ты, Афанасьич, тоже должен отдать депо аж четыре года?

—Именно четыре. Не подчинишься, убежишь — трудовую не выдадут. Или выдадут с записью: "Уволен как самовольно оставивший производство". Сие же плохо — стаж побоку, авторитет на будущее подмочен, когда жизнь только на старте. Потому не хотелось бы путь начинать с чего-то черного.

Геннадий в этот вечер поведал кое-что о своей жизни. Родился он на краю земли — на Сахалине, где-то в районе городка Тамари. Отец и сейчас там проживает, зовет домой, ибо старость, и впрямь, не радость, а скрасить его одиночество, кроме Геннадия, некому. Мать Геннадий схоронил лет пять назад. Неблаговидная судьба и злые люди занесли ее в Углеградскую область, куда она, разойдясь с отцом Геннадия, подалась с Сахалина. Теперь ее уже нет.

Мама Геннадия в их небольшом поселке, где они проживали вдвоем, слыла среди сельчан передовой женщиной, хорошо учительствовала, дети ее боготворили, а уроки литературы, которые она вела, считали для себя важными, никогда их не пропускали и ждали с нетерпением. Как говорил Геннадий, она знала жизнь, а потому во многом отказывала себе, но дала сыну университетское образование. Геннадий сказал, что всему в нем лучшему обязан только своей матери. Видно, и любовь к слову тоже от нее, да будет земля ей пухом.

Помянули мы маму Геннадия, погрустили, поговорили о судьбах людских и бренности жизни. На прощание он поцеловал моих жену и сына, напомнив о ее обещании в следующий его приезд познакомить со своей сестрой.

Провожая друга на поезд, я пообещал не расслабляться, не наскоком, а постоянно грызть

пресловутый гранит науки, иначе мой ликбез потерпит крах. На счет учебной литературы Геннадий пообещал помочь. В редакционном книгохранилище, как он помнит, затерялись какие-то раритеты, по приезде он их разыщет в первую голову.

—Пока же набирайся сил, готовься к своей первой сессии. Трудности неизбежны, одолеешь их, а там сам ко всему приновишься.

С отъездом Охотского на душе появилась какая-то легкость и уверенность в завтрашнем дне. Самым важным теперь оставалась моя

первая факультативная сессия. В помощь Охотского, Анкина, Александра Ивановича я верил, но не забывал житейской заповеди — на бога надейся, а сам не плошай. Забросил удочки в Орлиные библиотеки, каких в поселке имелось аж пять. Знакомые библиотечарши, участницы художественной самодеятельности Валентина Светлова и Лариса Виц, зная меня как активного книголюба (в одной из своих статей я назвал их хранительницами человеческой мудрости), при встрече попросили наведаться к ним на огонек, где они вручат мне мой заказ — очень редкие, но, увы, никому не нужные книжки, которые писали Гомер, Овидий, Софокл, Еврипид. Насколько они помнят, ни один их читатель такой литературой никогда не интересовался, отчего книги обросли плесенью.

Я поблагодарил их, намекнув, что это дело не иначе как обмывное.

— Так в чем же дело, товарищ писатель? — смеялись девушки.

Ну, назвался груздем... По плитке шоколада я вручил девушкам без боязни, с шампанским же, как сказал бы Пашка, чего-то замандражировал — скажут, мол, шуток не понимаешь, мы культурные работники, а не какие-то там...

Девушки смеялись: "Господи, да мы такие же смертные". Тут же заперли дверь, я оперативно раскупорил бутылку, не дав ей бабахнуть в потолок. Распили не спеша, шутили. Девушки благодарили меня за презент, я их — за книжки, какие никто не читал. На прощанье меня заверили: они достанут для моей учебы все дефицитное, только надо дать им список.

Глава 17

Женатый холостяк

56 послеродовых дней пролетели, как какой-то миг; жене пришла пора настраивать себя на работу. Сынишке-крохе исполнилось три месяца. Мы с Леной несказанно радовались видеть его крепким, подвижным, не тревожащим нас ни днем, ни ночью своим криком или какими-то своими детскими стенаниями.

Жена как-то заметила: наш сын по характеру весь в нее, а не в меня, потому как он даже боль способен переносить молча, никому не жалу-

ясь, не подавая голоса, не в пример мне. А мне наемни пришлось истинно выть от боли — нестерпимо разболелся коренной зуб. Я поставил весь дом на уши. Александр Иванович с женой усердно отыскивали какие-то домашние снадобья, которые, по их мнению, более эффективны, нежели все фармакологические штамповки с конвейера для грехотмиллионного населения страны. Я не противился ничему, позволяя делать с собою абсолютно все. Где-то слышал: смерть от зубов — явление в медицинском практике редкое, но меткое.

Я же умирать не собирался, до этого зубами никогда не страдал, и боязнь ни с того ни с сего крякнуть меня просто бросала в дрожь. Оттого все в доме ходило ходуном, жена нервничала, листала свои календари, выуживая все, могущее облегчить мои страдания.

— Ну, Мороз, а если бы тебе пришлось рожать? — шутила жена, когда снадобья от Шкребы вернули мне способность говорить, мыслить и даже улыбаться.

У сына же в этот день отчего-то покраснел пупок, но он не кричал, только беспокойно ворочался и, как мне казалось, как-то тихо стонал. Молодая мамаша, наверно, знала снадобья и процедуры по этому недугу, от прикосновения ее рук, воркования и ласки краснота постепенно исчезла.

С выходом жены на работу ребром встал вопрос: как быть с ребенком, куда его, беднягу, девать, с кем оставлять? Семейный совет однозначно решил: Лене с сыном придется жить у бабки с дедом, а я до садиковского возраста нашего Валерки остаюсь в кубрике один — это без малого на три года.

Да, на целых три года жизненные обстоятельства должны развести нас с женой по разные стороны баррикад, правда, без войны, но, наверное, и без мира. Это мнение моей тещи, о чем она не преминула высказаться:

— Все бы ничего, только я понять не могу наше правительство, предоставляющее советской женщине-роженице всего лишь каких-то сто двенадцать дней декретного отпуска.

В общем, разговор в большом семейном кругу не радовал меня. Получалось что-то безрадостное: на целых три года я причислялся к женатым холостякам с вытекающими для холостяцкой жизни последствиями. Но я не стал впадать в панику, бодро заверил: "Не в лесу живем, коллективно справимся с любыми трудностями".

В итоге семейного консилиума картина вырисовывалась одна: большей частью мне придется жить одному, пока сын не пойдет в са-

дик. Насчет садика теща прямо сказала: "Не отдам, сама стану воспитывать, тем более в садик-то нынче не так просто попасть, в очередь записываются заранее, когда же она подходит, ребенка нередко пора в первый класс отдавать".

Такова орлинская обыденность, от какой просто некуда деться. В деле же, если посмотреть хорошенько, в Орлиной не одна Лена Морозова с такими проблемами.

Я успокоил тещу: "Не волнуйтесь, мамаша, с Леной вдвоем нам сам черт не страшен. Коль делать все сообща, по согласованию, можно целые горы своротить".

Теща как-то с ухмылкой заметила: мол, с трудностями мы справимся, а вот разве можно оставлять одного двадцатилетнего мужика в доме без пригляда? Будь он трижды святой, чуть подвернулась чужая юбка, святость с него слетает, как с осенних листьев дым.

— А юбок в Орлиной, желающих подловить одиноких мужчин, хоть отбавляй, что меня больше всего волнует, — прямо сказала теща. — Лена молода, неопытна, только начинает жизнь, в какой кроме любви есть еще и коварная измена.

Я с обидой заметил теще: мол, не из той я породы — кобелиться при живой жене. Обидно слышать такое от уважаемой мамашы.

— Ах, зять, не надо обижаться. Мы с отцом прожили большую жизнь, родили четверых детей, и ничто, кроме хлеба насущного, нас так страстно не тревожило. Сейчас же к услугам молодых и магнитофоны, и телевизоры, и машины с мотоциклами, и прекрасная одежда-обувь, и всего только восьмичасовой рабочий день. Мы же до старости в кирзухе да фуфайках проходили, работая от восхода до заката. А работа была не чета вашей. Железную дорогу вели через Орлиную, гнали план, копейку лишнюю зарабатывали да попутно горб с грыжей. Да, зятек, беззаботная, в общем, жизнь, безделье, лишние деньги толкают нынешних молодых на подвиги в кавычках. Взять тех же охровцев. Кроме работы — никаких забот, а потому они бросаются в выпивон, горазды побуйнить да побабничать — деньги-то некуда девать, они и бесятся. А многие отрабатывают свои казенные сроки и удирают, откуда приехали, оставляя брюхатых да испорченных молодцов.

Я поддакнул теще. Правда, некоторых ОХРовцев действительно не красит их неблаговидное поведение в общественных местах, отсутствие над собой контроля да перебор сорокаградусной. А пьяному, известно, море по колено. Но, мамаша, это же единицы, а так ОХРа — бо-евая, надежная, дружественная.

Теща в принципе соглашалась, сказав как бы в оправдание: мол, мой набор, где Федор, Павло, Дундич — самый лучший из прежних. Я поблагодарил тещу, заверив, что там весь такой народ, хороший, веселый, компанейский. Без хвастовства — в их числе и Морозов.

— К нашему зятю мы претензий не имеем, не пьяница, не бабник, однако когда мужик остается один, нелегко устоять от природных соблазнов при такой вольнице, — не отступала от своего теща.

Пришлось жене за меня вступаться. Мол, ее Морозов не похож на изменщика, он любит ее, Валерку, а коль любит — не изменит, это жизнью проверено. Я обнял жену, сказав, что она умница, каких свет не видывал, понимает своего мужа, понимает жизнь. Как я понял, все остались довольны нашим оптимизмом, пожелали нам крепкого семейного союза, а Валерка наш пусть по-настоящему останется скрепляющим материалом.

Насчет материала немного посмеялись, однако отметили: быть нашему сыну до садиковского возраста переезжей свахой, ночевать ему придется поочередно то на Пионерской у бабульки, то в Шанхае — в кубрике. Выходит, одиноким я буду считаться относительно. Друзья уже окрестили меня женатым холостяком, что, по их мнению, зло небольшой руки и совсем не смертельно.

Жизнь женатого холостяка меня не пугала: на выходные Лена с сыном будут оставаться в кубрике, а всю неделю я в день да в ночь, так время и пролетит. Дорога жизни, как говорится, остается у меня прежней: дом — депо, депо — дом, а коль подойдет отпуск — Белозерка не за горами. Хотелось бы подальше, но ни Павло с Алеко, ни Шап своих чарующих краев уже не предлагали.

Об отпуске с Леной мы говорили не раз, но пока сын не подрастет, уехать вдвоем мечтать нечего. За свою жизнь она дальше Углеграда не выезжала, не видела Москвы, метро, самое синее в мире Черное море обозревала только в кино. По сути, я тоже мало чего видел экзотического, хотя дважды съездил с Павлом в его Крашановку, впервые увидел трамвай с троллейбусом. Только вот к Москве наш поезд и на выстрел не подкатывал, мчал окольными путями. Так что о метро я тоже имел представление самое отдаленное.

Насчет отпуска на море жена уверяла: "У нас все впереди. Главное, что тебя больше должно сейчас волновать — это удержаться в университете, окончить его, а там жизнь распорядится, где бросить нам якорь".

— Между прочим, — стыдливо заметила жена, — бабки советуют покрестить сына в церкви, для чего надо как-то вырваться в город.

Я приложил руку к груди:
—Пожалуйста, можешь заодно и меня, взрослого дяденьку, только без погружений.
Жена, потрепав мой вихор, весело сказала:
—Честное слово, не имей сто рублей, а имей одного ОХРовца!

Глава i8

Новая метла

Наступивший 1963 год принес в депо сразу несколько неожиданных новостей. Одна из них взбудоражила девятисотенный деповской коллектив, просто вызвала шок — уход Василия Семеновича Коляды в отделение дороги на повышение. Не знаю, как старожилы, мы же, новички, приняли эту весть крайне ранимо, ведь к нам, присильцам, этот человек относился не иначе как по-отечески.

Нового начальника Геннадия Георгиевича Бесполова тоже все хорошо знали. До назначения на должность ТЧ он занимал кресло главного инженера, знал технику, как Бог, и давал ей свое благословение на жизнь или на смерть.

Дайнеко как-то сказал: Бесполовых в Орлиной ничто не держит, свой распределенческий срок они с женой Ираидой Никифоровной, учительницей, отработали дважды, но в поселке остались как патриоты, видевшие, как наша союзная окраина еще бедна учительскими, медицинскими, инженерными кадрами.

Первую производственную планерку Геннадий Георгиевич провел по-деловому, без всяких отступлений и пустой говорильни. Кто-то из слесарей начал возмущаться, мол, уже неделя, как из смотровой канавы не уходит вода в канализационный колодец, скоро в канаву вообще ступить будет невозможно — она прибывает все больше.

Бесполов рукой остановил выступавшего:

—Петров, ваш упрек понятен: хозцеховцы не откачивают воду. Так какие отговорки приведет наш мастер хозцеха?

—Прямо сейчас разберемся и устраним.

—Вчера какие проблемы мешали?

—Разные, Геннадий Георгиевич. Сегодня сделаем.

—Делайте, но без ущерба тепловозам — они должны на канаве ремонтироваться.

Мы прикидывали: с чего начнет новый начальник? Дайнеко предположил:

—Как работали, так и будем работать. Сохранится та же пресловутая борьба за качество ремонта и снижение случаев захода машин на межпоездной. По-прежнему останется актуальным служебный ремонт тепловозов локомотивными бригадами — уподобляться только наездникам им не позволит и этот начальник. Еще? Могут пересмотреть режим работы слесарей: вместо день-ночь предложат, скажем, работу в две смены по восемь часов. Продуктивность, отдача непременно повысятся — изнурять себя двенадцатичасовой повинностью тяжело, а больше — плохо для здоровья: последние три-четыре часа, как мы знаем, вообще дорабатываются на пределе.

Наверно, Григорий Иванович прав. Двенадцатичасовые смены так и не смогли заставить нас привыкнуть к ним, в душ мы уходили просто разбитыми, вялыми, скомканными. Но, с другой стороны, во всем МПС так работают, вряд ли кто решится это менять.

Охотский, как и обещал, нашел в редакционных хранилищах перлы человеческой мудрости, необходимые мне для учебы. Литературы у меня накопилось достаточно, оставалось только читать, вникать, углубляться. Я тихо радовался скорому соприкосновению с таинствами человеческого мироздания, богатством дошедшей до нас мудрости мыслей.

Увлекаясь греческой мифологией, я не раз задумывался о человеческой жизни и жестокости таинственных небожителей, вынудивших кого-то из тогдашних мудрецов сказать: "По правде, всех богов я ненавижу". Сказать такое в те времена, когда божество виделось во всем, являло собой истинный подвиг мудреца.

Мне хотелось быть образованным, говорить грамотно, не попадать впросак в культурной компании. Помню, в столице мы с сокурсниками пошли в ресторан. Я, пещерный человек, нож держал в левой руке, вилку в правой, а по этикету положено наоборот. Ишак бухарский, я не знал этого, потому как отродясь в ресторанах не бывал, и никто меня этому не учил. Хорошо, сокурсник наш, Павел Максимович Горин, незаметно шепнул на ухо, как надо обходиться с приборами. Не знаю, заметила ли компания, особенно женская половина, мой конфуз.

Город все-таки учит, воспитывает человека, приучает его к хорошим манерам в обществе, развивает в нем интеллект, интеллигент-

ность. У нас же в Орлиной не очень почерпнешь чего-либо в этом плане — кругом ведь серость, а от серости бытия мысли и поступки серые.

— Не унижай себя, Афанасьич, — говорил Шкреба. — Недаром же говорят: век живи — век учись. Все придет само собою. Сейчас важно удачно сдать первую сессию, остальное, думаю, чего не знал, чего не умел — наверстаешь, если руку держать на пульсе.

Признаться, мне льстило участие Шкребы, нацелившего меня еще в период "вечерки" на штурм неведомых для меня журналистских высот в моих студенческих делах.

Установочную сессию я аккуратно посещал и поистине впитывал в себя. Кое-кто из наших свежее испеченных студентов, я это хорошо приметил, на лекции являлись от случая к случаю, что абсолютно не волновало ни преподавателей, ни деканат, ни нас, сокурсников. Тогда же я окончательно понял: заочник пришел учиться для себя, а как он это будет делать, какие прилагать старания — дело его сугубо личное.

Как-то в разговоре с Виктором Анкиным, анализируя нашу абитуриентскую команду, мы выяснили немаловажную деталь: основной контингент заочников, как и сам Виктор, живет больше в городах — в больших или малых, но в городах. Периферийников, кроме меня, кажется, не имелось. Орлиная, по нашему мнению, вообще терялась на задворках цивилизации. Как мне удалось пробиться в столичный университет, мечту любого молодого горожанина, просто остается загадкой. О моей же пещерности говорил тот факт, что я не пользуюсь новшеством XX века — телевидением. Оно повсеместно входило в быт советских людей, обходя, наверно, только орлинцев.

Всего через какой-то месяц после назначения Бесполова начальником депо прошел слух: новый ТЧ собрал в кабинете большой представительный форум с участием ведущих специалистов железнодорожных организаций Орлиной для рассмотрения наболевшего вопроса — строительства на ближайшей высотной сопке телевизионной вышки.

Как утверждали знатоки, вышку планировали сварить из 150-миллиметровых труб высотой в тридцать шесть метров. Близ вышки планировали поставить вагон-теплушку с телевизионной аппаратурой. Говорили также, что смотреть телевизор смогут даже на отдаленных разъездах Орлиного участка пути.

После таких слухов орлинцы ожили, воодушевились, начали сметать с магазинных прилавков глазастую аппаратуру. Мы с женой на диковинку бросаться не стали, решив выждать прихода более подходя-

щего момента, когда ажиотаж уляжется, аппаратура будет настроена, изображение на телеэкранах станет более четким.

Первые передачи пока только раздражали обывателя. Многие били по экрану, добиваясь лучшего изображения. Здравый же смысл подсказывал: не ящик виноват, а самодельная сварная вышка на этой чертовой сопке. Вот в Углеграде телевизор показывал четко, передачи радовали глаз и душу, и, узнав об этом, в который раз люди проклинали судьбу, забросившую их в самое гиблое на земном шаре место — на станцию Орлиная.

Как-то я поделился с Леной своими волнениями насчет нашего дальнейшего проживания в ее пернатой, напомнив о пяти или шести приесильцах, сквозанувших из депо, по году-другому не отработав своего положенного срока. Лена, с укоризной посмотрев на меня, жестко сказала:

— Я уже тебе говорила, Морозов, что, даже если Орлиную сожжет пожар, я останусь на пепелище. Не нужны мне шумные города с их толчеей, очередями, заводами, тысячами машин, загазованностью. Посмотри, какой в нашем поселке воздух — сладостный, бодрящий, чистый — не надышишься. А уличная наша грязь — вещь поправимая. Смотри, как расстраивается поселок — душа радуется! Возле депо заложили сразу четыре фундамента под шестнадцатиквартирные двухэтажки. Посему, Морозов, не нервируй меня разговорами о бегстве из моей крылатой в город или еще куда-то.

Словом, Лена отбила у меня охоту говорить о переезде, и я, скрепя сердце, примирился с ее решением десять лет сидеть на останках ее Помпеи. Конечно, горячим патриотом Орлиной за три года я не стал и не верил в свои способности так же беззаветно полюбить ее когда-либо.

По возвращению домой от соседей, приглашавших нас на интересный фильм или передачу, жена сказала:

Не будем печалиться, Морозов, и на нашей улице будет праздник. Говорят, какие-то аховые специалисты из области приехали, прозондировали нашу орлинскую телебашню и успокоили: дело поправимое. Вся конструкция нормально сварена, только антенна из деталей раскладушек нуждается в модернизации. Обещали в ближайшее время прислать какую-то параболу с тарелкой.

Откуда ты все это знаешь?

Ты же в работе весь, а у нас, женщин, тряпочный телефон работает исправно. Да и видели, что специалисты приходили в депо, к начальнику. Раз взялись за дело — надо телевизор покупать.

Мы решили купить хороший телевизор, а не абы какой. Уподобляться старикам мы не намерены, а прослыть скрягами по Орлиной — вообще позор. Орлиная, хочешь-не хочешь, а постоянно зрит во все глаза. Пока выездные телевизионщики наводили на вышке порядок, Орлиная жила ожиданием чуда.

В Углеград-Сортировочном, где базировалось Углеградское отделение Приесильской дороги, Орлиное депо не раз транслировалось по телевидению за его миллионы перевезенных тонно-километров-брутто, экономию ГСМ, минимальный заход локомотивов на внеплановый, тот самый межпоездной ремонт. Читать о себе орлинцы могли, а вот видеть пока не получалось. Оттого, наверно, и закрутилась телевизионная карусель — станция Орлиная и ее депо с таким высоким рейтингом пока не могут увидеть себя на экране, когда чужому городу это доступно.

Как и предполагал Дайнеко, вывесили приказ о переходе ремонтных цехов на двухсменную работу по восьмичасовой рабочей сетке. По прикидкам деповских финансистов, это давало неплохую экономию фонда заработной платы, ведь отпадала оплата этих самых ночных часов.

Первые дни работы по-новому показали, насколько мудрым было решение Бесполова с ночными сменами. Потеря прежней чувствительной добавки, как выразился Павло, за работу нудную в ночь приبلудную, вовсе не делала людей обиженными на нового начальника, МПС и советскую власть. Ведь работа ночью, как подтверждала практика, пусть постепенно, но неизменно подтачивала здоровье тех, кто трудился по заведенному графику не один год.

Еще одно доброе дело, о чем депо судачило по всем углам, касалось строительства в механическом цехе невиданного, затейливого, просто экзотического бассейна, куда планировали запустить декоративных рыбок. Строительство непроизводственного объекта шло завидными темпами, о чем Бесполов не преминул напомнить на одной из производственных планерок. Бассейн обложили белой плиткой, посередине изваяли также белую цаплю с распушенными крыльями, запустили воду, причудливо и прохладно бьющую фонтаном из длинного клюва цапли мелким янтарным дождем. Декоративных рыбок пока не нашли, так что первыми обитателями бассейна стали окуньки из ближайшего озера.

Фонтан и бассейн с рыбками немало шокировали отделенческое начальство, приехавшее на очередную узловую планерку. Красоты, по-

добной этой, они не видали ни в одном депо Приесильской, потому монументальная экзотика по справедливости делала честь Орлиному и новому начальнику. Знатоки утверждали, что Бесполов сам конструировал эти объекты, отдавая дань своему первому институту, строительному, откуда он почему-то ушел в железнодорожный.

Страсть нового начальника к переделкам, украшательству производственных помещений прямо-таки бросалась в глаза. В механическом цехе появились причудливые светильники и красочное панно с разветвленной сетью железных дорог страны, величественной панорамой всех транспортных артерий необъятной державы. А деповская аллея к величественному монументу в честь деповчан Орлиной, участников Великой Отечественной, отдавших свои жизни за независимость Родины, вызывала восхищение и гордость.

Первые шаги нового начальника депо в организации труда, наведении идеальной чистоты и эстетики в цехах и благоустройство территории вокруг депо вызывали уважение со стороны не только жителей поселка, но и всякого начальства, своего и чужого, гостей и просто посетителей.

Может, потому последнее время на предприятие зачастили различные ревизорские комиссии. По поводу финансовых нарушений в деповском и придеповском строительстве комиссии не находили ничего криминального, отчего авторитет Бесполова еще более укреплялся а это по-человечески радовало деповчан и орлинцев в целом.

Глава 19

Под стук колес

Первая экзаменационная сессия в моей учебной цитадели не стала для меня слишком тяжелой. По словам Анкина, я оказался на высоте, переплюнув даже самых городских и интеллигентных. Перелистывая мою зачетку, он с укоризной повторял:

— Твердишь: пещерный, неуч, Ванька с пивзавода. А какие оценки! У меня, городского, кругом одни "удочки", да и у других не лучше. А ты вот прямо сродни Михаилу Васильевичу из Холмогор, начал на нашу интеллигентность, начитанность, городские манеры. Кругом пятаки.

— Не гневи Бога, старик, — сказал я Виктору миролюбиво. — Просто достал хорошую литературу, ну и плюс усидчивость, у вас в городе ведь вечно времени не хватает, вас, горожан, то ресторан манит, то театр, то заезжие гастролеры, то хоккей с футболом, теннис с волейболом, прыжки в длину, в высоту, в воду, через пень-колоду. Вы ведь всюду стараетесь успеть. А я си́днем сижу в своей Орлиной-Холмогорах, зубрю, вникаю, сталкиваюсь с древностью да современностью. Идти-то мне все равно некуда, а ученье и труд, понятно, все перетрут.

— В том и беда городского обывателя, старик, что город ежедневно, ежечасно, если не ежеминутно предлагает массу различных мероприятий, призванных удовлетворить потребности всех слоев городского населения — от детей до шамкающей прослойки. Летом я неизменный посетитель всех футбольных матчей моего любимого "Шахтера". Театр Станиславского без меня плачет. Бассейн — для здоровья, прыжки с парашютом — для удовольствия, а там то вечер смеха, то ипподром, то встречи со столичными поэтами. И везде хочется побывать, иначе какой я журналист, если не знаю, чем живет мой город?

— Вот оттого вы, городские, грамотные да начитанные. Город учит вас всему, натаскивает даже без всяких книг. А мне только по газетам да из книжек познавать жизнь приходится, тогда как вы и зрение бережете и о жизни знаете многое. Провинция всегда страдала по части интеллекта. Один такой экземпляр — перед тобой.

Как не велика была наша жажда поболее вкусить столичных благостей да примечательностей, мы с Виктором не пропускали ни единой лекции, дотошно фиксировали все в своих конспектах. Последняя лекция по основам журналистики нашу группу несказанно воодушевила. Староста Василий Семенович Хорев, давний столичный житель, человек военный, а потому строгий и исполнительный, поздравил всех нас с переходом на второй курс. Он сообщил:

— Деканат желает всем вам успешной учебы и одновременно ставит в известность: со второго курса у заочников планируется одна-единственная сессия в сорок дней. Примем это как должное, а жизнь покажет, насколько эффективным окажется это новшество.

Мы с Виктором решили отметить свой первый курс в поезде. Путь предстоял неблизкий, что обязывает, как выразился Виктор, убить время с максимальной пользой и развратом.

В купейном уединении мы чувствовали себя буквально на седьмом небе, когда представилась возможность окончательно расслабиться, сбросить с себя все экзаменационные треволения.

— Про сессию, старик, ни слова, — предупредил Виктор, — она и так в печенках. Давай о женщинах, о будущем...

Когда выпили по первой, я почему-то сказал Виктору:

— Надо быть или неисправимым стойком, или до самозабвения любить журналистику, чтобы за копейки служить ей, как делают это почти все наши сокурсники-журналисты... У меня товарищ есть, газетчик "районки", так у него зарплата — нам с тобой на один присест даже в непрестижном ресторане. А пишет он много. Казалось бы, как потопаешь, так и полопаешь, так нет же: топают он немало, а получает крохи. Такова у журналистов "районки" такса. Наверно, в больших и престижных изданиях сотрудники не влечат существование, а в районах не живут, а отживают.

— Знаю я районную структуру, — сказал Виктор. — Зарплата твоей, слесарской, в подметки не годится.

У Виктора другая структура. Он сотрудник заводской газеты, зарплата по рабочей сетке. Есть премии, тринадцатая, районный коэффициент, выслуга лет и даже комиссионные за вредность по категории сварщика.

— Оттого ты, брат, так соришь денежкой. У меня тоже и выслуга, и коэффициент, но главное — разовый билет, по какому можешь ехать хоть на край света, до любой нашей границы... Вот ты от Углеграда до столицы "пузырей" пять заплатил, обратно — столько же, а я ни копейки.

— Тогда с тебя причитается. Давай схожу в вагон-ресторан за божественной "Плиской": добрый коньячок, у нас в городе за ним, как за грешником, гоняются.

— Наверно, не Ваньки гоняются, а престижные дядьки, интеллигенты вроде тебя?

— Да, наверно, простой работяга не всегда бросится на эти пять звездочек... Короче, старик, прошу мани-мани на бочку!

Оставшись один, я размышлял: Виктор абсолютно свой, рабочей заправки, хотя давно сменил рабочую робу, окунувшись в газетный водоворот. Наверно, журналистика для него, и впрямь, истинная потребность души, дело его жизни, другой профессии для себя он не признает, и ей никогда не изменит. А я-то куда подался, ишак бухарский? Год пролетел, пролетят и оставшиеся, а потом? С дипломом да вновь за секции, карданные головки, промопоры, ресиверы с коллекторами?

— Стоит ли, старик, ради этого шесть лет огород городить? — с какой-то злостью на самого себя спросил я у Виктора, когда он вернулся с вожделенной пятизвездочной.

— Ах, старик, когда стоит, то и стоит, — решительно сказал Виктор, — Кому во вред образование? Времена Алексея Максимовича давно прошли, современному гражданину без подобающей корочки не везде откроют нужную дверь, а повезет — лишь приоткроют.

— Все это, в общем, правильно, только конкретно Морозову куда податься со своим дипломом?

— Не паникуй преждевременно. В ту же "районку" Охотского подашься, сам же говорил: они крайне нуждаются в журналистских кадрах.

— Срываться с места и жену к тому принуждать? Она никуда не поедет.

— До диплома еще целая пятилетка, за это время многое переменяется — мука будет. Поумнеет жена, подрастет сын, а там для начала какую-нибудь "районку" присмотришь.

В четырехместном купе мы с Виктором чувствовали себя, как короли на именинах: две верхние полки отчего-то пустовали, и даже на больших станциях в наш купейный вагон пассажиров не находилось.

— Экономят люди, — резюмировал Виктор. — Зачем им комфорт, когда они по дешевке проедут сотню-другую километров в обычном плацкартном? При зарплате в 72-63 рубля, какие у нас сплошь и рядом, далеко ведь не уедешь. Но это еще терпимые денежки, есть же 56 и даже 47 целковых. А пенсионеры? Моя матушка всю жизнь в колхозе ишачила, все для фронта, для Победы отдавала, кроме трудодней, не знала другого заработка, а нынешняя оценка ее труда — пенсия в 27 "рябчиков", то бишь, целковых. Это же всего каких-то семь "пузырей" "родимой"! Каково?

— Стрелять, по-моему, за это надо.

— Кого стрелять-то, старик?

— Кто у кормила власти. Каким-то черномазым корабли да заводы дарим, а народ лапу сосет...

— На мой взгляд, старик, в нашей стране, стоически и героически строящей коммунизм, люди творческого труда ценятся как на базаре захудалый товар. Как рассказывают бывалые люди, за бугром журналист по-настоящему ценится, перед ним даже шляпу снимают. А наши дипломированные товарищи этого профиля из-за бедности уходят в другие отрасли народного хозяйства. Я лично знаю несколько журналистов с дипломами, пристроившихся кто инженером по технике безопасности, кто автодиспетчером. Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете для — души, может, и хорошо,

только в карман — слезы. О себе же скажу: работой доволен, заработками, жена при деле, сын отца уже на три буквы посылать пытается. Слава Богу, есть чего поставить на стол и в чем выйти на люди.

— Да, старик, у тебя вроде все в ажуре. Мне бы ты чего посоветовал? Может, бросить к такой-то матери жену, детей, "железку", депо, коллектив и начать жизнь в той же газете? В 30 лет начну шарашиться по стране в поисках работы и пристанища. Да кто меня поймет, кто почувствует дипломированному неудачнику?

— Не паникуй преждевременно, старче, до диплома еще не один снег сойдет. А за пять лет наметится какой-то горизонт, нечто светлое и для тебя. Хватит об этом, Вольдемар-джан, давай еще ударим, а то молодость нам простой запишет. В целом же, старина, не слишком расстраивайся, иметь высшее — всегда престижно, а работу жизнь подбрасывает человеку

часто вовсе даже не по диплому.

Давно замечено: в поезде человек легче раскрывается, рассказывает, становится откровеннее. Мы с Виктором под монотонный стук колес обговаривали многие аспекты нашей сегодняшней жизни, ее будущее. У Виктора оно видится в розовом цвете: он живет мечтой попасть в большую газету, ему хочется писать, как Эренбург, Шагинян, Тэсс.

— Не грех бы попробовать в толстые журналы. Чувствую, есть у меня на душе и в сердце что-то такое, что необходимо поведать человечеству, — откровенничал Виктор. — Правильно ты говоришь: боязно оставаться серостью, уподобляться пещерному, мысль должна работать мостоянно — в том ведь ее назначение. А придать ей форму, втиснуть в какие-то рамки — это уже от человека, его индивидуальности, темперамента, жизненного опыта и, конечно, богатства своего серого вещества. Большая печать — мечта, думаю, не только Анкина, но и всякого творческого человека, работающего со словом. А дальше, спрашиваешь? Без хвастовства — хочу родить книжку.

— Вроде "Анны Карениной"?

— "Анна" устарела, пусть ее школьники читают. Нынешние проблемы ни в какое сравнение не идут с проблемами наших предков. Сейчас читаешь и просто диву даешься, сколь мелочны, до абсурдности наивны и до наивности абсурдны по нынешним меркам были заботы тогдашнего человека. Возьми того же Илью Ильича с его неизменным диваном. Какого рожна ему не хватало? Всегда сыт, обут, одет, слуга на все случаи тут как тут. Любит же, скотина, только свой диван прида-

вить минут шестьсот на каждый глаз. Разве он думал, скот, о куске хлеба и как детям на похлебку заработать? А вот поди ж ты, такую образину возвели в герои и целых пятьсот страниц красивейшего тома ему посвятили!

— Это же тип людей, коих таковыми делала беззаботная жизнь, — пробовал возражать я, — Не всегда же Обломов был таким. В молодости он не отличался от сверстников, так же шалил, любил жизнь. Это уже потом лень и диван сделали его живым трупом.

— Но он, паскуда, хоть бы раз подумал о хлебе насущном! А Чичиков, Коробочка, Собакевич, те же Ноздрев с Маниловым — их-то, паразитов, разве интересовал кусок хлеба? Или возьми Анну Каренину, Вронского, Ростовых да Безуховых. Хоть кто-то из них заикнулся о личной пенсии в 27 рублей, на какие надо прожить целый месяц, как моей матушке? А ну попробуй выкроить на хлеб, молоко, картошку с моркошкой, на косточку для борща? А сахарок, кусочек маслица, яичко да рыбка, стопка водки на растирание? Возьмешь ты все это на 27 рубликов пенсии? Они, все эти Обломовы, жировали, паскуды, и не знали, откуда что берется. Казалось бы, живи да радуйся, так они себе проблемы устраивали: то им слишком спится да не любитя, то слишком любитя, аж под паровоз любовь их толкает. Нам бы их проблемы, так мы уж точно жили бы при коммунизме.

— Не преувеличивай, не все же так гладко выглядело и в той эпохе. Возьми то же "Путешествие из Питера"... Нищета, неприглядность, подлинная жизнь тех, кто кормил Обломовых, оставаясь вечно голодными...

— Эх, Шерали-баба, да напиши у нас такое сейчас — век свободы не видать.

— Радищев тоже в свое время загудел, но жив остался.

— У нас не разгонишься, не таких мы кровей сегодня. Начиная с отца народов, мы по-прежнему звереем к правдолюбцам и чистой душой людям...

Ночью мы спали, как убитые, лишь под утро Виктор разбудил меня, спросил, не шалили ли мы, не мешали ли пассажирам, потому как вчерашнее не все помнится. Сходив к проводнику, Виктор вернулся с бутылкой ноль-семь вина — "огнетушителем". С порога успокоил:

— Вели мы себя тише воды, к нам никаких претензий...

Выпили. Закуска, как заметил Виктор, не отвечала требованиям момента, однако ее имелось в избытке, и это не заставляло тратить на ресторанные деликатесы.

— Я, по правде, не алкаш-одиночка, но при малом допинге не раз замечал: светлеет голова и легче пишется, — признался Виктор.

— Не уверен. Для этого дела голова должна быть абсолютно трезвой, а ум — светлым.

— Ерунда. Есенин, наверно, частенько поддатый ходил, а какие шедевры выдавал? Говорят, Мусоргский тоже любил врезать, но какую музыку писал! Сегодня она — классика...

Подъезжая к моей станции, договорились встречаться почаще, в чем-то помогать друг другу: у него больше возможностей по части литературы, у меня — свободного времени. Время есть — больше прочтешь, поделишься с другом прочитанным.

Дома ждало несколько приятных моментов. Первое, о чем жена сообщила без всякой таинственности, касалось ее сестры Надежды. За мою месячную сессию в Орлиную несколько раз по своим журналистским делам наведывался Охотский. Бывал в депо, разговаривал с Леной, через нее же познакомился с Надей. Катулевские в новом товарище их зятя души не чаяли, отмечали в нем необыкновенную интеллигентность, высокую культуру и грамотность. Надежда же своего мнения не высказывала, но, по всему, особого восторга к новоявленному кавалеру не испытывала, вела себя предупредительно и не давала повода говорить о ней предвзято.

Как рассказывала дальше Лена, Геннадий со своей стороны в отношении Нади не позволял ничего лишнего, не приглашал в ночку лунную девчонку юную на вахту под звездным небом у плетня. Надежда, конечно, могла когда-никогда отстоять такие вахты у своего дома, а не на глазах Орлиной, взгляда какой отчего-то боялись не только молодые, но и народ бывалый.

Только от интеллигентного кавалера такого предложения не поступало, он ограничивал свои визиты, к удивлению даже самой Надежды, обычными посиделками за чаем №86, который старым Катулевским был желанным деликатесом.

Предметы для разговора Геннадий находил без затруднений — хоть для Нади с Леной, хоть для всего семейства сразу. Тоня в разговоры старших не встревала, за стол не садилась, уединяясь с книжкой, стараясь оставаться неприметной. Охотский, однако, не позволял скучать и ей — рассказывал различные истории из жизни студенческого братства, не забывая поинтересоваться жизненными интересами Антонины, какой вуз собирается осчастливить. Он советовал ей поступать на заочное отделение, но для этого надо иметь двухгодичный производственный стаж:

—У тебя, друг мой, такового нет, но жизнь есть жизнь, и выписку из несуществующей трудовой я могу организовать, только скажи!

Тоня смущенно благодарила Охотского за готовность помочь ей, но "пока ничего не нужно". Будущий год покажет, как и с чего начинать. Нынешний не удался. Значит, придется менять политехнический на педагогический.

Из рассказа жены я понял, что Охотский в доме Катулевских стал своим человеком. Меня это радовало, однако и беспокоило. Кто знает, какие "хвосты" тянутся с мест, где он жил, служил, учился? Об этом я поговорил с Леной: мол, нелишне предупредить Надю об осторожности, но больше пусть лучше слушается своего сердца.

—Так оно ведь молодое, неопытное, — в запальчивости сказал я, сравнивая поступок Лены, ринувшейся без разбора в объятия ОХРовца Морозова, о ком она только и знала, что баянист, любит дружбу, хорошую компанию, не скандалист, не драчун, не бабник и не отъявленный повеса.

—Надя только с виду тихоня, но жизнь она знает, в людях разбирается, так что Охотскому непросто сбить ее с панталыку, — успокоила меня жена.

—Слабый пол, он и есть слабый — он многому верит, не пытается анализировать обстоятельства и распознать, где правда, а где ложь, ибо это работа сердца. А оно полно любви, надежд, привязанности, познания, сомнений, ничто другое его просто не интересует.

—я понимаю твою боязнь, Морозов, и по-хорошему приветствую. Конечно, нашу дивчину надо как-то поберечь. Пусть немножко повзрослеет, поварится в работе, в коллективе, столкнется со всяким народом, тогда, может, придет к ней какая-то мудрость, рассудочность, ну желательно бы и хитрость... Взять меня. Разве я имела соображения насчет обмана или измены? Закадрил меня Морозов сходу, о последствиях я не думала. Он сказал: "Пойдем замуж", я и пошла. Так ты ведь честный, простой, работага, не умеешь хитрить и лицемерить, открытый, неизбалованный. В тебе много чистой энергетики, от нее мне тепло, светло, по-человечески счастливо. За это я и люблю тебя, Морозов, надеясь, что это взаимно. Хочу, чтобы у Нади тоже появился свой Морозов, или Федор, или Алеко, или даже непутевый Пашка, во многом непонятный, но открытый и честный.

—Правильно понимаешь ситуацию. Появится у нее воздыхатель, только хочется, чтобы он был нашим, работагой. Все эти журналисты, финансисты, артисты да партийные работники — не нашего поля яго-

да. Рабочий человек проще. Пусть любит он побуяннить, выпить, где-то даже руки распустить, но в нем нет этого уничижительного в отношениях к жене-подруге, простой работнице без всяких университетов. Люди же, подобные Охотскому, добры, щедры, может, честны и открытвенны, но в них, по моему противному мнению, наверняка таится скрытый синдром какого-то своего превосходства. Дальнейшая жизнь усугубляет этот синдром, и семейный союз в итоге распадается с дежурной мотивацией — не сошлись характерами. Права мудрость: руби дерево по себе!

—Ты прав, Морозов. Геннадий, пусть ему во всем сопутствует удача, все же птица не нашего полета. Пусть приезжает, любезничает, кокетничает, но не более. С сестренкой в этом плане я разговор сама составлю, думаю, она поймет и в чем-то поостережется. Но она ведь может и послать меня куда подальше.

—Давай я постараюсь путем дипломатии и различных жизненных примеров убедить Охотского на простую дружбу с Надюхой, без надежды первые годы на большее. Скажу, она собирается поступать, пока молода, жизнь ведь только начинается, а без образования в наше время и каши не сварить. Замужество мешает учебе и даже может испортить жизнь. Идет?

—С ним разбирайся сам, а с сестрой я — по-родственному. Родителей вмешивать не станем: они от него без ума, могут нас не понять.

На том и порешили. Я, по правде, особого беспокойства за флирт Охотского не испытывал. Они всегда на виду, а это уже плюс, да и Геннадий, судя по всему, не из донжуанов. К тому же, его отношение к семейству Катулевских самое доброе, открытое, что уже повышает его шансы на будущее с нашей Надеждой Ильиничной.

А флирт... Грешным делом на сессии сам рвал глаза, выискивая разные прелести да сравнивая. Анкин просто сбивал меня с толку, профессионально поучал: "Если ты не изменишь жене, она тебе непременно изменит — это же закон природы, не может в жизни все идти мирно да гладко, скучно это, старик, однообразно. Когда прожитый день похож на предыдущий, у человека возникает инерция жизни; в итоге он становится малоинтересным, ко многому равнодушным, не умеет видеть красивое, что ведет к бесславному концу — деградации личности".

Позволить себе развратного разгула я не мог: "Может, подальше, к зрелым годам, моча стукнет в голову, а сейчас, Виктор, извини. Изменить жене — это же преступление".

В последнее время Охотский задавал мне тематику, советуя писать о "железке" в таком-то и таком-то ракурсе. Деканат не иначе знакомится с газетными публикациями своих заочников, по праву выделит мое усердие, даже талант, и это поможет в процессе сессии, а то и на самой дипломной защите.

Писать по просьбе, да еще с рекомендациями мне нравилось, давало какую-то душевную энергию. Просьбы-задания Охотского я даже выполнял, за что Геннадий искренне благодарил. В одном из писем Геннадий сообщал, что готовит солидную "Литературную страницу" полностью из подборки моих стихов. Вообще, писал Геннадий, мои материалы идут без проблем, но редакцию интересуют и критические материалы: читатели упрекают газету в беззубости, материалы, наработанные мною по его просьбе, актуальны и злободневны, но все в них гладко, никаких жалоб со стороны рабочих, руководители хозяйств — чуть ли не боги.

Я крепко озадачил себя поисками этих самых критических материалов. Видел их вокруг немало, но внутренний голос подсказывал: мелочно сие, не имеет общественной значимости. Ведь критика, как постоянно учит партия, делается не ради критики, а ради исправления ошибок, слабых сторон, каких-то упущений. В этом ведь сила печати, она видит наши ошибки и недостатки, помогая их вовремя устранять. А это благотворно сказывается на всем многообразии нашей жизни.

Как-то позвонил Геннадий в отдел кадров, пригласил меня к телефону. Интересовался материалами критического плана. Я откровенно отвечал: "Промарх, упущений, откровенных безобразий в Орлиной и на линии пруд пруди, но они не столь масштабны и легко исправимы, все дело лишь за организацией, за желанием местных властей. А власти как раз не торопятся, смотрят на все безобразия сквозь пальцы, в них какая-то инерция, даже равнодушие. Как все это подать — не представляю, ведь в эпицентре, куда ни коснись, всесильное, маленькое, примитивное, но начальство. Замахнуться на стрелочника? Так от них, стрелочников, мало что зависит".

Охотский, однако, убедительно просил сделать материал в общем плане с указанием энциклопедических фамилий и должностей; своего имени под материалом можно не указывать, редакция предусмотрит это сама. Я обещал подумать, памятуя: о стрелочниках проще писать, да в чем-то и безопаснее.

Геннадий передал поклоны моей семье, заодно сестрам моей жены и их старикам. Сообщил, что командировки на ближайшее время в Орлиную не предвидятся: идет уборочная кампания, потому работы

непочатый край. Хотя земля — не его стихия, писать о ней надо, о ее людях, кто с нею свыкся, сросся, положил на ее алтарь свою жизнь. Заканчивая разговор, Геннадий прокричал в трубку: "При встрече детально все обговорим, а пока настраивайся на любое критическое в своих статьях, я жду!"

Различных безобразий, как не раз отмечало на узловых планерках отделенческое начальство, на узле хватало. Это всякие необоснованные прогулы, брак и, что вовсе недопустимо на железнодорожном транспорте, пьянство на работе. Некоторые локомотивщики идут в поездку с хорошим перегаром, но только бдительные и добросовестные медсестры со своими хитроумными приборами отстраняют их от поездов, чем героически предотвращают потенциальные аварии в пути следования.

Пример неблаговидного поведения на почве "родимой" показывали не только простые смертные, обычные работяги. Ну, коль командир позволяет себе прийти на работу "заквашенным", то и подчиненный не упустит возможность повторить его "подвиг", что нередко и происходит...

В общем, я сел за статью. Однако дело не шло, а скоро меня вообще потянуло на басню про Сердобольного Льва, который любил свою львиною любовью свой тихий лес и весь лесной народ: "Он знал давно, что ловкий мастер Волк, забравшись с прочими зверями в буреломы, сосет частенько с ними крепкий сок и тайно от Волчицы в дальний лог заглядывает к Лисоньке в хоромы. Знал также Лев повадки Глухарей — они и впрямь к его приказам глухи, и что ремонтник Муравей частенько в дни рабочие "под мухой". Знал царь зверей замашки Воробья, раздатчика в лесной инструменталке: летает плут в соседние края от Воробьихи к чернокрылой Галке..."

И так далее, и тому подобное. А заканчивалась басня словами: "А надо бы запомнить, между прочим, Льву и сделать на носу своем зарубку, что Лев он только по обличью своему, а сердце у него, как у Голубки. Еще припомнить надо бы Крылова: его герои продолжают жить. Не все еще там вес имеет слово, где надо власть употребить".

В тот же день первую в своей жизни басню я с радостью отправил в "Степной маяк" Охотскому. Через пару дней Геннадий позвонил в кадры, поздравлял, благодарил, восхищался. Басня — так неожиданно, притом на современную болезненную обыденность, какая давно тревожит не только рядового обывателя, но и высокие власти. "Она будто списана с натуры, кое-кого заставит призадуматься".

Глава 20

Любовь — не картошка

По ОХРе прошел слух: Григорий Иванович Дайнеко вернулся из отпуска с красавицей-женой. Пока им дали в общежитии отдельную комнату - большую, теплую. Конечно, молодоженам полагалась какая-то крыша, но руководство депо было поставлено перед фактом.

На работе новость о женитьбе Григория Ивановича мы восприняли как должное. Ничего удивительного: мужик в 32 года решил остепениться, перейти на собственные харчи да покончить с окаанной стиркой, сушкой, глажением. К тому же, его возраст по-своему взывал: как бы не поздно стало вам деток заводить, любезные! Хотя любви все возрасты покорны, все же она крепка, и здоровы дети, пока влюбленные молоды. Это в книгах про балзакковский возраст толкуют, а жизнь показывает: любить - так со школьной парты, жениться - со студенческих лет.

Так рассуждал Павло, и мы с ним соглашались. Конечно, в тридцать хомут надеть не зазорно, но ведь он, Дайнеко, по упрекам Павла, не очастливил ни одну орлинку. Они за ним так увивались, какие глазки строили, а Гриша, как монах: на работу да в общежитие, с общаги да на работу.

Алеко, вытирая ветошью руки, сказал:

- Правильно поступил Григорий Иванович - на родине присмотрел себе судьбу. Все-таки своя, вместе росли, вместе в школу ходили. Лет прошло немало, но они остались верны друг другу. Оттого он и не женился так долго, что она минимум какой-то защищала, теперь вот кандидат наук, а может, доцент — словом, какая-то ученая. Главное она осталась верной ему, что женщине совсем непросто!

— Да в Орлиной он также мог девчонку найти по вкусу и по характеру, а не байбаковать столько лет, — высказал свое мнение и я.

— Ах, чего там говорить! — вспыхнул Пашка. — Видели мы его белоруску: женщина как женщина, тот же навоз, только издалека привез. Такого товара и здесь бери - не хочу.

— Оно, может, и так, но до тридцати лет парубковать тоже надо иметь мужество, — защищал Алеко своего земляка. - По-хорошему, у них дети должны уже в школу бегать, а они только примеряются к семейной жизни.

— Притрусся, ничего с ними не станет, — заключил Пашка. — Немного в общежитии помыкаются, а там чего-нибудь нарисует. Дайнеко человек заслуженный, у начальства в чести, долго мыкаться с молодой женой не придется.

При Коляде вопрос крыши для молодоженов более-менее решался, при новом же особом прогрессе было не видно. Василий Семенович Коляда в молодые годы воевал, затем скитался по свету, студентом был, оттого хорошо знал житуху молодых. Квартирный вопрос молодоженов решался им всегда первоочередно.

Какие меры примет в этом плане новый начальник в отношении Дайнеко, мы не знали, но сошлись в одном: Григорий Иванович долго мыкаться в ОХРовском вертепе не станет. Если только молодая жена не сделает ему харакири и не увезет на исконную родину, в свой Кобрин, то жить им да поживать в Орлиной до китайской пасхи. Здесь легче житуха: зарплата чуть ли не вдвое выше белорусской, а за безводье-безлесье выплачивается в регионе районный коэффициент. Поживут какое-то время, поднакопят денежек, а там их только и видели.

Словом, как пойдут дела, покажет время, а пока ждем выхода на работу Григория Ивановича — по старой дружбе он наверняка выдаст тайну своих планов на будущее. Алеко в один из перекуров как-то заметил:

— Да, холостяков в ОХРе становится все меньше, и, наверно, наступит момент, когда наша общага просто осиротеет. На очереди вот запой у Павла: Валя Трофимова, бедняга, наконец-то дождется своего непутевого, когда он поведет ее под венец.

— Трофимова все испытания выдержала, за что, наверно, будет вознаграждена, — с какой-то неуверенностью сказал Пашка. — Женщину надо долго и терпеливо испытывать на прочность. Сколько я с Трофимовой? Целых четыре года! Как советует медицина, надо знать, совместимая ли мы пара и нет ли у нас с нею какого-либо внутреннего отторжения. Четыре года, черт возьми, как четыре века протянулись, а Трофимова все никак не может "арбуз" проглотить. Теперь вот говорит, слава Богу, захватила, якобы проверялась в больнице из-за задержки. Как дальше? Наверно, тихий запой, венец, все должно оставаться скромным — харакири Федора с Лизаветой я не приемлю. Если как у

Мороза, то терпимо, на большой же шум-гам не рассчитываю, да и Трофимова тоже. Последующие детали уточним. Сейчас она в Приесильске, дома, делится радостью с родителями да присматривает, кого бы пригласить на свое венчание.

—Срок свой она давно отработала, потому может начхать на Орлиную, — сказал Алеко. — Чего ей терять?

—Ну ты даешь, Шурик! Я-то для нее совсем пустое место, что ли? Стал для нее мужем, правда, без портфеля, как говорят политики, но все равно, она обязана уважать свою собственную попихаловку.

—Вот именно, — подхватил Алеко. — На болынее, без обиды, ты уже не способен, поскольку меняешь их, как перчатки. Душа очерствела, забыла про настоящую любовь, душевность, уважение.

—Так и нужны женщине эти слащавости! — загорячился Павло. — Это в романах там разные душевные завихрения, а в жизни все иначе!

—Но у вас с Трофимовой любовь или сучья свадьба? — наступал Алеко.

—До любви, старики, у нас солидная дистанция, но раз она захватила, придется смириться — люблю я детей. Во время войны своими глазами видел, хотя и сам был ребенком, сколько их, бедолаг, погребло в моем селе. С тех пор к детям у меня отношение богоподобное.

—А как Трофимова реагирует на твою вечную холодность и стреляющие по сторонам глаза? — не унимался Шурик. — Разве она не видит, что бугай ты здоровый да мужик непутевый, равнодушный к ней и холодный, как айсберг?

—Трунда, мы с нею не Ромео с Джульеттой. Прихожу, осчастливливаю, и пусть на том успокаивается. А о высоких материях, любви да ласке, пусть прочтет в хорошей сказке.

—Непутевый ты все-таки мужик, Павло, — мирно подытожил Алеко. — Сам говорил — девчонка была. Влюбилась, привыкла к тебе, отработка ее кончилась, а она не уезжает в родные края только из-за тебя, все надеется, что поженитесь, по-хорошему начнете настоящую семейную жизнь.

—Не жалею ты ее, Алеко! Не такая уж она забитая да несчастная, как ты думаешь. Цену себе Трофимова знает и показать коготки, как тигрица, умеет тоже. И гордости у нее хватает, рассудительности, умелости и той же женской хитрости. Не думайте, что иду к ней, как на праздник... Да, она красива, нежна, женственна, меня к ней просто тянет, но связывать свою судьбу с нею, если честно, боюсь: к старости она станет сущей мегерой и при случае меня просто зарежет сонным.

Мы с Алеко от души посмеялись над столь бесславным и печальным концом бесшабашной Пашкиной жизни.

—А в целом, друзья, о моей крале, да и вообще о женитьбе я бы сказал словами античного Софокла, если не перепутал: "Когда к тирану в дом войдет свободный муж, он в тот же миг становится рабом", — не разделил нашего смеха Пашка.

—А я, Павло, — сказал Алеко, — словами Александра Македонского упрекнул бы тебя: "Противен мне мудрец, что для себя не мудр". Предвзятые твои взгляды на Валентину, старик! Она чиста душой. Это в тебе, не иначе, ревность заговорила: Валя в отпуске, ты вот и бесишься и наговариваешь на нее всякие небылицы да подозрения. В тебе проснулся Отелло.

—Да испокон женщина подчинялась мужику, разве кроме какого-то мифического матриархата. Не хватало еще, чтобы мужик перед бабой на цирлах ходил!

—Зачем же на цирлах? На равных.

—Даешь ты, Алеко! Равенство только в математике бывает, а между мужчиной и женщиной в реальной жизни оно болыне относительное...

На том спор моих друзей закончился. Я не вмешивался в разговор, по в душе поддерживал сторону Алеко. Валя заслуживала лучшего к себе отношения, а Пашкино свирепствование против нее исходило точно из отелловского синдрома. Ревнует — значит, любит.

К Вале Трофимовой мы относились с особой симпатией. Валя это знала и платила нам адекватной взаимностью. В Пашку, по нашим прикидкам, она была влюблена до беспамятства. Чем не устраивала его Валя, мы терялись в догадках. Трофимова была не единственным его увлечением, но все же он отдавал предпочтение ей более других.

Приесильский период Пашки проходил на наших глазах, мы знали в лицо все жертвы его разгульной жизни. Потом его узнала и моя кровная Белозерка, где Пашка в наши с ним наезды не упускал случая поволочиться за подругами моей сестры. Одна из них, Валя Сусличенко, крепко клонула на Пашкину удочку, отцеплять какую наш друг то ли сам не мог из-за рыбки, оказавшейся красивой, то ли рыбке самой нравилось сидеть на крючке с заманчивой и, наверно, вкусной наживкой.

Алеко тогда сказал: "Еще неизвестно, кто на чью удочку попался". По его мнению, не Валя, а Пашка втюрился в нее, как мальчишка, по-тому как девушка красотой своей затмевала прежних его половинок.

Валя, семнадцатилетняя пробоотборщица лаборатории белозерско-

го "Заготзерно", не стелилась перед ним по примеру его городских куртизанок. Мы с Алеко отдавали должное Валиной строгости, однако понимали, что в конце концов лед будет растоплен, и Валя попросту пополнил копилку покоренных сердец.

Кончилась эта любовная эпопея рождением мальчика, которого Валя назвала Павлом. От нашего непутевого гулены она ничего не требовала, а Белозерка лишь мучилась в догадках: кто отец ребенка Сусличихи?

Вскорости в училище подоспели выпускные экзамены, распределение, не давшие Пашке повидать, по его словам, первенца. После того минула уже целая пятилетка. Валя Сусличиха, по доходившим до нас сведениям, удачно вышла замуж за хорошего человека, шофера из отдаленного целинного совхоза, по-прежнему жила в Белозерке и вроде вторично готовилась стать матерью.

Эту темную страницу Пашиной биографии знали только мы с Алеко; группа же вся ни о чем не догадывалась и не имела представления о детях на стороне, брошенных на произвол судьбы. Мы же с Алеко поклялись хранить эту тайну вечно, предоставив самому Павлу право судить себя или миловать за белозерский "подарочек".

В Орлиной эту тему мы с Алеко никогда не затрагивали даже под хорошим "керосином": у нас хватало такта молчать, а у Павла — совести не вспоминать. Новая Пашкина Валя вызывала у нас с Алеко меньше тревоги за ее судьбу. Орлинская Валя была старше Вали белозерской, опытнее ее и, наверно, не имела провинциальной дремучести, содействовавшей Пашкиной победе над Сусличихой. Трофимова, как мы понимали, постоять за себя может, и коль появится дитя, а Пашка уйдет в кусты, она сможет найти каналы, обязующие Павла платить алименты. Но мы всегда принимали близко к сердцу слабость женской Души, ее незащищенность перед всяческими испытаниями, невзгодами да потрясениями, какие нередко ставит перед женщиной жизнь.

— На маршрутном листе с нею распишемся, — грубо пошутил Павло. Там граф да штампов много, моя суженая все равно ничего не поймет!

Шутка Павла нас покорила, но мы с Алеко все же серьезно отнеслись к сообщению о предстоящем запое, какой положит конец кобелиной Пашкиной жизни. Как все это должно происходить у них, мы с Алеко не представляли. Новостью о женитьбе Павел поделился только с нами: ни Федор, ни Дайнеко, вообще никто из приесильской команды пока о Пашкином решении не знал, а Павло, скорее всего, созна-

тельно не спешил оповестить о событии всех своих ОХРОВских друзей.

Алеко как-то поделился со мною подозрениями насчет горячей Валиной любви к нашему сердцееду, особенно в последнее время. По его мнению, между ними пробежал черный котятра, а версия на счет проглоченного "арбуза" больше похожа на святую ложь, дабы усыпить Пашкину бдительность и сбежать от него в другую даль.

В одну из смен на перекуре Пашка пообещал сообщить нам с Алеко нечто важное. Мы насторожились: не весть ли о его бегстве из Орлиной? Поговаривал он о том не раз, завидуя тем, кто менял ее на новые земли в нашей необъятной стране. Не испытывая наше терпение, Павло показал нам довольно потертое письмо.

— Вот, Алеко, — с какой-то злостью сказал Павло, — я тебя не зря раньше предупреждал — не страдай ты так за Трофимову, не считай ее сиротой казанской! Почитайте вот опус этой самки...

Алеко спокойно взял письмо, и мы углубились в душевную Валину боль. Первое, о чем Валентина сообщала с радостью: она абсолютно чиста, а "арбуз" Орлиной поликлинике явно померещился — специалисты там, не иначе, как по названию, на деле им больше с кроликами надо иметь дело, а не с людьми. А во-вторых, утверждала девушка, они действительно несовместимая пара, между ними и впрямь какой-то эффект отторжения. Приесильские врачи, однако, советуют не делать из этого трагедии, вселив надежду на ее материнство в будущем.

"А в-третьих, — писала Валя, — Веселовский, ты меня никогда не любил, и я не уверена, способен ли ты это делать, ибо чувства твои распылены и отрепетированы, и кроме скотской похоти, другое тебя вряд ли интересует. У тебя, Веселовский, истинно такая была ко мне любовь. А я, дура, по молодости думала, как чеховская героиня: "Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее". Я готова была на все, жертвовала многим, но любви не получала. У тебя вокруг Золушки да Василисы Прекрасные, а я была всегда рядом, но мне внимания не уделялось. Удержать тебя я не умела — неопытная, молодая и закоренелая провинциалка. Лизавета с Олей умели, Морозова тоже могла коготки показать, а я видела в тебе владыку, лишь подчинялась тебе, услаждала. Но ты оказывался неисправимым. В тебе ничего не зацепилось, потому как ты оказался демоном равнодушия. Ты истинный кентавр с повадками больше жеребца, чем человека.

Не пиши и не ищи, я для тебя умерла, как и ты для меня. Если бы ребенок и зацепился каким-то образом, финал был бы неизбежным. Умение любить присуще только людям сильным, потому что любовь

для них — счастье. Влюбленные красивы душой, они щедры и готовы отдать тем, кого любят, жар своего сердца, даже жизнь. Тебе до таких, как Лена и Мороз, как Лизавета с Федором и Шап с Олей — как свинье до неба. Да, я искала и думала, что нашла человека стойкого, твердого, которого можно уважать. Я давно ищу человека, чтобы поклоняться ему, чтобы пойти рядом с ним. Пусть это мечта, но я буду искать такого человека. Ты, Веселовский, оказался совсем-совсем не таким... Привет всем нашим".

Закончив чтение, мы с Алеко переглянулись, молча вернули письмо.

— Ну, как делишки насчет задвижки? — бойко спросил Павел, пряча письмо в карман.

— Но она ведь во многом права, — серьезно заметил Алеко.

— Даешь ты, Шурик! Я ведь не прятался от нее, на люди с нею выходил.

— Она ведь тебя не в этом обвиняет. Ты ее просто не любил.

— Но ведь осчастливливал я ее временами!

— Других ты тоже осчастливливал, Валя знала это, да ты и не скрывал.

— Правильно, я честный. Покуролесил с другой, а к ней все равно возвращаюсь.

— Чего же ты тогда возникаешь? Посеял зло, так пожинай...

— Но ведь я обещал на ней жениться, коль она "арбуз" проглотила! Все эти сторонние связи — простое развлечение, не более, да и дань нашей нынешней акселерации. Спешите жить, старики! А насчет женитьбы я бы, ей-богу, припомнил знаменитого Заратустру у Фридриха Ницше,

который как-то сказал: "Вы заключаете брак, смотрите же, чтобы не стал

он для вас заключением". Заключение — это о тюрьме речь, старики. Не знаю, долго бы

мы протянули вместе... Только я начал привыкать к ней, что в итоге и могло перерасти в ту самую любовь, о чем она так сожалеет, и на тебе!

— Брось, Павло, трынду в лапти одевать. Сам говоришь — почти пятилетку вы шлюндрали, а тебе, бедолаге, не хватило времени познать человека и полюбить? Не смеши, пожалуйста!

— Даешь ты, Шурик! Любить — это чувство души, а она у меня широкая да открытая для всех, оттого каждая женщина может найти в

ней свой маленький уголок. Людей-однолюбов, как Федор с Морозом, в жизни немного, оттого они заметны, даже ценны... Да, прохиндей я по женской линии в общем порядочный и подлец из подлецов с прекрасным полом, но у меня нет на него зла и какого-то там антагонизма. Я просто люблю всех женщин, кокетничаю, а отчего они сами стелются, не знаю. Подножку я им ведь не ставлю, не валю силой, а почему они обнимают да тащат на себя — черт его знает!

— С Сусличихой тоже?

— Ну, с нею было немало дипломатии...

— Так она же поверила всем твоим обещаниям, — высказал и я свое мнение. — Ей тогда и восемнадцати еще не исполнилось, а ты, прожженный, бывалый, двадцатидвухлетний, воспользовался ее наивностью.

— Ну, то все давно уже былью поросло...

— Сердце, старик, от такой жизни черствеет, а жизнь теряет свои ценности. Наверное, это самое страшное.

— Да на этой стезе у меня уж точно горы недостатков, от каких, наверно, пора избавляться, уметь да исправляться, думать о будущем. Я точно вижу — вы перестаете меня уважать. Не

скрою, я завидую Федору, Морозу, даже Шапу: у них всегда какой-то просветленный вид, то ли от счастья они светятся, то ли от какой-то своей любви, но они всегда полны жизни. В немалом, думаю, женитьба делает их такими возвышенными да одухотворенными: их всегда ждут дома, им есть с кем поделиться новостями, обсудить какие-то семейные дела, наконец, отдать друг другу тепло своей души. Наверно, нет ничего на свете священнее этого.

Такого неожиданного откровения от орлинского сердцеда мы с Алеко не ожидали. Настороженно переглянулись: какая телега могла наехать на нашего друга? Мысленно прокрутив в уме Валино письмо, решили — оно, пожалуй, и явилось последней каплей. После затянувшейся паузы Алеко сказал покаянному сердцееду:

— Как друзья, старик, мы с Морозом приветствуем в тебе твоё воскресение, и коль оно искренне, это делает тебе честь. Любвеобилие да ловеласничество — это твоё личное дело, но человечность все же когда-то должна и в тебе проснуться. От твоих любовных утех наша дружба, в общем, не страдает, но она вроде теряет свою первозданную ценность.

— Спасибо, друзья, но как мне далыпе быть с Трофимовой? Ей-богу, она точно под дых саданула!

—А ничего делать не надо, — сказал я. — Она ведь без "арбуза", свободна, значит, тебе ничем не обязана, как и ты ей. К тому же, вы и впрямь несовместимая пара, раз почти за пятилетку вашего кувыркания она так и не забеременела. Сам же говорил — девушка она честная, не подзаборная, все на месте, а вот поймать от тебя не могла. Значит, так судьбе угодно — не идти вам вместе по жизни. Ты детей любишь, а у вас же их могло не быть, это не меньшая трагедия, чем просто нелюбовь.

— Пожалуй, ты прав, — смиренно согласился Павло. — Однако я слышал, что несовместимость дурацкая легко лечится, и, как показывает практика, дети появляются без проблем. Такие случаи и в моей Крашановке встречались: молодая также по три-пять лет не ловила, но мужу хватало терпения ждать, и медицина делала свое доброе дело. Первый пробил, а там пошло-поехало, как в песне — каждый год по ребенку. Может, и нам следовало бы попытаться к хорошим врачам? Да теперь после драки хоть замахайся... А в целом, старики, наверно, мне самому надо меняться. Не знаю, как все это должно у меня получиться, только в одночасье, думаю, измениться нельзя.

— Да разве можно скоропалительно вытравить заложенное в генах или приобретенное тобою в нашем уродливом житии, в книгах, фильмах? — высказал свое мнение Алеко. — Единственное лекарство в твоём положении — время, плюс, конечно, мобилизация твоих сил, ума, твоего темперамента, анализа сделанного тобою прежде и теперь. Словом, друзья, на этом поставим точку. Если воскресение твое, Павло, не игра, то отнесемся ко всему со всей серьезностью. Давайте, друзья, выходить из детства, хотя в Павликовом случае с женскими историями, наверно, вовсе пахнет не детством!

Оставшись наедине, мы с Алеко комментировали Пашкино раскаяние, а заодно терялись в догадках: хватит ли у него духу переделать себя? Серьезность разговора, начатого им же, по нашему мнению, не могла прийти в его голову сиюминутно. По нашей прикидке, письмо Трофимовой, не иначе, сделало свое доброе дело, Павлу же оставалось только извлекать уроки.

Анализируя случившееся, решили мы с Алеко до поры, до времени не будоражить самолюбие нашего товарища, а просто наблюдать его жизнь в новых условиях. Как Павло впишется в их рамки, как распорядится своей жизнью в дальнейшем? Решится ли наш оскорбленный ревнивец на встречу с Трофимовой во время предстоящей сессии или просто спустит на тормозах их четырехлетний роман, доверив суд над

ним времени и судьбе? Если в нашем друге возгорится запоздалая любовь к Трофимовой, поймет ли она ее?.. Словом, впереди много неясного. Конечно, нам хотелось, чтобы Павло жил умом, рассудком, не полагаясь на свои любвеобильные чувства и эмоции. Мы верили в чистоту помыслов нашего друга, но в торжество его рассудка — увы. В конце концов, сказали мы себе, время покажет, куда идет наш друг.

Глава 21

Вирши мои, вирши...

За тихой и умеренной повседневностью я абсолютно забыл об обещании Охотского выпустить "Литературную страницу" целиком из подборки моих стихов. Такие страницы выходили и прежде, без слесаря локомотивного депо Морозова, и в них я часто находил хорошую, ладную поэтику школьников, механизаторов, доярок. Понимал — люди эти без всякого высшего, а то и среднего, но стихи их по-настоящему талантливые: надо обладать истинным поэтическим даром, чтобы рожать подобные всплески души для всеобщего обозрения.

И надо же такому случиться: друзья прямо на тепловоз принесли нашу "районку" с этой самой подборкой, потребовав у меня магарыч. Магарыч за доброе дело — традиция давняя и неизменная, потому мне ничего не оставалось, как бросить на общак несколько "пузырьковых" рубликов. Друзья, поблагодарив меня, удалились, я же углубился в чтение.

Геннадия все-таки удалось выбить для моих "всплесков" солидную газетную площадь. Читая подборку, я поймал себя на мысли: "Стихи мои — не балласт, зерно в них есть. Дать бы им прорасти где-то повыше!"

Друзьям моим стихи понравились — для них я стал орлинским Пушкиным. Я благодарил всех, пообещав хороший выпивон в ОРСовской столовой. Кто-то высказал мнение, что я действительно могу позволить заливной харакири, потому ка за такое творчество мне отвалят денег вагон и маленькую тележку. Я же, по правде, никогда не придавал гонорарам значения, фамилия под стихами — вот это дело! Тебя в поселке узнают, о тебе говорят, кто-то и глазки строит. Как бы ни было, а все равно приятно — такова, наверно, человеческая натура.

В общем, моя стихотворная подборка навела в Орлиной чувствительный шорох. В депо же я особого ажиотажа не заметил, кроме восторженных откликов моих друзей да особо теплого слова Шкребы. Да еще одна из женщин из группы учета во всеуслышание заявила Морозовой, что по-хорошему завидует Лене, отхватившей такого талантливого мужика, который и слесарь передовой, и баянист, и поэт.

Александр Иванович при встрече сказал: "Появится "окно" — зайди, есть о чем потолковать". Я пообещал, прикидывая тему разговора. Не думаю, что стихотворные опусы могли вызвать его интерес. Шкреба любил журналистику, благоволил ей, но вирши мои вряд ли могли его очаровать: подобные им "районка" тискала почти в каждом субботнем выпуске, чему я постоянно удивлялся — сколь богат пиитическими талантами наш район!

— Ну-ну, поздравляю, Афанасьич! — пожимая руку, встретил меня Шкреба, когда я вошел в его кабинет. — Не знал о таком объеме твоих стихов! Это, наверно, только часть написанного тобой?

— Разумеется. У Охотского на ревизии целая амбарная книга.

— Может, о сборнике надо подумать? Чем черт не шутит!

— Ну, черт, может, чего и сможет, только я, Александр Иванович, не дорос еще до сборника. Да и невелика сия победа. Тут заслуга больше Охотского, заметившего какие-то блески — сам я к ним в целом равнодушен. "Степной маяк", сами знаете, тиснет всякое, лишь бы там против партии да советской власти ничего не мелькало, ну и против сильных мира сего в нашем районе.

— Однако, Афанасьич, не мешало бы все наработанное тобою в пиитическом плане показать творческим профессионалам, дабы узнать их мнение, учесть их советы и рекомендации.

— Зачем, Александр Иванович? До Рождественского мне, как до Марса, по поводу чего абсолютно правильно даже Николай Алексеевич в свое время сказал: "Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано".

— Ты не Рождественский, да и не надо им быть. Ты — Морозов, у тебя свой талант, своя индивидуальность. Не буду комментировать все стихи, но вот хорошее лирическое стихотворение "Грустинка". Честное слово, будь я композитором, непременно нашел бы для нее соответствующие ноты! Да, без преувеличения, это песня: "Соловей-кудесник, ты любви ровесник, то грустишь со мною, то поешь, поешь. Что же, друг кудрявый, к своей милой Клаве, нынче к своей Клаве, как прежде, не идешь? Иль забыл тропинку к иве-сиротинке, где свиданья на-

ши были горячи? Где же ты, кудрявый, джентльмен мой бравый? И гаснут золотые звездочки в ночи..."

— Ничего сверхъестественного. Деревенская идиллия, и только, лирическая картинка, чего в нашей периодике — читать не перечитать. Думал, Охотский забракует, а он тиснул...

— И правильно сделал, я тоже в восторге от "Грустинки". А твое "Почему"? Восемь строк, а какая тонкая лирика! "Почему люблю я капель золотую, серебристый зайчик в лужицах воды? Почему весною жду я дорогую, почему люблю я первые цветы? Почему весною сердце молодеет, почему весною вся душа поет, и улыбка милой, точно пламень, греет, нежным взглядом манит и с собой зовет?" Столько вопросов, а ответ один — пробуждение!

— Обычное душевное песнопение. Думаю, не одному мне по весне любитися да поется.

— Правильно, коль душа поет — дай песне дорогу. Я к тому, Афанасьич, что такая солидная подборка просто возвышает тебя, во-первых. А во-вторых, надо подумать о более солидном поле, чем наша "районка". Я все-таки не новичок в литературном процессе страны, чувствую, какие темы больше востребованы и волнуют читателя. Думаю, у нас будет еще время вернуться к твоей поэтике — хотелось бы показать ее компетентным товарищам...

Выходил я от Шкребы с непонятной легкостью. Его заботы о моих виршах, их дальнейшей судьбе по-настоящему радовали меня. Но забота Александра Ивановича ставила и в неловкость: он подарил чудокубрик, а теперь еще взваливал на себя мою виршевую ношу.

Три года эксплуатируем мы с женой шкребовский угол, радуясь тому, что дети Шкребы разбежались по свету и вроде неплохо устроились вдали от родительского крова. Но ведь жизнь на то и жизнь, что в ней всякое может случиться: семейные пары распадаются, дочери возвращаются к маме с папой... В Орлиной такое кино бывало уже не раз, так что нам с Морозовой ожидать надо всякого. Вот вернется дочь Шкребы, и куда нам с нашим скарбом? Конечно, не хотелось бы нам с Леной нарушать установившийся ритм нашей жизни: кубрик с домной — не роскошь, но все же это не барак, не квартирантская житуха.

Шкреба словно услышал мои переживания. Однажды поделился вестями из Омска, откуда дочь посылала приветы. У нее с мужем отличная квартира с водой, центральным отоплением и ее вечной мечтой — канализацией. Отказаться от такого счастья? Никогда! Молодая женщина переживает, что ее отец, такой грамотный, бывалый человек,

имеющий немало профессий, по-прежнему заживо хоронит себя в Орлиной, у которой неизвестно вырастут ли когда-нибудь крылья. А птица без полета уподобляется уж с его приземленной серостью, с его маленьким мирком без солнца и мечты.

Когда Шкреба поведал о благополучной иртышской одиссеи дочери, я понял, что Александр Иванович вскоре поменяет наш бескрылый поселок на иртышский рай. Высказал эту догадку вслух.

—Пока по секрету только тебе, — сказал Шкреба. — Дочь не раз напоминала: 25 процентов в нашем регионе выплачивают не зря — хоть чем-то государство компенсирует угасание человеческого здоровья и жизни. Говорят, тут радиация пышет повсеместно: приезжали спецы, так приборы у них просто зашкаливали. Но от нас, смертных, явно это скрывают. Москва хранить тайны умеет!

— Но за четверть века существования поселка летальных исходов от радиации не отмечено. Люди живут, здравствуют, растят детей, строят хоромы да по-хозяйски обустраиваются. Так может, орлинская радиация какая-нибудь особая, безвредная? Человек просто притерпелся к ней, в меру облучился и чувствует себя отлично, без каких-либо симптомов радиационного проявления. Смотрите: кругом солончаки, а дай удобрение — все буквально пышет, цветет, благоухает и отлично родит. Вопрос сам всплывает: разве такое бывает?

—Наверно, бывает. Тайны природы часто необъяснимы...

Так совершенно неожиданно я узнал о намерении Шкребы покинуть Орлиную. Откровением Александра Ивановича ни с кем не делился, о чем он и просил меня.

Глава 22

Разговор на эту тему

Моя несколько своеобразная жизнь женатого холостяка особых неудобств мне не доставляла — я с нею просто смирился. Лена появлялась в кубрике только по выходным; жилье оживало, светлело, и однообразная жизнь не казалась такой отрешенной. Сынишка уже уверенно держался за табурет, настойчиво пытался неуверенными

шажками обходить его по периметру, с аппетитом ел даже борщ, а это, по словам жены, здоровье, что нас несказанно радовало.

Кубрик нашему Валерке пришелся по душе: он с интересом разглядывал люстру, многочисленные игрушки да погремушки, свисавшие с нерекладины его кровати.

Лена как-то сказала мне:

—Хорошо, что наш Валерка не в тебя! Унаследуй он твой характер, жизнь ему не покажется малиной, потому как на первом плане у него будет стоять вожаемая бутылка...

Я не знал, обижаться ли мне на жену. Прежде она такого упрека мне никогда не делала, а теперь у нее, не иначе, произошел сдвиг по фазе. Но, мысленно прокрутив весь свой ОХРовский и теперешний цикл жизни, я с сожалением признал: "сухим" домой я приходил редко. Пусть нам, троившим, перепал, по словам Пашки, всего лишь безобидный "пузырь" ноль-пять, какой способен-то был лишь придавать запах, но случилось это у нас без каникул.

Лена и прежде пыталась меня образумить:

— Не надоедает тебе, муж мой дорогой, троить? Ладно Павло с Алеко — они, как Тарзан, здоровы, а ты со своим мышинным сердцем при такой периодике можешь просто отбросить копыта. Не пугает?

Я отвечал с бравадой, что здоровье меня абсолютно не тревожит, а те несчастные ноль-пять на троих не более как стимулируют настроение, снимают усталость, разогревают кровь, повышают тонус и давление.

—Давление у меня, как ты знаешь, ио на бо, чего в моем возрасте недостаточно, — приводил я весомый аргумент.

Но при вашей регулярности недолго и до алкашничества докапаться! Когда не в смене, у вас все равно вылазки на пиво, а к нему прицеп предпочитаете — ваши пресловутые ноль-пять...

Это очень скромная норма на троих здоровых мужиков. Домой я ни разу на ушах не приходил, на бровях не приползал, то есть, это вполне вписывается в рамки, соответствующие нормам потребления и поведения.

Я к тому, что здоровье свое подтачиваешь, и ведь следующее дитя, не приведи Господи, может унаследовать самые пагубные последствия твоего хронического возлияния. Раньше ты этого остерегался, Мороз, сегодня же у тебя тормозов нет. Ладно бы какой примечательный случай, так квасите без всякого повода! Простительно Алеко и Павлу, они птицы вольные, у них ни поста, ни хвоста; тебе же, Мороз

Афанасьич, надо бы поостеречься ради своего здоровья, да и ради нас с Валеркой.

Да, ловко моя женушка пригвоздила меня к позорному столбу! Без ругани, слез, без всякой истерики. На деле же она права: не могу припомнить, когда наша троица не принимала пусть даже символической дозы, оставлявшей наши головы светлыми. Но вечный сивушный запах выдавал наши чуть ли не ежедневные деяния.

Об этом нелецеприятном разговоре я поделился на работе с друзьями. Павло отреагировал сразу:

— Трофимова тоже возникла: мол, приди ты хоть раз трезвый, я хочу посмотреть, каков ты! Тут много схожего с твоей судьбой, но ты на четвереньках не приползал, а у меня бывало.

— Упреки Морозовой совершенно справедливы, — высказался и Алеко. — "Пузырь" на троих — кошащая доза, но запах выдает, что человек причастился. Может, только на пиво перейти, без прицепа — культурно, по-интеллигентски, как в Германии? А на "родимую" переходить в выходные да по праздникам?

— Действительно, надо как-то упорядочить нашу дружбу с "косорыловой", иначе неприятностей дома не оберешься, — поддержал я Алеко. — От Липитенко жена ушла? От Завадского сквозанула? А сколько таких, на грани?

— Да, надо как-то пореже, — закивал Алеко. — Иначе на нас будут смотреть, как на законченных, прописанных у пивных киосков и вымалывающих нечто покрепче на разлив. Предлагаю сокращенный режим употребления — с получки и аванса, но с дозой покрупнее. Как смотришь?

— Не знаю, не знаю, — высказался Павло. — От аванса до получки терпеть не станут даже сучки. А тут здоровые мужики, и делать такие длительные отпуска? Надо искать другие варианты. Нам с Алеко никто не мешает, но без третьего она и в горло не пойдет — традиция ведь нарушается. А по совести, женатики должны жить своей жизнью, по своему регламенту. Чтобы жена твоя, старик, на нас баллоны не катила, пореже якшайся с нами, а если где и ударим, то перед нею сам и отчитывайся, нас не вменявай. Идет? Так и запишем, а то Ленка твоя смотрит на нас, как Ленин на буржуазию: мол, алкаши вы долбаные, ОХРовцы непутевые! Ты с нею помиришься, приголубишь, хорошим окажешься, а мы к ней в немилость попадем.

— Я поддерживаю Павла, — без всякого апломба сказал Алеко. — Мы и впрямь распустились. Со стороны оно вроде незаметно: никого

не трогаем, ни к кому не пристаем, в обществе — ангелы. Это у женатиков проблемы: учуяла жена сивуху, и пошла писать губерния!

— Да, обидно мне все это слышать от друзей, с которыми столько пройдено, пережито и перепито, — вздохнул я примирительно. — Ну, ляпула жена — у них же аллергия на поддающих мужиков! Особых сцен она мне не устраивала, просто упрекнула: не надоело ли нам троить, к тому же, сердечка своего не берегу и сыну даю плохой пример... По сути, горький упрек, однако не будем делать трагедии, жить станем, как жили. Не надо в целом ничего менять и меняться самим: периодичность — как будет звенеть в кармане, место — где наливают, мера — по желанию, что дает полный портрет настоящего мужчины, означающий — пили, пьем и будем нить! Постареем — остепенимся, поженимся — уилимся и разоримся, когда надо думать, как на "пузырь" выкроить. Сейчас нам по 26, что не дает нам права записываться в старики, потому будем пользоваться всеми благами жизни.

После душа мы без многословия тихо разбрелись по своим маршрутам, не сговариваясь, как прежде, о встрече у какого-то объекта с дальнейшим вояжем на пиво с неизменным прицепом.

Дома рассказал Лене о делах сегодняшнего дня да о реакции друзей на ее упреки по части наших возлияний, а также о рыбьем молчании при следовании домой. Жена обиженно сказала:

— Недалекий ты человек, Морозов! Мои упреки адресовались только тебе и касались только тебя. Павло с Алеко — вольные птицы, у них ни кола, ни двора, им действительно некуда себя деть. Пивная для них это же просто отдушина, и даже коль они заполняют ее прицепом, ничего в том зазорного нет. Ты же, Мороз, другое дело: семейному человеку надо бы поостеречься, притом сердечнику, о чем ты постоянно забываешь. Конечно, я не против вашего тройственного союза, но тебе с частой рюмкой надо кончать — от этого выиграем все мы...

Хлебоуборочная кампания в Углеградской области давно закончилась, а командировка Охотского в Орлиную отчего-то затягивалась.

Геннадий точно сквозь землю провалился. Мне хотелось поблагодарить его за "Литературную страницу", но Геннадий голоса не подавал: в Орлиной не существовало переговорного пункта, служебные же телефоны простым смертным были недоступны. Я решил действовать через Шкребу. Александр Иванович удивился моей просьбе, отругав за нерешительность.

Ждали мы звонка с той стороны довольно долго: железнодорожная связь с явными потугами переключалась на связь общегородскую, по-

следняя же по своим каналам нащупывала районную линию поселка Кульджи, а уж тамошние телефонистки вышли на редакцию "Степного маяка".

Редактор Василий Рахметов сообщил Шкребе, что Охотский уже два месяца как уехал в спутник Углеграда Шахтинск, куда его пригласили редактором городской газеты "Призыв".

— Вот так, друг: Охотский подался в гору, а мы для него остаемся лишь приятным воспоминанием. Новая работа, тем более, такая ответственная, как редакторство, видать, не оставляет ему времени для контактов с Орлиной. Слышал, у него здесь какая-то сердечная привязанность была?

— Руку и сердце он пока сестренке Лены не предлагал, но, может, время и расстояние разогреют его, — откровенно признался я.

— Я в курсе. Когда ты потел на сессии, он был с Надеждой на виду у депо, а народ у нас, известно, все замечает.

— А Шахтинск этот не у черта на куличках? Появится "окно" — смоюсь к нему, посмотрю, чем жцвет наш новоявленный редактор.

— Это дело, Афанасьич! Но, думаю, торопиться не надо: пусть немного ознакомится с обстановкой, с новыми людьми, почувствует под ногами твердь. Могу и я составить тебе компанию, тем более, скоро предстоит предвыборный марафон райпрофсоюза, где мое присутствие как председателя профкома обязательно. В Углеграде же определимся, как быть. Шахтинск вовсе не на куличках, а в тридцати верстах, это полчаса на автобусе. Встреча с Охотским нам крайне важна, дабы до конца определиться с твоими виршами. Геннадий не мог забыть о них, тем паче, что амбарную книгу он тебе не вернул. Может, теперь у него больше возможностей для проникновения в высшие эшелоны областного книжного издательства...

Дома, в который раз перечитывая подборку своих стихов, я задался вопросом: только ли рифма дает жизнь стихотворению? Почему-то вспомнились стихи Владимира Луговского. В его многих стихах я вообще не находил рифмы и не понимал: чем же он, черт возьми, берет? Перечитывая свои опусы, ловил себя на мысли: стихоплет я в общем плодовитый, но до настоящих стихов мне далеко, до состоявшегося поэта мне, как до Луны, к тому же, надо поиметь совесть причислять себя к этим высоким людям общества.

Шкреба явно преувеличивал значимость моих марашек. Хорошая рифма не всегда есть подлинное, настоящее, живое стихотворение, достойное жизни. А потому я просто махнул на подборку рукой, решив к

стихам больше не возвращаться. Подобных творений и у доярок полно, только они не рвутся на большие страницы, а я, чертов придворный поэт, возомнил себя чуть ли не Рождественским! Да из меня поэт уж точно, что из Ильи Ильича Обломова Лев Яшин...

Александр Ивановичу, видно, тоже надоело возиться с моими стихами, мечтать о продвижении их все на высокий Олимп. Может, только какая-то инерция еще заставляла его совершать в том плане какие-то подвижки...

Новость о переезде Охотского меня почему-то разволновала. Я сомневался: в двадцать семь — и руководитель? С Анкиным мы разговаривали о возрастном цензе отцов наших уважаемых СМИ; он доказывал, что издательским делом, радиовещанием и телевидением занимаются древние Хоттабычи со своей дремучей психологией. Оттого они противники новаторства, новизны, заскорузлые партийцы и непробиваемые законники.

Назначение молодого, энергичного Охотского на должность редактора городской газеты могло означать, что в областном руководстве средствами массовой информации появились молодые силы, какие и дают дорогу новому поколению творческой молодежи, не заикленному и не затурканному партийными да прочими советскими догмами.

Мне крайне хотелось побывать в Углеграде, встретиться с ликбезовскими друзьями, постараться впитать от них все новое о нашей жизни, обществе, политике, поговорить о литературном процессе планеты, о мире театра, кино, музыки, спорта, в целом культуры. Они в городе, им вся информация доступна; мне же, пещерному, необходимо поучиться у них уму-разуму, сделать какой-то вклад в свой котелок, чтоб он действительно мог что-то варить.

Выбраться в Углеград не составляло труда, но в преддверии новогодних праздников я решил не создавать себе проблем. Середина декабря не пугала Орлиный регион морозами, но снега к этому времени, на радость детям и устроителям снежного городка, против прежних лет, навалило горы. Мы трое честно отработали на стадионе свой обязательный час, обустривая ледяные горки, теремки да всякие площадки с ледяными зверюшками. Насчет елок, говорили, орлицам беспокоиться не стоит, они где-то в пути.

...Дайнеко появился на работе, как свежий огурец. Он удивил нас такой-то незнакомой грациозностью, красотой, здоровьем. Мы по очереди обнимали нашего старшего, хлопали по его мускулам.

Родные края тебе, Григорий Иванович, явно пошли на пользу, —

начал свое приветственное слово Пашка, когда Дайнеко появился на первой послеотпускной летучке. — Бульба и лес могут поднять до небес. Ты даже стал выше ростом, раздался в плечах, посвежел, помолодел, просто на зависть!

—Бульба и воздух, конечно, сделали свое доброе дело, но не только ведь они. Я регулярно купался в своей Старице, косил сено, валил лес, собирал валежник, рубил дрова, копал картофан. Потом — постоянно парное молочко, домашний хлеб, ну и когда-никогда кровная самогонка.

— И плюс молодая жена, тоже кровь с молоком,— подзадоривал Павло.

—Жена — тоже дополнение. Но все это в последний момент появилось, а так отпуск прошел в хлопотах да заботах по хозяйству. Пришлось даже без содержания брать по телеграмме...

Григорий Иванович откровенно восхищался увиденным на своей родине, где он отсутствовал пять лет. Тепловозы и там окончательно вытеснили паровозную тягу; этот процесс идет по всему Союзу, а значит, тепловозники везде нужны. И село не назовешь глубинкой — кругом отличные трассы, народ боевой и целеустремленный.

Павло с Алеко, загоревшись непонятым огнем, вплотную подступили к Дайнеко. Я, проживший жизнь под нещадным солнцем Белозерки, вечно обдуваемой шальными ветрами, не стал обнадеживаться прелестями той земли, где люди живут да радуются. Просто ушел по своим делам, дав возможность моим друзьям, все-таки инопланетянам, поговорить да помечтать, а может, даже на что-то решиться. Если и впрямь вздумают рвать когти, то наверняка от меня скрывать не станут. С другой же стороны, они пока студенты только третьего курса института, который, пожалуй, задержит их еще надолго.

Новый 1964-ый мы с Леной опять встречали у ее стариков — тихо, мирно, без всякого ажиотажа. Мы с тестем выходили в теплые сени, курили, неторопливо обговаривали жизнь Орлиной, всего СССР.

— Грязь да неухоженные дороги, — рассуждал Илья Матвеевич по поводу нашего пристанища, — все равно скоро исчезнут, уже есть хорошие сдвиги. Параллельно дорожному макияжу Орлиная прихорашивается. Хоть на старости лет пришлось увидеть станцию помолодевшей, только жить да жить. Да вот сорок лет на путях, с рельсами да шпалами, в жару и в стужу, с путевским молотком, лапой да вечным креозотом не прошли даром — то легкие, то почки напоминают о себе...

—К тому же, с хлебом в последнее время, — возмущался тесть, началась какая-то неразбериха: тяжелый, как кирпич, с гороховой добавкой, совсем невкусный. А тут еще какое-то бездумное указание сверху угробить домашнюю живность! Кто-то там в Кремле явно перегибает: без домашнего хозяйства в такой глубинке просто не выжить. Кому это там наверху домашняя скотина помешала — непонятно. Народ ропщет и просто проклинает Кремль. Но толку нет: кто когда-либо спрашивал у народа или советовался с ним?

Я успокаивал тестя, соглашался с ним, говорил дежурную фразу: "История разберется с такими руководителями". Мол, новые времена грядут, а с ними идут и новые руководители, кому трехсотмиллионный народ доверит свою судьбу. Когда это случится пока неизвестно, но коль уж так открыто и повсеместно о лысом травят анекдоты, это явный признак того, что песенка его спета...

В наступившем году нашему Валерке исполнилось три года, что прибавило нам забот с детским садиком. Теща сказала: "Не дам, сама буду нянчить!" Нам ничего не оставалось, как уступить настойчивости любвеобильной бабки. Страшного в том, по правде, ничего нет, и даже лучше, если ребенок всю рабочую неделю останется у нее, а в выходные будет в кубрике у мамы с папой. Бабка уже на пенсии, это даст ей возможность больше бывать с ее внуком.

После рождения ребенка жена даже не заикалась о своей голубой мечте — техникуме. Сегодня же, когда мы возвратились в свой кубрик после игры с сыном вокруг полутораметровой искусственной елки, она как бы между прочим сказала:

—Мороз, сойдет зима, а там и лето подкатит со страстями абитуриентов. Думаю, надо мне наверстывать упущенное. Время летит, все забывается, и чувствую — придется повторять даже таблицу умножения. Ты уже на третьем курсе, а я все еще остаюсь колхозной Марусей. Как смотришь?

Положительно смотрю, Морозова, — сказал я, заворачиваясь в одеяло. — Нашла время о делах толковать! Мы же с тестем хорошо нарисовались, праздник ведь, а ты здесь с разными серьезностями... Давай отоспимся, а там на свежую голову и потолкуем.

Утром Лена, по обычаю завернув очередной календарный листок, сказала:

Вот еще один год нашей совместной жизни канул в Лету. Худобно ли, но мы все-таки были счастливы. Как считаешь, Морозов?

Как и ты. Начало жизни вроде неплохое.

—А не скажешь ли, Мороз Афанасьич, о чем мы вчера с тобой говорили перед сном?

—Обижаешь, Морозова! Разве у меня еще хватало сил о чем-то говорить? Думаю, только подушке я смог сказать, что люблю тебя, Валерку, депо, твою несгораемую и непотопляемую Орлиную.

—Ты просто несносный человек! Правда, тебя и впрямь нельзя не любить. В знак признательности я даже налью тебе сто пятьдесят для поправки...

Признаться, нечасто выпадали такие вожаделенные часы, когда вот так, прожив вместе почти целую пятилетку, мы оставались молодыми, непосредственными и влюбленными. Обычную нашу повседневность заполняла только работа, о себе же позаботиться не хватало времени, а больше — желания.

О техникуме-институте мы с Леной стали говорить все чаще. Свою мечту ей хотелось реализовать уже в этом году: сынишка подрос, да и бабка управлялась с ним почище самой Арины Родионовны. Я сказал:

—Я рад твоему желанию учиться. Пользуйся и благодари Господа за здоровье такой няни, как твоя мать! Подавай заявление хоть прямо сейчас.

Порешили: Лена начнет брать консультации по математике в техотделе, там по точным наукам настоящие асы. По сочинению и русскому я ей помогу. Сам я тоже времени зря не терял, занимался своим ликбезом, писал курсовые, много читал. Не сказать, что учеба моя шла, как по маслу, но задания курса я преодолевал без чьей-либо помощи. Шкреба говорил:

—Знаю, как тебе нелегко, а главное, не с кем посоветоваться да попросить помощи. В депо, да и во всей Орлиной одни технари, так что ты один в поле воин. Но крутиться, Афанасьич, все равно надо. Хочу, чтоб университет твой не страдал, и стихи увидели большую печать. Только как это сделать — вопрос. Как мне кажется, надо иметь в виду Охотского: он ведь затеял эту "Литературную страницу", ему и должно довести ее до конца. Он и сам стихоплетствует, потому знает, как важно появиться в большой печати.

—Прошло уже столько времени, Александр Иванович. О стихах моих вряд ли кто-то сегодня помнит, а "Степной маяк" без Охотского стихов теперь вообще не тискает. И вообще, газета, если заметили, стала скучной, надоедливой, политизированной, неинтересной...

—Правильно, откуда ей быть интересной, когда, читая, всякий раз вспоминаешь Александра Сергеевича: "Все предрассудки истребя, мы

почитаем всех нулями, а единицами себя". Стихи твои, однако, в "Степном маяке" — первая ласточка; дальше же, думаю, крутиться надо самому. Попробуй в один из толстых журналов — попытка не пытка. Можно еще показать в деканате.

На деле, возня с моими виршами в итоге мне порядком осточертела, и я решил до времени к ним не возвращаться. Стихи я писал сердцем, а требовалось, по Охотскому, еще и головою. Стихи разнились, это заметил даже Шкреба. Он и объяснил причину этого:

— Ты взрослеешь, и твое голубое детство начинает приобретать подлинную жизненную окраску. Прозаичнее смотри на жизнь, и в ней ты найдешь больше правды. Возвышенность, восхищенность во многом у тебя превалируют. Много стихов, какие дышат у тебя излишней одухотворенностью, это я не раз встречал и в "Тепловознике". Конечно, они хороши внутренним динамизмом, своей лирической опосредованностью. Главное — не останавливаться. Надо дерзать, выдумывать, творить, пробовать, мечтать, экспериментировать: одно умрет, другое начнет пробивать себе дорогу. Главное, пиши! Поставь цель: сборник стихов — раз, поэму в стихах — два, ударь и большую прозаическую вещь — три. Пусть не сейчас, но поставь цель на будущее и целеустремленно к ней иди. Старайся все интересное записывать диалоги, народные выражения, разные прибаутки, частушки. Конечно, делай все это втихаря, иначе будут приставать, докапываться: чего, мол, пишешь, куда пошлешь? Народ же у нас дотошный...

—Спасибо, Александр Иванович, только мне даже совестно думать о подобном. Сначала надо с ликбезом покончить, затем определиться, куда направить стопы с тем самым гуманитарным дипломом, какой уже становится мне не в радость. Павло, Алеко, Григорий Иванович, Федор — они в своей тарелке, скоро получают дипломы инженеров, что так возвышенно звучит. Я же, Александр Иванович, не умею пробивать дорогу, ставить какие-то задачи наперед и вообще планировать жизнь. Возьмите Орлиную, наше депо: мне здесь хорошо пишется, надо мною ничто не довлеет, не давит, не держит за фалды. Мне хорошо здесь — может, из-за вас, из-за моих непутевых Павло, Алеко, Чугунидзе. Теперь вот есть Морозова с сынишкой. Все вы есть, потому у меня тепло на душе.

—С такими мыслями, Афанасьич, ты мне определенно нравишься. Хотя я не патриот Орлиной, но во мне нет этого синдрома вечного кочевника. Ладно, все имущество твое в один чемодан вмещается, а мне? Жизнь, считай, прожита, значит, что-то да нажито. Все эти ковры,

стенки, рояль приобретались временем, жизнью, здоровьем — за все ведь, Афанасьич, надо платить. Все ведь нажито трудом, он облагораживает человека, делает его жизнь более полной, удобной, полноценной. От наличия этих вещей мне хорошо, моей семье, детям, людям, приходящим ко мне в гости. Может, кто-то позавидует даже... Я чувствую только удовлетворение: у нас с женой не беден стол, есть куда посадить-положить гостя, на чем его куда-то свозить.

— Красивая, обеспеченная жизнь — извечная мечта человека, потому его за это никто осудить не может.

— Правильно, Афанасьич, но встречаются противники обеспеченной жизни, они часто живут одним днем: сегодня есть — спасибо, а завтра — что Бог даст. Этому часто подчинена их психология, в большинстве оставляющая их у разбитого корыта.

— Да, такие люди вечно недовольны судьбой, постоянно винят кого угодно, только не себя. Потому, Александр Иванович, я боюсь встреч с такими людьми, каких в натуре еще немало. Заодно же боюсь каких-то перемен в своей жизни. Многого у меня еще нет, пока налегке, а значит, могу рвать когти хотя бы на одну из народных строек, но у меня не хватит мужества сорваться с места, да еще увлечь за собой жену с сыном. Мне кажется, сорвись я сейчас из депо, я просто пропаду — без вас, без поддержки друзей. Наверно, Орлиная — моя судьба. Пока у меня нет богатства и биографии, зато есть голова и руки, и они помогут сделать мою жизнь такой, какую бы мне действительно хотелось, чтобы не было мучительно больно и не жег позор, как сказал известный Пашка, только не Веселовский.

Я поддерживаю тебя, одновременно завидую твоей привязанности к Орлиной. Во мне такой стойкости нет, наверно, потому как я немало за свою жизнь пошагал по земле, и переезд на новостройки не составит особого труда. Конечно, разрыв связей, потеря друзей — ощутимая утрата, но коль человек не бука, он сам идет к людям, а друзья всегда найдутся. Такое со мною уже случалось, и вот ты, Афанасьич, тому доказательство. Я по-отцовски привязан к тебе, и, думаю, наша дружба дает нам какое-то отдохновение, разрядку и некую же зарядку, если так выразиться. Что-то познаем, чем-то обогащаемся, каждая наша встреча оставляет на душе добрый осадок...

Я не представлял, как бы сложилась моя жизнь, не будь на моем пути Шкребы. Наверное, я не так бы радовался своим стихам без его тепла и поддержки, не ощущал бы столь явственно этот самый Божий дар, о чем Шкреба просто не давал забывать. Теперь же он склонял меня

даже на большую прозу, веря в мой талант, к какому я, как сказал однажды Охотский, относился с преступным равнодушием.

На большую прозу духу у меня вряд ли хватит, а вот на солидный очерк или статью для любимого "Гудка" можно свое перо и попытать. Станция Орлиная хоть и глубинка на МПСе, но она стоит на главном железнодорожном ходу "Урал — Юг", и материалы отсюда редакция, наверно, примет благосклонно.

Впрочем, все это со Шкребой не раз обговаривалось, и один материал с его благословения "Гудок" однажды тиснул. Чем черт не шутит! — может, редакция даст задание написать о локомотивных бригадах, свыкшихся со своим локомотивом, знающих его повадки и слабости, водящих поезда по графику, без аварийных ситуаций, экономящих топливо, масло, время. А могут попросить написать о путейцах, которые следят за состоянием пути, обеспечивают безаварийность, о рабочих небольших станций да разъездов, которые денно и ночью движут поезда, постоянно держа пульс на вверенном им участке железнодорожного перегона. Да мало ли какие темы могут заинтересовать эту газету! Главное, чтобы она помнила своего рабкора, давала ему задания, а это уже какая-то надежда. Настроиться да выложиться для "Гудка" — просто престижно, а дальше — как покажешь себя. Говорил же Охотский, таким образом можно даже в соборы попасть.

Глава 23

Жизнь, как она есть

После старого Нового года Надежда сообщила, что выходит замуж. Новость наших стариков не шокировала: девушке 17 января исполнился 21 год, а в этом возрасте сами они уже имели сына, их непутевого Петра Ильича. Жених оказался парнем настойчивым, растягивать встречи под Луной на годы не собирался трех месяцев вполне хватило для решения о создании семьи.

Об Охотском в доме Катулевских речи не вели, забыв о его существовании. Но мы с женой все же вспоминали о Геннадии по-доброму, несколько жалея о его неожиданном исчезновении из нашего поля зрения. Надя же, как мы замечали, вовсе не горевала о герое своего не-

состоявшегося романа, оставаясь перед своим новым кавалером чистой, нецелованной.

Жених Артем — слесарь-экипажник, в депо появился совсем недавно, но, по отзывам мастеров, на работе горел, хорошо знал дело и к тепловозам относился с почтением. Старики Катулевские к своему будущему зятю-работяге относились даже с трепетом, считали союз простой расценщицы депо и такого же простого слесаря вполне подходящим — не в пример высоким интеллигентским речам Охотского о чем угодно, только не о женитьбе на их дочери. "Пусть все будет по-нашему, по-крестьянски, — говорила Надина мамаша. — Мы люди маленькие, незаметные, пусть такими же будут и наши дети — простыми, скромными и работящими".

Мы с женой старались по возможности помогать в приготовлениях к свадьбе. Кое-какой опыт уже имелся, да и ОХРовская братия не сидела, сложа руки. На работе мы встречались с Артемом частенько, без стеснения, по-родственному обсуждали жениховскую роль на свадьбе. Я рассказал, о чем помнил, успокоив своего будущего свояка, что ничего страшного в этом святом деле нет. В процессе же самого застолья многое зависит от тамады, который обязан видеть всех, поддерживать необходимую атмосферу, настрой, уметь успокоить перебравших.

Со стороны невесты намечалось семь-девять девчонок, потому как сколько-нибудь близких друзей у нее пока не было. Артем успокаивал Надю, что он вовсе не рассчитывает свадьбу на большой колхоз: будут только друзья, каких у него тоже не слишком. Пашка, Алеко, Федор, Дайнеко — первые претенденты на роль желанных гостей с моей стороны; его же список уточняется.

Дома я спросил у жены, чем вызвана зимняя свадьба, ведь столько неудобств возникает — ни себя показать, ни на других посмотреть. Лена сказала:

— Свадьбы, насколько известно, справлялись во все времена года. В старину, правда, больше предпочитали осеннюю пору, теперь же этого не придерживаются. Старики остерегаются: в мае нельзя, молодые, мол, всю жизнь маяться будут. Но Орлиная отыграла не одну майскую свадьбу, и ничего — молодожены живут, хлеб жуют, растят детей и радуются жизни. Думаю, все нормально, пусть женятся да живут на здоровье. Одно плохо, что жить ей первое время придется у свекрови со свекром.

Предрассудки все же есть и у Катулевских. Свадьба Нади состоится, как это было и у нас, на Пионерской. Старики уперлись: мол, свадьба

в своем доме приносит счастье, а в казенном всегда чем-то чревата...

— Ты, Мороз, ничему не веришь, никаких примет не признаешь, у тебя ко всему истинно коммунистический подход. На деле же жизнь не раз подтверждала — приметы сбываются, — вразумляла меня Лена. — Почему плохо живут Савицкие? Потому что Анька каждое утро видит у своей двери мелкий волос. Откуда он, кто его сыплет? Анька грешит на Гукову, мамашу трех детей от разных мужей. Гукова увела их холостого сына, целую семилетку держит у себя — не иначе, как присушила. Ей за сорок, ему же на целый десяток меныне. Молодой, красивый парень, здоровый, грамотный, а вот поди жты, присох... Отремонтировал Гуковой телевизор, и как будто его кто-то к ней притянул. Ты, Мороз, и этому не веришь ?

— Не знаю всех этих ваших закидонов, только знаю, что Андрей Савицкий просто губит свою жизнь зря. Детей своих не будет, а значит, не продолжит свой род и фамилию. Орлинцы ему сочувствуют, но помочь себе он сможет только сам.

— Правильно, но все сделано так, что у него голова замутнена, он видит перед собой только ее, а потому чужих троих ему кормить до своей гробовой доски. Нужны крепкие бабки, какие снимают заговор да присушивание, и человек становится просветленным, деятельным да решительным. Слышала, есть такие даже в Углеграде.

...В поселковый ЗАГС пошли пешком. Я, Павло, Алеко настаивали на легковушке, как принято у людей. Но Артем воспротивился: он хотел видеть свадьбу такой, как у них в волжской деревне.

Пешком, да еще такой солидной компанией, с баяном и бубном, мы, конечно, удивляли Орлиную. Из домов выходили жильцы, приветствовали веселое шествие, подходили к молодым, поздравляли, выпивали предложенную чарку, желали счастья, деток, мира и богатства. И так вдоль всей улицы. Пашка был в восторге от такой прогулки:

— И правда, лучше, чем в каком-то закрытом драндулете ехать! Ну, подъехали молодые, расписали их, сели в машину, как в кутузку, и только их и видели... А тут люди выходят, встречают, поздравляют. Теплый осадок остается. Как хотите, а я приветствую пешую свадьбу, вернее, ее прелюдию, а уж крещендо и финал, получив такую органичную зарядку, наверняка не оставят всех участников пассивными и равнодушными.

— Хорошо говоришь, Паша, — не удержалась моя раскрасневшаяся от мороза и чарки жена. — Любишь такие мероприятия, содействуешь им, а сам вот Валю Трофимову оттолкнул!

—Насчет Вали, подруга, моя песенка спета: не умел любить по-настоящему, не сумел сохранить ее любовь. Она была кротка и нежна, а я, как деревенский мужлан, только валил ее, не признавал ее нежности и ласки, не ценил, кобель, ее преданности, жара ее души, доверившей мне, подлецу, свою жизнь без остатка...

—Но, может, не все потеряно, Паша?

Нет, дорогой Ленчик. За четыре года я принес ей столько страданий, простить какие в силах разве только Господь Бог. У Трофимовой не хватит на то сил и мужества.

Плохо ты все-таки, Паша, знаешь нашу женскую душу!

—Невозможно хитрые вы все, ей-богу, - сказал Пашка. - За это я вам налью по стопке "беленькой", не забывая, конечно, и о себе!

Пили из одного стограммового стаканчика.

—Ах, хорошо! — крикнул Павел. — Холод надо пугать, холод надо гонять, а удастся это только водочкой.

—И любовью, Паша, — разгоряченно добавила Морозова.

—Любовью, конечно, тоже, — согласился Павло. — Любовь ведь всюду горяча: у слесаря и Ильича, у Топтыгина в берлоге, у зверюшек на дороге, у кота на скользкой крыше, в норке крысы, в норке мыши, в гареме Пети-петуха, в юрте-чуме пастуха, у Трофимовой в светлице и везде. где есть девица и мужчина — вот поверь, человек он или зверь!

Ну, Паша, ты еще и поэт, оказывается, — восхищенно сказала моя жена. — Тебе бы с Морозовым состыковаться!

Ну, до Мороза мне, как до космонавта, а вот понарошку, под стопарик и картошку, твой воздыхатель нет-нет, да помарает свое перо. Просто чтобы денежки водились да дома не журились.

—Уж и воздыхатель, — шутливо возмутилась Морозова. — Надо было не дремать. Когда мы с Морозовым познакомились, ты Трофимову уже закадрил, так что претензии ко мне не имей.

—Я претензии больше к Морозу. У него есть ты, сын, вы счастливы, а твой праведный не сумел перевоспитать меня, наставить на путь истинный, чтобы я действительно стал настоящим советским человеком.

—Так я же пытался и пытаюсь, — вступил я в их разговор. — Да ты уже и есть такой, но с маленькими исключениями... А вот и дом невесты, хлеб-соль, а нам с тобой поручено сказать в адрес молодых торжественное слово.

У калитки молодых с хлебом-солью встречали их родители. Они по очереди поздравляли своих детей с законным браком, желали счастья, а Пашка, чего никто не ожидал, обильно осыпал молодых новогодни-

ми блестками, отчего волосы жениха и невесты стали серебряными. Потом гостей пригласили в хату за свадебный стол, пропуская вперед венчальную пару.

Я в упоении растягивал свой баян, не делая, по совету Пашки, паузы, чтобы не было в таком красивом торжестве тишины, молчания, какой-то мрачности. Лена почему-то не верила в то, что семейная жизнь сестренки будет светлой. Она беспокоилась, что Надя излишне терпеливая и кроткая: муж может ее отдубасить, обидеть, прийти наушах, а она безропотно примет это как должное, все снесет в своем сердце, и посторонние никогда не узнают об ее горестях. Умрет, но не вынесет сор из избы...

—Но Артем вроде не похож на эксплуататора и воинствующего Тамерлана — парень, как все.

—Я против него ничего не имею, а только к тому, что у сестры моей слишком покорный характер — тихий, податливый, умеющий все прощать. В наше время для жизни это не годится. "Борьба!" — вот ее нынешний девиз.

—Ну, Морозова, много в тебе агрессивности, как я погляжу! Совет, согласие, обоюдные интересы — вот идеалы семьи, а то сразу борьба... Где борьба, там и жертвы!

—Это все философия, Морозов. Я все это к тому, что характер у Надежды мягкий, а это может во многом ей в жизни навредить. Хорошо, если Артем сумеет понять ее, приноровится к ней, не злоупотребляя ее покорностью.

—Не будем драматизировать события. Время все расставит по своим местам, заодно же и покажет, кому какая цена...

...Дома ждало письмо из Белозерки. Сестра написала несколько строк и о моих школьных друзьях-одноклассниках. Лида писала: "Молодежи в Белозерке, по сути, не осталось, и может, только самые заморенные да неудачники решили в своем поселке бросить якорь, обзавелись семьями". У нее в жизни тоже не все гладко: "Вот растет сын, ему уже два годика, отца нет. Нет, и все — был, да весь вышел, испарился, исчез с лица земли. Был он красивым и видным парнем, как и она: активный участник художественной самодеятельности, певун, плясун, чтец и на дуде игрец,

человек заметный. На сценических подмостках и познакомилась с ним, сыграли свадьбу. Только недолго счастье продолжалось. дорожные работы в безбрежных степных просторах, безлюдье, вагончики, высокие заработки да проклятые карты вконец сгубили его. Друзья су-

дачили: не иначе, как только долги загнали его в петлю, какую он сам себе и накинуд на шею. Уже скоро сорок дней, я теперь у мамы, рана нестерпима, но она все же затягивается...

Молодости, брат, столько присуще глупостей да ошибок, какие нередко приходится расхлебывать всю жизнь. Предлагал же Александр Дундич мне руку и сердце, так я выделялась, искала, кто пошустрее да ветренее. И вот нашла на свою голову, за что теперь и расплачиваюсь. Переедь я в Орлиную, жизнь, может, пошла бы по другому руслу. Теперь я с ребенком, а значит, удел мой нести свой крест до могилы. Вторично замуж, пожалуй, нереально: сегодня незамужних, бездетных да весенних девчонок, что маковок в степи, а я уже подернута осенью. Понятно, мой удел — одиночество да какая-нибудь тихая заводь до моего последнего часа".

Далее сестра сообщала, что дома особых изменений нет: мама работает, Андрей учится, Ваня навещается, когда требуется завалить кабана или бычка. В школе Владимира Морозова помнят, особенно училка русского языка и литературы — она до сих пор вспоминает мои сочинения, но не знает, выбрал я в жизни слово или железо.

Мы так редко переписываемся, к тому же, о себе ты ничего не сообщал. Сын Павла растет, муж Суслихи его усыновил, дал свою фамилию. А о Пашке в Белозерке знают только, что он когда-то здесь наследил. Дундича помнят только мои подруги; о тебе же как баянисте они говорят часто, некоторые до сих пор влюблены в тебя и ждут хоть кратковременной встречи. Слышала, ты закончил "вечерку", а дальше не желаешь? Сама я собрала документы в железнодорожный. Мы, как ты знаешь, брат, всю жизнь прожили на "железке" — она нам ближе всего. Я всегда завидовала девчонкам со станции, весовщицам, операторам, товарным кассирам, даже стрелочникам — всегда ведь на людях, всегда какая-то ответственность и нужная стране работа. Недавно же мы поем в своей самостоятельности: "По упругим стальным магистралям поезда в коммунизм бегут". Вообще-то, у нас в родне, кроме мамы, все железнодорожники... Да, брат, теперь я уже не Морозова, а Борисова. Письма пиши на старый адрес, они меня найдут".

После свадьбы и рождения сына я ни разу не навещал Белозерку: каждый отпуск проводил над книгами да контрольными, считая, что моя бурса не простит мне серости в учебе. С домом обменивался лишь редкими письмами. Из дома порой писала мама, с трудом отличавшая "а" от "б"; сестре же, видно, со своей любовью, ребенком и теперь вот таким горем было, скорее всего, не до писем. Подумать только, я даже

не знал о замужестве сестры и об ее дитяти! Никаких вестей о своей свадьбе сестра не сообщала. Секретность, не иначе, диктовал ее картежный кавалер... Теперь гадать поздно, только при встрече сестра может все рассказать.

Обговорив с женой случившееся в Белозерке, я решил: ехать мне надо туда немедленно. Это ж какое-то варварство с моей стороны — три с лишним года не показывать дома носа! Простительно, будь Белозерка за тыщи верст, а то ведь она всего в полусутках езды по железке".

— Вот такие вы сыновья непутевые, Морозов! Забыл дорогу домой, забыл про мать, сестру, братьев, дядек. Ладно бы на Сахалине жили... Надо срочно ехать! — выговаривала мне Лена.

Я и сам себя костерил: ударился в учебу, в науку, а о доме сердечко не екнуло ни разу. Ладно, хоть денежные переводы не забывал посылать, а то точно уподобился бы закоренелому лагернику, которого колючая проволока да высокий забор не пускают. А тут свобода, транспорт под боком, скотина я безрогая, съездить домой не удосужился!

... 10 ноября того же 1964-го года Надежда родила сына. Состояние роженицы и младенца, как сообщала медсестра, соответствовало норме, что безмерно радовало всех нас. Тесть с тещей прослезились от радости, родители же Артема даже пустились в пляс.

Артем в честь сына организовал шумную пирушку с друзьями, продолжавшуюся без малого неделю. Ее обильности способствовала явкая для всех нас необычность совпадения месяца и дня рождения Артема и его сына. Артем, как мальчишка, радовался такому редкому обстоятельству, для подтверждения чего всякий раз не ленился показывать каждому свой паспорт.

Весть о рождении нового человека в Орлиной мгновенно разнеслась по поселку. Стоило кому-то из Катулевских появиться в людном месте — магазине, бане, рынке — как их плотным кольцом окружали однополчане, по-своему поздравляли, восхищались, желали. Илья Матвеевич с мужской половиной справлялся относительно свободно: стопарик из чекушки, которая в первые дни не покидала его карман именно для такого случая, удовлетворял самых ретивых и неугомонных. С женскими же поздравлениями теща разделялась как-то по-своему: обе стороны расходились тихо и без обиды.

На работе друзья мои к пополнению в семье моего сваяка отнеслись сдержанно, а Павло заметил, что сваяк мой хорошо перебирает, опух от возлияния, в глазах постоянно туманная поволока. Напрасно он

так, начальство ведь может усечь", — беспокоился Павел. Я успокаивал друзей: мол, парень молодой, а тут такое счастье на голову свалилось... Теперь все входит в свою колею, жена его уже дома и куролесить мужу, конечно, не позволит.

...Ка обеденном перерыве я сунул Алеко письмо из Белозерки. Шурик все-таки свой человек, пусть и он знает о делах Лиды — как-никак, старая, пусть несостоявшаяся, но любовь. Сам я мешать Алеко не стал, ушел в кабину тепловоза к Павлу, листавшему журнал "За рулем".

— У тебя, старик, разгрузочный день сегодня? — спросил Павло. — Не усек я тебя в столовой... Да ты, старик, однако, кислый какой-то! Дома неприятности или в университете?

— Дома, в Белозерке, — и я рассказал Павлу все, о чем сообщала сестра.

— Надо съездить, успокоить, выразить соболезнование. Когда соберешься, дай нам с Алеко знать: Лида с матушкой не чужие нам. Подгадай на сорок дней, отметите, как положено. Мы с друзьями зелененькими пошеледим, сестре не помешает.

— Спасибо, старик, но она ничего не просила.

— Свою сестру не знаешь разве?

— Верно, она никогда не попросит. Скажет: у брата своя семья, ребенок, свои расходы...

— Не ездил целых три года... Не делает нам чести, старик!

— Добро, Павло, откладывать не стану...

На тепловозе Алеко, вернув мне письмо, сказал:

— Не знал я всей этой ее истории.

— И я не знал. Могла бы на свадьбу пригласить как брата, тем более, свой баян, не надо никому кланяться. В целом же, многое в ее истории мне неясно, какая-то темнота. Может, и свадьбы никакой не было, просто молодая кровь разыгралась, да и дитя сотворила?

— Кто его знает, — заметил Алеко. — Они, молодые, часто видят только самое броское перед глазами — кудри, лоск, блеск, модные шмотки да сигареты, а что за ними, внутри, в душе и в сердце, им по барабану. Когда же обожгутся, начинают умнеть, но крылышки-то подпалены, и лететь высоко уже нет сил. Время, конечно, залечит раны, отрастут и крылья, и тогда, наконец, приходит мудрость. Это, скорее, и происходит с твоей сестрой. Я желаю ей мужества и силы. Поедешь — привет от меня. Спросит — я тот же, и наша троица по-прежнему хрепка. А еще скажи: мы повзрослели, стали мудрее — в Орлиной климат такой.

Я обещал все исполнить в лучшем виде. И просьбу Павла достать фотографию сына — любую, от младенчества по сегодняшний день — разумеется, исполню, чего бы мне это ни стоило.

...Три рабочие смены с выходными пролетели в Белозерке, как один день. Дома все оказалось не так уж трагично. Помощь ОХРовцев окрылила сестру, сорок дней Борисову отметили на уровне. Брату Андрею недавно исполнилось 12 лет — немного, но он не считал себя мальчиком и не был белоручкой: как и я в свое время, крутил сепаратор, убирал навоз, притрушивал новую подстилку, боролся со свиньями, нещадно лупцую их черенком лопаты, рассыпал курам зерно, наливал км большую чаплыгу свежей воды. Семья в Андрее души не чаяла, он оставался на весь дом

единственным мужчиной, на ком держалось все хлопотное хозяйство, отказаться от которого мама даже не помышляла.

Сразу же по приезду я освободил братишку от постылого скотного двора, какой во все времена был для Морозовых надежным кормильцем. Мама, не вняв решению поссовета ликвидировать домашнюю скотину, особенно свиней, продолжала откармливать их до завала под нож. Поселковый совет на все смотрел сквозь пальцы, по домам не ходил, выполнение своего же постановления о ликвидации подворий не контролировал. Как говорили, Белозерка начхала на дурацкие решения кремлевских властей об изведении домашней живности.

Теперь, когда Никиту Сергеевича под белы ручки свели с кремлевского трона, о злополучном постановлении по ликвидации крестьянских подворий уже не вспоминали. А если и приходилось иногда, то непременно с пожеланиями Хрущеву кости поперек горла.

Белозерке я все-таки встретился со школьными друзьями, не подавшимися, по примеру большинства молодых людей, на громкие все-союзные стройки века. Среди одноклассников по поселку слонялись только Михаил Буримов, Николай Погребной да Николай Райков, из параллельного класса — Валя Гаврилина и Олег Сенчутовский.

С Олегом в школьные годы мы хорошо дружили; он, как и я, любил поэзию, красивых девушек, а однажды мы сразу оба влюбились в нашу одноклассницу — Симу Гущину. Сима поначалу не делала предпочтения ни одному из нас, но в итоге я все же остался с носом — не помогли ни мое стихоплетство, ни душевные трели баяна, ни красивые, в охапку, букеты цветов, какие я преподносил Симе к 1 мая в восьмом классе и к 1 сентября в девятом. Олег ничего этого не делал, но на школьном новогоднем балу он и Сима не расставались.

Сима после выпускного подалась в Суздаль со своей мечтой о древних настенных росписях, курганах — словом, о чем-то пещерном. Валя Гаврилина, к которой я тоже питал нежность, пока находилась в Белозерке, работала на "железке", учась заочно, как и мои "студики" Алеко с Павлом, в том же железнодорожном вузе.

Никто из моих белозерских друзей семей пока не обзавелся. Девчонки тоже замуж не спешили — наверно, ожидали своих рыцарей. Рыцари же в Белозерку наезжали редко, больше проездом или в командировку; оставалась в основном белозерская поросль, отчего в последние годы свадьбы здесь почти не игрались.

Олег, недавно отметивший свое 26-летие, решил в корне менять свою жизнь. Работает он в местном депо машинистом на маневровом тепловозе. Работа непыльная, неплохо кормит, но Белозерка — не его мечта. Поступил на "заочку" в железнодорожный, уезжать отсюда пока не собирается, хотя мечта не дает покоя: Приесильск, большое депо, большой локомотив и настоящая работа — поездная. В зиму срываться хлопотно, лето же будущего 1965-го прояснит погоду.

Из наших школьных учителей никто не уехал — напротив, обживаются, обустраиваются и видят мир в розовом цвете. Уехала только "англичанка" Маргарита. Математичка Ленина вышла замуж за физика Павла Федоровича, отгрохали дом и ездят на собственной "Волге". Директор тот же — бывший офицер, учитель биологии Иван Павлович Бурьяновский. При встрече всегда интересуется жизнью выпускников его школы: кто женился или вышел замуж, кто как-то по-хорошему зашел в наш житейский мир на ударной работе, в спорте, а может, и на учительской стезе. Словом, душа у Ивана Павловича болеет за всех своих бывших школьников.

При воспоминании о таких учителях, как Иван Павлович, у нас с Олегом просто теплела душа. Михаил Буримов с Николаем Райковым тоже любили своего директора. Но провести Бурьяновского нам с Олегом не удалось из-за его поездки в облоно. В учительской нас приняли, как родных. Смущаясь, мы одного не понимали: откуда у наших прежних преподавателей, в свое время ставивших нам двойку абсолютно без дрожи, сейчас столько тепла, доброты, чистоты, душевности? Оказывается, они, наши учителя, до сих пор неспокойны, когда кому-то из их учеников плохо.

Математик Павел Николаевич Расторгуев, строгий и беспощадный по своему предмету, у кого я никогда оценку выше тройки не получал, на этот раз был с нами как никогда приветлив, обходителен и по-от-

цовски нежен. Участник войны, с осколочным ранением, нередко тревожащим его и поныне, Павел Николаевич дотошно интересовался нашей жизнью, работой, здоровьем, семейными делами, планами на будущее.

Мы с Олегом рассказывали каждый о своем. Не преминули поблагодарить Павла Николаевича за его уроки, которые мне помогли закончить железнодорожное училище, а Олегу — поступить в железнодорожный институт, где математика — основа из основ. Расторгуев с благодарностью жал нам руки, радуясь тому, что его предмет помогает мам в жизни и работе.

Историю мы с Олегом в школе знали хорошо. Наши знания историк Петр Иванович Гарбузов оценивал на пять с плюсом. Теперь, встретившись с ним, мы по-мужски обнялись, до боли сжимая ладони в крепком рукопожатии. Петр Иванович расспрашивал, помогает ли его предмет в нашей жизни и нет ли у нас планов посвятить свою жизнь этой науке. Мы отвечали: "Предмет ваш интереснейший на земле, но мы пошли на "железку", а там профилирует больше наука Павла Николаевича". Посмеялись, раскуривая мой "Казбек". Павел Николаевич и Петр Иванович хвалили нас с Олегом за добрую память о школе, за нашу правильную жизнь. А это лишний раз и им тепло на сердце: их воспитанники не подводят своих учителей, значит, их труд не пропадает даром.

Школа школой, но меня больше интересовали мои одноклассники. Олег не обо всех все знал, в этом плане меня выручила моя сестренка: Белозерку она любила, многих ее жителей помнила пофамильно и знала в лицо. Из моих оставшихся одноклассников она встречает в Белозерке Тамару Тюковину, Любовь Мамонову, Раису Момот, Аню Кайдашову, Валю Гаврилину, Лину Юлдашеву. Все они работают, но сидят на чемоданах — их манят города. Любовь Филатова приезжает к родителям, работает медиком и даже преподает в мединституте. Жалмагамбетов закончил юридический, выехал, но Белозерку навещает по делам диссертации. Володя Савинцев — радиоинженер, в Белозерке появляется только в отпуск, а в целом прижился в Приесильске, ошчастливив радиокомитет.

Вроде все, брат. Остальные разъехались по городам и весям. Кто-то подался на целину и там делает свою биографию, кто-то на великие стройки страны... Твои друзья детства Петр Калиновский, Василий Сердюков, Аня Сиротина, Ира Акулова, братья Сампиевы, Дмитрий Нерода, Александр Холло, Ахмад Аспиев появляются в Белозерке

лишь на побывку к родным, когда горе или радость в их доме...

Поездка в Белозерку оказалась для меня памятной, полезной и поучительной. Она воскресила столько добрых детских и юношеских воспоминаний! Просьбу Павла о фотографии Лида выполнила без проблем. Валя не противилась, просто вложила в конверт белый глянцевый квадратик, а Лиде сказала:

— Пусть смотрит, вспоминает и казнит себя, если он еще способен казниться! Я не пропаду — муж хороший, мальчика любит. А будущее покажет... Может, когда-нибудь дороги отца и сына да пересекутся.

...Пашка подолгу рассматривал цветное фото бутуза с вызывающей челкой и слишком серьезными глазами. Выдал свое резюме: в его сыне сквозит осуждение — взгляд говорит. Мы с Алеко посмеялись: откуда у пятилетнего человечка какое-то осуждение?

— А вы присмотритесь, загляните в его глаза. Будь я на его месте, — зло сказал Павло, — я бы съел отца живьем, что он, видно, и делает.

— Ну, дорогой, ты же знал, что Валя несовершеннолетняя, — упрекнул друга Алеко. — Потому не следовало тебе искушать себя любовью к ней. Но ты пребывал в своем амплуа, и такие, как Сусличиха, только продляли арифметический порядок в твоей эротической картотеке. Винить по этому поводу, наверно, мало, а вот казнить следовало бы.

— Да, друзья, но посмотрите, какой красавец! Вылитый мой портрет. И как мне теперь быть? Может, действительно казнить себя до гробовой доски? Не было у меня никогда за собою хвостов, а тут, черт возьми, в одну ночку да поставил точку, дав жизнь крепышу Веселовскому сыночку.

— То же самое, старик, могло случиться и с Трофимовой, не будь у вас какого-то отторжения или несовмещения, — подлил я масла в огонь.

— Конечно, могло. Но, может, от того Бог миловал — я не стоил ее. А если бы захватила, то не стал бы кучеряжиться, женился бы, как все, а дети сделали бы меня умнее да добрее душой.

— Дети, конечно, дисциплинируют нас, делают более ответственными перед собой и обществом, — продолжал я. — Однако понимаем мы это часто слишком поздно. Жизнь ведь учит нас: не шутите с огнем! Мы же не внемлем.

— Да, друзья, себя я не оправдываю, а коль накуролесил да наследил, надо все заглаживать поведением. Но на ошибках учатся, Трофимова тому урок, а потому чувствую — какая-нибудь орлинка меня все равно захомутает. Правда, старики, хочется в рабство к такой, как Ле-

на у Мороза или Лизавета у Федора! В таком рабстве наверняка есть своя отрада. Честно, дорогие мои, хочу в рабство. Как вы смотрите?

Да, Павло, — сказал Алеко. — Рабство — не напасть, с рабовладельцев бы не пропасть! Мы уже переростки, потому ошибаться нам заказано. Сколько в депо парней по два-три раза женатые? А во всей Орлиной? Нет, худший пример не для нас. Надо искать свое счастье. Мороз нашел? Нашел. Думаю, и мы с тобою не без судьбы.

Правильно, Шурик. Институт добиваем, а там идем к каким-нибудь прелестям в рабство!

— Согласен, — улыбнулся Алеко. — Если рабовладение взаимное, жизнь должна получиться...

Глава 24

Тихий юбилей

В марте 1969-го исполнилось десять лет нашего пребывания в Орлиной, недавно получившей статус поселка городского типа — ПГТ, как любили теперь писать орлинцы на почтовых конвертах, на открытках и в официальных документах. Поселок Орлиный в последнее время действительно рос да прихорашивался, отчего с любой точки смотрелся очень даже привлекательно.

Прежнее несчастье — злополучные дороги — строители засыпали каким-то уплотняющим грунтом, придав им истинно городской вид. Поговаривали об асфальтировании, но вопрос пока висел в воздухе. Ходили слухи, что есть проект строительства на окраине поселка какого-то ДСУ — дорожно-строительного участка. Орлинцы, народ практичный, понимали, что это только слухи, но все-таки растили в себе какую-то надежду.

Железнодорожники Орлиной на всех участках трудились по-настоящему ударно, но грузовой поток превышал возможности "железки". Незабвенный МПС знал причину болезненного затора сквозного железнодорожного движения "Урал — Юг", но принять нечто кардинальное для его оживления пока не мог.

Мы, ремонтники, на всяческие разговоры о строительстве в регионе Углеград — Азия вторых путей с прогоном их через Орлиную откли-

кались трудом в поте лица, выдавая на линейку готовности необходимое количество локомотивов. Деповской ремонтный конвейер работал без сбоев, само депо достойно принимало повышенные социалистические обязательства, чем налагало на себя большую ответственность.

За этот долгий срок мои друзья стали инженерами, да и я, получив свой диплом, тоже как-то подтянулся до их уровня. Время шло, но мы пока не покидали своего ремонтного мостика. Григорию Ивановичу, правда, сделали исключение, назначив мастером профилактики. Освободившуюся вакансию заполнил новый старший слесарь — Борис Егоров, который висел на доске почета не один год, что нас крайне радовало: марку дизелистов мы решили держать и в следующем десятилетии, по-прежнему не уступая другому цеху переходящее Красное Знамя.

Конечно, мы пока не знали, как поступит начальство с нами, дипломированными слесарями: позволит ли оно оставаться нам на локомотиве или предложит нечто, соответствующее нашим большим коркам? Нас, как признавался Павло, наши дипломы вовсе не тяготили — работаем, и слава Богу. Мой же гуманитарный лично мне в депо вообще ничего не давал, никаких преимуществ, разве что кроме броского синего ромбика с гербом на лацкане моего выходного пиджака на каких-либо торжествах вроде Первомая, Великого Октября или нашего кровного Дня железнодорожника.

Шесть лет учебы, диплом... А руководство депо даже не колыхнулось. Чего уж, я и прежде предвидел, что гуманитарии депо нужны, как зайцу вырезатель. Слесарит человек, и пусть слесарит. Павлу же с Алеко, думал я, начальство вряд ли позволит пахать в прежнем качестве. Какие должности оно предложит моим друзьям, я не знал, но работать нам троим вместе дизелистами гряд ли позволят, разлучат. Мы это чувствовали.

Первой ласточкой явился Дайнеко. Для Павла с Алеко ничего подходящего пока не светило, но во всеуслышание поговаривали о переводе одного из них мастером на ПТО, другого — на реостат. Обо мне речи не велось вообще: со своим "навозным" дипломом я лишь пополнял престижный деповский список людей с высшим образованием.

Наши дипломированные "профессоры" Вовка Чугунов и Анатолий Шаповалов целое пятилетие после института еще осчастливливали депо. А в марте 69-го мы, скрепя сердце, но по-доброму проводили их на поезд в неизведанную даль. Разлучаться всем нам вот так — поездами, за годы учебы и теперь из Орлиной — нам пока не приходилось, но вот

случилось и это. Хлопцы возвращались домой, мы им по-хорошему завидовали. На перроне Федор, окинув нас взглядом, сказал:

— Да, друзья, осталось нас пять из пятнадцати — тройка Павла, я да Алеша Быстрый. Кровные свои четыре года мы отработали аж дважды, стали инженерами, и каждый теперь имеет право уподобляться рыбе или птице. Десять лет, друзья, это немало, но мы честно пронесли сквозь все невзгоды нашу верность долгу и мужской дружбе. По правде, в отпуске, насмотревшись на всякие природные прелести, я понял, что нет мест лучших, чем у нас в Татарии. Лиза уже рвет и мечет, желает нашему сыну лучшей доли, что означает бежать из Орлиной. Как видите, дорогие однокашники, скоро вам вновь придется провожать, только теперь нас с Лизаветой. Работу нам в Юдино обещали: работников с высшим там хорошо привечают, к тому же, многое делают в плане жилья...

По поводу отметки нашего десятилетнего юбилея Федор не обмолвился ни словом, и мы, оставшись втроем, просто недоуменно пожали плечами. Поезд ушел, ушел и Федор. Пашка, анализируя ситуацию, высказал свой весомый аргумент:

Женитьба все-таки портит мужика: он становится излишне умудренным, расчетливым, экономным, а главное, зависимым. О Морозе, правда, такое не скажешь, но и в нем подобная тенденция ищет себе пристанища. Леха Быстрый теперь работник техотдела, уже больше причисляется к когорте интеллигентов; совратить такого на стопарик вряд ли удастся. В столовые он уже не заходит, к пиву с прицепом не прикладывается, шумных кампаний избегает, по-настоящему оберегая честь мундира технолога депо. Человек не позволит бросить тень на свою особу, потому просто не станет якшаться с нами, кому "пузырек" никогда не вредил. Остаемся мы трое... Как смотрите, старики?

Мы с Алеко предложение поддержали. В ОРСовской столовой за столом нас никто не тревожил, не паялил на нас своих зенок. Поваренки, кому мы в свое время строили глазки, превратились в стройных дам, для которых мы теперь являлись просто клиентами. В целом же все оставалось, как прежде.

- Что ж, друзья, — с какой-то грустью произнес Павло. — Давайте без торжественности и всякой патетики, но от чистого сердца поднимем наши бокалы за десять лет в Орлиной! Как бы трудно ни складывалась в ней наша жизнь, мы с честью выдержали все испытания. Из пятнадцати наших остается нас только пятеро, и эта цифра, по всему, поредеет еще. Как прожили мы минувший червонец? В общем непло-

хо. Нами не потеряна наша дружба, а за эти годы она еще более окрепла. Каким станет этот наш союз нерушимый во втором десятилетии, мы не знаем. Да и наступит ли это второе десятилетие? Не порок ведь, когда человек стремится к своим истокам, к земле своих предков, к родному порогу, так сказать. Слышали? Скоро Федор слиняет, потом, наверно, Быстрый — краем уха слышал. Остаемся только мы трое. Давайте, старики, за червонец на земле Орлиной, за памятный юбилей — на этот раз тихий, скромный, сродни поминкам...

Закусывали, хвалили пиво, наших пополневших поварих. Разливая по второй, я с горечью заметил:

— Да, нас остается только трое из пятнадцати. Мы честно и красиво дружили, многое доверяли друг другу, многое прощали. Теперь настанет время, когда в Орлиной останусь только я. Ты, Павло, исчезнешь в своей Хохляндии, Алеко осчастливит свою Бульбашию. Естественно, миграция населения была, есть и будет, и вы тоже не исключение. Мне же ехать некуда: мои корни, дом — все здесь. В этом поселке семья, работа, депо, коим я благодарен за ликбез. На журналистскую стезю меня просто не тянет, потому буду слесарить до обалдения, а может, и до скончания века — жизнь покажет. Давайте отбросим грусть и выпьем за нашу дружбу, какая никогда не меркла! А главное, чтобы мы бы помнили друг о друге до старости!

Дошла очередь и до Алеко:

— Думаю, все необходимое уже сказано, умом и сердцем пожелания приняты, однако два слова скажу: дружбе нашей — жить! Десятилетие в Орлиной пусть надолго останется в нашей памяти. Станция эта стала для нас добрым поводом. Мы стали профессиональными слесарями, теперь вот и инженерами. Мне вот о чем хочется сказать: сегодня нам по тридцать, но ведь будет по пятьдесят-шестьдесят, и если в будущем мы не потеряем связи меж собой, значит, в нас есть нечто большее, чем верность дружбе. Наверно, это все-таки братство, кровное родство. Давайте, старики, за то, чтоб нам никогда не расставаться, даже когда судьба нас разбросает! Пусть где-то на новой земле, в новом краю, но втроем. Такое возможно, если поставим себе такую цель!..

Так, вперемежку между тостами, мы как бы подводили итоги нашего орлиного десятилетия. Первое, на чем мы делали особый упор — мы получили высшее образование.

— Второе, — загибал пальцы захмелевший Павло, — и это тоже дало нам Орлиное десятилетие: мы вычеркнули из списка холостяков ОХРовцев Мороза и Федора. У обоих хорошие жены, сыновья и вообще

дружные семьи. Третье: Орлиное депо по сути дало нам жизнь, вывело п люди. Мы получили добрую рабочую закалку, полюбили свою профессию, став слесарями высокого разряда, а это в любой точке Союза непременно прокормит. Ну, и четвертое: мы научились понимать жизнь, людей, научились видеть в себе недостатки, стараемся от них избавляться. Сама Орлиная теперь именуется поселком городского типа, налицо радующие глаз перемены: хорошеют улицы, строятся дома для железнодорожников, реконструируется само депо. Жизнь берет свое, и станция птичьего имени скоро не будет считаться худшим местом на земном шаре, как говорил в свое время Вовка Чугунидзе. Словом, давайте, старики, еще раз поднимем бокалы за наше боевое Орлиное десятилетие!

Так безрадостно отметили мы наш юбилей. Много говорили хороших слов, но больше, наверно, осталось в душе у каждого. Расходились с неохотой, чувствовали — второго десятилетия в Орлиной не будет. Ссегодня только март 69-го, припечет солнце, и ОХРовцы, как говорил тот же Пашка, начнут, уподобляясь муравьям, суетиться да паковать свои чемоданы. Их зовут родные края, романтика, многие новостройки от запада до востока.

Только закон держит в депо ОХРовцев в силу их обязанности — отработать урочный срок после училища, вуза, техникума. На "постоялку" здесь соглашались немногие. Федор уже сидел на чемоданах, Лиза не скрывала этого, радостно сообщая моей жене все новости по ее отъезду. Заодно она уговаривала ее повлиять на меня: вы, мол, люди молодые, грамотные, правильные, работающие, такие товарищи в их Юдино по-настоящему ценятся. Зачем вам, таким молодым, красивым, настоящим людям, хоронить себя заживо в Орлиной? Пусть живут, кто здесь родился, крестился, нетребователен в жизни: дом, хозяйство, машина — и человек удовлетворен, счастлив. "Депо без вас не остановится. Железнодорожный транспорт в этом регионе развивается, я даже слышала, есть проект строительства через нашу крылатую-пернатую вторых путей с последующей электрификацией. Перспективы обнадеживающие, народу наверняка наедет. Словом, региону в будущем цвести и хорошеть. Однако природная беднота да экологическое неблагополучие съедают здоровье орлинцев, потому, Лена, вам с Морозовым надо попросту уехать, чтобы начать жизнь по-новому, может, даже с колышка".

Дома мы обсуждали предложения друзей. Лизаветин вариант казался более реальным: есть корки железнодорожного училища, до-

брый рабочий стаж, высокий слесарный разряд. Но таких, как я, в Юдино наверняка метлой мети, да и нужен я там, как собаке пятая лапа. Будь у меня диплом инженера, имело бы смысл, а так — сбоку припека, обычная посредственность. В своей чернокрылой с моей непрестижной коркой я могу еще кому-то понадобиться: авось порекомендуют инженером по технике безопасности или каким-то экспедитором в отдел снабжения, где, как утверждают знатоки, надо быть не только грамотным, но и в какой-то мере психологом, коммерсантом, дипломатом. Мой диплом близок к этим требованиям, соответствует каким-то житейским стандартам, остается только ждать случая.

Конкретно с женой мы ни на одном из вариантов не остановились, по поводу чего я просто сказал:

—Пусть все уезжают, мы же пока останемся на своей родине, дома. Квартирка есть, Валерка в третий класс пойдет под присмотром деда с бабкой, а мы хоть раз в жизни выберемся в отпуск на белый свет поглядеть, себя показать. Помчимся на то же самое синее в мире, какое мы только в кино и видели...

Господи, каждый год два бесплатных билета летят в тартарары! Весь отпуск сидим дома, заготавливаем корм для скотины, заботимся о доме на Пионерской, белим, красим, штукатурим, вскапываем огород, поливаем, ухаживаем, холим. Так отпуск и пролетает.

—Как смотришь на это, Морозова?

—Очень даже положительно смотрю. Честное слово, будь другой на твоём месте, я, возможно, не закончила бы столь успешно техникум, а значит, не повысилась бы в должности и не имела бы нашего скромного, но такого дорогого нам кубрика. Второе: ты хорошо, Мороз, помог Тоне — пединститут она додербанила, и теперь у нее любимая работа. Вот теперь ей только найти хорошего жениха, а там наши старики, оставшись одни, смогут отдохнуть от нас да хоть немного поживут в свое удовольствие. За все это я и люблю тебя, Красный Нос, и если какая к тебе приклеится, то глаза ей выдеру! За счастье свое, правильно говорят, надо бороться. Насчет же рвать когти — ты этого сам не хочешь. Зовет же Шкреба в Омск, хорошую журналистскую работу обещает... Тебя переезд пугает, да и я боюсь его, боюсь с насиженного места срываться. На месте, известно, камень обрастает. Поживем еще, обрастем, а там что-то и высветит. Большие перемены в Орлиной ожидаются; думаю, и в твоей боевой-кипучей трудовой биографии что-то изменится, все-таки и твой диплом "навозный", как ты говоришь, востребуют. Сейчас наша станция насчитывает всего восемь путей, а предусматри-

вается аж целых пятнадцать. Отсыпка площадки уже ведется, строители целыми днями что-то вымеряют да нивелируют, навезли горы грунта да щебня, планируя нечто грандиозное. По всему, увеличится поток поездов, а это придаст работы всем — деповчанам, путейцам, вагонникам, связистам, станционникам, нашим доблестным строителям гражданских сооружений...

Обо всех этих заманчивых планах мы не раз слышали на узловых планерках. Однопутный участок себя давно изжил, положение же с возрастающим грузовым потоком могла решить только двухпутка. А ее на тысячекилометровом участке пока не строилось, но полотно насыпи отсыпалось интенсивно. Поговаривали, что на соседних станциях готовят площадки под звеносборочные базы для поездов с редким названием ГОРШ и ПМС. Орлиная пока не видела этих хитрых организаций, но жила болезненным ожиданием чего-то нового, должного появиться в этих краях не в отдаленном будущем, а в ближайшие 70-ые годы.

ЧАСТЬ II

Глава 1 Великое начало

Весна 1971-го как никогда оживила умеренный уклад жизни Орлиной. Будто по щучьему велению на пустынной окраине поселка появились улицы из железнодорожных теплушек — без малого триста штук! Любопытные успели сосчитать их и опо-

вещали встречных-поперечных о необычном житье-бытье теплушечных людей.

Когда прибывали эти людские поезда, когда и с какой оперативностью врезались стрелки для съезда такой массы вагонов с главных станционных путей на пустынную площадку, никто не видел. На обширном пустыре кипела работа, удивлявшая всех, кто за ней наблюдал.

Шустрый путеукладчик в считанные часы укладывал старогоднюю рельсошпальную решетку, куда затем маневровый тепловоз заталкивал двухосные вагоны. Очевидцы срезусь определили, что коробки эти не иначе времен самого Черепанова. Железнодорожники тут же и базу подвели под свое открытие: теплушки оборудованы давно отжившими свой век звенками, какие теперь помнят разве только железнодорожники-пенсионеры. Нынче весь подвижной состав железных дорог державы перешел на автоматическую сцепку, какая позволяет водить поезда, по сути, неограниченной тоннажности.

Целая деревня теплушек с жившими в них людьми будоражили местного обывателя. Вскорости стало известно: это откуда-то с Озерок или из-под Локтя в Орлиную переброшен Головной ремонтно-восстановительный поезд — ГОРЕМ, как официально именовался он на броской вывеске.

Орлинцы с первых же дней появления на их территории "какого-то гарема" тут же окрестили его — фирма "Стороженко и К", проникшись к его коллективу уважением необычайным. Их удивляли необыкновенное трудовое горение и неутомимая работоспособность людей этой непонятой железнодорожной организации. Своя работа казалась обыденной, просто заурядной, а тут что ни день, то подвиг в полном смысле!

Стороженко Владимир Иванович — начальник ГОРЕМа, Кондратенко Василий Яковлевич — его заместитель. Под их руководством поезд начинал необычайно преображать провинциальный заштатный поселок Орлиный Углеградской области. Орлинцам слово "поселок" не нравилось, они взяли за правило писать: "Станция Орлиная Приесильской железной дороги".

Для железнодорожников Орлиной с прибытием ГОРЕМа на их родную станцию началась поистине новая жизнь. В короткое время приезжие построили звеносборочную базу, откуда даже ночью слышалась пулеметная очередь десятков костыльных пневмомолотков. Любопытные не поленились наведаться на звеносборку днем, дабы убедиться, как от этой нескончаемой пулеметной очереди горами рождалась рельсошпальная решетка, которую тут те грузили на путеукладочную машину, в двенадцать роликовых платформ.

В начале весны того же 1971-го в поселке появились какие-то "адские" строители дорог. Местные знатоки утверждали: на заработки приехал бывалый "Армяндорстрой", область обязуется выделить средства на асфальтирование улиц. Те же знатоки откуда-то принесли весть: быть Орлиной центром нового одноименного района в новой же области — Медногорской.

Сам Медногорск, как утверждали очевидцы, поистине трепетал от подобных слухов. Не отставала и Орлиная, наперво приютившая докучную службу ГАИ, отчего местные лихачи приуныли да поубавили свою прыть.

Разговоры об организации Орлиного района жили у всех на устах. Пенсионеры так чуть ли не приплясывали от радости: теперь им не придется мотаться за полторы сотни верст в райцентр Кульджи в тот же собес, тратясь на билеты да трясясь в автобусе на несносных, худших в мире дорогах.

А взять тот же военкомат! "Это же какое-то издевательство над призывниками", — говорили экспансивные родители своих великовозрастных отпрысков. Маленький примитивный автобус, набитый, как бочка селедкой, проклятые дороги, в райцентре же — ночевка в классе школы или в зале какого-нибудь красного уголка, еда всухомятку, сон на чем придется ("кости" на пол, ладонь под голову). А там — двое-трое суток медкомиссия, бумажные формальности и снова тряска в обратном направлении...

Может, теперь Орлиная, став столицей нового района, сосредоточит у себя всю жизненную инфраструктуру — собес, финотдел, районо, военкомат? Оптимисты верили слухам, пессимисты же разводили руками: мол, жди с моря погоды!

У нас троих по работе особых изменений не происходило и ничего существенного не ожидалось. В самой же смене изменения-таки произошли, она по-настоящему осиротела: кандидат наук не позволила нашему Григорию Ивановичу с дипломом инженера везти такой непрестижный воз, как мастерство.

Бригадирствовал теперь Павло, и мы с Алеко старались не подводить своего друга. Работал Павло, как и прежде, по нос в мазуте, нисколько не отличаясь от нас с Шуриком. Рукавиц мы не признавали, робу не жалели, коль требовалось, ползали у гидромукты или вала отбора мощности на коленях, а то и на пузе, лишь бы оперативно выполнить работу да дать готовность локомотиву по своей дизельной группе.

Пахали мы, говорили о нас, как проклятые. Случалось, остервенело

крыли матом какой-то из узлов, скажем, ту же дренажную трубу, гайки которой под аховский ключ 75 на 80 часто не отворачивались даже с помощью солидного вспомогательного плеча — наставной трубы. Только с подключением, как говорил Павло, трех лошадиных сил, то есть, нас троих, гайки поддавались, и дренажка затем действительно не находила себе места: в кузне ее жгли, калили в горне, лупасили кувалдами, после чего, отведя душу, облепленную и очищенную от зашлаковавшейся гари, ставили на место.

Подобная работа на тепловозе за десятилетие порядком нам осточертела. В наших действиях появилось немало автоматизма, не мешавшего, однако, делать нам свое дело не только добросовестно, но, по Дайнеко, даже классически.

— Настоящее рабочее начало, хлопцы, получило в вас особую закалку, — говорил Григорий Иванович перед отъездом. — А теперь при десятилетней практике да с углубленным познанием всей структуры локомотивного хозяйства нашей "железки", то есть, по окончании вуза, факультативно закрепившего у вас единение теории и практики, вы действительно стали рабочими с большой буквы. В наше время рабочий с высшим — совсем не редкость. Почему? Просто у людей появилась тяга к знаниям, к совершенствованию своей профессии, благо все это абсолютно бесплатно, не как на Западе. Сейчас партия серьезно ставит вопрос о всеобщем среднем образовании, всемерно содействуя получению высшего. Мы с вами проучились пять лет, а Владимир — так и все шесть, не выложив за учебу ни копейки. Напротив, государство само нам оплачивало наш средний, давало разовый билет к месту учебы, за что надо действительно благодарить нашу партию, советское просвещение и наш незабвенный МПС!

Пролетели целых три года после института, а мои напарники по-прежнему дубасили дренажные трубы — дренажки, драили ресиверы с выхлопными, так же таскали на пузырьке, ни дна бы им, ни покрышки, водяные да масляные секции, снимали воздухоудовку, раскрепляли крышку верхнего картера, где гаек, по словам Пашки, каждой твари по паре, каких до Москвы раком не переставить.

Мы трое работой не тяготились, корочками своими не кичились, с друзьями вели себя абсолютно на равных, что вызывало их уважение. Однако находились и скептики, зло ехидничавшие: с дипломом инженера да слесарить? Конечно, инженеришко техотдела только каких-то сто двадцать рэ видит, тогда как слесарь ежемесячно приносит все двести, а то и триста. Есть разница?

Поднакопят парни денюжат — и прощай, Орлиная. Не дураки же они с дипломами в мазуте плавать, пупы надрывать? А эти парни помучаются, зато с башлями уедут, пристроятся в городе на ту же "железку", обзаведутся семьями и станут жить-поживать да добра набивать, когда-никогда депо вспоминать, какое им хлеб и кров давало, выучило и научило жить.

Жить, конечно, везде можно, но Белоруссия и Украина — это же бо-жеские края, рай небесный! Вот Дундич с Веселовским и рванут, когда чулок наполнят под завязку. Поедут на родину, как белые люди: обу-ты, одеты и в кармане звенит...

Ну, слухи слухами, а прямого разговора друзья мои о своем отъезде не заводили. Об их желании подзаработать я знал и поддерживал их потуги в этом плане. Алеко не скрывал: хочу, мол, уехать домой на ко-лесак. В Орлиной легковушку легче купить, нежели в той же Белорус-сии.

Павло, насколько я знал, ни к каким колесам не стремился, но де-нежки копил, не скрывая этого. В последнее время зарплата ремонт-ников депо повысилась почти наполовину, эксплуатационников — на треть. Это исключительно радовало железнодорожников и побуждало их петь дифирамбы в адрес родной коммунистической и лично Леони-да Ильича.

Одно из таких восторженных стихотворений я и тиснул в каком-то номере своего "Тепловозника". "Генсек" партийной организации депо похвалил меня: мол, стихотворение своевременное, написано хорошо, отражает настрой всех деповчан. Мысли мои о партии правильные, а вот почему я еще не коммунист — ему непонятно.

Надо немедленно подавать заявление в кандидаты; одну из реко-мендаций он даст лично. Нельзя жить в стороне от больших событий и великих дел страны! Идет обсуждение пятилетнего плана, у советских людей — большой трудовой подъем, хорошее настроение, они с опти-мизмом смотрят в будущее, с оптимизмом же, с трудовым горением строят его.

Наша страна сегодня — это огромная строительная площадка. Про-кладываются новые железные дороги, попутно же возводятся новые города и рабочие поселки. В нашем регионе тоже ожидаются большие перемены. Активно идет строительство вторых путей "Углеград — Азия", "Медногорск — Китай". В стадии завершения стоит вопрос о за-мене тепловозов серии ТЭ-3, на каких мы сейчас ездим, на более мощ-ные — 2 ТЭ-юЛ в шесть тысяч лошадей в двухсекционном исчислении.

— Вот так, дорогой Морозов, партия ставит такие глобальные во-просы! А хорошие грамотные товарищи, как ты, остаются в стороне, когда они должны быть проводниками идей партии в массы, содей-ствовать воплощению их в жизнь. Наша партия сильна своим един-ством с народом и правильным пониманием марксистско-ленинского учения. Грамотным товарищам, тем более журналистам, и карты в ру-ки! Они должны нести в массы слово партии, доступно разъяснять ее внутреннюю и внешнюю политику...

Деповской партторг на тему вступления в партию говорил со мной не раз, но я особого рвения не проявлял, надеясь как-то проскочить да жить середнячком. Жаль, не было рядом Шкребы: с ним было бы можно по-че-ловечески откровенно посоветоваться насчет нашей ленинской.

В который раз я пожалел об отъезде Александра Ивановича в ом-ское Прииртышье. Как мне помнилось, Шкреба к партии особой люби-ви не питал, по-дружески советовал не петь ей славу да не бить в лита-вры, как это делаем мы сейчас на каждом шагу.

Решил посоветоваться с Павлом и Алеко. Друзья не удивились моему нонрису насчет кандидатства, потому как подобный разговор "генсек" составлял и с ними. Мы с Алеко, в трудные минуты обычно полагавши-еся на житейскую мудрость Павла, и на этот раз ждали его слова.

— Роль большевиков в обществе известна, — издали начал Павел.

Партия, конечно, наш рулевой, только управлять трехсотмиллион-ным Союзом совсем непросто. А жизнь, посмотрите, действительно ки-пит! Как партии удастся за всем следить, всем управлять? А через пер-вичные партийные организации, через коммунистов на местах, через нас, значит, смертных. Сейчас, как говорят, членов КПСС около две-надцати миллионов. Это же какая сила, какая армия передового отря-да строителей коммунизма! Думаю, старики, негоже нам, грамотным, уподобляться серости. Раз коммунисты передовые во всем — будем коммунистами!

Я как бы между прочим заметил Павлу, что Шкреба вряд ли одоб-рил бы наше решение.

— Шкреба старомоден, притом он в свое время на чем-то погорел. У газетчиков это случается — не раз читал...

Договорились: заявления с Алеко подаем одновременно, о реко-мендациях же каждый позаботится сам.

Павло на днях получил казенное официальное уведомление из Кривого Рога. Зачитал нам с Алеко: "Криворожское Рудоуправление согласно предоставить Вам работу в транспортном цехе по обслужива-

нию тепловозного парка. Квартиру управление гарантирует в четвертом квартале 1971-го года".

—Есть резон? — торжественно спросил Пашка. — Думаете, я только вкалываю да деньгу гребу? На деле я жизнью интересуюсь, вычитываю в газетах, где, кто требуется. Вот, усек нечто подходящее в своей Хохляндии, написал. Результат видите... Конечно, не моя Житомирщина, но цвет, как говорится, тот же. Что важно, там такие ТЭ-3! Чего теряю? Ничего, кроме Трофимовой. Потерял Трофимову, зато нашел Людмилу Кинцле. Свадьбы никакой, расписываемся и рвем в Кривбас.

—А с партией как? Заявление ты же подал?

—Ничего страшного. Здесь примут, туда приеду кандидатом, пройду кандидатский стаж, а там через год — приемная процедура, билет, поздравления. Вариант давний, проверенный, житейский... Между собою решили: об отъезде Павла ни слова, лишних разговоров лучше поостеречься, пусть все идет своим чередом.

"Степной маяк", между прочим, не раз бросал камни в деповский огород по поводу медленного роста его партийных рядов. Еще хуже обстояли дела с подручными партии — комсомольской организацией. "Почему? — возмущенно спрашивала газета. — Да потому как все здесь пущено на самотек. Секретари больше загружают себя агитацией массовой подписки на периодическую печать, партийную и комсомольскую периодику, ростом же своих рядов просто не занимаются. Партийному отделу районного комитета партии следует сделать свои выводы из создавшегося положения в Орлином локомотивном депо".

Как мы потом узнали, наш парторг вызывался в райком по поводу нашумевшей статьи. Чем закончилась выстойка на ковре у районного руководства, мы не знали, но догадывались: по головке его явно не гладили...

Заявления мы принесли "генсеку" одновременно, что его явно удивило. Он сказал: "Молодцы! Готовьтесь, на первом же партсобрании ваши заявления и рассмотрят".

Слово "готовьтесь" нас не пугало: устав и программу партии мы проштудировали, а подловить нас мог только некто особенно дотошный, пожелавший услышать от нас фамилии секретарей компартии союзных республик или дружеского социалистическо-капиталистического зарубежья. Такое, говорят, уже случалось: человек краснел, смущался, чувствовал себя неловко. Мы же, по словам Павла, не можем столь мелко плавать, дабы не позорить свои вузы, несколько возвышающие нас над простыми работягами, которым даже до среднего иног-

да требовалось шагать да шагать, но они смело называли всех этих генсеков без запинки.

Принимали нас в кандидаты дружелюбно, и каверзных вопросов никто не задавал. Несколько пробежались по уставу партии, спросили, во что обходится для депо потеря одной минуты рабочего времени. Ну, цифра эта, среди прочих, красочно изображалась на деповских стендах.

Вступление в кандидаты мы sprysнули в нашей проверенной забегаловке, где Пашка удовлетворенно заметил:

—Все-таки мы не изменяем нашей традиции, дай нам Бог здоровья! Сегодня мы кандидаты, через год — члены КПСС. Коммунисты, старики, всегда оставались на трудных участках жизни страны, всегда первыми бросались и бросаются в бой и смело решают кардинальные вопросы в мирной жизни, откровенно изнуряя себя ради общего дела и светлого будущего. Так что, старики, станем и мы такими же!

—Ты разливай, а не митингуй, — упрекнул его Алеко.

—Это не митинг, старики, а песня души.

—Для песни ты сначала в стаканы бульбульки, — недовольно потребовал Алеко. — Меньше слов, больше дела!

Посмеялись, выпили. После одной из стопок Пашка сообщил: после первомайских праздников он исчезает с лица Орлиной. Голому не долго подпоясаться, чемодан в руки, Людмилу под руки — и алга!

—По нашей житухе, старики, — духарился наш философ, — честное слово, нелишне вспомнить слова Филиппа, отца Александра Македонского: "Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала". Наша Македония-Орлиная, старики, нам и впрямь мала, что значит надо искать и по-своему завоевывать более обширные царства. Лучше это делать в моей Хохляндии, потому как там благодатные края.

—Белоруссия, думаю, не хуже, — обиделся Алеко. — Хотя ей во время войны досталось — не приведи Господи, сейчас же она цветет и пахнет.

—Но на Украине промышленности больше, и нам, мужикам, полегче устроиться и прожить.

Я ни в чем не возражал, советов никаких не давал, просто разводил руками: мол, вам, друзья, лучше решать, как и где жить.

...Никогда не было у нас с Алеко столь муторно на душе, как в этом безрадостном мае-июне 1971-го. Павло вестей о себе не подавал, хотя при прощании клятвенно обещал. Мы с Александром зла на него не

держали. Прошло два месяца, как с болью обнялись, по-мужски расцеловались, до боли сжимая друг другу руки. Наши женщины, не пряча глаз, по-своему, по-женски прослезились, совращая и нас троих на свою слабость. Мы чувствовали: это прощание навсегда.

Четырнадцать лет мы жили душа в душу — с училищного порога и до Орлиного перрона. Мне казалось, что потеря даже самых близких мне родных людей не была бы столь тяжелой, как потеря такого друга. От Орлиной до Кривого Рога — не ближний свет, мчать поездом надо суток четверо, через всякие Пятихатки, Кировоград, Днепропетровск, прочке какие-то пункты: мы с Алеко просто путались в карте железных дорог Союза. Кто знает, когда теперь придется свидеться. Конечно, настоящая дружба не знает границ и расстояний, но это только в хороших романах, а в жизни...

За два месяца после отъезда Павла в нашей с Алеко жизни тоже произошли кое-какие изменения: Александра назначили мастером на ПТО, меня же перевели в его смену старшим слесарем.

Пункт технического осмотра тепловозов ремонтники на полном серьезе называли вторым депо. ПТО работал круглосуточно, имел свой штат из старшего мастера, четырех сменных мастеров и слесарей всех ремонтных групп, две стойловые канавы с неоновым освещением, пескосушилку, топливо-пескозаправочное оборудование и небольшой склад запчастей. Склад, общий для всех смен, не имел запоров, но роль свою выполнял исправно. Здесь хранились дюритовые рукава, резиновые прокладки картеров, паронитовые для ресиверов с выхлопными, губки контакторов, переходные скоростемеры, концы для локомотивных бригад, различные шунты, предохранители, несколько прожекторных ламп.

На канавах, проходя ПТО, тепловоз за время его экипировки песком, ГСМ и горячей водой слесарями обстоятельно обстукивался да ревизовался от ходовой до дизеля. Ремонтировали все, что укладывалось в ПТОшное время. С крупным ремонтом машина отправлялась в депо, квалифицируясь теперь как межпоездная. Слесари ПТО за все это вины не несли, премии не лишались, а деповские комплексные бригады вызывались на ковер и там уж получали свое.

Вот в такую круговерть попали мы с Алеко после проводов Пашки. Прежний мастер ПТО, как нам говорили, обкатался и ушел на поездную работу. На ПТО, как в прежние времена в депо, практиковалась двенадцатичасовая четырехсменка — день-ночь и на сорок восемь. Для нас с Алеко регламент был не нов, мы уже не испытывали давления но-

чи: так же прилежно делали свое дело, стараясь сдавать сменщикам пустые канавы без стояжков-тепловозов. Сдающий и принимающий мастера жали друг другу руки, обменивались любезностями и, довольные, расходились — один в долгожданный душ, другой выполнять свой долг.

После нескольких смен Алеко как-то пожаловался:

— Вот большой работы нет, а я устаю. В депо ведь не гонишь — крути себе гайки, снимай воздухоудку или "гроб", меняй адаптер или те же масляные секции. Никто тебя не торопит и не подталкивает, чего не допахал, то сменщики доделают. А тут на один локомотив всего тридцать минут, в какие надо уложиться, иначе перепростой запишут, в черный список попадем, премии лишимся. Вижу, крутятся слесари, как заводные, стараются, но ведь железо — оно извечно железо, так же трещит да ломается...

Я сочувствовал Алеко, старался как-то помогать. Ремонтники отвечали каждый за свою группу, Алеко же — за весь тепловоз и за всех нас. Мы с напарником-дизелистом, сделав свою работу, спрашивали у Алеко: где затор, кому помочь? А помогать приходилось больше экипажникам: они, при всей своей сноровке и добросовестности, не всегда успевали сменить все указанные в бортовом журнале локомотива тормозные колодки. Ну, три-пять Эдик Трестер и Алихан Абишев сменили бы без проблем, так ведь заходили машины с критическими толщинами этих железяк на обеих секциях, что заставляло засучивать рукава и самому мастеру.

Алеко не мог приказывать тому же электрику или автоматчику помочь товарищам, ведь это была не их работа. Он хватал ключ сам и бежал в канаву. Я, не раздумывая, хватал другой и также мчался к ненавистным колодкам. Так, сообщая с работой мы управлялись вовремя и с гордостью выпроваживали локомотив без ЧП и нареканий.

Словом, мы с Алеко делали настоящее мужское дело. В смене народ подобрался боевой, умевший пахать до седьмого пота. С наступившим теплом железнодорожный парк не раз приветствовал всю нашу гвардию, прячась от солнца и глаз людских.

"Доктор" парка, он же сторож, не препятствовал нашему хакари, подбирая пустые бутылки, благодарил за стопарик, преподнесенный и ему. Адам Петрович, седой низеньким старичок, любил тенистый сквер, посаженный рабочими двадцать лет назад. Старик кропотливо ухаживал за ним, подстригал акации или подсаживал топольки, отчего зеленый островок Орлиной выглядел приветливо и маняще.

Историю рождения сквера старожилы Орлиной помнили. Ко дню рождения Ильича все ее жители вышли по собственной инициативе на воскресник, навезли навоза, дерна, саженцев, и вот результат. Местные власти парк огородили, выставили массивные ворота с броской надписью "Железнодорожный парк им. Сталина".

Вскоре появился "доктор" парка. Не будь Адама Петровича, не иметь бы этому зеленому уголку привлекательного вида с ухоженными дорожками, аккуратно посыпанными желтым песком, со скамьями, выкрашенными под зебру. Орлинцы любили тенистый парк, считая, что они заслужили такое счастье.

Глава 2

Горе горькое

Рано утром 19 июня 1971-го в дверь нашего кубрика постучали то ли обломком кирпича, то ли какой-то деревяшкой — руками такой грохот просто не создать. Открыв дверь, я удивился появлению на пороге Антонины. Заплаканная и в черной косынке, Тоня прошла в комнату, откуда я слышал уже истошный крик сестер. Понял — на Пионерской горе.

Илья Матвеевич, как рассказывала теща, встал рано, сел отдохнуть на маленький стульчик, с каким она всегда ходила на дойку коровы, и тут же свалился набок. Приехавшая "скорая" определила: инфаркт, смерть мгновенная.

Хоронили тестя в нестерпимую жару, не ожидая приезда их ветреного Петра Ильича. Сын Катулевских покинул Орлиную лет восемь назад, писем от него не получали, но адрес в семье имелся. Я оперативно отбил телеграмму в Ребриху, день прошел, но оттуда ни приветов, ни ответов. Мы с Артемом, сама Екатерина Александровна, ее дочери находились рядом; другой родни у Ильи Матвеевича на земле не существовало, потому никого ждать не стали.

Похоронили Илью Матвеевича Катулевского по-русски, поставив на могиле большой белый крест без всякой надписи — кто, где, когда.

— Коль все так неожиданно, — успокаивал я тещу, — то оградку с памятником закажу в депо к девяти дням. Там на этом специализирует-

ся целая команда, плати только денежки, сама привезет и установит, где надо и как надо...

На поминки пришли несколько друзей Ильи Матвеевича, с кем он в свое время строил железную дорогу, отдав ей без малого сорок лет. Поминали, вспоминали трудные годы, отмечали приверженность покойного до конца своих дней притягательной стальной колее.

Екатерина Александровна непрестанно рыдала; дочери успокаивали, подносили воду с таблетками, обнимали и уводили из-за стола. Мы с Артемом не вмешивались. Дочери, наверно, находили нужные слова: их мать снова возвращалась за поминальный стол, принимала соболезнования, просила поминать покойного, который был щедрым хлебосолом, любил гостей, как русский человек не гнушался и чаркой после баньки, в праздник или какое-то торжество.

Вообще, покойный имел немало человеческих достоинств. Работник, истый пахарь, не искал легких путей: скажут на шпалы, чертовы креозотные шпалы — безоговорочно шел на шпалы, скажут на замену стрелочного перевода — шел на стрелку. И так всю жизнь. Друзья тестя выпивали за упокой его души, вытирали слезы, повторяя неизменное: "Пусть земля ему будет пухом".

Со смертью тестя на меня свалились все хозяйственные хлопоты Катулевских. Первое — это корова. Сейчас особых забот она не доставляла, однако заготовка сена на зиму висела надо мною, как дамоклов меч. Вставать в пять утра, доить, выгонять на выпас, вечером встречать стадо, загонять свою кормилицу в сарай, поить, снова доить — это была прерогатива женщин, которым я искренне сочувствовал.

Сия муторная работа на все сорок дней легла на плечи дочерей Екатерины Александровны; мы же с Артемом мотались по окрестным совхозам в поисках сена для нашей рогатой бесприданницы. В совхозах нам обещали, но позже, когда заполнятся совхозные сеновалы, а это произойдет ближе к осени.

В положенное время Катулевские отметили по Илье Матвеевичу девять дней. Из чужих на поминки пришли только соседи, да приехал наконец кочевой Петр. Какие приводил он матери оправдания, мы не знали, Петро вслух не высказывался.

После исполнения всех требований поминального ритуала и проводов Петра Ильича в его Ребриху жена как-то на полном серьезе сказала:

— Морозов, я вас обрадую насчет телка, коровы, подлой хрюши. С приходом осени их всех под нож — раз-два, и станем, наконец, мы бить баклуши...

Старая Катулевская решила враз избавиться от всей скотины: не надо заботиться о сене, думать, куда определить телка, не надо рано вставать, доить-кормить-поить, убираться.

—Радостнее вести за эти печальные дни быть не может. Как собираются от рогатой избавиться — под нож или продать?

—Только на базар. Коровка добрая, гладкая, крупная. Мать уже покупателя нашла. Нам даже не придется вести ее за рога, хозяин сам придет на подворье.

—О цене договорились?

—Мать, слава Богу, век прожила, голыми руками ее не возьмешь. Но это уже ее заботы, нам с советами соваться не стоит.

Известие жены меня несказанно обрадовало. Сенные заботы меня просто выбивали из колеи, забирали не только время, но и покой, жизненную стабильность, здоровье. О средствах и говорить не приходится: добираться до совхозов приходилось на мотоцикле с друзьями или знакомыми, которых я подолгу уговаривал, бросал на бочку, сколько они требовали. Теперь словно гора свалилась с плеч.

Свояк на сенные заботы смотрел сквозь пальцы, заявив Надежде: молоко ему не нужно, его он вообще не терпит, а других дел у него и без сена хватает — в их новой двухкомнатной всяческих работ делать не переделывать. "Так что этой чертовой соломой пусть Мороз занимается! Он молоко любит, жить без него не может, сам же говорил: не будь во время войны у них в Белозерке коровы, их семья точно дала бы дуба".

В который раз я благодарил жену за добрую весть о ликвидации во дворе всей живности, благополучие какой во многом зависело от меня и женщин Катулевских, а я их все-таки жалел, не позволял приближаться к хлеву и особенно к свинарнику.

Однажды я сказал жене:

—Долг платежом красен: ты мне весть добрую, я тебе — вещь модную. Нам, ремонтникам, хорошая премия светит. Чего бы ты хотела для себя, для дома, для семьи? Вижу, ты для себя ничего не покупаешь, ни к чему не прицепляешься, в отличие от своих товаров, в очереди не давишься. Может, в тебе проснулись плюшкинские симптомы?

—Спасибо, получишь премию — враз реализую, необходимую вещь я уже присмотрела.

—Но она ведь может не дожидаться — сметут и фамилии не спросят...

—Договорено, все лежит, только дожидается оплаты.

—Так хватай сейчас, бухгалтерия же у тебя!

—Нет, распечатывать НЗ не стану, у меня на него особый глаз положен.

—Но можно же и просчитаться, дефицит не ждет. Можешь сделать сегодня — не откладывай на завтра, это же аксиома.

—Наша жизнь, по сути, вся из аксиом...

С самого начала нашей семейной жизни я абсолютно не вмешивался в статьи дохода и расхода. Регулярно приносил зарплату, на мелкие расходы жена выдавала сама, и они шли, чего я никогда не скрывал, на пиво с "прицепом". В некоторых семьях, насколько я знал, денежный вопрос стоял по-иному: он не отдавал получку или отдавал мизер, она жаловалась на мужа руководству предприятия, плакалась в профком, требуя принятия к своему выпивохе самых радикальных мер. У меня не укладывалось в голове: о чем думал хозяин, кормилец, глава семьи, спускавший на "родимую" последний рубль? Спросил у жены, правильный ли я мужик в этом плане.

—Ну, Морозов, ты себя, наверно, лучше знаешь! Разве можно себя с ними сравнивать? Ты же в некотором роде инженер человеческих душ, грамотный и своим поступкам даешь отчет. Не представляю я тебя иным, хотя в жуз-граммах ты себя не лимитируешь. Ты у меня другой — тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Мы уже немолодые, и я не знаю, с кем тебя сравнить. Правильные ребята Федор, Павло, Шап, Чугунидзе, Дайнеко, вся твоя жэушная братва исчезли. Не знаю, какими семьяниками они стали, но в ОХРе они не запятнали свое имя. Выпивать все выпивали, но душу, совесть, человечность не пропили. Так что вам оставшимся, тебе с Алеко, я ставлю пять за поведение личное и вообще в жизни!

—Мнение о нас, приесильских жэушниках, у тебя правильное, лестно бы услышать его всем им. Пусть им хоть легонько икнется — мы их помним.

—Помнят ли о нас, варвары, об Орлиной? Ведь уже пятилетка пролетела, даже с хвостиком, как некоторые уехали, но ни единого письма ни тебе, ни Алеко не написали. А ведь считались неразлучными... Разъехались, и память у всех отшибло. Даже Павло молчит, как рыба.

—У Павла, думаю, житуха не складывается, — старался я как-то реабилитировать своего друга. — Иначе он давно бы дал знать. Может, в Криворожье работа не заладилась или с жильем проблемы, так и махнул к себе на родину, в Крашановку. Ближайший город от Пашкиного села — Коростень, но там, насколько мне известно, локомотивного де-

по нет, есть вроде вагонное, какое Павла вряд ли устроит — не его профиль. В колхоз же, он сам говорил, ни за какие деньги. Его Людмиле тоже надо искать работу, а у нее только десятилетка. У вас десять классов еще как-то заметны, в Хохляндии же не разгонишься.

— Чем же Украина лучше?

— Там все-таки к Западу поближе, потому и требования к кадрам строже. К тому же, народу там поболее — выбор есть, у нас же край, сама видишь, оттого и проблемы с работягами, только на командированных да выпускниках-отработчиках "железка" и выезжает.

— Но ты, Мороз, ничего, прижился.

— Ты же охмурила, а так бы... Люди вон разъехались и делают свою жизнь, где леса да речки, а нам с тобой, чувствую, до скончания века прозябать в твоей хищно-зоркоокой.

— И ничего страшного: люди живут, хлеб жуют, не жалуются, даже радуются, влюбляются, детей растят...

— Не все, не все, друг мой. Приехали, поселились в ОХРе, отработали положенное, и хвост трубой. Старых война пригнала, того же Бухарского, Чеботаридзе, Вицина, Прокопенко, Степенко да Степаненко, Волкова да Репина, Бардонова да Солопова, Метлицкого да Камарницкого. Приехали люди, прижились, обзавелись семьями, хозяйством, машинами, им теперь и бублика не надо — почет и уважение на работе, такое же уважение по Орлиной. Им теперь просто некуда деться, у них старая закалка души, к депо, к поселку они прикипели, вынеся все горечи военные и послевоенные. А мы все-таки молодые, значит, должны хоть немножко вперед глядеть. Правильно говорят: не хлебом единым жив человек. Театры, цирки, филармонии, выставки, бассейны, спортзалы, стадионы, автобусы, троллейбусы — все это для человека ведь делается. Мы-то с тобой чего видим?

— Ты еще центральное отопление упустил, газ, телефон, канализацию, простую воду...

— И они тоже. Господи, какого счастья мы себя лишаем сами!

— Но, Мороз, не мы ведь одни с тобой в противной для тебя Орлиной? Насчет машины — давай и мы купим. Я начну семейную бухгалтерию вести похлеще капиталистического предпринимателя, с голоду пухнуть себе не позволим. Хочешь? Ты же пашешь, как папа Карло, рацпредложения твои котируются, потом за переходящее Красное Знамя премия светит, за безбраковые пробеги локомотивов. Копейка к копейке — рубль, рубль к рублю — тыща.

— Не мечтаю я о машине. Валерку надо на ноги ставить, растет ведь

парень. Запросит транзистор, магнитофон — терпимо, а если мотоцикл?..

Такой вот однажды состоялся диалог с женой о нашем житье. Ничего, в общем, сверхъестественного не обговаривалось, но я понял одно: моя жена, моя дражайшая половина, готова пойти на все, только бы я ее покинул Орлиную по примеру Павла, Федора, Дайнеко. Все у них здесь имелось: любимая работа, высокие заработки, крыша над головой — живи, трудись, радуйся! Так нет же, все бросили, подавшись к своим лесам да рекам, к зеленым полям да к благоустроенным многоэтажкам с театрами да трамваями.

Я не раз удивлялся приверженности Морозовой своему бедному, обиженному природой и Богом краю. Понимал, что она еще никогда не выезжала из поселка, что наверняка сказывалось на ее понимании мира. Думал: может, наконец поставить вопрос ребром? Или уезжаем на новостройки Сибири, откуда еще проскакивали вести от Шкребы, или до свидания, я тебя не бросаю, не развожусь, но буду жить, где кипят стройки, а люди делают биографию страны и свою собственную... А тут — обычная серость, диплом мой нужен производству, как зайцу вырезвитель.

Про себя я окончательно решил: улягутся горькие дни, покончим с рогатой и безрогой скотиной, а там, накануне 1972-го, совершенно серьезно поговорю с женой о дальнейшем нашем пребывании в ее Ястребиной — надолго ли нам определено это несчастье? Если навечно, то извини, душа-подруга, дальше нам не по пути. Ты еще молода, семеро по лавкам не бегают, красотой не обделена, не калека — встретишь другого человека, если для тебя священнее Орлиной ничего нет, и ты не собираешься делить свою судьбу со мною дальше вне ее.

Скажу вот так, по-настоящему напугаю, а то сюсюкаю да миндальничаю, что для нее равносильно любовным признаниям. А время-то не ждет, годы бегут, вот дураку уже сороковой стукнуло, только я все в том же гнезде.

Да, черт возьми, так и до пенсии дотянуть можно! Пролетели первые двенадцать лет — в работе, в концертах, в попойках, в поездках на линию и за линию по газетным делам, словом, в сутолоке. Нет, оттягивать дальше нельзя, потому разговор составлю самый серьезный. Удобнее сделать это, наверно, ближе к весне-лету: путевые люди в зиму не срываются, все-таки с теплом в природе теплеют мысли, души и поступки людей. Пока же придется терпеть, работать, ждать — может, что-то существенное да обнадеживающее высветит от Павла или Шкребы, подадут голоса Федор или Дайнеко?

На самом же деле подал голос только Павло. Различных катавасий с ним случалось за эти месяцы немало. Как мы и предполагали, трудности навалились на Павла с первых же дней его приезда на новую землю: где-то что-то не устраивало, потому пришлось попутешествовать. Попал в депо Гребенка, поблукатил по родной Житомирщине, черт занес даже в Дарницу — везде хорошо, где нас нет.

Людмила отсиживалась у его родителей, пока он, как рыба, искал, где глубже. Окончательно же решил воспользоваться тем самым криворожским приглашением. Сразу бросаться в омут не стал, все-таки руда — не "железка", отчего на первых порах несколько засомневался. Теперь вроде все стабилизировалось. Их письмо показал — узнали, последний абзац насчет крыши тоже не отрицали. Все остается в силе, дом отделяется, марафетится, что дает надежду на вожаемые ключи.

"Правда, пока все это в проекте, а работа горит, приступать к какой велено прямо сейчас. Теперь уже впрягся, потому как не до выпендривания мне, сейчас пашу, аж пыль столбом. Тепловозы в управлении — не подарок, нашим эмпээсовским в подметки не годятся, но ремонтируем, вывозим руду с подъездных путей, карьеров, шахт на пути МПС, откуда она затем доставляется по назначению". Живет наш Одиссей с Людмилой пока в общежитии, к чему не привыкать. Для него общежития — мать родная, Людмиле же — злая мачеха: не может притерпеться, но мужественно переносит все общежитийские тяготы. Готовят на электроплитке, потому на разносолы не разгонишься, но уже чаша все же бывает полной, за что он Людмиле премного благодарен.

"Работа односменная, ремонтники не ахти, некоторые с вилами на тепловоз бросаются, но кручусь, учу, показываю, одновременно жалею, что тебя с Алеком нет рядом. А вы с Шуриком могли бы сделать здесь погоду и имя. Подумайте! Подскажи ребятам, старик: холостых берут с распростертыми, семейным, правда, приходится ждать, но не вечность — жилье в рудуправлении строится интенсивно. Структура ремонта здесь другая, никаких межпоездных у нас не водится, машины на контрольный после ПТО не спешат, потому как ПТО у нас тоже нет. Жить здесь можно, работать тоже, насчет природы против Орлиной — рай. Прямо в городе река Ингулец, автобусы, троллейбусы — к услугам горожан. Житомирских лесов здесь нет, но все равно рай. Башли — как в депо, даже поболее. Общий настрой хороший, народ неплохой, друзьями пока не обзавелся".

Спрашивал Павло о деповских новостях: не взял ли Алеко колеса,

на каких мечтал укатить в свою Бульбашию, ну и не распечатал ли он свою девственность? "За тридцатник перевалил, а ни одной не осчастливил, что вовсе не к лицу такому красавцу. Жените вы его там, он же, бульбашник, тихоня, досидится, пока какая-нибудь профура сама ему на нос не повесит".

В заключение своего шестиполосного письма Павло напрямую спрашивал: думаю ли я рвать когти? "Года идут, старик, Валерка твой подрос — что вам мешает? Жизнь, старик, все-таки дается один раз, упустишь сейчас важные жизненные моменты — в будущем не просто их наверстывать. Да, были мы в свое время патриотами, положенное нам отработали чуть ли не трижды. А зачем? Памятник нам все равно не поставят, жизнь же свою смолоду загубим, потому не мне тебя агитировать. Я свой выбор сделал, о чем не жалею, а тебе — искренне желаю.

Конечно, старик, где только не живут люди нашей необъятной — и в Магадане, и за Магаданом, куличек в Союзе хватает. Одних манят туда заработки, других романтика, третьих — работа и долг. Смог бы и ты присмотреть нечто по душе в одном из райских уголков нашей державы, каких очень даже немало. Конечно, лучше ехать, где тебя ждут и есть хоть какая-то опора. Давай ко мне — не прогадаешь! Главное, у нас с жильем проще, побыстрее, не как в Орлиной, где люди устают ждать мечту своей жизни — крышу. Поговори с женой, пригрозь, в крайнем случае: мол, я мужик еще ничего, корочки имею, не согласишься — один уеду, мне только тридцать четыре, в девках не засижусь. На это больше и налегай, попугай, иначе дело не сдвинется: женщины все-таки боятся нас терять. Подумай хорошенько, старик".

Да уж думал, Павло, и не раз, рассуждал я, возвращаясь к письму. К тебе, друже, рвануть? Заманчиво, но не надо бы и простой истины забывать — мягко стелют... Жизнь иногда заваривает такую кашу, расхлебывать какую приходится иногда до могилы. Письмо Павла я Алеко показывать не стал, изложил лишь содержание обо всех его мытарствах: мол, сейчас его житуха вроде приходит в норму, светит даже собственная крыша, но мыкается пока в общежитии, где Павлу не привыкать. Людмила же буйствует, но молча сносит все невзгоды. Пашкин характер она тоже успела познать: пожалуйся, похнычь — не обрадуешься, ему ведь не составит труда даже выписать обратный билет восвояси, в ту же Орлину.

Насчет шуриковой девственности хотелось и мне спросить: когда же, друже? Годы неумолимо снежат наши виски, а жизнь не прощает

пренебрежения ее естеством. Со мною в этом плане все в порядке, отчего не раз заикался: не пора ли, Морозова, еще и на Маринку разориться?

Морозова, не смущаясь, прямо отвечала — пора. Но если я и второе десятилетие буду сидеть на чемоданах, о какой Маринке речь? "Переезжая сваха в тебе, Морозов, неискоренима, но коль она сегодня несколько поутихла, так это только до первой весны, когда в тебе вскипает кровь, толкая руки к чемодану. Если бы положить конец мании, ударить, уехать, убежать, исчезнуть из Орлиной, о Маринке не грех бы и подумать..."

Ни прежде, ни теперь решительного разговора с Морозовой об отъезде не получалось. Ждать все же нет смысла, надо, как советует Пашка, серьезно наступать.

Я присматривался к Алеко. Не знаю, ожидал ли он весну, но сейчас отдавался только работе, рвение к какой смена квалифицировала как истинно коммунистическое. Я же так не считал, просто видел в Шурике естественную потребность самоотдачи. "Железка", депо стали для нас с ним нашим естеством, нашей судьбой и нашей жизнью.

На всех планерках деповчан постоянно "накачивали": железнодорожный транспорт — это базовая отрасль экономики республики, поэтому отдача каждого должна быть стопроцентной. В этом плане мы должны равняться на локомотивные депо "Гребенка", "Барнаул", "Ртищево", "Караганда". Там ремонтники давно владеют двумя-тремя смежными профессиями, каждый слесарь в любое время при необходимости заменит отсутствующего или придет на помощь при больших объемах работ; у нас же такое чаще случается на ПТО.

В первые дни работы на ПТО мы с Алеко поистине ухаживали, не чаяли добраться до души, затем до своих обломовских диванов. Потом притерлись, тепловозы уже не брали штурмом, делая все размеренно и даже с перекурами.

Свое обязательство бросить курить сразу же после поступления в вуз мы выполнили. Но Пашкино исчезновение с лица Орлиной снова заставило меня взяться за сигарету, чего простить я себе не мог, но и отказать тоже. Алеко же куревом не увлекался.

Глава 3 На перепутье

Дни летели, как угорелые. ГОРЕМ делал свою привычную работу, удивляя ее масштабностью, сноровкой и значимостью. На станции Айринка, по словам очевидцев, буквально в считанные недели вдруг вырос уникальный в своем роде железнодорожный вокзал — здание белое, компактное и просто необычное для бывшего разъезда, затерявшегося в степном безбрежье.

Вслед за вокзалом выросли четыре 16-тиквартирных двухэтажки без обычных печных труб. На степной равнине в отдалении раскинули свои просторы поля фильтрации и КНС — канализационно-насосная станция. Все это для здешнего края было ново, необычно и по масштабам грандиозно.

Жена как-то воскликнула:

— Разве я не говорила, Мороз? Смотри, какими делами ворочает ГОРЕМ! Не прошло и года, а восемь путей по станции уже уложены. Строители заканчивают переходной мост, у вокзала красуется отличная трехэтажка поста ЭЦ. Параллельно же идет строительство микрорайона — один месяц, и 18-тиквартирный дом готов. Каково? Опять же, года не прошло, а двухпутка шагнула до станции "Сопочная" — это целых девяносто верст! Вот такой разворот, дорогой железнодорожник, такой накал!

Да, возразить Морозовой в этом плане я ничего не мог. Понимал, что мне все труднее сбить ее к бегству из ее земли обетованной. В придачу ко всему, начали сбываться мечты орлинцев об организации в их поселке центра вновь организуемого района.

В конце 1973-го ОХРу, нашу незабвенную ОХРу перевели на другие квартиры, передав здание новым властям. Общежитие холостых рабочих Орлиной перестало существовать, приняв в свои переделанные, перестроенные и крепко подшаманенные хоромы сотрудников Орлинского районного комитета КПСС.

Любопытные не упускали случая засвидетельствовать, какую завезли в здание мебель — кожаные диваны с креслами, сверкающие пор-

тьеры, пылесосы, даже холодильники. С 28 января 1974 года Орлиный район Медногорской области начал функционировать как самостоятельный руководящий орган.

Орлинцы несказанно радовались велению судьбы, ниспославшей им такое счастье — райцентр. Чудеса не кончались: например, монтаж 18-тиквартирных домов ГОРЕМ начал вести и ночью. Теперь каждая двухэтажка вырастала за две недели, о чем новая, своя газета "Орлиная новь" восхищалась вздохом. Ее поддерживала также новая областная четырехполоска "Медногорская правда". Орлиная теперь была на виду и на слуху у всех; молва о ней доходила, как говорили, аж до самой Москвы.

Обывателей же и правдолюбцев ликвидация ОХРы повергла в шок. "Надо же! — возмущались они. — Людей — на улицу, райком — в их апартаменты!" На деле же депо разместило своих питомцев на одном из этажей вновь отстроенного дома; холостяки несказанно радовались своему новому жилью с городскими удобствами. Оттого, видно, Алеко ходил с гордо поднятой головой.

— Приди, старик, посмотри, какая прелесть эта канализация! — сказал как-то Алеко. — В комнате нас четверо, ребята хорошие, не блатняги. Посидим, новоселье спрыснем, заодно полюбуемся нашими белокаменными туалетными апартаментами, ванной. Обещают скоро горячую воду...

Я и сам собирался навестить новое жилье Алеко, но в последнее время мотался в Белозерку из-за недомогания матушки да крутился с материалами для "Орлиной нови", просто притягательного для меня издания.

В последнее время деповские сводки о тонно-километровой работе, техническом состоянии локомотивов с участвовавшими межпоездными далеко не радовали руководство Приесильской дороги, да и сам МПС. Как следовало из высоких селекторных совещаний, состояние локомотивного парка на дороге поистине катастрофическое. Тепловозы ТЭ-3 давно выработали техресурс, не справлялись с возросшими скоростями да повышенной тоннажностью поездов. Локомотивные бригады, да и ремонтники просто не знали, куда бежать от ненавистных ТЭ-3, какие все-таки столь долго служили людям. Теперь не стыдно бы им отправиться на отстой, потому как ремонтные усилия со всяческой хитростной косметикой не делали их быстрее и сильнее: новые вторые пути из мощных рельс Р-65 позволяли водить поезда высокой грузоподъемности со скоростью аж 90 километров в час, какая раньше локомо-

тивщикам только снилась. Теперь, когда мечты стали явью, остро встал вопрос о новой марке тепловоза, какую отечественная промышленность уже имела.

В начале 1974-го МПС наконец осчастливил Орлиное депо: в день Советской Армии поступила первая сплотка новеньких красавцев-тепловозов серии 2 ТЭ-10Л, еще не нюхавших соляры да масел, напрочь закупоренных на все запоры и замки с пломбами. После торжественного собрания все ринулись к сплотке, загнанной в придеповский тупик.

О технических характеристиках нового локомотива мы с Алеко знали из журнала "Электрическая и тепловозная тяга", но сам тепловоз видели только на картинке.

— Да, старик, красивая машина, — с восхищением сказал Алеко. — Может, с пятилетку эта серия даст нам по-человечески подышать?

Мы любовались красавцами 2 ТЭ-10Л, сравнивали их со старой серией. Выхлопные глушители здесь квадратные, на ТЭ-3 — круглые; лобовые стекла скошены, на "тройках" они — как в квартире. Не терпелось попасть в дизельное помещение, но старший мастер, крутившийся тут же, сказал:

— Потерпите, друзья! Представители завода сдадут сплотку, наши примут все, как положено — зеркала там, зипы, подпишут бумаги, тогда уж будем ставить их на экипировку, готовить в поезда, заодно поближе все и узрим...

Мы с Алеко знали: дизель на этом тепловозе, как на ТЭ-3; тысячу же лишних "лошадей" конструкторы нашли за счет усиленного наддува воздуха, придумав для этой цели турбокомпрессор ТК-34 вместо прежней воздухоудвки; опять же несколько изменились масляные секции, появился какой-то маслоотделитель. Но это все по книжке, на деле же хрен его знает, где что стоит и как выглядит.

— Депо теперь заживет, — сказал Алеко. — Межпоездные забудут к нам дорогу, да и мы не станем проливать пот мешками.

— Дай-то Бог, — поддержал я друга. — Раньше бы следовало думать в Москве! Уголь, медь, металлопрокат, кокс — все ведь в нашем регионе. У нас же пока жареный петух не клонет в одно место, дело с места не сдвинется. Вот клонул, и зашевелились. Эти десять штук — пока первая ласточка. Слышал, "тройки" распахивают по другим депо, стоящим не на главном ходу. Пройдут заводской ремонт, а там снова станут служить где-нибудь на "деревянных" дорогах. Таких участков в Союзе несть числа. Возьми тот же наш Медногорск: медь нашли здесь

еще при англичанах, а "железку" проложили только перед войной. Во время войны Медногорск котировался у военных, на заводе постоянно сидели какие-то высокие представители, требуя эту нужную им продукцию. Она и теперь в большой потребности, о чем печатать не скупится. Однопутка к Медногорску вполне справляется, а подшаманенные ТЭ-з очень неплохо еще послужат.

— Да пусть их хоть в Китай ушлют, лишь бы с наших глаз долой, — зло махнул рукой Алеко. — Крови они из нас попили немало!

Новые локомотивы придавали нам какую-то бодрость, позволявшую как-то расслабиться и помечтать о делах нашей "железки", нашей личной житухе.

Письма от Павла теперь шли более-менее; секретарша знала, где нас найти, требовала заглядывать за конвертами без проволочек.

В Пашкиной жизни все шло как нельзя лучше. Он по-прежнему мастерил, локомотивы те же, на квалифицированных слесарей такой же голод, как и три года назад, в день его приезда в рудоуправление. В его семье пополнение — сын. Людмила молодец, выдержала все испытания, и теперь — стоическая хранительница домашнего очага. Квартира у них — королевские апартаменты: трехкомнатная, с лоджией, горячей-холодной водой круглый год, канализацией и мусоропроводом; перед домом коллективные гаражи с погребками для собственных соевых-варений. Колеса пока не купил, но час этот недалек. Людмила советует на первое время взять подержанную легковушку, но ему стыдно уподобляться какому-то дервишу.

Сообщал также, что дома, в Крашановке, все в порядке; Морозова там еще помнят как баяниста. Их колхоз отказался от трудодней, выдавая зарплату, как на производстве, помесечно. Пока это только авансирование, но по истечению года, осенью, когда подсчитают все произведенное-реализованное, в том числе цыплят, колхозники получат сразу все заработанное. Старики не нарадуются такому нововведению в их колхозе, постоянно испрашивая разрешения помочь Павлу почтовым переводом. Конечно, Павло запретил, а вот посылочка с салом пришлось бы для души — свое, домашнее, не сравнить ведь с магазинным. А какой хохол откажется от сала, божественного деликатеса?

Спрашивал Павло о вестях от Дайнеко, Федора, Чугунидзе, интересовался, намерен ли я до пенсии со своим гуманитарным крутить гайки. "Непрактичный ты человек, старик, не умеешь за себя постоять. Сходи в райком, в редакцию "Орлиной нови", предложи себя. Начальству часто не до нас, смертных, будь мы хоть семи пядей во лбу. Надо

время от времени напоминать о своем существовании — это же закон. У нас в управлении чуть заметный человек сразу фиксируется, его тут же стараются определить в дело, взять от него все полезное. Наверно, со мною такое и произошло. Кроме мастерства, веду еще курсы "Тепловозное хозяйство". Устаю, выматываюсь, но дома полный пансион, доброе отдохновение, любовь да ласка, какие на завтра дают новые силы. Знаю, Лена твоя тоже умеет ценить нашу мужскую преданность делу, которому мы служим столь беззаветно, видя в том наше высокое осознание коммунистического долга. Скажешь — высокопарно беру, но на деле все так, старик. Знаю, какую мы получили закалку, и истинно благодарен судьбе, занесшей меня на Орлиный трамплин, с какого я сделал пока первый, но хорошо смотрящийся прыжок. Желаю и тебе, старик, добрых дел во всем. Столица района — в Орлиной! Да с твоим дипломом при всей районной инфраструктуре только и хватать звезды. Ведь всюду одни технари, а у тебя такая золотая корка! Твоим полем исследования всегда остается человек, к чему и надо стремиться. Крутись, старик, наступай, вторгайся в жизнь, будь более дерзким, более наглым — жизнь того стоит, иначе не пробыться. Засим прощай. Не теряй надежды и наступательного духа".

Ну, письма от Павла я любил всегда. В них он словно находился рядом, и этот эффект присутствия не покидал до последней строчки. Моя судьба интересовала его не только как друга, но и как человека, что-то новизнавшего в жизни, немало хлебнувшего от нее.

Что ж, предложения Павла во многом совпадали с моими желаниями, но до их реализации, как мне казалось, требовалась вечность. Ориентироваться во всем жизненном многообразии без посторонней помощи я не мог, в который раз чувствуя нехватку поддержки людей, подобных Шкребе. Пашкин же совет потереться у райкома с "Орлиной новью" я все-таки воспринял скептически: разве в райкоме не знают своих коммунистов, которые с образованием, чего-то стоят, что-то умеют? Конечно, знают, и тех, кто чего-то заслуживает, сами приглашают на беседу.

Но время летело, даже 1974-ый шагнул в свою вторую половину, а меня никто не вызывал, не спрашивал, вообще не интересовался моим существованием. Газета тискала мои материалы и вирши, даже оставляла для рабкора Морозова целые литературные страницы. Такое положение вещей меня вполне устраивало: обо мне, как говорили, знала вся линия вплоть до одиноких путейских казарм, где мне не раз приходилось собирать материал о тружениках стальной магистрали,

труд которых вливался в труд всей республики. Газеты материалы тискали, не скупясь; в кармане завелась гонорарная мелочь, которой я мог распоряжаться по своему усмотрению. Морозова не требовала по ней отчета и однажды удовлетворенно заметила:

— Морозов, вас надо просто поздравить: вы уже немало месяцев не берете у меня на пиво с "прицепом". Оно вроде небольшая отцепка, однако и она дает о себе знать!

Редактор "Орлиной нови" лично хвалил мои газетные поползновения, говорил, что идут они почти без правки, потому надо смелее наступать да почаще выступать, а главное, в райкоме на них обращают особое внимание. Что бы сие значило, я не интересовался: читают — значит, чем-то трогают.

Работа с Алеко под его мастерством в последнее время меня просто радовала. Прибывшие раз за разом еще шесть сплотов новеньких 2 ТЭ-10Л вообще давали стимул нашей рабочей доблести, вынудившей признать — шли мы на работу, как на праздник.

После двух-трех суток поездок эти машины забегали на ПТО, где мы их обстукивали, с переноской заглядывали в самые труднодоступные места, лишь бы не упустить какой-то течи, прослабления, прочей дизельной болезни новых локомотивов.

Нашему примеру с напарником добросовестно следовали слесари остальных групп; электрики усердно зачищали губки контакторов, прозванивали электроцепи; автоматчики тщательно колдовали с тормозным оборудованием, перед заходом машины на канаву до тошно проверяли подачу песка под все колесные пары. Ходовики колдовали с тормозными колодками и всей рычажной передачей; девушки-аккумуляторщицы скрупулезно ревизовали аккумуляторные батареи, выявляя наличие там электролита, при необходимости несли квадратные емкости с дистиллированной водой и "поили" АБ под завязку.

Алеко радовался:

— Видишь, старик, хватило тям у наших конструкторов придумать такую отличную машину — не работаем, а отдыхаем! Конечно, это пока они новые, а там кто его знает, как поведут они себя после трех-пяти лет эксплуатации, железо ведь тоже не вечное.

— Да, все хорошо, все отлично, только бы не привыкнуть к расслабке. В других же сменах практикуют уплотнять свободное время "родимой". Мастер Першин пострадал из-за своих подчиненных.

— Я в курсе. Человек понадеялся, поверил людям, отлучился в депо

на полчаса, а они на мотоцикл и в магазин. Теперь вся смена без премии, а на мастере пятно...

В последнее время борьба с "родимой" на рабочем месте стала особенно жесткой. В цехе эксплуатации появились какие-то трубки Шинкаренко, вмиг выявлявшие даже вчерашнюю остаточную похмелюгу, стоило только дунуть в эту самую трубку. Говорили, что вещь безжалостная, даже невинные граммы не оставались в человеке незамеченными, а коль человек на работе с запашком, то отдача от него уже не сто процентная. Для локомотивщиков же скидок вообще не делалось.

Именно эту круглую сотню отдачи от каждого труженика требовали плакаты, лозунги, планерные совещания. Все твердили одно: пришел на работу — выложись. Кто приходил под градусом, после страдал безмерно: в тартарары летели всяческие премии, от текущих до самой престижной — выслуги лет.

— Надо, старик, повысить цены на "родимую", — как-то поделился я с Алеко своей мыслью насчет разнузданного поведения в депо любителей заложить за воротник. — Мастера не успевают следить за каждым, в итоге же страдает работа.

— Нет, вариант с ценами вряд ли приемлем, — сказал Алеко. — Жизнь проверено: дорого в магазине — дешево дома, самогон начнет литься реками и морями, такое уже бывало. Белоруссия уже просамогонилась снизу доверху, от села-деревеньки до городских многоэтажек. Не отстает от Бульбашии и Пашкина Хохляндия.

— Пил я Пашкино изобретение, очень даже неплохая штукавина, настоящий КВН — коньяк, выгнанный ночью. "Родимой" перебрал — утром ищешь, где бы стопарик стрелнуть да пропустить для похмелки, а после КВНа голова в порядке и никакого похмелочного синдрома.

— Да, мастера в этом темном деле есть превосходные. Мои предки тоже аховски гонят: выпьешь — точно живой воды напился.

— А на поверку, старик, без всяких секретов, наш брат начал пить просто безбожно. Возьми депо — просто дуреют слесари после полочки. Ладно бы дома, так им и на работе хочется. Товарищеский суд под завязку завален "пьяными" делами. Ну, выгонят пару-тройку не просыхающих, так на их место не сразу найдешь замену. Ладно бы шофер, тракторист — их как собак нерезаных, а тут слесарь-тепловозник, профессия уникальная, можно сказать.

Насчет этого ты прав, — вздохнул Алеко. — Мы с тобой, когда сойдемся, тоже стараемся до победы. Конечно, до поросычьего визга не до-

тягиваем, но попытки достичь его принимались. Но это, старик, у нас с тобой не жадность к "родимой", а щедрость души. Когда на столе стоит мизер, собеседников такое не красит: беден стол — значит, бедны и застольщики. Такого позволить себе мы не можем, стыдно друг перед другом.

—А возьми Прибалтику, Кавказ, Молдавию? Там существует культура питья, где вино — ритуал, красивое и праздничное действо. Нам, славянам, нелишне бы у них поучиться!

—Смотрю, ты так патриотично настроен, будто до седых волос намерен в Орлином оставаться. Смотри, как настойчиво зовет нас Павло! Главное, крышной вопрос там, в большом промышленном городе, решается проще, нежели в нашей новой степной столице. Сейчас район организовался, и все построенное для железнодорожников заселяется людьми не железнодорожными. А появились разные райфинотделы, ДОСААФы, собесы — всех не перечислить. Специалисты понаехали, всем нужно жилье, вот у железнодорожников его и изымают. Со временем район, наверно, начнет строить свои дома, пока же за счет "железки" выезжают.

—А наш брат так и будет по углам ютиться?

—Ему не привыкать. Он все выдюжит, на то и железнодорожник — железный человек, значит.

—А насчет слесарить до пенсии, старик, пока не видно просвета. Сам видишь, "Орлиная новь" цветет и пахнет, меня же никто никуда не приглашает. Газета материалы хватает, но не зовет на штатную должность.

—Может статься, твой гуманитарный так и останется невостребованным?

—Да не в дипломе дело! Вся беда в том, Шурик, что нет во мне пробивной силы. Даже Павло кроет меня почему зря за мою флегматичность и инертность. Не умею я, ишак бухарский, устраивать свою судьбу, не могу, как советует Павло, тереться у райкома, в редакцию себя предлагать. А вот заводделом "Гудка" Рудерман — не ближний свет, а заметил меня, и смотри, чего он советует да предлагает.

По правде, мне не терпелось хоть кому-то показать письмо из "Гудка" с неожиданным и заманчивым предложением работы спецкором в Азербайджане.

—Действительно, чрезвычайно заманчиво. Лена знает? — спросил Алеко озадаченно.

—Нет, конечно. Решил прежде с тобой посоветоваться.

—Сам-то как считаешь, стоит ли подаваться в такую даль? Народ там, сам знаешь, специфичный, писать ведь придется обо всем, в том числе и о недостатках. А они ведь сами по себе не возникают, за ними непременно стоят люди. У нас здесь принародно можно повозмущаться, высказать свою позицию, сделать какие-то внушения, а там, мне кажется, при кавказской горячности и экспансивности, не всегда такие номера, критические материалы то есть, могут пройти просто так.

—Я тоже так считаю, старик. Свою страну, ее народ, уклад его жизни, характер, доброту я знаю с детства. Там же, в Азербайджане, своя специфика жизни, характера, поведения. Словом, надо хорошенько все обдумать. Быть спецкором "Гудка" и жить в таком благодатном крае не каждому ведь дано.

—А может, зря мы судим об этой республике предвзято? Все же надо бы попробовать. Сорвется там — вернешься в депо, возьмут, никуда не денутся, мы с тобой уже вроде ветеранов.

—Поживем — увидим. Хорошо, сроков в письме не указано, сами пишут — подумайте. Надо бы с Морозовой посоветоваться, она более трезво смотрит на вещи, без наших всплесков да привычки бросаться в омут. Ну, год-другой проживу я там один, попривыкну, обустроюсь, познакомлюсь, а дальше Лене-то тоже понадобится переезжать, мы же семья.

—Правильно, но прежде посидите за круглым столом, обмозгуйте все варианты, дабы в потенциале не поломать себе жизнь и ей.

—А по правде, старик, я не раз пытался сманить ее к тому же Пашке, даже на БАМ к Шкребе, но у Морозовой дежурное решение, о каком ты не раз слышал.

—Знаю я ее послепожарные действия, в чем ей, без преувеличения, надо отдать должное.

—Но что удивительно, меня тому же учит, наставляет, агитирует. В некотором роде я точно стал орлинцем, отдав Орлиной полтора десятилетия своей жизни, и конца этой жизни здесь пока не видно.

—А может, это и к лучшему? Как-никак, а человеку больше свойственно домоседство, обустроенность, покой.

Все это так, старик. Не слишком сладко в этой глазасто-брыкастой, а что-то держит. Сопки, солончаки, ветры, безводье-безлесье уже не пугают, как прежде, и просто стали частью нашего бытия. А на поверку, старик, как мне кажется, держит нас с тобой здесь только депо, его люди. Может, не стоит завидовать Павлу, Федору, Шаиу, Чугунидзе, обосновывавшимся в своих родных краях? Как ви-

дим, здесь тоже живут люди, не умирают, делают жизнь. Это надо уметь, старик, или как?

— О чем речь, ты на родине. Меня-то какие прелести здесь удерживают? Не секрет, человека все равно тянет к своим истокам, к земле, его породившей. Мои Тыневичи не сравнить с Орлиной, у нас даже цвет лица у людей другой — здоровый, привлекательный, молодежливый, красивый. А все из-за неиссякаемого моря озона. С другой стороны, какая-то сила, черт возьми, здесь держит. Засосали нас с тобой депо, "железка", к каким мы действительно прикипели. Ты бы хоть надумал писать мемуары о нашей Орлиной, о нашей с тобой жизни в ней. Честное слово, у тебя должно получиться! Я сам даже как-то наброски делал, но ты же знаешь мою тупость по словесной части. Ты — дело другое.

— Не думал, старик, даже в мыслях никогда не проскакивало подобное. Может, действительно стоит рискнуть. Для этого надо дневник завести, чтобы записывать туда все интересное, значимое, какие-то важные события, фиксировать погоду, встречи с людьми, свое отношение к ним, к работе, к коллективу, к обществу в целом...

— Не знаю, может, это правда нужно, а потом, когда накопится всего горы, рассортируешь, обмозгуешь, выберешь нужное. Скорее всего, так и пишутся мемуары. Думаю, старик, наши с тобой жизни достойны огласки! Пусть молодые читают, познают жизнь старших, может, в чем-то им посочувствуют, а то и погордятся ими. Я хотел бы, старик, чтобы ты начал свои мемуары, не откладывая. Времени у нас море, кровные сорок восемь часто даже не знаем, куда приткнуться. Ну, мы, холостяки, на "прицеп" тратим, а ты ударься в писанину, "прицеп" только для разрядки. Так что, Вольдемар, ставь себе такую цель, а я буду твоим стимулятором. Договорились?

Давненько мы с Алеко не беседовали о наших личных делах, тем более, о сокровенном. Письмо из "Гудка" еще больше подогрело нас, однако ничего нового для решительного бегства из Орлиной оно ни мне, ни Алеко не давало.

Планов на будущее мы с Алеко по-прежнему не имели, реальных проектов не строили, жили среди людей, но явно анахоретами. Однако пятнадцать Орлиных лет не согнули нас, за что мы благодарили судьбу, не бросавшую нас на ухабы, копы и в непроходимые болота. Депо давало нам жизненную силу, Орлиная — кров; нам же ничего другого не оставалось, как только терпеть их все это время.

Анализируя каждый прожитый год в Орлиной, мы с Алеко остано-

вились на 1974-ом. Нам с Алеко он нанес прямо в сердце глубокую рану — мы потеряли нашего жэушника, товарища, однокашника, технолога депо Алексея Быстрого.

Случилось это несчастье недавно, мы с Алеко перенесли его как личное горе. Алеше не исполнилось и тридцати: мотоцикл и наши адские дороги сделали свое черное дело. В семье Лехи остались жена с двумя дочками, одна из которых только-только начала ходить. Со смертью Быстрого из выпускников нашей группы в Орлиной остались только мы с Алеко.

Долго мы стояли у могилы нашего товарища, наверно, впервые подумав, как незащищен человек перед судьбой и обстоятельствами. Ведь все так хорошо складывалось в жизни Алексея: получил высшее, назначили в техотдел, слесарную робу сменил на красивую железнодорожную форменку со звездами да петличками...

Сослуживцы не скрывали своего восхищения хваткой их товарища, говорили: "Быть тебе начальником депо!" Леха улыбался: "Дорогие друзья, мне в техотделе с вами очень даже неплохо. Здесь в обеденный перерыв я с вами хоть душу отведу за шахматами, а кресло начальника — это же ярмо!"

Так все и продолжалось до этого рокового июльского дня 1974-го. Алеко тут же о случившемся разослал письма друзьям, не слишком надеясь на меня как человека семейного и более занятого. Первым отозвался Павло — жалел, сочувствовал, по-мужски прослезился. Ему мы вполне верили, да и сами, стоя у гроба, не смогли сдержать своих слез. Откликнулся и Федор: он по сей день помнит всех нас, и такое горе просто выбило его из колеи. Как положено, помянул Алексея. Лизавета поддержала его, вместе погоревали о злой доле Быстрого, его столь короткой жизни. В заключение Федор просил нас с Алеко беречь себя, не мотаться по Орлиным дорогам, способным приносить только смерть. Если они остались прежними, какими он их помнит, то гибель Алеши наверняка не последняя. "Куда смотрят ваши правители — неизвестно, у нас в Татарии такого безобразия нет". Какие в Татарии на самом деле дороги, мы с Алеко не знали, но верили — лучше, чем в наших краях...

В общем, 1974 год остался для нас с Алеко памятным. С работой у нас все ладилось: новые тепловозы трудились без устали, не капризничали, не подводили. Все же не надеясь на их новизну, мы добросовестно выполняли цикловое предписание, скрупулезно следя за записями машинистов в каждом бортовом журнале. Это особенно необходимо,

ибо никто не мог лучше локомотивной бригады определить, как ведет себя машина в пути следования на всех режимах работы. Путь, живой поезд, уклоны, подъемы, жара, холод, ветровые сопротивления — все это влияло на поведение неприхотливого, выносливого, но не беспредельного все же в своей силе и прочности локомотива.

Как мастер, Алеко требовал от нас, слесарей, особого пристрастия к записям в бортовом журнале. Машинист, повторял он, ерунды не напишет, а точно укажет, где и что болит локомотива. Нам, ремонтникам, остается только подлатать машину, подлечить ее хвори, может, где-то даже и прооперировать. Ремонтник и локомотивщик взаимосвязаны всегда, потому союз между ними крепок и нерушим.

Глава 4

Это партии нужно

Август 1974 года ворвался в нашу с Алеко жизнь, как метеор — стремительно, ярко и разрушительно. Более точного определения Шурик найти не мог.

Сразу после Дня железнодорожника Алеко вызвали в райком партии, непосредственно к первому секретарю. Олег Андреевич Колбаскин без всяких предисловий, вступлений и заумных речей прямо сказал: "Партия, Александр Николаевич, решила доверить тебе руководство нашим поселковым советом. Поселок растет, население его увеличивается чуть ли не в геометрической прогрессии, и у руля такого громоздкого поселкового хозяйства должен стоять молодой, грамотный, деловой человек, умеющий общаться с людьми, знающий Орлиную и орлинцев, тонко понимающий всю концепцию нашего сегодняшнего бытия. Много для тебя в этом русле окажется новым, незнакомым, но таково решение райкома, значит, не мое личное, это нужно партии".

Руководство депо, очевидно, информировали заранее, но никто ни о чем не распространялся, пока Алеко сам не побывал на приеме у Колбаскина. Времени на всякие бумажные формальности Шурику отводилась неделя, пока ему подыскивали замену. В последний момент нас с Алеко вызвали к Бесполову. Наш шеф восхищенно сказал:

— Честное слово, приятно, когда в верхах наши люди как-то котиру-

ются, им отдают предпочтение из всей массы такого боляного населения Орлиной. Немало ведь грамотных людей и в ПЧ, и в ШЧ, и в НГЧ, а вот смотри ж ты, большой взор брошен на ТЧ! Рад, рад росту деповчан, им доверяют ответственные государственные должности, с чем я тебя поздравляю, Александр. А мастерство свое сдай вот Моро зову: слесарь он со стажем, технику знает, "железку" любит, рационализатор хороший, ну и грамотный. Хватка рабочая есть, с людьми ладить может, тебя на период отпуска не раз замещал и, кажется, неплохо справлялся. Было, Морозов?

— Было, Геннадий Георгиевич.

— Вот и отлично, друзья. Идите, передавайте дела. Приказ о новом мастере готов, на обозрение скоро вывесят.

Вот так все решилось быстро и безболезненно. А разрушились, по определению Алеко, наши инертность и наработанный годами автоматизм, делу, в общем, не мешавшие, но не ведущие и к прогрессу.

Алеко, сдавая мне дела, отчего-то удрученно сказал:

— У тебя все получится, старик. Мастерить тебе не впервой, людей ты знаешь, руководящая жилка в тебе есть, прочее наворачстаешь. Я не за горами, будем встречаться, делиться мнениями, советоваться. На деле, старик, ты в большем остаешься выигрыше: для тебя в новой должности ничего нового, а мне-то каково? Не знаю, чем руководствовался Колбаскин, когда обсуждалась моя кандидатура. Я же природный технарь, и диплом у меня технарский, а тут такое кресло — ни в какие ворота, честное слово. Тебе, старик, действительно больше повезло: ты там, где тебе все известно, ты на своем месте. А мне-то, бедолага, с чего начинать? Ну, дадут кабинет, полдюжины телефонов, определенный штат... А начинать-то с чего? Может, со знакомства со своими сотрудниками?

— Именно с них и начни. Начнешь с ветеранов, они тебе и подскажут, от какой печки танцевать. Есть там, наверное, бывалые люди, но у них за плечами не более как церковно-приходское, зато богатый опыт жизни и работы, они могут нечто полезное подсказать. А лучше дело имей с самим Олегом: он тебя породил, пусть и помогает. Новый район — здорово! Потому побывать у него не придется — потребуется, а скорее, он сам пригласит. Обязан, во всяком случае: дела района не могут идти вразрез с делами Орлиной.

Ты найдешь в них немало общего, а в этом общем выделится и частное — скажем, жизнь нашего поселка. В эту жизнь может войти, к примеру, такое: снабжение водой — раз, субботники по благоустрой-

ству дворов, домов, подъездов самими же жителями, каких надо только организовать, — два, содержание в соответствующем состоянии поселковых помоек — три, выбор выпасов для личного скотопоголовья, наем пастухов — четыре, отстрел бродячих собак, каких в Орлиной больше, чем самих жителей, — пять, противопожарное обустройство сеновалов на собственных подворьях — шесть. Ну и не последний житейский вопрос — ограждение тамошнего кладбища. Ты видел, каково оно, когда Алексея хоронили: скот бродит между могилами, объедает деревца, ломает и валит кресты. А все из-за нашего безразличия, прямой бесхозяйственности не можем наш поселковый погост оградить, не по-христиански это! Вот тебе и семь, а ты спрашиваешь, с чего начинать.

—Ну ты даешь, старик! Ты это сам придумал или народ о том говорит?

—Конечно, народ. Надо только прислушиваться к молве, к старческим воздыханиям где-нибудь в баньке, на базаре или за кружкой пива. Народ ведь мудр, надо только прислушиваться к нему. Перечисленное, по-моему, можно принять за план действий на первом этапе. Послушай еще советы первого, а в пику поделись своими предложениями из этих семи пунктов, срази его своей болью за поселок, удиви прозорливостью — лишним балл заработаешь, что вовсе не мешает в начале твоей карьеры.

—Спасибо, старик, сам бы я вряд ли додумался до всех этих помоек, собак да кладбища.

—Ну, старик, это же наша повседневность. Ты же теперь голова Орлиной.

—Ей-богу, надо подсказать Олегу — твоя кандидатура самая подходящая для этой должности! Может, он не слышал о Морозове?

—Не такая уж я песчинка, а первому секретарю своих коммунистов знать положено, это и дураку понятно.

— В районе нас, простых членов партии, тыща, всех можно и не упомянуть...

—Хотя бы по газетным публикациям "генсек" должен знать Морозова.

— Оно и верно, старик, только лично мне непонятно, почему я на примете у первого оказался. А не могла ли в этом сыграть роль пара моих выступлений на узловом партийном собрании, где Олег присутствовал?

—И это может быть. Хорошее, дельное выступление ты сделал, вон

сколько партийцев тогда тебя поддержало, да и Олег отозвался одобрительно, хвалил живую заинтересованность коммунистов в вопросах партийной учебы, где пока много декларативности да книжности, мало фактов из живой жизни, из нашей повседневности.

—Но все же, старик, Олегу бы надо иметь в виду, что человек я все-таки приезжий, у меня есть родина, где живут мои родители, братья, сестры, и этой станции я, как-никак, отдал пятнадцать лет. Наверно, нора бы и домой — зов предков, как говорится, обязывает. Олег вызвал, а я, скотина, не противился, умилился, растаял, поплыл, идиот, не пытаюсь отказать хотя бы по этим причинам.

— Не отчаивайся, старик, принимайся за дело и работай на благо Орлиной. Не последнее дело: в трудовой хорошая запись появится, какая, если вырвешься на родину, очень даже не помешает. Могут даже в самих Тыневичах предложить подобную же должность, а то где и выше.

—Я в общем заикался на счет своего технарского образования, какое в моем новом деле вряд ли будет мне подмогой, возбудит мысль и ирибавит силу красноречию и умноречию. Но Колбаскин успокоил: мы коммунисты, нам все по плечу! Мол, он тоже технар, сельскохозяйственный закончил, только потом уже ВПШ. Орлиный район организовался, ему и предложили. А у нас сам знаешь, как предлагают: партии это нужно, и все!

— Да, любим мы, коммунисты, бить себя в грудь, горы vorочать, строить планы да рубить сплеча...

—Верно, нас медом не корми, только бы покричать о всяческих победах советских людей! Откуда это пошло, прямо от Октября?

—Скорее, от первых пятилеток да от отца народов.

— Похоже. Как же, надо было обязательно на весь мир кричать: у коммунистов многое лучше! У капиталистов — наемный труд, трудящиеся безбожно эксплуатируются хозяином, а у нас фабрики, заводы — все народное, потому труд у нас свободный и добровольный. Оттого этот самый труд в СССР — дело чести, доблести и героизма.

—Ладно, старик, не будем влезать в наши коммунистические дебри, а то, не дай Бог, еще беды накличем на свою голову. Хорошо, что мы вдвоем, без свидетелей — так недолго ведь и загреметь куда подальше.

—Да вроде времена уже не те...

—А у кормила власти кто остался? Во многом те же сталинцы да ленинцы. Сталинцы так и вовсе сплошь да рядом.

—Да Бог с ними. Нам важно наше с тобой будущее. Олег вроде заметил какие-то изменения в моей судьбе; попутно же высветился и для тебя какой-то новый путь. Мне как технарю очень даже непросто будет. Мне, по-хорошему, легче рассчитать мощность нашего депо на четыре смотровых канавы, нежели вычертить расположение орлинских помоек так, чтобы их никто не видел ни с проезжей части улицы, ни с вертолета, какой ежедневно кружит над поселком. Кстати, чего они высматривают?

—Наверное, выбирают место под стандартную телевышку или визируют какую-нибудь трассу для кабельной связи. Станешь мэром поселка — все узнаешь. Но в райкоме, а больше в КГБ тебя научат, о чем можно говорить, а чего нельзя даже родной жене. Я так думаю, старик.

—Неужто мною еще и КГБ станет заниматься?

—Не знаю, но, скорее всего, по нашим законам так должно быть. КГБ ведь вездесущий, и прежде, думаю, чем ты ступишь на председательский порог, с тобой мило побеседуют в этом самом комитете. Ты, Шурик, все-таки знаком с нашей идеологией да методологией партийного руководства. Вспомни, как не раз приходилось нам с тобой на партсобраниях слышать да читать всякое разное о диссидентах, каких-то не наших людях — писателях, артистах, ученых, известных и знаменитых не только у нас в стране. Чего им приписывают, какую антинародность — непонятно, только считают их не советскими, живущими не по советским законам, врагами всего советского.

—Бог с ними, старик, история разберется и скажет обо всем свое слово. Мне сейчас важно знать, о чем со мною будут в КГБ беседовать? Хотелось бы иметь хоть какое-то представление...

—С человеком, намеченным на такой пост, найдут о чем. Конкретной тематики я не представляю, но, скорее всего, дашь какую-нибудь подписку о неразглашении чего-то. Быть мэром такого крупного поселка престижно, почетно и, конечно, ответственно. Слышал, гости из Монголии на днях приезжали в Медногорск как новый областной центр? Выезжали даже на периферию, на какой-то отгонный участок к известному у нас в республике чабану, Герою Социалистического Труда. Могут ведь и в Орлиную нагрянуть с какой-нибудь миссией, какую в верхах, думаю, придумают. Наш регион чем славится? Правильно — многотысячными отарами овец, гуртами рогатой скотины и табунами лошадей, а ведь это все мясное направление. Оно, скорее всего, и может заинтересовать иностранцев.

—Ну, читал я об этих вояжерах, в областном центре больше свои

визиты наносили: там ведь медь, она и черта заинтересовать может. Насчет же нашего скотопоголовья — вряд ли, мелка тема.

—Но Героя-то навещали, наверняка интересовались породой, пастбищами, может, договора какие-нибудь заключили — иностранцы ведь зря не приедут, они во всем ищут выгоду. Их могут заинтересовать и наши безводные пастбища, однако же живые, чрезвычайно обширные, вскармливающие такое бессчетное поголовье.

—Убедил. Значит, ко всему надо быть готовым.

—Вот в нашем КГБ и по такому поводу могут говорить с тобой. Могут тебя наставить, чего отвечать иностранцам, если они вдруг о чем-то спросят, научат, о чем можно и самому спрашивать у гостей. Но это мое мнение, старик. Черт его знает, чем сегодня обложено КГБ! Говорят, прав у него, как у Бога, а потому могущество его беспредельно.

—Ну, спасибо, на многое ты открыл мне глаза. Теперь, идя к Олегу, могу чем-то оперировать. То же и с КГБ... Надо бы, старик, это дело после работы спрыснуть. Как смотришь? Говорят, шкалики завезли, а их, сам знаешь, уже с год мы не видели.

—Положительно смотрю, только гонца надо послать заранее — вечером в магазин явно не успеем.

—Это организуем, все остальное — дело времени...

Приказ о моем назначении мастером ПТП не заставил себя ждать; мне оставалось лишь покрепче мобилизоваться да поглубже вникнуть и кое-какие узкие места. Первым в этом плане была пресловутая техника безопасности: инженер по ТБ не знала пощады, если имелись какие-то нарушения или что-то не соответствовало каким-то пунктам, параграфам да предписаниям. Допускать промахов или вообще ЧП мне не хотелось даже в малом, тем более, на первых порах.

Я скрупулезно обревизовал всю документацию по этой самой технике безопасности, систематизировал первичный и трехступенчатый журналы, проверил все записи по инструктажу, средства защиты — перчатки да очки для аккумуляторщиц, наличие спецодежды у слесарей, норовивших пощеголять на работе в кедах да размалеванных футболках, в джинсах и расклешенных бриджах.

С женщинами-аккумуляторщицами вовсе беда. Появились они на ПТО совсем недавно, отчего Алеко на их экипировку смотрел сквозь пальцы. Вызывающие декольте с короткими юбками, как я видел, завораживали не только холостяцкую половину смены: локомотивные бригады, загонявшие тепловозы на ПТО, также не оставались равнодушными к нашим красавицам, отпуская в их адрес немало комплиментов.

Как поступать с ними, я пока не знал; принимать же радикальные меры сразу, обязывать непременно пользоваться рабочей одеждой, предусмотренной инструкциями для работников железнодорожного транспорта, с ходу просто не хотелось. Роба типовая, ГОСТовская, далекая до любования: мужчины ее как-то терпели, женщины же попросту отвергали вплоть до слез.

Я не стал настаивать на том, чтобы аккумуляторщицы носили спецодежду, попросил лишь своих работниц одеваться на работу немножко поскромнее — в брюки там, кофточки, в платья хотя бы немного ниже колен. Девушки смеялись, обещали найти что-нибудь подходящее, но не были уверены, что найдут. Я советовал носить им хотя бы только брюки, а с декольте пусть ладят сами, если не боятся кислотных паров, масляных да соляных.

— Мы знаем, читали, расписывались, когда принимали нас ученицами, — сказала непоседливая Людмила Восковая. — Деповская одежда для женщин — это на крокодила одеяние, а мы все-таки девушки, потому хочется выглядеть красиво, тем более, что в депо одни мужчины. Будь мы в крокодиловой робе, кто на нас посмотрит?

— Понимаю тебя, друг мой, — сказал я. — Но как мастер просил бы вас с Натальей на работе быть поскромнее. Это, скорее всего, и начальство отметит. В депо скажут: смена в надежных руках, там порядок, ей можно доверять и положиться на нее, народ подтянутый, не расхристаный, серьезный.

— Ну, мы с Наташей постараемся, раз мастер так просит. А в других сменах такие же требования?

— Это, Людмила, нас не касается, нам о своей надо думать. Там есть свои руководители, они пусть и решают свои проблемы. В других, кажется, нет выпускниц, к тому же, я отвечаю только за свой коллектив.

— Есть и там, — уточнила Людмила. — Вера и Ольга — мировые девчонки, писанные красавицы. В институт не поступили, в техникум не прошли, так же, как и мы с Наташкой, остались не у дел. Нам посоветовали устроиться на работу, заработать двухгодичный стаж, с которым и пытаться на "заочку" легче, проще.

— Приятно слышать такое. Я тоже бывший заочник.

— "Заочка" — это хорошо. Родители рады — не тянем с них, а в нашем возрасте знаете какие потребности? Это ж не в сказке сказать, ни пером описать!

— Преувеличиваешь, Люда. Парню, понятно, мотоцикл хочется, резиновую лодку для рыбалки, охотничье ружье. А вам? Ну, туфли мод-

ные да краски кусачие, разные колготки и прочие шмотки — это же мелочь по сравнению с потребностями парней.

— Ах, Афанасьич, шмотки-то и разоряют нас. Ведь на шурум-бурум мы не бросаемся, все на импорт, а он здорово кусается. За одни минские сапожки, к примеру, надо целую зарплату отвалить. А шапка норковая или воротник?

— Ну, коль так, то ты меня убедила...

Алеко вживался в новую должность не столь болезненно, как ожидал. Первый секретарь райкома, вероятно, досконально обговорил с ним ближайшие задачи на текущий момент. Мне не терпелось узнать, попал ли в точку хоть один из тех самых семи пунктов. Встретиться с Алеко никак не удавалось из-за его длительных командировок в Медногорск. Секретарша, хорошо знавшая нашу с Алеко ОХРовскую дружбу, по секрету сообщала: "На курсы повышения Александр Николаевич ездит, это его последняя семидневка".

Что ж, Шурик, курсы — это для дела, это своеобразный ликбез; жизненный же университет придет со временем. Навыки нашей с Алеко новой работы тоже должны прийти со временем, какое нас пока никуда не торопило, не звало в дорогу, не нарушало нашего привычного образа жизни.

На одном из партийных собраний коммунисты депо подняли вопрос о предстоящем осеннем комиссионном осмотре локомотивов. Мероприятие это всегда требовало мобилизации сил всего деповского коллектива. Нам постоянно внушали: комиссионные осмотры — это падежный задел на большие грузоперевозки. Новые локомотивы трудились с полной отдачей, и пока к ним, а значит, к ремонтникам особых претензий не имелось, но требования к качеству ремонта оставались жесткими.

— Все же, товарищи, — заметил в конце своего выступления замначальника депо по ремонту Виктор Петрович Коренев, — жизнь локомотивам дают люди, наши ремонтники, и надо, чтобы на этом самом осмотре они не чувствовали себя ущемленными. Вспомним: на весеннем комиссионном концы с салфетками выдавались впритык, бензин Б-70 — каплями, а техспирт и вовсе лишь для запаха. Конечно, борьба за экономию средств, запчастей, материалов также остается актуальной, но не до степени же Плюшкина! Именно ремонту мы должны, больше того — обязаны отдавать все, лишь бы наши локомотивы выглядели, как игрушка, и работали, как часы. Никакой натяжки и экономии, использовать все, сколько положено и как положено! Задача

же коммунистов — почаще бывать у ремонтников, интересоваться их делами, разъяснять важность работы.

Особое же внимание надо уделять пассажирским машинам. Здесь все должно отвечать самым высоким требованиям к качеству, а для этого пусть более зорким станет око приемщика. Особая же требовательность в предстоящей кампании предъявляется к нашим снабженцам. Пройдясь по кладовой, я не обнаружил многих запчастей. Где распылители форсунок Д-50 и 2 Д-100? Почему нет ни одной карданной головки, ни одной масляной секции, угловых редукторов привода СЛ-2? И это только на визуальную прикидку. Совсем отсутствуют щетки генератора. Комиссионный не за горами, а наши полки пусты. Снабженцы только по телефону работают с НОДХ, когда надо оттуда не вылезать; снабжение локомотива с колес, в экстренном порядке неприемлемо, потому снабженцам требуется подтянуться, перестроиться, все необходимое доставать заранее, а не когда грянет гром и петух не сделает свое дело...

Начальник снабжения Василий Григорьевич Цыпкин, фронтовик и бывалый человек, кому зам по ремонту поистине в сыновья годился, в своем выступлении не оправдывался, а только сослался на временные трудности по указанным запчастям в самом НОДХ. Но тамошние снабженцы вопросы решают, о чем ему и сообщили все по тому же телефону. Уверенность Цыпкина у собрания не вызывала сомнений: люди знали его хваткость, оборотистость и пробиваемость, какие, по замечанию многих, поистине не знали границ.

О работе отдела снабжения на таком ответственном форуме я услышал впервые. Мы, ремонтники, добросовестно делавшие свое дело, понятия не имели, откуда что берется. Если требовалась какая-то запчасть или материал, ставили в известность мастера, и тот решал проблему. Как он крутился, где доставал необходимое, мы не знали, не представляя какого-то положения, когда нужной детали в кладовой не оказывалось, из-за чего локомотив простаивал на канаве холодный и мертвый. Этого пока не случалось, за что депо в целом должно было кланяться своим снабженцам, которые с немалыми трудностями, известными только им, выполняли одну из важных ролей неутомимого депо-винтика.

...О новом мэре поселка орлинцы открыто говорили: "Этот наш", восхищались его начинаниями, что нас с Морозовой несказанно радовало. Первое, на что Алеко налег со всей настойчивостью, было кладбище. Как я и предполагал, этот пункт у Олега Андреевича Колбаскина получил особую поддержку.

При встрече Алеко рассказал, каких хлопот стоила ему кладбищенская проблема. Ямобур и бетонные столбики — "пасынки", как называли их строители — нашлись в том же ГОРЕМе, а вот сетки-рабицы не было ни в одной организации райцентра. Пришлось идти к самому. Олег Андреевич при Шурике куда-то звонил, дело сдвинулось. Кладбище огородили, оно выглядело теперь, по словам людей, очень даже привлекательно.

Прочие из тех семи пунктов тоже вызвали у первого немалый интерес. Он одобрительно отозвался о хозяйском глазе нового председателя поселкового совета.

— В целом же, старик, — делился своими впечатлениями Алеко, — работа мэра чрезвычайно интересная, но совсем-совсем нелегкая. Кабинет никогда не пустует, все время люди. А с какими вопросами они идут!.. Честно, я даже не представлял, что жизнь способна их создавать. Нет, скорее не жизнь создает людям проблемы, а сами они могут создавать невероятнейшие ситуации.

Поделился Алеко и впечатлениями о двухнедельных курсах повышения квалификации. Доселе ему в Медногорске бывать не приходилось, теперь же он тоже особых впечатлений не оставил: так, заштатный городишко в девяносто тысяч, сплошные "хрущобы", улицы заасфальтированы только центральные, вечно дымящие трубы комбината.

Однако статус областного центра придал городу особую энергию: он кругом в строительных лесах, высотные монтажные краны повсеместно. Грандиозное строительство — символ здоровья республики, что должно радовать всех. Радовался, конечно, и Алеко, глядя на растущие этажи зданий, горделиво возвышавшиеся над "хрущобами".

И Орлиная росла теперь, как на дрожжах, умывалась, прихорашивалась да приободрялась ежечасно, отчего орлинцы упивались любовью к своей молодой на глазах железнодорожной станции.

Я исподволь намеревался написать о новом мэре очерк, дабы по-хорошему прославить своего друга, любящего Орлиную и орлинцев и теперь непосредственно работающего на их благо. Материал хотелось заслать в "Медногорскую правду": к "Орлиной нови" в последнее время я охладел. Редактор неоднократно звонил, моля приносить материалы любой тематики вплоть до виршей. Я обещал, но очерк об Алеко утаил, отослав его в область. И теперь жил ожиданием чего-то необыкновенного, связанного именно с этим самым очерком, какой пока блуждал в бездонном редакционном портфеле.

Над материалом о друге корпел я порядком, стараясь не переу-

зять его мелочами биографического плана, а поведать о Шурике все самое теплое, чем наградила его жизнь. Я считал Шурика патриотом, не рвущимся на исконную родину, как это делали его друзья. Ко всему, он умел красиво дружить и ладить с людьми, спокойно улаживать всяческие жизненные возмущения, часто неожиданно сваливавшиеся на человека. Он мог все спокойно взвешивать, пользуясь результатом как фактом или как велением судьбы. Наверное, за это мы любили его, ценили его дружбу, зная — он не обманет, не подведет.

Все это хорошо характеризовало бы простого смертного, того же мастера Дундича, но Алеко теперь входил в плеяду интеллигентов высокой руководящей номенклатуры, а это значило, что перо о нем мне следовало держать более профессионально, дабы не отойти от правды. "Накачка", надуманность могли лакировать образ, чего я неимоверно боялся.

Садясь за очерк, никаких интервью у Алеко я не брал. Вообще, даже речи не вел о намерении как-то прославить его на всю Медногорию. Материала о новом мэре у меня хватало, я лишь боялся перегрузить героя "шелухой". "Попади сей материал в "Орлиную новь", — думал я, — вряд ли она попыталась бы отделить зерна от плевел". Областная же допустить подобного не могла, что меня успокаивало — все-таки в журналистике я больше теоретик, чем практик.

Мне нравилось мое выстраданное творение, какое я, кроме сердца, писал еще головою. Я готов был все самое лучшее отдать Шурику, но кроме газетной славы ничего другого предложить другу не мог. Однако слава эта пока не разбежалась по области, и друг мой оставался на виду только у орлинцев.

Глава 5

Жизнь ты, жизнь...

Долгожданный очерк, названный у меня "Человек с большой буквы", наконец увидел свет, но под заголовком "Все остается людям". Бог с ним, с заголовком, меня больше интересовала начинка. Внимательно читал, сравнивал. Ничего, ножницами прошлишь самую малость, а так все осталось на уровне...

В тот же день прямо на работу прикатил Алеко и принародно обнял

меня. Не все знали причины такого внимания мэра к их мастеру, наверняка газету прочесть еще не успели.

Колбаскин материал прочитал первым и тут же позвонил Алеко на работу. Шурик сказал, что газету пока не видел: почтальонка со своей сумкой на ремне до поссовета доберется лишь к вечеру, потому как район ее обслуживания укладывается без малого в пол-Москвы. Первый произнес: "Безобразие!" Газету Алеко доставили нарочным, после чего мой друг и нагрязнул ко мне.

Посидели. Алеко поинтересовался работой, изменениями в цикле ПТО, поведением новых локомотивов. Теперь они, конечно, уже не новые, не раз побывали на ремонте, а всякий ремонт, как известно, только лакирует былую красоту и лоск.

Договорились вечером встретиться. Алеко просил не задерживаться. Да мне теперь и на душ время тратить не всегда приходилось. Должность обязывала быть аккуратным, в отглаженной форманке, при галстукке. Лишь при необходимости, когда возникал аврал, весь этот шик летел в шкаф, а я натягивал робу и трудился со слесарями наравне. Когда машина уходила с канавы, я вновь облачался в свою статусную красоту с регалиями, и наш рабочий настрой приобретал обычное течение.

До поссовета меня подбросили на мотоцикле, чем сэкономили минут двадцать пешего хода. Алеко даже в такое позднее время говорил с кем-то по телефону. По отрывкам слов и интонации я понял — вопрос серьезный.

— Непорядок, шеф! Рабочий день давно закончился, а ты все пашешь... Авторитет нарабатываем?

— Какой там! На завтра на АЗС бензина ноль. Дал команду — только для "скорой".

— ЧП случилось?

— Бензовоз с нефтебазы выехал еще утром, но по дороге гыгнул: что-то серьезное с двигателем. Попросил начальника АТП на жестком прицепе приволочь эту чертову бочку...

Несколько успокоившись, Алеко пригласил меня к журнальному столу, накрытому небольшой скатертью.

— Ну, старик, прочитал я твой очерк, и, признаюсь, доволен. Вроде ничего лишнего, натянутого, надуманного, каждое слово к месту. Удивлен твоей прозорливостью, точностью, правдивостью выписанных характеров людей и обстоятельств, формировавших меня как человека и личность. Откуда подробности о доме, семье, войне? Ничего

подобного в столь широком плане я вроде никогда не рассказывал и не рисовал таких выразительных картин. Если только где-то по пьянке, но это когда было, а ты как-то все сберег в памяти. Словом, старик, спасибо! Никакой крикливости, сусальности, и образ вполне на уровне, соответствует оригиналу — так вроде у вас говорят. Не знаю, как Орлиная, но из области уже звонили, поздравляли. Давай сегодня твою удачу и мою вселенскую известность, как ты говоришь, спрыснем! В другое время вряд ли сможем, работы море...

На столике — подлинный "Наполеон" в бутылки, какую в силах опорожнить разве только какой-нибудь запорожец, икра, балык.

— Ну ты даешь! Стоило ли так тратиться? Ударили бы по-жэушному, утерлись рукавом, и по домам... Кстати, этот "наполеоновский" жбан по объему расширительный бак напоминает — не просто его осилить!

— Ничего страшного, это только по жбану видимость, для двоих норма вполне приемлемая. Помнится, в свою бытность мы и не с такими дозами расправлялись.

Да, божественный все-таки напиток этот "Наполеон"! Я про себя отметил, что теперь Алеко не простой смертный, ему многое теперь доступно. Такова логика жизни.

Утром жена сказала:

— Морозов, вчера ты был в хорошем подшофе, чего с тобой давно не случилось. С Алеко злорадствовали?

— Угадала. К счастью, никто не мешал, не донимал звонками, что и позволило нам расслабиться без свидетелей.

— Не хватало, чтобы Орлиная по углам злословила: коммунисты, руководящие работники — и до степени сапожника!

— Что ты, мы шли уже под звездами балканскими, и ни одна собака нас не видела...

Утром не терпелось узнать, как разрешился вопрос со злополучным бензином. Не вытерпел, сходил на заправочную станцию. Оказалось, все окей: Николаев сдержал слово, бензовоз приволокли, бензин слили, и утром АЗС работала в обычном режиме. Я от души порадовался благополучному финалу с горючкой. Хотя мы с Шуриком теперь находились на разных полюсах общественного положения, душа моя больше болела о нем. Я был уверен, что мэр Орлиной — первая для Алеко ступенька. Я верил в высокое предназначение его звезды, желал ей долгого горения и яркости.

Утром около одиннадцати пришел Алеко. Мы с женой гостей не

ожидали, тем более, в сегодняшний выходной сами намеревались осчастливить Пионерскую. Наши вояжи к осиротевшей Екатерине Александровне совершались больше по выходным дням, какие теща считала недостаточными.

На Пионерской особых изменений не происходило. Надежда с Самородовым и двумя детьми жила в своей двухкомнатной; Антонина же после недавней свадьбы пока обитала с мужем в какой-то избушке на курьих ножках — допотопной времянке, приписанной к локомотивному депо. Неизвестно, казался ли молодоженам сей шалаш раем, только на судьбу Антонины не жаловалась, а ее муж Анатолий Фильчак и подавно: большую часть времени он все равно проводил в поездках.

Алеко появился со своим классическим дипломатом. Содержимое его оперативно перекочевало на свежую скатерть. Мы доверили хозяйке налить по чарке очаровательной "Плиски", после чего Шурик обрадованно сказал:

— С горючим все уладилось, спасибо Николаеву! Олег не знает, шу-му никакого, машины работают — от "скорой" до пожарников.

— Азээсники все-таки проморгали?

— Конечно, потому только мне и сообщили, иначе Олег сделал бы им харакири. Теперь наперед наука — интересоваться заранее делами на АЗС. В зиму и вовсе несладко придется: наши дороги известно какие, шоферы не раз кричали "SOS", вызывая на помощь К-700. А насчет сегодняшней рюмки, Ильинична, извини нас — я просто в долгу перед твоим Морозовым.

— Прямо уж в долгу! Очерк хороший, поскольку о человеке хорошем.

— Спасибо, друзья. Главное, Ильинична, я никогда не ожидал от твоего Афанасьича намерения говорить обо мне так тепло, к тому же, во всеуслышание. Теперь вот отдувайся перед народом, смотри в глаза друзьям, поздравительные звонки идут даже из области, но надо ведь отрабатывать этот нагрев, данный мне в очерке. Я рад, друзья, что снова с вами, в вашем кубрике, где могу по-хорошему расслабиться. Главнее вас у меня теперь никого нет, мне с вами по-домашнему уютно. У меня в ОХ-Ре, понятно, климат не тот. Наверно, мне надо менять свой образ жизни, заставить себя смотреть на окружающее глазами действительно хозяйина, а не гостя. Правильно, старик, ты заметил в очерке: раз хозяин, значит, здесь все твое — дома, люди, события, боль, радость.

— Очень даже верно, Шурик, сказано насчет хозяина и Орлиной, — поддакнула жена. — Только у Морозова всегда какие-то сомнения в этом плане по отношению к своей персоне. Павло по-прежнему зовет

его к себе, суля горы золотые да возмущаясь: чего ты теряешь, кроме цепей да степей? Приедешь — квартира в течение года нарисуеться, а это время можно пожить у него, только дай согласие слесарем в их желдорцах. Я сочувствую Павлу, он мастер, потому ему хочется иметь у себя квалифицированных специалистов, как у нас в депо. И вот рвется мой суженый в Хохляндию, в Криворожье, да только я, как часовой, на страже стою.

— Но теперь-то он мастерит, при галстукe на работе, форма на нем, как на генерале, сидит, смена его слушает, уважает, локомотивы послушны... Пусть набьет руку, в жизни пригодится, а в трудовой хорошая запись появится — мастер. Есть резон?

— Все хорошо, о чем вы говорите, — взмолился я, — только годы идут, сын подрастает, мы стареем, и я не знаю, какую жизнь даст ему наша Тмутаракань. Тут глубинка, провинция, у Пашки же город, известный на всю страну. Наверно, давно бы надо решиться, только я со своей нерешительностью у Морозовой под колпаком томлюсь: я же ей с сыном счастья хочу, а для нее все счастье здесь, в ее Вороньем.

— Да, Морозов, тут ты абсолютно прав. Если бы не я, то не знаю, как бы сложилась твоя судьба. Тут вся наша родня, твоя и моя, а ты рвешься на Украину. С Пашкой не равняйся — там его родина. Ладно, приехали мы к нему, а дальше? Хорошо, Павло примет, угостит, спать уложит. Потом-то чего? Ладно бы ты один, а нас ведь трое. Полгода-год где-то скитаться надо, пока обещанную квартиру дадут. Да и верится с трудом — какой-то год, и вот тебе ключи на блюдечке с белой каемочкой? Свежо предание, по Орлиной ведь знаем... А тут хорошая работа, разовый билет, районный коэффициент, разные премии, живем не хуже других, обуты-одеты, в доме не перекасти-поле. Чего еще надо? Толкотни на улице да давки в трамваях? Нет, лучше синица в руках. Зачем самим себе все усложнять? Сейчас ведь только жить: Валерка вырос, ты при деле, у меня на работе все хорошо, образование получили, к нам прислушиваются, уважают, ценят. Чего еще искать? Поэтому, Морозов, пока я жива, про Хохляндию забудь! Если без нас с сыном, тогда другое дело. Так Павлу и напиши: не хочет, мол, Морозова расставаться со своей Сорочьей, привыкла к ней, любит ее, и если она даже сгорит... Дальше тебе известно.

— Алеко тоже это знает: "Из Орлиной я не сорвусь до потопа". А приглашает Павло, скорее, по инерции. Ну, время покажет, правильно ли мы поступаем, отказавшись от Пашкиных предложений. Вон сколько людей уехало из поселка, и ни один не пропал, не умер с голоду. Да

и не единым ведь хлебом... А мы только на свои желудки все примеряем, как первобытные. Неинтересные мы люди, живем без мечты!

— Ну, говорить ты мастер, Морозов, — не сдавалась жена. — Но жизни, по сути, ты просто не знаешь. Конечно, наша зоркоокая — далеко не рай, но я патриотка нашей летучей. Куда мы только ни ездили с тобой, каких красот только ни видали, а неделя-другая проходит — домой тянет, спасу нет. Такова, наверно, человеческая натура: мой дом — это я, семья, дети, друзья.

— Вот видишь, старик, — встрепенулся от какого-то своего оцепенения Алеко. — Правильно у тебя жена смотрит на жизнь, я ее поддерживаю! Мы уже говорили: моя Бульбашия против тутошних мест — Швейцария, однако я на родину не рвусь. Езжу в отпуск, навещаю стариков, родню: все живут своей жизнью, я здесь — своей. Семнадцать лет как я от родного порога в Орлиной, где также для меня все стало родным. Конечно, есть высокие слова о земле, где ты родился, крестился, с молоком матери впитал любовь к родному краю, к белым избам да чистым криницам. То же со мною: Бульбашию я люблю, но и нашу пернатую не менее. Потому, старик, будем мотать на ус слова Морозовой. Труднее ведь были времена, но у нас хватило сил не удрать из нашей птичьей. Теперь несколько полегче стало, потому не годится нам канючить да дергаться: наши должности должны придавать нам солидности, твердости духа, особую ответственность перед людьми.

— Вот так, Морозов, надо понимать жизнь и свое место в ней, — воодушевилась Морозова. — Не мы ведь только вдвоем в постылой для тебя Орлиной. Смотри, все начальство депо — народ приезжий, по институтским направлениям. Бесполов свой срок давно отработал, Велижанин, Федотов, Волков, Захаров, Заваров отработали его трижды, но не мечутся, не бросают депо, тогда как каждому из них есть куда податься. Вот это настоящие патриоты, не ищут, где потеплее да посветлее! Трудно всем, трудно и им. А ты, Морозов, вечно терроризируешь себя и людей с собою рядом, делаешь больно чужим и близким. Нас вот осталось неразлучная тройка — ты с Алеко да я. Вместо жэушника кручусь с вами, и пусть наша тройка остается монолитной на долгие годы! Будем друг друга поддерживать, даже станем друг для друга настоящим эликсиром. Нам легче станет жить, когда будем чувствовать плечо друг друга, ощущать монолит нашей спайки.

— Вполне согласен, друзья мои, — подытожил наш диалог Алеко. — По одному жизнь раздавит нас, а вместе ей нас не одолеть!

Долго еще продолжалось наше субботнее застолье, по окончанию

которого мы с Морозовой поняли, что вылазка на Пионерскую отменяется, по поводу чего жена с улыбкой сказала:

—Попадет нам завтра от матери! Со мной она еще как-то лояльничает, тебе же трехэтажных придется послушаться.

—Не впервой. Ее маты нас с нею даже сближают — они больше от любви, чем от какой-то ненависти. А ненавидеть она просто не может. Знаю я, теща во мне души не чает, оттого маты ее ко мне самые изощренные!

Посмеялись, пожурили себя за редкое посещение Пионерской...

Особой работы с ликвидацией живности в доме не стало, однако же одиночество угнетало тещу больше, нежели повседневная работа. Единственной ее отрадой теперь оставался наш Валерка: он кубрик не любил, но временами посещал, когда требовались какие-то деньги. В последнее время денег он требовал все чаще; мы, разумеется, ему не отказывали. В семейную бухгалтерию я не вмешивался, к их секретам с матерью не домогался, но по моим предположениям, деньги у сына уходили больше на магнитофонные кассеты, фотобумагу, пленки да реактивы для его новенького ФЭДа, о котором сын мечтал класса с третьего, но только в шестом его мечта сбылась.

Я несказанно радовался увлечениям моего Валерки, боясь лишь, как бы не загорелся он мотоциклом. Не деньги пугали, а местные дороги, которые свели в могилу не одного юного орлинца. Мы с Морозовой, советуясь, готовы были купить сыну лучший из великов или мопед — все-таки меныне риска. Но сына пока увлекали магнитофон и фото; тяги к технике, к нашему удовлетворению, у него не проявлялось.

По учебной части сын наш не блистал ни по одному предмету, и кем ему суждено стать в жизни, мы терялись в догадках. Пока Валерке тринадцать, и кем ему быть, мы не придавали особого значения. Я, к примеру, по-серьезному мечтал видеть сына только локомотивщиком: во-первых, на пенсию в 55, "железка" лучше кормила, чем всякое учительство и врачевание; во-вторых, она давала ежегодный бесплатный билет в любой пункт Союза, куда только доходила железная дорога. Жена же попросту сказала: пусть будет человеком с умом и шеей, а ярмо на шею всегда найдется.

О судьбе нашего сына всерьез мы никогда не задумывались, потому и не вели с ним разговоров на житейские темы. В тринадцать он оставался для нас просто ребенком, целыми днями борзел со своим магнитофоном да уединялся с фотоаппаратом. Мы с женой сие приветство-

вали, боясь, как бы наш сын не увлекся улицей, где его сверстники уже покуривали да баловались "краснушкой" — дешевым вином. Но Валерка нас не огорчал, подобных "подвигов" не совершал, вообще рос нормальным, совсем не уличным пацаном.

В последнее время наш кубрик обзавелся новой мебелью и стал тесным. Покупкой мебели занималась Морозова, я с друзьями лишь предоставлял рабсилу. Побывавший недавно у нас в гостях Алеко заметил:

—Старик, у тебя повернуться негде, пора бы подумать о больших квадратах. Депо с организацией в Орлиной столицы теперь не столь свободно в жилищных вопросах, однако квартиры ему процентуются, что обязует его выделить подходящую крышу своему труженику, ветерану к тому же. Время, старик, нынче само собой призывает уходить от крестьянской плиты, угля, кизяков, дров, уличной водоколонки к цивилизованным атрибутам, какие наш микрорайон дает людям не в полной мере, но более-менее.

Действительно, наш 18-метровый кубрик исчерпал свои возможности поглощения сервантов да кресел, которые в последнее время начали меня просто выводить из себя. Я не знал, куда себя приткнуть, не сиделся за вирши — все это сверкающее мягкое и твердое новое стесняло мое тело, душу, мысли.

Морозова же упивалась своими приобретениями, постоянно сдувала с них пылинки, чем еще больше вызывала во мне раздражение. Правда, свою неприязнь ко всем этим дорогим деревяшкам я открыто не выказывал и не упрекал жену в ее страсти к вещизму.

Слава Богу, а больше Шкребе, без крыши мы с Морозовой не жили никогда. Однако же квартирный вопрос для нас решался затратно, с откровенной "резиной", исходившей от каких-то райкомовских чинов. Депо предлагало добротное жилье на новостройке, вручало ордер, но квартира оказывалась занятой каким-то высоким районным денди, а мы опять оставались при своих интересах. У меня лопнуло терпение, и я сказал жене, чтобы она сама решала "берложью" проблему. По поводу этого она сказала:

—Правда, Мороз, сие творчество не для тебя — у тебя нет терпения, лояльности, обыкновенной житейской хитрости, ты больше склонен к агрессивности... Предлагали уже вариантов пять, я ходила, приглядывалась: пусть там бомжи живут, а мы дождемся второго этажа с балконом, где можно сушить белье летом, а зимой хранить продукты. Мы с тобой по пятнадцать лет в депо отмантулили, заслужили подобную квартиру — с водой, отоплением, унитазом.

В крышном вопросе я целиком доверился Морозовой. На новостройке нам однажды действительно предложили двухкомнатную с балконом, но ее с ходу заняли, оставив такую же на первом. Депо, высокие власти и даже милиция ничего с квартиросъемщиком сделать не смогли, а больше, наверно, не желали — как-никак, тот оказался известным в районе газетным работником.

Со всеми квартирными метаморфозами я поделился с Алеко, о чем Шурик откровенно сказал:

—Старик, мы с тобой до седых волос дожили, а понять не можем силу власть предрежащих. Ну кому потрафят в первую очередь — тебе, какому-то мастеришке, или тому же газетчику, председателю ДОСА-АФ, председателю банка? Потому терпи, приглядывайся, не лезь в бутылку, а терпение и труд, сам знаешь, все перетрут. Со временем многое изменится к лучшему. ГОРЕМ клепают дома для железнодорожников — диву даешься, целый город вырос, значит, вашему брату здесь должно многое перепадать. Но вот случилась накладка: район организовался, а район — это же советская власть, против какой не рыпнешься. Но, старик, есть наметки и некий просвет: в Орлиной организуется ПМК-1103 "Сельхозстроя". Ее объекты — совхозы, отделения, отгонные участки; львиная же доля ляжет на нее по строительству жилья у нас в райцентре. Планируют трехэтажную школу, новое здание райкома и райисполкома, районного узла связи, также трехэтажного. Вот-вот начнут строить жилье; дома будут не типовые, как в микрорайоне, а разнофасадные и разноэтажные. Тут тебе наверняка и высветит желанная халупа со всеми удобствами. В кубрике ты совсем заставлялся, кругом блеск да полировка — прикасаться боязно, не поцарапать бы чего. Боевая у тебя Морозова — все это выглядит, отобрать, привезти...

—Ты прав, такие страсти не по мне. Я же ей не препятствую, пусть отводит душу. Может, ею сейчас движет отместка за прежнюю бедность? Жили, сам видел — стол, табуретки, никаких шкафов да шифоньеров, все барахлишко в старомодном сундуке хранилось да на гвоздях вместо вешалки.

—Во всех твоих деревяшках, старик, ничего зазорного нет. Получишь новые апартаменты, обставишься, не стыдно будет людей принять, своих и чужих. Я, честно, тоже всегда любил красивое в доме убранство, потому, по правде, просто рад всем этим креслам, диванам да паласам. Не брать же с собою в гроб эти деньги чертовы, надо чтобы они служили нам, доставляли какую-то радость, удовлетворение. Моя

же мечта — колеса. Олег обещал: "Первая из поступивших малолитражек — твоя". Хочу "Жигули", но они пока не на потоке, потому проскакивают к нам какие-то единицы...

Морозова говорила: "На нет и суда нет. Потопим свой кубрик еще одну зиму, встретим 1975-ый, который должен высветить нам новую настоящую квартиру". По ее прогнозам, нам должно повезти. На нечетные числа судьба ей всегда как-то благоволила: в 59-ом мы познакомились, в 61-ом — Валерка, в 65-ом она закончила техникум, в 67-ом — я свой ликбез. Будущий год целиком из нечетных чисел, потому судьба должна улыбнуться очень широко.

Я же и на 75-ый не питал особых надежд, в который раз сожалея об отъезде защитника и правдолюбца Шкребы. Уж он-то не позволил бы нарушать закон, игнорируя решение профсоюзного комитета депо. У человека на руках ордер на конкретную квартиру, а тут какие-то перестановки, негласные метаморфозы, сдвоенные ордера. Как в поездах билеты на сдвоенные места, но в поезде проводник еще как-то разберется, а тут черт ногу сломит: мы жильцам — свой ордер, они иам — свой, где указана та же квартира.

Профком, Бесполов лишь разводили руками. И только Алеко поднял завесу. Остается только ждать. Начнет функционировать разрекламированный ПМК, квартирный вопрос в Орлиной наверняка снимется. А пока с этими квартирами немало делается темного и завалочного, в чем нам, смертным, никогда не разобраться. "Начнешь куда-то высоко писать, — предупредил Алеко, — низко сядешь, что уже не раз случалось". В итоге всех наших квартирных треволнений Морозова заключила:

—Черт с ними, Морозов! Не пропадем. Крыша у нас — слава Богу, пусть тесно, тем благоднее окажется новый угол. Мы честно живем, трудимся, не страдаем — тыфу-тыфу, чтоб не сглазить! — здоровьем, воспитываем сына. Будем жить, а справедливость все равно восторжествует.

Глава 6

Злой рок на Пионерской

Эх, врагу не пожелал бы таких забот, мучений и боли, какие выпали нам с Морозовой в связи с внезапной кончиной незабвенной Екатерины Александровны! О смерти бабушки сообщил наш Валерка, прибежавший в кубрик расстроенным и в слезах.

Заботы о гробе, расширенной оградке с пирамидальным памятником я взял на себя. О машине для проводов нашей тещи в последний путь договаривался Анатолий, а вся поминальная процедура досталась Артему с женщинами.

Сестры были в трансе, отчего мне пришлось пригласить к поминальному действию близких соседок бабы Кати Катулевской. Как покойную обмывали, одевали да отпевали, мы, три свояка, не знали, не ведали, только по просьбе бабушек в последний момент положили нашу дорогую тещу в гроб. Про себя я мысленно благодарил старушек, умеющих так безбоязненно обращаться с покойниками, обмывать их и столь искусно облачать в нарядные одежды. Те же бабушки ставили в изголовье Екатерины Александровны свечи, хлеб, воду, для чего-то постоянно протирали лицо покойной, беспрестанно читая свои молитвы.

Похоронили Катулевскую рядом с мужем, аккуратно разровняли общий холмик, поставив одну оградку. Поминки были немногочисленными, но пришло немало Валеркиных одноклассников. Детей потчевали все, кто был свободен, поднося приличествующие такому случаю кушанья — кутью, борщ, гуляш с картофельным гарниром, компоты.

Последними за поминальный стол сели три дочери усопшей и мы, их мужья. Сын не приехал и на этот раз; мы не знали, где его носило, хотя телеграмма ушла вовремя.

Морозова как старшая из сестер с нескрываемой обидой сказала:

— На похоронах отца не был, теперь вот и у матери. А чего с него взять? Как был сквозняком, так сквозняком и остался!

Надежда с Антониной согласились с подобной характеристикой их братца. Мы же, свояки, в разговор о Петре не вмешивались, считая, что

родные сестры знают его получше других. По нашим прикидкам, путь от Ребрихи до Орлиной укладывался в двое суток, так что Петр вполне мог успеть на похороны матери.

Артем пробовал оправдывать своего шурина: Петро, мол, мог находиться в какой-нибудь командировке, а вы, милые дамы, понапрасну катите на безвинного человека баллоны. Надежда цыкнула на мужа:

— Знаем мы его командировки! Они в магазин да обратно, а после угар, когда не до сыновнего долга.

— У тебя, Найдена, все пьяницы, — не сдавался Артем. — Муж, брат, сосед, вся Орлиная и даже столб телеграфный!

— Так оно и есть, — злилась Надежда. — Ты бы пореже опрокидывал — не на веселье находишься, мечешь их без счета, как за себя бросаешь.

— Но это же не стопки — наперстки, — упорствовал Артем. — Теща же стоит доброго поминаения.

— Хотя сегодня не грызйтесь, — упрекнула сестру моя жена, — Мама при жизни насмотрелась на вас, дайте ей отдохнуть хоть сейчас...

Мы с Анатолием не вмешивались, молча поминали. Тоня поддерживала наши старания, наливала новые стопки, но Анатолий накрыл свою ладонью. Я тоже считал, что хватит: в такие скорбные часы злоупотреблять выпивкою грешно, да и не солидно. Артем же, пренебрегая неписаными законами человеческой этики, сказал:

— У нас в Чувашии уж поминают, так поминают, чуть ли не до пелен!

— Такое кощунство славянам противопоказано, — сказал Анатолий. — Обычаи и традиции наших предков в этой части человеческого уклада жизни строги и святы.

Насчет традиций я не мог сказать ничего определенного, поскольку ничего существенного о них не знал, потому и не поддерживал разговора. Закончилось наше поминальное застолье уводом Надеждой мужа, а мы четверо остались ночевать на Пионерской. Хозяином осиротевшего дома оставался теперь только наш Валерка. Засыпая, я спросил у Морозовой, как намерены они поступить с материным домом. Морозова ответила: "Не знаю. Возможно, оставим как дачу".

По поводу тещиной дачи в свое время я обещал Охотскому написать "Зеленую поэму" — нечто хвалебное об орлинских приусадебных участках. Необычность их заключалась в богатстве и разнообразии даров земли Орлиной — бедной, солончаковой, вроде мертвой, но способной творить чудеса, когда человек отдавал ей душу, силы и терпе-

ние. Оттого дача Катулевских была столь щедра: картошка, морковка, укроп, лучок, чеснок, редиска, огурчики-помидорчики, капуста да свекла всегда украшали стол Катулевских, давая на зиму хорошее деликатесное подспорье. Конечно, эти дары требовали немало, но отдача все-таки соответствовала затратам.

Знала эта земля и мое участие. В нюансах агрономических процессов я мало чего смыслил, но приложить силы мог. Вскопать грядки, прополоть да окучить картофан, проредить морковь не составляло особого труда, но делалось все это под надзором тестя с тещей. Девчонки Катулевские в агрономии смыслили не больше моего, но трудились они на огороде столь же усердно. Теперь, со смертью отца и матери, дача осиротела, предоставив нам, молодым, самим определять ее судьбу.

Такие мысли целым роем нахлынули на меня, а Морозова, сваленная горем и заботами, тихо дышала в своем сонном забытии. Я мог ей только позавидовать.

Утром — ни свет, ни заря, как недовольно заметила Морозова — появился Артем, упрекая нас в пагубной страсти дрыхнуть без задних ног.

— Солнце давно уже светит в зад, а вы, как сонные тетери, вылеживаетесь, будто на курорте, — ворчал он. — И моя жена вам под стать: вставать не желает, чай не делает, а его так хочется. Заодно надо бы и тещу помянуть — сегодня душа ее прикоснулась к земле и ушла в небытие, требуя поминовения. Мы должны отдать должное ее нелегкой жизни на этом свете!

Ну, мы и без преамбулы знали, чего хочет самородовская душа, стали расставлять на столе положенное. Артем суеился тут же, приносил рюмки, хлеб. Когда же Морозова поставила бутылку, поцеловал ее в щечку, воскликнув:

— Цены тебе нет, Ильинична! Были бы все такие щедрые, Вселенная только выиграла бы, стала светлее и приветливее!

— Ты мне гимны не пой. Наливай да лечись, а то без похмелки, не дай Бог, еще ноги протянешь.

— Спасибо, спасибо, за нами не загорит!..

Подняв стопку, я сказал:

— Пусть наша мать спит спокойно. Мы ее помним, чтим и делаем жизнь, как она нас учила.

Закусывая, Артем обратился к Морозовой:

— Плесни, Ильинична, еще стопарик — душа горит.

— Плеснуть, Артем, не жалко, только разум не выплесни. Посмотри

на свояков — как огурчики, а ты уже контроль теряешь, теща бы не одобрила.

— Ну, теща, царство ей небесное, меня понимала, потому и любила. Мы с нею всегда общий язык находили, особого антагонизма между нами не возникало, даже когда я заходил под градусом. Она оправдывала меня, зная нелегкую работу локомотивщиков: им время от времени стресс снимать сам Бог велел.

— Бог-то Бог, не будь сам плох, — увещевала Морозова Артема. — МПС не любит в своей системе любителей поддавать. Железная дорога, ты же сам хорошо знаешь, — зона повышенной опасности, потому она беспощадна к выпивохам, нерадивым да разгильдяям всякого калибра.

— Ну ты даешь, Ильинична! Нельзя же меня, советского машиниста, сравнивать с алкашами. Бывает, поддаю по свободности, так это же на отдыхе, на своих кровных сорока восьмью, когда можно трижды проспаться и на работу явиться чин чинарем — ни в одном глазу.

— А после работы, — перебила мужа Надежда, — маршруты с помощником сдали и с ходу в магазин: не терпится вам, бедолагам, врезать! Другие мужья после поездки домой, к жене и детишкам спешат, а вы с помощником к кому-нибудь в гараж. Дом, дети — на моих плечах, на твоих — только бутылки.

— Вот и напрасно катишь баллоны на мужа, я дочку тоже в садик вожу, когда свободен.

— Это раз в год по обещанию: то ты после поездки спишь, то в поездку готовишься... Ну, а вылазки в гаражи, после которых вы лыка не вяжете, у тебя с повестки никогда не снимались.

— Не преувеличивай, друг мой. Люди и впрямь подумают: советский машинист — и алкаш! Просто веселый я человек, компанейский товарищ, но все же содержатель семьи. Зарплату тебе я какую приношу? Когда слесарем работал, ты частенько не знала, как три рубля до полочки выглядят, а теперь бросаешься ими направо-налево: то ей плюш на диван приглянулся, то какой-то палас улыбнулся...

— Ты давай закусывай! — прикрикнула Надежда. — А то часом заснешь за столом, к чему тебе не привыкать.

— Чтобы закусить, надо налить, дорогая...

Перепалка Самородовых закончилась миром. Женщины занялись своими делами, Артем же ушел, как он выразился, восвояси, чтобы поспать спокойно на террасе. Оставшись с Анатолием вдвоем, мы начали помогать женщинам по их просьбе. Надежда с Антониной затеяли по-

белку, Морозова — большую стирку, что налагало на мужчин обязанность выносить на улицу постельные причиндалы, выбивать из них пыль, сушить на солнце, вновь заносить в дом.

Воды на стирку с побелкой понадобилась, как пошутил Анатолий, восьмисная цистерна, которую мы и наносили с неближней колонки. Словом, трудились мы со свояком в поте лица, за что женщины объявили нам благодарность и выдали премиальные — по стаканчику "родимой". Дружно поужинав, пожурили Самородова, оказавшегося вне нашей компании.

Мы с Морозовой остались ночевать на Пионерской и на этот раз. Фильчаки ушли к полуночи; Самородова же еще засветло увела детей, чтобы Оксану утром подготовить в садик, а десятилетнего Женю — в школу. Наш Валерка постоянно крутился возле нас, не отходил от матери. Я видел в нем какой-то надлом, понимал, что мальчик не мог примириться со смертью любимого человека, ведь бабушка Катя воспитывала его с пеленок. Наши ласки и нежность к сыну, тепло да участие больше запаздывали и не могли вовремя согреть ребенка, тогда как бабушка отдавала внуку всю себя, любила преданно, горела без остатка — по-другому она просто не умела.

Утром мы покинули Пионерскую, договорившись заночевать здесь снова. Вариант вынужденный, о чем Морозова и сообщила:

— Отметим девять дней и с дачей распрощаемся — сосед покупает, у него сыновья, сам добрый пахарь, а к хорошему пахарю и земля щедр.

Сосед всегда завидовал нашим урожаям, знал, что земля ухожена, оттого она и плодородит, как в черноземной полосе. Деньги сосед уже отдал — боится перехвата, охотников на дом оказалось больше, чем ожидалось. Мы решили соседу уступить: пусть дешевле, но человек он свой, и рука у него легкая. Наверно, это и правильно: за большим барышом погонишься, а малый, но верный потеряешь. Дом, хоздвор, семь соток сосед взял оптом, не слишком жлобствовал — мирно разошлись.

На работе друзья выражали мне искреннее соболезнование: тещу мою знали многие, по-своему ей симпатизировали. Мои сверстники, да и я сам в свое время прошли через ее руки клубного контролера. Тетя Катя всегда с какой-то радостью встречала нас, ОХРовцев, желала хорошего отдыха и хорошей же пары. ОХРу почти всю она знала в лицо, кому-то благоволила; кто-то шутя, по-доброму набивался ей в зятя и пользовался ее покровительством, в их число попал и я. Шутить

да любезничать с ее дочерью долго мне не пришлось: Лена Катулевская как-то произвольно сумела меня намагнитить, наши заряды оказались разнополюсными, и результат не замедлил сказаться.

Глава 7

Мечты и будни

Новый 1976-ой год принес в Орлиное депо сразу несколько вещей. Первая, явно взбудоражившая деповский коллектив и весь поселок, касалась перевода Геннадия Георгиевича Бесполова в Угледское отделение. Деповчане восприняли это как закономерный рост по служебной лестнице: Бесполова отделение знало, депо Орлиное там котирировалось, многие производственные показатели часто даже перевыполнялись, а это все делали люди, которых он как руководитель умел организовать, мобилизовать, сплотить, нацелить. Наверху заметили прогресс и дали "зеленый".

Рабочие повсеместно тасовали пофамильно всех, кто мог бы заменить Бесполова, став его достойным преемником. Называли главного инженера, замов по ремонту и эксплуатации, начальника технического отдела; звучала даже фамилия одного машиниста-инструктора, недавно окончившего "заочку". Перебрали и нескольких мастеров, но они, по нашим прикидкам, в чем-то не дотягивали: один любил качать права, другой перегибал в обращении с подчиненными, у третьего знания и опыт соответствовали, но язык совершенно не подвешен.

К исходу новогодней недели высокие железнодорожные власти определили-таки кандидатуру нового начальника. Им стал свой — приемщик МПС Валентин Филиппович Заваров.

Мы, слесари, с приемщиком Заваровым контактировали по работе постоянно, уважали его, но и побаивались. Уж кому-кому, а ремонтникам от Валентина Филипповича доставалось по самую макушку: не терпел наш грамотный, пристрастный, технически подкованный по любой тепловозной группе контролер неряшливости и нечестности. Он мог простить незнание тонкостей какого-то технического приема в ремонте, но не прощал безразличия и неуважения к своей профес-

сии, к своему делу. По его замечаниям машины перепростаивали на ремонте, но все понимали, что такие требования — не прихоть Заварова, потому впредь старались не отступать от инструкций и правил ремонта. С его стороны к нам особых претензий не предъявлялось, Валентин Филиппович по дизельной группе не шнырял, а лишь спрашивал:

—Как, парни, железно?

—Не подведем, Филиппыч, — отвечал кто-то из нас. — Сработаем, как на конвейере, по самому высокому классу!

Больше пристрастной приемке подвергалась экипажная группа. Ее слесари ни на шаг не отходили от приемщика, часто видевшего невидимое, находившего потаенные места, которых рука слесаря вообще не касалась. Ходовой группе вообще не делалось поблажек, о чем слесари-экипажники знали: он замечал не обдутые тяговые двигатели, не продороженные якоря, не протертые клеммы, петушки. Заваров не раз говорил:

—Ладно, полетела какая-то железка в дизельном помещении: если что-то серьезное, то вызвал резервный локомотив, и вперед. А если по ходовому? Колесо не крутится, ехать нельзя. Тут даже отцепку не сразу сделаешь, поезд сорвешь, заработав брак особого учета. Запомните, друзья: ходовая на локомотиве — основа из основ!

Деповчане знали: Заваров приехал в Орлиную откуда-то с куличек, каких даже на карте не значилось, окончил там железнодорожный техникум, оттуда по направлению — прямо к ним. Лет прошло немало; Валентин Филиппович слесарил, ездил в поездах, окончил железнодорожную "заочку", мастерил, а с недавнего времени тянул лямку приемщика.

Деповчане считали Заварова своим, потому начальствовать над ними ему вовсе не заказано. Сторонний же человек, как в соседнем депо, присланный откуда-то с Приднепровья, трудно вживался в непривычную для него атмосферу, долго и сложно налаживал связь с трудовым коллективом.

На первой в новом году узловой планерке углеградский НОД представил орлинцам нового начальника Орлиного ТЧ, вкратце коснулся его биографии и деповского периода жизни. Деповчане знали о Заварове несколько больше, но слушали НОДа внимательно, от души хлопали, поздравляли своего земляка с назначением.

Заваров благодарил всех за доверие, напомнив, что железнодоро-

рожный транспорт только выиграет, если все службы дороги и их хозяйничества на местах — путейцы, связисты, вагонники, тяговики, станционники — объединят свои усилия, став работать слаженно, в едином русле. Ведь мы делаем общее дело, обеспечивая движение поездов, осуществляя государственный перевозочный процесс.

НОД подвел итоги годовой жизнедеятельности отделения, назвал высокие проценты погрузки-выгрузки и тонно-километровой работы в целом, определил задачи по капитальному строительству в наступившем году, превышающие прежние плановые наметки. МПС выделяет значительные финансовые ресурсы. В Орлином депо с текущего года предусмотрен монтаж двух пятидесятикубовых баков для хранения ГСМ. Монтаж таких уникальных емкостей поручен бригадам "Спецмонтажстроя", подготовительные же работы лягут на ГОРЕМ.

После планерки нам с Алеко удалось поговорить обо всех этих новостях. Мы догадывались, что грандиозные строительные планы рассчитаны и на последующую электротягу. Двухпутка уже шагнула за пределы области, состыковавшись с соседней дорогой республики.

Алеко по данному поводу заметил:

—Сам видишь, на окраине поселка возводится что-то мощное. Говорят, грандиозная котельная с четырьмя котлами, которые смогут обогревать не только государственный жилой массив, но и частный сектор, если люди сами того захотят. А это значит, что 36 котельных Орлиной закроют, что будет очень неплохо — поселок очистится, посвежеет, легче вздохнет...

С Алеко в последнее время мы почти не виделись, порой лишь говорили по телефону. Сегодняшняя узловая планерка, обязательная, как и все прежние, для железнодорожников и всей руководящей номенклатуры узла, позволила наконец нам всласть наговориться.

—Спасибо, хоть планерки сводят нас, а так до самого Вознесения не встретились бы. Живем, как на не обитаемом острове, друг друга не видим. Вот и Пашка перестал подавать голос — то нет-нет, да согреет восточкой, — сказал Алеко.

—Годы-то сказываются, старик, — неуверенно ответил я. — Наверно, настанет время, когда мы вообще забудем о существовании друг друга.

—Все может быть, но Пашка не должен бы так относиться к нам с тобой. Ведь сколько вместе пережито, клятвенно заверено! Но не прошло и десяти лет, а дружба эта уже начала давать трещину. Зна-

ем, что живет Павло хорошо, зажиточно, двух сыновей народил, колеса купил, подрабатывает в каком-то институте, а о нас забывает. Замечено, когда человеку хорошо, когда над ним не каплет, он больше увлечен собой, своим благополучием. На Павла последнее вроде не похоже, однако молчание его непростительно. Знает ведь, нас только двое осталось в Орлиной, поддержать бы, посочувствовать, так молчит, как рыба... Судьба, не иначе, и нас разведет по разным берегам, но пока нам не следует терять меж собою связь.

Последние слова Алеко отчего-то заставили меня вздрогнуть: не замышляет ли он бегства? Кто знает, о чем пишут ему друзья... Бульбашия, как он не раз говорил, цветет и пахнет, нет прежней бедности, даже в деревнях люди покупают машины. Мне казалось, новая работа полностью овладела им, от нее он получал явное удовлетворение, а по прикидкам Морозовой, был даже счастлив.

Расставаясь у его мэрии, Алеко, пожимая мне руку, сказал:

— У тебя ведь времени, как у дурака махорки: после ночи — двое суток, когда в ночь — весь день свободен, кроме пары часов перед сменой. Выбери момент, заходи! Встряхнемся, поговорим. У меня времени всегда в обрез: поселок растет, едут люди, а с ними едут и их проблемы, коими тоже приходится заниматься.

— Сочувствую тебе, Александр. Нет, наверно, ничего сложнее работы с людьми. Конечно, многое зависит от самого человека. Твой предшественник вроде в ус не дул: идут люди — пусть идут, встретит, выслушает, поговорит, пообещает, потом вежливо выпроваживает. Говорят, службу надо понять. Твои предшественники ее поняли, работали, не разрываясь на части, с добрым холодком, почему и возвышались. Ни в чем не отказывали, но мало чего делали, тянули время, за что и нарекли их "резинщиками"...

— ...попросили с кресел, — продолжил Алеко, смесь. — До такого, старик, докатиться нам — не в нашем характере. Наш девиз: "Только гореть!" По-другому мы с тобой не можем — не приучены, работать без огня — не наш метод.

— Жизнь, Шурик, немало своих методов изобретает.

— Любим мы, старик, все сваливать на жизнь! Сплошь и рядом виновата жизнь. Грабят вагоны с контейнерами, срывают с прохожих шапки, разводятся с женами, детей бросают — виновата жизнь, а люди не виноваты, сущие ангелы. Жизнь тут ни при чем, люди все в жизни делают, с них и спрос должен быть...

Хотелось поболее поболтать да посекретничать кое о чем, но Шу-

рика у мэрии ждали люди, меня же — чертовы вирши: они по-прежнему ловили меня, давили, усаживали, даже укладывали в постель с карандашом. "Орлиная новь" предоставляла на своих страницах болыную свободу моим стихам, аннотации выдавала восторженные, как-то даже обмолвившись: все напечатанное только в их газете заслуживает издания отдельной книжкой.

Насчет отдельной книжки "Новь" явно перегибала, но реверанс в мой адрес стимулировал творческую активность. Жена старалась ни в чем не мешать, но больше не попасть под горячую руку.

Морозова к моему увлечению виршами относилась вполне снисходительно, не упрекала в бумагомарательстве и напрасной трате времени, но вслед за "Орлиной новью", кажется, верила в мою поэтическую будущность, пока не ставшую моей профессией и хлебом. Худо-бедно, а в последнее время я не брал у жены на мелкие расходы, не влезал в ее семейный бюджет. По этому поводу она однажды удовлетворенно заметила:

— Вы ничего не берете из домашнего фонда и не отцепляете от полочки. Неужели стихи ваши со статьями разными дают вам на "прицеп", на шоколадки, какими вы угощали уже не раз? На вас приятно смотреть, в средствах вы становитесь независимым — это мужчину даже возвышает.

— Друг мой, единичные вирши мало чего дают, но ведь "Орлиная новь" не скупится. А проза? В "Нови" — почти в каждом номере, областная не отказывает и "Гудок" не обижает.

— Видишь, хобби твое дает результаты. Из только напечатанных твоих стихов уже можно набрать хоть маленькую тележку для большой печати, для сборника! Но для этого, говорят, нужны высокие покровители — редакторы, издатели, критики, литературные бонзы. Ты никого не знаешь и вообще не представляешь, как все это делается, куда и к кому конкретно обращаться.

— Это политика, Морозова, тут против партии не попрешь. Был бы Охотский, что-то да изменилось бы. Хотя я критиковал свои стихи, но в них наверняка есть какая-то поэтика, не зря же "Орлиная новь" щедрится на тепло, и орлинцы вроде благосклонно принимают. Но все-таки чувствую, что стихи — не мой хлеб. Может, с прозой под старость как-то сладится...

Глава 8

Цветы запоздалые

В комнату мастера, где я заполнял рабочий табель, вошла аккумуляторщица Людмила Восковая. Усевшись напротив меня и картинно склонив свои чудо-кудряшки, переплетя миниатюрные пальчиками с ярким маникюром, она тихо сказала: — Наконец-то никого нет. Все в бегах, а работу свою я сделала. Можно поговорить?

— Люда, друг мой, разве я когда запрещал? Да с такой красавицей просто приятно побеседовать, — любезно и несколько вальяжно ответил я своей работнице.

— Правда, не запрещали, но поговорить вам с нами некогда — для вас работа на первом плане, все остальное до Ваньки.

— Обижаешь, друг мой! Я же планерки провожу каждую смену, подвожу итоги нашей работы, ставлю задачи, отмечаю успехи и промахи, насчет дисциплины беседуем. Затрагиваем и личные вопросы: кому куда-то надо — отпускаю, не решается вопрос с вывозкой домой угля — помогаю, сдать на разряд — содействую. Лично к тебе и твоей напарнице претензий у меня нет, службу вы несете исправно, ПТЭ соблюдаете. Кроме, как мы уже говорили, вашего с Наташкой экстравагантного одевания, чарующего декольте и других завлекательных женских премудростей.

— Но мы уже исправились, а завлекать парней все равно хочется. Вот вы, например, такой красивый мужчина, без животика, высокий — наверно, все 190 сантиметров.

— Всего лишь 178, друг мой.

— Ну и пусть, все равно с другими не сравнить. Словом, все у вас на месте, а вот на меня вы как на женщину ноль вниманья, два презренья. Неужто вам неинтересно пофлиртовать в уединении с молодой, приятной, смазливой девушкой девятнадцати лет, моложе вас почти вдвое?

— Люда, друг мой, я женатый человек, у меня сыну четырнадцать, а ты меня на преступление толкаешь, на прелюбодеяние и измену соводишь.

— Ах, Владимир Афанасьич, какой же вы несовременный! Ну и хоро-

шо, коль женатый, у вас на лбу разве будет написано: "Приятно провел время с юным созданием"? Вы, наверно, за свою жизнь никогда жене не изменяли? Еще бы, в отпуск вместе, на курорт вместе, по турпутевке — опять вместе. Где уж вам на чужих женщин смотреть, когда своя всегда рядом! Верность, Владимир Афанасьич, нынче вовсе не в чести. Конечно, вы не простой работяга, вы больно интеллигент, да еще партийный, и вы так преданно верны своему уставу, прямо как Владимир Ильич Надежде Константиновне. А жизнь, Афанасьич, вот она, перед вами! Только вы ничего не видите, ничего не слышите и не чувствуете, живете в затворничестве, лишаете себя счастья обоюдного общения с молоденькой девчонкой где-нибудь в укромном местечке за бокалом вина, чтобы хоть раз расслабиться, забыть о работе, жене, детях, хоть на миг отдалиться пусть кратковременной, но горячей — нет, испепеляющей любви. Вы же можете это сделать, товарищ мастер, или будете до старости хиреть, горбатиться, сидеть и осчастливливать только свою Морозову?

— Ну, девочка, ты так смело наступаешь и задаешь такую головокружительную задачу! Право, я прямо краснею пред тобою, не знаю даже, куда деть себя, куда спрятать глаза, а главное, что тебе ответить. Будь я свободным и моложе — грешно отказаться от такой красоты, прелести, молодости, истинно весенней ромашки. Куда только сверстники твои смотрят? Поверь, друг мой, я и впрямь не знаю, как мне быть, как вести себя, чтобы не обидеть, а больно не оскорбить такую кралю. У тебя, Людмила, наверно, наступил момент, когда, как говорят поэты, невесело на свете жить, коль сердцу некого любить. Но сверстников твоих, Люда, в Орлиной не пересчитать, дело молодое: влюбляйтесь, дружите, страдайте. Мне же, друг мой, аж целых тридцать шесть, что должно тебя просто пугать — не свежий, не кипяток, интереса представить тебе не могу. Так что, мой юный друг, будь поразборчивее, не надо так низко падать.

— Не о том вы, Афанасьич, и не унижайте себя! Я же не первый день пасу вас, только, наверно, судьба не представляла случая. Насчет лет с кипятком, как вы говорите, не каждой женщине это нужно. Мне же нужен человек, которого я, не знаю почему, просто тихо и робко люблю. Нот и все.

— Люда, Люда! Будь осторожна с такими высокими словами, побереги их для более достойного. Ты ставишь меня в крайнюю неловкость, вынуждая по-настоящему рассердиться на тебя, прогнать, заодно проигнорировать твои не иначе как школярские чувства. Наверно, впервые я просто не знаю, что мне делать.

—Обижаете, Афанасьич! А делать, кстати, вам ничего не надо, я все сделаю сама. Завтра жена ваша все восемь часов на работе, сын на занятиях, потом в кино — у них в школе классный кинозал. Я прихожу к вам тайненько где-то к девяти утра, и мы три-четыре часа проведем в уединении вдвоем. Двор у вас безлюдный, кругом только огороды, потому все безопасно. А если даже усечет кто — ничего страшного, мало ли зачем подчиненная приходила к своему мастеру. Думаю, не пожалеете и не упрекнете себя за измену жене. Молчать же я умею, наша тайна останется истинной тайной. Молвы не боюсь — по Орлиной я чиста. С вами же хочу побыть, потому как влюблена в вас, потому как только вы напоминаете мой идеал, какой всегда предо мной.

—Ах, Людмила, я краснею и блею от всего услышанного. Насчет любви — не спеши, ты еще ребенок, разберись хорошенько в себе. У тебя, Люда, все впереди, а скоропалительная любовь — штука опасная. В твои годы влюбляться да влюбляться. Ну, сегодня я чем-то приглянулся, но я старик, потому с сердцем разберись, прикажи — не спеши, можешь обмануться. Увлечение, Люда, не всегда любовь. По молодости, помню, мы влюблялись чуть ли не в каждую юбку, какие, как нам казалось, отвечали нам взаимностью. А жизнь, смотри, все расставила по своим местам. Кого любили мы, те полюбили других, кто любил нас — мы им не ответили. Жизнь, Людмила, штука сложная, тем более, в твоём возрасте, когда так легко обжигаются. Да, миг счастья, как ты говоришь, может случиться, но последствия, Люда?

—Ничего страшного, Афанасьич, не произойдет. Будет только любовь, горячая, нежная, темпераментная, взрослого мужчины и молоденькой девушки. Она хочет жить, но не хочет падать под кого попало, хочет дружбы, но ей не находится партии, все смотрят только на ее груди и ноги да раздевают глазами. Хочет наконец узнать, как это все бывает, ради чего мужчины идут даже за "колючку", а то и на тот свет. У меня к вам, Афанасьич, особая симпатия, и, поверьте, я не упрекну себя за содеянное от часа нынешнего до моего последнего.

—Люда, ты разберись в себе, девочка. Знаешь, на это идут пары по взаимному влечению, долго встречающиеся, познающие друг друга, находящие в каждом что-то себе близкое, родное, не имеющееся ни в ком другом. Влечение их неодолимое, они просто не могут жить друг без друга. Это и есть любовь, которая рождает семьи.

—Правильно, Афанасьич. Жены уходят от живых мужей, мужья от жен, а жили ведь, узнавали друг друга, встречались, нашли друг в друге родное и кровное.

—Ну, Людмила, это же жизнь. У нас с тобой не та картина. Идти на жертву, какую ты предлагаешь, можно только из-за какой-то неземной любви, которой я, по-честному, не заслуживаю.

—Не надо, Афанасьич! Я ведь у сердца спросила, оно ответило — люблю.

—Сердце, Люда, часто же и ошибается. Твоя скоропалительная любовь какая-то платоническая, просто влюбленность. Легко, даже внезапно приходит и так же свободно уходит. Потому, Люда, я предостерегаю тебя от твоего поступка. Ты будешь чиста перед Костей. "Вы слушайте, мы вас подождём", — как раз придется к месту. Ты дождешься своего Архангельского через полтора года, и все у вас пойдет ладком да рядком.

—Ах, товарищ мастер, вы мне еще не прочли лекцию о платье снову и чести смолоду, о девичьей гордости, любви и долге, об ответственности людей друг перед другом! У вас, наверно, мысль: Восковая — не иначе дворовая девчонка. Ничего подобного, я лишь боевая, смелая и жить хочу стоя, гореть — так пламенем, любить — так без оглядки. Хочу, Афанасьич, завтра счастья, короткого, но счастья. Вы видите, сколько в Орлиной серости? Ни театров, ни колеса обозрения, ни бассейна, ни спортзала, ни церкви, ни зала бракосочетаний, ни автобусного движения — ничего! Никому ничего не нужно, только работа! Так пусть, Афанасьич, завтра несколько часов одурманыт нас, затмят нашу память, унесут в небытие. Вы же опытный человек и знаете, что такое миг счастья. Говорят, этот миг иногда дороже жизни. Я согласна и на платоническую любовь. Говорят же, кто не любит ныне, полюбит вскоре... Если я вам безразлична сейчас, то после нашего свидания вы можете и загореться ко мне. А после, товарищ мастер, так же будем работать, относясь друг к другу, как того требуют ПТЭ и устав железнодорожного транспорта. Злоупотреблять вашим доверием не стану и скидок никаких не потребую — укрыть там прогул, опоздание или какой-то брак. А далыне, если вы захотите повторить ваш подвиг, я соглашусь, если даже у меня появится друг.

—Скажи, Люда, ты хоть даешь отчет в том, на что идешь? На что меня толкаешь? Мне просто глаза некуда деть.

—Ах, товарищ мастер, будьте вы мужчиной, наконец, и забудьте хоть на время про свою партию, про партбилет у сердца! Сейчас на сердце у вас должна быть только я, ваше согласие на завтрашнюю встречу и какую хотите любовь — безумную, бездумную, платоническую, феерическую, тихую, нежную, неожиданную, долгожданную.

Вижу, эта партия так довлеет над вами, отчего вы, наверно, и с женой, как поезда по расписанию, боитесь опоздать или свернуть в сторону. Отчего вам прятать глаза? Вы что-то украли, убили кого-то? Никто не узнает, а Бог простит. Насчет же Морозовой — никогда не узнает, если мы сами того захотим. Да и не всего же я вас съем, кое-что ей да останется.

— Хорошо, Люда, завтра встречаемся, влюбляемся, женимся и тут же разводимся, чтобы подобных встреч больше не искать из-за главной боязни — не засветиться перед моим семейством, а еще страшнее — перед Орлиной.

— Идет. Люблю, когда у вас появляется решительность — по жизни, не по работе. На работе вы герой, дома, наверно, паинька, а вот по жизни Емеля. И неудивительно, вас же всем этим благостям партия учит. Потому вы, коммунисты, много боитесь — изменить жене, с кем-то встряхнуться, лишний раз влюбиться, дать жизни толчок. Все у вас, партийцев, должно идти правильно, как по рельсам, никуда не сворачивая. Но для вас вот нашелся стрелочник, перевел стрелку, свернув ваш ход на боковой путь. Вы в нерешительности, путь этот вас пугает: вы все привыкли делать открыто, честно, на людях, боковой же пассаж бросает вас в дрожь, если не более. Не так ли, Афанасьич?

— Из всего сказанного многое верно, в самую точку. Но какой есть, меняться поздно.

— Жизнь, Афанасьич, нередко меняет людей и обстоятельства... Не передумайте на завтра. Я просто люблю вас, а там хоть трава не расти. Для вас все это неожиданно, конечно, по глазам вижу, но ведь от любви рождается любовь, так что со временем и вы можете меня полюбить. Но взаимность — Бог с ней. Вы же несвободны, потому я от вас ничего сверхъестественного не требую. Всего лишь одну, одну-единственную встречу.

Восковая ушла по своим делам, я же попытался привести в порядок свои мысли и чувства. За пятнадцать лет семейной жизни у меня никогда не возникало подлого порыва изменить жене, предаться разврату. Все это классно умел делать наш женолюб Павло, бездумно бросавшийся в объятия любой женской прелести. Умом я понимал, что делаю что-то противозаконное. Но откуда-то появившийся бесенок нашептал: "Ну и что? Посмотри вокруг хорошенько — мир стоит на том! Не надо далеко ходить. Слесарь Петухов в связях с лаборанткой Орловой — раз, а у них обоих семьи, дети. Жена машиниста Кочергина явно кадрует с инженером Рявиным — два; эти тоже связаны своими семей-

ными узами, а вот ищут же встречи, да так неосторожно, что Орлиная просто на уши становится от разговоров по их адресу. Жена машиниста Алтунина в тайных связях с геологом Потаниным — три. Сам Алтунин ничему этому не верит и всегда отшучивается: мол, на каждый ротор не накинешь платок. Орлинцы всегда видят Алтуниных вместе в кино, в гостях, на рынке, но откуда эта чертова напраслина на хорошую дружную пару?"

Как-то засудачили об измене жены любимца Орлиной, баяниста, участника художественной самодеятельности Виктора Вербы. Жена Виктора училась в Москве на "заочке" института народного хозяйства, сошлась с сокурсником, живя каждую сессию у него на правах квартирантки. Конечно, это удивительно: Москва вон где, а Орлиная разглядит все и там. Но ведь не на пустом месте слухи рождаются...

В конце концов, успокаивал я себя, анализируя неординарное, прямо-таки экстравагантное предложение Восковой, жизнь, по всему, рождает и такие ситуации, коим противиться просто неловко, по сути, даже стыдно перед самим собой. Расскажи друзьям, тому же Алеко о своей боязни — засмеют ведь насмерть. Отказаться в тридцать шесть от такого истинно мужского счастья оскорбительно для себя. Да и девушка что подумает? Тут тебе припишут физические изъязны, психические нарушения, душевную ущербность, а то чего и похлеще...

Вечером я чувствовал себя не в своей тарелке. Жена это заметила, по объясняла мою отстраненность издержками моей творческой болезни. "Все поэты, — не раз говорила она, — немного странный народ. У них всегда, мне кажется, едет крыша. Вы усекаете новую тему, какая-то необычность находит на вас, и вы отключаетесь от действительности, уходите в себя, забываете об окружающих и всех делах мирских".

На всякий же случай жена спросила, не вызвано ли мое дурное настроение нехорошими новостями, связанными с квартирой.

— Сплюнь, не накличь беды, — успокоил я ее. — Профбог заверил: 18-квартирный дом вступает в строй, Каскырбаев въезжает в свою трехкомнатную, мы — в его "двушку". Ключи — из рук в руки.

— Наконец-то у Валерки появится своя комната. Только бы это дело вновь не затянулось...

...Восковая пришла, как и обещала, к сроку. Поскольку необыкновенную гостью я ждал, кубрик мой несколько преобразился, потеплел, даже посветлел. Вместо стола я приспособил журнальный столик, как у Алеко; прикрытый газетой, он, к удивлению, создавал какую-то ин-

тимность. Сервировал я его, скорее, непрактично: бутылка шампанского, "Плиски", коробка конфет, шоколадные плитки.

Восковая сама сняла пальто и сапожки, тихо опустилась в кресло у столика.

—Ой, откуда в холодрыгу такие замечательные цветы, товарищ мастер?

—От бабы Моти, вестимо.

—Правда, она круглый год ими занимается. Старая, говорят, уже не на одну машину нацвечила.

—И дай Бог, своим же трудом.

—Пусть богатеет, богатство не порок. Ну что ж, Афанасьич, вы хозяин — ваш первый тост. Или вам не приходилось вот так наедине до женитьбы?

—Я же ОХРовский, Люда, а эта обитель не для уединений, как у нас с тобой. Встречи, знакомства происходили в парке да на танцплощадке. Таким образом вот Морозову встретил, дружили, встречались, приходил к ним домой. Финал известен.

—Похожая биография у каждого ОХРовца. Сестренка моя тоже за такого выскочила. Хорошо живут, детей растят.

—Знаю я сестру твою и мужа ее. Хорошая пара. Уж Виктор, пожалуй, Валентине не изменит — не чета мне, прохиндею.

—Не надо, товарищ мастер, заниматься критиканством. Вы еще и пальцем не пошевелили для измены, ибо больно вы робкий. Я вас агитирую, соблазняю, а вы застенчивы, как первоклассник.

—Ты права. Давай еще выпьем да посмотрим друг другу в глаза. Не могу удержаться от правды: ты по-настоящему красива, привлекательна, смела и желанна.

—Смелость, Афанасьич, города берет. Город мне не нужен — вы мне нужны. Я уже говорила вам вчера: я влюблена в вас и просто хочу вас. Последствия меня не волнуют, замуж за вас не пойду, отбивать вас у Морозовой не собираюсь. Давайте выпьем за нас, нам хорошо вдвоем. За любовь вообще и за нашу в частности!

...— Что же ты наделала, Люда?

—Не я, а ты, Афанасьич.

—Ты мне в дочери годишься, а так рискованно бросилась в старческие лапы... Не прощу себе этого!

—Успокойтесь, товарищ мастер, и отдыхайте. Я знала, на какой иду подвиг.

—Но, Люда, ведь девственность больше жизни берегут! На Кавказе

или в мусульманской стране угробят ведь женщину, если она не девственница!

Но мы же не мусульмане — простые русские люди. Не казни себя, Володя. Я сама пошла на этот шаг, потому что люблю тебя, на остальное наплевать. А скажи, ты жизнь прожил, разве нельзя любить женатого? Даже в песнях поется — можно. Что ж, я хуже других?

—Хорошо, хорошо, Люда, сделанного не вернуть. Я тоже не железный. Но, девочка, ты разбудила во мне какие-то чувства, противиться им у меня вряд ли хватит сил, а это может означать только одно: я просто убегу от Морозовой.

—Этого как раз делать не следует, дорогой. Ведь я же люблю, а не ты.

—Но, Люда, наш случай не входит ни в какие житейские рамки. А вдруг ребенок?..

Ну, если ребенок зацепится как-нибудь — дай Бог такому счастью. Спросят, кто отец, скажу: ветром надуло. Мало ли в Орлиной одиноких женщин с детьми? Кто их отцы, только мамы и знают. Хотя бы у нас в депо: Галка Абрамцева, ей только двадцать, а ребенку уже три. Кто отец? Ветер. А Ленка Петухова из медпункта? Ей двадцать три, дочке аж пять, кто папаша — неизвестно. Так они, чертовки, еще со школьной скамьи детишек поприносили. Я же человек самостоятельный, работаю. Вот наберу два года стажа и подамся на "заочку" в железнодорожный, на бухгалтерский. Насчет же ребенка — вряд ли с первого разу.

—Ты меня, Люда, просто испепеляешь...

Не надо так громко, товарищ мастер, не обманывайте себя! В жизни такое не впервой, удивить ее подобным вряд ли можно. А насчет горения — это же естественно. Вашей Морозовой тридцать три, мне же только девятнадцать, потому со мною вы и горите... Я люблю тебя, Володя, да простят меня Бог и Морозова!

И я люблю тебя, Люда. Но скажи, посоветуй, как теперь все это скрыть от Вселенной? Шило в мешке разве утаишь?

—Надо стараться, шеф. На работе все должно оставаться по-прежнему: ты — мастер, я — аккумуляторщица, каждый занят своим делом, без повода на подозрения.

—А что скажут глаза?

—Мои — люблю тебя, твои — страх перед этой любовью.

Не унижай меня, Восковая. Я просто счастлив с тобой сейчас, я люблю тебя и не знаю, как далеко все это зайдет.

—Давай сейчас не думать об этом, у нас времени для любви остается все меньше. Семья — святое дело, потому я никогда не соглашусь забрать тебя у Морозовой с Валеркой. В случае чего, я лучше уеду из Орлиной, чтобы не мучить себя и тебя, Володя. У тебя хорошая семья, ты не бабник, жена верна тебе, как Пенелопа, а гоняться за молоденькой нерационально, накладно, часто мучительно, по нынешним же меркам для коммунистов — даже опасно для их дальнейшей карьеры и по жизни в целом.

—А если я полюбил? Если жизнь, как в романах, преподнесла мне цветы запоздалые?

—Для вас, товарищ мастер, рассудок должен быть выше чувств. С вас жизнь спросит, партия, совесть, долг, наши законы. Вы больше всего в этом несвободны, хотя, бывает, жизнь все это отбрасывает и просто переворачивает с ног на голову.

—Ты меня мучаешь, Восковая. Я люблю тебя и раздваиваюсь, а больше не знаю, как вести себя с Морозовой, как относиться к ней, о чем говорить...

—Так же, как и прежде. Будьте, товарищ мастер, немного хитрее.

—Хорошо, друг мой. Как великие грешники, давай подведем итоги. Идти, Люда, на такую жертву, на какую пошла ты, просто преступно по отношению к себе — жизнь тебе может этого не простить. И потом, ради чего все сделано и так дорого заплачено?

—Не усложняйте, товарищ мастер. Я люблю вас, этим все сказано. Знаю, ты несвободен, но я и не требую тебя навечно. Я говорила: будет миг счастья, мы просто сгорим. Ты счастлив?

—Люда, я люблю тебя и я счастлив. Я счастлив с тобою, но не знаю, как быть с семьей.

—Оставьте все как есть. Не надо из случившегося делать трагедии — я обижусь. Посудите сами: двое любящих уединились, сгорели. Все естественно, все по жизни. Вас ничто не должно волновать, сводить с ума, выбивать из седла. Оставайтесь самим собою, трезво смотрите на вещи.

—Но я-то, старый хрыч, не смог обуздать свою жеребьячую похоть. Ты, по сути, еще ребенок, в твоих действиях много взбалмошного, сумасбродного, неосознанного, школярского. Мне следовало это понять в первую очередь.

—Девятнадцать — совсем не ребенковский возраст. Я люблю вас, только вы этого никак понять не можете. Не укладывается в рамки? Господи, да разве есть на свете всему этому какие-то рецепты?

—Все же, Люда, давай подумаем, чем все это закончится. Эта встреча наверняка не последняя: не захочешь ты — я буду их искать. Главное, как сохранить нашу тайну от Морозовой и от Орлиной?

—Дама с собачкой сумела ведь. Он приезжал к ней аж в Саратов, она к нему аж в Москву, и ничего: у нее муж всегда рядом, у него — жена и целая свора ребятишек, но они были счастливы минутами встречи.

—А финал?

—Каждый остался при своих интересах вдали друг от друга.

—Не грозит ли и нам подобное?

—Кто знает, но любим мы не менее страстно, чем наши предки. Скажи, Володя, могла ли я противиться своим желаниям, своему сердцу, если человек мне нравится, я люблю его, съедаю взором, кручусь рядом, а в ответ одна холодность, работа, деловитость?

—Не скажи, холодным к тебе я не был никогда. А ваши с Наташкой короткие юбки да декольте не оставляли и меня, старого кобеля, равнодушным. Я хоть и мастер, а тоже мужик.

—Я это испытала, любимый.

—Все же, Люда, я не прощу себе варварства по отношению к тебе: ты ведь и впрямь не знала, с чего начинается родина. Я-то думал, что Костя был у тебя до армии. И, выходит, угробил твою жизнь, загубил твою молодость, отнял у тебя будущее, лишил счастья. Нет мне прощения!

—Истинно по-коммунистически вы себя раскритиковали, совсем забыв обо мне. Я тоже живой человек, не бревно бездушное. Сердце мое выбрало вас, ему ведь не прикажешь. Я первая объяснилась вам в любви; вы могли бы, как Онегин, вежливо или грубо отказать, послать куда подальше, вы имели полное право, потому как женатый. Не знаю, как бы я поступила в случае отказа. Наверное, как-то смирилась бы, пережила, а может, ожесточилась бы против всего белого света... Вы же знаете, товарищ мастер, что такое любовь? Может, чувство это у вас перегорело, и вы живете с Морозовой ну по инерции, что ли, по привычке, по обязанности, наконец? Если любовь меж вами настоящая, крепкая, то такого она не потерпит, всех этих инерций да привычек. Я вижу, вы нежны, горячи, неугомонны, значит, вы соскучились по настоящему чувству. Вам же я отдаю все только из-за моей безумной любви, любовь ведь требует жертв. А вас могу заверить: мешать вам жить не стану, отбивать у Морозовой — Боже упаси, искать встреч — как захотите, дитя зацепилось — рожу. Наша тайна до могилы, только будьте сами осторожны: у мужчин секреты держатся хуже. Вот и все,

дорогой Афанасьич. Такова жизнь, тут ни прибавить, ни убавить. Судьбой, видно, все запланировано. Потому не кляните себя, не жалейте о случившемся — вы меня обижаете... А теперь пора расставаться, товарищ мастер. Провожать не надо, только дайте пару каких-нибудь книжек в руки, просто от сглаза. А наш грех я замолила. Сам виноват, сам замоешь, утюгом высушишь... На прощанье, Афанасьич: ты мне ничего не должен и ничем не обязан. Живи прежней жизнью, люби жену, расти сына, пиши стихи и романы, может, и мне какое местечко отведешь. Только не осуждай — я была чиста перед тобой. А коль ты у меня первый, то можешь считать это удачей, везением, победой, а хочешь — счастьем. Для меня случившееся — счастье, о чем никогда не пожалею. Хочешь — люби меня, хочешь — зови, хочешь — назначай встречи. Я на все соглашусь, пойду за тобой, куда позовешь. Я благодарна судьбе, которая свела нас. Как она поступит с нами дальше, покажет время.

— Но, Люда, ты просто оставляешь меня у разбитого корыта!

— Ничего подобного, Афанасьич. Корыто целое, в нем вода и то, чем тебе необходимо заняться немедленно. Скоро ваш Валерка должен из школы прийти, наша встреча здесь нежелательна...

Глава 9

Ах, сердце, сердце...

Смену я принял без особых замечаний: цех был убран, окурки не валялись, инструмент на стеллаже протерт и рассортирован. Я знал, что в других сменах такого порядка не придерживались, из-за чего между ними возникали разногласия. Мы же со своими сменщиками нашли общий язык, поняв, что наша обоюдная прилежность нам же самим и на пользу.

Пятиминутную планерку я провел в темпе, указал на близкий подход чужих локомотивов, где мы не должны ударить в грязь лицом. Задача — пропустить их через ПТО без задержек и с качественным осмотром. Важная роль на этот раз отводится нашим аккумуляторщикам. Пришло указание: с аккумуляторными батареями сейчас напряженка, многие выработали свой техресурс, остается только поддерживать их, подливать дистилат, вести подзарядку.

Людмила первая сказала: "Не подведем, Афанасьич!" Наталья поддержала ее, и я, пряча свои бесстыжие глаза, отпустил смену по рабочим местам. Убежала и Восковая, не удостоив меня ни ласкового, ни осуждающего взгляда.

Оставшись в комнатке мастеров один, я переговорил по телефону с дежурным по депо, пожелал ему легкой смены. Петр Александрович поблагодарил и заверил: отработаем, как положено, особых ЧП с пути не заявляли, потому хотелось бы протянуть без них до самого утра.

После знакомства с записями в нашем сменном журнале я побывал на тепловозах, пролистал теперь уже локомотивные бортовые книги, выписал замечания в них машинистов. Бригады основной упор делали на слабые АБ, каким требовалась хорошая подзарядка. ПТО эту работу не производило, почему следовало ожидать только необходимого пробега тепловоза, где зарядку и произведут согласно цикла.

Людмилу я видел несколько раз: она бегала со своей банкой от дистиллятора к тепловозу и обратно, не замечая меня, общалась только с напарницей Наташкой. Я не мог понять, играет ли Людмила, одергивает ли себя каким-то усилием воли, чтобы не подойти ко мне и не взглянуть в глаза. Или в ней проснулось равнодушие девчушки к старику?

Конечно, в смене немало парней, ровесников Людмилы. Она могла бы предпочесть именно их, но этого не случилось. Опять я мысленно спросил: "Зачем, Люда, ты себя так?..."

К полуночи, как по заказу, набег локомотивов прекратился, и у смены появилось долгожданное "окно". На этот раз перед сменой я не спал — сон просто не шел. Вечером, придя с работы, Морозова спросила:

— Как мы прожили день, Морозов? Питаться будем?

— Непременно, иначе ноги протяну. А день как прожил... Читал старое и ни строчки нового не написал. Какая-то апатия навалилась. Один художник признался, что когда картина на мизерном полотне, смотреть на нее тошно. Так и у меня. "Орлиная новь" — невелико ведь счастье!

— Так стучи куда-либо повыше. Ты вот сколько лет мучаешься, а выбраться на больно плац не можешь. Казарменный ты какой-то, Морозов!..

...Людмила с Наташкой "окно" использовали по-своему — мирно беседовали, пристроившись у небольшого столика. Электрик Анато-

лий Кузнецов паял какую-то штуковину, девчонки, глядя на него, укоряли:

— Вот еще один патриот нашелся! Нет бы спокойно посидеть да анекдоты потравить, "окна" ведь нам нечасто выпадают... Тебе, Кузя, больше всех надо? Отдыхай, забавляй нас, женщин, строй нам глазки, а то ударился в работу, будто на доску почета нацелился!

Это Людмила. Мне нестерпимо хотелось зазвать ее в комнатку мастеров, взять за руки и просто посмотреть ей в глаза. Что там сейчас — холод, огонь, безразличие? Кому отвела она там на сегодня уголок?

Не выдержал:

— Людмила, зайди на минутку...

Она вошла, тихо прикрыв дверь. В цехе все оставалось по-прежнему: Кузя паял, Наташка громко смеялась, экипажники смолили "Беломор" — дым висел коромыслом. Словом, никто не спал, не дремал: сон категорически запрещался даже при отсутствии работы. Ночные проверки руководства депо не раз оставляли дремавших без премий, после чего вышел строгий приказ начальника: железная дорога по специфике ее деятельности работает круглосуточно, пришедший на работу в ночь должен работать с полной отдачей все положенное время.

Встав из-за стола и подойдя к Людмиле, я приложил ее пальцы к своим губам:

— Зачем ты мучаешь меня, Люда? Полночи минуло, а ты ни разу не взглянула в мою сторону, попросту не замечаешь меня... У тебя хватает сил казаться безразличной?

— Я люблю тебя, Володя, и оберегаю от злого глаза. Что скажут сейчас слесари, Наташка? Будь осторожен, Володя, люди могут развести нас.

— Здесь все свои. У нас рабочие разговоры, мастер имеет право вызывать к себе на ковер любого, ничего в том предосудительного нет. Я хочу смотреть на тебя, держать твои руки, чувствовать их тепло. Я, Люда, без тебя могу сойти с ума! Тут и ревность, и любовь, осуждение себя, тоска по тебе. Надо после работы встретиться снова...

— Все это видимое невнимание, Афанасьич, ради безопасности. В Орлиной кругом глаза, но я не боюсь, ко мне не пристанет. У тебя же, дорогой, семья, дети, партия, законы. Все против тебя. Поберегись, иначе наше счастье люди разрушат, а я не хочу этого.

— Люда, ты и так... Пусть все горит синим пламенем! Приходи сразу после смены. Мы посмотрим в глаза друг другу — любовь ли там?

Я крепко обнял девушку и, не обращая внимания на шум за дверью,

стал страстно целовать ее глаза, губы, нос, шею. Людмила не сопротивлялась, но тихо сказала:

— Не надо, Володя, люди погубят нас. Давай лучше для отвода глаз пригласим Наташку. Поговорим о конструкции батареи 32 ТН 450, ее работе, уходу за ней...

— Коль желаешь, зови...

Наташка не заставила себя ждать и пулей влетела в нашу обитель.

— Вот, Наташа, товарищ мастер желает поговорить о тепловозных кислотных аккумуляторах, чтобы не плавать нам перед какой-нибудь комиссией.

— Хочу, девочки, подготовить вас на более высокий разряд, зарплата станет выше.

— Правильно, Владимир Афанасьич, спасибо за заботу! — затараторила Наташка.

Утром, когда сдавали смену, Людмила шепнула:

— Прямо после душа идем в твой кубрик. Мы с Наташкой пойдем напрямую, возле четвертого поста она сворачивает домой направо, а я к твоему дому налево...

...Не успел я вскипятить чай, как Людмила хлопнула сенной дверью, заперев ее на скрипучий засов.

— Володя, а Валерка не прибежит по каким-нибудь своим делам?

— Кто знает...

— Ладно, Бог нам поможет. По гороскопу я Овен, и мама говорит — везучая я Коза... Аза стеной народ опасный?

— Деповские пенсионеры. Для нас же с тобой все опасны...

Вскипятив чай, я спросил Людмилу:

— Чаевать будем?

— Не мешало бы.

— С устатку позволим по чарке?

— Немножко.

— Давай, Люда, за встречу! Я так о ней мечтал!

— Неосторожный ты, Афанасьич, к хорошему это не приведет. Ведь мы теряем бдительность, а наша любовь — наша тайна. Все может рухнуть, если мы не заставим себя стать хитрыми, скрытными, затаенными.

— Я знаю, но ничего с собою поделать не могу.

— А надо, Афанасьич! Люди жестоки. Умно действовать: любить мы сможем долго, пока я не уеду или не выйду замуж.

— Попробуй только...

— И пробовать нечего. Карты сказали: не быть нам вместе. Встречаться в кубрике мы больше не станем — опасно, слишком рискованно. Рассказывали, как на ваших партийных собраниях разбирают двоуженцев, прелюбодеев, изменщиков разных... Зачем тебе позорить себя, Морозову, Валерку, Орлину?

— Черт с ними! Я люблю тебя и хочу жить по-новому!

— Успокойся, милый. Надо подумать, где можно более-менее безопасно встречаться. Ближайшую встречу, думаю, организуем у меня дома. Матушка у меня по всему Союзу мотается: базар, вокзал, вечный круговорот... Неделями дома не бывает. Можем воспользоваться, но при особой бдительности: дом у меня восьмиквартирный, а каждая квартира — лишние глаза и уши.

— Я все спрашиваю себя, Люда, надолго ли мне такое счастье?

— А мне, Володя? Ты меня, по сути, только вчера заметил, а я тебя уже столько времени выслеживаю да стараюсь влюбить в себя...

— Чего же ты столько ждала? Объяснись мне раньше, может, мы давно бы убежали из Орлиной.

— Куда?

— К тому же Пашке Веселовскому.

— Помню такого. Девчонки говорили — сильно школьник любил. На одной, кажется, даже женился после десятого.

— Но он-то не был таким древним, как я...

— Ну и пусть. Я люблю тебя. Счастья миг, но он наш. Я никогда так не любила, и, может, поплачусь за это.

— Но, Люда, ты ребенок. Тот ли я человек, за кого ты готова в огонь и в воду? Может, я напомнил тебе что-то книжное или киношное, и ты безоглядно кинулась в омут? Будь ты постарше, не сделала бы того, что сделала. И не знаю, в каком жанре мы с тобой оказались...

— Не обижай меня, Володя! Никакие игровые сцены я не разыгрывала и ничего не копировала, а подчинилась только зову своего сердца. Анализировать и давать оценку моему поступку будет время. Сейчас я с тобой, другого же счастья мне не надо. Давай чуть-чуть поспим — до Валеркиного прихода...

— Да, девочка, не испытывал я подобного влечения и страсти с Морозовой. Я тоже был у нее первый, но наша любовь оказалась более прозаичной, наверно, как у всех молодых.

— Правда, у нас любовь особенная. Я люблю вас, на все иду ради любви, но судьба быть с вами вечно — не моя. Морозова, Валерка... Жизнь не простит нам нашего счастья. Говорят же: созданное на горе

других, оно не приносит радости, не дает полнокровного удовлетворения жизнью, не делает людей по-настоящему счастливыми.

— Какой же выход?

— Не знаю. Вы старше, у вас даже седины проглядываются, значит, нам решать, как быть. Одно скажу: мне с вами хорошо, я счастлива. Как все пойдет дальше, не знаю. Я живу сейчас мигом, вы со мною, и мне хорошо. Может, со временем я поумнею, пока же я во власти чувств без расчета, плана, анализа своих действий и поступков... В отличие от меня, товарищ мастер, вы немного потеряли. Наверно, я эгоистка: я люблю, ради любви же и иду на все.

— Наверно, это оправданно. Только моя любовь крепче твоей — она не мимолетная, не скоротечная, не ученическая, в ней больше души. Вот как нам быть дальше, не знаю...

Глава 10

Мой дом — моя крепость

Где-то за десятидневку до Нового года Каскырбаев, вручая мне ключи от его двухкомнатной с балконом, сказал, что с меня причитается за кухню и ванную, облицованные цветной керамикой. Пол в ванной тоже выложен, но метлахской, затрачены его труд и средства. За пол он мелочиться не станет, за прочее же следует рассчитаться.

Я сказал:

— Айналайын, называй цену и не мудри. Коль потратился — забирай свое кровное!

Деньги Каскырбаев принял с удовольствием, а мне же признался:

— Думал, ты заупрямишься: мол, я тебя не просил облицовывать, бери да снимай свою красоту, а мне вполне и панелей хватит...

Люди как-то умудрялись оклеивать свои кухни с ванными клеенкой да экзотическими обоями; такая же благодать, как облицовка керамической плиткой, встречалась в Орлиной только у избранных. Морозова даже прильнула щекой к холодным квадратикам. Поглаживая облицовку рукой, она по-детски хлопала в ладоши:

— Какая прелесть, Морозов, какая красота! Фланелькой протер, и все блестит!..

По правде, я радовался не меньше жены: с подобной красотой прежде не встречался, видел ее лишь по телеку, наяву же еще не приходилось.

Осматривая комнаты, Морозова говорила:

—Здесь мы поставим стенку и трюмо, здесь — диван, над ним повесим ковер, какой висел над Валеркиной кровати. А в Валеркину комнату отдадим большой, наш. В зал же придется доставать, потому как без обходного маневра не обойтись. А может, поедem в отпуск в Сухуми, там эти вещи без проблем...

В новую квартиру мы переехали в течение одного дня. Мебель, ковры, паласы заняли свои места, и Морозова, совсем счастливая и осоловевшая, закатила шумную гульбушку. Мы со свояками, помогавшими при переезде, любовались с балкона динамикой нового района, предоставив женщинам восхищаться квадратами нашего нового обиталища со всеми прелестями центрального отопления, воды и канализации.

— Вот теперь,— говорила Антонина, — роди, Лена, ты Морозову дочку! Хоромы вон какие, у Валерки своя комната — живи да радуйся. Даже телефон есть, это же прогресс, цивилизация! Правда, Морозова, роди. Правильно в Грузии говорят: один сын — это не сын, два сына — это пол-сына, три сына — это сын! А вы народили одного, будто подвиг совершили, забыв, что один в поле не воин.

Морозова смущалась:

—Стыдно уже, девочки. Валерка уже вон какой!

—Дурочка ты, Ленка, — наступала Тоня. — Сидоровичиха аж в сорок родила, тебе же только тридцать три. Дом — полная чаша, Морозов пашет да на статьяx калымит...

—Его гонорар — ему же на мелкие расходы. А недавно, смотри, какую салатницу подарил — моя слабость!

—Все равно, Морозова, мы тебе как сестры, по-хорошему советуем — роди! У Надежды двое, у меня только годовалая Катюшка, но со временем, как мы с Филей решили, появятся Сашка и Наташка. Таков у нас с Анатолием далеко идущий жизненный план. Мы с Фильчаком свое намерстаем, а вы с Морозовым, интеллигенция чертова, родили одного и живете для себя, мотаетесь каждый отпуск по белу свету, забывая о семейном долге. Еще и в вещизм ударились... Вовке, думаю, деревяшки эти, что мартышке очки. Его больше писанина интересует, а твои приобретения ему уж точно до лампочки. У тебя же до них страсть, как у какой-нибудь профессорши!

—Вещи жизнь облагораживают, создают комфорт, уют.

—Когда одет, обут, на столе не пусто — вот это уют!

—У меня как раз все это есть.

—В том-то и дело: все у тебя есть, а родить не хочешь. Другое дело — бедность не позволяет, а вам какого рожна надо?

—Морозов согласен, да я все кочеряжилась: сначала, мол, дом и все в дом, потом уж о том, кто будет жить в нем.

—Осчастливить его не хочешь, вещизм тебя захлестывает! Сам Бог велит родить — хорошему человеку и подарок надо сделать хороший...

Таково было окончательное резюме Антонины. За столом с сестрами находился только я; Анатолий с Артемом ушли, как они выразились, новую спальню обновить. Мне хотелось составить им компанию, но я как-то пересиливал себя, сидя в уютном кресле, пялился на цветной экран своего древнего "Электрона". На женщин я не обращал внимания, клевал носом, но краем уха улавливал суть их жизненного женского разговора. Надежда болыпе молчала, Антонина же давала волю своему языку и эмоциям.

В последнее время я начал просто отдаляться от Морозовой, засиживаясь за писаниной. Жена не делала мне замечаний, не лезла в мои дела, окончательно поняв: за 15 лет нашей совместной жизни переделать меня невозможно. Занятый своими творческими делами, я прихватывал и лучшие часы для сна, неделями забывая про супружеские обязанности. Морозову это не обижало, она по-прежнему относилась все к странностям моих творческих заскоков, не требуя от меня больше, чем я мог ей дать.

Последние дни я жил только моей страстью к Людмиле. Я не испытывал большего счастья, чем встречи с нею у нее дома, эти воровские сходки и штирлицевы оглядки. Ночи, когда не в смену, я находился дома; с уходом же Морозовой на работу исчезал из кубрика и я.

Как-то, выбрав безлюдную минуту, Восковая вошла в комнатку мастеров и тихо спросила:

—Слышала, ты в хорошие хоромы переселился с водой, канализацией, отоплением?

—Долго мурыжили, но свершилось. Пятнадцать лет этого счастья ждали. Благодать — вода, тепло, удобства. Улягутся страсти с обустройством, навестим эту обитель... А я, Люда, вот о чем задумываюсь: зачем я все-таки тебе нужен? Немолодой, семейный, не красавец, не богат... Почему ты пожертвовала для меня самым дорогим, что дала природа женщине?

— Не спрашивай с меня столь строго: я ничего не анализирую и вряд ли когда-нибудь буду заниматься этим неблагодарным делом. Анализировать — значит копаться в своих действиях, в своей душе, выискивать причины и следствия, что-то с чем-то сравнивать, в итоге искать виновного во всех своих жизненных неурядицах. Может, действительно я делаю что-то не так, но по-другому я уже не могу, другой жизни для себя пока не желаю. Как быть дальше, не знаю. Ты опытнее и посерьезнее — посоветуй. Мне, Володя, с тобой хорошо, наши встречи дают мне второе дыхание, а чем они закончатся, покажет время. Одно знай: я никогда не потребую от тебя дорогой жертвы — порвать с семьей...

— Мне кажется, Люда, со временем ты проклянешь меня. Только теперь поступай со мною, как хочешь — убей, позови с собой, но подальше от Орлиной. Пашкин вариант ты знаешь: не можем мы близ него пропасть, погибнуть — старый друг, он всегда встанет на мою сторону.

— Эх, товарищ мастер, вы снова не понимаете меня или не хотите понять. Я люблю вас, но в нашем положении ум должен контролировать сердце, не давать ему бездумно действовать. Разве так просто бросить семью, вашу компартию, Орлиную? Мне много не надо — видеть вас, ощущать тепло ваших рук, слушать ваше сердце. Пока судьба благосклонна к нам, ко мне, вы отдадите мне больше, чем имеете сами.

— Люда, у тебя логика бывалой женщины. Это меня немало удивляет.

— Какая же я бывалая, товарищ мастер, в свои девятнадцать? Но в нашем с вами деле, Афанасьич, хоть один должен, как говорится, оставаться трезвым. Вы нередко увлекаетесь и забываете об осторожности, чем можете погубить нашу любовь. Для вас она, может, не так много значит, в своей жизни вы уже любили и сгорали, а потому ваш критерий оценки нашей любви, скорее, не адекватен моему.

— Я готов делить и дом, и кров, но вне Орлиной — у того же Павла или где-то в Приесильске: там я учился, там остались какие-то друзья.

— Ах, Афанасьич, вы по-прежнему впадаете в крайность! Коль это произойдет, вы уверены, что мы будем счастливы? Пройдут годы, вырастет Валерка, родной отец даже в армию проводить его не сможет. Это один аспект. А в общем...

— А в общем, друг мой, много сегодня в тебе рационализма. В твои годы это неестественно, но я отдаю тебе должное. Я действительно теряю голову. Конечно, я должен проследивать ситуации, анализировать их, давать им оценку, но не делаю этого. А все из-за тебя. Ты зна-

ешь силу молодых чар: молодые способны сводить с ума, переворачивать нашу жизнь вверх дном.

— Однако обидно, Афанасьич, если только моя молодость сводит вас с ума. То же самое есть и у Наташки — также девятнадцать, смазливая, тоненькая, боевая. Ко всему, она даже пошустрее меня, она не заставит себя страдать, как страдаю я, не бросится головой в омут: у нее действительно рационализм во всем, он ее и убережет от опрометчивости, заставляющей меня страдать.

— Обижаешь, Восковая!

— Разница в возрасте — жизнь этим не удивить; не нова же и связь женатого с юным созданием. В нашем же случае, товарищ мастер, пугает отсутствие у нас цели. Хорошо, мы убежим к Павлу, он устроит нас, шалаш определит. А дальше? Вы найдете работу, а я? Куда мне с моим церковно-приходским? У вас — училище, "вечерка", университет. Теперь вот коллектив, любимая работа, командный пост, уважение людей, начальства, ну и громкое имя по газете. Мне-то какую судьбу готовит жизнь?

— Тебе надо учиться, девочка.

— Вот именно, для чего я и зарабатываю свой стаж. Потому вариант Павла отпадает, да и любой другой.

— Нет же безвыходных положений, Люда! Надо приставать к какому-то берегу. Орлиная — не панацея, надо искать другой путь.

— Мы с Наташкой наметили: в новом 1976-ом поступаем. Ждать осталось недолго.

— Хорошо, друг мой, тогда оставим все как есть, доверюсь судьбе. Заодно же проверим, насколько крепка наша любовь и заслуживает ли она тех жертв, какие мы ей приносим.

— Согласна, товарищ мастер. Действительно, время проверит и выявит, кто чего стоил в нашем авантюрном союзе.

— Добро, только завтра ты должна согласиться поутру прийти на новую квартиру.

— Ждать себя не заставляю. Если же Валерка постучит, представишь меня как свою ученицу. Валерка — ребенок, и темных мыслей у него не должно появиться. Хотя нынешнюю молодежь провести совсем непросто.

— Хорошо, жду тебя завтра. Иди смело, дверь будет отперта, звонить не надо... Я люблю тебя, Восковая! И ты меня, наверно, погубишь.

— А ты меня наградишь сыном — хоть бы дал Бог.

— Неужели зацепился, Люда?

— Пока нет, но и времени-то прошло всего ничего, только девять встреч. Не знаю, как это у других получается, но, по идее, этого мало.

— А если и вправду? Как будем выкручиваться?

— Будем рожать. Тебе же ничего не надо делать, лишь следить, чтобы наша осторожность нас не подвела. Пока никаких подозрений, даже у Наташки, хотя от женщин непросто утаиться...

Утром, когда дверь захлопнулась на английский замок, Восковая с порога шепотом спросила:

— А стены тут какие? Наверное, все слышно?

— С чего ты взяла? Говори обычным голосом, а то будто воровать собираемся.

— Конечно, воровать, я же тебя у Морозовой ворую. Посмотри, сколько парней холостых вокруг! Так нет же, надо туда, где не велено ни Богом, ни чертом, ни законом.

— Ну, друг мой, мы и так себя достаточно осудили...

Уходя домой, Людмила не преминула обследовать все комнаты, кухню, полюбовалась отделкой и красотой стен, слушала и поглаживала телефонную трубку.

— Тебе можно только по железнодорожной связи звонить?

— И по районной, только перед моим номером надо набрать восьмерку.

— Здорово. Значит, мы временами сможем слушать друг друга?

— Конечно, друг мой. Цивилизация и Орлиную достала...

Новая обстановка квартиры восхитила Восковую. Она проговорила:

— В кубрике не было столько кресел да паласов. Нет, осуждать женщину за вещизм не следует. Вы оба хорошо зарабатываете, а ребенок один, у Валерки своя комната — мечта многих, а потом сможете какую-нибудь Наташку состряпать, вам обоим ведь и сорока нет.

— Не накликай беды, Восковая. Дети, конечно, наша радость и наше будущее, но спасибо Богу и за одного.

— А если у меня, то заставишь избавиться?

— Как ты могла такое подумать!

— Главное, как ты воспримешь своего ребенка?

— С радостью, но за пределами Орлиной. Если тяжесть чувствуешь — скажи, начнем действовать. Пусть не к Павлу, в Приесильск попытаемся, в Углеград — совсем рядом, где деповчан уже целая диаспора.

— Но ребенка ведь надо как-то оформлять, давать ему мою или твою фамилию. В итоге придется разводиться с Морозовой, сидеть с

нею на суде, принародно приводить поводы для развода. Потом, говорят, дают какие-то сроки для обдумывания и примирения... Не знаю, в чем можно обвинить Морозову, когда виноват только ты? Да, Володя, я действительно стала на твоём пути, переворачиваю твою жизнь вверх тормашками. С этим ты не можешь смириться до сих пор, и, чувствую, скоро в тебе произойдет какой-то надлом: я тебе надоем, опротивлю, и ты начнешь по-серьезному задумываться, куда все это может завести нас обоих. Верю, ты готов бросить Орлиную и ринуться хоть в преисподнюю. Стоит ли так рисковать? Мне только девятнадцать — как говорится, все впереди. Не сложится с тобою, с кем-то да сложится. Если ребенок появится, то кому буду нужна я, нужен будет и мой ребенок. А все же, Афанасьич, страшно же сидеть на суде, смотреть людям в глаза, отвечать судьям: причина развода такая-то и такая. Орлиная просто на уши встанет! Люди начнут тут же сладостно смаковать все перипетии твоей жизни, приписывать, чего ты никогда не делал. Избежать всего этого, наверно, можно, но без развода я не могу выйти за тебя замуж, носить твою фамилию. Можно оставаться и со своей, но ребенку-то нужен отец, фамилия, отчество. Как все это делается?

— Ты думаешь, я знаю, друг мой? Может, проще уехать сначала мне, устроиться, подыскать жилье, потом уж и ты приедешь с ребенком или без него — все равно. Насчет Морозовой: она никогда Орлиную не покинет, даже с угрозой развода. И если я даже исчезну из когтистой, Морозова не пропадет: сестры рядом, сама работает. Насчет же развода я действительно темный — не представляю, как сидят, о чем говорят на суде, с чего начинают и чем заканчивают это действие...

Проводив Восковую, я впервые за время наших встреч до боли в висках задумался: ладно бы флирт, любовные вздыхания, тоска по молодости, но эти омолаживающие душу встречи? И доколе же? А коль ребенок и впрямь зацепится? Говорит — пока нет, но ведь дурное дело нехитрое. Свои похождения я не анализировал, жил не умом, а сердцем, случаем, одним днем. Сегодня же встрепенулась какая-то клетка и дала толчок — стоп!

За шестнадцать лет семейной жизни с Морозовой я никогда не изменял ей даже мысленно. Теперь вот бес попутал, создав нам с Восковой секреты, утаить которые — задача из задач. Пока нам везло, но ведь и на старуху бывает проруха.

В отпуск, благодаря кадровику Каскырбаеву, закладывавшему нам с Морозовой отпускной график в одно время, мы ездили по-семейному вместе. На курортных вояжах, где столько свободы, новых людей и

впечатлений, мне ни разу не приходило в голову расслабиться от Морозовой, половеласничать, полевачить, показановить.

Курортные подружки говорили Морозовой: "Елена, зачем ты в Тулу едешь со своим самоваром?" Моя же мужская половина упрекала меня: "В лес-то дрова зачем везешь?" Как мы понимали с Морозовой, парами, как мы, на курорты никто не ездит: отдыхающие смотрят на них, как на привидения, выражают им сожаление и даже осуждают.

Оставшись один, я решил: встречи у меня дома или у Восковой до добра не доведут — наш секрет все равно станет явью. Перебрав несколько вариантов, остановился на Шанхае: район тихий, зачуханный, часто безлюдный. Найти безопасную комнатку здесь не составит труда.

Уж не знаю благодаря чему, но месяц наших встреч с Восковой держался в тайне. Я удивлялся бесшабашности, с какой действовали орлинские влюбленные — женатики Петухов и Орлова, Кочергина и Рявин, Алтунина и Потанин. У меня, слава Богу, все шито-крыто, а их орлинцы склоняют на каждом шагу, указуют, стыдят, чернят, смакуют. Ими занимаются на производстве, в товарищеских судах, нарушается семейный покой с обеих сторон.

Людская молва меня пугала. Коль нечто подобное произойдет и со мною, я не выдержу насмешек да назиданий партии, взглядов Морозовой и сына, всей родни, каждого орлинца. Спасение одно — бегство...

Своими планами насчет Шанхая я с Восковой не делился, надеясь удивить ее находчивостью и геройством. Одинокую старушку с подходящей квартиркой нашел без труда, отметив главное достоинство старухи -- ее дети-внуки в Орлиной не проживали.

Баба-Яга оказалась приветливой старушенцией, подслеповой, бесхитростной, смиренной и бедной. Задаток, как манну небесную, Яга приняла с удовлетворением, заверив меня: ее квартирка понравится и моей жене. Если она приложит руки, вымоет пол да повесит зеркало, то квартирка оживет. Постелька чистая, печь хорошая, угля ест мало, вход отдельный, собаки нет. Посторонние к ней не приходят, кроме почтальона с пенсией. Зимой ее родная организация привозит лишь топлизо; остальное время она живет, как домовой, отчего людям нет дела, жива ли она или Бог ее прибрал. Когда голосование, приезжают с урнами, а так ни одна собака к ней не заглядывает.

Расставались мы с Ягой, как старые знакомые. Сунув в ее заскорузлую ладонь сверх обговоренного еще денежку, я прикрыл скрипучую дверь, за которой старая, крестя меня с какой-то молитвой, желала счастья.

В последнее время у Морозовой появилась неодолимая страсть — телефон. У аппарата она могла проводить все свое свободное время, обзванивая в основном сестер. Телефоны для локомотивщиков ставились в Орлиной повсеместно. С появлением телефонизации депо сократило вызывальщиков, их роль теперь выполняли шоферы вызывной машины — "УАЗика", ставшего гордостью цеха эксплуатации.

За несколько дней до Нового года я пару раз навесит Бабу-Ягу, почистил ее домну и печурку в своем новом кубрике. В порыве благодарности Яга не знала, куда меня посадить, спрашивала о жене, планировала вместе навести порядок, послушать радио, обсудить мирские дела.

Я сослался на ее занятость детскими утренниками, годовыми отчетами, прочей новогодней суматошностью. Яга сокрушалась: скучно одной, поговорить не с кем! Я предостерег старую: жена у меня молодая, молодых загружают работой подобного рода, потому времени у нее на разговоры и все прочее не остается. Яга соглашалась: раз так, то живите, как хотите, приходите, когда хотите, ключи у тебя. Когда у нее в доме живые люди, значит, и она жива, чему не грех порадоваться даже старческой радостью.

— Хоть и старая я, сынок, а жить все равно хочется. Это неправда, что старые люди просят Бога забрать их к себе. Чего делать-то у него? И на земле дел хватает... Летом вот внука приедет с ребеночком, побелит комнатки и избу снаружи, перестирает все, перегладит, мне до следующего лета и хватает всего. Внучкин муж в позапрошлом лете приспособил низкую ванну, теперь так хорошо, не надо греметь костями, как прежде...

На работе я рассказал Людмиле о Яге; она без боязни крепко меня расцеловала, повиснув на шее, как ребенок у отца. Пришлось заметить: "Друг мой, теряешь бдительность!" В комнату ведь в любую минуту могут заглянуть люди.

— Любимый, береженого Бог бережет, — лепетала Восковая. — А Бог к вам вполне милостив!

Договорились: назавтра встречаемся в условленном месте, оттуда уже навестим нашу новую хавиру, не обязательно показываясь Яге. Старая — человек безвредный, отключена от всего мирского; уголок Шанхая, где притулился бабкин дом, относительно безлюден, и мы можем идти туда без всяких опасений.

...Новый кубрик восхитил Восковую. Она готова была даже расцеловать гостеприимную бабенцию, но удержалась, помыв старой полы да побелив ее допотопную, не иначе времен первых пятилеток печь.

Новая явочная квартира устраивала Восковую по всем параметрам. Нас никто не мог спугнуть, и первое уединение на новом месте принесло нам внеземное удовлетворение. Наслаждаясь им, я заметил Людмиле:

— Друг мой, наш постоянный экстаз вот уже в течение месяца не может, по идее, проскочить бесследно: должен же он где-то там у тебя зацепиться, но ты даже намеков не имеешь на оное?

— Это же природа, а человеческий организм всегда подвластен ей. Ты же чувствуешь — я не ледышка, во мне горяча и игрива каждая моя клеточка, но Бог, видно, оберегает нас до времени. Может, и хорошо, коль ребенок запаздывает? Пройдет какое-то время, ты разберешься в себе, я — в себе, оно же и заставит нас задуматься над нашими проделками. Заодно мы спросим себя: нужны ли мы друг другу теперь и в будущем? Сейчас нам не до этого, мы счастливы одним днем, этими минутами, но жизнь все равно спросит: быть или не быть, вместе нам идти по жизни или порознь?

— Опять в тебе заговорил рационализм. Ты не по возрасту правильно смотришь на жизнь, принуждая меня к тому же. Если я начну анализировать свои действия, подстраивать их под разные статьи, то меня давно следовало бы исключить из партии и просто казнить. Преступник я, а ты — жертва преступления. Если начнут разбирать, сравнивать твои девятнадцать и мои под сорок, скажут: грамотный, заморочил девчонке голову плесенью своих словес, а ребенок — поговори с ним ласково да душевно, помани пальчиком, и он, как собачонка, побежит за тобой, лизнет, даст лапу и будет преданно смотреть тебе в глаза. Я жизнь прожил, а ума не нажил, угробил ребенка, фашист проклятый, заодно же привязался к нему, без него жить просто не могу. Вот такая ситуация... Орлинцы, конечно, сделают тебе как ребенку большую скидку. Как бы ни велика была наша обоюдная страсть друг к другу, здравый смысл должен бы предостеречь меня от того шага. Хорошо хоть ты совершеннолетней оказалась, иначе не сносить бы мне головы. А развести с женою — разведут, не я ведь первый такой. Но крови попортят немало, заодно же бледнеть, краснеть, белеть, а то и зеленеть заставят, другим товарищам в назидание.

— Не преувеличивайте, товарищ мастер, этого допустить нельзя. Месяц нас Бог миловал, штирлицевы правила пока себя оправдывают, с новым же кубриком их шансы должны возрасти. Наша сменная работа сама нам благоволит: мы можем встречаться здесь не только белым днем, но и ночью в хорошее "окно".

— Опасно, могут заметить исчезновение сразу целой парочки. Та же Наташка в первую очередь заподозрит неладное.

— По умному — не заметит. Я прихворнула, Наташка побеждает с лишней банкой, ты же в депо отлучился по делам... Вариантов много. В целом, я понимаю вас, товарищ мастер. Как бы то ни было, а доводить дело до развода — ни в коем случае, пусть все идет своим чередом. Встретим Новый год, 23 февраля, 8 марта, 1 мая, а там и приемные экзамены начнутся. Кроме любви, шеф, я еще и за учебниками сижу, зубрю, повторяю. Будем с Наташкой пытаться счастья. Честно — хочу поступить. Пусть у нас не сложится, да дитя появится, но корочка не даст пропасть.

— Опять ты о нем, Люда... Как-то дает знать? Стучит, кувыркается?

— Ничего такого нет, дорогой, но время, может, и подловит. Поживем дальше — увидим. А сейчас я переполнена счастьем, мой же шеф — не знаю.

— Люда!

— Все-таки, товарищ мастер, уходить отсюда не хочется. Пусть велик наш кубрик, но это все-таки наш дом, а мой дом — моя крепость. Здесь мы в безопасности, однако впредь надо как-то по одному проникать в кубрик, выкраивать безлюдье. А теперь расстанемся: надо, чтоб духи до дому выветрились, и Морозова не заподозрила неладное.

— В следующий раз не духарись французскими: они нежные, но слишком устойчивые.

— Не могу, это природа женщины и твой же подарок.

— Для меня ты и без духов хороша, но мне, Люда, действительно надо до дома избавиться от твоего а-ля "Шанель". Рад, что кубрик пришелся тебе по душе — нашу крепость никому не взять даже штурмом!

Возвратившись с работы, Морозова, взявшись за кончик своего носа, удивленно воскликнула:

— Морозов, на моем туалетном столике такого благоухания вроде не водится. Кто-то был?

— Алеко со своей бухгалтершей приходил, мимо шли и завернули — давно не виделись. Ругал: есть о чем поговорить, а я не заглядываю.

— У них с бухгалтершей этой серьезный роман. Красивая, молодая, лет на пятнадцать моложе Алеко. Об этом знает вся Орлиная, и только ты, бедолага, ничего не замечаешь, ничего не видишь. Может, он хочет поделиться какими-то секретами — скажем, на свадьбу пригласить, а ты не показываешься.

— Я и впрямь впервые от тебя слышу насчет их романа: мне он ни-

чего подобного не говорил. Это, думаю, больше ваши бабские суды-пересуды да предположения всякие. На деле же человек, может, ни сном, ни духом ничего не ведает, просто работают вместе.

— Говорят, зря не скажут. К тому же, нет дыма без огня. Вот и к тебе вдвоем заходили — видно, и на миг бояться расстаться.

— Они же по делам: мэр поселка должен знать, чем живут его люди, дворы, подъезды, кто не платит за комуслуги, какие квартиры пустуют да устраиваются вертепы в бараках, общежитиях разных. Люди-то обо всем пишут, жалуются, он и проверяет жалобы да всякие житейские негативы.

— Но духи у бухгалтерши не иначе французские — такой классный запах, сладостный да нежный! Хоть бы раз, Морозов, подарил подобные.

— Друг мой, в духах я, что в китайской азбуке. Сама возьми, какие душа желает да прилавок предлагает. Купил я тебе однажды Полюну "Может быть", так ты вроде нос воротила...

— Неправда, духи замечательные, только они хороши на час-полтора, а у бухгалтерши до сих пор держатся. Правда, прелестные духи, если купишь — цены тебе не будет. Вот Тонька ахнет от зависти: она такая падкая до всего экзотического!

— Что ж, постараюсь. Хватит, наверно, на дешевых пахучках сидеть.

— Тебе не жалко разориться?

— Смесишь, для жены же беру... А чего ты сегодня в каком-то неглиже да лохматая, прямо на замурзайку похожа? Хоть бы причесалась.

— Чем лохматичней, тем симпатичней!

Так более-менее выкрутился я из пикантного положения: чертов "Шанель" действительно мог подвести меня под монастырь. Вдобавок предстояло еще и разориться. Насчет же духов бухгалтерши — сам Штирлиц бы не додумался до такого. Не врал я прежде Морозовой, не юлил, а тут экспромтом выдал классическую ложь, надеясь на благоразумие жены не спросить у Алеко о духах, какие он дарит своим сотрудницам.

"Да, Алеко, бухгалтерша, "Шанель", — думал я, — это наверняка только цветочки. Впереди с Восковой уж точно не одна встреча, но останутся ли они известны лишь нам и Богу, бабушка надвое сказала..."

Кубрик Яги пока исправно выполнял свои функции, но ведь любые дороги когда-то да кончаются. На работе, как и прежде, я оставался самим собой, не делал никому поблажек, никого же и не ущемлял. Вос-

ковая умело держала себя в руках, трудилась с Наташкой в поте лица, как они сами выражались, требуя от меня написать рапорт о поощрении их за ударную работу. Слесари — чего им, как козлы, на тепловоз да с тепловоза. С их бадьями за смену столько приходится воды перетаскать, поднимать ее на двухметровую высоту, затем опускать банки с локомотива, протирать батареи, дышать их испарениями до слез в глазах, после чего по окончании смены действительно валишься с ног.

Я обещал подобный рапорт сделать, какой, по правде, уже делал по своей инициативе, но приказа о поощрении моих стахановок пока и в глаза не видел.

На работе, видя Людмилу, я не думал ни о чем другом, как только о своей любви к ней и предстоящем свидании у Бабы-Яги. Эти ожидания согревали мою непутевую жизнь, заставляли забывать о доме, Морозовой, Валерке. Я грезил только о ней, заварившей такую сладостную кашу, расхлебывать которую приходится, как в окопе, прячась от всех врагов, готовых выследить и выстрелить. Себе же сделал и произвольный упрек: "Морозов, старик ты Тарруций, зачем ты полюбил юную Ларенцию?"

Глава ii

В ожидании перемен

Ах, время! Не успели отпраздновать новогодние деньки, как подошло 23 февраля, и вскорости же нагрянул Международный женский день. Весь апрель пролетел в совещаниях по подведению итогов за первый квартал нового 1976-го и в целом года минувшего. Не обошли и социалистические обязательства в честь предстоящего 1 Мая.

Подобные обязательства депо принимало не раз, не изменило своим традициям и теперь. Партком требовал, чтобы эти цифры превышали прошлогодние на какой-то порядок, с заверением их неукосного выполнения под руководством Орлиного районного комитета КПСС.

— Сильно размахиваетесь, старик, — сказал мне Алеко. — Будь машины поновее — куда ни шло, а так рискованно.

— Раз берут такие повышенные, значит, советовались со специалистами, ремонтниками...

С узловой планерки мы шли с Алеко вместе. Делились новостями, обсуждали разные дела. Александр между прочим заметил: наступивший год многое может изменить в его судьбе. Во-первых, он сдает пост мэра, с Олегом вопрос согласован.

— Не кабинетный я работник, старик. Мое дело — "железка", тепловозы. Во-вторых, я забираю с собой и свою бухгалтершу. На пятнадцать лет моложе меня, но я готов ради нее на разные кулички. Ехать же далеко не придется — всего лишь в Углеград, на завод по ремонту транспортного оборудования. Трест "Углеградуголь" перешел на тепловозную тягу, для обслуживания какой нужны тепловозники, которых угольная промышленность, в отличие от МПС, готовить запаздывает.

— Ты уже на чемоданах?

— В общем. Олег подыскивает кандидатуру на мое место, и есть виды на кадровика депо Каскырбаева: человек грамотный, болыне кабинетный, ему данное кресло в самую пору.

— А Людмила?

— Терять ей в Орлиной нечего. К тому же, у нас очень серьезная любовь. Хорошо, если бы и ты, старик, попытал счастья: завод берет специалистов с ходу. Главное, на этом заводе РГТО нет проблем с квартирами, уголек с шахт да угольных разрезов вывозить на пути ШС надо, потому делают ставку на специалистов нового вида тяги.

— Мне, старик, сложнее, ты-то вольная птица...

— Морозову не уговорить?

— Орлиная — ее жизнь, манна небесная... А как родители бухгалтерши?

— Она совершеннолетняя, потому вправе решать свою судьбу сама.

— Злые языки судачат: мол, молодая кинулась на тридцатипятилетнего.

— Пусть судачат. Мы ничего не ворует, холостые-незамужние, любим. А коль ей только двадцать, то она меня сама выбрала...

Ах, старик, какими невероятно схожими оказались наши с тобой судьбы на этом удивительном отрезке нашей жизни! Правда, у тебя никаких хвостов, тебе не надо прятаться от людей и воровать свою любовь. Я о своей любовной одиссее рассказывать Алеко не стал, подумал, что он меня не поймет, а поймет — не простит: Морозова не заслуживала такой участи.

Наверно, впервые я позавидовал Алеко, его умению отличать любовь от влюбленности. К тому же, он никогда не бросался, как мы с

Иашкой, в рабство по первому чувству. Затянувшееся холостячество делало его мудрым, осторожным и, наверное, даже расчетливым.

К нашим тридцати пяти мы с Павлом уже успели нажиться, народили "короедов", а я даже пресытился семейной жизнью. Насколько доносили слухи от друзей, навещавших Павла, бывший сердцеед Веселовский с годами не становился однолюбом. Но с семьей у него, как и у меня, никаких эксцессов не происходило: все шло своим чередом, дети и росли. Стареем, набираемся ума, мудреем...

Не знаю, какие выкидывал коленца Павло в своих любовных похождениях и умел ли скрывать их. У меня же пока все шло, как определила Юсковая, по первому классу. Конечно, условия Павла в его полумиллионном городе не рождались с моими: там человек уподоблялся песчинке, мне же в Орлиной спрятаться от глаз людских стоило многого.

Сообщение Шурика меня порядком удивило: престижная должность, голова поселка, начальствующая номенклатура, уважение орлинецов — и все бросить, забыть, низвергнуть? Всего-то около трех лет протерпел он на мостике капитана поселкового корабля, и вдруг какие-то рифы сбили его мерный ход. Понятно, что Алеко не кабинетный работник, о чем Колбаскин не мог не знать, но зачем же тогда свалил именно его?

— Насчет предложения, старик, последовать твоему примеру поехать на НТО — чрезвычайно заманчиво; жилищный вопрос решается — это же редкость, все-таки город! Ты же знаешь, как я всегда негласно относился к Белозерке, скотоводству, навозу, свиньям, курам, ирочей живности. Но сейчас у меня рай: вода, отопление, не думай об угле, пиши, смотри "ящик", радуйся жизни...

— В Углеграде у тебя все это усугубится: плюс горячая вода — раз, газ два, вся цивилизация города человеку — три. Вы с Морозовой теряете только разовый билет. В Союзе триста миллионов человек летают, плавают, ездят поездами за собственные денежки, и только, может, три-четыре миллиона бесплатно по разовому железнодорожному. А главное, ст.трик, на заводе мы снова окажемся рядом, это облегчит нашу работу, итшу жизнь. Пусть первое время ты послесаришь, а там начальство приглядит к тебе, к твоей корке, куда-то да поднимет повыше.

— Заманчиво, повторяю, но надо все взвесить, чтобы потом не кушать локти: все-таки мы с тобой немолодые, и семь раз отмерить сам Бог велел.

— Целиком поддерживаю. Мне-то терять нечего, напротив, я больше найду, у тебя же другой коленкор. Рисковать, однако, надо!

— Подумаю, старик. Взбудоражил ты меня: слышал я про РГТО, несколько наших деповчан уже подались туда.

—Как узнали?

—Земля слухом полнится.

—С Морозовой, старик, хорошо поговори. Ты же о ней с сыном заботишься, думаешь о его будущем: все-таки город, институты, прочие наробразы... Сейчас ему пятнадцать, не успеешь дух перевести — аттестат в руках. А там желательно бы до армии в хорошую учебку всткнуться или на работу по душе. Город все это может дать.

—Об этом с Морозовой в первую очередь и составлю разговор.

—Пытайся. Время подсказывает: жизнь нашу нам надо крепко перетряхивать, переворачивать, может, даже все ставить с ног на голову...

В моем положении действительно требовалась встряска. Если радикальная, то забираю Восковую, разом покончив с двойственностью. РГТО отбрасывал тяжелый, рискованный, во многом туманный Пашкин вариант, какой уносил нас с Людмилой от Орлиной, друзей и родных в неизведанную даль, но не давал повода радоваться нашей свободе. Угледградский же устраивал во всех отношениях: город — громада, мы с Восковой — две песчинки, незаметные, обычные. Если где и встретятся осуждающие взгляды, но это уже не будут глаза Морозовой, Валерки, всей Орлиной...

После майских праздников на одной из встреч у Бабы-Яги я рассказал Восковой о планах по Угледграду. Как мог красочно нарисовал картину нашей дальнейшей жизни в этом городе, перспективы, какие он может нам дать. Восковая без всякого раздумья просто сказала:

— Не будем спешить, шеф! В газете уже объявление появилось о приеме в железнодорожный институт, документы мы с Натальей отослали. После экзаменов проще будет решать, куда податься и стоит ли вообще куда-подаваться.

— Но мы упустим время: квартиры долго ждать своих клиентов не могут, свято место ведь пусто не бывает!

— Держись за Алеко. Пусть сначала он рванет, нам потом проще будет определяться близ него.

—Какой-то холод, друг мой, в твоем голосе, никакой радости, никакого трепета... Зачем нам ждать Алеко?

—Он устроится, утвердится, тогда и помощь его будет более весомой. Его же не простым Ванькой берут, минимум мастером: человек-то с высшим, а свой человек — всегда опора.

— Да, наверно, все-таки ты права, Люда. Подождем действий Алеко,

его утверждения на новом месте, тогда у нас, пожалуй, появится больше шансов ломать свою провинциальщину и осваивать новые городские горизонты.

— Давайте, товарищ мастер, с этого и начнем. Время пока терпит, а квартиру некоторое время Алеко с Людмилой присмотрят...

На том и порешили.

Время же неумолимо торопило жизнь. Я позвонил как-то Александру, поинтересовался его делами. Алеко посетовал на нашу чиновничью волокиту, когда дело и выеденного яйца не стоило. Но сдвиги уже есть — Олег обещал уладить все формальности. Сейчас посевная кампания в разгаре, и ему пока не до мэровских дел. Заодно Шурик поинтересовался: решился ли я рвать когти или юбка Морозовой не пускает? "Сидишь, как на привязи — никакого движения, даже шевеления".

— Во многом, старик, от тебя зависит. Приеду к тебе как старожилу, все какое-то облегчение.

—Это твоё решение или Морозовой?

—Морозовой, старик, пока ни слова. Есть в моей житухе кой-какие завороты, но о них после — не телефонный разговор.

—Хочешь ей сюрприз преподнести?

—Может, и сюрприз...

— Но ты, старик, можешь рвать и без меня: ты классный слесарь, такие люди там в цене. Уехали Кондратюк, Жежело, Баруев, братья Янц, машинист Кремер, Валентин Шатунов. Кремер так и вовсе плюнул на ирравое крыло и отлично слесарит. Мой совет: рви, ремонтников там с руками-ногами!

—Все же лучше вслед за тобою.

— Тогда придется ждать.

—Ничего, но Морозовой — ни слова!

На такой неопределенности мы и закончили с Алеко наш разговор. В комнатку мастеров несколько раз заглядывали Людмила с Натальей, по, видя мою сосредоточенность у телефона, убегали по своим делам. С какими вопросами они порывались ко мне на этот раз, я не представлял: не иначе, как опять со своими женскими завихрениями.

Разряд, о котором они мечтали, девушки получили, соблазнив даже и я обмывку. Что теперь у них за заботы, я терялся в догадках. Наконец мои ветрянки скромно уселись против меня.

— Слушаю, молодой рабочий класс. Какие проблемы вас гложут, какие волнения тревожат?

—Вопрос у нас, шеф, один, — тихо сказала Людмила. — Скоро мы с

Наташей уезжаем на вступительные, а это оголит смену сразу на два человека. Кто-то должен нас заменить? Мы хотели бы передать им из рук в руки наши банки, склянки, средства защиты...

Ах, ишак бухарский, мог бы и сам додуматься! Ладно бы одна уходила — проще найти замену, а то сразу двое. Значит, надо идти по начальству с заявкой на двух аккумуляторщиков. Ни много, ни мало, а дней пятнадцать девушки проэкзамеуются; на этот срок и надо искать людей, каких еще потребуется обучить новому делу... Наконец я пришел в себя:

— Спасибо, девчонки, за напоминание! Упусти время, начальство спросит: почему молчал? Люди твои, ты мастер, значит, должен знать, как и чем они живут, чем дышат.

— Вот мы заранее и предупреждаем вас, — сказала Наталья. — Мы понимаем, надо искать работяг подготовленных, а их в депо всегда не хватает. К тому же, началось бегство людей на какой-то РГТО, десять человек уже уволилось, есть и еще кандидатуры.

— Знаю, Наташа, слышал... Ладно, девчонки, еще раз благодарю, буду ставить вопрос перед начальством. Ну, а сами готовы к бою, все вызубрили?

— Надоело уже, — призналась Людмила. — Из-за этой зубрежки и в любовь поиграть некогда!

— А ты, Наташа?

— То же самое, Афанасьич. Надо бы сходить на вахту с другом, так ведь геометрия не пускает! Осилишь геометрию — за Пушкина с Птолоховым приниматься надо... Так и отставку у друга недолго получить!

— Меньше спите — всюду поспеете, — пробовал я поучать девушек.

— В наши годы, Афанасьич, сон — это здоровье, отдохновение, отрешение от дел мирских, — на полном серьезе заметила Наталья.

— Верю, сам был молодым. Для вахты же время всегда можно выкроить: любовь спать не любит, она все время в движении, в поисках партнера, общения, в итоге — счастья. Аксиома же неоспорима: кто ищет, тот всегда найдет.

— Хорошо искать, если знать, Афанасьич, где лежит, — не унималась Наталья.

— А это, друг мой, от человека зависит. Смелые города берут, несмелые на судьбу надеются, ждут милости от природы, от жизни. А жизнь не всегда улыбается, часто даже болью отдается и горестями.

— Ах, Афанасьич! — загорелась вдруг Наталья. — Человек сам себе нередко и усложняет жизнь, сам создает трудности да воздвигает поро-

ги разные, сваливая все на судьбу да невезение. Мало ли таких случаев хотя бы у нас в Орлиной? Чего не хватает Аньке Алтуниной? Сама на хорошей работе в ОРСе, муж машинист, машина, дом — полная чаша, живи да радуйся. Так нет, она с геологом шуры-муры! Ладно бщ втихара, Бог им судья, так муж только за порог — она даже белым гщем на явочную квартиру к геологу спешит. В Орлиной-то тыща глаз, ты не видишь — тебя усекают. Оттого в ее жизни многое и не ладится.

— Слышал про Аньку, — заметил я сухо. — Люди, наверно, от жиру бесятся — есть такая категория "хомо сапиенс"...

— Почему от жиру, товарищ мастер?! — вспыхнула вдруг Восковая.

— А любовь не в счет? Жизнь немало знает случаев, когда люди за любовь готовы на все, Ромео с Джульеттой не на голом же месте родились! А Онегин с Татьяной, Печорин с Верой, Григорий и Аксинья?

— Ну, друг мой, — старался я как-то увильнуть от щекотливого для меня разговора, так некстати начатого Людмилой, — любовь — это мерило всего доброго на земле. Человек — высшая категория из живых существ, ему самой природой предназначено любить и делать любовь достоянием ему подобных. По жизни же известно, чем выше оищ и чище, чем крепче ее ростки и корни, тем жарче страсть ее действий и помыслов... Ну, милые мои, любовь — тема вечная, о ней можно говорить разное и много, а суть всегда остается одна: без любви нет и жцзни. А иотому, девчонки, любите, влюбляйтесь, выходите замуж, рождйте человечеству побольше детишек, которые, в свою очередь, продолжат этот великий, бесконечный, извечно загадочный цикл нашей шщнеты. Такова, миленькие, природа всего живого на земле!

— Ну, Афанасьич, вы о любви так научно и столь возвышенно, к тому же, с такой нежностью! — восхитилась Наталья. — Будто саицц, прошли все уроки любовных утех: Орлиная о вас такого сказать не может.

— Да нет, друг мой, о любви я знаю не более того, чего о ней уже сказано. Подрастете, и вы многое узнаете. Любовь, она ведь всегда разная, рождается, приходит, живет и умирает у каждого человека по-своему. Желая и вам, милые леди, крепко влюбиться! Надоели орлинские иарни — присмотритесь к городским. Вы — красавицы, кородевы, и просто грех не обратить на вас внимание.

— Куда нам, Афанасьич... В городе таких красавиц, как сказал один мой знакомый, вешать не перевешать. Где-то даже и статистикд отчигывалась: мол, женщин в Союзе на столько-то миллионов больше, чем мужчин, потому мужчинам есть из чего делать выбор, найти свою жемчужину.

—Во-первых, Наташа, не слишком умный твой знакомый, коль он собирается вешать всех женщин. А во-вторых, в той самой статистике речь болыне о пожилых людях: война-то унесла в основном мужчин, а молодых людей на земле примерное равенство. А то, что на десять девчонок по статистике девять ребят, это, скорее, болыпе к селу относится, потому как юноши в города бегут, на новостройки, подаются в необжитые края, оставляя на селе нецелованных амазонок... В общем, девчонки, лекцию о любви давайте закончим, а за написание о вашем отъезде вас очень и очень благодарю!

Девчонки ушли, оставив меня с намерением писать рапорт о проблемах в смене в связи с предстоящим отъездом моих аккумуляторщиц. В рапорте указал срок их предстоящей отлучки — двадцать дней. Хотел напомнить: мол, нужны люди как-то подготовленные, но воздержался — Заваров наверняка оскорбится, скажет, что какие-то берутся его поучать...

Дома Морозова, сидя у телевизора, неожиданно спросила:

— Слышала, Алеко намеревается оставить свой пост. Не делился подробностями да причинами? Ктр вместо него и куда он сам? Не может же он на старое место вернуться?

—Вполне. Это его право, он ведь не сам уходил. Только вряд ли оно его устроит: сейчас пошла какая-то полоса бегства из депо, притом хороших специалистов, отличных кадров, на какой-то РГТО, где новые тепловозы, хорошие условия и квартиры с ходу. Алеко этим непременно воспользуется: не такой уж он дурак набитый, наподобие меня, чтобы столько лет прозябать в Орлиной! Он, как и я, отдал ей семнадцать лет. Какие годы подарены сопкам, степи, пыльным бурям, песчанникам, нещадному зною да трескучим морозам, прожорливой домне и проклятой пещерной уборной! Слава Богу, хоть теперь у нас быт налажился, но семнадцать лет — целая жизнь, они потеряны безвозвратно. Господи, да и каких лет! Хотя тебе этого не понять.

—Куда уж мне! Поезжай и ты за Алеко, я не держу, но без нас с Валеркой. Недаром говорят: хорошо там, где нас нет. Езжай, устраивайся, живи. И мы с Валеркой проживем: зарплата у меня нормальная, работа хорошая, мы с тебя даже алиментов не потребуем. Знаю, Морозов, ты порываешься уехать почти с первых дней нашей жизни, особенно когда обязательные четыре года отработал. Я тебя никогда не держала, не держу и теперь. Мое кредо ты знаешь — десять лет на пепелище. Я здесь родилась, мне знакомы каждый дом, каждая улица, каждого орлинца я знаю в лицо. Я привыкла в Орлиной ко всему, даже к моги-

лам наших стариков. А состарюсь — Валерка возьмет или его дети; если и им не понадобится — депо присмотрит, придет час, депо же и глаза закроет.

—Понесло тебя, Трында Ивановна, как козла к капусте! Да, Алеко уедет, а меня не надо уговаривать: человек испокон ищет место под солнцем, и только мы держимся за Орлиную, как черт за грешную душу. Ты знаешь, сколько людей убежало из депо за последние десять лет?

—И что? Разве оно остановилось? Поезда идут, как и раные, тепловозы как ремонтировались, так и ремонтируются, грузопоток не етал меныне, а зарплата — ниже. Квартиру получили, от домны избавились, бывший пещерный — под рукой, антенну в 247 метров установили, "ящики" работают четко даже в цветном изображении... Какого рожна нам еще надо? Ресторанов, городских развлечений, театров? Если все подадутся в города, кто же станет жить в глубинке да делать иужное стране дело? Москва — это еще не весь МПС. Вот мы, периферия, глубинка — действительно МПС! Мы готовим локомотивы и водим поезда, держим в исправности пути, обеспечиваем устойчивую связь и сигнализацию. Не будь нас в глубинке, на станциях и разъездах, на полустанках и казармах, то "железка" не жила бы такой активной жизнью. Кто-то же должен жить в той же Орлиной!

—Но мы и так ей много отдали, теперь пусть другие попытают свою долю. Может, кому-то приглянется эта станция, тем более, она так активно строится, обустраивается, ширится и дыбится, асфальтируется, бетонируется, озеленяется, освещается. Железнодорожникам, видно, і іадоело хрен с редькой есть да щи лаптями хлебать, они и потянулись к цивилизации да культуре.

—Но ведь совсем недавно мы не знали, куда деться от грязи, пыли, аптисанитарии, бескультурья. Мы — потомки первопроходцев Орлиной, нам и сейчас не до жиру, каково же было им в ту пору? Я, сестры, Петр откуда появились? Отсюда же, с землянок да бараков орлинских аборигенов, первых строителей железной дороги "Углеград — Медногорск". Старикам нашим и их сверстникам крепко досталось, но они не хныкали, не жаловались, хотя, наверно, тоже хотели красиво одеваться и пощеголять, потому как им было по двадцать или около того, что и твоим приесильцам, Алеко, тебе. Война началась — жилось невероятно трудно, а тут, как в наказание, пошли мы друг за другом: я, Надсжда, и только после войны Антонина. И ведь не умерли, росли! Тупили на высоком каблуке я только на свадьбу с тобой и надела, а так их у

меня в помине не было. Пальтишки да платица переходили от старших к младшим, все перешивалось, перелицовывалось, перекрашивалось. Мы ведь жили, учились, не жаловались на судьбу и Бога... Поверь, Морозов, тут мои корни, оторвать их от Орлиной больно, равносильно еердце вынуть из груди!

— А Валерка подрастет?

— Он и так уже тебя обогнал — настоящая антенна. Закончит школу — жизнь покажет, куда податься. Мы работаем, на хлеб не занимаем, уедешь — не пропадем, без мужей вон сколько женщин в Орлиной живут, хлеб жуют, детей растят и даже учатся в разных ликбезах. Заговорит совесть — пришлешь сыну какую-то сотню, спасибо скажем, а не пришлешь — выдюжим, выкрутимся, пояса подтянем.

— Чего ты? С Плюшкиным я вроде не якшался...

— К слову. А там как жизнь повернет... Люди уезжают из Орлиной, не секрет. Конечно, в городе свои прелести, но я никогда не привыкну к городской суете, селедочной давке в том же автотранспорте, безумным очередям от общественных бань до театральных касс. Только одни очереди отнимают у горожан время, нервы, здоровье. Простому смертному в городе вообще труба; в Орлиной же все свободны, с открытой душой, каждый придет к тебе на помощь, если она потребуется. Мы все здесь друг друга знаем, здесь все пережились и переродились. Разве это плохо? В городе ты один, как перст, тебя только на работе и могут знать, да еще участковый с дворником. А так городу ты не нужен, как и город тебе. Я вот о чем хочу сказать, Морозов: мы уже немолодые, Валерка, считай, взрослый и понимает, какие кошки пробегают между нами. Углеградская эпопея с его знаменитым РГТО, конечно, закончится. Есть в ней своя заманчивость, свои плюсы; главный их козырь — квартиры. Понятно, в городе они обеспечены всей цивилизованной атрибутикой, какую Орлиная только начинает осваивать. Хорошо, тебя определили слесарем, вручили ключи, переноски, сказали: бди! Ты так же добросовестно трудишься, возвращаешься домой. Но скажи, сможет ли Углеград порадовать тебя брянскими лесами, волжскими или сибирскими речными просторами? На сотни верст от Углеграда в любую сторону ты видел хоть одну березовую рощицу или другой лесной массивчик? А назови реки, озера, могущие порадовать горожанина? Не назовешь, потому что их на карте области никогда не существовало. Конечно, настроено искусственное, какие-то заводы, рыбные ставки, однако все это не природное, не масштабное. Как и в нашем регионе, в углеградском крае ты увидишь такую же бескрай-

ную степь, седое ковыльное море с терриконами, подъездными путями, котельными, прочими сооружениями. А в самом городе? Ты видел, какие трубы устремлены в углеградское небо? Коптят, изрыгают огонь и смрад, отравляют небо, город, людей... Стоит ли нашу тишину, бодрящий невесомый воздух, красивых душой орлинцев менять на городскую толчею, безумную сутолоку, спешку, еду на ходу и вечный недостаток времени? У нас же ничто не торопит, работа рядом, все свободны, раскованы. Зачем нам самим усложнять себе жизнь? Ну, если Валерка выучится, по-настоящему определится в хороших краях да вздумает забрать к себе стариков, тогда еще можно решиться на переезд. А может, он полюбит Орлиную и останется здесь навсегда! Потому, Морозов, мой совет: не спеши, уезжают в основном, как я заметила, присжие. Алеко — бульбашник, Жежело, Кондратюк — хохлы, Постников — сибиряк, Маркинчаускас — прибалт... Мы-то с тобой коренные, а это ио-своему обязывает нас оставаться в нашей соколиной!

Столь убедительный монолог Морозовой заставил меня задуматься над своей житухой, себе же только и сказать: поживем — увидим. Морозова наседать на меня болыне не стала, но в сердцах заметила:

— У тебя полное право по-своему думать, решать и мыкаться!..

Особого безразличия к моей судьбе она не проявляла, но и крайней заинтересованности тоже. Я понял: ей осточертело за годы нашей совместной жизни бороться с моими попытками бегства из этой чертовой Соколино-Орлиной.

Однажды она не выдержала:

— Уехал бы ты, Морозов! Честно, стало бы легче: я, может, свободнее вздохнула бы да начала новую жизнь. Кровушки ты попил изрядно, если так выразиться, а твои попытки удрать у меня уже в печенках!..

Крепко я тогда разозлился на Морозову, хотя понимал, что она-то права. Но и теперь я метался, как зверь в клетке, как утлое суденышко в безбрежном жизненном океане, не зная, к какому берегу прибиться. Встречи с Восковой у Яги продолжались с определенной периодичностью; Алеко торопил с отъездом и сам паковал чемоданы. Я же ни на какие действия решиться не мог, обманывал себя, просто испытывал свою судьбу. Восковая ничего конкретного от меня не требовала — никакого переезда, бегства, никаких жертв, кроме моей горячности, огня и ответа на ее любовь.

1'лядя на Людмилу, нередко я просто пугался ее хрупкого тела, тонкой, в ладонный обхват гибкой талии, школьных замашек, ее лучистых

глаз и привязанности к человеку — всего свойственного больше детям. Я и спрашивал у нее не раз: на самом ли деле ей девятнадцать? Восковая смеялась, уверяла, что она совершеннолетняя, потому закон претензий ко мне иметь не может.

Наконец наступили эти экзаменационные дни; Людмила с Натальей уехали в Приесильск ночным поездом. Накануне я договорился с Чеботаридзе о важном для меня мероприятии с моими абитуриентками, в чем Алексей Петрович меня поддержал.

В машине Восковая шепнула:

—Так смело действуем, шеф?

—Ничего страшного, мастер должен опекать своих детей, проследить за их сохранностью. Как же, мои работницы уезжают, а я остаюсь в стороне? Неэтично это, друг мой, не по-мужски, не по-джентельменски, наконец! Если Морозова спросит, то же самое скажу и ей...

...Как шли дела у абитуриенток, сигнала не поступало, хотя девчонки обещали держать меня в курсе всех своих абитуриентских дел. Единственное, чего они желали — поступить, держать орлинскую марку и не подвести своего мастера, какой был для них руководителем, наставником, советчиком.

А Алеко накануне с радостью сообщил: дела свои он, как и намечалось, сдал Каскырбаеву, назавтра же планирует "ту-ту".

Провожал я Шурика один, потому многое мы могли обговорить без свидетелей. Его Людмила пока оставалась в Орлиной: в браке они не состояли, заявления в Орлинский ЗАГС не подавали, не желая шокировать орлинцев таким неравным союзом. В городе на сие никто и внимания не обратит, в Орлиной же свои законы.

—Как обустроюсь, Людмила также подаст заявление на расчет, ей тоже надо искать замену. Несколько человек уже приходили, но они без корочек, без практики. Одна женщина с училищным свидетельством появлялась, ей вроде бы и отдают предпочтение...

Алеко советовал не затягивать и мой отъезд, иначе такая лафа с квартирами вряд ли когда-нибудь еще предоставится. С Морозовой вопрос должен решиться сам собой: как получу квартиру, жена приедет, оглядится и никуда не денется — захочет войти хозяйкой в новый дом. "А если заерепенится, если силы притяжения Орлиной окажутся сильнее мирового магнетизма, то любая другая аж вприпрыжку побежит на готовенькое. Ты еще не Хоттабыга, в городе же невест любого калибра бери — не хочу!"

Мне ничего не оставалось, как только согласиться с доводами друга, по поводу чего я заметил:

—Жизнь, старик, нередко такие фокусы выкидывает, что впору в петлю лезть! Не знаю, какие финты преподнесет она на этот раз, только радостей пока никаких, одни проблемы.

—Да и у меня нечто подобное. Старики Людмилы вдруг заупрямились: разница в пятнадцать лет — ради чего? "У тебя хвосты, муж, дети и? Вольная птица, молодая, красавица, грамотная, не калека. Как все порядочные, найдешь себе ровню, чтоб любилось, красовалось, жилось обоюдно и счастливо. Разница во столько лет со временем даст о себе знать: ему будет шестьдесят, он — пенсионер, сгорбленный; тебе же только сорок пять, а в сорок пять баба ягодка опять!" Людмила, со слезами поведав об этом домашнем инциденте, решила просто бежать от своих предков при первой же возможности. Сейчас вот не отпустили проводить меня, может, даже на замок заперли, пока не уйдет мой поезд...

—Старик, а если и вправду разница в три пятилетки — это страшно под старость?

—Думал я об этом и только сказал: "От судьбы да от суммы..."

—Не уйти — это полбеды, старик. Но один нюанс нас, мужиков, должен пугать: в свои шестьдесят на многое ли мы будем пригодны? 1 Ю, детям радоваться, внукам, стучать во дворе в домино, у "ящика" прозябать над какими-нибудь сериалами, газетами обкладываться, кроссвордами, гороскопами, всякими пилюлями да микстурами, пробуя на себе разные травы, жидкости, притирания да всякие советы бывалых людей...

—Знаю, старик. Думал я об этом, а Людмиле прямо сказал: "На старости моей, девочка, ты мне такие рога наставишь, что впору будет состязаться с оленьими стадами безбрежной чукотской тундры!"

—И что она?

—Убивается, плачет. Но жизнь, старик, знает, в какой роли под старость предназначено выступать мужьям, когда их жены моложе своих избранников. Конечно, не следует всех причислять под одну гребенку, но какая-то неписаная тенденция в нашем житейском мире существует, и ее надо иметь в виду. Мне сейчас тридцать пять; к моему полушотенному юбилею ей только исполнится столько, а женщина в этом возрасте часто просто роза, цветок благоуханный. Я в пятьдесят, наверно, буду не герой, женщина же в тридцать пять — ого, на такие закидоны способна!.. Нам же предначертано шнырять по аптекам в поисках корня жизни да маральных рогов, чтобы жены не наставили нам рога житейские. Жизнь, старик, ведь не обмануть, не провести...

— Такую мрачную картину ты нарисовал, старче, что меня просто судороги сводят! — невольно вырвалось у меня.

— Тебе-то чего бояться? У вас с Морозовой разница в каких-то три года, а это в старости вполне жизненный баланс. Ты на меня погляди и на Людмилу, сопоставь, прикинь: она — цветок весенний, я — бурьян заскорузлый.

— Не злорадствуй, старик, ты в отличной форме, не изношен, вообще смотришься выношей. Жениться в тридцать пять для мужчины — самый смак. К этому возрасту он умен, мудр, имеет какое-то положение, а двадцатилетняя ему как раз под стать. Людмила, конечно, роза, но и ты — молодой дуб, красивый, сильный, стройный.

— Дубина — вот лучшее сравнение, старик. Но я ее люблю, она отвечает мне тем же. А старость покажет, кто чего стоил. До пенсии нам с тобой четверть века, значит, не все потеряно, вся жизнь впереди. Хорошо, вы со своей Морозовой ровня, отлично смотрите, старости вам бояться нечего. Орлиная же просто сводит меня с ума, когда мы с Людмилой идем рядом — столько недобрых глаз!

Ах, Алеко, Алеко! Да знал бы ты, друже, мою картину, подобную твоей...

— В общем, я искренне тебе сочувствую, старик, и в целом желаю решения твоих проблем. Но старики Людмилы совсем, что ли, настроены против твоего брака с их дочерью?

— Не то слово. Мать их, охренели, паразиты! Вначале вроде сквозь пальцы глядели, а когда узнали о нашем житье не у них на глазах, начали устраивать дочери разные хакари... Ну, старик, я готов к новой жизни, а ты? Боюсь, пролетишь ты с квартирой. Надо сейчас все рвать и метать, ковать, пока горячо! Спецов-железнодорожников в самом Углеграде тьма-тьмушая. Люди, думаю, захотят перейти с МПС на угледобычу: условия в угольной системе посolidнее железнодорожных, там с квартирами полегче, да и с башлями получше, все-таки реализуют продукцию и живые денежки имеют, а "железка" только обеспечивает перевозки да оказывает транспортные услуги. Разница, по прикидкам специалистов, солидная: уголек покупают все, значит, у производителя всегда живая копейка, а тем, кто только оказывает услуги, сосать лапу часто не в новинку.

— Понимаю, старик. Значит, и мне надо серьезно готовиться... Хочу, однако, чтобы ты в первую очередь утвердился, тогда и слово твое, коль придется его когда замолвить, будет иметь более солидный вес.

— Да, старик, — вздыхая, сказал Алеко, когда тепловоз дал длитель-

ный гудок отправления. — Из пятнадцати приишимцев в Орлиной остаешься ты один... Короче, пооперативней устраивай свои дела, разговаривай с Морозовой и на РГТО давай о себе знать, чтобы о тебе помнили да не спихнули квартиру в другие руки. Я, конечно, буду содействовать, чтобы ее попридержали, но промедление сам знаешь чему подобно...

Распрощались мы с Алеко тепло, без боли. В последний момент, в минуту какого-то откровения я хотел выложить Алеко все карты на счет Восковой, дабы хоть морально поддержать своего друга: мол, старик, не ты один с двадцатилетним ребенком на руках! Но сдержался — уж коль удивлять друга, так с музыкой: перееду сам, приедет Людмила, и уже вдвоем нагрянем к Дундичам. Обе Людмилы росли вместе, ходили в садик, учились, оканчивали школу, не близкие подруги, но и не чужие.

Об отъезде Александра Дундича Орлиная заговорила лишь после бегства его бухгалтерши следом за своим "кобелем". Какие были разговоры Людмилы с предками, неизвестно, только поехала она именно к своему шефу, о чем в поселке судачили все. Не удержалась и Морозова, заодно упрекнув меня:

— Хотя бы ты проводил Алекову Людмилу! Не мог же он не поручить тебе доставить его любовь на поезд, помочь с билетами, с вещами?

— Я понятия не имел о времени ее отъезда, к тому же, она меня близко ни о чем подобном не просила.

— Школьные подруги сажали ее в вагон, из мужчин — ни души. Старики вроде даже отказались от нее: она, бедолажка, одна кружилась у иоезда, хорошо, девки подросли. Орлинцы одного понять не могут: зачем ей нужен старик? Даже родители не пошли провожать, столь велико их возмущение.

— На тебя не похоже, Морозова. Ты осуждаешь Алеко или Людмилу? Ладно Орлиная, ей не привыкать, но ты-то знаешь жизнь, знаешь паше сердце, которому не прикажешь...

— Я не осуждаю их, только констатирую пересуды наших обывателей.

— Тогда другое дело. В принципе, я рад за Алеко, только под сорок познавшего настоящую любовь и покончившего со своей холостяцкой жизнью. Мы-то с тобой вроде набились, а ему, как бы в отместку за игнорирование жизненного естества, судьба преподнесла цветы запоздалые.

— Ничего подобного, все вовремя! Посмотри, как он выглядит: стройный, красивый, спортивный, на лице ни морщинки. А все потому, что не курил, не пил по-черному, мастерил столько лет, теперь вот председательствовал — не чета тебе, купающемуся в мазуте и пашущему, как легендарный хлебопашец Вакула.

— Да, не сравнить с Алеко. Он — как огурчик, а я вроде помятой тыквы...

— Не сказала бы. Ты очень даже неплохо смотришься, редко куришь, на ушах не приползаешь, питаешься умеренно, жирами не злоупотребляешь, делаешь зарядку, водой холодной обливаешься постоянно. Почему бы тебе не сохраниться? Одеваешься со вкусом, на то и мои девки обратили внимание: они всегда завидуют твоей изысканной обуви, твоему импортному костюму и польской сорочке. Мне аж неудобно, как они определяют, какое на тебе одеяние. Заметили мои девки и твою германскую авторучку, и китайский носовой платок... Не шушу, многие мои девки к тебе просто равнодушны, чего, паразитки, даже не скрывают! Поверь, Морозов, у тебя высокий реноме, и коль со мной не получится с Углеградом, в моих кадрах ты всегда найдешь поклонниц. Замуж они хотят — аж пищат, потому не побрезгуют отбить мужа даже у своей начальницы. Вот такие дела, Морозов! Помани пальчиком любую из них, а их у меня аж восемь красавиц: кровь с молоком девки, ни одна не откажется от углеградского варианта, тем более, такого счастливого — с квартирой.

— Спасибо, буду иметь в виду...

Кадры Морозовой, этот всегда изысканный и благоуханный букет, я знал неплохо, ему же и сочувствовал. Выпускницы железнодорожных "учебок", посланные в депо по распределению, они не чаяли окончания их "лагерного" срока, но как ни безрадостно было их житие, молодость брала свое, заставляя их вытворять самые неожиданные фокусы. Жили девушки в женском общежитии, центре притяжения орлинских рыцарей, и вовсе не собирались обрекать себя на старение.

...Своих девчонок с поступлением в вуз мы поздравляли всей сменой. Речей не толкали, но от души желали успешно осваивать их бухнауку и пополнять ряды грамотных членов социалистического общества и нашей народной интеллигенции. Девчонки краснели, смущались, благодарили за все, заверяли — учиться будут без "хвостов".

— Абитуриентов на очный, — делились впечатлениями наши студентки, — доходило до девяти человек на место, на заочном же — три. Не будь у нас рабочего стажа, не видать бы института!

По предложению Натальи, решили назавтра организовать в ОРСовской столовой встречу для отметки ликбезовского дела. Я не возражал, смена ликовала. Наталья назвала время схода, остальное они с Людмилой сделают сами. Предложение девушек несколько задело наше мужское самолюбие, по поводу чего я высказал свое личное мнение. Мужчины единогласно проголосовали "за", поручив всю операцию нашему доброму хозяйственнику Анатолию Фомичу, у кого даже пробивному Пашке Веселовскому не грех кое-чему поучиться. На том все довольные разошлись по рабочим местам, ожидая завтрашний день, как невучий соловей лета.

...Правда, хозяйственной хватке Анатолия Фомича мы могли только позавидовать. Как он договаривался с поварами, какие рекомендовал блюда, оставалось его тайной, но стол выглядел необыкновенно щедрым, красочно-праздничным, просто притягивал обилием яств и деликатесов.

Складывались на все это без участия виновниц торжества, зная, что после городского вояжа особенно не разгонишься — город любит деньги. Леди бунтовали, выражая свой протест, но Фомич нашел свои аргументы, успокоив девушек и скромно отвергнув их долю. Про себя я подумал: у меня вряд ли хватило бы подобной находчивости, Анатолий же обставил все в лучшем виде.

По старшинству мне следовало сказать тост, поздравить девушек с их желанным железнодорожным, как шутили девушки, медресе. В речи я напомнил молодым парням о важности в наше время хорошего образования, обязывающего их последовать примеру наших работниц и теперь вот студенток.

— Конечно, друзья мои, — продолжал я, — совмещать работу с учебой, без преувеличения, героический поступок, даже подвиг. Не скрою, не каждому он дается, но кто устремлен с думой сделать бы жизнь с кого, учеба подскажет — начни ее с себя. А нашим девушкам пожелаем плодотворной учебы, большого женского счастья, чтобы их любимые и поклонники всегда преподносили им цветы!

Анатолий Фомич, как и было договорено накануне, после этих слов принес из кухни два больших букета роз в наборе с другими цветами, какие торговки на рынке так искусно компоновали. Цветы явились полной неожиданностью не только для Людмилы с Натальей, но и для всей смены.

Девчонки несказанно радовались такому благоуханному подарку, прижимали букеты к лицу, пытаясь наперебой высказать слова благодарности. Наконец это удалось Наталье:

— Мальчики, нам с Людмилой стол и цветы доставляют неподдельную радость, обязывающую нас хорошо учиться и получить надежную специальность! Для женщины это особенно важно, потому как в жизни ей больше приходится надеяться на себя. Когда хороший муж, понимание, мир и дружба в семье — жена счастлива, а если разлад, пьянство, измена, то содержанием семьи остается женщина, отчего ей и нужна хорошая работа, какую поможет дать этот самый диплом. Думаю, нашим мальчикам-десятиклассникам, работающим с нами, но не желающим дальше учиться, надо изменить свое отношение к высшей школе. Еще раз за все вам большое спасибо!

Людмила, как я полагал, заготовила целую речь, но когда Наталья села, она, подняв рюмку, сказала:

— А я, мальчики, хочу предложить тост за нашу смену, за вас! Не знаю, как вам удавалось столько дней выполнять и нашу с Натальей работу, не приглашая никого из депо. Вы оказались рыцарями, достойными нашего преклонения и восхищения!

В этом месте я надеялся услышать от Восковой слова благодарности в мой адрес как инициатора работы аккумуляторной группы своими силами, но его не последовало. Мой рапорт о выделении людей на ПТО так и остался в моем столе; посоветовавшись с друзьями, коллегиально решили — семь-восемь смен оттарабаним сами, наши абитуриентки вернутся сразу к своему рабочему месту без всяких испытаний. На деле все так и вышло.

Девчонки знали, чего нам это стоило. Кроме своей работы, свободные слесари, глядя на меня, также хватали банки наших аккумуляторщиц, наполняли их дистиллированной водой и мчались на тепловоз. Мне не позволяли делать это: мол, ничего сложного нет, два слесаря свободно управлялись, потому задержек локомотивов на смотровой канаве по батареям ни разу не было.

Не знаю, то ли в смысле сохранения все той же штирлицевой осторожности, то ли по другой причине, только Восковая не нашла никакой благодарности в адрес своего шефа. Я понимал: наверно, спокойно сделать реверанс Людмила не могла, боясь выдать меня и себя, а упущенное Восковая наверняка собиралась наверстать у Бабы-Яги, избушку которой мы не посещали так долго.

Вечеринка, как считала смена, удалась на славу; все расходились довольные и просто одухотворенные. Договориться с Людмилой о встрече не удалось: Наталья не отходила от подруги ни на шаг. Идти же напролом Восковая запрещала — чем меньше риска, тем долыне

наша связь и любовь и тем милее для нас чертова Баба-Яга с ее избушкой, ступой и метлой, которая так долго никуда не летала, не мела полы, двор, темные сени, а значит, не отработывала своего назначения.

За Людомино отсутствие я ни разу не навесил Ягу. В последнее же посещение избушки мы сделали в ней генеральную уборку с привлечением бабкиной ступы и той же метлы. Хотя время было позднее, бабкина хата преобразилась, посветлела, вынудив старую разориться на чай с рафинадом, к чему мы даже не прикоснулись. Бабка не обиделась, но сказала: шоколадок у нее нет, на пенсию не слишком разогнишься. Я поблагодарил старую за свежую заварку, она нас — за ударную работу. Прошло после того дней сорок, что налагало на меня обязанность навесить ведьму непременно.

Глава 12 Трагедия

После первой зимней сессии в феврале уже нового юбилейного года, когда девчонки окончательно перешли на второй курс, Наталья вернулась из Приишимска одна, чем несказанно удивила всю смену. Будь то на втором или другом году обучения, можно бы понять сдает "хвосты", а тут... Наталья никому ничего не разъясняла, сославшись лишь на какие-то жизненные передраги своей подруги. Мне она сказала:

— Все, Афанасьич, Людмила в депо больше не вернется — она вышла замуж. Парень хороший, молодой, красивый, машинист. Он положил на нее глаз еще при поступлении, теперь же у них все сладилось, и он увез ее к себе домой.

— А как же расчет, трудовая книжка?

— Заберет позже, ничего страшного. Да и Олег сказал: "Плюнь на свой стаж, у тебя жизнь только начинается! Будем все лепить с нуля, а трудовая — дело наживное".

— И откуда он?

— Откуда-то из холодных краев.

— Разве она домой не приедет — за вещичками там, с паспортного сняться?

—Наверно, приедет, но попозже. Скорее всего, с мужем, чтобы матери показаться да оформить какие нужно бумаги.

—Мне никакого письма, записки?

—Если бы передала, давно бы вам вручила.

— А на словах?

— Абсолютно ничего. Она так закрутилась с Олегом, у них такая любовь разгорелась, что весь курс встал на их сторону. В общаге сделали небольшую пирушку; присутствовали его друзья, со стороны Людмилы — только я одна.

—И как?

— Уехали, дома у него распишутся. Говорят, хорошая семья, богатая, "Волгу" с оленем имеют.

— А лет ему сколько?

—Где-то двадцать пять или двадцать семь...

Да, жизнь сыграла со мною злую шутку. Вынести такое предательство мог не иначе как только человек с холодной головой и сильной волей. Таковыми качествами я вряд ли обладал — ну, может, только в последнее время появилась к себе какая-то требовательность.

Восковая, в отличие от меня, как-то умела планировать свою жизнь, в чем я по-хорошему завидовал ей. Она не отказывала своим желаниям, не советовалась с сердцем, жила больше умом, какой редко подводил ее. Обладать таким даром в девятнадцать могла только сильная натура, которой Людмила, скорее всего, и являлась. Может, нечто особенное хранилось в ней подспудно, а я, при всех своих знаниях логики и психологии, не понял этого? Чем руководствовалась эта девушка, сама назначившая мне невероятную, ошеломляющую, зажигательную для меня, но первую и таинственную для нее встречу? Если и была в том какая-то цель, о средствах для ее достижения в свои девятнадцать Восковая не могла не знать, вынудив меня приписать ее поступку особую меркантильность и расписаться в своем бессилии понять эту девицу и женскую душу вообще.

Последние встречи, редкие, ворованные и столь трепетные, только выполняли ее желания. От меня она добилась одного: на ее удочку я попался крепко, плывя теперь за нею терпеливо и неоглядно. Планы нашего бегства из Орлиной она знала, где-то отвергала, но общая тенденция ее устраивала. Сейчас, с уездом Алеко, вариант требовал единственного шага — заявления на стол, что я так решительно собирался сделать сразу же после Людмилиной сессии.

После памятной пирушки в честь наших новоявленных студенток, с незабываемыми цветами, поздравлениями и благодарностями, мы не

раз осчастливливали избушку, где наши встречи окончательно убеждали меня в том, промедление с углеградской квартирой нарушит все мои планы, потому действовать надо решительно. Людмила дала согласие, но только после сдачи очень важных первых экзаменов, когда они с Натальей по-настоящему закрепятся в вузе, станут истинными студентками. Я убеждал ее в том, что Углеград — вариант во многом безболезненный для нас: я рассчитываюсь, получаю квартиру, следом рассчитывается она, после чего я встречаю ее как новую хозяйку. В дальнейшем с Морозовой развожусь по почте, согласие она даст беспрекословно — сама не раз на то намекала. В моем разводном заявлении профигурирует только один мотив — нежелание супруги покинуть отчий дом, Орлиную, тогда как перед мужем открываются перспективы профессионального роста.

"О квартире, какую берег Алеко, — говорил я Людмиле, — Морозова хорошо осведомлена, но радостей не высказывает и даже самолично предлагает мне в "компаньоны" любую из своих молодых кадров". Людмила знала "арсенал" Морозовой: народ там действительно боевой, какой отбить мужа даже у своей начальницы не посчитает зазорным. "Чтобы не случилось каких-то эксцессов, — говорил я, — лучше мы вдвоем начнем нашу жизнь, делая ее, как в наших мечтах". Восковая дала добро, заставив меня жить надеждой на благополучный исход ее первой сессии.

В словах Натальи о сокурснике Олеге, который еще раньше положил глаз на Людмилу, я не нашел ничего сверхъестественного. Воздыхания эти Людмила могла просто не замечать, а коль заметила, дав повод, то имела полное право — незамужним такое не возбраняется. Что случилось теперь, какой пожар в их сердцах зажгла эта злополучная сессия? У меня не укладывалось в голове. Главное, столь скоропалительно все произошло и столь серьезно! Почему я оказался на втором плане, когда ее первая любовь была отдана мне, первому и единственному? Где же логика? Или она в тайниках женской души?

Я терзал себя, теряясь в догадках, искал аналоги моему случаю, но ничего подобного не припоминалось. Почему-то пришел на ум забытый и вроде даже непопулярный для меня Тютчев:

*"О, Господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей!
Ты взял ее, но муку воспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней..."*

Почему-то хотелось бежать к Алеко, открыть ему свою душу, рассказать, как все происходило, нарисовать без художественных мазков подлинный пожар моей души, вызванный этой любовью, и ее теперешний финал. Может, он нечто посоветует, да и сам поостережется на первых порах? Тоже ведь с ребенком, по сути, дело имеет... Хотя, по логике, нельзя всех под одну мерку: жизнь знает немало неравных браков, многие из них до могилы крепки. Конечно, где-то и свои отличия бывают, на то она и жизнь, только у меня была уже целая трагедия. Я злился: могла бы написать, просто излить душу, попросить прощения или просто сказать — сердцу, мол, не прикажешь, подчинилась его зову!

"Наша встреча, товарищ мастер, не была ошибкой. Это была любовь — искренняя, чистая, самоотверженная, неповторимая. Жизнь не посмотрела на разницу в годах, она свела нас, и мы были счастливы. Но — судьба, шеф! Нет, от судьбы никуда не уйти, особенно когда ищешь счастье. У тебя хорошая семья, сын, у меня — молодость и любовь. Пусть вторая, она не должна обмануть. Самой бы мне, Володя, не обмануться, но я искренне полюбила и, как в первый раз, без оглядки бросаюсь, может, в трясину, а может, действительно в райское счастье".

Господи, да скажи мне Восковая такое, я не переживал бы так сейчас по поводу ее предательства! Теперь же я не находил себе места. Сдавливая виски, видел перед собой только ее — красивую, нежную, любящую, загадочную и коварную...

Нет, не знал я все-таки жизни. Девчонка, ребенок — и так ввести в транс сорокалетнего мужлана! Непонятно, чем я руководствовался, о чем думал, когда Восковая так авантюрно, бездумно, вовсе безбоязненно предложила мне всю себя? Ведь видел, что явно веяло чем-то школярским, потому следовало просто-напросто отвергнуть ее, без стыдливости указать на дверь. Ничего сверхъестественного бы не произошло, все бы забылось, а жизнь моя не потеряла бы свою размеренность.

От Наташи не укрылось мое состояние:

— Вижу, Афанасьич, на вас лица нет, а в глазах ваших не ненависть — пропасть. Я все знаю. Наверно, это судьба, и когда-нибудь вы даже отблагодарите ее за такой исход.

— Она обо всем рассказала?

— Абсолютно.

— Как же она могла? Мы не менее как полгода скрывали это от всего белого света!

— И я не знала, но в последний момент она обо всем поведала.

— Ради чего? Ведь говорила, клялась, уверяла до могилы беречь нашу тайну. Как можно вам верить?

— Не знаю. Вы так классно все завуалировали, так тщательно продумали, прикрыв все подступы к вашим отношениям... По вашим глазам, действиям на людях ничего предосудительного о вас не скажешь. Не догадывалась и я о каком-то романе между вами, хотя являюсь ее лучшей подругой.

— Ты ее осуждаешь?

— С чего вы взяли?

— Но ведь ей-то жизнь начинать...

— И начнет, какие проблемы? Не живите, товарищ мастер, бабкиными предрассудками!

— Но написать, объясниться она могла? Не оправдываться, а просто сказать: любовь — молодым, наша же не выдержала испытаний, и лучше покончить сразу, чем страдать, кроме нас, двоих еще и твоей семье... Могла она это сделать? Вы, молодые, так непредсказуемы, так загадочны, а я, бывалый, прожженный, повидавший немало на своем веку, не сумел разобраться в ее чувствах, не отличил любовь от увлечения школьницы. Ладно, ей простительно, но я-то, Хоттаб долбаный, куда смотрел? Ей жизнь исковеркал, себе душу травмировал, с жизнью своей толком не разобрался!

— Не казните себя, Афанасьич. Вот увидите, пройдет какое-то время, и все встанет на свои места. Людмила определится, вы свою жизнь стабилизируете, получит каждый по известному: Богу — богово, кесарю — кесарево. А мне еще спасибо скажете за мое сострадание и старание вас успокоить, поверить в себя. Мы, женщины, как будущие матери, даже в нашем, как вы любите говорить, школьном возрасте умеем делать это получше мужчин. В целом же Людмила переступила лишь через нравственность, нашла в себе силы побороть себя, перешагнуть через свою первую любовь. Хорошо, что это случилось теперь, а коль далеко зашло бы, то вы оставили бы семью, убежали из Орлиной, поселились в Углеграде... и вот она, пришла к ней новая любовь. Людмиле чего терять? Вам же, безусловно, есть чего. Вы это без меня понимаете, Афанасьич. Только сосредоточьтесь, проанализируйте все ситуации, в итоге же поймете: потеря Людмилы, может, не такая уж и боляная потеря?

— Наташа, друг мой, у тебя такая академическая рассудительность о человеческих отношениях, будто ты нечто подобное испытала сама!

Ты ведь тоже ребенок, а анализируешь ситуации, как бывалый психолог. Все женщины такие талантливые или только вундеркинды вроде тебя?

— Не столько талантливые, сколько жизнью наученные...

— Господи, Наташа, чему может научить жизнь в девятнадцать лет? Для вас, вчерашних школярок, все видится в розовом цвете, для вас действительно жизнь хороша и жить хорошо. Вы можете с ходу влюбиться, с ходу же разлюбить, сломя голову броситься в болото или в пекло, не думая о последствиях, какие могут засосать, спутав по рукам и ногам, лишит дыхания и просто спалить. Восковая разве не знала этого? Я уже не говорю о какой-то добродетели у нее...

— Скорее, не знала, а больные — не придавала значения. Думать рационально молодым как-то не пристало. Она пришла к вам по зову сердца, по требованию души — в нашем возрасте такое не редкость. Я бы ее не осуждала: у молодых страсть и чувственность необъяснимы.

— Пришла по зову... А чего же она не пошла по тому же зову за мной, когда мы уже договорились о моем бегстве окончательно? Ведь оставалась самая малость: вы приезжаете, я заявление начальнику на стол, и до свидания. Шурик снова звонил: квартира ждет слесаря высокого разряда, специалиста, может не дожидаться — отдадут первому же подвернувшемуся железнодорожнику...

Неудобно мне перед тобой, Наташа, но все же и я хочу как-то оправдаться. Я — обычный мужик с мужицкими же страстями, какие, наверно, по слабости своей натуры не сумел обуздать с Восковой. А надо бы: она не потеряла бы то, что потеряла, а я приобрел бы еще чуточку уважения к самому себе, да твое тоже. Ты-то теперь все знаешь, и, конечно, этого уважения ко мне у тебя нет. Вернись то мгновение сейчас, конечно, я сумел бы обуздать свою жеребьячую похоть. Как ты считаешь, Наташа, достоин я твоего уважения? Уважение смены, я вижу, есть, потому как я такой же слесарь. О наших связях с Людмилой они не знают, иначе они также осудили бы меня.

— Ну, Афанасьич, не знаю, как смена, а я ничего предосудительного з ваших связях с Людмилой не нахожу. Сами посудите, можно ли осудить человека, если он полюбил? Пусть разница в годах у них почти вдвое, но сердцу разве прикажешь, кого любить? Вы же в какой-то мере инженер человеческих душ и понимаете, наверно, что за штука наше сердце. Насчет того, могла бы я поставить себя на место Людмилы... А почему бы и нет? Или я непривлекательна, не хороша

собой или хуже других? Я также могу внезапно влюбиться, а по нраву, уже люблю. Честно, просто трепещу, видя его вблизи или издали!

— Поздравляю, друг мой, и очень рад за тебя. Любовь ведь делает человека красивее, добрее, шире душой. Вообще, любовь на свете творит чудеса, потому с нею надо дружить, а если нет ее, то родить душой, сердцем, своим существом. Твои же сомнения насчет твоей привлекательности напрасны. Как мужчина, не как мастер, прямо скажу: ты красива, очаровательна, чиста, как роза, всегда желанна, и иросто грешно — нет, даже оскорбительно — не обратить на тебя внимания, большие того — не влюбиться.

— Щедрь ваши слова, Афанасьич, и приятны. Ну, а сам товарищ мастер мог бы полюбить самую лучшую, самую близкую подругу своей прежней пассии?

— Наташа, у меня семья, сын почти тебе ровня, да и обжегся я так, что испытывать судьбу больше не стану. Ты же в курсе, чем закончился наш роман с Восковой, а на другой меня просто не хватит.

— Вы не хотите вновь любить и вновь гореть?

— Кто ж от такого счастья откажется! Только Людмила забрала у меня много огня.

— А огонь, Афанасьич, горит тем жарче, чем свежее поленца! Вы меня понимаете?

— Я только одно понимаю, друг мой, что вы, красавицы юные, начитались всякой всячины да телеков насмотрелись, многое примеряете на себя, обжигаетесь, потом с жизнью не ладите, проклинаете ее и свою судьбу заодно.

— Старо, Афанасьич! Это в романах больные каются, не ладят с жизнью, жалуются на судьбу, обвиняют всех и вся в своей жизненной невезучести.

— Но роман, Наташа, это же и есть жизнь...

— Не скажите, Афанасьич. Настоящую жизнь не каждому роману удастся подглядеть, вам это должно быть больнее других известно.

— Ты умница, Наташа. Наверно, много читаешь, немало знаешь в жизни, давая повод считать, что и мечты возвышенные, что я просто приветствую.

— Я могу скрасить ваше одиночество, даже поубавить боль, нанесенную вам Людмилой. Избушка Яги повернута к нам передом, к Орлиной задом. Только ваше слово — и мы сегодня же навестим ее также инкогнито, романтично и, наверно, даже более сладостно!

— Так она и про Ягу тебе рассказала?

— За язык я ее не тянула — все как было, и со всеми подробностями.

— Ох, женщины, как же вы бываете коварны!.. К Яге, говоришь? Тебе-то это зачем, Наташа? Простительно Восковой — у нее сумасбродства на троих хватало, но ты ведь не такая, ты свою жизнь только начинаешь. Насчет же сердца своего, Наташа, не обманись, слишком оно еще молодое, доверчивое, неопытное, влюбчивое. Если оно меня полюбило, Наташа, то ведь не по адресу твой выбор, девочка!

— Моему сердцу виднее, товарищ мастер. Так получилось, что мы обе полюбили вас, теперь Людмила сошла с дистанции, а я ради своей любви готова пожертвовать даже самым дорогим.

— Наташа, найдите же вы себе ровню! У меня, ты знаешь, семья, и я вряд ли смогу ответить тебе любовью, какой ты достойна — большой, преданной, чистой, безумной.

— Нет, сможете, Людмила и об этом говорила. Не упорствуйте, иначе я могу передумать, и судьба вряд ли когда-то еще подарит вам такое счастье. С Людмилой вы горели, сгореть с вами хочу и я — без всяких условий, кроме вашей проверенной секретности.

— Ио, Наташа, если все это серьезно, не розыгрыш какой-то, как ты можешь жертвовать собой с такой легкостью?

— Как все, товарищ мастер. Нечто подобное вы и Людмиле говорили, но она своего добилась, выдержала все испытания, жива, не жалуется на судьбу. Она вас ни в чем не обвиняет, у нее самые теплые чувства к вам, только ради любви она пошла на такое. Зачем глушить в себе первые чувства и страсть, это же сердцу больно!

— Но ради нее и я готов был на все: квартира в Углеграде ждет, заявление на расчет, и начинай жизнь по-новому. Ведь все было обговорено, Людмила дала согласие, я ждал лишь ее возвращения с сессии. И дождался... Теперь надо звонить Дундичу, чтобы квартиру отдавали. Морозова наотрез отказалась, Восковая меня бросила. Но ты согласилась бы, Наташа? Раз ты рискуешь на Ягу, значит, и впрямь влюблена, другого мнения просто быть не может. Квартира — это начало всех начал, а дальше жизнь покажет. Немудрено, что ты следуешь за Восковой: в ваши годы влюбляться да влюбляться, оставишь старика, но у тебя уже будет шанс начинать жизнь не на пустом месте.

— Я вам говорила, шеф, что женатики не для меня, пусть хоть горы золотые сулят. Влюбленность еще не есть любовь, правильно вы заметили, потому ехать с вами я не соглашусь.

— А к Яге?

— Баба-Яга — счастливый миг, Афанасьич, лишаться которого грех.

— Такой миг растянулся с Восковой на полгода...

— Вариант вполне возможен и с нами.

— Но я полюбил ее, и в том моя трагедия. Не хочешь же ты эту трагедию усугубить? Я не бабник, не потаскун какой-нибудь, а вот перед Восковой сломался. Думал, раз девчонка увлекает, то встреча-другая не свяжет нас. Что же на деле получилось, ты знаешь... Потому, Наташа, испытывать судьбу я больше не намерен и встречи с тобой теперь боюсь даже больше, нежели с Людмилой. Если бы вы хоть раз с кем-то обожглись — куда ни шло, а так, сознательно угробить ребенка, надо фашистом быть!

— Не обделяйте себя таким счастьем, товарищ мастер. Я ведь иду на это без боязни, без осуждения себя, вас, без оглядки на будущее. Моя молодость требует этого, вы же не можете ей отказать?

— Наташа, не делай из меня эсэсовца. Когда-нибудь ты будешь благодарить меня и судьбу за мое благородство, не позволившее погубить тебя, твое целомудрие. Наташа, ты и впрямь ребенок, немногим старше моего Валерки. Твоему отцу всего-то сорок, а мать так и вовсе моя ровесница. Разве могу я, грамотный бугай, растоптать такую свежесть, живую розу?

— Спасибо, товарищ мастер, за красивые комплименты. Вы неправимы, снова за свое... Я же не дура и вовсе не дитя малое, свой авантюрный план затеваю ведь совершенно осознанно!

— Но я одного ребенка уже угробил, душа как-то ожесточилась. Я по-человечески не разговариваю с Морозовой, просто отдален от нее. Она все это относит на счет ее нежелания оставить Орлиную, другой причины не видит, но все равно меж нами холод — живем чужаками, хотя и в одной квартире. Людмила разрешила бы все проблемы, но вот оставила меня на перепутье...

— С Восковой все покончено. Теперь судьба дарит вам новый подарок, но вы им пренебрегаете. Гнушаетесь розой, цветком, как вы говорите, живым человеком пренебрегаете, потому как она не являет собой идеала Восковой, не так красива, не так стройна и гибка, не так очаровательна и привлекательна? Он прекебрегает новой Василисой, не желает вкусить запах свежей розы, давая понять, что никакая красота не способна уже ни очаровать, ни встретенуть, ни воспламенить. Он согласен — да, она красивый, нежный

цветок, свежий и дурманящий, но сорвать его не хочет, брезгует, ибо цветок этот не его вкуса, сродни бурьяну или какой-то уродине. Это до глубины души оскорбляет девушку!

— Наташа! Я сдерживаю себя только ради твоего блага, ради твоего будущего. Господи, да завлеку ты другого, ровню себе! Ты ведь можешь, и у тебя есть чем... Пусть первым будет твой ровесник, о ком можно вспоминать без брезгливости и стыда.

— Свой выбор я уже сделала, товарищ мастер. А встречу назначайте сами. Можно прямо сейчас, только сдадим смену: давайте действовать по горячим следам, иначе над вами возьмут верх предрассудки, жалость, человечность, совесть, прочие коммунистические принципы с их благостью и благодетельностью.

— Людмила нанесла удар мне прямо в сердце. А ты, друг мой?

— Я согрею вашу душу, вы не будете так одиноки.

— Но на такое, Наташа, идут только из-за горячей, истинно солнечной любви, по велению сердца, с особой женской самоотверженностью...

— Пусть будет так, однако есть один мотив — я по правде люблю вас. Да, я потихоньку любила, кокетничала, осторожничала, скрывала. Людмила оказалась более резвой, что для девушки совсем нелишне, к тому же, ей удалось покорить вас, заодно же сломать.

— Так вы одновременно влюбились, и каждая тихо млела, томилась, вздыхала, не делясь друг с другом?

— Господи, Афанасьич, это же наваждение, и каждая девушке томится по-своему! Зачем каждому открывать свою душу? Жизнь, наверно, не зря учит: не скажи подруге, а скажи подушке.

— Но вы же знали, миленькие, что я женат, немолод, не ровня вам?

— Знали, но вы оказались стройным, симпатичным, высоким, спортивным и очень приятным молодым мастером, не как в других сменах. Вот тогда мы и решили с Людмилой понравиться всей смене. Но не смену мы завлекли, а в вас втюрились! После школы, семнадцатилетние, ветер-дым в голове, никто нас не интересовал — ни мужчины, ни работа. А когда помыкались по институтам-техникумам очно, да всюду недобор балла у нас с Людмилой, решили: на "заочку" проще. Только сюда рабочий стаж нужен аж целых два года, вот мы и подались в депо, мыкались то обтирщиками, то в стройцехе, пока нас не отправили к вам аккумуляторщицами.

— Но, Наташа, влюбиться в старика — это обман самих себя. Не

понимаю, как мог именно я вписаться в орбиту ваших богов? То ли вы совсем не требовательны, не знаете себе настоящую цену, то ли просто молодость одурманивает вас, но решиться сознательно на такое... Жизнь, Наташа, редко прощает подобное. Потому я просто в растерянности от твоего безумного предложения, хотя, чего греха таить, надо быть не иначе как холодным бездушным камнем, чтобы отказать от такой королевы, как ты. Ваша любовь с Восковой нетипична, потому что вы с нею просто дети, и поступки ваши нетипичные, шальные, необъяснимые. За содеянное взрослые дети просто отшлепают, чего нельзя сделать теперь с Восковой... Да, горько сознавать, что жизнь после случившегося может крепко и крепко бить ее. Конечно, какой муж попадется, а то ведь, случается, всю жизнь укоряет, придирается, пилит, нудит, мучает, просто издевается. О таких семьях и в нашей боевой-кипучей, в небеса летучей тоже немало известно.

— Ну, товарищ мастер, вы такой монолог закатили насчет добродетели и девичьей чести, что у самого решительного и влюбленного человека отпадет желание любить! Мало ли в Орлиной семье, где девчонки как зеницу ока берегли себя для будущих мужей, вышли замуж, а мужья пьют, бьют, мучают, издеваются? Нужна им честь и добродетель их жен? Разве в наше цивилизованное время это самое важное? Главное — любовь, и чтобы человек умный был. Умный человек никогда на это не обратит внимание. По-моему, живете вы в каком-то еще петровском времени.

— С такой убийственной логикой нельзя не согласиться. Но, Наташа, пожалей себя! Ты необыкновенная, красивая, очаровательная. Поедешь на следующую сессию и также встретишь своего Олега...

— Не знаю, товарищ мастер, вы меня бережете или себя? Коль меня, то не надо. Мы с вами так откровенно говорим об интимном, что я на вашем месте давно ухватила бы вашу чертову аккумуляторщицу и утащила бы к Бабе-Яге. Как можно столько времени уговаривать вас на такое неповторимое счастье? Ей-богу, товарищ мастер, рассказать — не поверят, написать — опровергнут. Да, наверно, во всей мировой литературе вы не встретите случая, чтобы девушка уговаривала взять ее, чистую, непорочную, нежную, без всяких условий. Правда, нечто подобное встречалось у Пашки Корчагина: он тоже отказывался и отказался, оставив свежую розу на поругание белякам... И вы хотите этого? Скажите, какой у меня изъян, чем я вам не подхожу, чем я хуже Восковой, наконец?

— Наташа, ты меня очаровала, околдовала. Пусть я буду фашистом, но после смены разными путями идем к Яге! Может, жизнь потом покарает меня за это, но, видит Бог, я сопротивлялся, упорно отказывался, но ты сумела обуздать меня. Остается только все скрыть от всех.

— От Морозовой в первую очередь?

— Еще бы! Иди работай, а то смена нехорошее заподозрит. Видишь, не надоедают, чувствуют, что какие-то секреты выуживаю у тебя насчет Восковой. А там, черт его знает, могут и другое подумать...

...Много ли для счастья надо?

— Сегодня вы целиком мой, и вся счастливая ночь — наша. Последствия — мои проблемы. Девятнадцать — это уже не ребенок. Не беспокойтесь, о содеянном я не заикнусь, не пожалею, никогда не укорю ни вас, ни себя и не потребую дорогой жертвы — развода с Морозовой, порыва с семьей, Валеркой, родными, какие вам, знаю, очень дороги. Будем жить, как прежде, а судьба сама определит нам каждому свою долю. Я люблю вас, товарищ мастер, мой Владимир Афанасьич! Но хотелось бы адекватной взаимности: легче ведь жить, когда знаешь, что тебя любят, помнят, думают о тебе, всегда желают единственного — большого человеческого счастья.

Ах, Наталья! Зачем все это ты так мудрено затеяла? И что мне делать теперь?

Вслух же я сказал:

— Ах, Наталья, дорогой мой ребенок! Что мы с тобой делаем? Посмотри правде в глаза, и проанализируем происшедшее с нами: что-то в том есть демоническое. Я же, варвар, отнял у тебя и убил, злодей эдакий, твое девичье величие и честь!

— Ах, шеф, вы отчего-то в мудреность ударились, когда дело и выеденного яйца не стоит! Какая-то смерть, гроб вам примерещились, тогда как жизнь хороша и жить хорошо... Неужто вам плохо со мною? Ей-богу, обижаете меня!

— А все дело в том, девочка, что я о будущем твоём думаю. Какое оно будет после нашего Ватерлоо? На мужике это мало отражается, а вот для девицы, вступающей в жизнь, сложности неизбежны, как мне кажется. Хотя нынче не век Ивана Грозного, но грозные Иваны по этой части не перевелись, и нет гарантии, что ты не нападешь на одного из них. А в целом, Наташа, у меня все же больше оптимизма сейчас, чем какой-то час назад, что и подтверждают налетевшие так некстати, но все же скрывающие нашу жизненную эврику мудрые слова:

*"Мне грустно, потому что я тебя люблю
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезам и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно, потому что весело тебе..."*

— О, это вы обо мне сочинили, шеф? Какая классика!

— Нет, Наташа, это о нас с тобой Лермонтов...

ЧАСТЬ III

Глава і Жить хочется

Три года после незабываемых любовных горений пролетели в душевных переживаниях, борьбе с собою. Вскорости после замужества приезжала Восковая с мужем, тем самым Олегом, оформляла какие-то документы, не преминула побывать и на ПТО в своей смене.

Людмила познакомила со своим благоверным всех нас, представив меня как ее шефа и наставника. Сказала несколько лестных слов в мой адрес, напомнив, как я сумел организовать работу смены за них с Натальей, не приглашая людей из депо.

Я же успокоил ее, сославшись на свою природную лень по организации чего-то нового. А новым и явилось бы обучение новичков аккумуляторному делу, проведение инструктажа по технике безопасности, и т.д. А так все обошлось без шума, гама и суеты. Ради приличия пригласил Людмилу с Олегом в комнатку мастеров, спросил, откуда он, оказалось — из Еремеевки. Ну, как же, хорошее, передовое депо, где я в свое время проходил производственную практику.

Вспомнили общих знакомых, поговорили о перспективах. Кстати, на их участке уже полным ходом идет электрификация, что взвалило на депо нелегкую проблему — переквалификацию. Тепловозы наверняка скоро начнут передавать в другие депо, как, скажем, Медногорск, Иикульск, Степногорск, где пока однопутки, коим, по-всему, еще долго суждено оставаться "деревянными" дорогами. Перекинулись несколькими словами о скоростях на их участке, просто обидных для локомотивщиков, когда рядом по обычной степной дороге поезд обгоняет задрипанный "ГАЗон" или коротышка "МАЗ".

Людмила с нескрываемым интересом слушала наши с Олегом рассуждения о делах деповчан, путейцев, всего министерства путей сообщения. Я не раз прямо смотрел ей в глаза в надежде найти там чувство раскаяния. Когда наши глаза встречались, в них я видел боль. В какое-то мгновение подумал: оставь нас сейчас одних, хватило бы у нее духу броситься ко мне и сказать только одно слово: прости? И сам себе отвечал: женщины непредсказуемы, а такие, как Людмила — вообще загадка.

Олег не был красавцем. В принципе, ничего особенного. Ниже меня, далеко не спортивная фигура, высокий лоб, что подчеркивало его лупоглазие, сплюснутый нос и явно большой разлет ушей. "Как у ишака бухарского", — отчего-то мелькнуло в голове. Однако одет был с иголочки, костюм недешевый, не иначе финский. "Еще бы — машинист, не чета нам, мастеришкам с куриной зарплатой", — крутилось в мозгу.

Провожая гостей, я крепко пожал Олегу руку, пожелал им с Людмилой счастья и благополучия. Олег вышел первым, а Людмила, прощаясь, задержала свою дрожащую горячую ладонь в моей и шепнула:

— Я люблю тебя, Володя, прости меня...

Ах, лучше бы она не говорила этих слов! У меня едва хватило сил не схватить ее на руки, как споткнувшееся дитя, прижать к груди и целовать неистово, жадно, сладостно пьянея, как при наших встречах у Бабы-Яги. Еще мне самому хотелось броситься к ее ногам просить про-

щения за все, что с нами случилось,— за ее коварную измену, за погубленную утлеградскую квартиру и за новую, какую-то неземную любовь к Наталье, крепнущую во мне с каждой нашей встречей все в той же избушке на курьих ножках.

Далыне гостей провожала Наталья. Глядя им вслед, я искренне позавидовал их молодости. Возвратившись в свою комнатку, невольно посмотрелся в осколочное зеркальце, вмонтированное кем-то в наш шкаф, где мы хранили для экстренных случаев рабочую, как говорил еще Павло, спецуру. Да, Морозов, мордуленция упитанная, свежая и очень даже ничего. Морщинки мелкие, сетчатые у глаз и ниже подбородка исчезли — действует регулярный массаж после бритья, а еще ежедневная зарядка, круглогодичное обливание холодной водой. Даже Морозова как-то заметила:

—Вы, замечаю, стали больше тратить времени на процедуры с лицом, зрю у вас дорогие кремы и импортные лосьоны. Это дань моде или желание кому-то понравиться и досадить мне?

—Разве в том есть какой-то криминал?

—Ничего плохого нет, но я вижу: вы оставляете меня на задворках, живете какой-то новой, обогащенной жизнью. Не вызвано ли это решением бросить меня и податься к Дундичу? Перемена места, новая работа, новые люди. И город! Конечно, в городе и выглядеть надо соответственно.

—Здоровым, красивым, опрятным разве только в городе принято быть? А провинции мила извечная инерция: работа — дом, дом — работа, отягощенный мясными блюдами стол с традиционным графинчиком?

— В здоровом теле, известно, здоровый дух. Но вы отчего-то избегаете семейного ложа, облюбовали не совсем комфортабельный диван Ильи Ильича, отдаетесь на нем мечтам да неге. Работа у вас уж точно не медом мазана, но мы с вами все-таки живые люди и далеко не Хоттабычи. Это месть за потерянную квартиру?

—Вот именно, такого счастья судьба нам больше никогда не подарит.

—И надолго подписан сей приговор?

—По всему, надолго, пока зарубцется душевная рана.

—Неужто она столь глубока? Ведь без проблем — рассчитался, и вперед!

—Без вас с Валеркой?

—Конечно, мы же этот вопрос с вами обговаривали обстоятельно, так что моя позиция вам хорошо известна.

— Да, позиция неизменна уже двадцать лет.

— Думаю, таковою она останется и впредь. Жизнь рассудит в старости.

— Это уже не то, упущенного не вернуть. Может оказаться, что жизнь потеряна, а судить станет просто некого.

—Предвидеть все невозможно, но не надо забывать: не место крадит человека. Мы не раз говорили с вами по сему поводу, но такого кричащего антагонизма между нами до сих пор не возникало. Мы общаемся, живем, зарплату приносим, но становимся все более чужими.

— Во всем этом не ищите виновного только во мне, на себя, друг мой, посмотрите, в себе многое проанализируйте. Моя приверженность дивану — мое личное дело, она сама по себе не пришла. Как далыне? Пожиением — увидим. Смешить людей не будем, партии с профкомом не обязательно знать, какой между нами жуткий север. Время все расставит по своим местам, а мы сами определим роль каждого в прошлом.

Последние три суматошных года сумели вместить в себя немало различных деповских перемен. Со второго курса Наталью, как будущего специалиста, перевели в бухгалтерию. Теперь избушка Яги явно сиротела, мои домогательства Наталья отвергала под всякими предложениями, что заставляло думать: моей новой любви приходит конец.

В чем причина столь короткого нашего счастья, я не знал, анализировать ситуацию у меня просто не хватало сил, однако наверняка на Наталью повлияло возвращение молодых ребят из армии. Посчитал, у нас было одиннадцать встреч. Что они мне дали? Безумную, непонятную и опасную для моего возраста любовь, о какой Лермонтов в свое ирремя сказал: "Сердце любит и страдает, почти стыдись своей любви". Своей любви я, действительно, стыдился, найти же выход из моего положения, не знал как. На ум не шли никакие строки, ничего не писалось. Сердце-то у меня не пело как прежде.

Ягу мы не посещали долго, и я не знал, жива ли старая или бог пригласил ее к себе. Любопытствуя, нанес личный визит в избушку. Яга, по сути, неплохо смотрелась, хорошо передвигалась, как мне показалось, даже посвежела, поубавив в себе злого духа. Мы попили чаю, я дал ей какие-то дсныги, и старая проводила меня аж за свой романтический порог, какой пога человека переступала разве только в экстремальных случаях. Наша и с келья выглядела крайне уныло, отчего мне стало жаль себя.

В ноябрьские юбилейные дни 77-го Наталья сама позвонила и на-

значила свидание у Яги. Я в каком-то трепете отмечал про себя: армейский контингент Наталью не устраивал, она даже избегала молодежных тусовок. Так в чем же дело? Может, боязнь поймать "рыбку"?

— Так должно случиться, шеф, — шептала Наталья, обжигая меня горячими поцелуями. — Мне уже двадцать один, вам — тридцать восемь. Десять месяцев любви и одиннадцать дней счастья, подаренные нам судьбой. Может ли это счастье продолжаться бесконечно? В нашем случае, конечно, нет. У нас с вами все же эфемерная любовь, потому у нее и столь высокая цена.

— Стандарт, Наташа, тебе известен: рассчитываюсь, уезжаю на РГТО, работаю, нанимаю квартиру, потому как прежняя на Юго-Востоке уже крикнула, потом рассчитываешься ты, приезжаешь, и мы живем новой жизнью. Через какое-то время развожусь с женой по почте, на месте регистрируемся, и ты — Морозова вторая. Вариант?

— Вполне реальный, к тому же, крайне заманчивый. Но, дорогой товарищ мастер, я не хочу делать несчастными Морозову первую и вашего сына. Через каких-то два с небольшим вам исполнится сорок, Валерке — в армию, мне — двадцать три, время, когда женщине думать о себе Бог велел. О случившемся с нами жалеть или осуждать друг друга — Боже упаси, я инициатор всего, я этого хотела, потому в ответе за все только сама. Чтоб нам с вами не сгорать и не таять, а больше — не засветиться с Ягой, встречи, товарищ мастер, прекращаем, и пусть жизнь каждого из нас ведет по своей дорожке. Думаю, это трезвое решение, какое принимать надо незамедлительно и без комментариев.

— Наташа, у меня на это просто не хватит сил. Мы, старики, неотвратимо влюбчивы, а это ведет к тому, что потеря любимого человека делает нас крайне ранимыми и неуправляемыми в своих действиях. Я не смогу жить без твоего голоса, а потому стану названивать в твою бухгалтерию или прямо тебе домой, и какую бы осторожность я ни проявлял, влюбленного выдаст даже голос. Второе: я потерял к жене душевный интерес. По сути, мы только живем в одной квартире, питаемся, общаемся на глазах у Валерки и родни, все остальное же порознь — чувства, постель, желания. Если ты не хочешь осчастливить меня Угледрадом, обрекая прозябать в Орлиной, давай не терять нашу Ягу с кельей, где судьба столько сводила нас. Насчет же эфемерной любви: я так не считаю, Наташа... Давай оставим Ягу — на всякий случай! Я буду к ней навещаться, подерживать в идеале нашу келью. Согласия на встречи в будущем можешь не давать, но я буду ждать.

— Ну что ж, пусть Яга с избушкой живут, может, я когда-нибудь

парушу обет. А потом, кто знает, у вас могут появиться новые Людмилы-Натали — в отместку за все утраченное. В вашем случае уж точно о добродетели не думают.

— Обижаешь, друг мой! Я полюбил тебя, Нцташа, чего в моем возрасте надо опасаться. Душой чувствую: теряю контроль над своей работой, своими действиями и поступками, над самим собой. Мне плохо без тебя, дорогой мой ребенок. Когда такое со старым человеком, он искренен и во многом неуправляем.

— Ну, до старости вам, Афанасьич, как до коммунизма. Не могу вас с кем-то сравнить, не знаю, как любят молодые, но в вас сила истинно иадишаховская, оставайтесь таким же молодым, сильным, любящим и иежным на долгие годы. А от меня жизнь требует повзрослеть. Я учусь, работаю, окончу свой наробраз, а там должно прийти и ко мне иастоящее женское счастье, не ворованное. На благосклонность Морозовой я не надеюсь.

Это, как я понимал, была наша последняя встреча. Горячие, пьянящие ласки Натальи походили больше на прощальные...

Ни следующий год, ни наступивший 1979-ый изменений в отношениях с Натальей не принесли. Наталья, судя по всему, руководствовалась какими-то своими соображениями, я же просто устал от нестабильности моего положения в семье, от безумной холодности с Морозовой, постоянной боязни разоблачения бабкиной избушки и моих лмурных связей. Чем это могло грозить — страшно подумать: потеря семьи, ненависть Валерки, конфликты с партией и коллективом депо, унижение, стыд, потеря уважения людей. Главное, я не мог допустить грязи на этих чистых, дорогих мне женщинах — Морозовой и Наталье.

После последней нашей встречи с Натальей прошло двадцать два месяца. Порой я звонил ей, она же отвечала коротко: "Мы же договорились!" Однако эти месяцы позитивно меняли наши отношения с Морозовой.

В наступившем 1979-ом Морозова с родней развернула кипучую деятельность по моему предстоящему сорокалетию. Моя холодность к ней не охладила ее инициативы по встрече моего юбилея, хотя я и убеждал, что сорок — не полвека илц шестьдесят, когда человек уходит на заслуженный отдых и негласно ставит на своей жизни точку.

Доводы мои, однако, не убеждали Морозову, она по-прежнему оставалась неугомонной и деятельной, что не могло не согреть мое очерствевшее сердце. С каждым днем Морозова становилась мне все бли-

же, отчего я однажды в какой-то злобе пнул ложе Ильи Ильича с надеждой болыне никогда к нему не возвращаться.

Морозова с сестрами в подготовке моего праздника сделала немало. И когда меня попросили в юбилейном застолье сказать тост, я чисто-сердечно признался:

— Вся эта затея — чисто Морозовой, за что я ей искренне благодарен. Как она справилась со всем — у вас на виду. Я же, честно, не ожидал такого царского достархана. Предлагаю свой тост за здоровье Морозовой и тех, кто отчаянно помогал ей в сороковых хлопотах.

Бесценным подарком для меня явился звонок телефона, стоявшего в спальне. Я поднял трубку — звонила междугородняя.

— Поздравляю тебя, Володя, желаю здоровья, любви и счастья!

— Спасибо, Люда, откуда ты знаешь про мой день ангела?

— Обижаете, мы же отмечали в смене, аж дважды.

— Спасибо... Как Еремеевка, семья, учеба?

— У меня полторагодовалый Володька бегаёт, лопочет, неумный.

— Папа доволен?

— Души не чаёт. Как ваша половина, сын?

— Спасибо, Людмила, все живы-здоровы. А Володька твой как-то по-чапаевски, геройски появился, не заставил себя ждать, поженились — и подарочек.

— Природа, Афанасьич, свое берет. Я рада своему первенцу.

— Ну, счастья тебе, Люда, привет мужу и всех тебе благ...

Через некоторое время позвонила и Наталья, также желала счастья и многие лета. Я намекнул: не подарит ли она по такому случаю встречу у Бабы-Яги? Наталья смеялась в трубку: "Нельзя приносить счастье многим, сил и жизни не хватит — все-таки сорок. Потому не будем злоупотреблять, а поблагодарим судьбу за ее проделки".

— Слышал, Наташа, у тебя хорошая партия намечается? Парень после армии, помощник машиниста, самостоятельный, из хорошей железнодорожной семьи.

— После защиты все решится — меныне года осталось. 1980-ый должен стать для меня дважды памятным.

— Ну, дай Бог... В обоих случаях желаю тебе, друг мой, исполнения твоих задумок!

Так начался для меня мой сороковой год. Неожиданностью стала телеграмма от Павла, поздравлявшего и с другим юбилеем — двадцатилетием моего пребывания в Орлиной. Отъезд Дундича Павло приветствовал, меня же называл неисправимым стойком, достойным па-

м нтника при жизни. Прислал поздравительную открытку и Алеко, так-жс напомнив об Орлиных двадцати годах, желал рождения моихмему-лров, о чем мы в свое время говорили.

Но первой с 20-летним орлиным юбилеем поздравила меня все же Морозова. Я благодарил ее за память, Лена несколько обиделась: могла ли оі іа забыть 1959-ый, какой познакомил нас, влюбил и свел наши дороги? І ервый итог нашего совместного пути — наш Валерка. Я шутя намекнул: "Итоги могли быгть и посолиднее". Лена покраснела, на полном серьезе зачистив: "Как работаем — такие и результаты". Посмеялись, погрустили. На деле же мы оба знали причины совсем не героических тех самых итогов.

Да, молодость, молодость... Если бы предвидели, какой горький урок преподнесет нам желание какое-то время пожить для себя! Упущенного теперь не вернуть, жизнь оставила одно — осуждать себя и заиидовать чужому счастью, какое приносили орлинцам дети.

Глава 2

Жизнь, будь добра

В 1979-ом в Орлиную внезапно нагрянули "адские" строители, по-истине взбудоражившие местного обывателя. Железнодорожники быстро усекли: прибыло несколько строительно-монтажных поездов для производства электрификации тысячекилометрового участка железнодорожного пути "Углеград — Юг". Несколько поездов из гсплушек обосновались в Орлиной, несколько покатили на другие станции.

Орлинцы отнеслись настороженно к гостям, способным смести магазинные полки подчистую. Ажиотаж вокруг новых нахлебников бередил души. Пошли слухи, что ветераны войны и труда Орлиной затевают поход в районный комитет партии по вопросу снабжения поселка иродуктами всех видов в связи с таким неожиданным и значительным пайловом стороннего народонаселения.

Прошла не одна неделя, а в магазинах и общепитовских точках перебоев с продуктами не происходило, по поводу чего кто-то откровенно высказался: у страха, и впрямь, глаза велики. Оптимисты же без обиняков замечали: МПС свое дело знает, вклю-

чая систему снабжения, электрификация Орлиной для него семечки.

Все два года орлинцы радовались темпам электрификации их станции. Локомотивщики же сообщали о еще более высоких темпах этой работы на перегоне, где опоры будущей контактной сети вырастали буквально на глазах. Следом за путейцами шли по пятам монтажники: навешивали троллей да изоляторы, устанавливали трансформаторы и прочую электроаппаратуру.

В середине 80-го Наталья защитилась, с чем ее я и поздравил. Она жаловалась: диплом выжал ее, высушил, даже отнял полжизни. Но все же это победа. Людмиле же упущенное придется наверстывать. Могла бы с ребенком повременить. Теперь вот догоняй да майся. Может, ее Володька придаст ей новые силы? За ребенком есть кому присмотреть, потому ей необходимо переключаться с любви на книжки. Я посоветовал ей "удариться в школярство". Наталья же заметил:

— Диплом на руках, теперь можно и о делах сердечных подумать. Бабу-Ягу не вспомним?

— Не будем беречь старые чувства: неровен час, вновь воспламенятся. Нам надо этого избегать. И потом, я парню дала слово, обмануть его — непростительное коварство и предательство.

На том наш кратковременный диалог и закончился. Но я видел ее глаза. В них не было ненависти, но они и не светились радостью. Про себя отметил: "Наталья права, мы повзрослели, научились укрощать свои чувства".

Осенью восьмидесятого мы проводили нашего Валерку в армию. Ему исполнилось девятнадцать, ровесники его уже по году отслужили, нашего же сына военкомат отчего-то посадил на отсрочку, и теперь ему предстояло служить не со своим призывом. Знатоки такое положение не одобряли, предрекали молодому солдату дополнительные трудности различного характера.

После проводов жена печально проговорила:

— Осиротел дом без Валерки. Это же не два дня, а два года служить. Грустно как-то и беспокойно...

— Успокойся, это извечная доля родителей — провожать и встречать.

— Но армия ведь не прогулка! Мало ли свинцовых гробов получают родители оттуда?

— Не кошунствуй. Случаи есть, но это же не система.

— Могут направить в этот чертов Афган... Рада бы не расстраиваться, да не могу.

Валерка же в письмах на службу не жаловался, сообщал, что она идет своим чередом, по известной поговорке: "Солдат спит — служба идет".

С середины 80-го депо приступило к массовой переквалификации своих кадров. Локомотивные бригады целыми группами отправлялись в Углеградскую дортехшколу, ремонтников же решили готовить на месте. Как все это должно выглядеть, мы не знали. ПТО же пока функционировало в обычном режиме, но что дни его сочтены, чувствовали многие. Тепловозный парк Орлиного депо, как мы видели, постепенно таял, а это означало: электрификация вытесняет тепловозную тягу.

С начала 1982 года депо станции Орлиная начала получать электропозы серии ВЛ-80. Мы, ремонтники, участвовавшие в их расконсервации, удивлялись возможностям человеческого ума, способного создать такую чудо-машину, не требующую ни солярки, ни дизмаса, ни воды.

Прибывающие электровозы по-своему прибавляли беспокойства и мне, простому слесарю: я — тепловозник, а это значит, что к электропозу меня допустят лишь как туриста. Дома поделился своей боязнью с Морозовой.

— Но ты неплохо справляешься, твою смену ставят в пример и не обделяют премиями. А возьми своего сменщика Бошаева? У него даже училища нет, справляется же не хуже других, потому как добросовестный, настырный практик.

— Практика, конечно, творит чудеса, но электровоз для меня — темный лес, а значит, надо рассчитывать на канаву, там мое место. А согласись ты на Углеград — не было бы сейчас забот о моей переквалификации, то есть, о новой учебе, что вконец надоело.

— Не паникуй, Морозов, на тебя это не похоже. Как все, так и ты. Откроют курсы — запишешься. Новая машина — для всех новая, жизнь заставит крутиться всех.

— Вот видишь, чем оборачивается твое бычье упрямство. Сейчас мы жили бы в городе — раз, на РГТП тепловозы останутся до скончания века — два, четырехкомнатная крикнула — три, ну и плюс будущность Валерки — четыре. Мы все это потеряли только на первых порах, неизменно, какие подарочки сулят нам последующие. Не забывай, мне сорок, а с древними, сама знаешь, не очень церемонятся. Конечно, я готов крутить гайки, таскать на пузе масляные секции, плавать в мазуте — мне не привыкать. Но оставят только несколько тепловозов.

— Не несколько, а целый десяток для маневровых и хозработ, аренды в ПМС, на "окна" для ПЧ. Так что без работы не останешься, была бы шея. Насчет Углеграда, Абросим... Коль у тебя по нему такая ностальгия — поезжай. Квартиры нет — пойдешь в общагу, я же компанию составить тебе не смогу. Валерка вернется из армии — не пропадем. А вот хочу спросить тебя, Морозов, какую работу готовил Углеград для меня? Здесь я начальник группы учета, коллектив, уважение, ответственность, а там? Бухгалтерша Дундич кем работает? Правильно, уборщицей на каком-то рынке, и диплом не помогает. Город не слишком разметнет объезды даже дипломированному специалисту.

Да, насчет работы Морозовой в Углеграде мне и в голову не приходило. В Орлиной она на виду, более десяти лет возглавляет отдел учета фундаментальной основы депо — его локомотивного парка, в городе же она могла разделить судьбу Людмилы Дундич.

Скоро моей жене стукнет сорок. Как же быстро идет время! В семнадцать она была ученицей таксировщика. Хрупкая, как ребенок, она поразила меня красотой и робостью, заставила вздрогнуть мое свободное сердце. А там — кубрик, Валерка. Потом наши с Морозовой факультеты, поднявшие нас хоть на малую, но высоту: она — начальник, я — мастер. Теперь, с поступлением электровозов, мастерства мне наверняка не видать как своих ушей, ибо для меня электровоз что пещерному транзистору.

Алеко нам завидовал: мол, жизнь у нас идет размеренно, без всяких перекосов. Орлиная не ставит столько проблем, как этот чертов город. Прошло вроде немало времени, как он стал горожанином, а привыкнуть к его безумному ритму жизни до сих пор не может, лишь с добрым сердцем вспоминает ОХРу, депо, Орлиную. Конечно, время заставит привыкнуть к своеобразной городской жизни, только пока она не на его стороне.

После таких вестей от Алеко я все больше проникался к Морозовой уважением, с досадой сознавая: скотина я все-таки порядочная, столько причинил ей тревог и разочарований! За двадцать лет совместной жизни можно бы понять ее.

Две яркие молнии в моей однообразной жизни — Людмила и Наталья — сверкнули без грома, насквозь прожгли меня, оставив в душе живую память. Да, воспламенялся я и горел, пламень своей души отдавал им без остатка, отчего остывал дома, забывая согреть жену даже словом. Теперь, казнил я себя, она заслуживает лучшей участи, пусть не огня, но хотя бы теплоты. Но эти две молнии высекли его из моего

очерствевшего сердца. Были моменты, когда я пьянел от любви и про- (то терял голову, готовый на самые решительные меры, жена с сыном сбрасывались со счетов, и я не раз был готов платить по-крупному. Мне надо благодарить судьбу за то, что семья осталась со мной. Будь нс иначе, не уверен, смог ли бы я в дальнейшем ладить с жизнью и с собою...

Глава 3

Хочу быть счастливой

В один из майских дней 1982 года станция Орлиная собрала немало гостей из МПС, управления дороги, своего кровного отделения. Праздника первого электропоезда орлинцы ждали с нетерпением, зная из печати о значительных преимуществах на железнодорожном транспорте электрической тяги над тепловой. Газета "Орлиная повесть" устами главного инженера депо Сагындыкова популярно разъясняла эти преимущества не только для страны в целом, а и для депо Орлиного и орлинцев в частности.

Во-первых, говорилось в газете, новая тяга позволит значительно увеличить грузоподъемность поездов и их скорость. Сейчас максимальный вес грузового состава не превышает 3800 тонн, тогда как электровозу под силу пять тысяч и более. "Но это одна сторона дела, — сообщала далее газета. — Партия, как нам известно, всемерно борется за чистоту окружающей нас среды. Можно только представить, сколько вредных выбросов производят все 70 тепловозов депо за сутки. А за месяц, год?! Современная экология давно бьет тревогу по этому поводу, но только ввод электротяги — уже значительная компенсация потерянной чистоты нашего регионального воздушного бассейна".

Не забыла "Орлиная повесть" словами того же Сагындыкова предупредить о повышенной технике безопасности в условиях электрического вида тяги. Не разрешалось даже подходить на столько-то метров к оиорам контактной сети. Родителей особо предупреждали: на высоконапряженном электроучастке детские шалости могут кончиться очень плачевно.

Праздник первого электропоезда прошел красиво, торжественно и

довольно шумно. Столичные гости говорили проникновенные речи о значимости электрификации железных дорог, благодарили коммунистическую партию за видение перспектив экономического развития одного из глубинных регионов нашей необъятной Родины! Были традиционная ленточка, ножницы, аплодисменты и продолжительный гудок новенького электровоза, потянувшего за собой двухсотсорокаосный состав с углеградским "черным золотом".

Орлинцы хорошо знали локомотивную бригаду, какой доверили вести первый поезд на новом виде тяги. Они неистово аплодировали чопорному машинисту Чеботаридзе и его помощнику Мельникову, облаченным в новенькие железнодорожные формы со звездами, птичками на груди и фуражках, красочными шпалами на обшлагах и петлицах. Поезд ушел, публика разошлась, унося с собой надежду на лучшее в связи с этой самой электрификацией.

Возвращаясь домой вместе с Морозовой, я опять горестно пожаловался:

— Видишь, друг мой, какой красавец покатил по путям МПС. Только я ведь тепловозник, ни хрена в ВЛ-8оне смыслю, учиться при моей дебильности в электротехнике вовсе несладко. Как прикажете жить?

— Ничего, Морозов. Новый начальник, думаю, не позволит человеку с университетским образованием лезть в канаву или на крышу к тому же токоприемнику. Ты по-прежнему на хорошем счету, смена поощряется за качество, уж сколько времени не выпускает переходящего вымпела. Балластом в депо не окажешься — слава Богу, двадцать три года отдал ему.

Новый начальник Орлиного депо Коренев Виктор Петрович совсем недавно сменил Заварова, сдав кресло зама по ремонту другому товарищу. Боевитость моей смены была ему известна не понаслышке. Меня как мастера нередко ставили в пример. Поощрялась моя добросовестность, техническая подкованность, умение работать с людьми, от которых и зависит жизнь локомотива.

Конечно, думал я, Кореневу по привычке выгоднее держать меня по-прежнему на ПТО или в цехе ТОЗ на ремонте тепловозов, но в каком качестве? Мастером — куда ни шло, а если просто ремонтником? Конечно, мне не привыкать, но в мои-то сорок три... В который раз хотелось согнать зло на Морозовой, но понимал: к старому возвращаться просто нет смысла.

Несколько раз наедине я беседовал с Натальей. Ах, как же она была хороша! Не скрывая, прямо сказал ей об этом:

— Наташа, ты красивеешь прямо на глазах, но до сих пор не в кабале. Нерешительный жених, или ты привередничаешь?

— Ах, Афанасьевич, мне уже двадцать пять, боюсь сходу бросаться в первую же трясину. Костя торопит меня со свадьбой, но, честно, какая-то сила удерживает, отталкивает, может, даже предохраняет меня от замужества сегодня.

— Парень хороший, симпатичный, машинист, не беден, верен тебе. Чего еще надо девушке в наше время?

— Счастья хочется, Афанасьич, большой любви. Хочу быть счастливой и все тут. А Костя... Сердце мое отчего-то не трепещет при встрече с ним.

— Не слишком ли требовательна ты стала? Жизнь ведь нечасто дает нам выбор, Наташа. Не связано ли все это с нашей любовью и нет ли камня в мой огород?

— По этой части, Афанасьич, все в порядке, я ни о чем не жалею и не пожалею, я ведь любила вас. Пусть это была школьная любовь, но все-таки она была первая, неповторимая, единственная, о какой стоит вспоминать только с благоговением. Я снова жду такого, но, видно, время его еще не пришло.

— Счастье, друг мой, само не приходит, его ищут, за него борются, на него молятся, за него даже отдают жизнь.

— Это в романах да кино, Афанасьич. В реальной же жизни, думаю, несколько прозаичнее.

— У тебя сейчас, друг мой, чудо-годы, но не успеешь оглянуться, как зима катит в глаза. Не пугает?

— Пугает, но до тридцатника, думаю, грешно невеститься — природе противиться разве только декабристки умели. Мы, нынешние, на такие жертвы не способны.

— Коль так, Наташа, не навестим ли Ягу, ее ступу с метлой?

— Не будем рисковать, Афанасьич. В этом году ваш сын из армии приходит, стыдно ему и Морозовой в глаза глядеть. По молодости все прощалось, сейчас же другие времена. Оставим все как есть. Не знаю, для кого себя берегу, только к Косте почему-то душа не лежит. Чувствую, надоест ему моя холодность и он, назло мне, отхватит, как он недавно предупредил, первую же школьную выпускницу. Думаю, это у него получится.

— Но и тебе пора определяться. Знай, что я люблю тебя и, как прежде, готов с тобой хоть на край света!

— Себя я тоже знаю... А за нашу любовь, Афанасьич, не будем у Бога и у судьбы просить прощения.

Глава 4

Дороги, дороги...

В один из жарких июльских дней 1987 года депо проводило в последний путь ветерана войны и труда, начальника отдела снабжения Василия Григорьевича Цыпкина. Он начинал в Орлином депо с первого паровозного гудка кочегаром, потом был помощником машиниста и машинистом. До черного 1941-го Цыпкин водил поезда, как мастер тяжеловесов подолгу не сходил с деповской Доски почета. С войны вернулся Василий Григорьевич в начале апреля 45-го без единой царапины, с полной грудью медалей и седыми висками. О войне рассказывал: "Бывало всякое. Под откос летели вагоны, танки, люди". Доставалось и паровозу Цыпкина; но какая-то счастливая звезда или сама судьба оберегали его машину и самого Василия Григорьевича от неминуемой гибели.

Так бог миловал Орлиного железнодорожника вплоть до венгерской границы, откуда Василию Григорьевичу, по непонятным для него причинам, выписали дембельское удостоверение.

Вернувшись в Орлиное депо, Цыпкин сразу, без отдыха сел на свой же родной паровоз и трудился на нем до ухода на пенсию. Пенсионерами локомотивщики становились в 55 лет при поездном стаже в двенадцать с половиной. Стаж у Василия Григорьевича переваливал за тридцатник, о чем в депо знали многие, и теперь подтверждала траурная рамка с некрологом.

На железнодорожном транспорте существовало строгое правило, закрепленное соответствующими статьями КЗоТа: пенсионер-локомотивщик может работать кем угодно, только не водить поезда. Так Василий Григорьевич попал в снабженческий отдел депо, какой возглавлял без малого пятнадцать лет.

Где-то через неделю после всех печальных хлопот с похоронами Цыпкина меня неожиданно вызвали в кабинет Коренева. Для чего? Браков вроде не отмечено, срывов локомотивов на контрольный не зафиксировано — вообще замечаний смена от локомотивных бригад не имела.

Хотя электровозы взвалили на свои мощные плечи значительную часть перевозочного процесса, тепловозы, пусть и в меньшем составе, по-прежнему продолжали трудиться, и ПТО функционировало в прежнем режиме. Причин для разноса вроде не было.

Коренев встретил доброжелательно, указал на стул:

— Садись, Афанасьич. Как семья, работа?

— Спасибо, Виктор Петрович.

— Не догадываешься, зачем пригласил? А вопрос вот в чем. Сам знаешь, недавно мы проводили в последний путь нашего Василия Григорьевича, и теперь отдел снабжения осиротел. Работа в снабжении, без преувеличения, и пыльная, и нервная, и стрессовая, часто грязная и тяжелая, потому как снабженцу нередко приходится работать обычном грузчиком, стропальщиком, чернорабочим — кем угодно. К тому же, как не раз жаловался Василий Григорьевич, "хозяин" часто и густо намекает: мол, его услуги — дело обмывное, что означает, надо ставить пузырь, делать какие-то презенты. Личные издержки, конечно, стараемся компенсировать, но они не всегда адекватны потраченным. Такова жизнь, Афанасьич. Но, по-хорошему, не стоит бояться личных расходов. Компенсация — когда пусто, а когда и густо. Василий Григорьевич умел ко всему принаравливаться, умел крутиться, что для снабженца совсем не лишне. Как, Афанасьич, смотришь на предложение новой должности?

— В снабжении я что Щукарь со своими курами, надо многое нащупывать... Но, как сказал поэт, я бы в летчики пошел, пусть меня научат!

— Вот учить как раз и некому. Доверенность, накладные, требования, счета, платежки — все это в бухгалтерии покажут и выдадут. Остальное надо постигать самому. Свою специфику имеют заявки на материалы. Годовые, насколько мне известно, Василий Григорьевич делал на два года вперед, как того требовал наш головной снабженец — отделенческий НОДХ, по каким-то номенклатурным тетрадям, по кодовой классификации из расчета потребностей на миллион километров пробега каждого локомотива. Наш годовой пробег около семнадцати миллионов, какие, наверно, и надо брать за основу в своих заявках. Встретишься с коллегами, проконсультируешься. В твоём подчинении два экспедитора, четыре сменные кладовщицы, заведующая кладовой, материальный склад с обширной картотекой. Контроль за движением материальных ценностей, знание их текущих потребностей, наличие остатков являются главными для снабженца, тем более начальника отдела. Истина для нас непреложна: колеса крутятся — де-

нежки бегут. Главное, чтобы локомотивы бегали. Итак, приступай к делу, появятся затруднения — заходи, обмозгуем. Верю, с работой справишься, тем более у тебя такое престижное образование, какое хорошему снабженцу очень даже не лишне.

— Спасибо, Виктор Петрович, не знаю, как все это применится на практике, но слышал, что снабженец должен уметь просить, уговаривать, доказывать, где-то проявлять настойчивость и жесткость, а где-то стелиться и преклонять колени.

— Может быть, и так. Жизнь чему только ни учит человека...

Мое знакомство в новой должности началось с изучения содержимого снабженческого стола. Прежде всего внимание привлекли две амбарные книги. Первая оказалась журналом поступления повагонных грузов. Аккуратно вычерчены колонки, графы, в них — дата, номер вагона, накладной, наименование груза, количество, поставщик, получатель. Назначение этого журнала понятно. Второй его шнурованный собрат оказался таким же, но здесь фиксировались поступление и отправление контейнерных грузов.

Следующие grossбухи фиксировали всевозможные деповские заявки на локомотивные запчасти — квартальные, месячные, текущие. Отдельная тетрадь отражала выполнение заявок, поступление даже простой иголки для деповского швейного цеха. Надфили, сверла, лерки, изоленга, мешковина, брезент, контакотры, подшипники. Да, список в целую простыню, но во всем чувствовались аккуратность, прилежность, любовь к делу.

Один из журналов в красочной обложке касался деповского помещичьего отчета о производстве и восстановлении запчастей, деталей, всяческого оборудования в условиях депо. Да, не знал я до этого, что деповские умельцы просто соперничали с заводскими, давая железнякам вторую жизнь. Экономисты докладывали начальству об экономии средств, выделенных на приобретение всей недешевой мелочевки.

Первая командировка по указанию Коренева предстояла мне в Еремеевское депо на автомашине за компрессорами КТ-6. Испокон веков это депо специализировалось на ремонте локомотивных агрегатов, что давало дополнительную прибыль. До Еремеевки не ближний свет — шестьсот верст в один конец, обязующие топливом, харчами да терпением запастись впрок.

КТ-6 давно ожидают вывоза, отправить же агрегаты предприятие само не может из-за досадного недосмотра железнодорожного начальства. Еремеевка — станция не контейнерная, что услож-

няет перевозки, удорожает продукцию, однако идти на расходы приходится.

В такую дальнюю дорогу на автомашине мне ездить не приходилось. Шофер успокаивал: ничего, доедем. Переночуем в доме отдыха локомотивных бригад, дорога туда проложена. Все остальное отработано, где и к кому обращаться, он знает, заодно же познакомит меня с нужными людьми на будущее. Пока я буду заниматься с документами, он сам загрузит компрессоры, увяжет, что позволит в обратный путь вырваться даже на ночь, не зима ведь. Горячего перекусим в рабочей столовой, коль не успеем — по дороге чего-нибудь перехватим.

Такая уверенность Петра Ивановича в успехе дела успокаивала меня: не хотелось, чтоб первый блин оказался комом. Дома Морозова собирала меня как на Северный полюс. В ответ на мое возмущение говорила:

— Дорога, она и есть дорога. А вдруг машина поломается, а вы одни в степи? Хорошо, если какая попутка попадется да отбуксирует к населенному пункту, а то ведь, случается, неделями шоферы маются, кукуют в степи. Запас карман не тянет!..

Пришлось подчиниться. Жена приготовила целую гору всяческого скарба у двери. Петр Иванович обещал за мною заехать. Шофер он бывалый, а вот машина его, правда, давно просилась под пресс. Но ничего нового депо пока предложить не могло. Оставалось только чинить ее — постоянно, терпеливо, остервенело.

...А степь, оказывается, знал я плохо, хотя в свое время даже посвящал ей стихи, писал о ее необъятности и красоте. Сейчас удивляло все: и белое ковыльное море, убегающее за горизонт, и неожиданная пестрота цветов, и перебегающие дорогу сайгаки. На сотни верст бесконечной лентой тянулся грейдер, и все мимо человеческого жилья.

Как и обещал Петр Иванович, переночевали мы с удобствами, а работу вообще выполнили без проволочек. С бумагами у меня никаких затруднений не было, погрузкой Петр Иванович занимался с друзьями. Машина уже стояла под парами, готовая сорваться в обратную дорогу, но я попросил Петра Ивановича чуток повременить: надо повидать в депо знакомых товарищей, кое в чем проконсультироваться со снабженцами.

Людмилу я увидел накануне, при оформлении в бухгалтерии документов. Она, как мне показалось, порядком смутилась, даже остолбенела. Потом, как-то воодушевившись, громко воскликнула:

— Какие люди к нам пожаловали! Какими судьбами, Владимир Афанасьич?

—Снабженческими, Людмила Ивановна.

Обмен новостями происходил принародно. Я взглядом дал понять: лучше поговорить наедине. Восковая кивнула: мол, встретимся внизу. Ожидать долго ее не пришлось. Мы зашли в придеповский скверик, сели на лавочку. Я отметил, что выглядит она совсем не плохо, но пополнела, что при ее маленьком росте ей не слишком шло. Во-вторых... Нет, она по-прежнему прекрасна, свежа и привлекательна. Я взял Людмилу за руки, прижал ладони к своим губам; она не сопротивлялась, не отнимала их.

—Как живешь?

—Хорошо живу, дай Бог каждой. Материально обеспечена, любовью мужа не обделена. Володька уже больно, четыре годика, любимец наших стариков. В садик отдавать не велят, забрали его. Благо рядом, а то неделями не видели бы сына.

—Надо радоваться таким нянькам. У родителей освобождаются руки для личных дел, можно съездить к Черному морю.

— В этом плане его старики — просто находка. Институт я добила без их помощи: ребенок ухожен, я же вся в книгах. Защитилась хорошо, работаю по специальности. Олег ездит — сегодня на три сорок заказали точку. Не хочешь посмотреть, как живет твоя аккумуляторщица? Я отпущусь на часик-другой, посидим, вспомним молодость. Видишь домики у подстанции? Там я и живу.

— У вас поселок небольшой, все на виду. Не боишься сплетен?

— Еремеевка — не Орлиная, она моложе, потому прогрессивнее, больные городом отдает, потому мы ей без интереса. Правда, я рада встрече, Володя. Сколько лет прошло! У тебя много работы на сегодня?

—Все уже сделано, шофер ждет, и мне надо отпроситься.

—Ты же сам начальник: твое дело приказать, его — подчиниться.

—Из вежливости, все же он старше меня.

—Тогда другое дело... В общем, у главного входа встречаемся. На людей — ноль, я здесь живу, ты же гость, о том и Олегу скажу, он тебя помнит.

Петр Иванович, удивившись моей просьбе, с какой-то виноватостью сказал:

—Обижаешь, Афанасьич! Ты же начальник, мое дело — баранку крутить.

— Не обижаю, Петр Иванович, а уважаю. Шофер вообще должен знать, где его шеф пропадает. Встретил вот старых друзей-орлинцев, неудобно отказываться от приглашения.

—Ничего, машина — зверь! К вечеру выберемся, под утро будем дома...

Петр Иванович удивился также моей просьбе приобрести у бабок на вокзале букет цветов и бутылку шампанского:

—Среди друзей есть женщина?

—Да, Петр Иванович, притом очень красивая.

— Тогда я на четвертой скорости быстро обернусь!

Действительно, прошли какие-то минуты, и Петр Иванович привез букет красных роз. Шампанское я бросил в дипломат, решив цветы вручить Людмиле с ходу — пусть видят, коль она никого не боится.

—Господи, какие чудные розы! Когда успел?

—Когда любишь, все успеешь.

—Разве простил? Я же тебя предала, ты вправе меня ненавидеть.

—Старая любовь не забывается. А ненавидеть не в моей натуре. К тому же, разве мог семейный иметь на тебя право? В твоей же воле оставалось выбирать — то ли с женатиком связать судьбу, то ли ждать свободного человека, молодого да свежего. У тебя хорошо все вышло. Неизвестно, как бы мы распорядились жизнью, скольких людей заставили бы страдать, убеги мы вместе из Орлиной... Что ни делается, все к лучшему!

—Вот мои хоромы, Афанасьич...

Обходя комнаты, про себя отметил: вещи богатые — стенка, кэвры, паласы, почему-то два телевизора. Комоды, диваны, уголки, большое трехстворчатое трюмо, чуть ли не в полпотолка люстра в больном зале. Детская комната вообще напоминала сказку.

—Кучеряво живешь, на судьбу грех жаловаться!

—Я и не жалуюсь. Есть все, Афанасьич, может, только нет той нашей первой любви. Но все это преходяще, человек ко всему привыкает, со многим мирится, даже если не все ему по душе.

—Но ты счастлива, Люда, в достатке, красива, у тебя муж, сыи, здоровье, авторитет...

—Не отрицаю, Афанасьич. Но достаток, дети — не всегда счастье.

—Не от жиру ли бесимся, друг мой?

—Кто его знает. В нас, женщинах, не счесть загадок. Посмотришь — вроде все есть, а душа все равно чего-то просит, нередко просто требует.

—Да, Люда, многое мы предъявляем жизни, но меныпе всего себе: так ведь дешевле, выгоднее, удобнее.

...Провожала меня Людмила до самой машины. Петра Ивановича на месте не оказалось, и мы могли спокойно попрощаться.

— А мы, Володя, в своем репертуаре. Живи я с Олегом в Орлиной, не знаю, сколько бы рогов я ему наставила — конечно, с тобою.

— У нас опыт искать кубрики, Бабу-Ягу — ради любви на какой грех только не пойдешь... В общем, Люда, судьба нам сопутствует, за что скажем ей большое спасибо. Не ожидал я такого счастья от моей первой командировки. Спасибо Кореневу, судьбе, тебе, Люда. Думал, ты теперь солидная дама, для какой наше Орлиное счастье ушло в небытие — жизнь такие случаи не раз рисовала на человеческом полотне.

— Не лучшего ты обо мне мнения, Афанасьич. Наша сегодняшняя любовь ведь большого стоила!

— Понимаю тебя, Люда. Твоя любовь ко мне не охладела.

— Она ведь была первой, потому из сердца ее непросто выбросить. Мужчинам проще, у них сердца каменные, не чета нашим подушечкам.

— Мое также было горячее. Я ведь предлагал себя тебе в рабство, но ты отказалась.

— И правильно поступила: ты при семье, и я с семьей. Видишь, как жизнь умно распорядилась нашими судьбами. Мне уже двадцать семь, тебе на пятый перевалило, но старое не выветривается, не умирает. Нам хорошо вдвоем будет, наверно, даже на том свете... Вон, кажется, твой шофер идет, Афанасьич. Будем прощаться.

Я крепко поцеловал Восковую, не удержавшись от упрека:

— Наверно, мы все-таки были бы счастливы, согласись ты тогда на бегство!

— Может быть, но жизнь распорядилась по-своему. Здравый смысл победил наши эмоции. Свободно любить себе мы могли позволить, без обязательств друг перед другом, без чьих-то проклятий. В целом же, Афанасьич, боюсь я жизненного стандарта, любого сковывающего порывы души ГОСТа. Понимаешь?

— Вполне, Люда. Ты умеешь жить, чему я весьма рад. Движение, деятельность, огонь души, как мне кажется, всегда должны быть спутниками человека. Не терплю премудрых пескарей и логику их жизни! Слава Богу, мы с тобою не такие... Будем прощаться, Петр Иванович совсем рядом.

— А этого дядьку я хорошо знаю, с его дочкой учились... Здравствуй-те, дядь Петь!

— А, Людмила! Здравствуй, орлинка! Слышал, замуж вышла за иностранца?

— Да, дядь Петь, судьба.

— Ну, коль судьба, то и хорошо...

— Вашей Оксане, дядь Петь, привет передайте от меня. Замуж не вышла?

— Не спешит чего-то девка. Говорил не раз: дай нам на внуков со старухой на старости порадоваться. На шестом десятке вот болтаюсь, а она все медлит, выбирает, прицеливается да приценивается. Наверно, какого-нибудь генерала выискивает... Хорошие ребята сватались — машинисты, порядочные, обеспеченные. Отвергает, паршивка, ищет известных да боевых! А привет я передам, скажу: "Подруги твои жизнут да хлеб жуют, а ты все принца выглядываешь. Довыглядываешься, пока на тебя последний бомжина не позарится!"

С тем мы и оставляли Еремеевское депо. Людмила, поочередно поцеловав нас, тихо сказала:

— Орлиная всегда в моем сердце, поклонитесь ей!..

Глава 5

Не искать лучшего

Мой первый снабженческий блин не оказался комом — к удовлетворению Коренева. Я поблагодарил за доверие, но вдвое — за такого шофера, с каким можно ехать хоть до Абакана с заданием и посложнее.

— Будут задания, Афанасьич, — сказал Коренев. — Работы нам делать не переделывать, что заставляет запасаться терпением и долгом: живем-то мы ради "железки", наших локомотивов, уж только потом для себя. Предстоит неблизкий рейс за двумя ТЭДами. Их отремонтировали в Приесильском депо, нам лишь остается вывезти эти агрегаты. Будь оных хотя бы пять-шесть, приесильцы отгрузили бы эти тяговые двигатели вагоном, но их только два, а это всего каких-то семь тонн. Отправлять по "железке" станционники не позволят из-за большого недогруза. Потому придется своим транспортом выкручиваться. Наш "КамАЗ" — далеко не подарок, но благодаря Петру Ивановичу он живет как бы вторую жизнь...

До бумажной ежедневки у меня пока не доходили руки, а ведь социализм, известно, любит учет. Мои экспедиторы бумажных дел не каса-

лись, им это не полагалось по должностной инструкции; к снабженческим же вояжам, как они сами говорили, они готовы в любой день и час.

Рассказывали легенды, как Цыпкин доставал необходимое, не боясь проникать в самые ответственные кабинеты. Случалось, его даже выпроваживали за дверь, но он набирался смелости, вновь ломился к хозяину, пока не добивался предмета, важного для депо, для всего деповского коллектива.

Такой сноровки во мне не водилось, ее наверняка следовало нарабатывать. Я многого не знал и не умел, но верил: жизнь научит и этому.

После поездки в Приесильск я капитально засел за снабженческую документацию, о какой мог сказать только одно: она для меня — не поднятая целина, чтобы разобраться, требовались время и терпение. На работе того и другого не хватало, потому пухлые снабженческие фолианты стал забирать домой. Морозова, видя мое производственное рвение, старалась создавать мне максимальные условия, отключала ящик и радио, даже еду норовила принести мне прямо к столу, где я корпел над своими бумагами. Я благодарил жену за заботу, но питаться предпочитал на кухне.

Усердие приносило свои плоды.

— Мне звонили из НОДХ и НОДТ, ставили в пример все твои бумаги — аккуратность, чистота, достоверность присущи почти всем им. Я видел эти отчеты, сам их подписывал, потому подтверждаю звонки наших руководящих товарищей, — похвалил однажды Коренев.

Слышать похвалу в свой адрес приятно, тем более от человека, не признававшего сентиментальности, любившего людей деловых, работающих, скромных и немногословных. Говорили: Коренев не злопамятен, легко сходится с каждым, не прощает лжи, волокиты, медлительности. "Железная дорога, — не раз говорил он, — это вечное движение, какое приводит в действие не один миллион тружеников "железки". Этому способствуют многие железнодорожные профессии, среди каких есть и самые мобильные. Раскачки, медвежьей нерасторопности железнодорожный транспорт просто не терпит".

Напоминание об ответственности для деповчан вовсе не ново: о ней постоянно говорили Коляда, Бесполов, Заваров. Ответственность, конечно, нужна в любом деле, на железнодорожном же транспорте — в особенности, подчеркивал Коренев. Поэтому на каждом железнодорожнике должна лежать печать гордости за служение нашей стальной отрасли.

По правде, я тоже гордился своей принадлежностью к МПС, дороге, депо, коему отдано уже почти четверть века. Морозова вообще не мыс-

лила себя без "железки", любовь к ней считала закономерной, измену же противоправной, чем всегда мотивировала свой отказ от переезда в город. Орлиная пока мало могла дать городских благостей своим обитателям, однако первые шаги она уже делала, дав воду, отопление, извечную мечту — канализацию. Многие орлинцы о подобном только мечтали.

В конце 1962-го Морозова показала письмо от нашего сына. Валерка писал, что служба подходит к концу, в октябре дембель. "Если в мире останется прежняя стабильность, о дальнейшей моей судьбе поговорим по приезде. А пока готовлюсь, собираю нехитрые солдатские пожитки. Есть, кстати, заманчивые предложения: друзья, сослуживцы по роте приглашают после дембеля к себе. Ребята в большинстве с Алтая и с БА-Ма, у них леса, реки, воздух — божественный, здоровье — сибирское, долголетие — кавказское, работы — на любой вкус. Нет специальности — приобретешь, опоздал с образованием — наверстаешь. Солдату всюду открыты двери, чего нельзя упускать".

Сын сообщал, что пока ничего не решил: "Жизнь покажет, как быть дальше, но сначала домой, а там — как примет наша серая Орлиная".

— Вот, Морозова, тебе лишний стресс, — не удержался я от упрёка. — Будь мы в Углеграде, не пришлось бы тебе сейчас беречь свою душу такой жизненной проблемой: город ему как солдату мог открыть любую дверь, только постучи. В Орлиной же не разгонишься: устойчиво пахнет только железная дорога, но захочет ли наш Валерка, как его родители, связывать свою судьбу именно с нею?

— Морозов, мы не раз говорили на эту тему. Приедет ребенок — сам выберет себе дело по душе. В поселке вон сколько молодежи, а никто не пропал, все как-то устраиваются. Главное, мы его вырастили, дали десятилетку, армию вототслужил, а дальше... Мы-то, слава Богу, живые, значит, будем помогать становиться на ноги.

Мир с Морозовой у нас сохранялся уже длительное время, отчего я не хотел лишний раз нарушать его воспоминаниями об Углеграде, РГТО, погибшей квартире. Главное, наш мир не нарушался великой секретностью существования Бабы-Яги, ее избушки и моего просто одуренного ловеласничества в ней.

Я не раз удивлялся долгожительству моей миссии у Яги в таком небольшом поселке, до сих пор не родившем даже шепотных слухов о шашнях с молодыми работницами. Теперь-то время ушло, покрылось мглой... У Восковой своя семья, только Наталья никак не может определиться, в отчаянии или из жалости временами приглашая меня осчастливить бабкину кибитку.

Свидания у Яги теперь назначала сама Наталья, не оставляя мне ничего другого, кроме как уточнять время да таиться от глаз Орлиной. Жил я на пятом десятке, что заставляло не раз содрогнуться — не растерять бы жара души! Коль такое случится, по словам Пашки, то для мужчины это конец, жизнь попросту потеряет смысл. Успокаивало одно: не из шахты вылезал, не вагон угля перекидывал, да и природа как-то благоволила мне по каким-то генам да хромосомам.

Про себя же не раз на полном серьезе негодовал: "Выйдешь ли ты, Василиса Прекрасная, хоть в этом году замуж?" Ее Костя, как и обещал, действительно, привел к себе в дом выпускницу, свадьба прогремела пышная и шумная, где удалось побывать и нам с Морозовой. Наталья на свадебный вечер не пришла, хотя жених приглашал ее официально. Скребло ли на сердце у Натальи, я не знал, спросить же не решался — не обидеть бы...

Других жениховских кандидатур для нее в Орлиной не находилось. В свое время ОХРа поставляла жениховский контингент, теперь она захирела, жильцы поредели, только потертые да бомжеватые крутились в ее неуютных номерах. Деповской штат давно стабилизировался, молодежь обзавелась семьями; ОХРу жизнь и время обрекли на вымирание. Дежурных суборщицами давно сократили, оставшиеся восемь кроватей отдали на попечение бездомным, выдворенным женами да редким командированным.

Комментируя Костину свадьбу, Морозова по-своему возмущалась:

— Скажи, Абдукарим, почему твоя аккумуляторщица отказалась от такой выгодной партии? Парень что надо, красавец, стройный, высокий, самостоятельный, машинист, машину имеет. Родители трудяги, дом отгрохали как бы не в двенадцать окон. Потом он столько лет ждал конца ее ликбезничества, дождался, а она все выпендривалась. И довыпендривалась: теперь вот пусть локти кусает да к замшелым, какие только и остались, приглядывается.

— Дружить они дружили, а любовь? Ее ты во внимание не принимаешь? Ей не дом и не машина Костины нужны, а любовь к нему. Ее-то как раз скорее и не было, а без любви выскочить Наталья не пожелала. А за меня бы ты, Аксиныя, пошла, если бы не любила, бросившись в объятья лишь за мою веселость и музыкальность?

— Разумеется, нет, Сигизмунд, хотя и была слишком молода, не умела выбирать. Ты мне первый приглянулся, я и ринулась к тебе. Потанцевали, потерлись, в глаза друг другу поглядели, с того все и началось.

— Жалеешь?

— Жизнь могла быть и получше. Теперь-то уже поздно: в нашем возрасте не любовь скрепляет семейные нары, а простая привычка. 25 лет мы вместе. Вот и Углеград не стал тебя манить, теперь у тебя вообще новая работа, и я не знаю, чего можно искать лучшего. Мои женщины прямо говорят: смотри, как твой Морозов преобразился на новой работе, похорошел, посвежел, и ему ни за что не дашь его сорок три. "Помни, Ильинична, таких мужчин щучки сами ловят на крючок. Будь он тебе трижды верным, а любого мужика на грех людской совратить можно: мужики ведь на свежину народ броский, на свежую юбку особенно. Это же и природа, наконец".

— Вас там сидит целый батальон, только и остается мужикам косточки перемывать.

— Правда, у моих этого не отнять. Разогнала бы я их всех замуж, да мужики в Орлиной перевелись. Из армии парни для них молоды, так они готовы и женатиков застолбить. Потому, Морозов, тоже поберегись!

— Я уже пуганый. Сама же говорила, что клинья под меня подбивали. Не вышло ведь! Не умел я этого делать, да и не умею, курсов таких не кончал. Будь Павло Веселовский, у того можно бы чего перенять в этом плане.

— Павла как ни хаяли, а он живет, двух сыновей народил, жена — как королева, сама сто очков вперед выдает.

— Время делает людей покладистыми, умными, верными. Я всю жизнь тебе верен, хотя ты удосуживалась худшего.

— Может быть, но на лбу ведь у тебя не написано...

— И у тебя тоже.

— Всю нашу жизнь я у тебя на глазах. Предъявлять претензии ко мне в этом плане просто грех!

— Тут, мой друг, я лапки вверх.

— То-то. Но мужик — он везде мужик. Смотри, вон какие финты вытворяют Бунин, Борзов, Атрощенко, Сысковский!

— Чего ж они так открыто действуют?

— В Орлиной-то куда спрячешься? Они и скрывали свою связь, так ведь на воре шапка горит.

— Не умеют, значит...

— Может, и не умеют. По мне, уж коль изменять, так чтоб шито-крыто было, чего на свет Божий выставляться?

— Надо взять на вооружение твой совет, Шарлотта. Авось пригодится.

— Думаю, и мне не помешает: вдруг отпуск разорвут, поеду на море

одна, а оно так располагает к любви. Кто не долюбил, не преминет воспользоваться.

— Это верно. На море мы бывали и все видели своими глазами. Главное, многие наших лет, не первой свежести, домой возвратятся — жизнь все простит, все спишет.

— Да, все это жизнь человеческая, Морозов. Жизнь нередко такие сюрпризы преподносит, что диву даешься. Человек — такое хитрое создание, впору удивляться: Бог ли его сотворил? Мы с тобою вроде от ангелов, а другие?

Про других я ничего не мог сказать определенного, отчего просто промолчал. О себе бы следовало — прохиндей чертов, хамелеон проклятый! Конечно, ничего страшного, ничего смертельного не произошло: первый ли я на земле изменщик? Если только в душу заглянуть... Да, не слишком она чиста у меня. А еще коммунист, в передовом отряде строителей коммунизма значусь. А все почему с моими аккумуляторщицами закрутилось? Потому как хотел избавиться от Орлиной, уехал бы с Восковой, и вся недолга. Город, новые люди, новая работа, значит, и новая жизнь. В мои тогдашние тридцать шесть не согнулся бы, любые трудности осилил бы. Не получилось... Потом Наталья. И с нею готов был хоть к белым медведям, и снова не вышло. Так Орлиная и осталась в моем сердце, а я — в ней. Потеря это или находка, радость или горе, свет или тьма, благо или несчастье, жизнь или смерть, как не раз выражался Павло; — не знаю, только теперь, на пятом десятке, выбора у меня не было.

Глава 6

Свершилось!

ф -ий принес мне истинно душевное облегчение: Наталья 1 л О ")без всякого вихря, не в шумном зале ОРСовской столовой, издавна приспособленной для праздничных торжеств, а у себя дома сыграла свадьбу, сразу же переехав на жительство к родственникам мужа. Жених Натальи — орлинский, машинист электровоза, годами под тридцатник, разведен. Отчего не заладилось у него с прежней женой, знали немногие: после развода она уехала в большой город, вроде в Питер, на родину. "Хвоста" муж Натальи не имел, чему я радовал-

ся: алименты, дети, отцовская боль души — не хотелось желать подобного даже недругу.

Свое обещание о предстоящем замужестве сообщить мне одному из первых Наталья сдержала. Почему за женатика? Так вышло. Заглянуть вглубь — до любви Ромео и Джульетты им с Петром тянуть да тянуть, но какие-то чувства все же теплятся, а далыне, надо думать, стерпится-слюбится.

—С нашей любовью, Афанасьич, нет сравнения,— подытожила Наталья с грустью. — Мы любили самозабвенно и страстно!

—Ты была совсем ребенком, Наташа, теперь же тебе, наконец, есть о чем пожалеть — сейчас бы ты не решилась на такой шаг.

—И теперь я сделала бы то же самое.

— Только никогда не видел в себе особых достоинств для такой жертвы, какую принесла ты. Я все же понимал: эта школьная любовь когда-нибудь да аукнется, а потому, Наташа, мне, бывалому мужлану, следовало бы сначала хорошенько подумать, прежде чем решаться на угробление такого милого ребенка. Я сдерживался до последнего, не набрасывался, как звзрюга, отговаривал, страдал последствиями, но ты и слышать не хотела. Я тоже живой человек, с сердцем, чувствами, какой-то своей страстью.

— Жалеть о прошлом непростительно. Мы с Людмилой сами под вас стелились, а какая сила двигала нами — пусть останется в нас навсегда. Мы подчинялись нашей любви, пусть школьной, неосознанной, может, это и к лучшему. Мы впервые познали настоящую страсть и теперь, повзрослев, будем осторожнее в выборе своего спутника. Людмила живет, даже благоденствует, у меня намечается своя стабильность.

—Все же меня следовало бы на гильотину. Я смогу более-менее успокоиться, когда вы будете счастливы.

—Незачем себя казнить, я любила и теперь люблю, но жизнь ведь нам не обмануть. Глядя сейчас на Морозову, Валерку, их счастливые лица, я не представляю, какою бы стала их судьба, убеги мы из Орлиной. Конечно, не пропали бы они без вас, но, наверно, чего-то в их жизни не хватало бы, не было бы того света в их глазах, открытости души, чистоты смеха, доброй улыбки. Хорошо, что у нас хватило ума и трезвости не катиться под гору.

— Может, Наташа, ты была права, за что я тебе низко кланяюсь. А в мои сегодняшние две четверки ко мне вроде только начинает приходить трезвость.

—А в мои двадцать семь — моя любовь и надежда. Мы до последне-

го часа не оставляли Ягу, любили преданно и страстно. Теперь, конечно, избушку надо похоронить, дать им отставку — Петру я наверняка останусь верна... Петр меня любит, потом он умный, чтобы делать какие-то упрёки по былой жизни. Правда, он тоже не мальчик, но у него есть алиби: жена сама оставила его. У Петра достаёт такта, ума и современности не интересоваться моим прошлым.

— Мне жаль, друг мой, в нашем жизненном романе ставить точку. Нашу жизнь мы просто обедним. Ягу с избушкой, метлой и ступой я не стал бы хоронить — они все-таки часть нашей жизни.

— Вариант исключается. Теперь, когда появился Петро, наша история должна иметь конец. Мы оба семейные люди, теперь наша дальнейшая связь будет ассоциироваться с нехорошим, обидным словом — мы оба его хорошо знаем. Я многим обязана своему мужу, у нас с ним друг перед другом свои обязанности и нарушать мир просто нет причин. Расстанемся без боли; это судьба, а боль — необходимость. Теперь, Афанасьич, намного ведь стало опаснее. Смотрите, сколько глаз прибавилось, да каких — вашего сына, жены, моего мужа, его родителей. Не будем рисковать, да и нет той необходимости, товарищ мастер?

— Не сказал бы, друг мой. В мои сорок четыре избушка Яги — подарок судьбы. Если она когда-нибудь сведёт нас, разве это не даст нам второе дыхание?

— Ладно, пусть живут кубрик, Яга, наша память, но о встречах забудем, хотя, по правде, не уверена, смогу ли устоять...

— Мы живые люди, потому я приветствую твоё согласие на жизнь Яги с её избушкой. Кто знает, может, судьбе заблагорассудится раз-другой свести нас, чтоб на какой-то миг отвлечь от дел мирских, дать минуты счастья? Они просто продлят нашу жизнь, отвлекут от серости вокруг нас и в нас самих.

— Ах, Афанасьич, как коварна любовь, да ещё такая, как наша, жизнь ведь давала нам немало, нам хочется больше — не надломиться бы нам, не надорваться и не сломаться от перегруза.

На том наш разговор с Натальей закончился. Вспоминая его теперь, я и сам не знал, хотел ли я этих встреч, но то ли по какой-то жизненной инерции, то ли из мужского самолюбия не сдавал своих позиций. Про себя же считал: Наталья уступала больше из прежнего уважения, а избушка Яги ей теперь уж точно что немтырю песня...

Насчёт лишних глаз Наталья, конечно, права. Про себя я думал: "Пора бы тебе, старик, прекращать хорохориться. Посмотри на себя — годы гнут тебя, полнят, серебрят виски. Теперь вот зарядка и обливание не так

эффективны, посерьезнела походка, откуда-то появилась одышка, сердечко с недавних пор начало пошаливать. Александр Иванович, терапевт, разглядывая электрокардиограмму, сказал: "Не бережешь ты себя, старик. Наверно, хорошо нервничаешь, стрессуешь, много работаешь да мало дышишь кислородом. При случае, нацелься на санаторий, желательно Кисловодского региона. Я выпишу медкарту, а ты в профкоме лови путевку. Когда-нибудь в санатории бывал?... С сердцем не шути, оно при всех нагрузках может только просить: не трави меня дымом, не заливай водочкой, не носись как угорелый, не напрягай. Все это в тебе есть?"

Да, а я-то думал, сердечко обо мне забыло. Курить я начал сразу, как только Пашка слинял с Орлиной, водочкой баловался всегда, но знал время и меру; нервы же, пресловутый стресс доставали меня часто, но не до степени истерического безумства. Вот насчёт кислорода да Кисловодска Александр Иванович прав. Убеги я раньше к Павлу или на БАМ, поближе к лесам, воде, может, сердечко не тревожило бы сегодня — где явно, а где исподтишка, оставляя меня в смутном неведении: не запланировано ли ему сделать остановку, как машинист поезду?

Работа отдела снабжения шла своим чередом, особых трений с мастерами у меня не возникало. На отчете у зама по ремонту я добросовестно записывал их нужды, требования — от салфеток до агрегатов, тут же набрасывался на телефон, зондировал в желдорснабе наличие материалов, запчастей. Коль таковые оказывались в наличии, просил, умолял выслать первым же вагон-раздатчиком.

Иногда это была обычная мелочь — подшипники, часовое тело, бура, резак, газовая горелка, скоростемерная лента, электроды, прожекторные лампы. Вслух же возмущался: "Ребята, буквально недавно привозил эти материалы, сдал в кладовую, как они могли так быстро исчезнуть?" Оппоненты старались поставить меня на место: мы, мол, работаем, не прохлаждаемся. Твое же дело как снабженца достать необходимое, а иначе зачем нужен твой отдел и ты вместе с ним?

Я глотал пилюлю, обещал достать нужное. "Однако, друзья мои, — возникал я, — желдорснаб не бездонная бочка, существуют какие-то нормы расхода, и вообще, надо учиться экономить, умно, по-хозяйски распоряжаться теми же салфетками, часовым маслом, горелками да резаками. То же часовое масло. Дается оно только скоростемерщикам, а, насколько мне известно, в скоростемерном цехе открыта чуть ли часовая мастерская — там вся Орлиная ремонтируется".

Этого говорить во всеуслышание мне, пожалуй, не следовало. Мастер скоростемерного цеха Бухарин Виктор Иванович перестал со мною

здороваться. Я же против него лично ничего не имел, но его слесари, что я знал точно, по-настоящему и с размахом, в обход своего мастера, калымили на сторону.

После я прикидывал: зря все-таки погорячился, надо бы открыть ему глаза наедине. Виктор Иванович — мой одноклассник, тоже коммунист, добрый товарищ, однако столь коммунистичным, как я понимал, быть мне не следовало. Черт с ним, с этим маслом, локомотивы-то бегают, не остановились, закончилось сегодня — достанем завтра, не такое уж золотое чертово часовое, а вот смычка с товарищем порушена.

Будучи мастером, работая с различными людьми, прежде такой коммунистической прыти в себе я не замечал. Выдать товарища, по сути, выслужиться — не в моих правилах, а тут не иначе моча сукнула в голову. Виктор Иванович по-прежнему со мною не знался, его же люди вообще смотрели на меня, как на оборотня, — с ненавистью. Как исправить свою оплошность, я не знал, чем загладить вину, не представлял. Оставалось одно — довериться времени да почаще держать свой рот на замке.

Перед самым Новым годом заместитель начальника депо по ремонту поручил снабженцам найти шестерню на скатоподъемник. Шестерня массивная, под тридцать килограммов, вышла из строя, собрав у депо-ских ворот немало локомотивов, ожидавших подкатки тяговых двигателей. Скатоподъемник из-за этой злополучной шестерни сдерживал всю работу, локомотивы отправляли в отстой, срывая поездные точки.

Такие шестерни, как мне сказали в НОДХ, к ним никогда не поступали, это материал специфичный, потому выкручивайтесь сами. Оставалось договариваться с каким-нибудь заводом в Углеграде, способным такую шестерню выточить, нарезать зубья, обработать, соответствующим образом закалить. Ничего подобного ни одно депо на дороге не делало, что заставляло меня самому искать выход.

Решил в первую очередь проконсультироваться у Алеко на РГТО — все-таки у него родственник завод, притом такой громкий, с такой мелочной работой, как моя шестерня, наверняка справится без особых усилий. На деле все так и вышло.

Нашей встрече Алеко несказанно обрадовался, мы засиделись в его кабинете допоздна, пока шестерню не выдали на-гора в надлежащем виде. На вечерние поезда я опоздал, потому пришлось заночевать у Шурика. Людмила тоже обрадовалась неожиданному гостю, по-царски угощала, пригубила за встречу. Но засиживаться с нами ей было неинтересно: железки, секции, шестерни да циклы — чисто мужская тематика, потому, извинившись, она оставила нас с мужем вдвоем.

Мы засиделись до утра, благо наступивший день был выходным, позволивший нам расслабиться, как в нашу далекую бытность. Жизни Алеко я позавидовал белой завистью, сравнил ее со своей, поставив себе крупный минус.

Алеко делился впечатлениями городской жизни: как ни сложно, а привыкает к извечной беготне, спешке, стоянию в очередях, чего в Орлиной отродясь не имелось. Как ни изматывают работа и бытовуха, умудряются ходить с Людмилой в театры, на различные выставки да концерты приезжих светил. Но, главное, по приезде в Углеград не заставила себя ждать его уже трехлетняя дочка Алена, принесшая в дом радость, солнце и вечную весну.

Коротая ночь за рюмкой, я набрался смелости рассказать Алеко о своих амурных похождениях с моими аккумуляторщицами. Шурик удивлялся и искренне завидовал:

— Ну, старик, такое в жизни дается не часто и не каждому, если только вообще дается. Будь ты в каких-нибудь Эмиратах или каком-нибудь Брунее в качестве знатной особы, коей по штату положен гарем, и то я не позавидовал бы всем этим шейхам да амманам, а тебе по хорошему завидую.

Заодно Алеко похвалил меня за оглядку и осторожность. В городе насчет этого много проще, много же и безопаснее. Как я столько времени умудрялся ходить по лезвию — уму непостижимо, а главное, Морозова так долго о том ничего не знает, не ведает.

Вспомнили ОХРу, старых друзей. Как сложилась судьба каждого — Бог весть, даже Пашка как сквозь землю провалился. В общем же, если обозреть жизнь человеческую, наша — бывших жэушников — все-таки сложилась. Никто никуда не "залетал", за решетку не попадал, каждый жил своим маленьким мирком, в меру любил, в меру рожал, в меру же помнил, а больные вообще не помнил ни друзей-однокашников, ни даже черта со ступой. Мы с Алеко понимали: особых претензий к ним не предъявишь — жизнь и время делают людей таковыми. Повспоминали с Шуриком училищные годы, нашу работу на элеваторе только ради подарков для гибких спортсменов, каких мы любили преданно и самозабвенно.

Спрашивал Алеко о Колбаскине, его партийных делах, о погибшей ОХРе, ее нынешних жильцах. Поговорили и о депо, электровозах, новом начальнике, коего Алеко знал: "Руководить как мы коллективом в 14-16 человек тоже несладко, а девятью сотнями — это же подвиг!"

Долгожданную шестерню слесари оперативно установили на зло-

получном скатоподъемнике; в первую же рабочую смену подкатили необходимые тяговые двигатели — ТЭДы, и локомотивы ушли в поезд. Корнев поинтересовался моей оперативностью с шестерней, я рассказал, заодно же передал всяческие пожелания от Дундича. Виктор Петрович нашел несколько похвальных слов в мой адрес, заметив, что я абсолютно на своем месте претензий к снабжению заметно прибавилось.

— Однако, Афанасьич, есть пренеприятнейшее известие: будируется вопрос о реорганизации в нескольких депо отделов материально-технического снабжения с передачей их в систему производственно-технического с сокращением должности начальника снаба. По слухам, их теперь станут называть просто инженерами по снабжению с окладом рядового инженера ПТО.

— Выбирать мне, Виктор Петрович, не приходится. Работа нелегкая, но я ее полюбил, свыкся, вроде справляюсь. И что-то менять в своей жизни просто боюсь.

— И я так думаю, Афанасьич. Будем работать. Вызвана же вся эта катавасия скорее экономическими проблемами страны, задачами экономии народных средств, сокращения руководящего аппарата. Инженер по снабжению теперь сравняется в зарплате с инженером по обучению и рационализации, по оборудованию, по технике безопасности. Не знаю, велика ли тут экономия, но наверху виднее.

— Думаю, Петрович, это зло не такой большой руки. Главное, чтоб нам, снабженцам, там, наверху, не ставили палки в колеса. Вечно нас зажимают, выдают необходимое впритык: мол, учитесь экономить, умеете беречь рубль!

— Будем надеяться на лучшее. Железнодорожников сломить невозможно — они ведь и впрямь железные люди.

Глава 7

Радости и тревоги

В ноябре 1984-го я стал дедом. Девочку называли Мариной; сын по такому случаю, взяв сдвоенный отдых, закатил пир на весь мир. Морозова, теперь уже баба Лена, противилась такому мероприятию

иашего Валерки, однако отговорить его не могла, пришлось-таки идти на шумное молодежное застолье.

В принципе, я поддерживал Морозову — не любители мы молодежных вечеринок да тусовок, но обидеть папашу не хотели. Его радость была нашей радостью даже больше, мы от души молодой мамаше желали здоровья, а нашей крошечной внучке — быстрого роста и ангельской красоты.

Перед самым 1985-ым родила и Наталья. Эта весть застала меня в Медногорском депо, откуда я звонил Корневу по каким-то своим снабженческим делам, тут же переключился на группу учета, по привычке интересуясь делами в нашей клювастой. Морозова смеялась в трубку: "За три дня твоего отсутствия новости появиться еще не успели, разве только Наталья из бухгалтерии осчастливила своего Петра сыном". Сообщение Морозовой о Наталье меня несказанно обрадовало — жизнь действительно все ставила на свои места.

Снабженческая круговерть учащала мое посещение бухгалтерии, соприкасая нас с Натальей различными бумажными делами. В ее лице я не видел прежнего огня, оно больше отдавало безразличием, но не ненавистью. Мне же хватало и этого, я просто благодарил судьбу за такой исход моего истинно киношного служебного романа.

Дома за книгой или какой-то писаниной, когда Морозова старалась ни в чем мне не мешать, я, анализируя почти ежедневные встречи с Натальей, окончательно убеждался: кубрику приходит конец, Яге — отставка, нашим встречам — крышка. Время делало свое дело, оставалось только подчиниться его проделкам.

Так ли думала Наталья, не ведаю, только особого героизма я в ней не замечал. Это показали оба последних года и наступивший юбилейный для страны, 1987-ой. Я понимал: она нашла свое счастье и размениваться на мелочи и ежеминутные страсти просто не станет.

В марте я отметил свои сорок восемь, посетовав: через какую-то пару лет мой жизненный рубеж перейдет на шестой десяток. Честно, страшно о том подумать, хотя жизнь все-таки сглаживала все мои острые углы, учился, работал, любил и был любимым. Семья в Орлиной не на плохом счету, орлинцы знали Морозова как баяниста и словесника. Мои материалы "районка" хватала, областная — не чуралась, "Гудок" — замечал. Нет, все-таки счет жизни предъявлять не следовало.

Редактор "Орлиной нови", давно считавший меня своим, на этот раз уже предлагал место в своем штате. Я отшучивался: мол, не могу бросить депо, оно засосало меня, без него я не мыслю своей жизни. Он ис-

кренне сожалел, не на полном серьезе грозился действовать через районный комитет партии: ты, мол, коммунист, журналист, должен знать роль и действенность советской печати в жизни нашего общества.

Штат у него нестабильный, выпускники университета в редакции долго не задерживаются. Я же редактору серьезно замечал: мол, пишу для себя, по желанию, а специальное образование ни о чем не говорит — я заочник. "Обучить писать можно и талантливых выпускников-десятиклассников, — советовал я редактору. — Вы их обкатайте, привейте вкус к слову, а там они сами пойдут в журналистский ликбез, я ведь прошел подобную школу".

— Хитрый ты человек, Морозов. В принципе, ты прав, на деле же надо подействовать на тебя по партийной линии. До пенсии тебе, в общем, немного — какой-то десяток лет, на "железке" выводят и фамилии не спросят, а у нас в газете можно работать до своего последнего часа. Есть резон?

— Может, и есть, Куреке, — мирно сказал я. — Однако лучшее время для переквалификации упущено. К тому же у меня теперь новая работа, я ее осваиваю, вникаю, люблю. А с вашей газетой связи останутся прежними, буду писать даже по вашему заданию.

Редактор стоял на своем:

— В журналистику нынче немногие рвутся, больше в кооператоры идут, в финансисты, в адвокатуру. Словом, надо подумать об "Орлиной нови". Смелость нужна журналисту, принципиальность, боевитость, живая аналитика событий. Афанасьич, ты как коммунист этими качествами вполне обладаешь. Предлагаю тебе должность старшего литсотрудника. На первое время, а если дела пойдут удачно, выдвинем на замредактора. Ведь перспектива, шал?

— Заманчиво, Куреке, и следует подумать, обмозговать.

— Посоветуйся дома, но ответ должен быть положительным. А в райком я все-таки дам знать, давление оттуда по-своему должно подействовать.

— Я подумаю, Куреке, но не надеюсь на свои силы, о чем и скажу в райкоме...

Окончательного ответа я не дал, но в душе осталось беспокойство. Дома обо всем рассказал жене. Морозова в сердцах замахала руками:

— Скажи им: жена, мол, вопрос поставила ребром — или я, или редакция. Подумай, к чему тебя склоняют — менять работу, в твои-то годы все начинать заново! К тому же, ты навсегда лишишься разового

билета, по какому можно ехать хоть на кудыкины горы. Разве это не потеря?

Потеря немалая, буду сопротивляться. Конечно, если вмешается райком, партия, начнут давить как на коммуниста, призывать к партийной дисциплине, партийному долгу — не просто от них отбиться.

— У тебя есть аргумент — годы. На том и настаивай, иначе сломают тебе жизнь: железная дорога стала твоей судьбой, как и моей.

ЧАСТЫЙ

Глава I На шестом десятке

Не представляю, как крутился редактор "Орлиной нови", только меня никто не тревожил ни в 87-ом, ни в 88-ом. Это могло означать, что Куреке обходился своими силами, а может, даже сумел переманить к себе какого-нибудь газетчика из отдаленного от железной дороги района. Станция Орлиная все-таки росла, строилась, обустривалась, и ей сулили в скором времени статус города.

Я последние два года более-менее жил спокойно: по-прежнему

приносил свои материалы в редакцию, Куреке хвалил их, давая очередное задание. На этот раз работа предстояла особенная: необходимо сделать обзор месячной почты сельских тружеников. В редакции мне подготовят все бумаги, останется только умно, кропотливо и, главное, политично, так сказать, поработать. У меня, как рабкора, времени побольше, я — давний друг редакции и личный редактора, поэтому ко мне и просьба такая.

По правде, дома пришлось немало потрудиться, разобрать письма доярок, чабанов, скотников, трактористов. Тема всех писем была одна — XIX партийная конференция. Сельские труженики всемерно поддерживали ее решения, принимая повышенные обязательства по обеспечению городов и сел всеми дарами земли.

Вдаваться в подробности не стал, как готовились свои письма, догадывался, но дело свое сделал, кое-что добавил, систематизировал, написал своеобразное эссе о важности и значимости этого партийного форума для советских людей, принявших задачи по углублению перестройки как свое кровное дело. "Перестройка, — цитировал и какие-то страницы партийной конференции, — все глубже входит и жизнь советского общества, оказывает на него все возрастающее, преобразующее воздействие".

Редактор сказал удовлетворенно: "Якши". Дружба наша продолжалась, предложений о работе в редакции больше не делалось, и мы вообще оставались довольны друг другом.

В 1989-ом Морозова, как и десять лет назад, организовала шумную пирушку в честь моего полтинника. Чужих не приглашали, сделав исключение лишь для Алеко и его Людмилы. На работе с юбилеем поздравил сам Коренев, пожелал всяческого благополучия. Я ночему-то краснел да чувствовал себя виновным. "Ишачина я бухарская! — крутилось в голове. — Мог бы и Петровича пригласить. Надо бы вручить ему пригласительную открытку, а там его дело. Человек теперь может затаить обиду, посчитает, что не уважают его".

Дома упрекнул жену в недалекости:

— Ты бывалый человек, практичный, женщина, знаешь, как это все делается, а вот начальника пригласить не догадалась!

Морозова успокоила меня:

— Кто мы с тобой? Работяги, Ваньки, как ты любишь говорить, с пивзавода. Так он к тебе и пошел! К замам, помам, главбуху, кадровику — куда ни шло, а к рядовому... Да нас в депо сколько тупорылых со своими разными юбилеями? И что же, он обязан на все хо-

дить? На то ни времени, ни средств не хватит. Потому не затевай, Морозов, песню! Собрались свои, хорошо посидели, поспали, повеселились, а так были бы скованны — только и следи, как чего бы не пролить да не ляпнуть. Начальство, оно ведь и за столом начальство...

Юбилей и правда вышел душевный. Как и десять лет назад, позвонила из своей Еремеевки Восковая. К телефону подошла Морозова, и они о чем-то мило беседовали. Потом трубку взял я.

— Вот видишь, Афанасьич, какая я верная аккумуляторщица! Прошло столько лет, а я своего шефа по-прежнему люблю и даже про юбилей не забыла. Женщины, которые любят, не забывают своих прежних поклонников. У мужчин же это быстро проходит из-за их любвеобильности, их сердца холодеют и черствеют, даже к тем, кого чуть ли не на руках носили.

Я спросил, как семья, работа, жизнь.

— Все нормально. Живу, как у Христа за пазухой. Теперь у меня два сына — один школьник, другой в садике. Олег сдал на первый класс, водит пассажирские, живем дружно, хотя, черт возьми, любить хочется! Командировки к нам не предвидятся?

— Пока нет. Но и ты могла бы в Орлиную заглянуть — столько лет глаз не кажешь.

— Нашел радость! Мы каждый год на море ездим, в Алушту, Алупку, Юрмалу, Ялту. Спасибо Олегу — шустрый он у меня, как электровеник.

Оба в трубку посмеялись, пожелали друг другу счастья и мира. Когда я возвратился за стол, Морозова с завистью заметила:

— Не забывают тебя твои кадры, Морозов. Без малого лет двенадцать пролетело, как Людмила уехала, а помнит своего шефа до сих пор!

— Значит, хороший был у них шеф — заботился об их имидже, разряде, заработках.

— А может, ты кадрил с ними?

— Да, девчонки были классные, умницы и красавицы, грех на них не позариться.

— Прямо уж красавицы! — обиженно сказала Морозова. — Такие же, как все, только молодые. Ну, тоненькие еще, поскольку пороха да табака мужского не нюхали. Замуж повыходили, за сорок перевалят — не будут кичиться своими длинными ногами да тонкими талиями.

Наталья на этот раз не звонила, а прямо в техотделе поздравила, крепко принародно поцеловала и подарила большой огненно-золотистый термометр-якорь. Теперь он броско выделялся на стене между трюмом и сервантом. От Морозовой не скрыл, чей подарок, по помоду чего она неодобрительно заметила:

— Муж узнает — приревнует еще!

— Петро не из таких. Он знает: это мои кадры, мы думали о работе, а не о шашнях.

— Ну, не злись. Я же помню твой контингент: девчонки как девчонки, стаж для "заочки" зарабатывали, выучились, теперь с дипломами, с мужьями и детьми. Настырными подружки оказались, целеустремленными, сейчас таких поискать!

Добрая оценка Морозовой характера и жизненного пути моих аккумуляторщиц меня радовала, успокаивала, окончательно убеждая: жена по-прежнему ничего не знает...

Так началась моя жизнь на моем втором столетии. Весь 1989-ый пролетел для меня в трудах праведных. Не было недели свободной от командировок, потому бумаги приходилось забирать домой. Моя портативная "Москва", приобретенная еще во времена ликбеза, и рудилась без устали, отчего Морозова однажды не шутя упрекнула:

— Стала бы я для производства угроблять собственную технику! Вдосно есть секретарши, казенные машинки — отдай им, пусть работают, это же их хлеб. Свою-то машинку зачем напрягать? На старости 'ист может самому пригодиться: не зря же покупал, а ты ее лупасишь да клацаешь. Или медали захотел?

Медали мне никто не давал и, может, даже не замечал моего усердия. "Москву" я угроблял, потому как по-другому просто не мог. Паутро мне надо было сдать отчеты Кореневу на подпись.

В ноябре того же 89-го нашей внучке исполнилось пять лет. Валерка с мамой Верой и на этот раз раскрутились на полные обороты. Были их друзья и несколько детсадовских девчушек, подружек нашей Маринки. Молодежь крутила свои танцы, Морозова занималась внучкой, беседовала со снохой, я же просматривал альбом сына с его армейскими фотографиями. Да, крепкие, кряжистые ребята были в Валеркиной роте, сибиряки да алтайцы. Внимание привлек гстрадный листок, вклеенный аккуратно: "Указ наиглавнейшего во своды града стольного Москва всея Руси от дня 25 сентября 1982 года от рождества Христова по войску ратному Российскому о дне дем-Пельском..."

Да, армейским служивым людям не откажешь в юморе. Показал шуточный указ Морозовой, она улыбнулась:

— От солдата все можно ожидать. Каша из топора недаром же солдату приписывается!

— Ты права, Матрена. Смотри, Валерка до армии в музыке дуб дубом был, теперь же, видишь, как на гитаре шпарит, какие переборы вытворяет да еще с песнями. Доброе армия с людьми делает. Попади туда я в свое время да послужи тогдашние три года — может, сегодня шарил бы на баяне, как Маланин. А так — слухач, гармонист на завалинке...

— И на том спасибо. Орлинцы все равно к тебе идут. Баянистов в Орлиной вовсе не осталось: Береза уехал, Власенко в Абакан подался, гармонисты же с хромками не в счет.

Да, в забвении я не оставался, хотя дома к баяну прикасался от случая к случаю. Свободное время по-прежнему уходило на чертовы вирши, материалы для газет и на просматривание обширной периодики — это "Неделя", "Комсомольская правда", "Гудок", "Известия", "Труд", "Московские новости", "Собеседник", "Крокодил", "Журналист", "Эхо планеты", "Простор", "Шмель". Чтение газет и журналов стало моей потребностью. В ряду газет и журналов любимцей моей и даже Морозовой стала "Литературная газета" — "Литературка".

У Морозовой была своя стихия — "Работница", "Советская женщина", "Советский экран", "Здоровье". Просматривал эти журналы и я, отдавая им должное: умные, жизненные, полезные, красивые и увлекательные. Понимал, что поболее бы надо общаться с книгой, а не тратить время на баянные трели да пустопорожние вирши. Не зря ведь сказано: берешь из головы — не забудь туда и положить чего-то.

Предвидения Коренева сбылись: сверху пришла бумага, согласно которой в Орлином депо должность начальника отдела снабжения упразднилась, приравнивалась к обычной инженерной. Меня перевели в технический отдел, вменив подчинение начальнику производственно-технического отдела. Упростившаяся первичная отчетность освобождала меня от встреч с высоким начальством, теперь я докладывался только начальнику ПТО, без всякой формы, с жалобами на различные трудности нашего снабженческого цеха.

Но ни работы, ни ответственности не убавилось: локомотивы требовали для своей жизнедеятельности немало "корма". Желдор-

снаб, однако, частенько садился в галошу, рассматривал наши заявки с задержками, ссылаясь на финансовые затруднения либо транспортные проблемы.

В случае перебоев с материалами я коршуном набрасывался на желдорснабовских снабженцев, выяснял причины такого положения, строчил телеграммы в дорожную службу для принятия соответствующих мер. Начальник техотдела порой спрашивал:

— Не спешим ли мы стучать наверх?

Я успокаивал шефа:

— Серикпай, с нас в любую минуту могут спросить: "Вы давали знать о своих бедах, стучали куда-нибудь?" Телефонный разговор к делу не пришьешь. А так — пожалуйста, телеграмма бар, номер, число, подпись бастыка. Словом, все задействованы, все волнуются, все заинтересованы, дело только за верхами.

— Я этой кухни не знал, — признавался удивленный Серикпай. — В депо склады не пустуют, а откуда что берется, нас, инженеров, мало интересовало. Теперь, когда на нас возложены и снабженческие функции, эти тонкости, оказывается, надо тоже знать.

— Не будет громко сказано, но на оперативном полноценном снабжении держится нынче наша экономика. Снабженцам по штату положено разбиваться в доску, доставать хоть из-под земли разные материалы.

В целом же, особых упреков снабжению депо пока не делалось, хотя провалы случались, но не вселенского масштаба. Снабженцы вкалывали в поте лица, что на своих летучках не забывал отмечать начтех. Корнев, в свою очередь, заслуги техотдела в части материально-технического обеспечения ставил на вид, что повышало наш техотдельский рейтинг. Мы с Серикпаем радовались, потирали руки и даже потихоньку это дело обмывали — все-таки в депо болыне ругали, чем хвалили.

Коль чего-то не могло дать отделенческое НОДХ, я выискивал на стороне, не у железнодорожников. Таким кладезем оказалась воинская часть, базировавшаяся в районе озера Медное.

Депо последнее время требовалось оконное стекло, метлахская плитка, водяные и масляные насосы, запорная аппаратура, брезент для локомотивных сидений, мешковина, напорные рукава для слива топлива. Желдорснаб таких материалов часто не имел. Депо, однако, его просьбами не донимало, не бомбило службу угрожающими и просящими телеграммами. "КамАЗ" Петра Ивановича постоянно

стоял под парами: команда начальства — и мы срывались с ним к нашим приветливым воякам.

С недавних пор командование части начало отказываться от деповских денег, предлагая перейти на бартер. Военным требовались запчасти на их маневровый ТЭМ-2 или его бо́льшой ремонт, что наши и выполняли с особым рвением. Проговорился я как-то в разговоре с отцами-командирами о наличии в моем депо уникального станка КЖ-20, их заветной мечте. Без всяких официальных договоров вояки пригоняли свой тепловоз, наши без проволочек обтачивали на этой чудо-технике бандаж колесных пар без их выкатки из-под локомотива. Люди из части восхищались оперативностью и качеством исполнения, деповчане радовались необходимым нам материалам.

Так и шла моя снабженческая жизнь. Другой судьбы я себе не желал, по-своему благодарил ее за эту новую жизненную дорогу на моем шестом десятке, пусть не прямую, не лучезарную и полную непредсказуемости.

Глава 2

Мелочи жизни

В первых числах августа 1989-го на общедеповском собрании, посвященном нашему профессиональному празднику, Дню железнодорожника, неожиданно в числе нескольких работников депо, награжденных медалью "Ветеран труда", оказались и мы с Морозовой. Нам приколотили на грудь эффектные государственные награды, и мы, не скрывая радости, гордо приняли их.

Говорили: медаль эта дает его обладателю какие-то льготы. Но в чем они конкретно заключались, мы так и не поняли. Корнев, крепко пожимая нам руки, говорил залу: "Депо по праву гордится такими людьми, как семья Морозовых, всю свою сознательную жизнь связавших с железной дорогой. Старшие Морозовы отдали Орлиному депо по тридцать лет своей жизни, их же сын, после армии, пока только первую пятилетку, каких, возможно, будет также шесть, а то и больше... Известно, Орлиная —

не мед, но Морозовы не бегают по белу свету в поисках земли обетованной".

Мы благодарили Корнева за теплые слова и высокую награду, пообещав служить своему депо до самого дембеля.

Узнав о медалях, молодые Морозовы пришли с поздравлениями всем семейством. Внучка выпросила у бабули ее медальку — поносить на своей груди. Баба Лена желание ребенка исполнила, и девочка носилась по комнате с неумным восторгом. Настроение ее передавалось всем, но больше нам, деду с бабкой.

День железнодорожника Орлиная всегда отмечала шумно. Обходилось без флагов да транспарантов: орлинцы просто по-настоящему отводили душу, гуляли в парке. И начальство не чуралось массового отдыха орлинцев.

Сегодня вышел на люди со всем своим семейством и Виктор Петрович Корнев. Подойдя к нашей морозовской компании, поздравил с праздником. Вдруг спросил меня:

— Почему грустим, Афанасьич? Где твой баян, музыка, задор? Негоже в такой день быть пресным!

— Да вроде как-то неловко, — сказал я смущенно. — Все-таки не молодой уже уподобляться уличному гармонисту. Кто-то примет благосклонно, кто-то равнодушно, а кто и с укором, скажет: "В молодые записывается!"

— Такого, Афанасьич, быть не должно. Наши, орлинские, тебя хорошо знают...

Корнев со своим семейством пошел к окраине парка, на стадион, где намечалась встреча двух железнодорожных команд: от Орлиного депо — "Локомотив", от Медногорского — "Магистраль". Такие встречи в Орлиной проходили не раз, в этих состязаниях были зрелищность, азарт, желание победы, праздник души и тела.

Вечером по телевизору транслировали из Дворца культуры железнодорожников Углеграда добрый праздничный концерт. Выступали профессиональные артисты и участники художественной самодеятельности. Среди них нас с Морозовой больше привлек клуб ветеранов войны и труда углеградского отделения "Магистраль". Мы упивались их выступлениями, а я еще и игрой трио баянистов. Какая виртуозность, красота, одаренность! Я пожаловался Морозовой на свою бездарность.

— Это же их хлеб, Сегизбай Иванович, — на полном серьезе сказала Морозова. — Твой же хлеб — депо, снабжение. А баян для тебя

просто отдушина, приложение ко всем твоим прочим талантам. Поэтому не стоит себя корить. Я даже горжусь тобой!

—Прежде ты мне этого не говорила.

—А теперь вот говорю.

—В честь праздника?

—Из простой реальности.

— За тридцать лет нашей совместной жизни, Пульхерия, могла бы как-то пораньше заметить эту реальность.

— Я знала всегда, но не говорила во всеуслышание — вдруг возгордишься да начнешь выделяться, возомнишь из себя звезду, меня считаешь серостью, бездарью. Начнешь искать себе ровню, кого-то помоложе, покрасивее, в чем-то талантливее твоей жены.

—Неужели тебя и такие темные мысли посещали?

—Почему бы и нет? Разве мне хотелось тебя терять? Хотя Валерка и скреплял нашу семейственность, однако всякое могло произойти. Мало ли в Орлиной брошенок с детишками да разведенков? Умные, красивые женщины, а вот оказались брошенками — мужья позарились на молодых.

—Ну, может, характерами не сошлись. С виду они, может, милые, уступчивые, с мужьями же — сущие пантеры. Встречаются в жизни подобные экземпляры.

— Да нет, просто мужьям захотелось молодых да ранних, свежих да лучистых...

В понедельник на общей планерке Корнев доложил о производственной деятельности депо за июль. О вчерашнем гулянии было сказано: праздник прошел без ЧП. А это значило, что срывов поездов не зафиксировано, браков в поездной работе не отмечено, в медвытрезвитель не попал ни один деповчанин, что делает нам честь. Но орлинские железнодорожники в этом заведении все-таки побывали: отличились люди из ПЧ, ШЧ, НГЧ, ЭЧ, несколько вагонников наложили пятно на свое предприятие.

Высокие производственные показатели, о чем говорил Корнев, нас, деповчан, конечно, радовали, потому как это тринадцатая зарплата, премиальные, выслуга. Корнев не раз предупреждал: всего этого может не быть, не выполни депо план грузоперевозок, допусти браки особого учета и прочее. Наше благополучие, наши заработки зависят только от нас самих. Не требуется звезд с неба хватать, а надо всего лишь добросовестно выполнять свой долг, делать свою работу.

Пока особых эксцессов не происходит, но негативные стороны в работе отдельных товарищей имеются. К примеру, на той неделе недостойно вели себя кочегары котельной ПТО, отказавшие топить котлы якобы из-за некачественного угля. Пока не вмешался главный инженер, котлы стояли притушенными, а это грозило парализовать работу топсклада, самого ПТО, гаража. Словом, кочегары объявили своеобразную забастовку, за что по головке их не погладят.

Нечто подобное происходило и в моторном цехе. В обед молодые слесари Грузинцев, Бурмистров, Ишанов, Янаев играли в карты. "Не знаю, — возмущался Корнев, — на деньги ли, на щелбаны или какой другой интерес, но факт зафиксирован, что не красит мастера цеха. Пусть играли они не в рабочее время, но рабочее место каждого труженика, без всякой патетики должно быть свято. Займитесь полезным делом, если осталось время, но не бросайтесь на карты, депо ведь не бордель, а государственное предприятие".

Про карты в моторном, очевидно, знали немногие, ибо каждый переспрашивал: кто, когда, где? Как попала сия неблагоприятная информация к Корневу, никто не знал, больные догадывались: не иначе как сам шеф поймал злополучных картежников. Им объявили по выговору, заодно лишив премиальных подчистую.

Дома Морозова сказала мне:

—У вас в отделе тоже играют в обеденный перерыв, но в шахматы.

—Шахматы — другое дело, здесь работа ума, а не шулерские операции рук и взглядов. Карты обычно ассоциируются с чем-то нечистым и приписываются больные зекам, хотя не каждый зек берет их в руки.

—Может, Корнев и перегнул, в обеденный перерыв человек хозяин своего времени. Ну, поиграла молодежь, не в ущерб же производству!

В общем, в депо давно знали: прийти на работу с запашком или попать с картами означает подписать самому себе приговор. Однако сколь очумело-драконовскими ни были меры воздействия для всех нарушителей деповского распорядка жизни, тишь да благодать царили не всегда. Все также появлялись работнички с хорошим перегаром, в "закрытых" цехах — таких, как скоростемерный, АЛСН, аккумуляторный — слесари умудрялись "ударить" так, чтоб из ноздрей бежало. Коль мастер не замечал — слава Богу, а так кое с кем пришлось расстаться.

— Если тебя тянет к бутылке, — резюмировал Коренев, — то выделяй с нею какие хочешь номера, хоть женись на ней, но на работе будь человеком!

Эти рассуждения Коренева на планерках, как я понимал, принимали не все. Знавшие близко Виктора Петровича не сказали бы, что сам он трезвенник: на застольях мог, как все, выпить, веселиться и даже пуститься в пляс.

Орлиные застолья ни разу не сводили нас с Кореневым вместе, хотя бывал я на них нередко. Кто-то заметил: жена приходит с ним не всегда, но мужской волей-волюшкой он не злоупотребляет — то ли не умеет, то ли верен жене.

— Да порядочный он человек, не в пример тем, кто чуть за порог или за светофор — тут же оказывается в объятиях другой, — сердито прокомментировала эти сплетни Морозова.

— А мне кажется, Петрович придерживается мужской заповеди: "Не кадруй, где живешь, и не живи, где кадруешь", — высказал я же-не свою догадку.

— Это заповедь пошляка. Чего бросаться на встречную-поперечную, когда своя дома, красивая, умная, интеллигентная? Обыватель падок на слухи всякие и небылицы. И про ОХРу чего только не говорили. Однако ж не на пустом месте рождались о вас разные слухи, молва, разговоры.

— Что уж нападать на ОХРу, когда ее уже не существует... А все же замечательный там был народ — работающий, боевой, честный, доверчивый.

— В этом им не откажешь. Только отчего, скажи, ни один из них, паразитов, столько лет тебе даже захудалого письма не напишет? Павло замолчал, Федор, Чугунов, Шаповалов... А ведь были с тобою — не разлей вода.

— Мы же повзрослели, жизнь идет к закату, у каждого свои семьи, своя судьба. С годами жизнь меняет человека. Потому, думаю, никому претензий предъявлять не следует. Слава Богу, хоть Алеко рядом — видимся, беседуем, а главное, крепко помогаем друг другу. У него тепловозы, у нас тоже, пусть только десять, однако их необходимо поддерживать. Так вот и крутимся: я ему одну железку, он мне другую, просто делимся по-братски.

В разговоре жена вдруг не к месту спросила:

— Новый год на носу. К детям пойдем или у себя их примем?

— Так молодежь к тебе и пошла! У них своя команда, своя компания.

— У них удобно — новый телевизор, "Голубой огонек" можно смотреть хоть до утра, — мечтательно сказала жена. — Знаешь, Порфирий, если в наступающем 1990-ом не приобретешь цветной "ящик", я выставлю твой чемодан на площадку. Уж лучше перебиваться с хлеба на квас, чем смотреть такой придурковатый телевизор, как наш!

— Я готов, Феодосия, но тут нужна оперативность — ловить на базах, складах, в вагон-лавках. Их же мигом сметают с магазинных прилавков...

Наша жизнь с Морозовой текла без порогов, по поводу чего она однажды сказала:

— В доме у нас и у детей достаток. Все здоровы, мир, покой, достаток и у моих сестер. Как тому не радоваться? Боюсь, кто-нибудь сглазит это благополучие.

— Это в тебе какая-то мистика просыпается да старушечьи поверья. Становишься ты молодой Бабой-Ягой! Живем мы, хлеб жуем, никому не мешаем, никому дорогу не переходим... Чего нам бояться?

— Людей. Некоторые просто завидуют черной завистью. Я уж и так со всеми остерегаюсь, на всякое: "Хорошо живешь, подруга!" — говорю про себя: "Соль в глаза, соль в глаза, соль в глаза", а придя домой, сразу умываюсь, трижды повторяя: "Смываю все грязное, злое, черное, остаюсь чистой".

— А я-то думаю, чего она подолгу в ванной пропадает... И как, помогает?

— Вроде Бог милует. Но все равно страх, что нас сглазят, ни на миг не оставляет меня. Есть люди такие завистливые! Думаешь, Орлина не знает, как живут Морозовы? Люди даже знают, сколько у нас на книжке.

— Дудки! Тайна вклада гарантируется государством.

— Мало ли чего там пишут. На рынке Кандыбиха прямо крикнула: "Чего ты, Морозиха, скупись, какую-то дохлую курицу берешь? Вон у меня какие индюшки лежат! У тебя на книжке — куры не клюют, а ты жадничаешь". Я с ней не стала базар разводить, промолчала и ушла.

— Кандыбиха сдуру лягнула. Ей лишь бы свою птицу сплавить, а ты сразу в амбицию. Закон о тайне вклада незыблем, потому не наводи тень на плетень. Есть машинисты, у каких действительно куры денег не клюют, на "Волгах" да "Жигулях" рассекают... Я тоже завидую тем, кто на машинах крутит.

—Так давай свою купим.

—Не нужна она нам, лучше Валерке помочь. Маринка подрастет, а девчонке, сама знаешь, сколько нужно!

— Я уже предлагала — отказывается: мол, обижать стариков не стану, сам заработаю. А Маринка, думаю, подрастет и задаст родителям жару. Уже сейчас она перебирает: то ей не нравится, и это... А ей же в садик идти, не на бал. Слез море, пока мать не наденет ее любимое, а любимое, конечно, все самое красивое да дорогое.

—Ничего, она ведь у них одна, появится второй — поумерят пыл старшей, — сказал я, а сам подумал: "Надвое сказано. Маринка — мамина доча, а мама ребенка боготворит. Валерка болыне в поездках, в семейный бюджет не вмешивается".

Так у внучки появился мишка ростом, как я определил, с третьеклассника. Он не помещался ни в одну из ее колясок. За мишкой потянулись в дом разные Барби, велосипед. Игрушки некуда уже было девать. Возмущался ли Валерка, мы не знали, но мама делала свое разорительное дело, конца какому пока не предвиделось. Мы не вмешивались, рассуждая: прижмет жизнь — поневоле одумаются.

Конечно, думал я, молодости несвойственно планирование своей жизни, взгляд вперед, ожидание каких-то катаклизмов. Живет она болыне одним днем, ее это устраивает и придает какой-то стимул жизнедеятельности. По себе знаю: особых забот о будущем я не строил, хотя жил мечтою уехать из Орлиной вместе с Морозовой. Она же моим мечтам сразу подрезала крылья, не оставив мне ничего другого, кроме как подчиниться времени и судьбе. А потом в моей жизни появились две Золушки, с какими новой жизни тоже не получилось: их трезвость, аналитика победили, за что я теперь на них просто молился.

В предновогодние дни удалось поговорить с Натальей. Она в ожидании второго ребенка. С первой у ее мужа столько лет детей не было, а теперь на его четвертом десятке такая божеская благодать... "Слышала, наша Яга дала дуба, царство ей небесное. Она умела хранить нашу тайну, теперь и вовсе унесла с собой в могилу", — сказала Наташа.

"Как насчет другой Яги?" — спросил я. И получил отказ.

Глава 3 Снабженческая круговерть

... -ый принес Наталье дочку. Я позвонил, поздравил.

Им Она поблагодарила в ответ и шепотом заметила: "Умно-таки судьба распорядилась нашими жизнями. Сойди мы тогда с ума, неизвестно, как бы все обернулось. Мы же выстояли, у нас хватило мужества пересилить себя, свои порывы, даже перешагнуть через болыную любовь и взаимные чувства".

Наконец-то с Натальей у меня отлегло. Наша тайна осталась в нас навсегда, а Яга свою унесла в вечность. Многое знал еще Алеко, но ему я доверял как себе. Жене, конечно, он ни слова не скажет, как бы ей ни доверял, она молода, захочет поделиться с подругами в Орлиной, куда временами наведывается к предкам. Мир с дочерью предки установили сразу же после рождения внучки. Старики Людмилы повинились, попросили прощения, а зятя приняли вообще благосклонно. На разницу в годах упреков не делали, ее выбор одобрили, только предупреждали, чтоб она с годами не вздумала хвостом вертеть: разница в пятнадцать лет — не шутка.

Наша жизнь с Морозовой стабилизировалась, и в наступившем 1992-ом мы готовились отметить теперь уже ее пятидесятник.

— Ах, как же это много — пятьдесят! — вздыхала жена. — На мужчине эти годы вроде не так сказываются, а женщина через какой-то пяток годков выходит на пенсию, и до свидания работа, друзья, молоджавость...

— О тебе, Меланья, такого не скажешь, ты так же привлекательна. Насчет же пенсии, как я знаю, многие ее просто дождаться не могут, не чают, когда не нужно будет рано вставать, готовить обеды, бежать на работу, в садик за внуками.

— В зеркало смотрюсь я частенько и вижу: время свое берет. Даже Валерка как-то заметил: "Мам, вроде устало ты выглядишь, морщинок прибавилось. Может, отец обижает?"

Посоветовались, как лучше справить юбилей. Решили собрать

только своих, плюс Алеко с Людмилой пригласить. Но Алеко по телефону сообщил: "На этот раз не получается".

— Передай ей, старик, — кричал в трубку Александр, — что она заслуживает от орлинцев большого бюста за верность Орлиной! Было у нее немало шансов ретироваться с тобой, но они упущены. Теперь нет резона: пять лет до дембеля добьет на месте, оно солиднее и престижнее. Нам с тобой до этого заслуженного червонец ждать, Людмиле — так все двадцать. Ничего, буду ей свежие обеды готовить, провожать и встречать с работы — все какое-то занятие пенсионеру.

— Не драматизируй, Шурик! — кричал в трубку и я. — Без тебя завод точно остановится. На здоровье не жалуешься, с какой стороны сердце, не знаешь, потому паши до скончания века!

Свое обещание насчет "ящика" к юбилею жены я выполнил — цветной "Рекорд", 61 сантиметров по диагонали. Все гости восхищались цветом, четкостью, яркостью. Морозова настройкой программ занималась сама, не разрешая даже внучке дотрагиваться до привлекательных красных рычажков да кнопок. Когда гости разошлись, жена откровенно сказала:

— Честно, не ожидала от тебя столь дорогого подарка. Красивый, современный, четвертого поколения, сам выключается, если трансляция закончилась... Сейчас на импортные бросаются, нам же пусть советский послужит!

Старый "гроб" "Электрон" я пристроил под столом, решив при первой же возможности избавиться от него. Предлагал друзьям на запчасти — отказались: "Электрон" свое явно отжили, тем более, как у меня, ламповые. Решил: в первую же командировку с Петром Ивановичем загружаю ящик на машину, по пути заезжаю в провинцию и по дешевке предлагаю свой товар. "Электрон" все-таки цветной, изображение, правда, не идеальное, но терпимое. Отдам сельчанам за трехлитровую банку сметаны или шматок сала: и им хорошо, и я избавлюсь от почти полуцентнерового "подарочка".

В начале 1992 года по депо поползли слухи: Коренев уезжает из Орлиной. Одни говорили — в управление дороги, другие — куда-то аж под Москву. Конечно, рассуждали мы, люди типа Коренева без работы не останутся, только доверят ли ему в такое смутное время в центре начальствующее кресло, как в Орлиной?

Вскорости стало известно: наш шеф определился в городе Крутогорске. Кто-то слышал о таком: мол, красивый, зеленый, можно сказать, райский город. По нему протекает речка — судоходная, широ-

кая, богатая рыбой; вокруг же бесконечные лесные массивы. Крутогорск, как утверждали знатоки, стоял на большой дороге, железнодорожных направлений имел на все четыре стороны, управление "железки" базировалось в другом городе, здесь же — отделение дороги и локомотивное депо. Как раз в отделении, в локомотивной службе, этом самом НОДТ Кореневу и предложили новую работу.

Деповчане Орлиной сожалели об уходе Коренева. Кто заменит его, было неизвестно. Прочили главного инженера: мол, высокий статус позволит ему занять кресло первого руководителя. Сходились также на заме по ремонту — эту должность безболезненно потянет и он, локомотивщик с железнодорожным образованием, деловитый, знающий производство и людей. Молодость заместителя начальника депо по ремонту деповчанами во внимание не принималась. Никто не сомневался, что он с новой должностью справится, тем более, опыт начальствования у него был — не раз замещал Коренева при его уходе в отпуск.

Мое общение с замом по ремонту было ежедневным, на каждой производственной планерке. Я докладывал о делах снабжения, трудностях, просил его указывать ремонтникам, в каких-то пределах экономить запчасти. Порой ремонтники бывают слишком расточительны. Зам слушал меня, что-то записывал, с чем-то соглашался: мол, у него тоже есть прикидки экономии материалов на том-то и том-то узле. Известно, что наши слесари не любят политики Плюшкина, но учиться экономии все же надо уметь, это сегодня чрезвычайно важно. Доходы должны превышать расходы — истина непреложная, от этого благополучие депо и каждого его работника.

Не всегда все шло так гладко. Влетало нередко и мне: вовремя не побеспокоился о прожекторных лампах, манжетах тормозных цилиндров, щетках тяговых двигателей, форсуночных распылителях. "Материалов этих кот наплакал, — резюмировал зам. — Снабжение же не чешется, выжидает, когда НОДХ преподнесет ему все это на блюдецке. Надо безвыездно сидеть в снабе, шнырять по начальству, выбивать необходимые материалы, а не висеть целыми днями на телефоне".

Обидно, конечно, выслушивать такое, потому как я из кожи вон лез, выполняя заявки мастеров. Уж кто-кто, а зам по ремонту лучше других знал мое рвение, но, видимо, хотел, чтоб я не забывался. Говорили: Виктор Павлович Лапшин не умел прощать промахов, во всем придерживался буквы закона, требовал действий по инструк-

ции. Выполнение служебных обязанностей считалось для него священным, скидок на помехи и трудности он не делал. "На железнодорожном транспорте, — говорил Лапшин, — задание — что в армии приказ. Выполни его, потом уж обсуждай — труден ли, по силам ли, выполним ли вообще. Начальник дает задание не с бухты-барухты, рождается оно из анализа производственной необходимости, текущего момента, финансовых возможностей предприятия. В этом плане оперативность — тоже залог успеха, потому не стоит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня".

Я хорошо понимал главную свою задачу — локомотив по вине снабжения не должен стоять. На трудности же снабжения я никогда не ссыался, понимая, что начальство и мастеров мои проблемы не убедят: для них не существует понятия "нет". Локомотив требует деталей, запчасть — выдай, иначе он не выйдет с ремонтной канавы, а потому умри, а достань ее.

Правда, пасть так низко я себе не позволял и постоянно контролировал в кладовой наличие того или иного локомотивного материала и запчастей. Сбои случались и в самом желдорснабе, но там работали свои снабженцы, со своей спецификой и своим статусом. Мы, периферия, питались в основном от них, по-своему же на них и молились. Материал желдорснаба в основном специфичный, и достать его на стороне, скажем, в той же воинской части, не всегда удавалось.

Обычный гражданский товар — стекло, линолеум, дерево, задвижки-вентили — у вояк имелся. Локомотивной же номенклатуры не водилось за ненадобностью. Оставалось надеяться только на кровное НОДХ. Всеми правдами-неправдами старался запастись всяческим дефицитом и просил кладовщицу приберечь его к экстренным случаям и выдавать на руки только при острой необходимости. В этом плане не раз просил Коренева и Лапшина подписывать требования мастеров с оглядкой. Мастера в своих шкафах, о чем я знал точно, создавали свою заначку и в нужный момент пользовались, не надеясь на полки кладовой.

Как-то мне в воинской части удалось достать для токарных станков механического цеха резцы трех модификаций — целых три коробки по 930 граммов каждая, стоившие совсем недешево. Токари уверяли, что этого богатства, какого у них сто лет не было, хватит года на два. Мастер мехцеха выписал все три коробки оптом, но через какую-то тройку месяцев уже брал меня за горло. В сердцах я ска-

зал: гитару вам, а не резцы, мол, пишу рапорт начальнику, пусть соответствующая комиссия разберется, подсчитав всю произведенную станками работу, определит ее сложность, марку стали изделий, количество отработанных станками часов. Мастер замахал руками: дескать, не спеши, постараюсь разобраться с токарями, выявлю подлинную картину. Может, токари обводят его вокруг пальца, сплавляя дефицит друзьям да знакомым... Я обещал дело до рапорта не доводить, попросил снабжение до конца года резцами не беспокоить: "Со своими же кадрами по поводу случившегося разбирайтесь сами". Какую провел работу мастер мехцеха, мне неизвестно, только целых два года по резцам меня никто не тревожил.

Анализируя временами свою снабженческую роль, я видел: она набирает силу, снабжению я нужен, как и эта работа мне. В мои обязанности входило не только добыть, выкопать, достать, выцарапать материал, но скрупулезно следить за его движением. В последнее время за сверхнормативные остатки материальных ценностей начинали крепко бить. Теперь, по сути, отбивали желание тащить, как крот в нору, запасы. Я же считал: запас карман не тянет, есть не просит. Наличие материалов с избытком обеспечивало надежность производства.

Однако, ко всем несчастьям, связанным с развалом великого Союза, теперь уже свое, республиканское железнодорожное руководство ниспослало жестокий приказ всем железнодорожным предприятиям страны иметь только полуторамесячный запас материалов и запчастей. Излишки скрупулезно учитывались, выскребались и доставлялись на склады отделенческого желдорснаба, оттуда на центральный склад. Железные дороги республики теперь были объединены в РГП — республиканское государственное предприятие. Центральный склад базировался в столице.

Повседневность показывала: сколько ни крутись, ни вертись, а потребность в материалах и мелочах не кончится. Не было времени ни на стихи, ни на материалы для "Орлиной нови".

Мастеру хозцеха срочно потребовался подшипник 8105. Копеечная деталь, а, смотри ж ты, остановила станок-машину в колесном цехе. Звонил в НОДХ, молил: "Спасите, помогите!" Друзья-снабженцы отвечали: "Подшипник есть, но как его доставить за двести верст?"

— Через час сорок от вас уходит скорый шестнадцатый. С машинистом можно передать. Я через три часа поезд встречу. Виталий, помоги, полцарства за 8105-й!

— Хорошо, высылаю, а полцарства оставь для депо — ты же ему верой-правдой служишь...

Виталий, как и обещал, заветный подшипник передал с машинистом скорого, которого при встрече я чуть ли не заключил в объятия.

Нет, штиля в моем снабженческом океане не предвиделось. То ли наша социалистическая система тому причиной, то ли сама природа советских людей. Говорят, Черчилль однажды сказал: "Завидую болыпевикам, они сами создают себе неимоверные трудности и столь же стоически их преодолевают". Повседневная жизнь подтверждала эти слова.

Необходимые материалы, оборудование да запчасти для локомотивов поступали из желдорснаба все реже, что заставляло нас крутиться, как белка в колесе. Общий экономический спад, о чем последнее время так много говорили, по нашему мнению, не должен был касаться железной дороги, ведь это базовая отрасль экономики республики, с ее бездорожьем и безводьем.

Но "железка", ведущий движитель страны, начинала испытывать различные обвалы. Я это чувствовал по полкам деповской кладовой, крайне меня удручавшим. Мастера же на планерках говорили только одно: снабжение не работает, не пробивает, не заботится... Таким безрадостным оказался для меня наступивший 1995 год.

Глава 4

Черный год

На одном из отчетов, какие проводились по пятницам уже лет тридцать, мы, итээровцы, а если точнее, то мастера цехов, главбух, председатель профкома, начальники отделов, замы по ремонту и эксплуатации, главный инженер, старший кладовщик, специалисты по снабжению, заведующая домом отдыха локомотивных бригад, комендант семейного общежития, около тридцати человек, ожидали услышать от Лапшина нечто новенькое о нашей работе.

Но Лапшин предупредил: новая метла по-новому мети не собирается, все останется, как прежде, требования же к дисциплине и от-

ветственности каждого за свой участок работы не снижаются, больше того — ужесточаются. Это требование времени, перестройки, первых азов рыночной экономики. Мы, железнодорожники, не должны плестись в хвосте событий, напротив, обязаны стать авангардом перестроечного процесса страны.

— Хотелось бы, товарищи, напомнить вот еще о каком моменте. Чего вы, думаю, не можете не замечать — это, без преувеличения, повальная миграция населения, — сказал Лапшин. — Немцы покидают Орлиную целыми улицами. Раньше такое как-то не слишком бросалось в глаза, сегодня же, в девяностых, миграционная чума охватила нашу страну. Если бы только немцы — куда ни шло, так уезжают все, кому не лень. Наверно, люди стали богаче жить, завелись денежки, вот и потянуло их в благостные крымские да волжские края, на Урал да на Украину с Белоруссией. Уезжают специалисты, работяги, а это тревожный симптом — уже появляется дефицит отдельных кадров и у нас в депо. Пятнадцать заявлений на сегодня ждут моей визы, на что, честно, просто не поднимается рука. Приходится беседовать с людьми, отговаривать, но человек ведь, как рыба, ищет, где лучше. Потому мы как итээровцы и руководители должны в какой-то мере препятствовать выезду наших людей, говорить с ними, убеждать: мол, на месте и камень обрастает, зарплата у нас повыше, чем в Крыму да на Урале, а с Белоруссией и Украиной вовсе сравнивать не стоит. Квартирный вопрос в депо решен окончательно, очередность ликвидировалась сама собой уже несколько лет, остается только жить, работать да радоваться жизни!..

Такие тревожные вопросы теперь волновали не только деповское руководство, но и нас с Морозовой. Сноха поделилась секретом — сын с друзьями тоже подумывают об отъезде, выбирают, куда податься. Может, пролетит не один год, пока все решится, но мысль покинуть Орлиную у нашего Валерки засела глубоко и подогревалась каждым отъездом очередного орлинца.

В начале февраля 1993-го меня срочно вызвал к себе на ковер Лапшин. Усадив напротив, доверительно сказал:

— Как бы ни сложна была наша жизнь с развалом Союза, Афана-сьич, она все-таки идет, движется. Люди по-прежнему работают, делают свое дело, не давая жизни зачахнуть. Вот и тебе предстоит ответственная работа — ехать в Москву на ЗИЛ за бортовым дизельным автомобилем. Командировка на три недели.

В Москве мне предстояло встретить наших опытных шоферов, оп-

ределиться с жильем, потом с ними получить на заводе автомобиль. Шоферы машину погонят в Орлиную своим ходом, а я выеду поездом. Командировка уже выписана, билет заказан, остается только собрать чемодан да получить в бухгалтерии всю документацию.

Морозова к такой длительной командировке отнеслась спокойно:

— Не привыкать. Но Москва деньги любит. В Больной сходить надо? Надо. А на Винокура, Петросяна, Хазанова, Задорнова, Новикову как не попасть? Три недели в столице — жизнь вряд ли когда еще такое счастье подбросит. В Кремлевский дворец сходишь — там такие звезды выступают! В цирк Никулина попытаешься, ансамбль "Березка", может, удастся поймать.

— Ну, на месте разберусь. Ты, главное, список покупок готовь для себя, детей, сестер. Ты — заказчик, я — снабженец, и заказы должен выполнить, депо неплохие командировочные дает.

Морозова постаралась: ее списком смело можно было обтянуть маринкину талию, как поясом. Кстати, для внучки она вообще не жалела ничего. Бабина любимица и баловница любила форс и моду, а исполнения своих желаний требовала теперь не от мамы, а от бабы. Внук Артем пока мало чего понимал в человеческих ценностях и привязаться по-настоящему ни к кому еще не успел. Я как дед, конечно, баловал его, чем мог, но особой любви ко мне он, однако, не проявлял. У бабы же был свой подход, отчего Артемка ластился к ней более откровенно.

...В Орлиной меня никто не встречал — я не захотел сообщать о дне своего приезда. Два китайских необхватных баула уложил на частный "Москвич", таксовавший по Орлиной со времен многообещающей перестройки. Мое неожиданное появление застало Морозову с внучкой врасплох, но они тут же распростерли объятья, видя деда живым, деятельным, улыбчивым.

Распаковка клади доставляла им неопишемое удовольствие. Я положил перед Морозовой ее же список с ценой против каждого наименования. Товар Морозовой нравился, внучка восхищалась, я млел от счастья. Юная модница облачалась в новые наряды и вертелась у зеркала. Вещи для нашей любимицы я покупал в знаменитом "Детском мире", все остальное — в ГУМе, ЦУМе и не столь шумных магазинах на Малаховке, в Кусково, даже в Воскресенске.

— Марина, поцелуй деда, он тебе кучу добра привез, до десятого класса хватит! — говорила Лена.

Меня же охватывало беспокойство. Где в этот момент мои шофе-

ры? Петр Иванович Москву знал, потому выбраться из нее без эксцессов вполне мог. Трасса должна вывести их на Казань, дальше Свердловск, Зауралье... Дорога от Москвы до Орлиной с двумя водителями укладывалась, по расчетам бывалых шоферов, суток в семь, хотя поезд это расстояние покрывал за полные четверо.

Я рассказал Лапшину о всех перипетиях моего вояжа на ЗИЛ, о моей двадцатисуточной московской жизни, о свидании с деповчанами-орлинцами, поменявшими Орлиную на Подмоскovie. Поговорили и о погоде — насколько она благоприятствует шоферским рейсам.

— Ребята не обещали откуда-нибудь подать голос? — проявил беспокойство о водителях и Лапшин.

— Я их серьезно просил об этом: мол, не только ваши семьи — все депо о вас будет несказанно волноваться. Обещали, но сегодня уже пятые сутки, а от них ни звука...

Все эти дни мы, действительно, жили одним ожиданием. Погодные сводки за бугром не радовали, заставляя надеяться только на опытность наших водителей. Только на седьмые сутки после моего приезда Петр Иванович торжественно ступил на орлиную землю. В депо новую технику ощупывали, обнюхивали, похлопывали по измятому капоту.

— Машина добрая, сильная, скоростная, неприхотливая. Хороший глаз, уход, руки — и будет трудиться долго, — сказал Петр Иванович.

— Ну и принимай ее сам, ухаживай, крутись.

— А мой "КамАЗ" как же?

— Передашь Матвиенко, — сказал Лапшин.

— Ну, спасибо, Виктор Павлович! Думал, вы сына своего посадите.

— Нос не дорос у него до таких колес. Пусть на "лайбах" набивает руку...

Новый "ЗИЛ" скоро поставили на учет, только Петр Иванович целыми днями производил перетяжку, регулировку, смазку, что меня крайне удивляло: машина с иголочки, а с нею столько хлопот! Петр же Иванович этому не удивлялся, делал свое дело дотошно, с любовью.

Я ожидал, что за выполненную работу Лапшин объявит мне благодарность или просто как-то отметит. Но шли дни, месяцы, пролетел и весь 93-ий, а начальник меня так и не заметил. Я продолжал делать свою обычную работу, мотался по различным организациям

в поисках каких-то запчастей и материалов. Тепловозным депо я предлагал оставшиеся еще со времен теплотяги дефицитную теперь номенклатуру в обмен на тот же брезент, мешковину, эмаль НЦ-929, которые, по правде, и впрямь приходилось искать днем с огнем.

Воинская часть по-прежнему не отвергала меня, выписывала многое, на что я клал глаз. Но сверху стали поступать жесткие инструкции об экономии материальных ресурсов. Бухгалтерия действовала согласно инструкций и грозных телеграмм, счета от вояк на предоплату за приглянувший мне материал прятала в дальний угол. На планерках я говорил: "Давайте деньги — все достану". Денег не давали.

В депо неистово возмущались:

— Выдумывают черт-те что! Каждый цех должен экономить на материалах и запчастях, за это им увеличат премиальные. Как можно экономить на локомотиве? Если положено сменить сторевшее реле, я сменю его. Или колодки тормозные...

Словом, на указание сверху экономить в больном и малом слесари смотрели сквозь пальцы, во всеуслышание протестовали:

— Можно сэкономить ГСМ на тепловозе или электроэнергию на тяге поездов, это от мастерства локомотивной бригады зависит, но с запчастями — не пойдет! Наверху чего-то не понимают или считают, что локомотив — это лошадь, ей овса можно и не давать...

К середине 1996 года грузопоток на железнодорожном транспорте республики упал, как писали газеты, вчетверо против прежнего, отчего стали задерживать зарплату, а полки моей кладовой становились просторными — хоть шаром покати. Высокое начальство впрямую ссылалось по этому поводу на развал СССР, на введение по всему пространству таможенных границ, секторов да постов. Как следствие — бесконечная бумажная волокита, запреты, разрешения, шмон, согласования и прочие таможенные процедуры.

На очередной узловой планерке начальник Углеградского отделения Стрыгин Юрий Александрович, обрисовывая безрадостную картину грузоперевозок, говорил:

— Теперь, товарищ, каждый грузовой поезд мы должны встречать стоя, вытянувшись во фронт...

Железнодорожники понимали — шутка, но в ней была вся правда, обязывающая каждого серьезнее относиться к своим обязанностям, не допускать сбоев, браков, вообще делать свое дело с любовью, как это железнодорожники умели делать всегда.

На станции Калашниково по боковому съезду сошли семь вагонов. Машинист сход заметил поздно, когда же заметил, вагоны пробежали по шпалам целых триста метров. Урон для отделения миллионный. А виноваты путейцы — уширение пути не проконтролировали, мастер седьмого околотка дело пустил на самотек, и вот результат. Машинист тоже мух проловил: на кривой сход можно было бы заметить. "Словом, — говорил НОД, — наше благополучие зависит только от нас самих. Помощи нам ждать неоткуда, "железка" сама должна себя кормить".

Раныне за МПСом мы были, как за каменной стеной, нынче же каждый костыль, болт, каждую накладку, шпалу да рельс, не говоря о локомотивах, запчастях и оборудовании, мы должны покупать за валюту у тех же наших старых поставщиков.

— При коммунизме, как многие сейчас любят говорить, — продолжал Стрыгин, — снабжение материала шло централизованно. МПС свое дело знал, снабженческий конвейер никогда не подводил, и наша "железка" не знала провалов, подобных нынешним. Теперь за все надо платить. Исторически сложилось так, что локомотивостроительные и ремонтные заводы разбросаны по всему бывшему СССР, но ни один не зацепился в нашей республике. Сегодня они нужны железнодорожному транспорту как воздух. Выход — искать свои возможности. Открою тайну: с будущего года на базе локомотивного депо Ковыльное вступает в строй первый в республике электровозоремонтный завод.

Зал дружно аплодировал такому сообщению. Мы понимали: без таких заводов железной дороге не выжить. Стране позарез нужен и тепловозоремонтный завод, потому как электрификация не завершена. Теперь вот возникло пресловутое СНГ, каждая республика независима и должна жить своей жизнью, решать свои проблемы сама.

С такой болью НОД перед нами еще не выступал, и мы понимали: дела на железной дороге в республике вовсе не блещут. От каждого теперь еще больше требовалась мобилизация сил, всей человеческой сущности — чести, совести, долга. Плыть по течению не позволяла сама жизнь.

Такая состоялась на этот раз в Орлиной безрадостная узловая планерка. НОД не скрывал трудностей во всем РГП "Железная дорога" и требовал только одного — добросовестной работы каждого из нас. "В целом же, отдача тружеников нашей отрасли соответствует

требованиям текущего момента, хочется, чтоб и впредь она была на подобающей высоте..."

В апреле 1996-го из Углеграда пришла черная весть: внезапно умер прямо в автобусе, просто тихо и навечно заснул на автобусном сидении наш незабвенный Алеко. Я сказал Морозовой, что срочно выезжаю, она же остается дома.

Лапшин препятствовать не стал, просил выразить жене Дундича искренние соболезнования его и всех деповчан.

...Алеко лежал в гробу — чистый, светлый и вроде улыбчивый. Не верилось, что такой жизнелюбивый человек покинул меня и эту бренную жизнь навсегда. Последнее время наши деловые встречи с Алеко стали частыми, мы помогали друг другу, чем могли. Каждая наша встреча для нас обоих была желанна, как праздник.

Вспомнить нам всегда было чего, училищная жизнь, белоярские вояжи, наша орлиная и ОХРовская бытность. Да, сорок лет мы были вместе. За это время мы растеряли даже самых близких друзей, и только мы вдвоем оставались верны нашей братской дружбе.

Теперь тот, кого я столько лет знал, с кем дружил, кого по-братски любил, лежал передо мной — одинокий, молчаливый и вечный. Ему, как и мне, исполнилось только 57. Мы вовсе не считали этот возраст стариковским, напротив, оставались деятельными и на начало нового тысячелетия строили немало заманчивых планов.

Он так любил жизнь! На работе — всегда на виду, в семье — любящий муж и отец, давший жизнь дочери и сыну. Сейчас они, стоя у гроба, не понимали, отчего так убиваются в горе, плачут и стенают их мама, дед, бабушка, друзья и знакомые их папы. Я тоже безудержно рыдал, не контролируя себя, склонив голову на грудь моего Алеко, неистово целовал его холодные лоб и руки. И когда заколачивали крышку, окончательно понял: Алеко нет, он ушел от меня навечно, не успев сказать, может, самых заветных слов.

Дома почему-то сказал Морозовой: "Теперь моя очередь". Алеко не знал, где у него сердце, мое же нет-нет, да давало о себе знать. Валидол я носил с собою всегда, и он в кармане не залеживался. Морозова этого не замечала, таблетки я от нее прятал. Как-то однажды случайно заикнулся: "Что-то сердечко, мать, стало пошаливать", — и не обрадовался.

— Прежде, — кричала она, — брось курить да не прикладывайся к "родимой" ни в каких дозах, а больные поубавь свой пыл на работе! Компартии уже нет, вы, коммунисты, стали простыми смертными,

только ты по-прежнему живешь какими-то коммунистическими идеями, принципами да ленинскими заветами, не жалеешь себя. Дено тебе дороже жены, семьи, родного дома. Даже в выходные ты пропадаешь на производстве, будто оно без тебя остановится...

— Но, Акулина, вагоны поступают в любой день, в праздники и выходные. Их надо встретить, расставить людей, чтобы оперативно выгрузить, за простой я тоже отвечаю.

— Просто ты коммунист до мозга костей, как и твой Алеко, царство ему небесное. Тоже мотался по стране, а командировки — не курорт, надо с разными людьми встречаться, просить, требовать, стрессовать.

— Да, Алеко тоже по совместительству занимался снабжением. Человек с высшим образованием, знал людей, понимал их логику, психологию, слабости...

— Да, у Алеко все это было. Он жил настоящей жизнью, не умел притворяться, льстить, лгать. У него было большое, щедрое сердце, красивая душа. Он ценил дружбу и преданность, не терпел предательства. Так несправедливо, что такие люди умирают рано.

— Видно, так на роду написано у Алеко — умереть на ходу. Человек не мучился, не страдал, никому не принес горя, неудобств, не требовал ухода и внимания, никому не причинил боли, даже в смерти своей никому не стал помехой — ни врачам, ни сиделкам. Да, теперь наверняка моя очередь, хотелось бы и мне, как Алеко, заснуть, никого не тревожа.

— Дурак! Мелешь всякую чепуху, слушать противно... Мы, считай, только жить начинаем, у нас внуки маленькие, хочется помочь стать им на ноги, детям помогать, а ты умирать собрался в такие цветущие годы.

— Куда уж цветущие... Устинья, мои годы — уже годы заката. Через какую-то тройку исполнится шестьдесят, а это уже точка: человек не нужен ни производству, ни обществу, разве только собесу. Чувствую, не оставит Алеко меня на этом свете одного — у нас было много общего, ему там просто скучно без меня. Старики так пророчат.

— Грамотный человек, а слушаешь болтовню выживающих из ума! Надо настраивать себя не иначе как на столетие. Пройдут годы, горе сотрется. Забываются даже самые близкие люди. Ну, мы помним наших стариков, ходим на кладбище, поминаем в родительский день, но понимаем, их ведь не вернешь. И ты вот матушку свою

схоронил. Мы кланяемся их памяти, и, наверно, им от этого легче, хотя, не иначе, легче нам самим. То же и с Алеко, о нем есть кому помнить — жена, дети, друзья вроде тебя. Зачем настраивать себя на уныние, тем более ожидание смерти? Жалко, конечно, Алеко, но все мы смертны, придет она и к нам, каждому в свое время. Потому не наводи тоску — не идет тебе это...

— Хорошо, ты меня убедила. О смерти ни слова.

— Давно бы так. У нас впереди столько дел, планов, чего нам загигаться ранние времени? Уйдешь на пенсию — появится много времени, засядешь за свои мемуары, старые вирши потревожишь, переделаешь, убереешь коммунистический ура-патриотизм, приблизишь к современному житию. А я болыне внуками буду заниматься, семейными делами.

— Да кого сейчас волнуют мемуары? Помельчали культурные потребности. Сегодня людей болыне волнуют прибыли, импортные тачки, экзотические дачи и дома-дворцы, собственное благополучие, только не литература, стихи да какие-то там мемуары какого-то орлика — Ваньки с пивзавода, слесаря, работяги-снабженца, безвестного и безденежного. Придумали рыночную экономику, какая все ставит вверх тормашками. По мне же, не придумали: копируют Запад да Европу, но копируют плохо, неумело, из-за чего оно выходит нам боком. Потому, синьора, мемуарам моим уготована не лучшая судьба — пылиться до лучших времен, когда наступит новое тысячелетие и придут новые люди.

— Ну, не нам судить о нынешнем времени. Что народ в девяностых живет не с той верой в будущее, видно повсеместно. Народ во всем винит пресловутую рыночную экономику, современных руководителей суверенных государств, заимевших свои Конституции, свои законы и свою самобытность, почти поголовное разгосударствление предприятий с пресловутой прихватизацией.

— iправда, Муля: ПМК приказало долго жить, геологическая экспедиция дала дуба, "Сельхозтехника" сыграла в ящик, "Мелиорация" испустила дух, кормилец железнодорожных предприятий НХСМ кони двинул по приказу самого РГП "Железная дорога", аэропорт отбросил копыта, знаменитый НГЧ вообще накрылся женским половым. Все эти организации исчезли с лица Орлиной, оставив после себя лишь воспоминания да людской контингент — трудоспособный, но никому ненужный, неприкаянный, безработный, безденежный. Где Орлиная найдет для них работу, когда в поселке

функционирует только железная дорога? Сельхозтехника не нужна и даром, потому как колхозы и совхозы, семьдесят лет кормившие почти триста миллионов населения великого Союза во всякие неурожайные, засушливые годы и в страшные годы войны, ушли в преисподнюю. Вот и уезжают люди, бросают красивые и обустроенные целинные поселки против своей воли, уезжают даже пенсионеры, со слезами на глазах, с тяжелым сердцем, но уезжают.

А молодые? Двадцать орлинцев, все локомотивщики, подались в Кемерово. Живут, растят детей, у каждого крыша, в шалаше никто не ютится, у всех работа. Звал же я тебя, рванем за ними, так ты же патриоткой оказалась! Теперь вот до пенсионных годов докатились, а там и конца ждать недолго — орлинские пенсионеры не слишком заживаются.

— Валерка наш тоже с друзьями загорелся куда-то на Западно-Сибирскую, уже и заявления подали. Вера с детьми пока здесь останется. Когда Валерка обустроится, уедет и она.

— Правильно делают, это мы с тобой жизнь отдали Орлиной, состарились, капитала не нажили и вообще живем по инерции, без ускорения, уподобляясь горьковскому ужу.

— Чего теперь жалеть, надо было в молодости тебе понастырнее быть. Никуда бы я, коровьяка чертова, не делась. Правда, немало орлинцев уже уехало, немало еще собирается. Районный коэффициент нам не зря платят, потому как место гиблое, старики наши чуть за шестьдесят протянули и в ящик.

— Жизнь сделана, как она поступит с нами — Бог весть. Может, у детей лучше получится, да бни заберут нас, пенсионеров, к себе?

— Ну, на детей надейся, а сам не плошай — только на себя у нас с тобой надежда. А для этого, пока работаем, надо где-то поприжать копейку, когда-нибудь подтянуть пояса, а то и вовсе разок-другой зубы на полку. Только так, может, хоть на старости вдохнем живительного лесного воздуха да пятаки помочим в какой-нибудь живой речушке, вроде Оби, куда Валеркина компания собирается.

— Что ж, отдаю тебе должное за твое прозрение. Позднее оно, правда, но хоть в этом какой-то просвет.

— Да, теперь, анализируя твое домогательство на бегство из Орлиной, говорю: дура я была набитая, что жизнь сегодня так явственно подтверждает. Наверно, настанет момент, когда я не прощу себе собачьей привязанности к ней. Удивительно все же, к старости каждый живой день дорог. А когда жить, если наша летучая забрала на-

ше здоровье, нашу молодость, наши мечты и планы? Помню, не раз тебя обрывала — это только неудачники заживо хоронят себя в Орлиной. Вон сколько народу делает свое дело, работают, обзаводятся семьями, растят детей — живут! Мы-то чем лучше? Теперь, кто жил да детей растил, разъехались, остался ты один да несколько заскорузлых древностей, какие ждут конца, а не перемен к лучшему.

— Чего теперь махать кулаками после драки? Подождем пенсии, а там посмотрим. Может, наш сын совершит чудо? Говорят, там, куда они едут, дают ссуды на строительство жилья.

— Почему-тоя верю в Валеркину звезду, думаю, ее светом обогреемся и мы с тобою...

Так заканчивался для нас 1996-ой год. Наш сын с его компанией, наконец, покинул ненавистную ему Орлиную; они и на новом месте не изменили железной дороге, она и там стала их судьбой и жизнью.

Глава 5 Живу!

В начале 1997-го года депо тепло провожало Морозову на пенсию. Кадровик зачитал ее анкетные данные, обозначив судьбоносные срезы ее жизни: десять классов, ученица таксировщика, таксировщик, оператор и двадцать пять лет неизменный начальник группы учета. 'Отличали Морозову всегда высокая квалификация, трудолюбие, умение руководить коллективом, ладить с людьми и ее преданность Орлиному депо, коему отдано тридцать восемь лет жизни'.

Выступали и ее кадры. Хвалили, восхищались своим шефом, просили не забывать родное депо и их группу. Морозова благодарила за теплые слова, говорила, что депо всегда было для нее вторым домом, а дом — это семья, какую она преданно любила во все времена.

Подарки преподнесли традиционные для такого случая. Депо преподнесло покрывало. Но женщины из группы учета оказались щедрее, подарив красивый ковер два на три. Зал восхищался, восторженно хлопал, Морозова же краснела от смущения — такой щедрости она не ожидала.

После планерки Морозова стала бранить бывших подчиненных, и розилась ковер отнести в группу учета, дабы женщины вернули его туда, где взяли, поделив деньги. Не обращая внимания на эти угрозы, женщины просто втиснули ковер и разбушевавшуюся пенсионерку в "бобик", какой тут же сорвался с места и запылil по немощному деповскому двору.

Дома Морозова возмущалась:

— Такие трудности сейчас с зарплатой, третий месяц ведь задерживают, а они бросаются такими деньжищами. Ну, подарили бы какую-нибудь вазу или будильник, так они в Рокфеллерши ударились!

— Значит, любят и ценят тебя, — успокаивал я жену. — Ты была их нянькой, мамкой, защитой, не писала на них рапортов, болела за каждую, отстаивала каждый их сверхсрочный час, исправляла ошибки, недоработки, недосмотры, спешку, внушения делала лично, не вынося сора из избы.

— Все это, конечно, было, притом нередко — это ведь работа, и делали ее живые люди. Понятно, не делает ошибок тот, кто ничего не делает, потому я по справедливости была снисходительной, принимала их со всеми слабостями, странностями, своими характерами.

Через несколько дней Морозова сказала, разглядывая ковер:

— Черт с ними, с моими кадрами! У меня вон Маринка подрастает, ей и отдам эту вещь, а мамаша сама распорядится, как ее определить. Скоро ей двенадцать, будет чего подарить.

В заканчивающемся 97-ом сноху с детьми и ковром мы отправили к сыну. Следом поехали контейнеры, отправка их изрядно попортила нам кровь — таможенники дело свое знали туго.

После отъезда молодых Морозовых вышел на свой дембель машинист обоих видов тяги — мой свояк Артем Самородов. По поводу такого случая Надежда закатила семейный обед с небывало большим гортом. Посидели, поговорили о нынешних пенсионных делах локомотивщиков. Артему явно повезло: не попал он под новое пенсионное законодательство, отменявшее в республике льготы для шахтеров, металлургов, тех же локомотивщиков, которые на заслуженный отдых всегда уходили в пятьдесят пять. Теперь же пенсионный потолок для них, как и для всех мужчин страны, определялся в 63 года. А V женщин заслуженный отдых наступал теперь в 58 годков.

Многие считают, это нормально, — сказал я. — Женщина и в шестьдесят не одной молодой фору дать может. А шестьдесят три

для мужика — не предел, он и специалист отменный, и практик деятельный. Наверно, не зря на Западе пенсионные сроки почти всюду увеличенные. В Англии, к примеру, для мужчин — 62 года, для женщин — 60, в США — 65 и 62, в Швеции — 62 и 60, в Чили — 65 и 60, в Японии так и вовсе для тех и других — 65. Только локомотивщику, шахтеру, человеку у мартена или у доменной печи такой возраст пенсионный, без сомнения, высоковат. Думаю, по этой части правительству нашему есть над чем поломать голову.

— А почему молчит наше железнодорожное начальство? — возмущался новоиспеченный пенсионер. — Надо выходить на наШу думу, стучать по столу, доказывать, требовать! Это же и в его интересах: в поездах нужны молодые, здоровые, крепкие ребята, а при нынешней повсеместной безработице ранние освободятся рабочие места. Сами посудите: теперь локомотивщику надо занимать место целых восемь лишних годков, дотягивая до дембельских 63, тогда как по старому законодательству он освободил бы место для молодых в свои 55.

— И требуют, — уверял я. На деле же сам я не представлял, есть ли кому дело до пенсионеров тяжелых профессий. — Только правительственные мужи пока молчат. Может, не пришло время, а может, вопрос где-то поднимается, только скрытно от народа. У нас ведь принято народу выливать ушат на голову. А медицине нашей хорошо известны профзаболевания локомотивщиков, которые на их поездной работе к их 55 ставят крест. Давление, нарабатанная диоптрия, многие пользуются очками, чего не положено... Ничего не изменилось и теперь, требования на профпригодность для поездной работы остались прежними, они жестки, но вполне справедливы. Не знаю, почему у нашего правительства такое предвзятое отношение к локомотивщикам, ведь они всегда уходили на свой заслуженный в две пятерки, теперь же — в 63. Восемь лишних лет для поезди́ков — из всего СНГ такое только у нас. Такое положение может оставить нашу "железку" без столь дефицитных кадров. Волнует ли это кого? Какие-то нувориши выкупают дорогу, делят ее, приватизируют, раздробляют, насаждают разные ТОО и кооперативы. У нашей железной дороги нет будущего, потому как она выпущена из рук государства...

К 1998 году Орлиное депо покинула почти треть его списочного состава локомотивщиков, и эта миграционная болезнь заражала своей хворобой окружающих. К лету 1998-го на стол нового началь-

ника депо Орлиной Виталия Тена легло еще около десятка заявлений поезди́ков на увольнение в связи с выездом на новое место жительства.

Заявители откровенно возмущались:

— Посмотри, начальник: по новому пенсионному законодательству мы на пенсию уйдем только в 63 года. Плюс восемь лет на такой работе — где это видано, где это слыхано? Пусть поработают составители этого горе-закона на нашем месте, поведут поезда лет двадцать-тридцать. Приедешь с поездки — с тебя искры сыплются, столько в тебе блуждающего электричества! Умные люди определяют таким работникам дембель в 55, к этому сроку локомотивщики доходят до предела. А вот какие-то высокие мужи поставили все с ног на голову: паши, упирайся, машинист, до отупения, до обалдения, а шестьдесят три отдай! Не можешь, сил-здоровья нет? Плохо и́дшишь, плохо слышишь, давление пошаливает — тогда иди на капаву, слесарничай, сторожи, бери метлу, лопату, но государству дополнительные восемь добей! Нет, начальник, в других республиках я смогу получать свою кровную пенсию, нянчить внуков и просто радоваться жизни.

Первым с такими настроениями столкнулся Лапшин. Он искренне сочувствовал людям и даже жалел их. Сам он разве не ездил и не и́нает, что это за работа? Надо бы и впрямь посадить на локомотив отцов этого нового пенсионного закона, чтобы они лет пятнадцать провели в грохоте тепловозного солярочного дизеля и столько же неездили на электровозе под напряжением в двадцать семь тысяч вольт! Уж тут у них наверняка отпала бы охота экспериментировать пенсионными новациями для людей уникальных в своем роде профессий.

Смотреть на отчаявшихся людей, по двадцать-тридцать лет водивших поезда и достигших своих заветных пятьдесят пять, было иросто больно. Ездить дальше не разрешали КЗоТ и медицина, из-ш чего дорабатывать пресловутые "восемь-сносим" приходилось чаще на подхвате. Особого выбора в депо теперь не было, в основном предлагали лом да метлу. Виктору Павловичу ничего не оставалось, как в бессилии на все махнуть рукой и положить на стол НОДу заявление на расчет.

Куда лежал его путь, никто не знал. Одни говорили — поближе к ИСореневу, другие — к друзьям в Кемерово или на Алтай, где локомотивные депо исправно несли свою службу и повального сокращения

своих штатов не делали. Молва утверждала, что железнодорожники всюду могли устроиться без проблем, хорошие специалисты вообще ценились. Говорили также: бегущая телевизионная строка приглашала на работу даже снабженцев с опытом. Меня это немало удивляло: уж кого-кого, а этих бедолаг в наши дни и впрямь всюду пруд пруди — на дворе-то рыночная экономика. Мне мой стаж добывать надо на месте, далыпе посмотрим, нужны ли мы детям, два лупаных пенсионера...

Представить себя пенсионером я никак не мог. Жить без депо, без нервотрепки, беготни, вечных поездок, без привычных друзей и встреч-расставаний — не укладывалось в голове. Без наработанного уклада жизни не иначе начну полнеть, бледнеть, сгибаться да терять румянец. А там, как у многих, тихое ожидание конца.

А ведь по мне плакали мои мемуары. Заниматься ими я начал в тот самый черный год. Пусть пишу для себя, но там есть нечто и об Алеко-Александре-Шурике. Два года минуло после его смерти, а смириться с такой потерей я до сих пор не мог. Про себя не раз отмечал: не торопится что-то Алеко призвать к себе и меня. За нашу великую дружбу и братскую любовь нам пророчили никогда не расставаться ни на земле, ни на небе. Но с сердечком у меня последние годы вроде все ладится, вообще оно месяцами не дает о себе знать. Курить я по-прежнему курил, но не разменивался на дешевизну, покупал только самое лучшее, с фильтром. Пил редко, проявляя разборчивость и здесь.

Ах, Алеко-Алеко, уж коль решишься забрать, так сделай это где-то под 2029-ый — вот это будет истинная память настоящей нетленной дружбе! Да, и сделай это зимой — в Орлиной-то морга нет, а хотелось бы, чтоб дети успели проститься у гроба...

— Слушай, Родриго, — как-то сказала Морозова. — Достала вот хорошую кулинарную книгу. Буду теперь кормить тебя, как она советует для нашего возраста. Мясо урежем, о сладостях забудь, нажмем на капусту, овощи, фрукты, лук, рыбу. На твоём заслуженном тебе не придется мотаться, болыпе станешь привязываться к дивану да к ящику, то есть, станешь оседлым пенсионером без прежней беготни, потери калорий. А домоседам, Альберто, не рекомендуется увлекаться мясом, салом, тяжелыми жирами, болыпе советуют кефир, сырки, ряженку, все легкое.

Сын в одном из писем сообщал: насколько ему известно, на Западно-Сибирской дороге и в Кемерове Лапшина никто не ви-

дал. Искать его надо не иначе как в Крутогорске, под крылышком у Коренева.

Новый начальник Виталий Тен принял хозяйство исправное, ишодить какие-то новшества не собирался — не из какого-то своего и.омсерватизма, а из простой логики, какую он как-то прямо и высказал: надоели все эти перестроечные процессы, реформы, реорганизации да реструктуризации. Чего стоит одно только пенсионное иаконодательство, свалившееся на голову поездников. Откуда в депо иепьги, зарплата, отчисления в пенсионный и прочие фонды, каких теперь просто не сосчитать? От перевозочного процесса! Понятно иедь: колеса вертят деньгами. А колеса кто крутит? Локомотивщики! Вот перед кем мы должны снимать шляпу! А их дают, их непомерный труд считают обычным, сродни конторскому. Прежде как (ило? Наездил локомотивщик двенадцать с половиной лет — можешь идти хоть слесарем, хоть сторожем, а придут твои 55 — пожайст, дорогой, уходи на свой заслуженный, ты его в свое время че- <"iiio накатал.

С такой болью как-то и выступил Тен перед нами, итээрзовцами, иа одном из своих отчетов. Вопросов никто не задавал, не спрашивал как, да почему, понимали — плетью обуха не перешибить, законы-то пишет государство.

Пачальник депо заявления локомотивщиков на увольнение при- исрживал, старался с ними поговорить, по-мужски побеседовать, кпк-то убедить, мол, правительство наше здесь явно чего-то намудрило да не в меру напудрило, эта мера наверняка временная, а значит, злополучный пенсионный закон 1997-го года непременно пере- ' мотрят, потому как в наш высокий госорган приходят новые люди, i мелкие, человечные, с аналитическим умом, умудренные жизненным опытом. Прежние руководители, видно, до этого не доросли, теперь же положение должно во многом измениться к лучшему, этого ждут избиратели и весь народ страны, ждут от своих депутатов, от ' ногого правительства, от своего президента. У них светлые головы, и iioнный пенсионный закон они смогут пересмотреть, для пользы де- ia, хотя бы для поездников-локомотивщиков.

Гсн, наверно, обладал какой-то силой убеждения. Многие локо- ич отивщики заявления свои забрали, и в новом 1999-ом их остались единицы. Поездники говорили: год-другой потерпим, а там наше историческое столетие и тысячелетие уйдут в предание, новое же время должно многое изменить и в политике молодого суверенного

государства. Если пенсионный потолок останется прежним, без всяких скидок на трудности профессии, то уехать туда, где этот самый потолок нормальный, всегда можно.

Свое шестидесятилетие отметил я тихо, без помпы. На деле и помпажировать-то было не с кем. Фильчаки уже года четыре как облюбовали Алтайский край, поселившись в какой-то Чесноковке. Сестра Антонина постоянно донимала Морозову податься к ним, где неподалеку, на соседней станции Укладка, проживали наши дети — вместе ведь легче преодолевать всяческие трудности. "Приобретем для вас огородик, картофан здесь никто не поливает", — писала Антонина.

На этот раз ни Людмила, ни Наталья голоса не подавали. И я вообще не знал, как сложились их судьбы. Наталья года два как укатилась с мужем куда-то на Урал, адреса ее я не знал, спросить же у родителей не решался. Людмилу с мужем понесло на тот же Алтай, где, говорили, попроще с жильем, свободнее с работой и вообще легче прожить.

Будь в республике старый пенсионный закон, 1999-ый стал бы для меня дембельским, когда по традиции, с приветственным адресом юбиляру вручали и пенсионное удостоверение. Такого на этот раз не произошло, что означало — мне как болынинству мужского населения республики следовало пахать до посинения, а если конкретно, до 2002 года. Топать да топать, а вернее, болыне трястись на "ЗИЛе" Петра Ивановича в отдаленные локомотивные депо своей страны, а то и в города СНГ, где производилась локомотивная продукция, теперь у нас такая дефицитная повсеместно.

В командировочной суетности, когда теряется счет километрам и времени, пролетел мой 1999-ый, а там и круглый двухтысячный. Летом 2001-го впервые побывал в Новосибирске и в его Мочищах, где на одном из железобетонных заводов пришлось обивать пороги. Какими бы крутыми ни были они, я находил время и настроение полюбоваться городскими красотами и рекою Обь, не так воспетой, как Днепр и Волгу.

Такое упущение устранил поэт-песенник, музыкант, баянист и руководитель ансамбля "Частушка" Геннадий Заволокин. Я много раз пытался поймать его концерты, но потом понял, что это затея бесполезная, потому радовался даже тому, что ходил по тем же новосибирским улицам, что и Геннадий Дмитриевич. Баян я любил всегда, лирические же песни в сопровождении баяна самого Заволо-

кина вызывали во мне не восхищение — экстаз. "Играй, гармонь" я всегда ждал с нетерпением, оторвать от передачи меня не смогло бы даже землетрясение.

Возвратившись из сибирской командировки и едва стряхнув дорожную пыль, и на этот раз я с жадностью добрался до телевизора. Свою детскую привязанность к телеку мы считали обычной старческой потребностью.

Сегодня — Иван Купала, и Морозова запретила мне заниматься всякими серьезными делами: стричь ногти, гладить, вбивать гвозди. А вот обливать водой себя, друзей — сколько угодно. Жена и впрямь на улице неожиданно окатила меня студеной из ведра с причитаниями: будь чистым и красивым, будь здоровым и счастливым. Я не обиделся: раз Купала, значит, так нужно.

Утром телевизионные новости ударили по самому сердцу: трагически погиб великий гражданин России, певец ее души, ее просторов, болюной друг всех, кто любил жизнь и песню — Геннадий Заволокин. Тяжелая весть больно отдалась в моей душе. Не хотелось верить в смерть такого жизнелюбивого человека, я надеялся на какое-то чудо, на ошибки осведомителей, но факты — вещь упрямая, что подтверждало телевидение в своих последующих информациях.

Геннадий Дмитриевич как никто другой любил людей, и эта любовь так тесно сближала его с ними, рождая взаимную привязанность и братство. Гармонь и песня делали жизнь каждого возвышенной и целеустремленной. Люди от Востока до Запада, разделенные нынешними границами, торжествовали, когда к ним приезжали Заволокин и "Играй, гармонь". Тут как раз и стирались границы, условности, недоверие, рождалось торжество дружбы. Теперь люди в память о болыпом друге и певце слагают песни, где негасимы скорбь и боль, и вера в дело, которое он так пестовал.

А дембель, какой я отчего-то с нетерпением ждал и торопил, все-таки наступил. Я по-прежнему был легок на подъем, прыток, у меня хватало терпения и сил на длительные рейсы на том же "ЗИЛе" 1993 года, обихоженном Петром Ивановичем. И вот на общей планерке мне вручили красочный приветственный адрес с пенсионным удостоверением.

Начальник депо, председатель профкома и мой непосредственный шеф Серикпай сказали много теплых слов, желали здоровья, благополучия, тесных контактов с родным депо. В своем ответном слове я без всякого смущения сказал:

— Всем, что есть во мне лучшего — жизненный и профессиональный опыт, трудолюбие, любовь к людям и к своему предприятию, какому я отдал сорок три года, верность долгу — я обязан депо, а значит, всем вам, товарищи. Спасибо. И позвольте прочесть вам свое стихотворение, специально написанное для сегодняшнего случая.

*"Ах, депо, депо, ты всегда со мной!
Ты всегда во мне, я всегда в тебе,
И сегодня я, с головой седой,
Благодарен всем и своей судьбе,
Что связала жизнь навсегда с депо,
Хлеб и кров дала, научила жить,
И любовь свою, и души тепло
Отдавать друзьям, людям нужным быть,
И всегда во всем верным долгу быть"*

Хлопали мне дружно и, казалось, искренне. Что ж, со многими я работал бок о бок много лет, молодые же знали меня просто как ветерана. В зале я знал каждого и, честно, не хотелось расставаться с ними. Но не вечный же я труженик, надо дать и молодым испытать хлеб снабженца. Нелегко он, ей-богу, несладок, но, может, время будет к ним милостивее?

Дома Морозова, поздравив меня с пополнением их пенсионного полка, размечталась:

— Вот и дожили мы, Альфредо, до своего заслуженного. Чего нам теперь? Наелись, напились и спать повалились. Хозяйства у нас с тобой нет, так что руки у нас развязаны и нам ничего не остается, кроме как бить баклуши, писать детям и внукам да с нетерпением ожидать почтальонку.

Много лет я назывался ею чуть ли всеми именами героев ее любимых и нескончаемых сериалов. И сам привык давать ей подобные имена.

— И слава Богу, что дожили до такого финала, — ответил я жене. — Стол не пуст, в одежды нас еще коммунизм одел. Мода нам, пенсионерам, до лампочки, что тепло и практично — доносим, не бросаясь на китайский ширпотреб, разваливающийся после первой стирки.

— Что-то не вижу я у тебя деповского пенсионного подарочка. Не смог донести, или вообще не дали?

— Наверно, сейчас подарки не положены — новое ведь тысячелетие наступило.

— Ну, вазу какую или будильник могли они дать? Ты чем вспомнишь свое депо, отдав ему сорок три года? Какую-нибудь безделушку могли они подарить своему труженику, ветерану к тому же?

— Может, средств в депо нет, а может, вообще отменили подобный ритуал — сейчас ведь все можно ожидать. РГП, к примеру, полностью сбросило с себя социальную сферу: нет теперь железнодорожных школ, садилов, больниц, клубов, библиотек, театров, даже дворцов культуры. Прежние топливные книжки для железнодорожников отменены, льготные две тонны "пенсионного" угля без ножа зарезаны, разовые билеты для тех же пенсионеров-железнодорожников, какие молились на железную дорогу, уничтожены. Раньше железнодорожники в командировку по разовому билету ездили, теперь же, как все — за денежки. Как видим, железная дорога теряет свое лицо, престижность, богатство, прежнюю привлекательность, бывшее величие, мощь и авторитет.

— Да, как жалуются мои старые кадры, наша вечная труженица "железка" только и знает, что сокращает свои штаты, свой контингент. Экспериментаторы по-своему мудрят, по-современному думают лишь о прибыли и меныне о людях. А всего год-два назад все ведь было иначе. Сейчас наше кровное депо с ремонтниками, снабженцами, техотделом, гаражом, всей инфраструктурой преобразовано в кооператив без железнодорожного статуса, а значит, без разовых билетов и скорее без помощи в лице государственного РГП. Раз кооператив — крутитесь сами, выбивайте сами. Такие вот дела нынче у нас на железной дороге. Загубят ее экспериментаторы, попомни мои слова!

— Бог с ними, донна Диолинда! Мы свое отработали, а там пусть хоть заэкспериментируются. Мы теперь спим, сколько угодно, крутимся по дому, валяем дурака, тащимся у "ящика" до посинения. У меня есть мои мемуары, ты же будешь моим помощником, опорой, советчиком, но больше — оперативным справочником: ты многое знаешь, помнишь орлинских людей, события. А потом будем читать то, чего не смогли в молодости. Того же Солженицына, какого нынче ловить да ловить. А поймашь не иначе как у перронных да вагонных корабейников, заламывающих за тот же "Архипелаг ГУЛАГ" астрономические цены.

— Нам, пенсионерам, дон Хуан, теперь не до роскоши. Слезы от-

ложены — пригодятся, может, детям когда-нибудь придется помочь, да и самим на черный день не помешает.

— Как скажешь, донна Клементина. Ты ведешь бухгалтерию, тебе и составлять статьи расходов. Две пенсии, на гонорары рассчитывать не приходится: наша Медногорская область с Орлиным районом кому-то помешали, не помогло и 25-летие их существования.

— Да, нет теперь наших любимых газет, какие частенько подогревали. Ничего, живы будем — не помрем, а там что Бог даст.

Ах, много ли даст Бог двум пенсионерам, если он ничего путевого не дал им в молодости? Нет, теперь он и вовсе многого не позволит, а вот щедрости на два холмика у него хватит даже с избытком.

Но, судьба, будь добра! У меня есть мои мемуары, может, последнее, что мне хочется оставить людям и что кому-то еще окажется нужным. Жизнь одного простого человека на земле прожита — тихая, неприметная, обычная. И этот человек на закате своего жизненного небосклона желает лишь одного — увидеть живыми свои воспоминания о людях и событиях давно минувших и днях нынешних в новом столетии и в новом же тысячелетии.

В молодости столько планов озаряло мысль и душу, мечталось жить интересно, как-то по-новому, но вне Орлиной. Она же меня просто повязала. Теперь между нами непонятная любовь, в какую я никогда не верил, и мне у последней жизненной черты хотелось только одного — ее участия в моей судьбе.

Как-то на досуге Морозова ударились в житейскую философию:

— Возьми на заметку: мы немолоды, потому не дай Бог заболеть, свалиться — лечение сегодня просто по миру пустит. Рассказывают: сейчас родить — плати, простой укол — денежки, вырвать зуб, вырезать аппендикс — башли на бочку, операция посложнее — вообще разорение. Работающим куда ни шло, а нам, демобилизованным да безработным, каких в стране не один и не два? А с образованием что происходит?! Господи, как много государство теряет, сделав учебу платной! Почему бы не восстановить вечерние школы? Сколько в Орлиной и сотнях таких же поселков неприкаянной молодежи! А это, может, будущие Коперники да Менделеевы, Толстые да Абаи! Сделай президент наше образование и медицину бесплатными, как при коммунизме каких-то десять лет назад, современники уже сегодня поставили бы ему золотой памятник.

— Многого ты хочешь, Виржиния. Сейчас ведь рыночная экономика, она не терпит милосердия, жалости. Плати за все, и ты — герой.

— А чего ж в Арабских Эмиратах, да и не только в них, эти вещи бесплатные? Вспомни, при Союзе мы учились и лечились ну совсем даром, копеечки не платили. Ты вот ЖУ прикончил на всем государственном, "вечерку" добил, ликбез осилил. Да и я свою "железку" приговорила. А будь все это за башли? Господи, сколько сейчас ломается человеческих судеб только из-за платного образования! Ткнись в простое училище — плати, на курсы — опять плати, вузы да колледжи вообще по миру пустят, потому для многих молодых людей, деятельных и даже талантливых, они часто мечта несбыточная. Учатся, у кого папаши на джипах да "Тойотах" шустрят, а простым-то смертным каково? А их ведь большинство! Господи, Великий Октябрь дал своей стране бесплатное образование и лечение почти на девяносто лет... Почему бы не взять нашим правителям от той поры для людей только эти ингредиенты, а там пусть хоть опухнут со своей политикой, создают свои партии, таможни, делают границы и свою рыночную экономику.

— Ты, Чичерита, права. Посмотри сегодня в депо — десятиклассники полы метут, уборные чистят. Им бы на "заочку", так ведь и она платная. Октябрь дал бесплатное лечение и обучение, так нет же — надо все угробить и принять жизнь Запада.

— Ты вот заметил такие в нашей жизни негативы и вылил на бумагу свою боль. Только кому она нужна, эта боль? Хоть одна газетенка напечатает такое стихотворение? Да ни в жисть! Мы все еще живем в брежневском веке, когда за правду ссылались за рубеж на вечное жительство, как Солженицын, большие артисты, как Галина Вишневская и Ростропович. Песни Владимира Высоцкого распевал весь СССР, а до самой его смерти не напечатали ни единой его строки. Когда Брежнев загнулся, наши СМИ наконец-то вздохнули и воздали должное большому актеру, поэту и человеку Владимиру Высоцкому.

— Ты во многом права, дорогая Янжижка. Думаю, что написанное мною о нашей жизни негативное никогда не увидит белого света. Декабристы нынче перевелись, да им и не дадут нынче дороги, так что мне остается молчать как рыба.

— Слава Богу, свою учебу мы еще при коммунизме сделали. Проблемы же страны теперь пусть решают молодые, как и проблемы нашего ТЧ. Ему мы с тобой отдали нашу молодость, здоровье, наши мечты, жар души. Теперь пусть молодые поработают с такой же одержимостью и отдачей, как наше поколение. Может, они сде-

лают депо и Орлиную более светлыми, и у людей никогда не появятся мысли покинуть этот разбуженный железной дорогой край.

— Правильные твои слова, Карлота. Наше поколение трудилось, не покладая рук, во славу своего предприятия. Депо и железной дороге мы отдали по сорок лет жизни. Теперь мы — старики, значит, можем подводить итоги. Деревьев мы с тобою посадили для Орлиной — целый лес, построили дом и жизнь свою, вырастили сына. В совокупности это может означать, что жили мы не зря, небо не коптели, а все хорошее, сделанное нами, пусть остается людям. Сейчас народилось новое поколение, может, оно с благодарностью примет ценности своих отцов и дедов? Мы с тобою — дети сороковых, дети войны, жили не сладко, не видели детства, однако сумели выдюжить многое. Нас не баловали роскошью, хлеб был нашей отрадой. Став же взрослыми, не искали легких путей да благостных краев. Мысли, конечно, были, но они так и умерли в нашей душе. Теперь, Розана, нам с тобой ничего не надо, внуки каждый год приезжают, радуют и обирают — нам и от этого тепло. Теперь бы только не болеть, а потому бросаю курить, отказываюсь от "прицепа", отдавая предпочтение лишь легкому вину — радиацию нейтрализовывать да взбадривать свою кровь. Как смотришь, донна Диалинда, на такой пассаж?

— Насчет "прицепа" и соски скажу откровенно — пора бы и завязывать. В молодости все еще как-то терпелось, да и здоровье позволяло, теперь же сам себя не побережешь — другому ты ж даром не нужен. Вижу, собираются пенсионеры во дворе, кучкуются, а потом тепленькими расползаются. Хорошо, ты не вклиниваешься в их вертеп, засиживаешься за мемуарами, какие искренне приветствую и всемерно поддерживаю.

— Рахмет, Марианна. Мемуары — это теперь наша с тобой жизнь.

— Да, наверное, больше твоя, Алехандро, личная. Я могу только создавать тебе условия, поить, кормить, не докучать, ходить на цыпочках. Хотелось бы, Родриго, чтоб ты не охладил к своей писанине — больно много, вижу, рвешь листков. Что-то не нравится, или какие-то новые мысли, факты, люди приходят тебе на ум?

— Все вместе, уважаемая Мария ду Сокуру, моя заботливая баба Лена. Ведь столько прожито и пережито, со столькими людьми приходилось встречаться, всех их помню. Где они сейчас? Хотя бы тот же Охотский? Знаю, Сахалин его родина, куда уехал он еще при коммунизме. Как сложилась его судьба, жив ли он? Сейчас ему 65-66 далеко не ко-

нец, и хотелось бы хоть на закате жизни повидаться да вспомнить молодость, дружбу, вирши. Дураки были, адресами не обменялись, а теперь хоть в "Жди меня" обращайся. А где Павло, Федор, Шап, Чугунидзе, Верба? Разве не счастье, если б судьба еще раз свела нас хотя бы на миг? Чтоб мы смогли взяться за руки, посмотреть друг другу в глаза и сказать: "Жили мы не зря, любили не напрасно, дружили большой мужской дружбой, на какую способны только настоящие люди".

— А ведь это возможно. Пусть не всех "Жди меня" найдет, но Охотского да Павла — можно бы попытаться. Главное, известна земля их обитания — Сахалин и Кривой Рог. Черкни в "Жди меня", там люди серьезные! По телеку смотришь, и слезы наворачиваются. Находят людей, сводят родных, близких, друзей, однополчан. Это же какое счастье — встретить нужного человека! Надо, Аривалди, и впрямь обратиться в "Жди меня". Чем черт не шутит — может, найдут тебе Охотского, Павла, Михнюка, ну и Вербу, чего мне очень хотелось бы. Говорят, он в свое время тоже работал в Кривом Роге вместе с Павлом, может, он и сейчас там?

— И правда, Женинья, не стану я откладывать поиски моих друзей через "ОРТ". Годы-то идут, не жалея нас, хотелось бы хоть на закате жизни встретиться с ними.

— Вот видишь, Фегейро, ты хочешь найти своих давних друзей. А почему бы и им не сделать подобного шага? Они ведь жизнь начинали в Орлиной. Напиши в местную милицию, поинтересуйся, проживает ли в ней сейчас некто Морозов? Им всем проще, как мне кажется, найти тебя, чем тебе их.

— Возможно, Сусанна, только помнят ли товарищи нашу крылатую и того же Морозова вместе с тобою?

— Не начинай, Педро. Жизнь сделана, и прожита она достойно. Чего катить нам на нашу когтистую! Крыша хорошая, балкон, удобства в доме — живи да радуйся. Внуки каждый год приезжают, не куда-то их тянет, а в Орлиную, потому как они тут родились, это их земля, родина. Не мы же, старики, нужны им, а их друзья, подруги, воздух нашей черно-вороненой.

— Ну и дай Бог, Желуария, все-таки нам радость, когда дети навещаются.

— А я вот, Пашеко, признаюсь, в секрете от тебя уже раз шесть писала в "Поле чудес" лично Якубовичу, но ни слуху, ни духу. Люди-то посылают свои кроссворды, у меня же простая просьба, только все равно никаких эмоций.

— Господи, тебя-то какие проблемы гложут, донна Селести?

— У меня свои заботы, дон Алекс. Лет 43'45 назад по Орлиной как-то пробежался хороший, памятный, красивый фильм "Поддубенские частушки", какой после никогда почему-то не демонстрировали ни по театрам, ни по телеку. Сейчас, сам видишь, какие страсти крутят по ящику — сплошные убийства, смерти. А мы-то упивались какими кино? "Свадьба с приданым", "Трактористы", "Веселые ребята", "Свинарка и пастух", "Дело было в Пенькове". Это старые фильмы, но они, благодаря "ОРТ", когда-никогда проскакивают на голубом экране. Но куда запропастились "Поддубенские частушки"? Вот я и просила Леонида Аркадьевича посодествовать в поисках этого фильма. Правда, не его профиль, но он ведь ближе к кинематографическим богам, передаст им мою просьбу, и дело, возможно, закружится. Я не помню киностудии, актеров, режиссера, а вот одна частушка из этого кино в памяти почему-то отложилась: "Землемер, землемер, картуз белый, птицеферму разломал — мы бы так не сделали".

— Да, благородно твое желание, Титина, и необычное в общем. А не лучше ли написать ведущим "Доброго утра" Стриженовым? Эти товарищи попроще, нежели в "Поле чудес", где твои шесть писем не иначе как нашли свое место в редакционной корзине — помощники Якубовича разве допустят какую-то Орлиную засветиться аж в самой Москве?

— Скорее, Динаре, так и поступлю. Времени у меня куры не клюют, ни огорода, ни утенка, ни куренка, только и радостей — "ящик" да посиделки во дворе с такими же бабками. Может, и правда, Стриженовы помогут: молодые ведь, да и ум у них светлый. Думаю, их тоже не очень прельщают разные "Терминаторы" да "Маски смерти", а красивый сельский фильм, душевный и человечный, наверно, с удовольствием посмотрели бы и они.

— Действуй, Карлота, у тебя должно получиться!..

Так и шла наша пенсионная жизнь. Чего я боялся, сдавая свой стол и кресло новому товарищу, не случилось: депо свободно обходилось без меня, как и я без него. Иногда я созванивался с техотделом, интересовался делами снабжения и вообще деповскими новостями. Проблемы обычные. Но снабженческий конвейер теперь таковым не являлся, да и не тянул на подобный статус.

— Отчего такой пессимизм? — спрашивал я у того же Серикпая, по-прежнему возглавлявшего ПТО.

— Времена, шал, меняются, — с какой-то горечью отвечал он. — Всюду нужны денежки. С деньгами же можно достать хоть черта лысого! Их же, как всегда, не хватает, и только увеличение перевозок может поправить наши дела. А случится это поближе к осеннему урожаю да закладке на зиму топливных ресурсов.

Бердинация действительно засела за обещанное письмо на "ОРТ", я ей не мешал. Сам насчет "Жди меня" тоже решил не откладывать в долгий ящик, помня, что промедление смерти подобно. Я был уверен, что друзья мои живы — не может судьба быть к нам столь жестокой. Годы у каждого из нас не столь уж и хоттабычевские. Самые боляние могли быть лишь у Михнюка — где-то 68-69. По сути, и это еще не древность, потому все мы должны смотреться на ногах, в движении, быть деятельными и даже бойкими.

В злополучных мемуарах, по выходе на свой заслуженный, я наконец поставил точку. Оказывается, даже за недолгое пенсионное уединение можно горы своротить. Не надо спешить на производство, ездить в командировки. Теперь день — что год, а коль у тебя ни огородной грядки, ни цыпленка, ни поросенка, то вообще вечность.

Хорошо, наверно, было нашим Пушкиным да Тургеневым, не спешившим ежедневно на службу ради хлеба насущного. Им хватало времени творить всю их жизнь, а тут на своем жизненном закате взялся за мемуары, провозился с ними урывками семь лет. Не будь дембеля, неизвестно, когда бы наступил этот конец семилетней откровенности души.

Куда теперь податься с этой откровенностью, я не имел представления. В непонятной злости на себя свое семисотстраничное откровение души положил перед Морозовой:

— Все, донна Чичара, точка поставлена! Выставить же на люди чистую человеческую исповедь смогут не иначе как потомки.

— Не будь пессимистом. Неужто такой долгожданный труд, богатство мыслей и фактов, достоин лишь пылиться в ящиках стола неизвестно до какого часа? Как-никак, а надо куда-то стучать — кто-то где-то да откроет.

— Где же, донна Мариуза, эта заветная дверь? Ты знаешь? И я не знаю. При коммунизме как-то проще было. Есть стихи, рассказ — посылай в один из многочисленных журналов или в альманах. Сегодня, Марианна, пресса-то стала сродни бульварной, до предела напичкана анекдотами да кроссвордами, криминалом да сплошной

рекламой, так что, по сути, и обратиться некуда. Раньше редакции хоть как-то да советовали, мол, берегите слова, не делайте длинных предложений, изучайте жизнь, прочие рекомендации давали. Сегодня пипіут: "Редакция материалы авторов не комментирует, назад не возвращает, переписку не ведет". Даже на конвертах экономят! Как же, теперь рыночная экономика! Вот остались в республике со времен коммунизма два литературно-художественных журнала, "Колос" и "Родные просторы", где еще как-то пробивается к читателю литературный дух. В эти журналы, Элухенья, думаю, и надо стучать.

—К начинающим там наверняка как-то присматриваются, дают какие-то советы, какое-то направление. Ты писал свое произведение далеко не мальчиком, значит, что-то в жизни повидал, а потому есть чем поделиться с людьми. Разве не интересно товарищам из этих журналов узнать твое или другого простого человека видение мира, жизненных ситуаций, человеческих судеб на целых семистах страницах? В твоих мемуарах речь, наверно, о Дундиче, Пашке, Охотском? Ты же мне никогда не показываешь, что пишешь, потому я вряд ли чего могу посоветовать тебе полезного.

—И не надо показывать, донна Винченция. Вспомни Лермонтова: "Исповедь" Руссо уже имела тот недостаток, что он читал ее своим друзьям". Так что не обессудь, Сержинья, я в чем-то суеверен, потому свою писанину доверяю только себе, теперь вот попытаюсь и журналам. Очень хочется, чтобы спецы прочли мои мемуары да профессионально сказали, на что они пригодны, есть ли в них какие-то крупницы, блески, какую шелуху надо просеять, выветрить. Не знаю, советовал ли кто-нибудь Снегину, Шухову, Ауэзову, Айтматову на их первом литературном пути? Не родились же они корифеями — талант, труд, постоянная учеба сделали их великими. Ну, а мне, донна Долорес, не только широкой литературной дороги, даже тропинки литературной не видать из-за своего хоттабычества. Старики, думаю, мало кому сегодня интересны, и с ними потому мало кто имеет практическое дело.

— Может быть, но терять надежды не стоит. Показать свои мемуары опытным литераторам все-таки надо. Пусть прочтут просто так, для себя — не облысеют же они, в конце концов! Настройся перво-наперво на любимые для тебя "Родные просторы". Время не ждет.

—Насчет времени ты права. С нами, кто идет по седьмому десятку, оно вообще беспощадно. Сегодня ходишь, молодишься, а завтра

раз — и в ящик, что случилось с машинистом Солоповым. Человек был бодрым, любил в баньке попариться, не курил, не пил, заснул и не проснулся. Верь после этого, что смерти без причины не бывает. Потому надо с романом поспешить. Завтра еду в "Родные просторы", с верой и надеждой.

—Ты собирайся, а я помогу тебе. Ты вот не веришь ни в Бога, ни в черта, потому столько и проблем с твоей писаниной. Стихи пылятся со времен Охотского, а все потому, что мы их не благословляли. С мемуарами такого не допустим — я их окроплю священной водой и прочитаю "Отче наш". Тебе вмешиваться не следует: ты так и остался коммунистом, а значит, безбожником.

— Делай, как знаешь... Я сначала нанесу визит редактору "Родных просторов" — все-таки известный поэт, член Союза писателей. Как примет меня этот человек, не знаю, только ты назови в своей молитве и его имя, чтобы твой Бог и на него послал благодать и снисхождение. Запомни фамилию — Валерьев Михаил Александрович.

Однако визит в столицу меня пугал, и я непроизвольно его откладывал, ссылаясь на обстоятельства. Неожиданно подкрался юбилей Морозовой — два тридцатника. По ее признанию, шестьдесят — слишком громко, непривычно, даже боязно звучит для женщины.

Отметили шестидесятилетие бабы Лены тихо, без всяких всплесков. "Как на поминках", — по ухмылке Артема Самородова. Я пил только вино, поддерживать самородовский задор с сорокаградусной себе просто запретил. Женщины же не пили вовсе, отдавая предпочтение душистому чаю с экзотичным тортом. Ах, позавидовать бы нашим землякам, какие прилетают в Орлиную к своим родственникам прямо из Германии почти ежегодно семьями, скопом, а мы даже на поезд по своей стране не можем скопить копейку! Потому никого из дальних приглашать не стали, решив семейный праздник посидеть своим маленьким орлиным мирком.

Морозова, по ее признанию, была и тому рада. Чесноковка с Укладкой обещали навестить нашу обитель не ранее как в середине 2005-го, а пока только телеграфно поздравляли со славным юбилеем. У них там намечались свои события, свои юбилеи и рождение деток.

Поздравил юбиляршу и я, вручив ей красочную музыкальную открытку с излиянием в стихах всяческих пожеланий. Для своей Сигизмунды я наворочал всяческих пожеланий с внуками и правнуками, горой богатства и кавказского долголетия. Но в итоге все выбросил в мусор, оставив всего лишь одно четверостишие:

*"Желаю тебе, Лена, от души
Бодрости, здоровья, долголетия!
И назло генетике прожить
В целом наступившее столетие".*

— Думала, этот талант к старости иссякнет в тебе, а он у тебя даже на седьмом десятке теплится, — похвалила жена.

— Толку-то, кроме тебя, никому это теперь не нужно. О книге уж и не говорю.

— Да, все стало сложнее. Медногорскую область с Орлиным районом, просуществовавшие целое двадцатипятилетие, одним росчерком пера угробили — как врагов народа. А взять нынешнюю газетно-журнальную продукцию? Вспомни, до развала Союза мы с тобой выписывали что-то около пятнадцати изданий, платили символически, теперь же с горем пополам только одну-единственную газетенку, на какую бы не отрывали от своих кровных, не будь нужды в телепрограмме. Может, мы правда жили при коммунизме?

Глава 6 Тернистый путь

В столицу прибыл я ранним августовским утром. Со времени окончания столичного КарГУ, когда мы с Виктором Анкиным тепло попрощались с чудо-городом, здесь я не был в течение всех этих 38 лет. Даже мои снабженческие дороги ни разу не завернули в этот город-сад с его арыками, шашлыками, с его безумной зеленью.

Прошелся по знакомым улицам, постоял у нашего университета. Все так же благоухал университетский парк с его акациями и стройными тополями, ухоженными дорожками и яркими цветочными клумбами. Цветы в этом городе всюду, отчего и люди кажутся кра-

сивыми.

Конечно, хотелось бы встретить друзей, с кем расстался сорок лет назад, вспомнить наши университетские будни, но кто знает, кто из них остался в столице, да и живы ли они, поскольку как все мы были довоенными. Трое из нашей группы как-то промелькнули в "Каз-

правде" и на телеэкране, что заставляло порадоваться за них — парни что-то делали и широко шагнули. Провинциальной Орлиной до республиканских широт, думал я, как свинье до неба.

Настрой же мой в столице был самый решительный — поблизать в нашем отечественном журнале "Родные просторы" и представить редактору только для прочтения мой семисотстраничный роман "Мои дороги". Куда еще податься с ним, кроме этого журнала и журнала "Колос", я не имел представления. В них я отродясь ничего не отсылал, хотя было чего — стихи, три стихотворные поэмы на современную тематику, пятнадцать прозаических вещей, объединенных в единую рукописную книгу под салтыковско-щедринским названием "Пестрые письма".

Но через месяц из "Родных просторов" мне позвонили и предложили роман мой забрать: мол, не все, что пишут их многочисленные казахстанские авторы, достойно журнальных страниц.

После "Родных просторов" я прямиком покатил в город, где выпускался другой журнал Казахстана, "Колос". В "Колосе" у меня вежливо спросили, по какому я вопросу. Услышав, пояснили: мне необходимо к редактору журнала Бондареву, на данный момент он свободен и может принять.

Я знал о Бондареве — известный поэт! Доселе я живых поэтов не встречал и как вести себя с ними, не представлял. Этот моложав, где-то между пятью-шестью десятками, с пышными пушкинскими бакенбардами. Курит трубку, что по нынешним временам редко.

Редактор "Колоса" внимательно выслушав мою боль насчет "Мои дороги", принял все пять папок увесистого романа неизвестного стране писателя, попросил зайти месяца через три — чтобы все прочесть да сделать какие-то правки, нужно время. Если меня эти сроки устраивают, рукопись можно оставить.

Бондарев пояснил, что делает это он лишь для меня как человека уже пожилого, но не знающего специфики литературного труда, работы со словом. Что я этому слову когда-то учился, я от Бондарева утаил, да он и не пытал меня — из принципа или простого безразличия. Что ж, галстука я не ношу и, наверно, мало в облике интеллигентности. Будь я семи пядей во лбу, затеял бы какую-то дискуссию по последней журнальной новинке. Поговорили бы о современных писателях, жизненности их произведений... Но Бог лишними извилинами меня не наделил, потому, оставив свои папки, я молча удалился.

Полгода для меня превратились в вечность. Жил я не ожиданием, а отрешенностью от всех реалий окружающего меня мира. Морозова неодобрительно заметила:

— Для чего, Афанасий Иванович, ты себя так изводишь? Ты пенсионер, значит, бездельник. Там же люди работают, у них, может, каждая минута на учете. А твои семь сотен страниц убористого текста еще навалились... Будь снисходительным! Прочтут и сами как-то дадут тебе о том знать.

— Понимаю, только беспокойно что-то у меня на душе. Три месяца пролетели, и ни единого звонка, не поинтересуются, как поживает их респондент. Просто поинтересовались бы человеком, так ничего же этого нет. Больные не надеюсь я на подвижки Бондарева к моему роману: он человек занятой, завален бумагами, как Эльбрус снегом, и дойдут ли у него руки до моих папок — сомнительно, тем более, даром. Он сам не напоминал ни о какой оплате, потому как я сразу поведал, что я пенсионер, бывший простой работяга, бесребреник. Коль не понравилось, скажет: "Забирайте, товарищ, свой навоз, какой обогреет лишь какую-нибудь печурку".

— Такого умные люди сказать не могут, они просто культурно посоветуют: "Молодой человек, найдите себе другое хобби, ибо работа со словом — это трудная работа, требующая особого дара и таланта". Но это в тебе, дон Педро, есть, и в хороших количествах.

В весну уже нового, с двумя единичками года я еще раз навел на нашу столицу и все тот же журнал "Колос". Редактор принял меня, как старого знакомого, просто и доброжелательно, так же по-сталински раскуривая свою знаменитую трубку. Как и прежде, на столе высились горы бумаг, прочесть которые — надо иметь уйму времени, терпения и, как говорила Морозова, мужества.

У редактора "Колоса" и того, и другого хватало, однако же большой поэт республики выдавал в свет и свои книги. Что ж, думал я, пишущих в стране несть числа, значит, выбрать необходимое всегда есть из чего. Предпочтение, безусловно, делается уже проявившим себя на литературном поприще, мне же рассчитывать на какое-то литературное поле в качестве полезного злака скорее безрассудно. Но Бог с ним, мне и нужно-то только одно — знать, есть ли в романе зерно, на что обратить большее внимание, что переделывать, какие сделать сокращения. Вообще определиться, наличествуют ли в "Моих дорогах" писательские искорки, правильны ли суждения автора о жизни, ее многообразии,

верна ли оценка ситуации и характера героев моего романа или пародии на него...

— А пока, Владимир Афанасьич, скажу только одно: надо много и много работать, — сказал Бондарев. — Человеческое слово — это дар Божий, а по Гумилеву, если помните, слово — это Бог, отчего обращаться с ним велено истинно по-божески. О литературном труде у нас немало сказано. Полистайте хотя бы Александра Фадеева: "Художественное творчество — это один из видов человеческого труда, специфический вид труда, где необходимо, как и во всех других областях труда, настойчиво овладевать мастерством своего дела..." Больше читайте классиков и современных авторов в стране и в мире, не гнушайтесь и журнальных публикаций — журналы более доступны, и в них литературные новинки доходят до читателя более оперативно, нежели через другие издания. Вспомните "Современник" Некрасова и Белинского: "Нам надо сообща стараться, чтобы каждый номер "Современника" был полон жизни и честного направления..." Те же заботы у нас и в нашем "Колосе", так что всем нам важны не только его марка, престиж, но и великая жизненность. Желаю вам удачи! Дерзайте, больше читайте и учитесь, всегда чему-то учитесь, даже в вашем возрасте это вовсе не будет лишним!

Белов сообщил, что мои мемуары правила его зам Надежда Емельяновна Белова, и сейчас они находятся у нее.

— Спасибо, Владимир Романович, за участие, совет и за терпение...

Я понял: редактор "Мои дороги" не читал, значит, и представления о них не имеет никакого. Общую картину могла обрисовать та же зам, но, судя по всему, и она не утруждала себя долгим чтением. Забрав папки у Беловой, я посмотрел ей в глаза. Видал, что ничего определенного она сказать не может, потому как интереса ко мне и к моему дребеденному сочинительству нет никакого.

По правде, другого отношения к себе и не ожидал. Кто я такой? Обычный старикан, простая пешка. Знай я хотя бы алтайский да представься Бондареву как-то иначе, судьба моего романа наверняка имела бы продолжение, а так Орлиная серость укатила со своим толстым фолиантом несолоно хлебавши.

Дома в отчаянии я запустил тюк своего романа куда-то под сервант.

— Да, дон Педро, в обоих журналах тебе сделали хакакири, —

пробовала меня успокоить Морозиха. — Наверно, посчитали, что старик выжил из ума и на старости состряпал какие-то свои откровения души и сердца. Но не будем забывать, в какое время мы живем. Нынче за все надо платить. И за издание книг тоже. Ничего страшного, нынче век такой, так что давай и воспользуемся дарами этого века. Вот в газетах я нашла адрес издательского дома, где из рукописей делают книги. Я отпущу тебе средств, сколько затребуют, а затребуют по-божески, потому как ты более как полста экземпляров своего романа заказывать будешь. Десять раздадим детям, десять — друзьям, ну, а остатки каким-то образом толкнем в Агадыре знакомым, по двести тенге за книгу. Тридцать штук толкнем — шесть тыщенок вернем, а шесть тыщенок — это месяц нам с тобой за телефон, воду, электричество. Так что, Абдрахман Калкенулы, настраивайся и пытай счастья со своим романом и своими виршами в издательствах. Белый свет о твоей книге знать не будет, а родня и друзья порадуются.

— Вот прочла в твоём меркантильном "Колосе" несколько публикаций — ну никак не обойдутся без убийств, без смертей да всякого криминала, — продолжала убеждать меня женушка. — А где же вещи о нашей жизни, о человеческих судьбах, как, скажем, в книгах "Битва в пути", "Хочу быть счастливой"? Очень понравились в "Колосе" "Мои земляки" Николая Сидорова. В нём речь об Ащикуле, какой вовсе не на куличках, а совсем недалеко от твоей Белозерки. К тому же, там рассказ о людях твоего края, их боляном труде в прошлом и теперь. Нынешнее положение ащикульцев сродни нашему, орлинскому: у них рушат старые здания и постройки коммунистической поры, погибли телефонная связь и автобусное движение, центральное отопление и самрайон, прекрасные кирпичные здания коммунистической поры — школа в два этажа, детсад, пекарня, райбыткомбинат. И у нас то же: вместо автовокзала выросла мощная автозаправка с магазином. Автобусного движения в поселке не стало, частники на своих легковушках теперь набивают карманы. Сумеют ли нынешние руководители Ащикуля и Орлиной вернуть поселкам былую славу — неизвестно, только у людей осталась надежда. Видно, Бог и впрямь устал от людей, оттого ащикульцам и орлинцам такое наказание... Нынче книжки пошли, как и кинофильмы — сплошь убийства, смерти, разврат да криминал, наркомания да порно, будто другой жизни у народа не существует. Для кого все это пишется да показывается? Не слышала, чтоб общественность возмущалась да протестовала, одни мы,

старики, и возникаем. А вспомни фильмы нашей молодости — "Большая жизнь", "Поезд идет на восток", "Весна на Заречной улице", "Максим Перепелица", "Наш милый доктор", "Девушка-джигит", "Гость с Кубани", "Поддубенские частушки", "Семеро смелых", "Солдат Иван Бровкин", "Любовь и голуби"... Книжки? "Мужество", "Кавалер Золотой Звезды", "Горькая линия", "Русский лес". У героев этих лент и книг были удивительная сила жизненного любия, преданность долгу, чистота помыслов и поступков, искренность чувств и дружбы, открытость души. Я все это к тому, Себастьян, если у тебя герои не режут, не стреляются, не убиваются и не наркоманят, что явно не соответствует духу сегодняшнего дня, то гнить твоим произведениям в редакциях до скончания века. А закрути ты какой-нибудь криминал с наркотиками, грабежом, взрывами, подлогом, то твоя продукция, Сигизмунд, непременно проскочила бы, как у Дарьи Донцовой. Но ты не Агата Кристи и подобной тематикой никогда не интересовался, она тебя не привлекала, ты всегда верил только в добро. Вот и остается сдаваться на милость частным издательствам. В одном тебе сделают "хэнде хох" — иди в другое. Лишь бы только твои мемуары увидели свет. Я все же верю в новых людей, какие сделают культуру и литературу, доступную всем. Думаю, заметят и роман Владимира Морозова. Заметили же потомки Владимира Высоцкого! Будем надеяться на лучшее, дон Баул. Надежда умирает последней.

— Да, Мария ду Сокору, нам это только и остается. Казалась бы, книга закончена — радуйся, так нет же: написать, оказывается, даже проще, нежели пробиться в печать со своей писаниной. Да мне-то и нужно на первых порах только мнение специалиста, его справедливый приговор, а больнее совет участливый, даже дружеский. Все же и я какой-никакой словесник, любитель литературы, ставшей моим хобби.

Видя мои сомнения, Морозова как-то сказала:

— Коля ты, Тугамбай, так мечешься со своими мемуарами, рискуешь обратиться в управление дороги, в нынешнее РГП. Твоя книга, как ты говоришь, о железнодорожниках, так и обратись к кому-то из руководителей дороги, какой ты отдал сорок лет жизни, теперь вот высказал любовь к ней и думы о родной "железке", ее красивых людях, тружениках, творцах. Возможно, кто-то из бывших железнодорожников как-то поспособствует твоей книге, поможет увидеть ей свет.

Да, РГП могло бы стать и своеобразным спонсором. Только ну-

жен ли ему пенсионер, хотя и бывший железнодорожник? Мало ли чего он там написал! У пенсионеров времени девать некуда, вот они и ударяются кто во что горазд: одни на составление кроссвордов набрасываются с мечтой на "Поле чудес" попасть, другие — на огородные культуры, экспериментируют, срагивают да скрещивают, фору самому Мичурину пытаются дать. Третьи и вовсе с катушек слетают, в стихи ударяются, романы да разные воспоминания пишут... Нет, на РГП надежд тоже питать не следует. Если кто-то и прочтет рукопись, увлечется, даже узнает себя или своих коллег, но добро книге дать могут лишь специалисты. А искать их нужно не иначе как в газетах, журналах, всяких издательствах, каким дает жизнь боевой журналистский народ.

Что ж, первый заход к работникам пера я уже сделал. "Колос" дело свое знал туго, потому мемуары мои для него — истинный мусор. Допустил к себе лишь для очистки совести перед пожилым человеком. Не лучшими оказались и "Родные просторы".

Почему-то верилось: в мемуарах моих зерно есть. Только как его прорастить, с чьей помощью? Наверно, Морозова все-таки права — без денег в наши дни света белого им не видать.

Ах, бесценный друг мой, мой вечный жизненный спутник, моя нестареющая Мария ду Сокуру, Духинья, Рижина, Анабелла, бесценный и вечный хранитель нашего домашнего очага, жизненных ценностей и морозовской семейственности! Мои проделки молодости — Восковая с Натальей — остались лишь в воспоминаниях, да и то без трепета и теплоты, сердце мое о них теперь вообще не помнило. Да, моя посеребренная Морозиха, немало я покуролесил, но всегда оставался рядом с тобою. Худо-бедно, а жизнь мы сделали. Чего нам сейчас? Сын определен, внуки выросли: Маринке недавно золотые девятнадцать исполнилось, а Артемке — целых пятнадцать. Каждый год на каникулах в Орлиную приезжают, зовут к себе.

Ах, детки, рады бы с бабушкой в рай, да все те же денежки не пускают. Будь они у нас — за счастье бы посчитали жить в вашей Укладке. Нам, пенсионерам, взять их негде. Могли бы как-то помочь "Мои дороги", только они современным перестройщикам что горожанину лапти. Остается ждать, когда придут новые времена, и люди стряхнут пыль со своего не столь уж и отдаленного предка, глядевшего на мир чистым и влюбленным взглядом, с открытой душой и человеческим откровением, верившего в счастливое будущее его страны, его народа, его маленькой и нежной родины — Орлиной...

В 2004-ом чертова дюжина марта падала на субботу, что подвигло Морозову как-то особенно расположиться к моему теперь уже шестидесятипятилетию. Стол был щедрым и изысканным, но застольщиков на этот раз оказалось лишь две семьи — Морозовы да Самородовы. Лили красное крепленое вино "Порто" и крутили видеопленки из Укладки, привезенные нашими детьми в свой прошлый приезд.

Артем Самородов с "родимой" завязал еще в шестьдесят, но в пивке отказать себе никак не мог. Ящик с каждой пенсии его вполне устраивал и не раздражал семью. Надежда с Оксаной на пивные расходы не накладывали табу, считая, что они не разоряют семейный бюджет.

Да, за горбом уже шестьдесят пять, срок для орлинских пенсионеров критический. Некоторые, правда, умудрялись дотянуть до семидесяти и даже с хвостиком, но то был больше народ рядовой, не наши железнодорожные локомотивщики, кто всю жизнь возил грузы и людей, водил поезда.

Я и в 2004-ом не посещал поликлиники. Сейчас надо за все платить, чего я не мог себе позволить болыне из принципа. Вот не шли бы все люди в эти самые поликлиники да больницы, лечились бы своими средствами, травами да примочками — больницы опустели бы и развалились в пух и прах! Хаос? И пусть! Трезвые головы тогда и заработают, тем более, что пример бесплатного лечения и того же образования у нас уже был семьдесят лет!

К счастью, болезни в моей старости доставали меня мало, в отличие от друзей, жаловавшихся на свои хвори да недуги и винивших во всем безлесный орлинский климат и его попутчицу — радиацию. Я же, по сравнению с другими, редко простуживался и вообще ни на что не жаловался. Иногда, правда, донимали зубы, но Морозова умудрялась утихомиривать боль своими средствами, чему я не противился. Ее микстуры и таинственные шептания делали свое доброе дело.

Свои ежедневные прогулочные пять-семь километров исполнял я исправно, также круглогодично обливался холодной водой, не забывая и о традиционной физзарядке. Может, все это в комплексе мне как-то и воздавалось, только чувствовал я себя, и впрямь, тридцатилетним, готовым бегать ускоренной трусцой даже целую пятикилометровку, чего не разделяла моя Мария ду Сокуру, ссылаясь на рекомендации бывалых людей, какие бег после сорока считали бесполезным и даже опасным.

Я благодарил судьбу и Бога за свое здоровье, нередко задумывался: Господи, надолго ли ты так щедр? Ладно, Алеко, мой одноклассник и друг, внял моей просьбе не забирать меня к себе до 2029-го, а ты-то, Владыка?

Я спрашивал и анализировал свою жизнь. Нелегкой была она как бы не с самого моего рождения. Война хоть и в дальних краях от Белозерки, а делала свое черное дело со всеми. Детства у меня не было ни во время войны, ни после. Хоть и первоклассником был в то время, на поле увозили и нас, малышей, где приходилось собирать хлебные колоски. Теперь-то, Господи, только и вздохнулось: стол не пуст, и мир вообще прекрасен. На что обижаться?

По Морозовой, я здоров, как бык, ум живой, работает. Работает все над теми же "Моими дорогами", где я нахожу немало погрешностей и элементарных ошибок. Но что делать дальше, куда податься с этими семейными страницами?..

После торжественного шестидесятилетнего юбилея Великой Победы я с какой-то оказией оказался в областной газете "Индустриальный Углеград", ставшей нам с Морозовой настольным чтением. После "Медногорской правды", погибшей вместе со своей областью и нашим Орлиным районом, просуществовавшим целое двадцатипятилетие, неизвестно кому в отместку мы с моей Бабкой-Ёжкой несколько лет вообще ничего не выписывали, надеясь на возрождение Медногорской области и ее газеты. Но надежды наши не оправдались.

В "Индустриалке" Морозова знала мало, потому как не за что было знать. Писал я в эту газету редко, кочевряжился, больше пытая себя в маленькой "районке" да в родимом "Железнодорожнике". По возвращению из Углеграда поставил Морозову перед фактом:

— Может, на этот раз повезет. В "Индустриальном Углеграде" газетчики обещали мою книгу обревизовать и сказать, чего она стоит и стоит ли вообще ею заниматься. Что важно — все задарма. Может, просто из сожаления к моим старческим годам и, наверно, к нашим пенсионным кровным.

— Ах, Потыкаев, Потыкаев, ты и в Год Петуха будешь смешить редакции своей книгой? Ну, будешь ты бегать, хлопать крыльями, хохориться, кукарекать, создавать много шума из ничего, о чем скажут тебе и по адресу твоей книги... Не знаю, как сложатся твои дела с твоим объемным томом, но что в расходы ты меня пускаешь —

знаю точно. Не обидно, если бы был хоть какой-то просвет, так ведь кругом мрак и пустота. У тебя с твоей книгой кругом истинно тернистый путь, и где его конец, неизвестно. Не один ты писучий на белом свете, и что же, всех вас печатать? Если бы твоя вещь хоть чего-то стоила, на нее бы еще в "Колосе" обратили внимание, там уж точно не Ваньки с пивзавода сидят. Перво-наперво, как я думаю, надо твою книгу хорошенько подсократить: редакции твои семьсот страниц, на мой взгляд, просто пугают. После "Колоса" ты и сам как-то засомневался в своем творении, недоволен, делаешь много правок и считаешь свою книгу мусором, но с блестками, выбрасывать какие просто жаль. То же самое тебе, наверно, скажут и в "Индустриальном Углеграде", да может, еще посмеются над проделками Орлиного дедугана, пытающегося выйти на большую читательскую тропу. Читаю вот эту газету — ну, в ней истинные Мариэтты Шагинян, Татьяна Тэсс, Василий Песковы да Валентины Овечкины. Уж они-то цену слову знают и сделать харакири твоим "Мои дороги" сумеют похлеще твоего "Колоса"!

Вкусности в "Моих дорогах" все-таки были мною заварены, вот только нашелся бы кто-то, кто смог бы все это распробовать. В "Колосе" не пытались и вообще пнули меня с силой, так что я летел и кувырвался до самого Топара с пересадкой в Осакаровке. В "Родных просторах" намекнули: не надо питать надежд. А в "Индустриальном Углеграде" вообще сделали ноль внимания и два презрения на орлинскую серость.

Не знаю, серость у меня или не серость, только в глаза мне этого пока ни разу не говорили. Может, о том сказал бы большой поэт и редактор "Колоса", который единственный из всех мой роман все-таки прочел от корки до корки. Но он ничего не успел мне сказать, потому как внезапно заснул и не проснулся 25 августа 2012-го. Встречи у меня с ним были трижды; я чувствовал всем сердцем, что поэт мой роман заинтересовал. Правки на полях красными чернилами мне мало чего говорили, но кое-какие выводы я все-таки делал.

Что удивительно, в "Индустриальном Углеграде" "Мои дороги" не впечатлили даже рядового литраба, мнение какого я бы принял как должное и на своей шестистотстраничной "лапше" поставил бы жирный крест. Наверно, давно бы следовало это сделать, только это чертово слово тянется к перу как бы не с третьего класса, перо — к бумаге, и не дает мне покоя даже на дембеле. Притаиться бы да

жить тихо, сопеть в две дырочки да гонять чай с кофе, так нет же — питекантроп чертов, жить хочется шумно, толкаться в печати или оксло нее! Куда теперь с этими страницами?

В большой печати на меня просто подняли ногу, в "Индустриальном Углеграде" раздели меня глазами. Конечно, есть еще выход — просто оставить мою "лапшу" преть где-то в диване или под диваном на вечные времена. Может, время и потомки их обнаружат и пустят в ход. Говорят, в истории уже такое бывало. Может, случится подобное и со мной? По поводу всех этих мыслей почему-то припомнился Блок: "О, нищая моя страна, что ты для сердца значишь? О, бедная моя жена, о чем ты горько плачешь?"

Прошибала слеза и меня. От бессилия и безнадёжности, от безразличия пишущих светил к своему провинциальному, незаметному и неизвестному собрату, пробующему свое перо. А ведь Шкреба, дай ему Аллах здоровья, не раз говорил, что такой дар у меня есть, надо только его выплеснуть. Вот и выплеснул...

В старое коммунистическое время в газетах существовали "Литературные страницы", где пробовали свое перо доярки, трактористы, чабаны, школьники, простые домохозяйки и пенсионеры. Нет, беллиберды в их творениях не было, там была жизнь, была душа, была правда жизни и откровенность, там была вера в будущее, в себя и в свою страну, потому как ее просто любили и берегли.

А со своей книгой, если и частные издатели дадут ей от ворот поворот, поступлю не иначе как Гоголь со своими "Мертвыми душами" или как Герасим с Муму: пусть тонет, а сердце мое разрывается на части от злости и жалости. Общество от этого ничего не потеряет, как не потеряет и казахстанская литература. Что мне останется? Вспоминать Шиллера: "Спящий в гробе, мирно спи, жизнью пользуйся, живущий!"

Свят-свят, но я-то еще живой, топчу грешную землю, упираюсь и кувыркаюсь и хочу "Мои дороги" осязать предметно, вживую — сегодня, завтра, сейчас, ибо на моем седьмом десятке послезавтра может меня и не застать. Пусть книга в чем-то биографична, только ценность ее все же в людях, с какими я жил, общался, учился жизни. Где они сейчас? Те же Павло, Федор, Шап, Чугунов, Охотский, Шкреба, Михнюк, Восковая, Наталья? "Мои дороги" могли бы воскресить былое, ее герои уж точно узнали бы себя и, может, как-то и отозвались бы: книга-то для них делалась, потому как они были героями своего времени.

А перед визитом к моим к издателям в июне 2013-го, в гремучем Году Змеи, моя Гульчатай-Шюнгүльханым, тетушка Зюрель Бекрет, матушка Ханифе, красавица Хамин Эргюн, кормилица Хатидже, добрая хозяйка Шукраозежен, почерпнутые из увлекшего теперь Морозову нового турецкого сериала "Большая ложь", провожая меня в далекую дорогу, перекрестила и сказала:

— Слушай, Кульжамбек-оглы! Пусть твой роман уподобится птице, тому же голубку. И летит по белу свету наподобие голубка из песни к кинофильму "Огонь любви", что бежал на "Евразии". Думаю, в том есть какая-то надежда на Всевышнего и добрых людей, к которым ты будешь обращаться:

*"Ты лети, голубок, в поднебесную высь,
Ты лети, голубок, на все стороны,
Но смотри, не вернись,
Но смотри, не вернись черным вороном..."*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
-------------------	---

Часть I.

Глава i. Знакомство.....	6
Глава 2. Орлиная глазами гостя.....	14
Глава 3. Практика — всему голова.....	21
Глава 4. Не так страшен черт	26
Глава 5. Орлиные вечера	37
Глава 6. Если б гармошка умела.....	56
Глава 7. Что год грядущий.....	65
Глава 8. Весна-красна.....	81
Глава а. Хочу учиться, хочу жениться	90
Глава ю. Горько!	98
Глава 11. Будни.....	104
Глава 12. Федор плюс Лиза.....	116
Глава 13. Человек родился.....	132
Глава 14. Повторение — мать учения	144
Глава 15. Студент — звучит гордо.....	153
Глава iб. Трудно в учении — легко в бою.....	156
Глава 17. Женатый холостяк	164
Глава 18. Новая метла.....	168
Глава 19. Под стук колес.....	173
Глава 20. Любовь — не картошка.....	184
Глава 21. Вирши мои, вирши.....	193
Глава 22. Разговор на эту тему.....	196
Глава 23. Жизнь, как она есть.....	207
Глава 24. Тихий юбилей.....	219

Часть II.

Глава i. Великое начало	226
Глава 2. Горе горькое	236
Глава 3. На перепутье.....	245
Глава 4. Это партии нужно	256
Глава 5. Жизнь ты, жизнь.....	266
Глава 6. Злой рок на Пионерской	276
Глава 7. Мечты и будни	281

Глава 8. Цветы запоздалые.....	286
Глава д. Ах, сердце, сердце.....	296
Глава ю. Мой дом — моя крепость	301
Глава 11. Что год грядущий.....	313
Глава 12. Трагедия	331

Часть III.

Глава i. Жить хочется.....	344
Глава 2. Жизнь, будь добра	351
Глава 3. Хочу быть счастливой.....	355
Глава 4. Дороги, дороги.....	358
Глава 5. Не искать лучшего.....	365
Глава 6. Свершилось!	370
Глава 7. Радости и тревоги.....	376

Часть IV.

Глава i. На шестом десятке.....	380
Глава 2. Мелочи жизни	386
Глава 3. Снабженческая круговерть	393
Глава 4. Черный год	398
Глава 5. Живу!	408
Глава 6. Тернистый путь	426

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 27,5 п.л.
Заказ № 856. Тираж 50 экз.
Отпечатано в типографии ТОО «АРКО»,
г. Караганда, ул. Сатпаева, 15.
Тел.: 41-17-80.
\\y\y.arko-print\1<2